

*Отечественные
исследования
по античной
и средневековой
истории*

В. П. Бузескул

ИСТОРИЯ АФИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Вступительная статья
профессора Э. Д. Фролова

Санкт-Петербург
2003

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)321
Б90

В. П. БУЗЕСКУЛ — ИСТОРИК АНТИЧНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Бузескул В. П.

Б90 История афинской демократии / Вступ. ст. Э. Д. Фролова; науч. редакция текста Э. Д. Фролова, М. М. Холода. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. — 480 с. — (Серия «Studia Classica»). ISBN 5-93762-021-6

Предлагаемый вниманию читателей фундаментальный труд выдающегося российского историка-антиковеда В. П. Бузескула (1858—1931), впервые изданный еще в начале XX века, до сих пор остается самым основательным на русском языке изложением политической истории одного из наиболее знаменитых городов-государств древнего мира — Афинской республики. В данной книге, которая, несмотря на свой «почтенный возраст», и сегодня не вышла из активного научного оборота, на фоне общей истории античной Эллады последовательно и весьма подробно рассматривается развитие Афинского демократического государства начиная с древнейших времен и заканчивая эпохой эллинизма, когда Афины утрачивают свою самостоятельность, а вместе с ней и свое политическое значение.

«Историю афинской демократии» отличает не только фактологическая полнота и строгая научность суждений, но и блестящий литературный язык, который, несомненно, делает книгу увлекательной и доступной не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, интересующихся античной историей и культурой.

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)321

ISBN 5-93762-021-6

91785937116202 1 7"

© Э. Д. Фролов, вступительная статья, 2003
© М. М. Холод, приложения, 2003
© Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2003

Для всякого мало-мальски образованного человека бесспорным является фундаментальное значение культурного наследия античности для становления и развития европейской цивилизации Нового времени. Это значение может быть определено одним понятием — *культура классицизма*, которая стала основой и нормой для европейского гуманизма начиная с эпохи Возрождения. Архитектура и изобразительные искусства, художественная литература и театр, важнейшие отрасли гуманитарной науки, и в первую очередь философия и история, наконец, общие образовательные и воспитательные принципы — всё наиболее существенное в гуманистической европейской культуре всегда (по крайней мере, до XX столетия) было пронизано духом античности, опиралось на достижения и образцы неисчерпаемого культурного богатства греко-римского мира.

Но не только в области культуры как таковой ощущалось определяющее воздействие античного наследия — оно заметно также и в более общей сфере политического развития Европы. Сначала строители абсолютистской монархии нашли для себя естественную идеологическую опору и образцы для подражания в державных построениях Александра Великого и эллинистических царей, в военной диктатуре Цезаря и Августа. Затем творцы нового республиканского строя обрели для себя не менее прочную опору в демократических принципах античного гражданского общества. Современному миру, в особенности тяготеющему к гражданским свободам, должен сильно импонировать тот опыт демократического строительства, который был продемонстрирован в Греции классического времени (V—IV вв.), а более конкретно — в Афинах времени Перикла (461—429 гг. до н. э.). Отсюда — актуальность обращения к истории афинской демократии, что подтверждается богатством и интенсивностью соответствующей научно-исследовательской работы.

Надо, однако, оговориться: сказанное относится именно к западной науке, в меньшей степени — к отечественной, к русской. В самом деле, в западной историографии практически в каждой крупной национальной школе в два последних столетия прослеживается ряд фундаментальных исследований, посвященных афинской демократии. Если отвлечься от фигур основоположников, таких как апологет афинской демократии Дж. Грот или ее критик Карл Юлиус Белох, если ограничиться только новейшим периодом (после Второй мировой войны), то на память приходят имена таких исследователей, как Арнольд Джонс, Мартин Оствальд, Рафаель Сили, Могенс-Херман Хансен в англо-американской литературе, Поль Клоше и Клод Моссе — во французской, Иохен Блейкен — в немецкой.

В России ситуация оказалась иной в силу особых условий как собственно научного развития, так и политической жизни. Здесь обращение к теме афинской демократии было более прерывистым, то выливаясь в существенно значимые разработки, а то затухая на длительные промежутки времени. Напомним, что русская наука об античности сформировалась в оригинальное предметное направление сравнительно поздно, лишь в первой половине XIX в. Основателем этого направления стал выдающийся представитель науки всеобщей истории в Петербургском университете, которого временами называют родоначальником Петербургской исторической школы, Михаил Семенович Куторга (1809—1886). Замечательно, что у этого архегета русского антиковедения рано обнаружился интерес к проблеме античной гражданской общины, полиса, к основам и формам самой блестящей из городских республик Античной Греции — к афинской демократии. Мы имеем в виду его капитальное исследование «Афинская гражданская община по известиям эллинских историков», опубликованное в рамках посмертно изданного «Собрания сочинений» М. С. Куторги (Т. I-II, СПб., 1894-1896).

Наметившееся таким образом весьма перспективное исследование проблем социальной жизни и политических форм античного мира скоро, однако, пресеклось. Причиной тому была смена ценностных научных ориентиров. Следующее за Куторгой поколение ученых-антиковедов стало ощущать недостаточность проделанной к тому времени источниковедческой работы, незавершен-

ность исследования и реконструкции исторических фактов, а стало быть, и преждевременность обращения к более общим проблемам. В последней трети XIX столетия взоры значительной части историков классической древности обратились от постижения общей формы или идеи античности в духе М. С. Куторги к частным историко-филологическим изысканиям, в особенности на основе эпиграфических документов, ради возможно более достоверной реконструкции исторических фактов. Начинателем этого нового этапа стал тоже петербуржец Федор Федорович Соколов (1841—1909), воспитавший целую плеяду выдающихся исследователей-аналитиков, составивших самое влиятельное направление в дореволюционном русском антиковедении.

Однако расцвет аналитических историко-филологических штудий не исключал сохранения у части антиковедов более широкого интереса к культуре и цивилизации античного мира, что обусловило параллельное развитие культурно-исторического направления, представителями которого были в Петербурге Н. М. Благовещенский и Ф. Ф. Зелинский, в Киеве и позднее в Казани — Ф. Г. Мищенко, в Одессе — Э. Р. Штерн. А затем, на рубеже XIX—XX вв., диапазон научных интересов и занятия и вовсе невероятно расширился за счет появления новых, можно сказать, современных направлений — социально-политического и социально-экономического. Их формирование несомненно стояло в связи с обозначившимися именно тогда радикальными переменами в жизни самого русского общества. Мы имеем в виду стремительное развитие современного капиталистического хозяйства и соответственное резкое обострение социальных отношений. Характерной чертой этих новых направлений было стремление к системному постижению и интерпретации античности как своего рода предвосхищения или же, наоборот, антипода современной цивилизации с тем, чтобы таким путем, через социологическое сопоставление, найти подходы к более глубокому проникновению в суть общего исторического развития, а более всего — к пониманию существа так называемых переломных эпох.

Таким образом обозначился новый поворот в дореволюционном русском антиковедении. Если в последние десятилетия XIX столетия, по примеру Ф. Ф. Соколова, взоры многих обратились от общих проблем к исследованиям частного, аналитического харак-

тера, то теперь состоялось как бы возвращение на круги своя, с той, однако, существенной разницей, что новое обращение к социологической интерпретации античности свершилось на гораздо более прочной фактологической основе, а стало быть, могло претендовать и на большую глубину.

Эти новые явления отчетливо выступали в ученой деятельности различных университетских центров. Так, в Москве выдающийся историк Р. Ю. Виппер (1859—1954) в своих общих курсах убедительно показывал, насколько тесно связана политическая история древней Греции и Рима с их социально-экономическим развитием. В Харькове другой замечательный представитель науки всеобщей истории В. П. Бузескул (1858—1931) возвел на совершенно новый уровень исследование политических форм античного мира, глубоко, в контексте социальной истории, проследив рождение и развитие наиболее совершенной из этих форм — афинской демократии. В Петербурге И. М. Гревс (1860—1941) и М. И. Ростовцев (1870—1952) своими исследованиями экономической жизни древнего Рима заложили прочный базис изучения экономики всего античного мира. Первый, проследив эволюцию аграрных отношений в Риме, показал, как постепенно формировались крупные землевладельческие хозяйства, ставшие предшественниками будущего феодализма. Второй подверг скрупулезному анализу наиболее значимое явление античной экономики — откупную систему, открыв тем самым перспективу изучения как экономической политики античного государства, так и частного предпринимательства. Со своей стороны выпускник Московского университета, ставший профессором в Казани, М. М. Хвостов (1872—1920), опираясь на новый массовый материал папирусов и надписей на черепках (острака), много сделал для изучения торговли и промышленности в столь своеобразном регионе древнего мира, каким был греко-римский Египет.

Увы, это разнообразие и полнокровие современного научного поиска было вновь остановлено, на этот раз внешней силой — идеологическим диктатом утвердившейся в результате Октябрьской революции советской системы. Диапазон научных интересов отечественных историков был решительно сужен, занятия античной историей были искусственно сведены к изучению социально-экономических структур древности, трактуемых, в строгом соот-

ветствии с марксистским формационным учением, как явления единого рабовладельческого строя. В силу такого догматического подхода засохли, что называется, на корню все прочие направления, не укладывавшиеся в прокрустово ложе официальной советской науки, — и аналитическое, историко-филологическое (оно, разумеется, в первую очередь, как лишенное всякой актуальности), и культурно-историческое и даже социально-политическое. Судьба последнего особенно примечательна: будучи по природе своей близко стоявшему господствующим социально-экономическому направлению (в официальном, конечно, выражении), оно как раз в силу своей актуальности, в силу внутренней потенции к опасным политическим сопоставлениям, было поставлено под жесткий контроль и обречено на застой.

Так или иначе начавшееся вторично плодотворное изучение проблем античной демократии вновь было прервано. Лишь с наступлением политической оттепели (после смерти И. В. Сталина в 1953 г.) началось постепенное возрождение полнокровного, свободного от идеологических шор изучения античности — не только ее социально-экономического базиса, но и политических форм, и всех разнообразных явлений культурной жизни древних греков и римлян.

В этой связи стал снова оживать интерес к истории демократических Афин. В Ленинграде профессором Ксенией Михайловной Колобовой была предпринята попытка проследить развитие самого города Афин и его культуры в контексте афинской политической истории (монография «Древний город Афины и его памятники». Л., 1961). В многочисленных частных этюдах стали исследоваться отдельные этапы и аспекты формирования афинского полиса: так называемая Килонова смута (С. И. Радциг), реформаторская деятельность Солона (К. М. Колобова, С. Я. Лурье), борьба политических группировок в VI в. до н. э. (К. К. Зельин), традиция о Писистрате (М. В. Скржинская), реформы Клисфена (С. Я. Лурье, В. М. Строгоцкий, С. Г. Карпук). Взоры исследователей обратились и к классическому периоду афинской истории — к истории образования Афинской морской державы (многочисленные статьи А. Е. Паршикова), к проблеме отношений державного афинского полиса с его сателлитами (С. Я. Лурье, Л. А. Сахненко), к истории афинских поселений за пределами Аттики (тот

же А. Е. Паршиков и Н. А. Касаткина), наконец, к чрезвычайно важной проблеме взаимосвязи державной политики и демократического строительства в Афинах (М. В. Кондратюк).

В русле этих частных исследований явились и попытки более общего рассмотрения феномена афинской демократии. Мы имеем в виду источниковедческие и собственно исторические работы В. М. Строгеецкого¹. Затем — предпринятое совместно Л. П. Маринович и Г. А. Кошеленко издание исторических материалов, сопровождаемое прекрасными статьями о становлении демократии в Афинах и об уроках античной демократии вообще². Наконец, курс лекций той же Л. П. Маринович об афинской демократии позднеклассического времени, особенно ценный вниманием к новым научным подходам, опробованным в западной историографии³.

Тем не менее ретроградное воздействие советского официоза оказалось столь значительным, что до сих пор мы не располагаем полноценным современным общим пособием по истории афинской демократии. В этих условиях понятно наше обращение к наследию классической русской историографии, которая таким пособием располагала. Мы имеем в виду прекрасную книгу «История афинской демократии» харьковского профессора Владислава Петровича Бузескула, книгу, созданную еще в начале прошлого века, но не утратившую своей ценности и поныне. Но дело не только в самой этой книге — обращение к ней может дать повод познакомиться с одной из самых импозантных и вместе с тем привлекательных фигур в русской науке об античности. Мы убеждены, что читатель не пожалеет, потратив толику времени на это знакомство. Тем самым он сможет соприкоснуться с той далекой, безвозвратно ушедшей эпохой, которая, может быть, являла собой апогей культурного подъема России. Вместе с тем, очевидно, что этим

¹ *Строгеецкий В. М.* 1) Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987; 2) Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991.

² Античная демократия в свидетельствах современников / Издание подготовили Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1996.

³ *Маринович Л. П.* Античная и современная демократия: новые подходы. Курс лекций. М., 2001.

он подготовит себя к должному восприятию и правильной оценке единственного до сих пор в отечественной литературе общего труда об афинской демократии. Ибо ключ к пониманию творчества как художника, так и ученого вне всяких сомнений заключен в его биографии⁴.

Будущий историк афинской демократии родился 24 февраля (старого стиля) 1858 г. в селе Поповка Изюмского уезда Харьковской губернии. Происходил он из старинной служилой семьи молдавского происхождения: родоначальник этого семейства вышел из Молдавии и поступил на военную службу в России еще в начале XVIII в. Уже в детстве Бузескул пристрастился к чтению исторических книг. Особенным толчком в этом направлении стало для него знакомство с популярной биографией А. В. Суворова, которую подарил ему домашний учитель, студент-медик Э. В. Арльдт, готовивший его к поступлению в гимназию. «Книжка эта, — вспоминал позднее Бузескул, — быть может, случайность, сыграла боль-

⁴ Для изучения жизненного пути и ученой деятельности В. П. Бузескула важны, прежде всего, его собственные автобиографические очерки и заметки: 1) Бузескул В. П. // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Харьков, 1908. С. 287–291; 2) Образы прошлого (из моих воспоминаний) // *Анналы*. Т. II. 1922. С. 228–246 (о годах учения в харьковской гимназии и университете); 3) Речь в ответ на приветствия и доклады в заседании научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры 1 апреля 1928 г. // *Наукові записки. Праці науково-дослідчої катедри історії європейської культури*. Вып. 3. Харків, 1929. С. 5–9; 4) Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. II. Л., 1931. С. 180, 191–192. — Далее см.: *Гольдин Н. С.* Профессор В. П. Бузескул как историк античного мира // Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914. С. X–XVII; *Успенский Ф., Марр Н., Бартольд В., Платонов С.* Записка об ученых трудах профессора В. П. Бузескула // *Изв. Росс. Академии наук*, серия VI. Т. XVI. 1922, № 1–18. С. 111–114; *Жебелев С. А.* Академик В. П. Бузескул (некролог) // *ИАН ООН*. 1931, № 10. С. 1065–1085. — Списки трудов В. П. Бузескула имеются: 1) в сборнике в его честь: С. XVIII–XXIII (№ 1–100 за 1881–1913 гг.); 2) в некрологе, составленном С. А. Жебелевым (№ 101–136 за 1915–1931 гг.); 3) *Кантерева С. Н.* Хронологический указатель трудов В. П. Бузескула // *ВДИ*. 1946, № 4. С. 172–180 (наиболее полный список, включающий в себя 186 номеров за 1881–1931 гг.).

шую роль в моей дальнейшей судьбе: я полюбил историю, первоначально преимущественно историю войн, подвигов»⁵.

В годы обучения в харьковской классической гимназии (1868—1876) этот интерес к истории еще более укрепился благодаря воздействию преподавателя этого предмета, мастера исторического рассказа Н. Ф. Одарченко. В классе, вспоминает Бузескул, «все с напряженным вниманием и увлечением слушали его, будь то рассказы о подвигах Геракла или о Петре Великом, о рыцарстве, крестовых походах»⁶.

Жизнерадостная атмосфера первых лет обучения в гимназии затем, после проведения в жизнь затеянной министром просвещения графом Д. А. Толстым реформы, сменилась ощущением гнета, чувством подавленности. «Воцарилась толстовская система, сухая, беспощадная, с ее крайней, бездушной регламентацией, с ее мнимым классицизмом, а в действительности — грамматизмом. Нас подавляла грамматика, которая нам опротивела; мы учили массу ненужных правил и исключений; нас мучили переводами с русского языка на древние, "экстемпоралиями", которые мы ненавидели. На содержание читаемых авторов, на античную жизнь обыкновенно не обращалось внимания. Если кто-либо из нас предлагал учителю вопрос, касавшийся этой области, то учитель большею частью отделялся кратким ответом и спешил перейти к "главному", к "делу" — к тексту, переводу или к грамматике»⁷.

Несомненно это резко отрицательное отношение Бузескула к «грамматизму» классической гимназии объяснялось его изначальным духовным устремлением, рано обнаружившейся в нем склонностью к занятиям именно историей. Отсюда та негативная реакция, которую нельзя было бы ожидать от «соколовцев» В. В. Латышева или С. А. Жебелёва с их столь же рано проявившейся филологической ориентацией. Как бы то ни было, позднее Бузескул признавал, что, несмотря на известные теневые стороны, он многим был обязан старой классической гимназии: «Гимназия дала мне прочные элементы знания, приучила к неустанному труду,

поддержала и развила интерес к любимому мною предмету — истории; самый классицизм, тогда проводившийся, впоследствии пригодился мне при моих занятиях греческой историей»⁸.

По окончании гимназического курса в 1876 г. Бузескул поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета. В ту пору там было три отделения: классическое, словесное (или славяно-русское) и историческое. Бузескул выбрал последнее, и это надо подчеркнуть: из крупных дореволюционных специалистов-антиковедов Бузескул был одним из немногих, кто по основному своему образованию был не филологом-классиком, а историком. Впрочем, филологическая его подготовка была основательной: прочные знания древних языков были заложены уже в гимназии, да и в университете специализация начиналась только с 3-го курса, а до того все студенты историко-филологического факультета равно продолжали совершенствоваться в классической словесности. Тем не менее характерны признания Бузескула насчет того, какие из читаемых древних авторов нравились ему: Фукидиду он отдавал предпочтение перед Платоном, Тацитом — перед Теренцием⁹. Он был неколебим в своем историческом интересе, и его более всего увлекали лекционные курсы профессоров всеобщей истории М. Н. Петрова и В. К. Надлера, которые импонировали ему своей способностью к яркому повествованию о прошлых событиях¹⁰.

По окончании университета Бузескул в течение ряда лет преподавал историю в харьковских частных женских гимназиях. Заграничной стажировки он не проходил и остался, по его собственному определению, «доморожденным ученым»¹¹. Да и в дальнейшем он практически не бывал за границей, за исключением поездки в 1908 г. в Берлин для участия в III Международном конгрессе историков. Не печатался он и в западноевропейских журналах (также единственное исключение — небольшая рецензия на немецком языке на книгу С. А. Жебелёва «АХАЙКА» в «Deutsche Literaturzeitung». 1905, № 4). С. А. Жебелёв в русле свойствен-

⁵ Бузескул В. П. Образы прошлого... С. 229.

⁶ Там же. С. 232.

⁷ Там же. С. 234.

⁸ Бузескул В. П. Образы прошлого... С. 235.

⁹ Там же. С. 241, 242.

¹⁰ Жебелёв С. А. Академик В. П. Бузескул. С. 1066—1067.

¹¹ Там же. С. 1068.

ных ему почвеннических настроений с симпатией упоминает об этой детали в ученой биографии Бузескула. Однако объяснялось ли это сознательным уклонением харьковского профессора от контактов с заграницей или виною здесь были какие-то стечения обстоятельств, сказать трудно.

Как бы то ни было, нельзя сомневаться в сильном влечении юного выпускника Харьковского университета к ученой карьере. В 1885 г. он сдает магистерский экзамен и начинает вести занятия в своем родном университете в качестве приват-доцента. В ту пору его научные интересы еще не определились. На старших курсах университета он серьезно занимался средневековой русской историей и при окончании курса представил сочинение о торопецком князе Мстиславе Мстиславиче (Удалом), удостоенное золотой медали. Теперь же его увлекает западноевропейская история конца средневековья и начала Нового времени, в особенности тема борьбы с папством и гуситского движения, и он разрабатывает и начинает читать специальный курс по западной истории XIV—XV вв., а также по новейшей историографии.

Между тем в 1886 г. оставляет службу в университете М. Н. Петров, и к Бузескулу переходит чтение общих курсов по всеобщей истории, в том числе и по истории древней Греции. Это заставило его сначала, как он признавался, «нехотя, поневоле» заняться античной историей, но потом его заинтересовала современная полемика вокруг Перикла и вообще афинской демократии, и он с головою ушел в разработку этой темы¹². Ей были посвящены обе его диссертации, магистерская и докторская, и они же окончательно определили его научный профиль как специалиста в особенности по истории древней Греции. Впрочем, он никогда не порывал совершенно и с другими разделами всеобщей истории, тем более что развившийся очень рано интерес к историографии держал его *au courant* всех новейших разработок и время от времени доставлял естественный повод для обращения к историческим сюжетам и средневековья, и Нового времени.

Между тем укреплялось и его служебное положение: после защиты магистерской диссертации он становится экстраординар-

ным (1890 г.), а после защиты докторской — ординарным профессором Харьковского университета (1895 г.). Параллельно с университетом он преподавал на Харьковских Высших женских курсах и на Педагогических курсах при Харьковском учебном округе. Он проявил себя талантливым педагогом и заслужил любовь многих поколений слушателей. Его авторитет как ученого и преподавателя все время рос, и при желании он мог бы сделать блестящую административную карьеру. Однако к этого рода деятельности он не чувствовал влечения и далее деканства на историко-филологическом факультете Харьковского университета (в 1901-1905 гг.) не пошел.

При всем том он был горячим патриотом своего родного края и деятельным сотрудником как университета, так и существовавшего при нем Историко-филологического общества. Он был неутраченным историографом своего университета и автором прекрасных, содержательных и теплых по тону очерков о его профессорах — В. Ф. Цыхе, М. М. Луние, А. П. Рославском-Петровском, М. Н. Петрове, В. К. Надлере, И. В. Нетушиле. Ученые заслуги Бузескула получили широкое признание: в Харькове в 1914 г. в его честь был издан великолепный сборник статей, в котором приняли участие многие видные ученые, специалисты не только в науке об античности, но и в других областях истории и словесности. В 1910 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1922 г. — действительным членом Российской академии наук. В 1925 г. он был избран также членом Всеукраинской академии наук.

Обращаясь к обзору научных трудов В. П. Бузескула, подчеркнем, что его деятельность как ученого была весьма многогранна и плодотворна. Он много потрудился в области политической истории древней Греции. Мы уже упоминали, что поводом к его занятиям греческой историей послужила современная полемика вокруг афинской демократии. Действительно, в 70-х и 80-х годах прошлого столетия, в особенности по инициативе немецких ученых Г. Мюллер-Штрюбинга, Пфлугк-Гарттунга, М. Дункера, К. Ю. Белоха, подверглась решительному пересмотру та картина демократических Афин — блестящего лидера Эллады, которая была создана либеральной историографией середины XIX в., в первую очередь английским историком Дж. Гротом. Атаке подверглось все — и древний аттический историк Фукидид, наш главный источник по

¹² См. его собственный рассказ об этих научных исканиях в передаче С. А. Жебелева (С. 1071-1072).

времени так называемого Пятидесятилетия¹³ и Пелопоннесской войны, и сама афинская демократия, и ее знаменитый лидер Перикл. Фукидиду были предъявлены обвинения в мелочности, тенденциозности и непонимании сути исторического процесса, в афинской демократии усиленно подчеркивались ее теневые стороны — произвол демократической массы, демагогия политиканов, всеобщая коррупция и разложение, а Перикл, остававшийся бессменным руководителем Афин на протяжении едва ли не трети века, изобличался в отсутствии политической мудрости и силы и выставлялся главным виновником постигшей афинян в результате Пелопоннесской войны политической катастрофы.

Побудительными импульсами к такой переоценке послужили, с одной стороны, развитие гиперкритицизма, крайнего скептического отношения как к античной исторической традиции, так и к опиравшейся на нее и следовавшей в ее русле историографии середины XIX в. (кроме Дж. Грота можно указать на еще один характерный пример — Э. Курциуса), а с другой, — увлечение немецкой исторической науки, пропитанной националистическими и монархическими настроениями, культом силы и неприятием либерализма и демократии.

Бузескул решительно выступил против такого тенденциозного подхода к истории афинской демократии. Сначала в большой статье он подверг критическому разбору новый взгляд на Перикла, развитый Максом Дункером в последних томах его фундаментальной «Истории древности»¹⁴, а затем самостоятельно рассмотрел политическую деятельность лидера афинской демократии и дал ей взвешенную, по существу положительную, но в то же время лишенную ложной апологетики оценку в обширной монографии, ставшей его магистерской диссертацией — «Перикл (историко-критический этюд)» (Харьков, 1889).

За этим спустя ряд лет последовала новая, столь же внушительная монография (докторская диссертация) «Афинская Полития

¹³ Пятидесятилетие — принятое в традиции обозначение периода времени от решающих побед греков над персами в 480—479 гг. и до начала Пелопоннесской войны (431 г. до н. э.).

¹⁴ Журнал министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1888, апрель. С. 449-495.

Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V века» (Харьков, 1895). Поводом к ее написанию послужило опубликование в 1891 г. английским ученым Ф. Кенионом текста вновь найденного (среди папирусов греко-римского Египта) трактата о государственном устройстве Афин, в котором справедливо усмотрели известную ранее только по отдельным упоминаниям «Афинскую политику» Аристотеля¹⁵. Бузескул оказался в числе тех, кто первыми откликнулись на замечательную находку. Еще в том же 1891 г. он опубликовал рецензию на издание Кениона¹⁶, затем последовали специальные статьи¹⁷ и еще одна рецензия на новое издание трактата, осуществленное другим английским филологом, Дж. Сэндисом¹⁸, и, наконец, как итог — названная монография.

Здесь, в специальных главах, последовательно были разобраны, во-первых, полемика вокруг вновь открытого аристотелевского произведения, с обоснованием собственного умеренно-критического взгляда, свободного от крайних восторгов, но и далекого от безудержного высокомерного шельмования найденного трактата как недостойного пера великого философа; во-вторых, особенности самого новонайденного произведения, с обоснованием его несомненной принадлежности к корпусу аристотелевских сочинений, с определением времени его составления, его соотношения с главным теоретическим трудом Аристотеля «Политика» и т. д.; в-третьих, источники, которыми пользовался (или мог пользоваться) Аристотель при составлении этого трактата; и наконец, в-четвертых, осуществлен систематический пересмотр истории государственного строя Афин с учетом данных аристотелевской «Афинской политики», а также с обратной проверкой этих данных посредством сличения их с совокупной исторической традицией. В частности,

¹⁵ Греческое слово «полития» (производное от «полис») означает «государственное устройство».

¹⁶ Историческое обозрение. Т. II. 1891. С. 221—239.

¹⁷ Бузескул В. П. 1) Вопрос о новооткрытой Αθηναίων πολιτεία // ЖМНП. 1892, июль. С. 142-189; 1893, май. С. 134-212; октябрь. С. 450—483; 2) Αθηναίων πολιτεία Аристотеля как источник для истории афинской демократии до конца V в. до Р. Х. // ЖМНП. 1894, июнь. С. 329-373; июль. С. 19-61.

18 Зап. Харьковск. ун-та. 1893, № 2. С. 13-19.

что касается последнего момента, то Бузескулом убедительно было обосновано наличие в трактате Аристотеля наряду с ценными историческими указаниями также и ряда неточностей и даже невероятных, неправдоподобных вставок, какими являются, например, пассаж о так называемой Драконтовой конституции (в гл. 4) и рассказ об участии Фемистокла в акции Эфиальта против Ареопага (гл. 25).

Как бы то ни было, в целом Бузескулом высоко было оценено источниковедческое значение вновь найденного трактата Аристотеля. Завершая свой труд, он справедливо подчеркнул самое главное: «До открытия Αθηναίων πολιτεία мы не имели особого, так сказать, специального источника, который давал бы нам историю афинской демократии в связном виде. Приходилось довольствоваться имеющимися у разных авторов и в надписях данными, иногда, правда, очень важными и интересными, но разбросанными, и мимоходом лишь сделанными, случайными указаниями. Теперь мы располагаем произведением, представляющим более или менее связную историю и связное описание афинского государственного строя». Причем «источник этот дает ряд новых фактов и проливает свет на многие вопросы» (например, на переход от древней монархии к аристократии, о смутах после Солона, о времени введения жеребьевки при выборе должностных лиц и др.)¹⁹.

Но если велико было значение «Афинской политики» в плане новой, дополнительной информации, то, с другой стороны, не менее важным было и доставленное ею подтверждение наличной исторической традиции: «Благодаря новооткрытому произведению... мы убедились в сравнительной достоверности нашего предания и точности хронологии, в основании которой лежат ведшиеся издавна списки архонтов»²⁰. Нет нужды пояснять, как важно было это заключение для преодоления модного в ту пору гиперкритического отношения к античной традиции.

Наряду с большим источниковым и конкретно-историческим значением, указывает затем Бузескул, вновь найденный трактат Аристотеля обладает также и более общей историко-теоретичес-

кой ценностью: «Важно также и то, — замечает он, — как представляется в нем общий ход развития афинской политики». В самом деле, поясняет он далее свою мысль, «чем более изучается история и археология Греции, тем больше обнаруживается связь между отдельными ее эпохами и моментами; открываются посредствующие звенья там, где раньше их и не подозревали, между такими периодами и явлениями, которые, казалось, разделяла целая пропасть. В этом отношении важен и наш новый источник. Он изображает постепенное, чрезвычайно последовательное, чисто органическое развитие государственного строя Афин, без особенно резких скачков. Постепенно совершается переход от монархии к аристократии, затем так же постепенно демократия занимает место аристократии. Вспомним, как лишь мало-помалу открывался низшим классам доступ к должностям, как совершалась демократизация Афин после Клисфена, как своего рода "переживания", вроде двойного жребия, сохранялись в последующем строе Афин. Не говоря о сомнительной конституции Драконта, вспомним, что, например, тиран Писистрат во многом является продолжателем и даже завершителем дела "первого предстателя демоса" Солона, что Клисфеновы филы, триттии и демы имеют уже своих предшественников, что Перикл оказывается вовсе не таким новатором, каким его иногда изображают новейшие историки... Словом, наш новый источник еще яснее показывает нам, что афинская демократия была чисто народным созданием, результатом работы целого ряда деятелей и поколений, а не результатом честолюбия и интриг отдельных личностей»²¹.

Сочинение Бузескула об «Афинской политике» Аристотеля, ценное само по себе, явилось важной предпосылкой для дальнейшей его работы над темой афинской демократии. Оно послужило необходимым источниковедческим основанием для написания им уже в 1900-х гг. обширного исторического очерка, где в контексте общегреческой истории, с учетом постепенно свершавшихся перемен асоциальной жизни, последовательно рассматривалось развитие Афинского демократического государства от древнейших времен до эпохи эллинизма. Это была ставшая знаменитой книга «История афинской демократии» (СПб., 1909).

¹⁹ Бузескул В. П. Афинская Политика Аристотеля. С. 474.

²⁰ Там же. С. 475.

²¹ Бузескул В. П. Афинская Политика Аристотеля. С. 475–476.

Изложение здесь открывалось общей панорамой греческой истории в архаический период (VIII—VI вв. до н. э.), когда, вслед за сдвигами в социально-экономической сфере, начались перемены в древнем политическом строе, когда место патриархальной царской власти заступила аристократия, а затем на борьбу с последней стал подниматься демос и на авансцену выступила тирания. Обрисовав таким образом во введении исходные исторические рубежи, автор затем переходил непосредственно к истории афинской демократии и в четырех больших разделах рассматривал главные стадии ее исторического существования: *начало*, включая переход от древней монархии к аристократическому архонтату, первые смуты (заговор Килона), законодательство и реформы Драконта и Солона, тиранию Писистрата и новые реформы Клизфена; *расцвет*, достигший кульминации в период правления Перикла, с обстоятельным описанием сложившегося к этому времени социально-политического строя, с характеристикой положения и жизни отдельных слоев населения — граждан, метеков, рабов, с особым этюдом о положении женщин в Афинах; далее, внутренний *кризис* и смуты, развязанные Пелопоннесской войной; и наконец, окончательный *упадок* Афинского демократического государства в позднеклассический период, вплоть до утраты Афинами своей самостоятельности в эпоху эллинизма.

«История афинской демократии» Бузескула написана легким, изящным стилем и не отягощена научным аппаратом. Однако доступность изложения в данном случае не исключает научной основательности. До сих пор в отечественной литературе книга Бузескула остается самым солидным пособием по политической истории центрального эллинского государства — Афин. Опираясь на этот труд, естественно было попытаться создать и более общее пособие, посвященное древнегреческой истории в целом. Для Бузескула это было тем более естественно, что в качестве университетского профессора он из года в год должен был читать общий курс истории древней Греции, который раза два в виде конспекта лекций издавался литографированным способом²². Бузескул и планировал со временем подготовить и издать фундаментальное по-

²² Например: Бузескул В. П. История Греции. Литографированные лекции. Харьков, 1907. 556 с.

сobie по греческой истории, первый том которого должен был включать в себя обширное источниковедческое и историографическое введение, второй — раннюю историю Греции до Персидских войн, а третий — историю классического периода, в основу которой предполагалось положить книгу об афинской демократии. Этот замысел был реализован лишь частично: в 1903 г. появился первый том — «Введение в историю Греции», которое затем неоднократно переиздавалось (и о котором мы еще будем говорить), по теме второго тома Бузескулом была опубликована лишь большая статья о крито-микенской цивилизации²³, а третий том так и остался на уровне первоначального воплощения, в виде книги об афинской демократии.

Конкретно-исторические исследования, в особенности в области древнегреческой истории, не исчерпывали научного труда В. П. Бузескула. В своих занятиях он счастливо соединял вкус и умение работать в сфере конкретно-исторической со столь же плодотворными изысканиями в области истории и теории исторической науки. Последнее объяснялось каким-то глубинным или, по крайней мере, рано усвоенным интересом к развитию исторического знания, которое воплощалось для него не в гряде необходимых пособий, не в механическом нагромождении ссылок, а в филиации наблюдений и идей, в судьбах живых представителей науки всеобщей истории, в закономерном чередовании научных школ и направлений. Как никто другой Бузескул был начитан в исторической литературе, однако его пристальный и всеохватный интерес к старым трудам и новым публикациям не был библиоманией, замкнутой на самое себя, а служил инструментом постижения вечно продолжающегося в исторической науке и литературе поиска сокровенного знания о прошлом.

Стремление представить себе, как именно осуществлялся этот поиск конкретными людьми и школами, побуждал Бузескула внимательно знакомиться с трудами выдающихся историков и древней поры, где ему особенно импонировала фигура непревзойденного мастера политической истории Фукидида, и Нового времени,

²³ Бузескул В. П. Древнейшая цивилизация в Европе. Эгейская или критско-микенская культура // Вестник Европы. 1916, № 8. С 67—103 (чуть позже была опубликована и отдельным изданием: Харьков, 1918).

где его привлекали ученые — не только античники, но и представители других разделов всеобщей истории — разных национальных школ, и немецкой (Леопольд Ранке, Генрих Зибель, Эрнст Курциус, Эдуард Мейер), и французской (Барант, Франсуа Гизо, Огюстен Тьерри, Франсуа Минье), и, конечно же, отечественной.

Этот стойкий интерес Бузескула к истории исторического знания нашел отражение не только в многочисленных частных этюдах, важнейшие из которых были собраны и переизданы в виде отдельной книжечки («Исторические этюды». СПб., 1911), но и в целом ряде фундаментальных трудов, составивших поистине золотой фонд отечественного источниковедения и историографии всеобщей истории. Это, прежде всего, уже упоминавшееся «Введение в историю Греции» (изд. 3-е, СПб., 1915), содержащее чрезвычайно подробный и живо написанный обзор источников (в особенности трудов выдающихся древних историков Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Полибия) и не менее обстоятельный очерк разработки греческой истории в Новое время (в XIX и начале XX в.) как в Западной Европе, так и в России. Это, далее, великолепное обозрение сделанных в новое время археологических и иных (эпиграфических, папирологических, нумизматических) открытий, которое так и озаглавлено: «Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира». Ч. I—II. Пг., 1923—1924 (Ч. I — «Восток», Ч. II — «Древнегреческий мир»). Это, наконец, также выполненный уже в советское время замечательный труд о развитии отечественной науки всеобщей истории — «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» (Ч. I—II. Л., 1929—1931). В опубликованных двух частях этого труда прослеживалось формирование важнейших разделов науки всеобщей истории в России — антиковедения, медиевистики, новистики. Бузескулом была подготовлена и третья часть этого труда, специально посвященная русскому византино- и славяноведению, но ввиду начавшейся в ту пору (на рубеже 20—30-х годов) травли ученых старой школы эта часть осталась тогда неопубликованной.

Подобно своему любимцу из числа древних историков — Фукидиду, Бузескул был в высокой степени рефлексирующим ученым: его собственные исторические занятия и изучение историо-

графии естественно продолжались у него размышлениями над общими особенностями исторического исследования и историописания, над характерными чертами современной исторической науки, размышлениями, которые, выливаясь в литературную форму, вносили важный вклад в отечественную методологию истории. Наиболее важным из этих теоретических опытов Бузескула надо считать его этюд о современном научном движении в области греческой истории²⁴. Работа эта действительно содержит обстоятельный обзор существенных сдвигов в разработке древнегреческой истории (а зачастую и шире — вообще в антиковедении), свершившихся в последней трети XIX — самом начале XX в., но это не простая констатация, а взвешенная оценка по существу, что и придает всему обзору ярко выраженный теоретический характер.

Автор начинает с указания на существенную перемену в состоянии источниковых данных: их объем благодаря последним археологическим открытиям неизмеримо возрос, причем это относится не только к материальным остаткам, но и к одновременно выявленным письменным памятникам, эпиграфическим и папирологическим, число которых стало исчисляться многими тысячами. Новые материалы открыли новые возможности для исследовательской работы и соответственно наметилась перемена в отношении к источникам. Подобно тому как в новой истории под влиянием Л. Ранке явилось повальное увлечение архивными данными, в работах антиковедов также обозначился уклон в сторону документального — эпиграфического и папирологического — материала. Автор, однако, не сочувствует стремлению новейших историков-античников опереться преимущественно на «каменный архив». По его наблюдениям, «как в области разработки новой истории "архивное направление" подчас вырождается в крайность и односторонность, так и в области разработки древней (истории)

²⁴ Бузескул В. П. Характерные черты научного движения в области греческой истории за последние тридцать лет // Русская мысль. 1900, февраль. С. 58-79. Переиздания (с некоторыми изменениями): 1) Современное научное движение в области греческой истории // Исторические этюды. СПб., 1911. С. 1-28; 2) Общий характер современного научного движения в области греческой истории // Введение в историю Греции. 3-е изд. Пг., 1915. С. 553-570 (заключение). Ниже мы цитируем эту статью по ее переизданию в «Исторических этюдах».

увлечение эпиграфическим материалом заходит иногда слишком далеко, и из-за этого материала слишком уж пренебрегаются источники литературные»²⁵. В этой связи нелишним будет напомнить о том чрезмерном панегирике «камням» (т. е. эпиграфическим текстам), который возглашал архегет классической эпиграфики в России Ф. Ф. Соколов.

Другая черта современной науки, которую отмечает Бузескул, — широкое развитие исторической критики. И здесь также наблюдаются крайности — чрезмерный скептицизм в отношении античной традиции, включая и таких ее выдающихся представителей, как Фукидид (примером служит Г. Мюллер-Штрюбинг), и нередкое отвержение засвидетельствованных традицией фактов и явлений. Так, К. Ю. Белох отвергает факт дорийского вторжения в Пелопоннес, Б. Низо — существование Солоновой конституции, М. Дункер и тот же Белох развенчивают Перикла, а Юлиус Шварц проделывает то же самое с афинской демократией в целом. Бузескул выступает против этой тенденции гиперкритицизма. Ей он противопоставляет другую развивающуюся тенденцию — «относиться доверчивее к исторической традиции греков», к чему, как он метко замечает, как раз и побуждают результаты археологических и эпиграфических изысканий. «Новейшие великие открытия, — пишет он, — как ни поразительны их результаты, в некоторых отношениях подтвердили, однако, свидетельство поэтов и историков и должны были подействовать умеряющим образом на наш скептицизм, внушить больше доверия к античной традиции. Открытия Шлимана и других показали, что в гомерическом эпосе не все ложь и вымысел: на месте древнего Илиона, как оказалось, действительно был город, во многом похожий на гомерическую Трою; Микены действительно были резиденцией владык и "златообильными", как их называет поэт... Затем, оказалось, что документальные свидетельства, которые могли лечь в основу исторической традиции греков, восходят к сравнительно более древнему времени; уже в VI в. в Афинах имелись начертанные на камне надписи, и, следовательно, аттические хронисты могли пользоваться ими»²⁶. И в данном случае уместно будет на-

помнить, но теперь уже с безусловным одобрением, о позиции другого патриарха русской эллиистики М. С. Куторги, который предрекал скорое положительное решение вопроса о достоверности ранней греческой истории²⁷.

От характеристики состояния источников и отношения к исторической традиции Бузескул обращается затем к анализу общих воззрений современных ученых на исторический процесс. И здесь он восстает против крайних увлечений, которые могут привести к искаженному представлению об историческом развитии. Так, он с осторожностью говорит о наметившейся тенденции к умалению значения личности в истории, к подчеркиванию коллективистического начала, бытия и творчества масс, к выдвиганию на первый план идеи эволюции (как это делалось, в частности, видным немецким историком Карлом Лампрехтом). При этом в историческом процессе порою вовсе не остается места для выдающейся, творческой личности, как это стало, например, с древним спартанским законодателем Ликургом, предание о котором попросту объявили мифом. Впрочем, в случае с Афинами идея эволюции явно нравится Бузескулу: он указывает на значение в этом плане новонайденного аристотелевского трактата об афинской политике: «из него мы видим, с какою последовательностью, без скачков, чисто органически, развивался государственный строй Афин». И он повторяет те выводы, к которым пришел в своем специальном исследовании по этому вопросу, причем в конце вновь подчеркивает, что ни один из известных нам древних устроителей не был решающим творцом афинской политики, что даже Перикл «оказывается вовсе не таким новатором, каким его еще не так давно изображали некоторые историки» и что «афинская демократия была народным созданием, плодом работы целого ряда деятелей и многих поколений»²⁸.

С большей решительностью высказывается Бузескул против других современных увлечений и крайностей — против односторонности, присущей подчас ставшему господствующим социально-

²⁵ Бузескул В. П. Исторические этюды. С. 8.

²⁶ Там же. С. 10-11.

²⁷ Куторга М. С. О достоверности древнейшей греческой истории // Собр. соч. Т. II. С. 19-20. Ср.: Фролов Э. Д. Русская наука об античности (историографические очерки). СПб., 1999. С. 167-168.

²⁸ Бузескул В. П. Исторические этюды. С. 12-14.

экономическому направлению («стоит только вспомнить, — говорит он, — хотя бы о так называемом экономическом материализме»); против продиктованного углубленными социальными штудиями форсированного сближения античности с современностью, или, как он правильно именует это явление, модернизации древней истории; против связанной с этим теории цикличности, т. е. представления о двух самостоятельных, но в то же время и параллельных циклах развития, в древности и в Новое время, как на том настаивал Эд. Мейер; наконец, против крайностей как примитивизирующей античность концепции И. К. Родбертуса и К. Бюхера, относивших всю классическую древность к стадии замкнутого домашнего хозяйства (так называемая ойкосная теория), так и модернизирующих древность взглядов Эд. Мейера, К. Ю. Белоха и Р. Пёльмана, находивших в античном мире те же формы промышленного и торгово-денежного хозяйства, социального и идеологического противостояния классов, что и в Новое время²⁹.

Надо подчеркнуть, что Бузескул выступал именно против крайностей названных научных направлений, не отвергая, в принципе, современного научного прогресса. Так, мы видели уже, как сильно импонировала ему идея эволюции. Равным образом, предостерегая против модернизации, он не отвергал возможности сопоставления многих явлений древней истории с современностью, поскольку в сходных исторических условиях могли рождаться и сходные формы бытия, для лучшего прояснения которых не обойтись без сравнительно-исторического метода. При этом, надо думать, в выигрыше может оказаться не только древняя история, но и новая. А «если это так, — заключает он, — то изучение греческой истории представляет не один только чисто научный, теоретический интерес; оно получает и практическое значение, история эта делается глубоко поучительною для нас»³⁰.

Понимая это прагматическое назначение древней истории, сам Бузескул никогда не избегал естественных исторических сопоставлений. Более того, он с видимой охотой не раз обращался к таким сюжетам греческой древности, где возможен был выход на

современную актуальную тему. Отсюда такие его статьи, как «Женский вопрос в древней Греции»³¹, «Прения о смертной казни назад тому 2300 слишком лет» (по поводу обсуждения в афинском народном собрании в 427 г. до н. э. того, как следует поступить с повинными в мятеже жителями Митилены)³², «Школьное дело у древних греков по новым данным»³³, «Международный третейский суд в древнегреческом мире»³⁴. К этому надо добавить обзорную статью под характерным названием «Современные темы в античной Греции», где автор трактует о демократии, борьбе партий, науке, женском вопросе, антисемитизме, и все это — на греческом материале. Некоторые из этих статей позднее были включены Бузескулом в его сборники «Исторические этюды» и — опять характерное название! — «Античность и современность» (СПб., 1913; изд. 2-е, 1914; изд. 3-е, 1924).

Возвращаясь к теоретическому этюду Бузескула о современном состоянии занятий греческой историей, укажем на заключительную его тему — о предмете самой науки античной истории. Русский ученый с сочувствием относится к современному представлению, развитому особенно Эд. Мейером, о единстве исторической науки, в рамках которой должна занять свое место и наука античной истории. Он также отвергает притязания классической филологии на монопольное изучение античности и вслед за Эд. Мейером и Р. Пёльманом признает односторонность и ограниченность филолого-антикварного подхода к древности. Но встать окончательно на их позицию и признать, что разработка греческой истории, как и других разделов всеобщей истории, — дело историка, он все же не решается и переводит разговор в другую плоскость. «После всего сказанного выше, — замечает он, — едва ли есть надобность подробно останавливаться на этом вопросе; спор о том, кому заниматься греческой историей, нам кажется в сущности лишним. Дело ведь не в словах, не в ярлыке. Филологи и историки в области изучения древности могут и должны идти рука об

³¹ В кн.: К свету. Юбилейный сборник С.-Петербургских Высших женских курсов. СПб., 1904. С. 1—29.

³² Московский ежегодник. 1907, № 13. С. 36—39.

³³ Вестник Европы. 1911, № 4. С. 88—111.

³⁴ Вестник Европы. 1917, № 4-5. С. 133-160.

²⁹ Бузескул В. П. Исторические этюды. С. 14—25.

³⁰ Там же. С. 25.

руку; но филологу не должна быть чужда широкая историческая точка зрения, а историк должен обладать надлежащим знанием античной литературы, археологии и эпиграфики»³⁵. С этим никто спорить не будет, но, трактуя тему таким образом, Бузескул уходит от обсуждения вопроса по существу. И это понятно: в условиях укоренившегося в старой России классического образования присоединяться к мнению, что занятие античной историей, при всей важности языковой стороны в антиковедении, есть дело историка, могло бы навлечь на автора со стороны филологов-классиков настоящую бурю.

Оценивая в целом взгляды, развитые Бузескулом в его теоретической работе, нельзя не признать их завидную здравость, их продуманную взвешенность, выдающую в их авторе историка самого что ни на есть высокого прагматического плана. Вообще не станем скрывать наших пристрастий и со всею откровенностью скажем: были, конечно, в России среди ученых-антиковедов старой школы и более яркие и более продуктивные натуры (можно назвать Ф. Ф. Зелинского или, что еще лучше, его прославленного ученика М. И. Ростовцева), но более цельной, уравновешенной и безоговорочно привлекательной, чем Бузескул, едва ли можно сыскать. Даже те его черты, которые с первого взгляда могут быть истолкованы как некие слабости или изъяны, — его видимое пристрастие скорее к повествованию, чем к анализу, и к темам широким более, чем к узким³⁶, — при ближайшем рассмотрении оказываются признаками все той же человеческой и научной цельности, если только под типом классика подразумевать именно историка.

Скажем без околичностей: в лице Бузескула мы имеем историка высочайшей пробы. Он исследовал центральное явление древнегреческой истории — афинскую демократию, счастливо соединив в своем труде кропотливый источниковедческий анализ (монография об «Афинской политике» Аристотеля) с полнокровным историческим повествованием («История афинской демократии»). В своих научных занятиях он сочетал непосредственную работу

историка с деятельностью историографа, что придавало этим занятиям особенную глубину. Наконец, он выражал результаты своих изысканий безупречным литературным образом, вполне владея тем искусством совершенного изложения, «живого и легкого», которое, по его собственному справедливому мнению, является непременным качеством настоящего историка³⁷.

Э. Д. Фролов

³⁵ Бузескул В. П. Исторические этюды. С. 26—27.

³⁶ На эти особенности научного творчества Бузескула указывал, в частности, С. А. Жебелёв (см. составленный им некролог Бузескула. С. 1067).

³⁷ Ср. его суждения по поводу научного труда русского историка папства А. С. Вязигина в «Исторических этюдах». С. 110-111.

Книга В. П. Бузескула «История афинской демократии» публикуется без всяких сокращений. Изменения, внесенные в текст нового издания, делались только в исключительных случаях, а именно когда используемые автором архаичные обороты речи были очевидно способны привести современного читателя к неверному пониманию смысла сказанного. К тому же в соответствии с формами, уже прочно устоявшимися на сегодняшний день в отечественной научной литературе, был изменен ряд встреченных в тексте личных имен и терминов. При этом находившиеся в оригинале в довольно беспорядочном состоянии библиографические описания в ссылках были теперь специально выверены и приведены, насколько это оказалось возможным, в согласие с современными правилами. Для ознакомления читателя с современной научной литературой в конце издания приложен список наиболее значительных новейших монографий по проблемам истории древних Афин и античной демократии, а помещенные там же другие приложения, как мы надеемся, должны помочь читателю лучше ориентироваться в предлагаемом историческом материале.

Э. Д. Фролов, М. М. Холод

Едва ли надо говорить о том, какой интерес может представлять история афинской демократии, особенно если стать на точку зрения современного направления в области изучения греческой древности. С этой точки зрения античный мир является нам не миром *suī generis*, далеким и чуждым, а близким и понятным, имеющим много аналогий с так называемыми средними и новыми веками и с современностью. «В древности преобладали, хотя на гораздо меньшем пространстве и в иных формах, те же влияния и противоположности, которые управляют и современным развитием», — говорит, например, Эд. Мейер, автор новейшей капитальной «Истории древности». «Древний мир волновали те же жизненные вопросы, которые еще и теперь, отчасти не решенные, занимают каждого мыслящего человека», — такова основная идея, которая красной нитью проходит через работы другого видного представителя современной исторической науки, Р. фон Пёльмана, интересующегося преимущественно социально-экономическими отношениями в древности... Направление это иногда впадает в крайность, слишком модернизирует древность, но в его основе много верного.

Издаваемая книга посвящена предмету, которого отчасти я касался еще в работе моей молодости — в «Перикле» (1889), — назад тому двадцать лет, и затем в своем исследовании об «Афинской политике» Аристотеля (1895). Многие страницы из этих работ в нее вошли, — конечно, с необходимыми изменениями. Кроме того, в основу ее легли соответствующие отделы общего курса греческой истории, читаемого мной в Харьковском университете. Можно сказать, что настоящая книга представляет собой обработку главной части этого курса.

При изложении истории афинской демократии я имел в виду не только самый строй и учреждения, но и среду, воззрения, на-

строения. Этим объясняется, почему я так часто пользуюсь Аристофаном или, например, Еврипидом. Я старался взглянуть на афинскую демократию объективно, по возможности изобразить ее такой, какой она была в действительности, с ее светлыми и темными сторонами, не черня и не идеализируя ее, ибо, говоря словами «старого мастера исторической науки», Л. Ранке, идеал всегда заключается в том, чтобы представить историческую правду, — «denn Ideal ist immer die historische Wahrheit der Welt zu vergegenwärtigen».

Эту книгу я предназначаю не столько для специалистов, сколько для более широкого круга — для университетских слушателей, для ищущих самообразования, для интересующихся историей, в особенности историей политических форм. Поэтому я избегал вдаваться в мелкие подробности, касаться запутанных и спорных вопросов, пускаться в сколько-нибудь рискованные гипотезы. Я не желал загромождать книгу подстрочными примечаниями и ограничился лишь самыми необходимыми, краткими библиографическими указаниями и ссылками, не отмечая подробно в каждом отдельном случае, кому и чем я обязан, что мной заимствовано и в чем я расхожусь с другими. В конце приложены список важнейших общих трудов по истории Греции и афинской демократии, поправки и добавления. Подробные ссылки и указания на источники и новую литературу можно найти у Бузольта.

В. Бузескул
Харьков. 1908 г., 24 ноября

Введение

ОБЩИЙ ХОД ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ С VIII ПО VI в. до Р. Х.

Падение царской власти и владычество знати

В эпоху так называемой *микенской культуры*, которую открыл Шлиман и расцвет которой относится приблизительно за полторы тысячи лет до Р. Х., в Греции была сильная монархическая власть, хотя и тогда единого государства там, по-видимому, не существовало. Памятники того времени — «циклопические» стены из колоссальных каменных глыб; обширные дворцы, богато украшенные, с живописью на стенах, иногда с целым лабиринтом зал, коридоров и комнат, с магазинами и кладовыми для запасов; могилы, очевидно — царские, то в виде шахт или глубоких ям, в которых тела иных покойников оказываются засыпанными драгоценностями всякого рода, то в виде величественных куполообразных сооружений, роскошно отделанных, — все это красноречиво говорит нам не только о сравнительно развитой технике, о богатой внешней культуре, некогда процветавшей преимущественно по берегам и островам Архипелага, о тесных сношениях с восточными странами и т. п., но и о типе государств микенской эпохи, о том, что тогдашние цари были могущественными властелинами, что в их распоряжении сконцентрированы были силы подвластного им населения, масса рабочих рук, огромные материальные средства.

Среди переворотов, наступивших в конце II тысячелетия до Р. Х., — тех племенных переселений, из которых главным является вторжение дорийцев в Пелопоннес, — пали «микенские» царства и пышная микенская культура. Цари последующей, гомеровской эпохи (за 1000—800 лет до Р. Х.), известной нам по «Илиаде» и «Одиссее», резко уже отличаются от царей эпохи микенской, строителей громадных стен, дворцов и гробниц. Правда, они царствуют «божьей милостью», получают скипетр от самого

Зевса; но это — не восточные деспоты и не монархи со всей полнотой неограниченной власти: гомеровский царь, особенно в «Одиссее», скорее *primus inter pares*, первый между равными; его окружают представители знатных родов, «геронты», «старцы» или старейшины, с которыми он «думает», совещается и делит свою власть; это — его сотрапезники, советники и ближайшие помощники.

В гомеровскую эпоху существует и народное собрание, которое в «Илиаде» тождественно с собранием войска, аналогично тому, что мы видим и у древних германцев. Но роль этого собрания еще ничтожна. Обыкновенно ему оставалось лишь выслушивать решение царя и геронтов. Голосования не происходило, и собрание выражало свое одобрение бурным криком, по выражению поэта, подобным шуму, когда ветер вздымает «волны огромные моря» и бросает валы о нависший утес или когда «бурный зефир наклоняет высокую ниву, то подымался грозно, то падая вдруг на колосья». Иногда отдельные личности вроде Терсита решаются выступать с резкой речью против вождя-царя, но масса не поддерживает их; народ смеется и выражает сочувствие Одиссею, когда тот наносит побои Терситу (Илиада, II песнь).

В период с VIII до VI столетия включительно мы видим в Греции ряд важных внутренних переворотов или, точнее, перемен: падение царской власти и господство аристократии, затем борьбу народа, демоса, против этой аристократии, владычество тиранов и, наконец, переход к демократии или к более умеренной аристократии. Перемены эти совершаются с замечательной последовательностью и происходят почти повсеместно в Греции. Уже одна эта повсеместность показывает, что они вызваны были не частными, случайными причинами, а причинами более общими и глубокими, коренившимися в самом ходе развития греческого общества, — в том историческом процессе, который совершался тогда в Греции.

К середине VIII в. монархическая власть исчезает почти всюду в Греции. Как исключение и своего рода «культурный пережиток», сохранилась она в Аргосе, в Спарте да на окраине греческого мира, у отставших в культурном отношении полуварварских племен, например у молоссов в Эпире. Но в Аргосе, где цари упоминаются еще во время Персидских войн, это была лишь тень

прежних монархов; в Спарте царская власть тоже утратила свое настоящее значение, свою сущность, и сохранила скорее лишь внешние атрибуты.

Падение монархии в Греции произошло постепенно, без крупных потрясений. Уже в гомеровскую эпоху царь был в сущности только первым между равными ему представителями знатных родов. Между царем и его родом, с одной стороны, и знатными, могущественными фамилиями — с другой, не было резкой разницы; их не отделяла какая-либо непроходимая грань. Знатные, подобно царю, нередко вели свое происхождение от богов и героев; их тоже называли иногда «царями». В период переселений и завоеваний царская власть была еще необходима; но по миновании его миновала необходимость и в царской власти. Теперь уже не было такой нужды в сосредоточении власти в одних руках. Самые природные условия Греции, устройство ее поверхности, далеко не способствовали образованию единого государства с сильной центральной властью. В древней Греции всегда было много отдельных, самостоятельных небольших государств, и там развился тип *государства-города*. А в таких небольших государствах легко было обойтись и без царя. Притом тут особа царя не могла быть окружена ореолом величия, подобно тому, как на Востоке; она не казалась чем-то таинственным и грандиозным; она была, так сказать, на виду у всех, со всеми ее человеческими слабостями и недостатками. Наконец, царь гомеровской эпохи в своем лице соединял обязанности военачальника, правителя, судьи и жреца. Но с течением времени политическая жизнь развивалась. Отношения делались сложнее, и являлась необходимость в расчленении прежде единой власти.

Монархия прежде всего падает в греческих колониях, в городах малоазийского побережья: здесь легче было отрешиться от прошлого, от традиционного уважения к царской власти; на новой почве, среди новых условий, легче было возникнуть и новому порядку, новым формам политической жизни, не говоря уже о том, что в этих колониях, особенно в Ионии, исторический процесс вообще совершался быстрее и скорее обнаруживались новые явления в жизни греческого общества.

Итак, в VIII столетии до Р. Х. монархия в Греции уступает место *аристократии*, причем эта перемена совершается боль-

шей частью не путем революции, а путем эволюции. Иногда власть от царя переходит в руки целого царского рода. Так было, например, в Коринфе, где стала властвовать фамилия Бакхиадов, к которой принадлежали и прежние цари. Случалось, что потомки царей удерживали свой титул; за ними оставалось жречество и некоторые привилегии или же этот титул переносился на сановника и членов коллегии, носивших обязанности сакрального характера.

Новейшие ученые — и в их числе Эд. Мейер, автор капитальной «Истории древности», — называют период от переселения племен и до возвышения демоса, эпоху Гомера и могущества знати, греческим «средневековьем». И действительно, в тогдашней Греции мы видим черты, напоминающие нам средние века Западной Европы. Общественные группы и наследственные сословия резко разграничены. Господствующее положение занимает землевладельческая военная знать, разделенная на роды (*γένος*), проникнутая сословным сознанием, корпоративным духом, сражающаяся сначала на колесницах, потом верхом на коне, любящая войну, рыцарские подвиги, охоту и пиры. При дворах знатных певец — желанный гость; это — эпоха героической песни, позднее — лирики и новеллы. Чем для средневекового Запада были рыцарские турниры, тем для греков того времени были Олимпийские и им подобные игры, с их ристаниями и состязаниями. Слабый ищет защиты сильного, и у тогдашних аристократов Греции была многочисленная клиентела. Мы видим крестьян в положении людей более или менее зависимых, начиная от смягченных форм крепостничества и до полной закабаленности; видим господство натурального хозяйства, по крайней мере, в первой половине греческого средневековья, ремесло — презираемым и мало развитым...¹

Аристократы, как класс, носили в Греции различные названия: их называли обыкновенно «хорошими», «лучшими» (*ἀρίστοι*), отсюда и самое слово «аристократия» и «аристократы»), «благо-

¹ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. II. Stuttgart, 1893. S. 291 f. Ср. также у К. Ю. Белоха, Р. фон Пельмана и др.; кроме того: *Dondorff H. Adel und Bürgertum im alten Hellas // Historische Zeitschrift. Bd. LXVII. 1891. S. 212 f.*

родными»; «эвпатридами», иногда «богатыми» и даже «жирными», подобно тому, как в средние века в Италии городской патрициат назывался *popolo grasso*. Простой народ противопоставлялся им как «дурные», «худые» или «худшие», «подлые» люди.

Основой могущества и влияния греческой знати было, во-первых, происхождение. Если впоследствии даже в демократических Афинах благородное происхождение имело большое значение и считалось «великим и почетным жребием»; если еще Аристотель говорил, что в наилучшем государстве ремесленник не пользуется правом гражданства, что тот, кто ведет жизнь ремесленника или поденщика, не может развивать в себе гражданской доблести, что для этого и для участия в государственных делах нужен досуг; то тем более во времена греческого средневековья и владычества аристократии господствовало убеждение, что только знатный и богатый человек, не обремененный заботами о насущном хлебе, может заниматься государственными делами. Ремесленники и вообще демос, трудящийся в поте лица, еще считались недостойными принимать участие в управлении.

Но могущество знати основывалось не на одном только происхождении. В те времена знатность соединялась с богатством и аристократы были в пору своего владычества самым богатым классом в Греции. В их руках сосредоточивалась крупная земельная собственность. Кроме того, у знатных были многочисленные стада скота. Но особенно любили они содержать коней: хорошие кони — необходимая принадлежность тогдашнего аристократа; это — его гордость. Высшее сословие в некоторых греческих городах даже носило название «всадники». В домах знати имелись богатые запасы металлов, оружия, утвари, всякого рода припасов, вина и проч. Когда впоследствии стала развиваться торговля и возвысился торговый класс, то аристократы, например, Эгины и некоторые другие, приняли участие и в торговом движении. Но все же землевладение оставалось главной основой богатства знати.

Аристократы были и главной военной силой. Еще Аристотель принципом аристократии выставил доблесть, подобно тому как принципом демократии, по его словам, была свобода. Располагая материальными средствами и досугом, аристократы могли проходить школу своего рода рыцарского воспитания; они могли предаваться военным упражнениям, гимнастике, играм и т. п. В ту

пору главную силу на войне составляла конница. Но чтобы иметь колесницу и соответствующее вооружение, содержать коней, нужно было располагать большими средствами, слугами, челядью. Всем этим располагали аристократы. Аристотель по этому поводу замечает, что тем, кто небогат, нелегко содержать коней; поэтому в древние времена в городах, сила которых была в коннице, господствовала олигархия.

Аристократы были обладателями и тогдашнего образования. Оно было еще мало распространено и тоже соединялось обыкновенно со знатностью и богатством. Аристократы являлись знатоками и толкователями обычаев и права, хранителями старины и традиции. Они были судьями и жрецами; некоторые жреческие обязанности связаны были с известными фамилиями.

Таким образом, в те времена аристократия была не только политической, но и социальной, военной и культурной силой. Немудрено, что ей принадлежало владычество.

И в лучшую свою пору аристократия смотрела на свое владычество не только как на право и привилегию. Она понимала, что *noblesse oblige*. Она служила обществу и государству, и в мирное, и в военное время, в совете и на поле битвы. Она отправляла дорого стоившую военную службу и щедро выполняла общественные повинности. Тогда аристократы в известном смысле действительно были *ἀριστοί*, «лучшие» мужи, и с честью несли лежавшие на них обязанности.

Но с течением времени замечается нравственный упадок аристократии, деморализация и разложение ее. Сыновья часто не были похожи на своих отцов, которые, как мы сказали, с честью несли свою службу государству и обществу. Новые поколения расточали богатства, предавались наслаждениям, забавам и роскоши. Недалом издавались законы против излишней пышности. Сыновья знатных росли среди неги и роскоши, тогда как молодое поколение демоса среди труда и забот закалялось в борьбе за существование. Наконец среди аристократии обнаруживается и разлад, происходят раздоры и соперничество, борьба отдельных лиц и фамилий за власть. Разумеется, это не могло способствовать упрочению могущества знати.

Было время, когда знатный человек оказывал во многих случаях покровительство и защиту слабому, простому, когда он был

для демоса «кремлем и башней», по выражению поэта². Но, в общем, положение народной массы с падением царской власти не улучшилось, а скорее ухудшилось. Прежде царь мог стать посредником между знатными и простым народом; в его даже интересах было оказывать покровительство демосу, чтобы иметь в нем опору против могущественной знати и ее притязаний. Теперь же простой народ был всецело в руках правящей аристократии, и ее владычество вскоре стало для него тяжелым игом. К тому же с VII в. в экономической жизни Греции происходит перемена, которой мы будем еще касаться и которая не могла не повлиять на ухудшение отношения знатных к народной массе: начинается переход к денежному хозяйству, появляются первые признаки капитализма, обнаруживается страстная погоня за деньгами. Прежние патриархальные отношения уступают место эксплуатации и большему произволу. Тут влияли не только личная корысть и алчность, но и более общие причины. С распространением денег и с переходом от чисто натурального хозяйства к денежному цены повышались, жизнь становилась дороже. А между тем *noblesse oblige*. Родовой знати приходилось состязаться с возвышавшимся новым классом, богатыми купцами, промышленниками, своего рода капиталистами. Надо было поддерживать свое достоинство, сохранить общественное положение, соответственное знатности. Иные аристократы сами принимались за торговлю; но для большинства земля оставалась по-прежнему главным источником дохода, и чтобы добыть новые средства, приходилось выжимать их из земли, повышать с крестьян аренды, поборы, повинности, без пощады относиться к несправным плательщикам.

Слабому трудно было найти правды и защиты против сильного: и господами, и судьями были знатные. Жалобы на тяжелую долю земледельца, на беззащитность слабого и в особенности на отсутствие правды в судах, мы встречаем уже за 700 лет до Р. Х. у Гесиода в его «Трудах и днях»³. Мрачными красками рисует Гесиод современный ему век — «век железный», когда люди обречены весь день страдать от труда и тяжелых забот, не иметь отдыха даже

² Феогида (234 Bergk⁴).

³ Есть русский перевод: *Гесиод*. Вступление, перевод и примечания Г. П. Власова. СПб., 1885.

ночью. «Позднее родиться или раньше умереть» хотел бы поэт, чтобы только не быть современником этого поколения, испорченного и преступного. Но зло станет еще хуже, и тогда, «прикрыв прекрасное тело одеждой белой, с земли широкой улетят на небо и Стыд, и Совесть», оставив смертным людям тяжкие печали, и не будет защиты против зла. В поучение правителям⁴ Гесиод приводит басню о ястребе и соловье. Ястреб схватил соловья «сладкозвучного» и нес его высоко в облаках, вонзив в него свои кривые когти, и когда тот начал жалобно стонать, то ястреб обращается к нему с такими словами: «Чудак! чего ты кричишь? Ведь ты во власти более сильного. И отправишься туда, куда поташу, хоть ты и певец. Захочу — съем, захочу — выпущу. Безумец тот, кто захочет бороться с сильным: и победы лишится он и сверх того испытает горечь унижения». «Так говорил быстролетный ястреб, ширококрылая птица». Неправый торжествует благодаря правителям-«дароедам», по выражению Гесиода, т. е. берущим подарки, взятки. В судах нет правды: ее изгнали правители-«дароеды», которые, как хотят, так и судят и постановляют несправедливые решения. Поэт грозит гневом и карой Зевса, который все видит, все наблюдает — и правду, и злые дела — и который каждому воздаст по делам. Есть еще дева Дика, Правда, рожденная от Зевса, и она ему поведает о нанесенных ей обидах, о несправедливости людей.

Неудивительно, что владычество аристократии стадо вызывать неудовольствие и ропот, и против этого владычества обнаружилась оппозиция.

Между тем в Греции наступали новые условия, которые в свою очередь отразились неблагоприятно на положении аристократии, и выдвигался новый класс, — возвышался демос.

Тут мы должны обратиться к другим сторонам того исторического процесса, который совершался тогда в Греции.

⁴ Гесиод называет их βασιλείς, «цари»; но, вероятно, тут следует понимать знатных, в руках которых был суд: титул «цари» применялся и к ним, а из контекста видно, что речь идет главным образом о судьях.

Колонизация, экономический переворот и возвышение демоса

Было бы ошибочно думать, будто историческая жизнь тогдашней Греции сосредоточивалась преимущественно в таких пунктах, как, например, Спарта или Афины. По верному замечанию одного историка, центр тяжести греческой истории от 1-й Олимпиады, т. е. с 776 г. до Р. Х., и до середины VI в. следует искать не у эллинов в Европе, но на периферии греческого мира: полный, настоящий пульс жизни греческого народа бьется до половины VI века преимущественно в ионийских колониях Малой Азии.

Колонии эти шли во всех отношениях впереди метрополии. До V в. это был центр политической, умственной и художественной жизни греков. Ни один город собственной Греции, ни Афины того времени, ни тем более Спарта не могли выдержать сравнения с городами-колониями вроде, например, Милета на востоке и Сибариса на западе. Колонии, особенно в Малой Азии, могущественнее, богаче городов метрополии. В них кипит торговая и промышленная деятельность, жизнь бьет ключом. Здесь умственный кругозор был шире; греки сталкивались или сближались не только друг с другом, но и с иными народами, знакомились с их строем, их культурой; завязывались сношения с различными странами, иногда весьма отдаленными, — с понтийскими берегами, Египтом, далеким Западом. Здесь образуется многочисленный класс моряков и купцов; получает особенное значение движимая собственность, деньги. Развитие во всех сферах идет тут быстрее. В колониях, как упомянуто, легче было отрешиться от традиции, и тут раньше совершается ряд тех политических перемен, которые характеризуют рассматриваемый период греческой истории, т. е. смена монархии аристократией и затем переход к более умеренной аристократии, к тимократии или же к демократии. В Ионии, по замечанию Э. Курциуса, впервые гражданское равенство поставлено было принципом общественной жизни. Здесь же, в Малой Азии, развивается и греческая поэзия — эпос и лирика, — развивается искусство. Малоазийские колонии, в особенности Иония, родина и греческой науки, и греческой философии...

Греческая колонизация, начавшаяся еще до переселения племен, усилилась после этого переселения, в особенности после вторжения дорийцев в Пелопоннес, а в VIII—VII столетиях достигла своего высшего развития.

Колонизация вызывалась, прежде всего, ростом населения, ощущавшимся недостатком земли и трудностью добывать пропитание при тогдашних условиях хозяйства и землевладения. Переселенцы, во главе которых нередко становились лица, принадлежавшие к знатным родам, искали сначала плодородной земли, и первые греческие колонии имели характер, так сказать, земледельческий. Затем племенные переселения и завоевания, а еще позднее внутренние смуты, борьба партий, тирания, должны были послужить могущественным толчком для основания колоний и усилить колонизацию. Многие предпочитали покинуть родину и искать нового местожительства на чужбине, нежели покориться победителю. Тираны посредством основания колоний старались избавиться от опасных для них элементов. Основание колоний служило и социальной мерой; в них направляется избыток населения. Впоследствии же чаще всего колонии основывались в торговых видах. Словом, колонии для греков играли, можно сказать, ту же роль, что Новый Свет для Западной Европы в новые века.

Природные условия препятствовали распространению греческой колонизации сухим путем. Зато и географическое положение Греции, и близость моря, и устройство берегов, изрезанных удобными бухтами, и соседство множества островов, — все это влекло к морю, к мореплаванию, к основанию колоний за морем. Прибавим к этому сам характер народа, большей частью живой, предприимчивый, непоседливый, и мы поймем, почему греческая колонизация достигла такого развития.

Греция по устройству своей поверхности и очертанию берегов обращена, так сказать, лицом к востоку. И колонизация направлялась сначала на восток. На запад греки стали проникать гораздо позже. Это и понятно: западный берег Греции не так удобен для морских сношений и самое плавание на запад сопряжено с большими затруднениями и опасностями. Основание греческих колоний в этой части Средиземного моря относится уже всецело к рассматриваемому периоду, ко второй половине VIII и к VII в. до Р. Х.

И греческие колонии широко раскинулись на далеком пространстве — от берегов Испании до устьев Дона и берегов Кавказа с одной стороны, от устьев Роны и северного побережья Черного моря до устьев Нила⁵ и северного берега Африки — с другой. Они обрамляли, иногда с большими, конечно, перерывами, берега морей Средиземного и Эгейского, Пропонтиды и Понта. Далеко в глубь соседних стран колониальные владения греков не простирались. По образному выражению Цицерона, это была кайма у широкой ткани варварских земель, а по другому сравнению (у Платона в «Федре»), греки сидели вокруг Средиземного моря, словно лягушки вокруг пруда. Даже на западном побережье Малой Азии греческие города занимали хотя и сплошную, но узкую полосу (расширявшуюся лишь в Эолиде), причем для поселений избирались преимущественно устья рек. В качестве купцов или наемников греки заходили и дальше намеченных пределов. Со времени династии Псамметиха они проникали, например, в глубь Египта, даже к самым Нильским водопадам, как свидетельствует об этом надпись, начертанная в Абу-Симбеле греческими воинами. А плаванья греков на запад простирались до Геркулесовых столпов, т. е. до нынешнего Гибралтара, и даже несколько далее.

Такое распространение колоний было, конечно, делом многих поколений. Прочному, окончательному основанию поселения предшествовал иногда целый ряд открытий, предварительных попыток и т. д. Для нас остались большей частью неизвестными имена этих своего рода Колумбов, открывавших новые, неведомые до того грекам страны, прокладывавших новые пути торговли. «Того, что возникает мало-помалу, предание не хранит обыкновенно», — говорит по этому поводу Э. Курциус в своей «Греческой истории». «Отдельный битвы являются в ярком блеске славы, тогда как мирная и не бросающаяся в глаза работа народа, на которую в течение многих поколений он тратит лучшие свои силы, остается в тени, в неизвестности»...

Главными пунктами, откуда направлялась греческая колонизация в VIII—VII столетиях, были преимущественно ионийские города в Малой Азии, особенно Милет, по преданию, основавший, будто

⁵ Где была фактория Навкратис.

бы до 80 колоний, затем Фокея, отчасти остров Самос, а в самой Греции — эвбейские города Халкида и Эретрия, из дорических же — Коринф, метрополия, например, Сиракуз, Мегары, основавшие Византий, и некоторые другие. Обыкновенно каждый из таких городов имел свой излюбленный район, куда он направлял своих колонистов, Милет — к берегам Черного моря, Халкида — к полуострову Халкидике и к берегам Сицилии, но никто не уходил так далеко на запад, как колонисты Фокеи.

Одновременно с колонизацией развивалось и морское дело, мореплавание. За 700 лет до Р. Х. коринфянин Аминокл впервые, по свидетельству древности, стал строить триеры, т. е. суда с тремя рядами гребцов, для самосцев. Греки, шедшие нередко по следам финикиян, постепенно вытесняли этих прославленных мореплавателей, купцов и посредников в сношениях между Востоком и Западом.

Вообще колонизация явилась важным фактором в историческом развитии греческого народа⁶.

Во-первых, она должна была сильно повлиять на развитие торговли и промышленности. Между метрополией и колониями должен был установиться живой обмен. Колонисты получали с родины продукты и предметы, к которым они привыкли, в которых они нуждались, и в свою очередь посылали туда свои товары. Колонии вступали в сношения друг с другом и с соседними странами — с Лидией и вообще Востоком, со скифами, фракийцами, этрусками, латинами... О том, как обширны и живы были эти сношения, говорят нам не только литературные свидетельства, но и многочисленные данные археологии, — предметы, находимые благодаря раскопкам. С востока, как и раньше, получались предметы роскоши; с запада, из Италии и Сицилии, шел хлеб, металлы. Нынешняя южная Россия, северные берега Понта, служили уже в ту отдаленную эпоху житницей для греков. Отсюда они вывозили хлеб, а также рыбу, кожи и т. п., а взамен доставляли свои изделия. Немало греческих городов и в собственно Элладе и среди колоний уже тогда выдавались как торговые и промышлен-

ные центры, и оттесняли на второй план общины чисто земледельческие. Таковы были названные уже раньше, как исходные пункты колонизации, — Милет, Самос, Халкида, Эретрия, Коринф, Мегары. Из них Милет славился своей шерстью, своими тканями, пурпурной одеждой, коврами. Коринф, благодаря своему положению на перешейке, служил, по словам Фукидида, эмпорием Греции: через него шла торговля между восточной частью Средиземного моря и западной⁷. Он славился, кроме того, своей керамикой, в особенности вазами («коринфскими»), затем бронзовыми изделиями, шерстяными материями, вообще своим промышленным развитием, и Геродот отмечает, что здесь ремесленники пользовались большим уважением, чем в остальной Греции. Халкида торговала преимущественно металлами, медью и изделиями из них, оружием и т. д. К этим пунктам надо присоединить еще Хиос, славившийся своим вином; малоплодородный, бедный природой, но торговый остров Эгину, занимавший одно время господствующее положение на море; Сикион и такие колонии на западе, как Сибарис и Сиракузы. Позднее стала выдвигаться Атика своими оливками, серебром Лаврийских рудников и в особенности своей керамикой. Даже между отдаленными друг от друга городами существовали живые торговые сношения, например между Милетом на востоке и Сибарисом на западе, а сношения Коринфа простирались от Сицилии и до Лидии и берегов Понта. Когда Лидия утвердила свое господство на малоазийском побережье, подчинив себе тамошние греческие города, а затем на смену ей явилось владычество Персии, образовавшей на востоке одну обширную державу, то и это благоприятствовало развитию греческой торговли. По крайней мере так было до тех пор, пока не восстала Иония и не был разрушен Милет.

С развитием промышленности число ремесленников увеличивается, но дешевых свободных рабочих не хватает, — развивается рабство и торговля рабами. Говорят, остров Хиос первый начал

⁶ Мейер Эд. Экономическое развитие древнего мира / Пер. с нем. под ред. М. О. Гершензона. СПб., 1898; Кареев Н. И. Государственный город античного мира. 2-е изд. СПб., 1905. С. 59 сл.

⁷ При тогдашних условиях плавания огибать Пелопоннес было затруднительно, тем более что на западном берегу Пелопоннеса не было Удобных гаваней, и товары, доставлявшиеся к Истму морем, перевозились обыкновенно через перешеек сухим путем, а потом опять шли морем: у Коринфа был своего рода «волоок».

торговать рабами, покупая их в чужих странах и потом перепродавая; он сделался таким образом рынком для покупки рабов. В торговых и промышленных городах поселяются и свободные ремесленники из чужих краев, не пользующиеся политическими правами, находящиеся в положении афинских метеков.

Таким образом, уже в ту эпоху промышленность удовлетворяла не только местные потребности: она производит предметы и на вывоз, и схема известного экономиста И. К. Родбертуса и его последователя К. Бюхера, по которой вся древность относится к периоду замкнутого, так называемого «ойкосного» или «домашнего» хозяйства, чистого производства на себя без обмена, где продукты потребляются в том же хозяйстве, которое их производит, эта схема по отношению к Греции оказывается неверной⁸. Уже в древности существовали высшие формы экономических отношений; уже тогда промышленность и торговля играли важную роль, продукты производились для вывоза, для сбыта, и еще в VII столетии до Р. Х. во многих местностях греческого мира совершается переход к хозяйству денежному.

В гомеровскую эпоху мерилom ценности служили драгоценные сосуды, слитки меди или железа, а чаще всего скот — бык или овца. В «Илиаде», например, медный треножник оценивается в 12 быков, металлическое оружие — в 9, рабыня, опытная в женских работах, — в 4. С развитием торговли, при участвующем обмене, особенно должна была ощущаться потребность в единицах ценности определенного веса и притом удобных для обращения — в чеканной монете. С Востока заимствованы были греками единицы мер и весов, а в начале VII в. в Малой Азии, там, где мир греческий соприкасался с миром восточным, в Лидии и в Ионии — в Фокее, Самосе и Милете — стали чеканить монету. Теперь уже не было нужды каждый раз подвергать взвешиванию металлические слитки: штемпель города или государства служил гарантией определенного веса. Нечего и говорить, как это должно было облегчить торговые сношения, каким могущественным образом повлиять на развитие торговых оборотов. Неудивительно, что такое нововведение быстро привилось и распространилось.

⁸ Мейер Эд. Экономическое развитие древнего мира.

Вскоре деньги делаются силой. Уже в VII в. у поэта Алкея мы встречаем изречение: «деньги делают человека». За ними происходит погоня; это — знамение времени. «Для большинства, — говорит другой поэт, Феогнид из Мегар, — существует одна только добродетель — быть богатым. Остальное ничто тебе не поможет, обладай ты мудростью самого Радаманта, большими знаниями, чем Сизиф, или языком Нестора богоравного». Негодуя на то, что знатные вступают в брак с незнатными, Феогнид замечает: «Деньги чтят они; поэтому благородный женится на дочери богача, а богач — на дочери благородного. Богатство смешивает сословия. Не удивляйся поэтому, если род граждан портится: благородное смешивается с подлым». «Не напрасно люди больше всего почитают тебя, Плутос (т. е. Богатство), ибо с тобой, прекраснейший и желаннейший из богов, и низкий делается благородным». Но и сам Феогнид в одном месте заявляет: «Будь я богат и мил бессмертным, я бы ни о какой другой добродетели не заботился».

Таким образом, выдвигается средний класс, который может быть назван греческой буржуазией. Рядом со знатым, родовитым землевладельцем, а иногда и выше его, становится представитель промышленности и торговли, капитала, богатый купец и мореплаватель. В лице этого класса возвышается демос — название, обнимающее разнообразные элементы, начиная с крестьянина, поденщика и простого ремесленника и кончая неродовитым купцом-капиталистом.

Аристократы должны были уступить место и в такой сфере, как военное дело. Условия войны изменились, и конница уступает первенство пехоте — фаланге тяжеловооруженных гоплитов. А еще Аристотель подметил тесную связь между организацией военной силы и политическим строем. В древности, говорит он, где сила была в коннице, там была олигархия, и после отмены царской власти политические права перешли к воинам, сначала к всадникам, пока сила на войне была в коннице, а потом, с ростом городов и с усилением гоплитов, и к большому числу лиц (Pol., 1297 b). Конная сила, по мнению Аристотеля, свойственна аристократии или олигархии, тяжелая пехота — умеренной политике, а легкая пехота и морская сила — демократический род оружия. Перемену, совершившуюся тогда в Греции, можно сравнить с тем, что наблюдается в конце средних веков в Западной Европе. И здесь

рыцарское ополчение, как военная сила, уступает место пехоте: алтайская пехота одерживает победы над блестящим французским рыцарством, швейцарцы — над бургундским, гуситы — над имперским.

Возвышению новых элементов содействовало и развитие в умственной сфере. Легко себе представить, как основание колоний и расширение пределов греческого мира, сношения и знакомство с другими странами повлияли на расширение умственного кругозора греков. Притом то была эпоха, когда входит все в большее и большее употребление такое могучее орудие просвещения, как алфавит, усвоенный приблизительно еще в конце X века, появляется письменность. На рубеже VII и VI в. мы видим первые опыты философских систем. Конец VII и начало VI в. — это век семи мудрецов. На смену эпосу является лирика с ее выражением личных чувств. Наступает пора пробуждения индивидуальности. В VII веке перед нами впервые выступают личности поэтов, подобных Архилоху, с их индивидуальностью, с их мировоззрением, с их любовью и ненавистью. «Архилох, — говорит К. Ю. Белох⁹, — первый грек, который, как живой человек, стоит перед нами во всей своей индивидуальности. Он пел обо всем, что волновало его в жизни: о своей любви к прекрасной Необуле на паросской родине, как и о своих военных поездках по дикой Фракии; с полной откровенностью выражал он свои страсти и язвительной насмешкой преследовал своих врагов».

Образование, бывшее прежде достоянием и привилегией аристократии, проникает и в другие слои. Незнатный мореплаватель и купец по своему кругозору и опыту теперь часто превосходит знатного землевладельца.

Борьба демоса с аристократией и тирания

Новые выдвинувшиеся элементы выступают со своими требованиями: они добиваются гражданского равенства и политических прав. С другой стороны, переход к денежному хозяйству сопро-

⁹ Белох Ю. История Греции / Пер. с нем. М. О. Гершензона. Т. I М., 1897. С. 204-205.

вождался тяжелым экономическим кризисом¹⁰. Теперь и крестьянину нужны были деньги, тем более что натуральные повинности переводились часто на деньги и господствовавшая земледельческая знать становилась все требовательнее. Крестьянин должен был добывать деньги за большие проценты; он разорялся, лишался земли, входил в неоплатные долги, попадал в кабалу: долговое право тогда было сурово и неисправного должника обрекало на рабство. Прибавим в этому, что владычество аристократов, как мы видели, стало тяжелым.

Таковы причины борьбы демоса с аристократией. Это — борьба политическая и социальная, борьба ожесточенная, сопровождавшаяся нередко переворотами, изгнаниями, отобранием имуществ и т. п.

До какого ожесточения доходили боровшиеся партии, показывает эпизод, произошедший в Милете: дети изгнанных аристократов были отведены на ток и там брошены под ноги быков, которые их и растоптали; аристократы, возвратившись, отомстили тем, что осмолели детей демократов и сожгли их. В Мегарах мы видим иные сцены: бедные вторгаются в дома богатых, требуют угощения и в случае отказа пускают в ход силу, а с заимодавцев требуют возвращения уплаченных процентов. Иногда нападали на стада богатых землевладельцев и избивали овец. В местностях, где кризис особенно обострялся, стремления демоса вообще принимали, можно сказать, социал-революционный характер¹¹: раздавались требования передела земли, уничтожения долговых обязательств и т. д.

С настроением и стремлениями общественных классов и партий того времени нас знакомит тогдашняя лирика. Греческая лирика VII и начала VI в. носит часто политический характер, и лирические произведения для той эпохи были тем же, что для нашего времени произведения публицистические и памфлеты. Еще почти в начале рассматриваемого периода, на рубеже VIII и VII вв., мы встречаем симптом пробуждения массы, выражение пессимизма,

¹⁰ Meyer Ed. 1) Geschichte des Altertums. Bd. II. S. 547 f.; 2) Экономическое развитие... С. 37—38; Pöhlmann R. von. Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. Bd. II. München, 1901. S. 109 f. [есть рус. пер.: Пельман Р. История античного коммунизма и социализма / Пер. с нем. под ред. М. И. Ростовцева. СПб., 1910. — Примеч. науч. ред.].

¹¹ Busolt C. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. I. Gotha, 1893. S. 628.

недовольства и духа оппозиции, встречаем поэта с антиаристократической тенденцией — Гесиода. Гесиод — сам сын поселянина, покинувшего малоазийские Кумы из-за нужды и поселившегося в Беотии, у подошвы священного Геликона. Это — поэт сельского класса, людей, трудящихся в поте лица своего. Мы видели, как негодует он на правителей-«дароедов», как жалуется на отсутствие правды в судах, как изображает тяжелую долю земледельца, беззащитность слабого. Мы знаем его басню о ястребе и соловье, о сильном и слабом, на тему: «с сильным не борись!» Гесиод рисует идеал золотого века, но этот век позади, в далеком прошлом. Настоящее же мрачно. Отец не в согласии с сыном, сын — с отцом, гость — с гостем, товарищ — с товарищем, и брат не мил, как бывало прежде. Теперь — люди насилия; нет ни правосудия, ни стыда. В мире действует борьба и зависть конкурентов; горшечник относится со злобой к горшечнику, плотник — к плотнику, нищий завидует нищему, певец — певцу. Зевс дал такой закон: рыбы, и звери, и птицы крылатые пусть пожирают друг друга, ибо правды нет между ними; но людям он дал правду, которая — величайшее благо. «Слушайся правды, — наставляет Гесиод своего брата Перса, хотевшего несправедливым судом отнять у него участок земли, — работай, Перс, божественный отпрыск». Поэт прославляет честный труд: «работа не позорна, позорно безделье, — говорит он, — разбогатеешь, будет ленивый завидовать тебе, богатеющему, а за богатством следует и слава, и почет». А кто живет в безделии, на того и боги негодуют и люди; он подобен трутням, которые и сами не работают и работу пчел уничтожают, пожирая ее...

Обратимся теперь к поэту, который жил в конце характеризуемого периода и у которого особенно ярко выразилось отношение к современной ему действительности. Это — Феогнид из Мегар.

Феогнид — аристократ по происхождению и по симпатиям. Он лишился состояния, отечества, долго скитался и только под конец жизни вернулся на родину. «Как собака через горный ручей, переправился я, в бурном потоке все бросив». «О, горе мне, бедному. Потерпев несчастье, я стал посмешищем для врагов и бременем для друзей». Феогнид мечтает о мести: он молит Зевса за все претерпленные страдания дать ему «испытать черной крови

врагов». Демос Феогнид страстно ненавидит и презирает. «Топчи ногами пустоголовый демос, — говорит он, — коли его острым жалом, надень тяжелое ярмо на его шею!» Как из луковицы не вырастает роза или гиацинта, так от рабыни — свободное дитя. Обращаясь в своем стихотворении к некоему Кирну, любимому им молодому аристократу, Феогнид советует ему не иметь общения с «низкими», а всегда держаться «благородных»: «только от благородных можешь ты научиться благородному». По мнению Феогнида, было бы хорошо, если бы все «благородные» владели богатством, а простому человеку подобает трудиться в бедности.

Понятно после этого, как относился Феогнид к совершавшимся в ту пору переменам, как волновали они его. «Кирн! город тот же, да люди другие», — с горечью говорит он. «Те, что раньше не знали ни прав, ни законов, но носили на плечах козьи шкуры и за городом паслись, как олени, теперь — знатные! А прежние благородные стали теперь низкими! Кто может перенести это зрелище!» Особенно негодует Феогнид на то, что знатные, забыв свою родовую честь, вступают в брак с незнатными из-за денег.

В одном стихотворении, приписываемом, но, кажется, не принадлежащем Феогниду, положение государства сравнивается с положением корабля, заливаемого волнами: «Подобрав паруса, мы пускаемся в море темной ночью. Воду черпать они не хотят, а волны заливают корабль с обоих бортов. Едва ли кто спасется, когда они так поступают. Хорошего кормчего, который стоял на страже с знанием дела, они сместили; деньги расхищают они силой; порядок исчез, нет больше правильного распределения; носильщики властвуют, чернь — выше благородных. Боюсь я, что так волны поглотят корабль!..»

Яркие черты для характеристики тогдашнего положения дел мы найдем и в стихотворениях Солона, но их мы коснемся далее, в истории Афин.

Одним из результатов той борьбы, которая происходила тогда между демосом и знатными, и первой уступкой со стороны последних является издание писаных законов. Требование писаных законов, с которым выступил демос, вполне понятно, если вспомнить, что суд находился в руках знати и что тут, при отсутствии писаного права, открывался широкий простор для произво-

ла. Вторая половина VII и начало VI в. — время первых опытов писаного права в Греции. И это нововведение впервые появляется опять-таки в колониях, только не в восточных, не в Малой Азии, а в западных: древнейшие писанные законы, по преданию греков, принадлежали Залевку в Локрах (Италийских) и Харонду в Катане¹². Затем уже следует в Афинах — законодательство Драконта и Солона, в Митилене (на острове Лесбосе) — Питтака и проч.

Борьба партий — аристократической и демократической — была, как мы видели, политическая и социальная. Вела она иногда к так называемой *тимократии*. При тимократии доступ к власти открывался и неаристократу по рождению, но лицу, обладавшему известным имуществом, богатством, известным цензом. Другими словами, *аристократия по происхождению* уступала место *аристократии по состоянию*. Или же обе партии, утомленные борьбой, не видели иного исхода, как в том, чтобы вручить неограниченную власть какому-либо лицу, пользующемуся общим доверием. Такое лицо являлось верховным уполномоченным, посредником, законодателем, пожалуй, в известном смысле — диктатором, и называлось эсимнетом¹³. Типичным эсимнетом был Питтак Митиленский, современник Солона, один из семи мудрецов и одна из благороднейших личностей греческой истории. По окончании своего дела Питтак сам сложил с себя власть, избавив свое отечество, как говорит древний историк, от трех величайших бедствий — от тирании, от междоусобной и от внешней войны.

Но чаще всего борьба вела к *тирании*.

Со словом «тиран» древние греки связывали иное понятие, нежели мы. Теперь тиранией мы называем жестокое правление, а тираном — жестокого, хотя бы и законного, государя; греки же обозначали этими словами обыкновенно незаконность происхождения власти и тиранами называли лиц, силой или хитростью

¹² Нужно заметить, что действительное существование Залевка подверг сомнению еще греческий историк Тимей.

¹³ Между эсимнетом и тираном иногда трудно провести границу. По Аристотелю (Pol., 1284 a), эсимнетия — «просто сказать, выборная тирания».

присваивавших себе власть, по праву им не принадлежавшую, хотя бы это были правители кроткие и гуманные¹⁴. Таким образом, тирания в древнегреческом смысле — в сущности узурпация, а тираны — узурпаторы. С точки зрения грека, например, Наполеон I и Наполеон III были бы тираны. Вообще греческую тиранию, скорее всего, можно сопоставить с цезаризмом в Риме или во Франции.

Древняя тирания характеризует преимущественно вторую половину VII и VI столетия до Р. Х. и притом те местности Греции, где политическая, экономическая и вообще культурная жизнь достигла уже значительного развития. Она возникла на почве недовольства и ненависти к знатым и богатым со стороны демоса, страдавшего от политического бесправия и экономического кризиса. Это — своего рода демократическая диктатура, в которой нуждался недостаточно еще окрепший демос.

Тираны выходили иногда из рядов высших правительственных лиц, например, так называемых пританов, стратегов или архонтов, старавшихся насильно продлить и расширить свою власть. Но чаще всего это были аристократы по происхождению, из политического расчета, честолюбия или из-за личной обиды порывавшие связь со своим сословием, становившиеся во главе демоса и с помощью его, силой или хитростью, захватывавшие власть в свои руки. В этом смысле прав Аристотель, говоря, что древние тираны большей частью выходили из демагогов. Существовавших форм государственного строя и законов тираны обыкновенно не трогали и довольствовались властью фактической, предоставляя высшие должности своим родственникам или приверженцам. Иногда, впрочем, они старались и в самом государственном устройстве дать перевес началам демократическим. В ви-

¹⁴ Впоследствии, впрочем, философы, например Аристотель, характерной чертой тирана считали стремление не к общей пользе, а к личной выгоде, или превышение власти, хотя бы и законной. См.: Zeller Ed. Ueber den Begriff der Tyrannis bei den Griechen // SB. Berlin, 1887. S. 1137 f; на рус. яз. о тирании см.: Бауэр Н. В. Эпоха древней тирании в Греции. СПб., 1863; также см. мою статью: Бузескул В. П. Тирания и тирании в древней Греции // Брокгауз—Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. XXXIII, п/т. 65. 1901. С. 224 сл.

дах большей безопасности и прочности собственной власти тираны принимали меры против скопления населения в городе и старались отвлечь его внимание от государственных дел. Опорой им служила военная сила — отряд телохранителей, укрепленный дворец и т. п. Ввиду этого, а также и для осуществления своей внешней и внутренней политической системы тираны нуждались в больших денежных средствах, вводили налоги, иногда в форме прямого обложения, прибегали к конфискации имений знати и т. д. Тираны вступали в союз друг с другом и в тесные сношения с Востоком, вообще развивали широкую внешнюю политику, старались распространить свое политическое и торговое влияние. Они заботились о развитии морского могущества и об основании колоний. Тираны искали и нравственной опоры для своей власти в дружественных связях с Олимпией, и в особенности с Дельфийским оракулом. Они вводили новые культы, покровительствовали, например, культу Диониса, бога преимущественно простого, сельского класса, устанавливали новые церемонии и празднества. Они вступали в союз с умственными силами века, подобно итальянским династам эпохи Возрождения являлись в роли меценатов, привлекали к своему двору художников, поэтов, этих глашатаев славы и тогдашних руководителей общественного мнения. Тираны проявляли в широких размерах строительную деятельность, не только способствовавшую украшению и укреплению их резиденций или благоустройству городов и общей пользе, но и дававшую заработок массе рабочих и ремесленников.

Но лучшей опорой тиранам служила преданность демоса. Уже личные выгоды побуждали их заботиться об удовлетворении насущных его потребностей и интересов — о правосудии, о поднятии экономического благосостояния массы. Некоторые тираны особенно покровительствовали земледельческому классу, оказывая ему всяческое содействие и помощь. Зато знать большей частью подвергалась гонению, а имения у нее отбирались.

В некоторых городах утвердились целые династии тиранов, например Орфагориды в Сикионе, властвовавшие там в течение столетия, Кипселиды в Коринфе, не говоря уже о Писистрате и его сыновьях в Афинах. Память о могуществе и богатстве тиранов долго хранилась греками. О тиранах ходили разные расска-

зы, своего рода новеллы¹³, образцы которых мы находим у Геродота, например рассказ о свадьбе Агаристы, дочери сикионского тирана Клизфена.

Тирания нанесла сильный удар аристократии и много способствовала возвышению демоса. Большей частью она служила переходной ступенью к демократии или, по крайней мере, к более умеренной, сравнительно с прежней, аристократии. Благодаря тирании во многих греческих государствах мог окрепнуть демократический элемент. Тирания освобождала народные массы от владычества аристократии; власть тирана фактически уравнивала знатных и незнатных, так сказать, нивелировала общество. Силам, истощавшимся во взаимной, внутренней борьбе, тираны давали подчас иное направление и применение. Многие тираны, особенно основатели династий, были выдающимися деятелями, обладавшими мужеством и широким умом, личностями сильными, с резко выраженной индивидуальностью.

Но тирания имела немало и темных сторон. Если уже наиболее выдающиеся тираны, основавшие династии, оказывались слишком неразборчивыми в средствах и слишком подозрительными, то их преемники — тем более. Не имея ни тех талантов, ни тех заслуг, которые давали их отцам и предшественникам как бы право на власть, сознавая ее незаконность, они становятся еще более подозрительными и жестокими, видят свою опору исключительно в силе, в наемной страже, пренебрегают интересами демоса, которые делаются для них совершенно чуждыми и непонятными, и воздвигают гонение на всех. При тирании не мог бы развиваться вполне и свободно греческий гений. Тирания, с ее насилием, подозрительностью и лицемерием, должна была иметь деморализующее влияние, и ее падение, после того как она выполнила свою историческую задачу, было благоприятно для дальнейшего развития греков. Окрепший демос мог теперь отстаивать себя и без тирании, которая являлась для него уже скорее тормозом и лишним игом.

И тирания стала вызывать против себя недовольство даже в тех слоях, на которые она прежде опиралась и для которых те-

¹³ Erdmannsdoerffer B. Das Zeitalter der Novelle in Hellas // Preussische Jahrbücher. Bd. XXV. 1870. S. 283 f.

перь сделалась ненужным и тяжелым гнетом. К концу VI в. в большей части Греции она исчезает, уступая место или умеренной аристократии или демократии¹⁶.

Итак, монархия, ее падение, владычество аристократии, борьба с ней демоса и тирания, как переходная ступень к демократии или к более умеренной аристократии, — такова обычная общая схема развития греческого государства в VIII—VI вв.

Те же явления наблюдаем мы и в Афинах. Только тут ход исторического развития совершается еще постепеннее и благодаря дошедшим до нас источникам известен нам подробнее.

Д Е М О К Р А Т И Я В А Ф И Н А Х

¹⁶ Дольше удержалась тирания в сицилийских городах, где борьба между разнообразными племенными и остальными элементами часто приобретала крайне жестокий характер. Она получила особенное развитие в Сиракузах в лице двух Дионисиев (Старшего и Младшего) и Агафокла. Но эта тирания была несколько иная: современница упадка демократии и развития наемничества, она является по преимуществу военной диктатурой: ее представители выходят из рядов военачальников и опираются почти исключительно на военную силу, на солдат. То же следует сказать и о тех тиранах, которые появлялись в Греции во времена и под эгидой македонского господства.

I. НАЧАЛО

Переход от монархии к архонтату

Обычный тип греческого государства — *полис*, государство-город, состоящее из города с его ближайшими окрестностями. Афины, наравне со Спартой, в этом отношении составляли исключение. В известную нам историческую пору Афинское государство не было просто городом, а занимало сравнительно значительную территорию (около 40 кв. миль), обнимавшую всю Аттику и имевшую лишь один центр — Афины. Но некогда и в Аттике существовали отдельные независимые общины, и прошло немало времени, прежде чем совершилось полное объединение или слияние их — так называемый *синойкизм* — в одно целое. Например, Элевсин, несомненно, долго был отдельным, самостоятельным государством. Предания сохранили явные указания на то, что он и Афины были когда-то двумя враждебными сторонами. На былую самостоятельность Элевсина указывает и то обстоятельство, что он пользовался правом чеканить монету. Некоторые общины, вошедшие в состав Афинского государства, когда-то были, по-видимому, в особенно враждебных между собой отношениях, а некоторые, — наоборот, в особенно тесных, союзнических. Так, жители Паллены и Гагна даже впоследствии не заключали браков между собой. С другой стороны, особенно тесная связь существовала между общинами так называемых «четырех городов», к числу которых относился и Марафон; то же можно сказать и о «четырех деревнях» (в их числе были Пирей и Фалер). Все это, очевидно, отголоски далекого прошлого.

По преданию, при Кекропе Аттика делилась на 12 «городов», т. е. областных государств. Объединение же Аттики, ее синойкизм были будто бы делом Иона или Тесея, как гласит более

распространенная традиция. Тесей, по словам Фукидида (II, 15), упразднил советы и власти в отдельных городах и учредил для всей Аттики один Совет (булевтерий) и один Пританей — в Афинах. Впоследствии предание представляло это объединение Аттики совершенным мирно, путем убеждения. Но в действительности оно было результатом довольно долгого и, вероятно, тяжелого процесса¹. Объединение исходило из «равнины», составлявшей естественное средоточие страны. Тут, на берегу Кефиса, неподалеку от морского берега, на скалистом холме, господствуя над окрестностями, расположена была крепость или кремль, акрополь, где еще в микенскую эпоху находился царский дворец.

Афиняне с некоторым правом смотрели на себя как на автохтонов. Лежавшая в углу, далеко не плодородная Аттика не служила приманкой для завоевателей и во времена исторические не подвергалась завоеванию. Даже в эпоху племенных передвижений, когда дорийцы вторгались в Пелопоннес, она не испытала потрясений и участи большей части остальной Греции. Буря ее миновала, и вместо того чтобы сделаться добычей завоевателя, Аттика служит еще убежищем и приютом для других. По преданию, сюда являются беглецы из Беотии, Пилоса и т. д. Это не были покорители; это был лишь прилив свежих, энергических сил, и многие знаменитые афиняне вели свой род от выходцев, нашедших убежище в Аттике. Таким образом, в Аттике мы не видим той племенной розни, которая существовала во многих областях Эллады. Здесь нет двух резко отделенных друг от друга классов — победителей и побежденного, порабощенного народа. «Предки наши, — мог с гордостью сказать впоследствии афинянин², — всегда отличались справедливостью в отношении к людям, ибо они не были смесью с другими племенами или пришельцами; из всех эллинов они одни — автохтоны; та земля, в которой они родились, была их кормилицей и любили они ее, как любят отца и мать». И это обстоятельство в будущем, конечно, могло

¹ По мнению Эд. Мейера, только в одной Аттике сохранилось древнее государство микенской эпохи; от той эпохи и ведет свое начало государственное единство страны.

² Исократ в «Панафинейской речи» (125).

способствовать достижению равноправия и развитию более демократических форм в Афинах.

Но все-таки вражды и борьбы между различными социальными элементами не избегла и Аттика. В древней истории Афин перед нами, несмотря на отмеченные черты, все же в сущности явления, аналогичные тем, которые мы видим в большей части остальной Греции. Историческая жизнь Аттики прошла через те же стадии развития, что и в большинстве других греческих государств VIII–VI вв. И в Афинах некогда существовала царская власть, которая потом исчезает; и тут, прежде чем упрочилась демократия, властвовала аристократия эвпатридов и между ней и низшими классами, демосом, происходила борьба.

В социальном отношении, по знатности происхождения и своим занятиям, население Аттики делилось на три сословия — на *эвпатридов*, благородных, *георгов*, или *геоморов*, иначе *агройков*, земледельцев, и *демиургов*, ремесленников. Эвпатриды сосредоточивали в своих руках крупную земельную собственность, политическое влияние и затем власть. В старину, а нередко и впоследствии, они жили обыкновенно вне города, и в Аттике немало было поселений, называвшихся по имени знатных родов, которые, очевидно, происходили из той местности и там имели местопребывание. Георги, или геоморы, были преимущественно средними и мелкими земледельцами, а демиурги, число которых должно было увеличиваться лишь по мере торгового и промышленного развития Аттики, занимались ремеслом и торговлей. Такое деление на сословия приписывалось в древности Тесею. Плутарх передает³, будто Тесей, производя синойкизм и желая еще больше увеличить город, созвал всех «на равных правах», но чтобы эта «демократия» не была беспорядочной, смешанной толпой, он первый разделил ее на упомянутые три сословия: эвпатридам он предоставил ведать религиозными делами, занимать должности, быть истолкователями законов божеских и человеческих; они выдавались почетом, геоморы — полезностью, демиурги — численностью. Конечно, в ту отдаленную эпоху, при слабом развитии торговли и ремесел, едва ли демиурги могли выдаваться численностью, как говорит Плутарх; да и само деление на сословия было,

³ В биографии Тесея (24 sq.).

по всей вероятности, результатом не законодательного акта одного какого-либо лица, а самой жизни: сословия эти, так сказать, бытовали в Аттике.

Но рядом с делением на сословия или классы в Аттике существовало еще деление родовое — на филы или колена, фратрии и роды. Там было четыре филы — Гелеонты, Аргады, Эгикореи и Гоплиты, из которых каждая состояла из трех фратрий, а фратрия — из известного числа родов⁴.

Относительно этого деления возникает целый ряд вопросов: что древнее — фила, фратрия или род? Обнимало ли это деление всех граждан Аттики или только знатных эвпатридов? Имели ли филы территориальный характер или же скорее племенной, кастовый, соответственно занятиям жителей? Возникли ли они в Аттике или принесены извне? В каком отношении находится это деление к сословному — на эвпатридов, геоморов и демиургов? и т. д. По этим вопросам существует обширная литература, но некоторые из них все еще не вполне разрешены. Мы здесь не будем вдаваться в специальные подробности; скажем только, что в состав фил, по-видимому, входили все граждане; деление на три сословия не имело отношения к делению на филы и фратрии; знатные фамилии находились в каждой из фил; последние были, в сущности, равноправны, хотя на первом месте обыкновенно называют филу Гелеонтов; филы имели до некоторой степени и территориальный характер; это можно заключить из того, что впоследствии каждая фила разделена была на 3 триттии и на 12 навкратрий, а навкратрии были единицы территориальные.

Членов рода связывало происхождение от одного — действительного или мнимого — предка. Нередко род и назывался по имени того лица, от которого он вел себя (например, Алкмеониды — от Алкмеона). Члены рода находились между собой в тесной правовой и религиозной связи, имели некоторые общие права и обязанности, общий культ, свои святилища, своих жрецов, свои праздники, свои кладбища. В древности они должны были защищать друг друга, мстить убийце, если кто-либо из

⁴ По схеме, которую мы находим, например, у Аристотеля, в каждой фратрии было по 30 родов, состоявших в свою очередь из 30 глав семейств. Но схема эта, очевидно, искусственная.

членов рода погибал от руки его; в случае отсутствия прямых наследников наследовали имущество умершего. Во главе рода стоял особый, так называемый «архонт рода», по всей вероятности ежегодно сменявшийся. Членов фратрии связывал тоже общий культ. Во фратрии велись списки законных детей; она наследовала имущество последнего в роде и т. п. Во главе фил стояли «цари фил» (φίλοβασιλεῖς); еще в IV в., во времена Аристотеля, они совместно с архонтом-басилевсом производили суд в Пританее. В строе государства и в тогдашней политической жизни, особенно в эпоху аристократии, филы имели немалое значение, служа основой для организации управления, войска и проч. В них, конечно, сильно преобладали аристократические элементы и стремления.

Начало демократии в Афинах последующая традиция относил к очень ранней поре, еще ко времени Тесея. Она представляла этого героя иногда в образе основателя и покровителя демократии. По поводу синоикизма говорили, например, что Тесей созвал всех «на равных правах», что он достиг соединения Аттики путем компромисса и уступок, обещав разделить власть с главами и представителями прежних отдельных общин, являясь между ними скорее первым между равными, что при нем уже форма правления уклонилась от царской и что он первый «склонился на сторону толпы». Тесей, собрав в Афины разнообразный люд, создал будто бы демос и придал монархии более демократическое направление⁵.

Разумеется, подобные сообщения не заслуживают доверия. Не говоря уже о том, что Тесей — личность не историческая, а легендарная, в предании этом мы замечаем противоречия; оно и Солон считает основателем афинской демократии, и вообще трудно допустить, чтобы о столь отдаленном периоде аттической истории позднейшая греческая литература сохранила сколько-нибудь достоверные сведения. Но предание о Тесее, как основателе афинской демократии, интересно в другом отношении: оно показывает, как последующие поколения представляли себе первоначальную демократию в Афинах и в какую отдаленную глубь веков готовы были они относить ее начало.

⁵ *Aristot. Ath. Pol.*, 41; *Plut. Thes.*, 24 sq.

В действительности от монархии Афины перешли не прямо к демократии, а к аристократии, к *архонтату*. Переход этот совершился с замечательной постепенностью. Одна из версий древней традиции упразднение в Афинах монархии и учреждение должности архонта приурочивала ко времени смерти царя Кодра, будто бы пожертвовавшего жизнью ради спасения отечества. Согласно господствовавшему в древности преданию, цари заменены были архонтами, которые сначала были пожизненными и избирались из фамилии царской — из потомков Кодра, Медонтидов. С середины VIII в. должность архонтов ограничивается 10 годами. Через 4 десятилетия после этого Медонтиды теряют исключительное право на архонтат и доступ к последнему открывается всем эвпатридам, а еще через 30 лет — в 683/82 г. до Р. Х. — в Афинах стали выбирать ежегодно *девять архонтов* — собственно *архонта* (впоследствии называвшегося *архонтом-эпонимом*), *басилевса*, *полемарха* и *шесть фесмофетов*, и таким образом власть, принадлежавшая прежде одному лицу, теперь разделяется между несколькими. Такое ее разделение и создание новых, ежегодно замещавшихся должностей должно было удовлетворять честолюбию эвпатридов, их стремлению к власти.

Аристотель в своем трактате «Афинская полития» (3), вновь открытом среди папирусов, приобретенных в Египте Британским музеем, и изданном впервые Кенионом в 1891 г., представляет переход от монархии к архонтату так. По времени первой в Афинах была власть царя, ибо она существовала изначально. Второй возникает рядом с ней полемархия, вследствие того, что некоторые цари стали невоинственными, а затем появляется должность архонта (эпонима), которая и сделалась впоследствии главной. Должности эти были сначала пожизненными, а потом десятилетними. Большинство, по словам Аристотеля, относит возникновение архонтата ко времени Медонта, а некоторые — ко времени его преемника, Акаста, когда потомки Кодра «отказались будто бы от царской власти из-за даров, которые получал архонт», причем ссылаются на клятву, даваемую архонтами, в которой те обязываются «присягать так, как при Акасте». Что должность архонта сравнительно с должностью басилевса и полемарха более позднего происхождения, это, по мнению Ари-

стотеля, видно между прочим из того, что архонты не заведуют никакими древними учреждениями и культом, подобно басилевсу и полемарху, а только новыми. Фесмофетов же стали в Афинах выбирать спустя много лет, уже при ежегодных архонтах, с тем, «чтобы они записывали и хранили постановления для суда над преступниками».

Так рассказывает Аристотель о падении царской власти в Афинах и начале архонтата. Он здесь опирался, конечно, не на какой-нибудь документальный, вполне достоверный источник: перед нами тут преимущественно комбинации и выводы, со ссылкой на доказательства, которые основываются больше на так называемых «культурных переживаниях». Но в пользу сообщения Аристотеля говорят и внутреннее правдоподобие, и историческая аналогия. В его изложении постепенность перехода от монархии к аристократии представляется особенно рельефно. По Аристотелю, какого-либо переворота, формальной отмены царской власти в Афинах не было. Мы видим тут, как и в большей части остальной Греции, не революцию, а эволюцию. Падение монархий и переход к аристократии совершается медленно, с удивительной последовательностью: архонт, первоначально лицо менее важное, занимавшее третье место, возвышается мало-помалу до положения первенствующего, становится выше не только полемарха, но и самого басилевса, советником и помощником которого он, вероятно, сначала был, а басилевс из монарха превращается во второстепенное лицо, во второго архонта, заведующего преимущественно делами, касающимися культа. Таким образом, второй архонт есть прямой, непосредственный преемник прежних царей; но фактически главная власть перешла в руки сановника, сначала стоявшего на третьем месте, а затем возвысившегося над басилевсом и заслонившего его собой.

С усилением знати царская власть ограничивалась и падала. По мере того как отношения и условия жизни становятся сложнее, выделяются новые должности и происходит, так сказать, дифференциация и дробление некогда единой власти, обязанности, исполнявшиеся прежде одним лицом, монархом, бывшим вместе правителем, военачальником, судьей и жрецом, исполняются тремя, а впоследствии к трем сановникам присоединяется еще шесть фесмофетов.

С падением власти базилевса и возвышением архонта (эпонима) мы можем до известной степени сопоставить ограничение царской власти в Спарте эфорами и их возвышение. У молоссов в Эпире власть царей ограничивали простаты; в Мегарах наряду с царями стоят стратеги, власть которых расширяется за счет царской. А возвышение полемарха в Афинах — вследствие невоинственности и изнеженности царей, по объяснению Аристотеля, — может напомнить нам возвышение франкских майордомов при Меровингах.

Архонты избирались ареопагом «по знатности и богатству», как выражается Аристотель в своей «Афинской политике» (3). Это не значит, что уже тогда существовал строго определенный ценз и господствовал тимократический принцип: слова «по знатности и богатству» лишь взаимно дополняют одно другое; знатность и богатство в те времена совпадали, были как бы синонимами. Но естественно, что наиболее богатым эвпатридам отдавалось предпочтение. Из их среды и выходили архонты.

Первоначально девять архонтов, т. е. собственно архонт, базилевс, полемарх и шесть фесмофетов, не составляли одной коллегии и имели различное местопребывание; в одну коллегию соединил их Солон. По свидетельству Аристотеля, в старину архонты имели право решать дела окончательно, собственной властью, а не только предварительно расследовать, как было впоследствии. По словам Фукидида (I, 126), они тогда заведовали большей частью государственных дел.

Главным сановником в государстве был первый «архонт», архонт по преимуществу, которому специально присвоен был этот титул и по имени которого обозначался год: в Афинах употреблялось выражение — «в архонтство такого-то», подобно тому, как в Риме говорили — «в консульство таких-то». Позже этот архонт официально назывался «архонтом-эпонимом». При вступлении в должность он прежде всего объявлял, что чем каждый владеет до него, тем и будет владеть до конца его архонтства, т. е. каждому гарантировалась его собственность. В этом видят отголосок той глубокой старины, когда еще господствовала полная необеспеченность собственности. Впоследствии ведению первого архонта преимущественно подлежали семейно-правовые отношения; он должен был заботиться о дочерях-наследницах, сиротах,

вдовах; он должен был назначать опекунов, защищать родителей от дурного обращения с ними детей. Он заведовал и некоторыми празднествами. Но некогда, во время господства аристократии, должность первого архонта была очень важной: это был как бы президент Афинской республики.

Второй архонт — базилевс, «царь» — ведал делами главным образом сакральными, имеющими отношение к культу, и председательствовал в ареопаге по делам о смертоубийстве, потому что в те времена такие дела связаны были с культом и пролитие крови рассматривалось как осквернение. Между прочим, любопытным остатком старины являлся обряд бракосочетания «царицы», жены архонта-базилевса, с богом Дионисом.

Полемарх, как показывает само название, был «военачальником»: он командовал войском и ведал делами, касающимися войны, а так как в старину «враг» и «чужой» были понятиями тождественными, то его ведению подлежали и дела, касавшиеся чужеземцев и неграждан.

Наконец, фесмофеты несли обязанности преимущественно судебские.

При царях существовал совет из знати. Несомненно, что подобный совет существовал и в период господства аристократии, при архонтах. Таким правительственным советом в Афинах был *ареопаг*.

По словам Аристотеля, ареопаг имел назначением наблюдать за исполнением законов; но, в сущности, он ведал большей частью — и притом важнейших — государственных дел, собственной властью наказывал и карал всех нарушающих порядок; он же по своему выбору и усмотрению назначал архонтов, каждого соответственно его способностям. Члены ареопага были пожизненные, и состоял он из бывших архонтов (Ath. Pol., 3; 8). Судя по этим словам, ареопагу принадлежало первенствующее значение в государстве. Его можно сравнить с римским сенатом. Ему принадлежит высшая контролирующая и карающая власть. При владычестве эвпатридов с падением монархии и с разделением власти между несколькими ежегодно меняющимися сановниками неминуемо должны были сильно возрасти авторитет и влияние совета, состоявшего из пожизненных членов, наиболее знатных в богатых, служившего средоточием политической опытности и хранителем

традиций, пополнявшегося, в сущности, путем кооптации, хотя и косвенным образом (так как состоял ареопаг из бывших архонтов, им же избранных). Между архонтатом и ареопагом должна была существовать тесная связь, ибо архонты избирались ареопагом и в него же потом вступали.

Народное собрание, существовавшее в Греции в гомеровскую эпоху, было и в Афинах. Оно не совсем исчезло, вероятно, и теперь, при господстве аристократии, но созывалось редко и значения не имело.

Еще при владычестве эвпатридов, по крайней мере, под конец этого периода, для удовлетворения вновь возникших потребностей, особенно во флоте, и для привлечения населения к несению повинностей введено было деление Аттики на *навкратии*. Каждая из 4 фил разделена была на 3 триттии и 12 навкратии. Навкратии, следовательно, было 48. Во главе их стояли навкраты. Каждая навкратия должна была снаряжать по одному кораблю и выставлять по два всадника. Навкратии введены были в военных и финансовых целях, и навкраты заведовали текущими местными сборами и расходами. Навкратии являются представителями не старинного, родового принципа, а другого, нового, — территориально-административного.

Отметим еще, как очень древнюю должность, *колакретов* (буквально — «разрезающих мясо», «резников»), имевших первоначально отношение к жертвоприношениям и бывших потом преимущественно заведующими денежной кассой.

Таков был в общих чертах строй Афин во время владычества эвпатридов.

Килонова смута, законодательство Драконта и экономический кризис

До второй половины VII в. владычество эвпатридов в Афинах было незыблемым и не встречало противодействия. И в политическом, и в культурном, и в экономическом отношении Аттика отставала от других: ее соседи — Мегары, Коринф, Эгина — стояли тогда на первом месте, заслоняя ее. Но с середины VII в. в сферу того нового движения, которое происходило во многих греческих об-

щинах и о котором мы уже говорили, была втянута и Аттика, тем более, что вследствие ее географического положения и природы легко могли установиться тесные сношения между ней и приморскими городами Малой Азии и появиться класс торговых мореходов. Почва Аттики давала прекрасный материал для гончарного производства, для керамики. В VII столетии развился особый стиль — геометрический, иначе называемый стилем Дипилона, и центром производства были Афины. Археологические находки показывают, что афинская керамика проникла далеко на восток и на запад — во Фригию, на Кипр, в Сицилию, в Этрурию. В VI в. она уже вытесняет произведения других греческих городов, в том числе и знаменитые коринфские вазы. Бедная хлебом Аттика была богата оливками, и оливковое масло составляло важный предмет вывоза. Введение навкратий, о которых мы говорили, показывает, что уже сознавалась необходимость во флоте. Флот этот был, конечно, на первых порах небольшой. Есть известия, что уже в конце VII в. афиняне заняли Сигей, к югу от Геллеспонта на малоазийском берегу, и из-за него вступили в борьбу с митиленцами. Борьба на этот раз окончилась тем, что по приговору коринфского тирана Перияндра, избранного в посредники, Сигей остался за Афинами. Очевидно, афиняне старались обеспечить сношения с Понтом. Вероятно, уже тогда они нуждались в подвозе иностранного хлеба.

Вообще, как мы видели, то было время, когда, с одной стороны, развивалась промышленность, торговля, входили в употребление и получали большое значение деньги, возвышалась новая сила — демос, а с другой стороны, усиливались произвол и злоупотребления господствующей аристократии, тяжелый экономический гнет, от которого страдала масса земледельческого населения, и ее задолженность. Недовольство массы, брожение в ее среде, борьба со знатью, — все это создает благоприятные условия и почву для тирании, которая в ту эпоху составляла обычное явление в Греции.

Разгар этой борьбы в Афинах относится к более позднему времени; но ее зародыши и первые симптомы обнаруживаются еще во второй половине VII в.

В 30-х гг. этого века молодой, знатный и богатый афинянин, по имени Килон, зять мегарского тирана Феагена, делает попытку

овладеть властью в Афинах. С помощью друзей и данного ему тестем отряда в годовщину своей победы на Олимпийских играх он захватывает акрополь. Но против него поднялось население Аттики все поголовно, как горожане, так и сельские жители — последние под предводительством пританов навкраов, — и Килон с приверженцами был осажден. Осада затянулась. Большинство осаждающих разошлось, предоставив архонтам покончить с восстанием. Килон с братом успел бежать; приверженцы же его, которым грозила гибель от голода и жажды, сдались, положившись на обещание, что они будут пощажены. Но обещание было нарушено, и сторонники Килона избиты, причем некоторые из них погибли у самых алтарей богов.

Так неудачно кончилась попытка Килона. Недовольство и начинавшееся брожение в народе могло подать ему мысль о захвате власти, внушить смелость и надежду на успех. Но Килон не был защитником и вождем недовольного народа. По-видимому, он не постарался или не сумел приобрести доверие и опору в массе, слишком явно обнаружил свои тиранические, чисто эгоистические замыслы. В довершение всего он опирался на чужеземную помощь — и притом тирана — и, следовательно, в глазах большинства являлся врагом отечества.

Но эта неудачная Килонова попытка и ее подавление надолго оставили после себя тяжелый след в афинской истории. Положение дел не улучшилось, а, напротив, еще более ухудшилось. Началась продолжительная война с Мегарами, тиран которых Феаген мстил афинянам за неудачу Килона и гибель его приверженцев. Остров Саламин, расположенный у самого берега Аттики, перешел тогда в руки мегарцев. Аттика находилась как бы в блокаде; ее сообщения морем были крайне затруднительны, берега в опасности; сам подвоз хлеба, в котором она нуждалась, стеснен. В довершение всего угнетенное настроение овладело народом: при подавлении Килонова восстания совершено было святотатство — пролита кровь на священном месте, у жертвенника Эвменид, и народ ждал небесной кары за осквернение святынь и алтарей. Вина за произошедшее падала главным образом на архонтов, в особенности на тогдашнего первого архонта Мегакла из фамилии Алкмеонидов, руководившего подавлением Килонова восстания.

Наконец, после долгого промежутка, когда многие из участников в этом святотатственном деле сошли уже в могилу, состоялся суд над святотатцами, причем судьями были 300 «лучших мужей». По их приговору трупы виновников были выброшены из могил, а род их предан вечному изгнанию⁶. Такая кара постигла Алкмеонидов, и так положено было начало разрыву между этой могущественной фамилией и остальной афинской аристократией. И долго еще потом будут припоминать Алкмеонидам их участие в святотатственном деле при подавлении Килонова восстания; во времена афинского законодателя Клисфена, из рода Алкмеонидов, Перикла, по матери происходившего от них, этим будут пользоваться их враги.

Существует предание, что в Афины для окончательного очищения города от «скверны» святотатства призван был Эпименид Критянин, мудрец и пророк, который и совершил ряд очистительных обрядов. Но личность Эпименида — полумифическая и рассказы о нем носят характер легендарный.

Тяжесть положения и зависимость демоса от эвпатридов немало увеличивало то обстоятельство, что в Афинах не было тогда еще писаных законов и суд находился в руках аристократии. К тому же существовавшее обычное право мало уже соответствовало новым условиям жизни, не удовлетворяло вновь назревшим потребностям. И первое требование, с которым выступил афинский демос и на которое согласились эвпатриды, было издание писаных законов.

Дело это было поручено Драконту, по-видимому, одному из фесмофетов, который издал законы в архонтство Аристехма⁷, т. е., по всей вероятности, в 621 г. Кодекс Драконта целиком не сохранился. Но в конце V в. до Р. Х. по постановлению афинского народного собрания начертаны были на каменной стеле Драконовы законы, касавшиеся убийства, и эта копия с оригинала

⁶ О спорных вопросах см. в моей книге: Бузескул В. П. Афинская Полития Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895. С. 296 сл. См. также статью: Малинин А. А. К вопросу об Алкмеонидах в I гл. «Афинской Политии» Аристотеля в связи с вопросом об Эпимениде Критянине // ЖМНП. 1908. ноябрь—декабрь.

⁷ *Aristot. Ath. Pol.*, 4.

VII столетия, в виде надписи, в обрывках, дошла до нас⁸. Кроме того, имеются цитаты у ораторов и некоторые другие данные. Но все же мы не можем в точности сказать, кодифицировал ли Драконт лишь существовавшее право или же внес что-либо новое в него и что именно.

По Драконтовым законам судьями были в большинстве случаев *эфеты*. Не вполне выяснено, ввел ли их впервые Драконт, как сообщают некоторые источники, или они были и до Драконта. Эфеты выбирались в числе 51 из «лучших людей», конечно, знатных, имевших от роду не менее 50 лет. Их можно сравнить со средневековыми шеффенами, *boni homines*. Число эфетов — 51 — на первый взгляд несколько странное, проще всего объясняется по аналогии с последующими афинскими судами, дикастериями, состоявшими из 201, 501 и т. д. судей: имелось в виду избежать возможного равенства голосов при решении, и с этой целью введено было число нечетное.

Драконтово законодательство уже различает убийства по категориям. Так, суд по обвинению в преднамеренном убийстве происходил в ареопаге; но являлись ли тут судьями сами ареопагиты, как это было впоследствии, со времен Солона, или же эфеты, вопрос спорный⁹. Если убийца был неизвестен или же смерть причинена была животным, каким-либо неодушевленным предметом, например упавшим камнем, деревом и проч., то обряд суда происходил в Пританее, где заседали «цари фил» под председательством архонта-басилевса. По окончании суда животное или предмет, причинивший смерть, извергались за пределы Аттики. Суд производили эфеты в Палладии, святилище Афины в Фалере, в случае убийства непреднамеренного или же подстрекательства; в Дельфинии, святилище Аполлона, — если убийство было «справедливое», т. е. дозволенное законом, например в случае самообороны, прелюбодеяния, во время состязания и т. п.; во

⁸ См. собрание аттических надписей: CIA (= IG), I, № 61; Ditt. Syll², I, № 52; Recueil des inscriptions juridiques grecques, par O. Dareste, B. Haussoullier, Th. Reinach, 2me serie. Paris, 1898, где имеется и французский перевод отрывков, и комментарий.

⁹ Lipsius J. H. Das attische Recht und Rechtsverfahren. Bd. I. Leipzig, 1905. S. 20; ср.: Busolt G. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. II. Gotha 1895. S. 232 f.

Фреатто, на берегу моря, близ Пирея, — если убийство совершал изгнанный, причем в таких случаях обвиняемый защищался перед судом, не вступая на почву Аттики, а находясь в лодке. Суд над убийцей происходил вообще под открытым небом, дабы судьи не оскверняли себя, находясь под одним кровом с лицом, запятнанным кровью.

Солон отменил большую часть Драконтовых законов, но оставил в силе те из них, которые касались убийства. Один оратор конца V в. до Р. Х. называет уголовные законы Драконта «самыми древними в стране», которых никто никогда не осмеливался трогать. Но уже в IV в. Аристотель отмечает, как характерную черту Драконтовых законов, их жестокость. Говорили, что Драконт почти за всякое преступление, даже за мелкое воровство, назначал смертную казнь. Современник Филиппа Македонского, оратор Демад, выражался, что Драконт писал свои законы не чернилами, а кровью. Выражение это стало ходячим.

В действительности, однако, было не совсем так. Мы видим, например, как по Драконтову законодательству убийство преднамеренное уже различается от непреднамеренного; за последнее назначается не смертная казнь, а изгнание; при этом допускается примирение с ближайшими родственниками убитого, а в случае неимения таковых — с представителями фратрии; убийство раба наказывается наравне с убийством свободного гражданина; наконец, с убийцей запрещается дурно обращаться.

Но тогда как обычная, распространенная традиция древности представляет Драконта законодателем только в области уголовного и гражданского права, в одной из глав «Афинской политики» (4) Аристотеля ему или, по крайней мере, его времени приписывается особый политический строй. Эта «Драконтова конституция» была будто бы такова. Политические права принадлежали тем, кто имел оружие. Последние выбирали архонтов и казначеев из лиц, у которых свободного от долгов состояния было не менее 10 мин¹⁰; на остальные, младшие должности выбирали из имевших оружие,

¹⁰ Мину составляли 100 драхм, а 60 мин составляли талант. Драхма ок. 40 коп., а талант приблизительно 2400 руб. на наши деньги [применительно к тем годам, когда В. П. Бузескул писал эти строки. — Примеч. науч. ред.].

а на высшие военные должности стратегов и гиппархов — из лиц, которые покажут, что обладают свободным имуществом не менее 100 мин и имеют от законного брака детей старше 10 лет; сверх того, от стратегов и гиппархов до сдачи ими отчета требовались особые поручители. Совет состоял из 401 — из избранных по жребию граждан. Как члены совета, так и прочие власти должны были иметь от роду более 30 лет, и одно и то же лицо не могло занимать должность вторично, прежде чем очередь обойдет всех. Если кто из членов совета пропустит заседание последнего или народного собрания, тот платит штраф: пентакосиомедимн¹¹ — 3 драхмы, всадник — 2, а зевгит — 1. Ареопаг был стражем законов и наблюдал за тем, чтобы власти правили по законам; всякому потерпевшему несправедливость предоставлено было обратиться с жалобой в ареопаг с указанием закона, нарушенного по отношению к нему.

Итак, если верить этому свидетельству, еще до Солона политическими правами пользовались не одни эвпатриды, а все имевшие оружие; народное собрание, совет 401, жребий, отчеты должностных лиц, стратеги, господство тимократического начала, ценз, и притом для стратегов гораздо более высокий, чем даже для архонтов, деление на имущественные классы, — все это оказывается существующим еще при Драконте!

Такова та «Драконтова полития», описание которой в глазах одних является своего рода перлом среди свидетельств Аристотелева трактата, а в глазах других — нелепостью. Вообще вопрос о ней один из самых спорных¹². Это изложение Драконтовой конституции находится в противоречии с некоторыми местами того же трактата об афинской политии и с остальной традицией древности, а главное наряду с чертами вполне правдоподобными — народным собранием, политическими правами «имеющих вооружение», требованием свободного от долгов состояния, — оно содержит анахронизмы. Не говоря уже о жребию, об имущественных классах и т. п., о чем можно еще спорить, совершенно неве-

¹¹ Т. е. имевший дохода не менее 500 медимнов. Об имущественных классах см. ниже, где речь идет о реформе Солона.

¹² См. мою книгу: *Бузескул В. П. Афинская Полития Аристотеля...* С. 309 сл.

роятно, чтобы во времена Драконта, в 20-х гг. VII в., стратеги и гиппархи стояли выше архонтов, а так выходит по «Драконтовой конституции», так как от стратегов и гиппархов требуется ценз больший, нежели от архонтов; и что это не простая какая-либо описка лишь в цифрах, видно из того, что к этим лицам предъявляются еще особые требования: они должны иметь детей от законного брака старше 10 лет и представлять поручителей до сдачи отчета. Очевидно, стратегам и гиппархам придавалось значение большее, нежели архонтам. Это уже явный анахронизм. До V в. в Афинах в общем государственном управлении архонты занимали высшее место, а главное начальство над войском принадлежало полемарху.

«Драконтова конституция» представляет много сходных черт с теми олигархическими проектами, которые были распространены в Афинах в конце V в., в последний период Пелопоннесской войны. Она как бы выражает стремления и идеалы тогдашних афинских олигархов. Наконец, ее описание в Аристотелевом трактате плохо связано и не совсем согласуется с предыдущим и последующим текстом, пришито, так сказать, белыми нитками.

Поэтому мы склоняемся к выводу, что описываемая в «Афинской политии» «Драконтова конституция» есть анахронизм, что описание это заимствовано из какого-либо олигархического источника конца V в. и составляет вставку, принадлежащую даже не Аристотелю¹³.

Но как бы мы ни смотрели на Драконта, будем ли мы видеть в нем реформатора политического или нет, несомненно, что социально-экономических отношений он не коснулся. Между тем положение массы земледельческого населения в Аттике тогда было тяжелое. Помимо того «корыстолюбия и высокомерия» знатных, о котором говорит и Солон в своих стихотворениях, оно вызывалось, как мы видели, и более глубокими, общими причинами — тем кризисом, который происходил тогда в экономической жизни Греции вследствие перехода от натурального

¹³ Я не вижу основания отказываться от этого мнения, высказанного в 1895 г. в моей книге об «Афинской политии», хотя оно и встретило возражения. Недавно к такому же выводу пришел У. Вилькен: *Wilcken U. Apophoreton*. Berlin, 1903.

хозяйства к денежному, развития торговых сношений, привоза дешевого хлеба из других стран и проч. Многие земельные участки были заложены; на них ставились своего рода ипотечные знаки, закладные столпы (οροί) с обозначением имени заимодавца и суммы долга. Число независимых мелких собственников уменьшалось.

«Государственный строй Афин был тогда во всех отношениях олигархический», — говорит Аристотель в своей «Афинской политике» (2). «Бедные были в кабале у богатых сами и дети их, и жены. Назывались они пелатами и гектеморам» (т. е. шестидольниками), «ибо за эту долю они обрабатывали поля богатых — вся же земля была в руках немногих — и в случае неисправных взносов обращались в рабство, и сами, и дети их. Займы заключались тогда под залог тела» (т. е. личности), «и так было вплоть до Солона, который первый явился простатом демоса. Тяжелее всего для большинства было находиться в кабале, но оно и всем остальным было недовольно, ибо ни в чем не имело доли». Выходит, что причины тяжелого положения массы и ее недовольства, по Аристотелю, были двоякие: политические — олигархический строй и обусловленное этим полное бесправие демоса — и социально-экономические.

В общем, такая же картина тяжелого положения земледельческого населения рисуется и у Плутарха. В то время, говорит Плутарх в биографии Солона (13), неравенство между богатыми и бедными достигло высшей степени, государство находилось в опасности и казалось, что только с установлением тирании можно восстановить спокойствие и прекратить смуту; ибо весь демос находился в долгу у богатых. При этом у Плутарха этот обремененный долгами демос разделяется на две категории: во-первых, на гектеморийцев (или гектеморов) и фетов, которые обрабатывают землю для богатых, платя, по словам Плутарха, «шестую часть» сбора, и, во-вторых, на лиц, которые, беря займы под залог «тела», становятся рабами своих заимодавцев в случае неуплаты долга. «Многие принуждены были продавать даже собственных детей, — продолжает Плутарх, — ибо ни один закон не запрещал этого — и бежать из государства вследствие притеснений заимодавцев. Большинство же — и притом наиболее энергичное — собиралось и призывало друг друга не тер-

петь долее такого положения, но избрав вождем надежного человека, освободить должников, поделить землю и совершенно изменить строй государства».

В изложении наших источников в подробностях есть, конечно, преувеличения, неточности и неясности. Что такое, например, «гектеморы»? ¹⁴ Судя по всему, это не были арендаторы или фермеры, как их часто называли; это и не сельские наемные рабочие, получавшие за свой труд натурой известную часть жатвы. В гектеморах скорее всего можно видеть или половников (metayer), или людей, ставших в силу экономических условий полузависимыми, своего рода колонов. Гектеморы находились в некоторой как бы наследственной зависимости от богатых, были людьми полусвободными; в случае же неисправности в платеже им грозило лишение и той доли свободы, которой они еще пользовались, уже полное рабство и продажа хотя бы даже на чужбину. Между ними могло быть немало и прежних земельных собственников, которые заложили свои земли или вынуждены были уступить их заимодавцам, оставшись на них в качестве гектеморов и работая на богатей. Но если гектеморы платили известную часть жатвы, то как объяснить их задолженность по отношению к землевладельцам? По-видимому, им — особенно при неурожаях — иногда не хватало на жизнь или на посев, и они вынуждены были брать себе из доли владельца. Аристотель, нужно заметить, распространяет, очевидно, на гектеморов то, что скорее относится к другой категории бедствовавшего населения, упоминаемой у Плутарха, свидетелем которого тут заслуживает предпочтения по большей отчетливости, вразумительности и внутреннему правдоподобию. Какую долю получали гектеморы, т. е. 1/6 или 5/6 урожая, — тоже давний и спорный вопрос. Название «шестидольники» по-гречески само по себе не может служить тут указанием: оно равно применимо и к тем, кто отдает, и к тем, кто оставляет себе шестую долю. Показания же источников расходятся: Плутарх, как мы

¹⁴ Guiraud P. La propriété foncière en Grèce. Paris, 1893. P. 421 ss. Вопрос о гектеморах имеет свою литературу. См. в моей книге: Бузескул В. П. Афинская Политика Аристотеля... С. 303 сл. Из новейших исследований см.: Swoboda H. Beiträge zur griechische Rechtsgeschichte // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. 1905.

видели, ясно говорит, что гектемии платили шестую долю; другие выражаются неопределенно; есть известия, что гектемиам шла лишь шестая часть. В правильности показания Плутарха можно сомневаться. Дело в том, что положение гектемиам изображается в наших источниках как особенно тяжкое, бедственное; спрашивается, могло ли быть оно таким, если бы гектемии отдавали всего только $\frac{1}{6}$, а в свою пользу оставляли $\frac{5}{6}$? Вопрос до сих пор остается открытым. Для надлежащего решения его необходимо более точное и близкое знание условий тогдашнего хозяйства в Аттике, чем то, каким мы располагаем при данных источниках.

Когда Аристотель говорит, что «вся земля была в руках немногих», или Плутарх выражается, что весь демос находился в долгу у богатых, то это — преувеличение, что доказывается существованием во время Солона целого класса не крупных землевладельцев, зевгитов (о которых подробнее еще придется говорить), и свидетельством самого Солона, говорящего о снятии им столпов, орои, и освобождением таким образом «матери-земли»: очевидно, существовали еще мелкие и средние земельные владения, хотя и заложенные. Сам борьба демоса с эвпатридами и ее исход, последующее торжество демократии в Афинах, — все это было бы непонятно, если бы во второй половине VII в. в Аттике были одни крупные землевладельцы и колонны или сельские пролетарии и не было значительного среднего землевладельческого класса, хотя и переживавшего тяжелый и опасный кризис.

Но, в общем, картина положения дел, написанная Аристотелем и Плутархом, соответствует той, которую рисует в своих элегиях современник-очевидец и деятель эпохи — Солон. «Город наш, — говорит он в одном из своих стихотворений, — по воле Зевса и по мысли других блаженных бессмертных богов никогда не погибнет; такой великодушный хранитель, как дочь могучего отца» (Зевса), «Паллада Афина, свыше простирает над ним свои руки. Но великий Город хотят погубить своим безрассудством, слушаясь корысти, сами граждане и беззаконный дух вождей народа... Богатеют они неправедными делами. Не щадя ни священного, ни народного достояния, они крадут, грабят, один там, другой здесь, и не хранят священных основ Правды. Безысходная беда уже постигает все государство, и оно быстро попало в злое рабство, которое возбуждает междоусобицы. Враждующие тер-

зуют возлюбленный наш город в собраниях, дорогих для тех, кто поступает несправедливо. Таковы бедствия в народе, а из бедных многие приходят в чуждую землю, проданные, связанные позорными оковами. Так общественное бедствие вторгается в дом каждого; перед ним нельзя запереть двери; оно переступает через высокую ограду, найдет всюду, даже в глубине спальни». И Солон говорит о поставленных всюду «столпах», о поработанной «матери-земле», о многих проданных или бежавших из-за нужды на чужбину, долго скитавшихся и забывших свой язык или терпевших рабство у себя на родине, о стремлении к разделу земли, к тому, «чтобы всем иметь равную ее часть».

Итак, задолженность земледельческого класса и крайняя нужда, рабство должников, резкое деление тогдашнего общества на два враждующих лагеря — с одной стороны народа, демоса, с другой — знатных и богатых, с их корыстолюбием и высокомерием, мечты о разделе земли, это засвидетельствовано и Солон¹⁵.

Атика переживала тяжелый кризис. Демос восстал против знатных. Крайняя партия из недовольных и обездоленных стремилась к коренному политическому и социальному перевороту. Тогда впервые раздалось требование: «земля массе, народу»¹⁶.

Солон

В этот критический момент выступает на историческое поприще идеальная по благородству и бескорыстию своих стремлений личность — Солон.

По происхождению Солон был очень знатного рода — из той фамилии Медонтидов, к которой принадлежали прежние афинские цари, и древние считали его Кодридом, т. е. потомком Кодра; но

¹⁵ Поэтому в сообщениях Аристотеля и Плутарха нельзя видеть лишь «социальную легенду», «формулу, лозунг радикально-социалистических партий в греческих общинах с конца V в. до Р. Х.» (*Bunney P. Ю.* Лекции по истории Греции. М., 1905. С. 65—67; ср. мою статью: *Бузескул В. П.* Рец. на книгу: *Bunney P. Ю.* Лекции по истории Греции. М., 1905 // *ЖМНП*. 1905, октябрь).

¹⁶ *Pöhlmann R. von.* Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. Bd. II. München, 1901. S. 148 f.

он не был богат и по своему положению и состоянию принадлежал к «средним» гражданам. Есть известие, что Солон занимался торговлей. Далекими путешествиями, частью по торговым делам, частью из любознательности, он расширил свой умственный кругозор. Стремление к знанию никогда не покидало его, даже в старости. «Старею я, — говорил он о себе, — но постоянно многому учусь».

По Плутарху, Солон обратил на себя внимание прежде всего своим знаменитым стихотворением по поводу Саламина и возвращением этого острова, который находился в руках мегарцев и который был так необходим афинянам ввиду его географического положения, затем — возбуждением Священной войны в защиту интересов Дельф и, в-третьих, деятельностью, направленной к успокоению населения, встревоженного святотатством, которое совершено было при подавлении Килонова восстания: именно Солон будто бы побудил Алкмеонидов подчиниться суду. Что касается Саламина, то действительно есть основание думать, что он в ту пору, при участии Солона, перешел в руки афинян. Участие же Солона в Священной войне и в умиротворении умов после Килонова восстания, вероятно, легенда.

Но Солон был поэт и в своих стихотворениях живо отзывался на события; он ярко выражал в них свои идеалы, стремления, свою скорбь при виде общественных бедствий, борьбы партий и проч. В том большом стихотворении, отрывок из которого мы раньше приводили для характеристики положения дел в Афинах, можно видеть его как бы «политическую программу»: Солон говорит в нем о бедственных последствиях «дисномии», беззакония, и изображает благотворное действие «евномии», законности, которая всюду водворяет порядок и согласие, сглаживает шероховатости, смягчает высокомерие и последствия вражды, умиряет гнев и ненависть. Сам эвпатрид, Солон, однако, не причислял себя к партии знатных. В одном стихотворении он убеждает богатых не быть алчными, причем отделяет себя от них: «Вы, пресыщенные многими благами, укротите непреклонное сердце и умерьте гордый дух; ибо и мы вас не послушаем, и у вас не все будет идти гладко». Вообще вину в раздорах Солон возлагал больше на богатых: он боялся их «корыстолюбия и высокомерия», видя в этом причину возникшей вражды. По его мнению, если бы каждому было предоставлено то, что ему принадлежит по справедливости, то не было бы и раздо-

ров: «Справедливость войны не порождает». В одной элегии Солон говорил о «скорби, проникающей в глубину его сердца, когда он взирает на старейшую землю Ионии», т. е. Аттику, раздираемую борьбой. По словам Аристотеля, цитирующего начало этого стихотворения в своей «Афинской политике», Солон обращается к обеим партиям, нападает и тут же заступает за ту и другую и затем убеждает сообща прекратить возникший спор. По Аристотелю, эта элегия, проникнутая любовью к родине, печалью при виде раздоров, являющаяся призывом к примирению, к взаимным уступкам и справедливости, обратила всеобщее внимание на Солона и побудила афинян избрать его в архонты и законодатели.

Если кто, то именно Солон, стоявший выше корыстных побуждений и вне борющихся партий, по происхождению один из первых, а по состоянию один из средних граждан, казалось, мог явиться посредником и примирителем между враждовавшими сторонами, не находившими выхода, и та и другая возлагала на него свои надежды. Для эвпатридов лучше было положиться на Солона как на одного из своих по происхождению, чем доводить дело до насильственного коренного переворота; демос ожидал, что Солон возьмет в свои руки тиранию и проведет самые радикальные меры. И вот в 594 г.¹⁷, после ожесточенной и долгой борьбы, обе партии сообща избирают Солона в «архонты, посредники и законодатели» и поручают ему устройство государства с правом по своему усмотрению «отменить или сохранять существующее и вводить новое»¹⁸.

Прежде всего, необходимо было облегчить положение должников, устранить социально-экономические бедствия, и Солон, по словам Аристотеля, став во главе дел, во-первых, «освободил демос и в настоящем и на будущее время, запретив давать займы под залог тела»; это запрещение Аристотель называет «первым и самым важным делом Солона»; во-вторых, Солон «уничтожил долговые обязательства как по отношению к частным лицам, так и по отношению к государству». Эти меры назывались *сисахфией* I⁹,

¹⁷ По обычной хронологии.

¹⁸ *Aristot. Ath. Pol.*, 5 sq.; *Plut. Sol.*, 14 sq.

¹⁹ По вопросу о сисахфии см. статью: *Семенов А. Ф.* Сисахтия // *Гермес*. 1908, № 13-14. О реформах Солона см.: *Guillard Ch.* Quelques reformes de Solon. Lausanne, 1907.

т. е. снятием или стряхиванием бремени. Правда, существовало еще в древности и другое воззрение на сисахфию²⁰, которое до открытия трактата Аристотеля разделялось большинством новых исследователей и по которому мера эта заключалась будто бы в уменьшении процентов и в изменении монетной системы, именно в увеличении номинальной стоимости денег: из одного и того же количества металла вместо прежних 73 драхм чеканилось 100 (другими словами, прежние 100 драхм = 137 новым), благодаря чему при уплате долга новой монетой должник получал облегчение на 27%. Но в таком виде сисахфия не могла положить конца бедствию и улучшить положение наиболее задолжавших бедняков: у кого совсем не было денег, кто заложил свое «тело», тому мало было пользы от понижения процентов и изменения монетной системы, тому в таком случае не представлялось надежды на улучшение положения в будущем. Что касается радикального характера такой меры, как уничтожение долговых обязательств, стоящего, по-видимому, в противоречии с общим характером деятельности Солона, с его стремлением к компромиссам, с его любовью к «середине», то нужно вспомнить о тяжести кризиса, из которого не было иного выхода. Сам Солон говорит, что он соединял «силу и право». Наконец, есть указания, что Солон не только не понизил процентов, но предоставил особым законом заимодавцу полную свободу относительно размеров процента²¹. Наоборот, та версия о сущности сисахфии, которой придерживается Аристотель²², согласуется со свидетельством самого Солона в его стихотворениях, где он говорит об освобождении матери-земли и должников, обращенных в рабство; а это едва ли могло быть достигнуто понижением лишь процентов и изменением монетной системы.

Изменение монетной системы, которое состоялось позже при Солоне, не имеет ничего общего с сисахфией²³. Оно имело в виду не облегчение участи должников, а совсем другую цель: это была

²⁰ У аттидографа Андротиона. См.: *Plut. Sol.*, 15

²¹ *Lys.*, X, 18.

²² Ее мы находим и у аттидографа Филохора.

²³ *Köhler U. von. Numismatische Beiträge // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Bd. X. 1895* (еще до открытия Аристотелева трактата). Теперь см. гл. 10 этого трактата.

замена прежней эгинской системы эвбейской; Афины из области господства монеты и торговли Эгины переходили в область распространения монеты и торговли эвбейской; они вступали в сношения с Коринфом, с Халкидикой и македонским побережьем, а на западе — с Сицилией; им открывались новые рынки; их торговые связи расширялись. Таким образом, изменение монетной системы предпринято было в торговых видах и должно было способствовать поднятию благосостояния малопродуктивной Аттики путем развития промышленности и торговли.

Итак, 'сисахфия' состояла в запрещении займов под залог тела и в уничтожении долгов²⁴. Результатом ее, по свидетельству самого Солона, было то, что «мать-земля черная», с которой он снял столпы, всюду водруженные, из поработенной стала свободной и что демос стал свободным. Солон говорит, что «возвратил в Афины, на божественную родину, многих проданных в рабство или бежавших от нужды, долго скитавшихся и успевших забыть аттический язык». Вполне понятно, каким образом для беглецов, спасавшихся от бедствия, сисахфия, состоявшая в прощении долгов, сделала возможным возврат на родину. Но естественно возникает вопрос, как мог Солон вернуть тех, кто был продан в

²⁴ По Р. Ю. Випперу (*Bunneper P. Ю.* Лекции по истории Греции. С. 68 сл.), Солонова сисахфия состояла в полной ликвидации крепостных отношений, существовавших прежде в Аттике: она была завершением выкупа крестьянских взносов и повинностей, концом освобождения крестьян. Но с этим трудно согласовать свидетельство самого Солона. См. мою статью: *Бузескул В. П.* Рец. на книгу: *Bunneper P. Ю.* Лекции по истории Греции. Вообще некоторые пункты в вопросе о сисахфии все же остаются неясными. Спрашивается, все ли долги были прощены, или уничтожены только те обязательства, которые заключены были под залог тела и земли, но не денежный? Касалась ли сисахфия и состоятельных должников или же только бедняков? Наши источники не дают на это прямого ответа, но в них есть косвенные указания на то, что прощены были все долги: известный анекдот о друзьях Солона, узнавших заранее о предполагаемой мере и накупивших земли в долг, показывает, что в древности представляли себе сисахфию касающейся всех должников без различия их имущественного положения. Во всяком случае, лица состоятельные среди должников составляли исключение; громадное большинство принадлежало к нуждающимся и к обремененным долгами.

рабство? Где нашел он средства для этого? В источниках мы, к сожалению, не находим ответа...

Во внутренней связи с сисахфией находится еще одна мера. Есть известие²⁵, что Солон с целью предохранить мелких собственников от скупки их участков крупными и предотвратить скопление земли в немногих руках, установил известный максимум для поземельных владений. Мы не знаем, как велик был этот максимум, а также касалась ли эта мера только будущего или же и тех имений, которые в момент издания закона превышали установленную норму, и как в таком случае было поступлено с излишками? Были ли они экспроприированы, проданы?..

С другой стороны, Солон, как мы видели, не ограничил размера процентов, который в ту пору был очень велик, как и вообще это бывает при мало развитом еще экономическом строе, — 18% считалось умеренной платой. Солон предоставил в этом отношении полную свободу заимодавцу. Деньги стоили тогда очень дорого: например, по жертвенному тарифу, установленному Солоном, овца или мера ячменя стоила 1 драхму, бык — 5 драм²⁶.

За сисахфией последовала «номотесия» — реформирование Солоном государственного строя и издание законов.

Как мы видели уже, иногда противоположность между родовой знатью и простым народом сглаживалась таким образом, что лицам богатым из неаристократов открывался доступ к высшим должностям и, следовательно, господство аристократии по происхождению заменялось господством аристократии по состоянию. Аналогичную меру античная традиция приписывает и Солону. По этой традиции Солон разделил афинских граждан по имуществу на четыре класса²⁷ — *пентакосиомедимнов*, *всадни-*

²⁵ *Aristot. Pol.*, 1266 b 17-19.

²⁶ *Белых Ю.* История Греции / Пер. с нем. М. О. Гершензона. Т. I. М., 1897. С. 174.

²⁷ Уже в «Драконтовой конституции» (*Aristot. Ath. Pol.*, 4) упоминаются первые три имущественных класса, а, касаясь Солоновой реформы, текст трактата говорит, что Солон разделил афинских граждан на четыре класса, «на которые они делились и раньше». Но мы уже упоминали, что «Драконтова конституция» сомнительна и представляет вставку; слова: «на которые они делились и раньше», вероятно, внесены для примирения противоречия.

ков, *зевгитов* и *фетов*. Минимум дохода первого класса определен был в 500 медимнов²⁸ хлеба или 500 метретов вина и масла, для второго класса или всадников — в 300, для третьего (зевгитов)²⁹ — в 200. Все остальные граждане, имевшие дохода меньше 200 медимнов или метретов, составляли четвертый класс, фетов. Спорный вопрос: принимался ли в соображение только доход с поземельной собственности, так что все лица, не владевшие землей, как бы ни были велики их движимость, их капитал, причислялись к фетам? или же принимался в расчет и доход с движимого имущества, причем драхма приравнивалась 1 медимну? Наши источники упоминают лишь о доходе с земли и, следовательно, скорее говорят в пользу первого мнения: Атика в эпоху Солона представлялась все еще страной по преимуществу земледельческой.

Названия имущественных классов отзываются стариной и указывают еще на ту пору, когда всадники составляли главную военную силу, когда господствовала культура только хлеба, а культура вина и оливков не была распространена³⁰. Они указывают на преимущественно военные цели. Названия эти могли существовать, так сказать, бытовать в обществе уже давно, еще до Солона, и употребляться в смысле *приблизительного* определения имущественного положения того или другого лица. Но отсюда еще не следует, что мы должны отвергать формальное введение Солоном деления на классы 31: Солон мог воспользоваться существовавшими названиями, вообще тем, что уже бытовало, как основой

²⁸ Отсюда и самое название класса: по-гречески *πενταχόσιοι* — 500, *μῆδιμνος* (медимн) — мера сыпучих тел, равная 2 четверикам (52, 53 литра).

²⁹ По обычному толкованию так назывались лица, владевшие упряжкой волов. По объяснению Э. Р. фон Штерна и К. Цихориуса, зевгит значит «рядом стоящий», «находящийся в ряду», «рядовой», то же, что и гоппит (*Cichorius C.* Zu den Namen der attischen Steuerklassen // *Griechische Studien*, H. Lipsius dargebracht. Leipzig, 1894. S. 135 f.; *Штерн Э. Р. фон.* Солон и деление аттического гражданского населения на имущественные классы // *Charisteria*. Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Ф. Е. Корша. М., 1896. С. 59 сл.).

³⁰ При наименовании первого класса (пентакосиомедимны) принята в соображение только мера хлебная, а не жидких тел.

³¹ Так Э. Р. фон Штерн в отмеченной раньше статье.

для своей реформы. Деление на классы он положил за основание при распределении прав и повинностей и таким образом придал ему особое значение. Солон, правда, не был сторонником плутократии и в своих элегиях часто восстает против богатых; но он, по собственному заявлению, далеко не стоял за полное, безусловное равенство бедных и богатых, и деление на четыре имущественных класса, соразмерность прав и повинностей, постепенная градация в распределении тех и других как раз были в духе Солона, соответствовали его воззрениям и его идеалам³².

По Солоновой конституции, права распределялись по классам соответственно имущественному положению граждан, и повинности соответствовали правам. Только пентакосиомедимны могли быть архонтами и казначеями; зато на них лежали и самые тяжелые повинности, так называемые литургии, особенно впоследствии, — снаряжение кораблей, постановка хоров и т. п. Занимать вообще должности, быть членами Совета (о котором еще будет речь) и т. д. могли только лица первых трех классов; они же несли и главную тяжесть военной службы. Четвертый класс по закону не имел доступа к должностям, но зато и не нес пока никаких повинностей и наравне с другими участвовал в народном собрании и в народном суде, гелиэе.

Солоновы классы³³ продолжали существовать и впоследствии; они встречаются в документах — в надписях даже IV в.; но с течением времени, с вздорожанием жизни и падением ценности денег, границы между ними фактически понижаются, и вообще

³² Есть не совсем ясное свидетельство (у Поллукса), из которого, однако, можно вывести заключение, что в случае надобности обложению подлежали у пентакосиомедимна 1 талант, у всадника — не 3600 драм, как следовало бы по тому же расчету, а только 3000 (т. е. $\frac{5}{6}$ имущества), а у зевгита — 1000 драм вместо 2400 (т. е. лишь $\frac{5}{9}$). На этом основании полагали даже (например, см.: *Bockh A. Die Staatshaushaltung der Athener. 2 Aufl. Berlin, 1851*), что уже при Солоне существовало нечто вроде прогрессивного налога, — гипотеза, в настоящее время большей частью отвергаемая ввиду того, что подобный прогрессивный налог не соответствует тогдашней стадии экономического развития. Ср.: *Beloch K. J. 1) Volksvermögen von Attika // Hermes. Bd. XX. 1885; 2) Das attische Timema // Hermes. Bd. XXII. 1887.*

³³ О Солоновых классах см. статью: *Cavaignac E. Sur les variations du cens des classes «Soloniennes» // Revue de philologie. 1908, janv.*

они теряют свой смысл и значение. Они существуют как своего рода «пережитки», как анахронизм. Но для своего времени эта Солонова реформа имела большое значение. Аристократия в сущности заменялась тимократией. Вводились чрезвычайно важные принципы: во-первых, тот, что «каждый имеет право на участие во власти по мере того, насколько он служит государству и обществу своим трудом и имуществом»³⁴; во-вторых, тот принцип, что не происхождение, не знатность имеет значение, а состояние; человеком же состоятельным мог сделаться всякий и незнатный при энергии, трудолюбии и благоприятных обстоятельствах, а, следовательно, даже высшие должности теперь уже перестали быть исключительным достоянием и привилегией родовой знати. Притом для первых классов размер ценза был таков, что в состав их входили не одни только крупные землевладельцы. Затем, важно было то, что фетам предоставлялось участие в народном собрании и суде: они, прежде бесправные и нередко закабаленные; теперь, благодаря сисахфии и реформе Солона, делаются людьми вполне свободными, гражданами в полном смысле слова: с точки зрения Аристотеля в его «Политике», ничто лучше не определяет понятия «гражданин», как участие в суде и в правлении.

Словом, эта Солонова реформа наносила удар замкнутой родовой аристократии. Но самого родового устройства Солон, по-видимому, не коснулся: и при нем фил было четыре, как и прежде, и четыре филобасилевса. В Совете 400, введенном Солонем, было по 100 членов от каждой филы, и кандидатов в архонты, по словам Аристотеля, избирала каждая фила.

Продолжали существовать по-прежнему и навкратии. Аристотель (*Ath. Pol.*, 8) ссылается на Солоновы законы, в которых предписывается навкраам «собирать подати и расходовать из навкарской казны».

Со времени Солона 9 архонтов стали составлять одну коллегию. Для избрания их Солон ввел довольно сложную систему: каждая из тогдашних 4 фил предварительно избирала голосованием по 10 кандидатов и уже из этих 40 лиц по жребию выбирались 9 архонтов.

³⁴ *Аландский П. И. История Греции. Киев, 1885. С. 167.*

Итак, еще при Солоне вводится жребий, хотя и в смешанном виде³⁵. Какое же значение имел жребий? Демократическая ли это мера или нет?

Говоря вообще, введение жребия могло вызываться разнообразными мотивами и соображениями. В этом способе избрания древние могли видеть выражение воли божества, указывающего на желанное лицо³⁶, и удобное средство для избежания излишней борьбы партий, интриг и страстей, особенно при многочисленных выборах. Жребий мог существовать и в олигархиях. В глазах иных он являлся даже компромиссом, уступкой со стороны большинства, демоса, благодаря которой меньшинству не совсем преграждался доступ к должностям; и в этом смысле жребий мог считаться даже мерой недемократической. Но большей частью он являлся средством, так сказать, нивелирующим, способом удовлетворять притязания на равенство в известном кругу лиц, будь то в немногочисленной среде олигархов или в массе державного демоса, и поэтому, по своему существу, он был больше свойствен демократии. Таково было и более распространенное воззрение древности. Но как бы мы ни смотрели вообще на жребий, Солонов жребий нельзя считать демократической мерой. Избирательная система, введенная Солоном, носит на себе тот же характер, что и вся его преобразовательная деятельность: здесь мы видим то же стремление к «середине», к компромиссу и соглашению различных начал, которое так отличало Солон. Прежде ареопаг избирал архонтов; теперь это право Солон передал народу — перемена, разумеется, чрезвычайно важная и в демократическом духе. Но в самом способе избрания, введенном Солоном, нет ничего демократического. Во-первых, жребий здесь соединяется с «предварительным избранием» кандидатов посредством голосования, на которое и падает, очевидно, центр тяжести; оно — главный мо-

³⁵ Маклаков В. А. Избрание жребием в Афинском государстве // Маклаков В. А., Гершензон М. О. Исследования по греческой истории. М., 1894.

³⁶ На этом особенно настаивал Н. Д. Фюстель де Куланж: *Fustel de Coulanges N. D. La cite antique*. 10me ed. Paris, 1883. P. 212-213 (есть рус. пер.: *Фюстель де Куланж Н. Д. Древняя гражданская община* / Пер с франц. Н. Н. Спиридонова. М., 1895 [2-е издание: М., 1903. — Примеч. науч. ред.]).

мент, имеет больше значения, нежели последующая жеребьевка. Во-вторых, предварительное избрание происходит по филам, а в филах влияние было за знатными родами, за эвпатридами. Какой же смысл Солонова жребия? Приходилось выбирать коллегию, число членов которой не было в соответствии с числом фил — 9 архонтов, облеченных вдобавок неодинаковой властью; и вот естественно было прибегнуть к жребию: он устранял соперничество и борьбу между филами, удовлетворял их притязания на равенство, уравнивал их.

Итак, со времен Солон архонтов избирал уже не ареопаг: Солон, по словам Аристотеля, предоставил народу избирать должностных лиц и подвергать их ответственности, требовать от них отчета.

Народное собрание (экклесия), существовавшее, вероятно, и раньше, при Солоне получает большее значение. В нем теперь могли принимать участие и феты, дотол, в сущности, лишенные политических прав.

Солон учредил народный суд, или суд присяжных, гелиэю. Остается однако неясным, была ли гелиэя тогда только апелляционным судилищем или же решала какие-либо дела и в первой инстанции. Мы не знаем также подробностей об ее организации при Солоне, о числе судей (дикастов или гелиастов), способе избрания их и проч. Могущественная роль гелиэи в государственном строе Афин обнаружилась впоследствии. Значение этого учреждения росло постепенно вследствие реформы и формальных законодательных актов, а еще больше под влиянием самой жизни, самой силы вещей. При Солоне были положены первая основа и зародыши этому, а вместе с тем и могуществу демоса. Народный суд — один из важнейших демократических элементов в Солоновой конституции; он, как говорит Аристотель, наиболее способствовал усилению массы: «ибо, будучи господином в суде, демос становится господином и в государстве» (Ath. Pol., 9).

Ввиду нового порядка и увеличивавшегося значения народного собрания являлась потребность в таком учреждении, которое бы готовило и вносило решения в экклесию, вообще заведовало текущими административными и финансовыми делами. С этой целью Солон учреждает *Совет 400 (буле)*, по 100 членов от каждой филы.

Учреждение гелиэи и Совета 400, усиление значения народного собрания, предоставление народу права избирать должностных лиц и требовать от них отчета, все это, по-видимому, должно было отразиться неблагоприятно на положении и влиянии ареопага. Тем не менее Солон предоставил ареопагу важное место в строе Афинского государства³⁷. По выражению Аристотеля, он поставил его «всеобщим блюстителем и стражем законов» (каковым ареопаг был, в сущности, и раньше) с правом наблюдать за важнейшими государственными делами, карать виновных, по своему усмотрению взыскивать штрафы без указания даже причины и судить тех, кто составит заговор с целью ниспровержения «демократии». Следовательно, по Солоновой конституции, ареопаг являлся стражем введенного государственного строя: по словам Плутарха, он должен был подобно якорю предохранять государственный корабль от бурь и волн и удерживать демос в спокойствии, не говоря уже о том, что ареопаг являлся судом по делам об убийстве.

Солон, очевидно, старался обеспечить прочность введенного им строя. Интересен его закон, имевший ту же в сущности цель — предотвратить смуты, охранить существующий порядок и ускорить разрешение кризисов в случае их наступления. Закон этот направлен был против общественного индифферентизма, который способствует продлению кризисов и дает возможность отдельной личности или сравнительно небольшой группе смелых и предприимчивых людей захватывать власть, подчинять инертное и апатичное большинство и всем распоряжаться: ввиду частых восстаний и того, что некоторые граждане вследствие беспечности держали себя в таких случаях особняком, Солон издал закон, гласивший, что если кто во время восстания в городе не возьмется за оружие и не примкнет к той или другой стороне, тот лишается чести и политических прав.

В области уголовного и гражданского права Солон отменил законы Драконта, за исключением тех, которые касались убийств. В этой области господствующей чертой Солонова законодательства является *освобождение личности*, установление *юридичес-*

кого равенства между гражданами; выражаясь словами Солона, он дал «законы, равные для простого и благородного, установив суд правый по отношению к каждому». Солон запретил продавать людей в рабство (за единственным исключением — случая прелюбодеяния со стороны дочери или сестры). Он предоставил каждому право заступаться за обижаемых — обращаться в суд в случае обиды или несправедливости, причиненной другому. Этим он имел в виду помочь слабой массе, как говорит Плутарх, и этим же наносил удар родовому началу, господству родовой знати. Солон предоставил каждому, с некоторыми оговорками, право при бездетности завещать имущество по своему усмотрению, тогда как прежде в таком случае состояние должно было оставаться за родом. Введением свободы завещания наносился новый удар праву родовому.

Подобно некоторым другим законодателям той эпохи, Солон вступил в борьбу с излишней роскошью, отличавшей тогдашнюю аристократию, старался ограничить, например, пышность при похоронах и т. п. Целый ряд его мер имел в виду поднять и развить материальное благосостояние населения и ему принадлежат первые шаги в этом направлении. Вспомним об установлении известного максимума для поземельных владений с целью предотвратить скупку и соединение многих участков в одних руках, о монетной реформе, путем которой Афины от эгинской системы перешли к эвбейской и которая доставила им новые торговые связи, открыла для них новые рынки. Вообще Солон стремился развить афинскую торговлю и промышленность, что для малопродуктивной Аттики имело большое значение. Он только запретил вывоз полевых продуктов, так как хлеба не хватало для местного населения, и сделал исключение для оливок, которыми страна была богата и культуре которых Солон покровительствовал. Он решил составлять товарищества всякого рода, лишь бы они не противоречили государственным законам. Чужеземцам, переселяющимся в Аттику, были предоставлены льготы: если чужеземец, так называемый метек, переселялся со всей семьей или навсегда был изгнан из отечества, то ему давалось в Афинах право гражданства. К труду, который обыкновенно презирался в аристократических общинах Греции, Солон старался вселить уважение и поощрить его. Правда, закон против праздности при-

³⁷ Keil B. Die Solonische Verfassung in Aristoteles Verfassungsgeschichte Berlin, 1892. S. 98 f.

надлежит, быть может, не Солону, а Писистрату; но известно, например, что, по Солонову закону, отец, не научивший сына какому-либо ремеслу, не имел права в старости требовать, чтобы сын содержал его. Наконец, Солону принадлежит ряд постановлений, касающихся отношений между владельцами соседних участков, посадки деревьев, рытья колодцев и пользования ими, истребления вредных животных (за истребление волков, например, назначались премии) и др.

Законы Солона начертаны были на аксонах, четырехугольных деревянных вращающихся столпах, а официальные копии их — на каменных столпах, кирбах. Солон взял с афинян клятвенное обязательство хранить его законы в течение известного времени, по одному преданию — 10 лет, по другому — 100. Архонты и впоследствии перед вступлением в должность давали клятву, если преступят какой-либо закон, посвятить золотую статую в Дельфы величиной в человеческий рост.

Достойным завершением дела Солона была амнистия/ кто лишен был политических и гражданских прав до архонства Солона, восстанавливался в своих правах, за исключением тех лиц, которые, будучи осуждены ареопагом, или эфетами, или в Пританее, под председательством «царей», за убийство, нанесение ран и за попытки к тирании, находились в изгнании, когда амнистия была объявлена.

Аристотель в своей «Политике» говорит, что Солон установил древнюю демократию, прекрасно смешав разные начала, причем в ареопаге Аристотель видит начало олигархическое, в выборе должностных лиц — аристократическое (очевидно, тут он придает значение лишь предварительному избранию посредством голосования, игнорируя последующую затем жеребьевку), а в народном суде — начало демократическое. В другом своем произведении, «Афинской политике», Аристотель называет Солона «первым простатом демоса» и от него ведет афинскую демократию. Три дела Солона Аристотель отмечает как особенно демократические: первое и важнейшее — запрещение давать взаймы под залог «тела», затем — предоставление каждому права заступаться путем суда за обижаемых и, в-третьих, апелляция в дикастерий, в народный суд, «ибо», как сказано уже, «будучи господином в суде, демос становится господином и в государстве» (Ath. Pol., 9).

Вообще в глазах афинян V и IV вв. Солон был великим законодателем и творцом их демократии, от которого вели свое начало чуть ли не все главные их учреждения. Известно стремление потомков приписывать одному лицу то, что являлось плодом работы нескольких деятелей или даже поколений, олицетворять в одном образе целые периоды развития. И Солону впоследствии приписывалось многое, что в действительности ему не принадлежало, что возникло или раньше, или позже его. Есть исследователи³⁸, которые относятся поэтому крайне скептически к известиям о политических преобразованиях Солона и готовы даже отвергать само существование Солоновой конституции. Мы не находим возможным заходить так далеко и думаем, что в античной традиции, в изложении Аристотеля и Плутарха, при всех преувеличениях заключается все же большая доля истины.

Но строй времен Солона, разумеется, далек был еще от последующей демократии V и IV вв.: Солон лишь заложил часть фундамента, на котором могло быть возведено здание этой демократии. При этом он, быть может, являлся не только нововводителем, но и восстановителем некоторых из тех начал, которые не чужды были искони афинскому общественному строю, но которые подавлены были в эпоху господства знати; быть может, зародыши эти Солон оживил и развил, так как иногда то, что кажется новизной и ломкой, есть лишь возвращение к старине, к исконному порядку; но мы слишком мало знаем достоверного о началах равенства и самоуправления в древней до-Солоновой Аттике, чтобы утверждать это положительно.

Солон был врагом крайностей; «Ничего через меру», — говорят, было его девизом. Умеренность, стремление к примирению сталкивающихся интересов и противоположных начал характеризуют Солона: он был преимущественно посредник и примиритель между двумя борющимися сторонами. Так он сам смотрел на себя: «Народу я дал столько власти, сколько надо; а кто имел силу и отличался богатством, и о тех я подумал, чтобы они не испытали ничего неподобающего; я стал, распростерши крепкий щит над обоими, и не позволил ни той, ни другой стороне одержать несправедливой победы». Или: «Я стал словно погра-

38 Например, Б. Низе, К. Ю. Белох, Р. Ю. Виппер.

личный столп между ними, как между двумя войсками». По мнению Солона, народ лучше всего следует за вождями, когда он ни слишком распушен, ни угнетен; ибо пресыщение порождает наглость, когда много счастья достается людям, у которых нет благоразумия. По словам Аристотеля, Солон дал народу лишь самую необходимую власть, именно — право выбирать должностных лиц и требовать от них отчета, ибо если бы народ не имел и этих прав, то он был бы рабом и врагом существующего строя (Pol., 1274 а).

«Если нужно открыто поставить в упрек народу, — говорит Солон, — никогда бы ему и во сне не видеть того, что он теперь имеет, а те, кто более знатен и силен, должны были бы меня тоже хвалить и считать своим другом».

На самом деле было не то. Солон постигла обычная участь людей, избегающих крайностей и стремящихся к середине. Его реформы в духе умеренности и примирения противоположных интересов не удовлетворили ни той, ни другой партии; они вызвали разочарование и неудовольствие, особенно сисахфия, которая одним казалась мерой слишком крутой и противозаконной, революционной, а другим — недостаточной. Не того ожидали от Солона обе партии. Многие воображали, что он возьмет в свои руки диктатуру и сделается тираном. Каждая из борющихся сторон надеялась, что он примкнет к ней и будет действовать в ее интересах. Знатные думали, что он оставит прежний порядок не тронутым или лишь слегка его изменит; демос мечтал о всеобщем земельном переделе. Но Солон такой передел называл «грабежом» и был против того, чтобы «благородные и простые владели равной частью тучной родной земли»³⁹.

Стоило Солону только захотеть и примкнуть к одной из партий, и он был бы тираном; но он оттолкнул от себя обе крайние партии, предпочтя «благо и спасение государства» своим личным выгодам: ему «не нравилось», по его собственным словам, «совершать что-либо путем насилия и тирании»; он хотел действовать «силой закона». В этом — великое нравственное значение личности Солона. Другой на его месте, замечает он, «не сдержал бы народа и не остановился бы, пока не снял бы сливок и не взболтал молока».

39 Слова Солона цитирует Аристотель в «Афинской политике» (12).

«Если бы, как я, взял бразды другой, зломыслящий и корыстолюбивый человек, не сдержал бы он демоса; если б я желал исполнить то, что нравилось тогда одним, и то, что советовали другие, многих мужей потерял бы этот город».

Разочарование и недовольство крайних партий было велико. «Тщетное они задумывали, — замечает Солон по поводу раздела земли, — а теперь сердясь смотрят косо на меня, словно на врага». Ему приходилось защищаться со всех сторон, «как волку среди стаи псов». «Не был Солон мужем совета и глубокого разума» — так передает он сам замечания, направленные против него из-за того, что он не сделался тираном; «когда бог давал ему счастье, сам он не взял; поймав большую добычу, он, изумленный, не вытащил сети: духу не хватило и рассудок потерял». Но Солон знал, что «в великом деле трудно всем угодить», и если он не захватил тирании, не запятнал своей славы, то он несколько не стыдился своего образа действий; ибо таким способом он думал скорее победить всех. С чувством нравственного удовлетворения Солон мог сказать: «Я исполнил, что обещал». Он мог призвать в свидетели «мать-землю черную, прежде поработленную, ныне свободную», возвращенных им из рабства и законы, равные для всех⁴⁰. Солон вывел Афины из тяжелого кризиса, смягчил его и отнял у него острый характер. И без сисахфии Солон, без его бескорыстной, примиряющей деятельности, кто знает, чем бы еще кончился этот кризис. Преобразования Солон оставили глубокий след в афинской истории. Его дело не было мертворожденным/Многие его законы и созданные им учреждения оказались долге вечными, пережили его и последующие смуты, самую тиранию. Зародыши и начала, положенные Солоном, выросли и потом пышно развились. Некоторые положения перешли и в римское право, а отсюда — в современное⁴¹.

Но плоды Солоновой деятельности обнаружились больше впоследствии. Непосредственно же последовавшие затем события показали, что великому законодателю все же не суждено было иметь полного успеха, что введенный им строй неустойчив. Сами

⁴⁰ Стихотворение Солон, цитируемое в 12 гл. «Афинской политики» Аристотеля.

⁴¹ Meyer *Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. II. Stuttgart, 1983. S. 660.

его реформы, особенно сисахфия, некоторых разорившая, крайних партий не успокоили и не примирили, а напротив явились на первых порах новым источником недовольства и смут⁴². Оказалось, что, несмотря на деятельность Солона, Афины не могли миновать той ступени, которую проходили обыкновенно греческие государства на пути к демократии, — *тирании*.

Новые смуты и тирания Писистратидов

Первые годы после Солонова законодательства прошли спокойно; по крайней мере, внутренний мир и установленный Солоном порядок не были явно нарушены. Но «на пятый год после архонства Солона» дело дошло уже до того, что афиняне вследствие смут не могли выбрать первого архонта. Через четыре года повторилось то же; афиняне опять не имели архонта по причине смут, а затем через такой же промежуток времени избран был в архонты Дамасий, который показал себя явным узурпатором: он самовольно оставался в должности более двух лет, пока не был «прогнан силой». Тогда состоялось соглашение между партиями: постановлено было избрать *десять* архонтов: 6 из эвпатридов, 3 из агройков, т. е. геоморов, и 2 из демиургов⁴³. События эти относятся к концу 80-х гг. VI в.

В этих смутах в борьбе из-за архонтата Аристотель с полным основанием видит доказательство того важного значения, какое имела тогда должность первого архонта. Борьба шла, по всей вероятности, между знатными и незнатными. Нельзя не заметить в этих смутах известной правильности, периодичности: быть может, не случайно «анархия», невозможность выбрать архонта, оба раза повторяется через один и тот же промежуток времени — четыре года. К сожалению, мы не имеем возможности уяснить себе подробнее ход и связь событий.

Что касается Дамасия, то, очевидно, он стремился к тирании, но на кого он опирался — на демос или на эвпатридов, мы не

⁴² *Хвостов М. М.* Сисахфия Солона и разложение эвпатридского землевладения // *Филологическое обозрение*. Т. XIII. 1897.

⁴³ *Aristot. Ath. Pol.*, 13.

знаем. Ясно одно, что свержение его и избрание 10 архонтов является торжеством неэвпатридов — половина мест в коллегии архонтов была предоставлена им — и что тут сделаны были важные уступки со стороны эвпатридов. В совершившейся перемене можно видеть как бы реакцию против Солоновых реформ: вместо пентакосиомедимнов перед нами тут опять до-Солоновы сословия, и введенный Солоном порядок, предоставлявший высшие должности пентакосиомедимнам, был несомненно нарушен. По всей вероятности, и тот смешанный способ избрания архонтов, который введен был Солоном, комбинация голосования и жребия, был отменен или не применялся в это смутное время. Число архонтов — 10 — столь необычно, что кажется странным и на первый взгляд вызывает недоумение. Но обстоятельства вообще были исключительные, и если произошел столь необычный факт, как избрание архонтов из эвпатридов, геоморов и демиургов, то неудивительно, что и само число архонтов было не традиционное, а исключительное. Избранием 10 архонтов, из которых половина была из знатных, а другая половина — из незнатных, устанавливались компромисс и известное равенство между эвпатридами и неэвпатридами⁴⁴.

Это нововведение просуществовало, однако, недолго, и борьба партий продолжалась. По-прежнему для одних причиной недовольства было уничтожение долговых обязательств, повлекшее за собой их обеднение; другие недовольны были крупными переменами в государственном строе; третьи не удовлетворены были этими переменами, а некоторые вели борьбу просто вследствие взаимной вражды.

В то время в Аттике выступают три партии, каждая со своими стремлениями и со своими вождями из эвпатридов. Партии носили названия от местностей, где они сосредоточивались. Это были, во-первых, *педии* (или педиаки), жители «равнины», самой пло-

⁴⁴ Существует предположение (высказанное также Эд. Мейером: *Meuser Ed. Forschungen zur alten Geschichte*. Bd. II. Halle, 1899. S. 537 f.), что 10 архонтов — это комиссия, заменявшая лишь первого архонта, рядом с которой существовали остальные архонты — *басилевс*, *полемарх* и *фесмофеты*. Такое предположение не лишено вероятия и хорошо согласуется со свидетельством Аристотеля в «Афинской политике».

дородной части Аттики, крайняя аристократическая партия, состоявшая из богатых землевладельцев-эвпатридов и стремившаяся к реакции, к уничтожению того, что сделано было Солоном, и к восстановлению старого, досолоновского порядка. Во главе педиеев стоял Ликург. Во-вторых, *паралы* или *паралии*, жители «береговой полосы», партия умеренная, сторонница «средней политики», по словам нашего источника, т. е. по всей вероятности — строя, введенного Солоном. Состояла она преимущественно из торговцев и ремесленников, представителей не столько землевладельческой и родовой знати, сколько подвижности, хотя в составе ее были и земледельцы. Вождем паралов был Мегакл, из фамилии Алкмеонидов, зять сикионского тирана Клисфена. Наконец, третья партия — *диакриев*, сосредоточивавшаяся главным образом в бедной, малоплодородной, холмистой части Аттики. Состояла она из фетов, мелких крестьян и пастухов, поденщиков и батраков. К ней примкнули также те, кто вследствие Солоновой сисахфии лишился получения долгов и обеднел, и нечистокровные афиняне, опасавшиеся исключения из числа граждан. Это была партия наиболее демократическая, радикальная, раздраженная против богатых, неудовлетворенная Солоновыми реформами, мечтавшая о коренном перевороте, переделе земли и т. п.

Во главе диакриев стал Писистрат, по происхождению тоже аристократ, снискавший себе особую популярность в народе. Он имел славу счастливого полководца. В возобновившейся войне с Мегарами он завоевал мегарскую гавань Нисею и окончательно упрочил за афинянами обладание Саламином⁴⁵. С военными заслугами и доблестями Писистрат соединял обходительность, умение располагать к себе массу; он приходил на помощь бедным, обнаруживал гуманное отношение даже к врагам, а больше всего, казалось, любил равенство⁴⁶. Он-то и выступил в роли вождя и защитника демоса, пролагая себе путь к тирании.

Солон, вскоре после своего законодательства покинувший было Афины, чтобы избежать докучливых вопросов и порица-

⁴⁵ К этому времени, по мнению большинства ученых, относится афинское постановление, касающееся земельных участков на Саламине и дошедшее до нас в обрывках надписи.

⁴⁶ *Plut. Sol.*, 29.

ний, и теперь давно вернувшийся из десятилетнего путешествия, ясно видевший, к чему клонится дело, тщетно предостерегал афинян от опасности, грозящей их свободе: «Из тучи идет снег и град, из блестящей молнии происходит гром; от великих же людей государство гибнет. Народ по неведению попадает в рабство к монарху; слишком высоко поднявшегося нелегко потом сдержать; надо теперь обо всем размыслить». Но предостережений Солона не слушали. «Если вы, — говорил он потом, обращаясь к афинянам, — по собственной глупости потерпели, не возлагайте вины на богов; ибо вы сами взрастили этих тиранов, дав им силу, и поэтому терпите злую неволю. В отдельности каждый из вас идет по стопам лисицы, а сообща у вас — ум слабый. Ибо вы смотрите на язык и на слова вкрадчивого мужа, а на дело совсем не глядите».

Известен рассказ о том, как Писистрат, нарочно ранив себя, явился на площадь к народу, жаловался на преследования врагов и просил дать ему охрану. До нас дошло даже имя того лица, по предложению которого постановлено было удовлетворить просьбу Писистрата; это — некий Аристон или Аристион. И вот Писистрат, опираясь на отряд телохранителей — «дубиноносцев», палочников — завладел акрополем и сделался тираном (561/60 г.).

На первый раз, однако, Писистрату недолго пришлось властвовать. Прежние соперники, Мегакл, стоявший во главе паралов, и Ликург, предводитель педиеев, соединились против него, и он принужден был покинуть Афины. Писистрат удалился в Марафон, средоточие его партии, диакриев.

Но с удалением Писистрата рушился союз Мегакла с Ликуртом, и Мегакл вступил в соглашение с Писистратом; между ними условлено было, что Писистрат возвратится в Афины и женится на дочери Мегакла. Рассказывают, будто для захвата Афин ими пущена была в ход такая уловка: одну высокую, красивую женщину нарядили богиней Афиной; она стала на колесницу, рядом с ней Писистрат, и таким образом направились к городу, а впереди шли герольды и провозглашали, что сама Афина возвращает Писистрата в свой акрополь. Жители верили и падали ниц перед мнимой богиней. Геродот, также передающий этот рассказ (I, 60), изумляется, как могли тогдашние афиняне, отличавшиеся своим развитием, поверить подобной нелепости...

Так Писистрат вторично завладел властью, но опять не надолго. Он скоро разошелся с Мегаклом и должен был оставить Афины. На этот раз он удалился на македонское побережье, у Фермейского залива, а оттуда — на берега реки Стримона, в окрестности Пангея, местность, богатую металлами, где он владел рудниками и где впоследствии в V в. афиняне так старались утвердиться, основав Амфиполь. Добыв средства и наняв войско, Писистрат отправляется на остров Эвбею, в Эретрию, в которой господствовала олигархия «всадников», оказавшая ему ревностное содействие. Он входит, кроме того, в дружественные связи с богатым и влиятельным наксосцем Лигдамидом, с Аргосом, давшим ему отряд войска, с фиванцами, поддерживает сношения со своей партией в самой Аттике и зорко следит за тем, что происходит в Афинах. Теперь с оружием в руках он думает овладеть властью, вступает с войском в Аттику и в битве при Паллене наносит поражение своим противникам. Путь в Афины после этого был ему открыт. На этот раз Писистрат прочно утвердился во власти, сохранил ее до самой смерти и передал ее своим сыновьям⁴⁷.

Торжество Писистрата было ударом для эвпатридов. Некоторые из его соперников и противников пали, другие волей или неволей удалились из Афин; большая часть их имений была конфискована; третьи покорились власти тирана. Но государственных учреждений и законов Писистрат не тронул. По-прежнему существовал, например, ареопаг, и рассказывают даже, что Писистрат, кем-то обвиненный, предстал на суд его; но обвинитель не явился. По-прежнему существовал и архонтат; только Писистрат старался проводить на эту должность своих родственников: по-видимо-

⁴⁷ Хронологические данные касательно тирании Писистрата, сообщаемые нашими источниками, в особенности «Афинской политией», чрезвычайно сбивчивы и противоречивы. См. в моей книге: *Бузескул В. П. Афинская Политика Аристотеля...*; также см. у Г. Бузольта и др. К. Ю. Белох и Эд. Мейер отвергают двукратное изгнание и возвращение Писистрата; они допускают не три, а только два периода его тирании, и принимают приведенные выше рассказы о его возвращении за различные версии об одном и том же событии. Но доводы их не убедительны: рассказы о том и другом возвращении Писистрата не имеют между собой ничего общего; это вовсе не два варианта, касающиеся одного и того же факта.

ту, смешанная система выборов, введенная Солоном, при которой, благодаря жребью, могли проходить в архонты лица, нежелательные для тирана, не применялась и заменена была прямым голосованием. Граждан Писистрат постарался разоружить. В его распоряжении был отряд войска и богатые материальные средства. Из рудников на берегах Стримона он получал большие доходы. Кроме того, он установил сбор в размере одной десятой или, по другому свидетельству, одной двадцатой части с дохода.

Но не только это служило опорой Писистрату. Античное предание, которое нельзя заподозрить в сочувствии к тирании и которое прославляло тираноубийство, рисует нам Писистрата в образе гуманного, мягкого, снисходительного властителя, соблюдающего законы, правящего «умеренно, скорее как гражданин, нежели как тиран». Такими качествами и образом действия Аристотель объясняет, почему, будучи изгнаным, Писистрат снова легко захватывал власть и под конец удержал ее за собой: его возвращения желало большинство как знатных, так и демоса; одних он привлекал ласковым обращением, других — помощью в их частных делах, и с теми и другими он был хорош, говорит Аристотель.

Особенно заботился Писистрат о сельском классе⁴⁸. Всеобщего передела земли, о котором мечтала крайняя партия, и он не совершил; но есть предположение⁴⁹, что за смертью и удалением из Аттики многих знатных Писистрат получил возможность распорядиться землями, которые были им конфискованы, и роздал их мелким земледельцам, прежним гектеморам, которые таким образом стали собственниками обрабатываемых ими участков. Источники об этом не говорят, но и они свидетельствуют, что Писистрат нуждающихся снабжал скотом и семенами, давал им в ссуду деньги на обработку земли и проч. Словом, он открыл для сельского населения государственный кредит. Делал он это, по словам Аристотеля, для того, чтобы масса не скоплялась в город и чтобы она, пользуясь умеренным достатком и занимаясь своими частными делами, не имела ни желания, ни досуга зани-

⁴⁸ *Cauer F. Parteien und Politiker in Megara und Athen. Stuttgart, 1890. S. 92 f.*

⁴⁹ *Busolt G. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. II. S. 327-328.*

маться делами общественными; вместе с тем при развитии земледелия увеличивались и доходы Писистрата, так как он взимал известную долю с продуктов. Но Писистрат действовал тут не только как хитрый и властолюбивый тиран, желавший обезопасить себя, но и как дальновидный государственный человек; тонкий расчет и личная выгода соединялись здесь с удовлетворением насущных интересов народа. Лучшее средство упрочить свою власть Писистрат видел в поднятии благосостояния массы; он полагал, что население, пользующееся достатком, не будет стремиться к перемене, к свержению его власти. В деле экономических реформ Писистрат пошел дальше по пути, на который вступил Солон; он завершил тут то, что начато было Солоном; он коснулся самого корня зла, от которого страдала масса земледельческого населения и от которого не могла ее радикально освободить даже сисахфия и другие меры Солона. Открыв кредит и оказав помощь земледельческому классу, Писистрат устранил сами причины тяжкого положения этого класса и сделал для Атики невозможным в будущем повторение того экономического кризиса, который она пережила в конце VII и в начале VI в. Благосостояние массы, а вместе и дальнейший рост демоса были им упрочены. После Солона и Писистрата мы больше уже не слышим ни о земледельческом кризисе, ни о гектеморах и их печальной доле в Атике.

Большое внимание Писистрат обращал на правосудие. Он часто сам объезжал страну, на месте разрешая споры и надзирая за правосудием. Для сельского населения он учредил «судей по демам», т. е. по сельским общинам, волостям. Аристотель объясняет это тоже заботой о том, чтобы население не покидало своих полей и не являлось в город. Но, кроме того, могли здесь действовать и другие мотивы: учреждение судей по демам было в интересах массы и правосудия; суд делался более доступным и близким населению; вместе с тем еще более подрывалось влияние и могущество местных знатных родов.

При Писистрате в Афинах развилась широкая строительная деятельность: предпринята постройка новых храмов, полезных сооружений вроде водопровода и водоема (Эннеакрунос), что для города, нуждавшегося в воде, было очень важно; проведены прекрасные дороги из Афин в окрестности, причем тут главная за-

слуга принадлежала одному из Писистратовых сыновей, Гиппарху, и т. д. Все это способствовало не только украшению и благоустройству города, но и давало заработок рабочим и ремесленникам, имело, следовательно, значение социально-политической меры⁵⁰. Тут, как и в некоторых других отношениях, Писистрат является предшественником Перикла. При нем же введено содержание на государственный счет инвалидов, получивших увечье на войне.

Вообще Писистрат, по словам Аристотеля, не угнетал народа, но доставлял ему внутренний мир и спокойствие, и впоследствии часто говорили, что «время Писистратовой тирании — это век Кроноса», золотая пора (Ath. Pol., 16). В истории развития афинской демократии тирания Писистрата является важным моментом, подготовкой к последующему господству демоса: она должна была содействовать социальному и политическому равенству; знатные должны были подчиниться общим для всех законам и господствовавшей над всеми власти тирана; реакционные попытки эвпатридов были подавлены; страстная борьба и смуты на время улеглись; Солоновы законы, не тронутые Писистратом, могли войти в самую жизнь; благосостояние массы поднялось; демос окреп.

В истории внешнего могущества Афин правление Писистрата занимает также чрезвычайно важное место. Афинский тиран далеко простер политические связи и свое влияние. Он имел опору и извне. Писистрат находился в союзе с Фивами, Фессалией, Эретрией, Аргосом и Поликратом Самосским; он был в дружественных отношениях со Спартой. Он покорил Наксос и поставил там правителем или тираном своего союзника Лигдамида; совершил религиозное очищение на Делосе и таким образом расположил в свою пользу этот священный остров; завоевал Сигей, из-за которого борьба шла еще в конце VII в., а теперь, по-видимому, возобновилась, и посадил в нем одного из своих сыновей; имел владения у Фермейского залива и Пангея. Наконец, при нем и при его поощрении представитель одной из самых влиятельных афинских фамилий, Мильтиад, о котором Геродот говорит как о династе, утвердился в Херсонесе Фракий-

⁵⁰ Феофраст приписывает Писистрату закон против праздности, тогда как другие относят этот закон еще ко времени Солона и даже Драконта.

ском, лежавшем на пути в Понт, и положил там начало афинскому господству. Мы видим таким образом, что уже при Писистрате афинскому влиянию подчинены были важнейшие из Киклад, что афиняне уже тогда стали ногой на македонском побережье и у Геллеспонта, пунктах, чрезвычайно важных в торговом и стратегическом отношениях, и там, где впоследствии так широко распространилось афинское господство. Наряду с расширением политического могущества, развивались, разумеется, и торговые связи, обеспечивались сношения, например, со странами Припонтскими. Словом, при Писистрате уже было как бы намечено то, что совершено Афинами в V в., в пору расцвета их демократии и внешнего могущества. Писистрат является тут предшественником Фемистокла и Аристиды, Кимона и Перикла, и история Афин V в. представляет ряд фактов, аналогию и прецеденты которым мы встречаем в истории предшествующей — в эпоху тирании.

Эта эпоха является важной и в истории искусства, в частности — пластики и керамики. Тогда совершались крупные перемены и в религиозной, и в умственной сфере; обнаруживались новые течения, и течения эта находили себе покровительство и поддержку при дворе афинского тирана. Подобно некоторым другим тиранам, Писистрат содействовал развитию культа Диониса, бога земледельческого, сельского класса, а в особенности — культа Афины: между прочим, по-видимому, с его времени ведет начало праздник Великих Панафиней. Писистрат и его сыновья покровительствовали поэтам. Вообще при дворе афинского тирана обнаруживалась живая умственная и поэтическая деятельность. Некоторые черты тут могут напомнить нам эпоху итальянского Возрождения.

Писистрат умер в старости в 528/27 г. Власть перешла к его сыновьям. Из них более выдавались Гиппий и Гиппарх³¹, которые и стояли во главе дел. Руководил правлением собственно Гип-

³¹ О сыновьях Писистрата главными источниками служат, с одной стороны, сообщения Фукидида (I, 20; VI, 54 sq.), с другой — Аристотеля в «Афинской политике» (17 sq.). Известия Аристотеля сбивчивы и противоречивы, по крайней мере, в дошедшем до нас тексте. Об этом в моей книге: *Бузескул В. П. Афинская Политика Аристотеля...* С. 371 сл.

пий, как старший и одаренный от природы способностями государственного деятеля. Гиппарх же был любитель муз и друг поэтов — Анакреонта, Симонида и др., которых он приглашал в Афины; он ближе стоял к искусству и к литературе. Это был «Лаврентий Великолепный древности», по выражению одного немецкого историка.

Первое время по смерти Писистрата его сыновья правили таким же образом, как и он. Но положение сыновей было затруднительнее. Владычество тиранов становилось тягостным не для одних только эвпатридов, но и для демоса, прежде столь нуждавшегося в тирании как демократической диктатуре, а теперь бывшего в состоянии обойтись и без нее, начинавшего стремиться к большей самостоятельности и свободе. Притом сыновья Писистрата не имели за собой тех заслуг, которые делали их отца столь популярным и которые в глазах многих давали ему право на власть; они должны были сознавать, что их власть не имеет законной почвы. Вдобавок они иногда позволяли себе по отношению к отдельным лицам поступки, которые должны были вызывать раздражение и месть. Одним из таких поступков и был вызван заговор Гармодия и Аристоклитона.

Гармодий и Аристоклитон были двое молодых афинян, связанные между собой любовью — известно, что в Греции влюблялись не столько в женщин, сколько в юношей. Гиппарх, восплаивший страстью к Гармодию, но отвергнутый им, нанес оскорбление его сестре⁵², устранив ее, как недостойную, от участия в процессии. Тогда Гармодий и Аристоклитон решились отомстить и составили заговор с целью убить тиранов. Они хотели привести в исполнение это во время празднования Панафиней. Но замысел их не

⁵² По версии Аристотеля, если держаться буквально текста, виновником оскорбления, нанесенного Гармодию и его сестре, является другой сын Писистрата, Фессал. Разногласие с Фукидидом есть и в деталях (подробности — в моей книге: *Бузескул В. П. Афинская Политика Аристотеля...* С. 212 сл., 374 сл.). Свидетельство Фукидида заслуживает предпочтения и не только потому, что его авторитет стоит вообще выше авторитета Аристотеля как историка, и не только потому, что Фукидид по времени был ближе к событию, но главным образом потому, что он на историю сыновей Писистрата обратил особенное внимание, имея в виду опровергнуть неверные версии, пользовался тут документальными данными и относительно фамилии Писистратидов был хорошо осведомлен.

вполне удался: заговорщикам удалось умертвить лишь Гиппарха. Гармодий погиб тут же на месте, а Аристокритон — потом.

Заговор Гармодия и Аристокрита был делом личной мести; лишь личное оскорбление побудило этих молодых афинян взять на себя роль освободителей Афин; о свободе и демократии Гармодий и Аристокритон, в сущности, не думали и не они освободили Афины от тирании. Но фантазия народная идеализировала Гармодия и Аристокрита; легенда сделала из них борцов за свободу, освободителей от ига тиранов, приписала им стремления, которых они не имели, и дело, которого они не совершили. Память о Гармодии и Аристокрите долго хранилась в Афинах; их чтили, как тираноубийц и освободителей; им воздвигнуты были статуи на площади; полемарх приносил им жертвы, как павшим за отечество; потомки их пользовались льготами и привилегиями, например обедом в Пританее, освобождением от налогов, расходов по культу и проч. О них вспоминали во время пиршеств в застольных песнях. «Не умер ты, дорогой Гармодий», говорится, например, в одной из таких песен, «но пребываешь на островах блаженных, вместе с быстроногим Ахиллом и Тидидом Диомедом». По словам другой, слава Гармодия и Аристокрита будет вечной, так как они «тирана убили и афинян сделали равноправными». Все это показывает нам, как смотрели впоследствии в демократических Афинах на тиранию и тираноубийство.

После гибели Гиппарха Гиппий стал подозрительнее, суровее. Тирания сделалась жестокой: Гиппий мстил за смерть брата, многих казнил и изгнал; но этим внушал к себе еще больше недоверия и ненависти. Между тем Писистратиды лишались опор извне, одного союзника за другим: пали Лигдамид Наксосский и Поликрат Самосский; персы овладели Сигеем и Херсонесом Фракийским. В самих Афинах оппозиция против тирании росла, а за границей Аттики действовали политические изгнанники. Во главе их были Алкмеониды, которые и берутся за низвержение тирании.

Алкмеониды были знатны, богаты и могущественны. Их связи простирались далеко, даже за пределы Греции. Представители этой фамилии были в родстве или в дружбе с тиранами Сициона, с царями Лидии и т. д. Даже живя в изгнании, Алкмеониды являлись опасными врагами для Гиппия. Правда, первая попытка их вторгнуться в Аттику и низложить тиранию окончилась неудач-

ной для них битвой при Липсидрии. Но вскоре Алкмеониды нашли средство для достижения своей цели: они приобрели могущественного по своему влиянию союзника в лице Дельфийского оракула. Храм в Дельфах сгорел, и Алкмеониды условились построить его вновь, причем отстроили его с большим великолепием, чем обязаны были по договору⁵³, и этим, разумеется, приобрели расположение дельфийских жрецов.

С этих пор оракул был на стороне Алкмеонидов и побуждает Спарту положить конец тирании в Афинах: каждый раз, когда спартанцы обращались с каким-либо вопросом в Дельфы, пифия повторяла одно — они должны освободить Афины. Но были, кроме того, и чисто политические мотивы, побуждавшие Спарту выступить против Писистратидов: это — союз последних с Аргосом, давнишним соперником и врагом Спарты. И вот спартанцы отправляют морем в Аттику против Гиппия небольшой отряд; но отряд этот, высадившись, терпит поражение. Теперь задеты были уже честь и самолюбие Спарты. Во главе большого войска в Аттику является сам спартанский царь Клеомен. Гиппий заперся в акрополе. Клеомен вместе с афинянами, «желавшими свободы», осаждает его. Гиппий, после того как его сыновья, которых он хотел отправить в безопасное место, попали в руки осаждающих, вступил в переговоры. Он должен был покинуть Аттику и удалиться в Сигей, под покровительство персов.

Так положено был конец тирании в Афинах в 510 г.

Реформы Клизфена

С падением тирании в Афинах возобновилась внутренняя борьба: Исагор, сын Тисандра, боролся с Клисфеном Алкмеонидом, освободителем Афин. Исагор стоял во главе аристократической партии, думавшей, вероятно, воспользоваться падением Писистратидов в

⁵³ Так говорит Геродот (V, 62 sq.). У Аристотеля в «Афинской политике» (19) — другая версия, по которой постройка храма доставила Алкмеонидам средства для осуществления их плана, т. е., по всей вероятности, Алкмеониды получили известную сумму в свое распоряжение для постройки и употребили часть ее на предприятие против Писистратидов.

своих видах и стремившейся к реакции в антидемократическом духе. Аристотель называет его «другом тиранов»: может быть, Исагор принадлежал к тем аристократам, которые примирились с владычеством Писистратидов и теперь готовы были протянуть руку сторонникам изгнанного Гиппия против общего их врага, Клизфена.

Клизфен принадлежал к фамилии Алкмеонидов, которая сыграла такую видную роль в афинской истории. Как известно, один из представителей этой фамилии, Мегакл, был архонтом во время Килонова восстания, при подавлении которого совершено было святотатство. Другой представитель, Алкмеон, был предводителем афинян в Священной войне, предпринятой в защиту интересов Дельфы; он был первый афинянин, победивший в Олимпии на колеснице, запряженной четверкой лошадей, и вообще выдавался своим богатством, своими связями с царями Лидии. Третий — Мегакл, зять сикионского тирана Клизфена, — был соперником Писистрата и вождем паралов. Его сыном и был тот Клизфен, который явился освободителем Афин от ига тирании и одним из величайших афинских законодателей, основателем афинской демократии.

Еще после Килонова восстания, когда состоялся приговор над святотатцами, начался, как известно (см. выше), разрыв между Алкмеонидами и остальной знатью. Теперь, когда партия Исагора оказалась сначала сильнее, побежденный ею, Клизфен решительно становится вождем демоса. По словам Аристотеля, он привлек его на свою сторону, отдавая государственное управление массе (Ath. Pol., 20).

Тогда Исагор обращается за помощью к спартанскому царю Клеомену. Говорят, личные мотивы, связи с семьей Исагора, побуждали Клеомена поддержать вождя аристократической партии. Но и помимо этого Спарта не могла, конечно, сочувствовать усилению демократии в Афинах: не для того она так содействовала освобождению их от тирании. И вот, по зову Исагора, в Афины является спартанский царь Клеомен с войском. Чтобы нанести поражение Клизфену, враги его вспоминают о святотатстве, совершенном некогда во время смут Килона, и Клизфен должен был со своими приверженцами бежать из Афин; до 700 семейств было изгнано тогда под тем предлогом, что они запятнаны скверной святотатства. Но когда Клеомен вздумал распустить Совет и вручить власть над Афинами Исагору и 300 из его сторонников, то

Совет не повиновался и оказал стойкое, мужественное сопротивление. На защиту Совета собрался народ, и Клеомену вместе с своим отрядом и с Исагором пришлось искать убежище в акрополе. Два дня спартанцы выдерживали осаду; а на третий заключена была капитуляция, в силу которой спартанцы должны были удалиться. С ними ушел и Исагор; прочие сторонники Клеомена были преданы казни, Клизфен же и его приверженцы возвратились в Афины.

Итак, Клизфен вышел из борьбы победителем, привлекая на свою сторону демос. Такие события, как смуты после Солонова законодательства, как тирания Писистрата и, наконец, сама борьба с Исагором, ясно показывали, что афинскому строю недостает устойчивости, и Клизфен выступает преобразователем этого строя в более демократическом духе. Между ним и Солоном — большое различие: Солон — посредник между партиями, а Клизфен — вождь партии, решительно ставший на сторону демоса; при нем мы видим победу демократических начал, и в этом смысле если кого можно назвать основателем и творцом истинной демократии в Афинах, то, скорее всего, Клизфена. Его реформы направлены были к тому, чтобы доставить решительный перевес началам демократическим над аристократическими. Со своими планами Клизфен мог выступить еще среди борьбы, раньше полного торжества над соперником, но возможность провести их настала лишь тогда, когда Исагор был окончательно побежден.

В ряду Клизфеновых реформ самая главная — *введение новых десяти фил*. Начало проведения этой реформы относится еще к году архонства Исагора, т. е. к 508/07 г.

Реформы Солона и тирания Писистрата немало сделали для усиления демоса и ограничения аристократии. Но все-таки знатные роды фактически пользовались еще громадным влиянием в государстве, и в Афинах до тех пор не могло быть демократии в действительности, пока аристократия оставалась своего рода замкнутой, тесно сплоченным сословием, пока старинные четыре филы сохраняли политическое значение, так как в этих филах преобладала знать и подчиняла своему влиянию остальные элементы. И вот, чтобы сломить окончательно могущество аристократических родов, Клизфен отнимает у прежних четырех фил политическое значение и, оставив за ними лишь роль родовых и религиозных союзов,

создает *новые десять* фил, между которыми все граждане Аттики распределяются не по своему происхождению, а по месту жительства, и к которым переходит политическое влияние, так как теперь применительно к этому новому делению организуются и государственные учреждения, должности, участие граждан в служении государству — в управлении и в войске. Эти новые филы тоже составляли своего рода корпорации, с собственным имуществом и управлением, с собраниями, происходившими в Афинах. Во главе их стояли выборные эпимелеты.

Но Клисфеновы филы не представляли собой сплошных территорий. Вспомним, что в Аттике существовали одно время партии, группировавшиеся по местностям, что известные уже нам педиеи, паралы и диакрии соответствовали трем районам страны, из которых в каждом господствовала одна из этих партий. Надо было предотвратить развитие обособленности различных частей Аттики, развитие местных партий, преобладание местных интересов над общими; надо было по возможности «перемешать» население, как выражается Аристотель. Клисфен достигает этого следующим образом. Вводя новые филы, он разделил Аттику на 30 частей, из которых 10 находились вокруг города, 10 — вдоль берега, а 10 — в середине страны, и эти 30 частей, называвшихся *триттиями*, т. е. третями, распределены были по жребию между 10 новыми филами, по 3 триттии на филу, так, чтобы каждая фила имела свою часть во всех местностях. Другими словами, каждая фила состояла из 3 триттий, которые лежали в 3 разных районах: одна — в городском округе, соответствовавшем педиее, другая — в береговой полосе, паралии, и третья — в середине Аттики, где была прежняя диакрия. Таким образом, в состав каждой филы входили части из разных районов. В противоположность филам триттии являлись сплошными территориями, в 1 1/2-2 кв. мили каждая, с равным приблизительно числом жителей. Они были посредствующим звеном между филами и *демами*, на которые разделена была территория Аттики и которых было в общем более 100⁵⁴.

⁵⁴ Слова Геродота (V, 69), из которых выводили заключение, что при Клисфене демов было 100, надо понимать, вероятно, в том смысле, что демы были распределены между филами по 10 группам. Во всяком случае, при Клисфене демов было не 100, а больше. Страбон (IX, 1, 16)

Таким образом, демы являлись дальнейшим подразделением фил и триттий. Распределены они были по триттиям, так что принадлежавшие к одной и той же филе демы расположены были в упомянутых трех разных округах, причем те из них, которые входили в состав одной и той же триттии, лежали рядом, в непосредственном соседстве один с другим, а демы, принадлежавшие хотя бы и к одной и той же филе, но к разным триттиям, находились в разных районах Аттики.

Что касается самого города Афин, то Клисфен не причислил его к одной какой-либо филе, а разбил на несколько демов, принадлежавших к разным филам, с целью не допустить преобладания одной какой-либо филы над прочими; города — над остальной страной, и предотвратить антагонизм между ними, так как если бы Афины составили отдельную филу или целиком вошли в состав одной какой-либо, то такая фила заняла бы, конечно, особое, привилегированное положение. Существовал, как уже упомянуто, целый городской округ, не ограниченный только столицей и ее ближайшими окрестностями, а занимавший сравнительно большое пространство, округ, в котором каждая фила имела своих представителей, свои демы.

Со времени Клисфеновой реформы при имени гражданина, особенно в официальных случаях, ставилось имя его отца и название дема, к которому тот принадлежал: «такой-то» (имя), «такого-то» сын, «оттуда-то», т. е. из такого-то дема. Гражданин мог жить в каком угодно деме, мог приобретать там собственность, но числился он и пользовался правами «демота» (т. е. члена дема) в том, к какому он или его предки были первоначально приписаны: перемна местожительства не влекла за собой перемены дема. Живущий в чужом деме гражданин должен был платить особый налог.

Демы были различной величины и с неодинаковым числом населения⁵⁵. Были, например, малолюдные демы, всего в несколько

упоминает о 174 демах; из надписей известны названия около 190 демов. Число их могло увеличиться впоследствии, уже после Клисфена. — О демах на рус. яз. см. статью: *Ленер Р. Х.* К вопросу о демах Аттики // ЖМНП. 1891, ноябрь—декабрь; 1893, февраль—март. Ср.: *Milchhöfer A.* Untersuchungen ueber die Demeordnung des Kleisthenes. Berlin, 1892.

⁵⁵ *Haussoullier B.* La vie municipale en Attique. Paris, 1884.

десятков демотов, и такие многолюдные, как Ахарны, способные выставить, если верить Фукидиду, до 3000 гоплитов. Население Ахарн — по преимуществу угольщики, люди смелые, грубые, «сильные, крепкие, словно дуб, старики, истые марафонские воины», как характеризует их Аристофан в своей комедии «Ахарняне». Вообще почти каждый дем имел, так сказать, свою определенную физиономию.

Названия демам даны были по расположенным в них местечкам или селам, по отдельным лицам или фамилиям, там жившим или считавшимся основателями поселения, по занятиям жителей и т. п. Разумеется, Клисфен не создал вновь из ничего свои демы. В известном смысле, как городки, местечки и селения, они существовали и раньше: еще Писистрат, как мы видели, установил судей *по демам*. Но Клисфен определил границы демотов, избрал для них известный центр, утвердил за ними официальные названия, распределил по филам и тритиям, привел в связь с общим государственным строем, а главное — дал им особую организацию и предоставил самоуправление³⁶. Уже он отлично понимал, что без такой основы, без местного самоуправления, непрочно будет и сама демократия, и политическая свобода.

Демы имели свое общинное управление, своих должностных лиц, свои собрания, свои общинные земли, свои средства, свои жречества, празднества. Во главе дема стоял выборный, ежегодно сменявшийся *демарх*. Он созывал собрания дема, председательствовал в них, руководил обсуждением дел, наблюдал за исполнением постановлений, взимал деньги за сданную в аренду общинную землю и производил другие сборы; защищал интересы дема в местном собрании и в Афинах, приносил жертвы от имени дема и, вообще, являлся его представителем, ведал местной полицией и находился в постоянных сношениях с центральной государственной властью; например, вместе с булевтами (членами Совета — буле) составлял списки демотов, подлежавших военной службе. Кроме того, в демах были казначеи и некоторые другие местные должностные лица.

Собрание дема, обыкновенно немногочисленное, в несколько десятков человек, обсуждало местные нужды и вопросы, избирало

должностных лиц, распоряжалось своими финансами, местными доходами и расходами, иногда исполняло роль посредника и примирителя по отношению к демотам; оно награждало венком, почетным местом в театре или освобождением от некоторых местных повинностей лиц, оказавших услуги дему. Выборы на многие государственные должности производились сначала по демам, но потом ввиду случаев подкупа перенесены были в филы, за исключением избрания булевтов и стражей верфей, которые и впоследствии избирались в демах.

Но едва ли не главным делом, подлежавшим ведению собрания дема, было внесение в список, в общинную книгу, молодых демотов, достигших 18-летнего возраста и становившихся с этого времени совершеннолетними, правоспособными гражданами. При этом молодые афиняне приносили следующую характерную клятву: «Я не посрамлю священного оружия, не оставлю соратника в бою, буду защищать все священное и несвященное, один и вместе с другими; отечество передам (наследникам) не меньшим, а более сильным и славным, чем какое унаследовал; буду слушаться властей и буду повиноваться законам установленным и тем, какие народ установит единомысленно; не буду допускать, если кто-либо будет их отменять или им не повиноваться, но буду защищать их один и со всеми; буду чтить отечественные святыни».

При ревизии или проверке гражданских прав, так называемом *диапсефизме*, или *диапсефизе*, собрание дема рассматривало списки, причем демоны, дав клятву решать без всякого пристрастия, тайной подачей голосов произносили приговор о каждом, действительно ли он афинский гражданин и правильно ли внесен в список, и неправильно внесенных вычеркивали. Такие теряли право гражданства и делались метеками. Они могли, впрочем, апеллировать в афинский суд присяжных; тогда в случае благоприятного для них решения они восстанавливались в своих гражданских правах, а в противном случае лишались имущества и свободы — им грозило рабство⁵⁷.

⁵⁷ Существует указание, что после низвержения тирании был произведен подобный диапсефизм, так как при Писистратидах много чуждых элементов проникло в состав граждан. Некоторые полагают, что такая мера связана была с учреждением демотов и с принятием Клисфеном новых

⁵⁶ Haussoullier B. La vie municipale en Attique.

Десять новых Клисфеновых фил получили названия по имени некоторых древних героев Аттики, которые таким образом являлись их эпонимами и статуи которых были поставлены в Афинах на площади. Эти герои-эпонимы были избраны пифией из 100 имен, представленных ей Клисфеном на выбор. Таким образом, свои преобразования, столь глубоко захватывавшие сам строй государственный и общественный, Клисфен проводил как бы с ведома и при поддержке Дельфийского оракула.

Что касается прежних четырех родовых фил, то они не были окончательно отменены: они продолжали существовать, но уже без политического значения и влияния, лишь как родовые и религиозные союзы. Клисфен, говорит Аристотель, «позволил каждому иметь свои роды, и фратрии, и жречества по обычаю предков» (Ath. Pol., 21). Для усиления же демократических элементов Клисфен принял в число граждан или, как выражается Аристотель (в «Политике»), «ввел в филы» многих иностранцев и рабов-метеков, т. е. вольноотпущенников⁵⁸. Вероятно, они были приняты в существовавшие уже фратрии в качестве так называемых тиасотов и оргеонов, т. е. членов религиозных союзов. Это более соответствует основной тенденции Клисфена — «перемешать граждан», нежели создать отдельные фратрии для новых граждан, что естественно повело бы к известному различию между старыми и новыми фратриями.

Такова основная и самая важная реформа Клисфена, касавшаяся деления Аттики и ее гражданского населения на новые филы, на триттии и на демы с их самоуправлением. Она нанесла сильнейший удар преобладанию аристократии и утвердила в Афинах демократию. Реформа эта была окончательной победой территориального принципа над родовым. Новые филы являлись известными территориальными единицами, имевшими политическое значение. Граждане распределялись между ними не по происхождению, а

граждан, когда составлялся гражданский список. Но едва ли Клисфену можно приписывать такую меру и ввиду общей тенденции его законодательства, и ввиду того, что он сам был нечистокровным афинянином (как сын неафинянки Агаристы). Скорее диапсефизм после падения Писистратидов был делом партии аристократической и Исагора.

⁵⁸ Шеффер В. А. Афинское гражданство и народное собрание. М., 1891. С. 210. Ср.: Куторга М. С. Критические розыскания о законодательстве Алкмеонида Клисфена // Пропилеи. Кн. III. 1858.

по месту жительства: в один и тот же дем, в одну и ту же триттию и филу входили наравне аристократы и неаристократы, без различия происхождения. Политическому влиянию родов настал конец... Уже Аристотель понял всю глубокую важность Клисфеновых нововведений. Для крайней демократии, говорит он в своей «Политике» (1319 B 19 sq.), «полезны меры, подобные тем, какие употребил Клисфен в Афинах, желая усилить демократию...: следует образовать новые филы и фратрии и увеличить их число, частные культы свести к немногим и превратить в общие, и все измыслить, чтобы как можно больше перемешать всех» граждан «между собой, а прежние сообщества расторгнуть». И действительно, Клисфен «перемешал всех граждан», парализовал влияние местных партий и стремлений, связал неразрывно различные местности Аттики, город и окружающую его территорию, и этим вполне довершил объединение страны. Некоторую аналогию Клисфеновой реформе можно видеть в новейшей истории — во Франции во времена революции, когда прежнее, исторически сложившееся деление страны на провинции заменено было делением на департаменты.

При всем своем, видимо, радикальном характере и искусственности реформа Клисфена имела, однако, известные прецеденты и аналогию в прошлом, в предшествовавшем строе, и являлась дальнейшим развитием, в широких размерах, начал, которые в зачатках уже существовали. Этим в значительной мере объясняется прочность и жизненность дела Клисфена: вспомним, что Клисфеновы демы уже имели своего рода предшественниц в навкратиях, а его 30 триттий — в прежних 12 триттиях, являющихся тоже подразделением фил, и что эти 12 триттий, как отчасти и сами родовые филы, были территориальными единицами.

С учреждением новых десяти фил связан был и ряд других реформ Клисфена. Применительно к новому делению — ив более демократическом духе — преобразовываются некоторые государственные учреждения, приспособляются или вводятся должности и т. д.

Так, Совет (буле)⁵⁹, состоявший прежде из 400 членов, по 100 от каждой из 4 фил, Клисфен преобразовал в *Совет 500*, по 50 членов от каждой новой филы. Совет получил вообще новую

⁵⁹ На рус. яз. о Совете см.: Гольдин Н. С. Афинский совет βουλή. Харьков, 1904.

организацию. Текущими делами занимался не полный его состав, а 50 членов одной и той же филы, составлявшие один из 10 комитетов, на которые делится Совет, и называвшиеся *пританами*. Каждый из этих комитетов по очереди, определяемой в начале года жребием, ведал делами в течение одной десятой части года, так называемой *притании*, т. е. в течение 35—36 дней в обыкновенный год и 38—39 — в високосный.

Пританы, как сказано, заведовали текущими делами, наблюдали за финансами, принимали заявления, разного рода сообщения, готовили доклады для общего заседания Совета и для народного собрания, созывали сами собрания, руководили ими и т. д.⁶⁰ Председателем пританов, как и всего Совета, был *эпистат*, выбираемый из их среды ежедневно по жребию. Он хранил государственную печать, ключи от святилищ, в которых находились государственные суммы и документы. С частью пританов (третией, т. е. третью) он постоянно дежурил в особом здании, называвшемся фолос. Таким образом, часть комитета Совета заседала непрерывно. В V в. эпистат был председателем и народного собрания. Из должностных лиц Совета необходимо отметить еще *секретаря*, обыкновенно имевшего немалое влияние на дела.

Члены Совета выбирались⁶¹ по демам и — что оригинально для древности — соответственно величине демов и числу населения. Таким образом, в Совете 500 демы не только имели своих представителей: Совет этот представлял в миниатюре весь демос Аттики, был как бы его олицетворением и своего рода микрополисом, по выражению одного английского исследователя. В строе афинского государства он занимал важное место, и с его преобразованием власть архонтов должна была подвергнуться большому ограничению. Компетенция Совета 500 простиралась, в сущности, на все отрасли государственного управления⁶². А главное — Совет должен был готовить проект решения, так называемую *пробулевму*, для народного собрания, и без этого никакое дело

не могло подвергнуться обсуждению и голосованию. Ему предоставлялись иногда и особые полномочия. Нужно заметить, что заседания Совета были открытые, публичные.

В самом конце VI в., в «архонтство Гермокреонта» (вероятно, в 501 г.)⁶³, введена была та клятва для членов Совета, которую они давали и впоследствии. Аристотель в своем кратком, сухом перечне преобразований той эпохи, в 22 гл. «Афинской политики», счел нужным отметить и введение этой клятвы. И действительно, в ней содержится интересный пункт: кроме обещания хранить Солоновы законы, действовать («советовать») согласно вообще законам и благу афинского народа и т. п., булевты обязывались не заключать в тюрьму ни одного афинянина, если он представит трех поручителей из своего класса, за исключением случаев государственной измены, заговора против демократии или злоупотреблений относительно государственных сборов. Обязательство это один из новейших французских исследователей называет «*habeas corpus афинского права*»⁶⁴.

Что касается народного собрания, то оно теперь, разумеется, созывалось чаще и вообще значение его со времени Клисфена возросло. Между прочим, процессы по государственным преступлениям в форме так называемой «исангелии» от ареопага перешли к народу, народному собранию, которое или само производило суд или передавало дело в гелиэю⁶⁵. Возросло и значение гелиэи, суда присяжных, возникшего еще при Солоне, а дальнейшую организацию получившего лишь впоследствии, в Периклову эпоху, в связи с реформой ареопага, и затем в IV столетии. Вследствие увеличившегося значения преобразованного Совета, народного собрания и гелиэи власть и влияние архонтов, конечно, суживались и склонялись к упадку, в особенности с тех пор, как — уже после Клисфена — в 80-х гг. V в. для их избрания введен был вновь жребий, хотя и в смешанном виде. Но к этому мы еще вернемся.

⁶⁰ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. 3-е изд. Ч. 1. СПб., 1897. С. 222 [переизд.: СПб., 1997. — Примеч. науч. ред.].

⁶¹ Впоследствии по жребию; так ли было и при Клисфене, неизвестно.

⁶² Подробнее об этом далее.

⁶³ Относительно хронологии см. в моей книге: Бузескул В. П. Афинская Политика Аристотеля... С. 392—393.

⁶⁴ Glotz C. Etudes sociales et juridiques sur l'antiquite grecque. Paris, 1906. P. 128.

⁶⁵ Lipsius J. H. Das attische Recht und Rechtsverfahren. Bd. I. S. 176 f.

В 501/00 г. учреждена была должность *стратегов*, которых было 10, соответственно 10 филам. Стратеги первоначально избирались из каждой филы по одному, но потом их стали выбирать из всех фил, без отношения к последним. Выборы должностных лиц в Афинах вообще происходили летом, но стратеги выбирались в седьмую пританию (если не препятствовали предзнаменования), т. е. приблизительно в феврале—марте, когда еще не наступало время, удобное для военных действий. Главнокомандующим пока оставался полемарх, но потом начальство над войском перешло в руки стратегов — должности, как увидим, вообще ставшей очень важной и влиятельной, компетенция которой не ограничивалась одним военным делом, а простиралась и на другие сферы. Учреждение коллегии стратегов, в свою очередь, вело, следовательно, к ограничению власти архонтов.

Есть известие, что Клисфен учредил и новую финансовую должность — *анодект*, тоже в числе 10, в руках которых сосредоточил все денежные поступления и выдачи, под наблюдением Совета 500⁶⁶.

С введением новых территориальных единиц: фил, триттий и демов, прежние навкрии теряли смысл, всякий *raison d'être*, и Аристотель прямо говорит, что Клисфен учредил демы вместо навкрии и что поставленные во главе их демархи имели те же обязанности, что и прежние навкраы (Ath. Pol., 21). Этому противоречит свидетельство другого источника⁶⁷, по которому Клисфен увеличил число навкрии до 50 (вместо прежних 48), сообразно числу новых фил. Как бы то ни было, но о навкриях после Клисфена мы ничего не слышим, и если они им не были упразднены, то, во всяком случае, просуществовали недолго после него, — никак не долее организации афинского флота Фемистоклом.

Но установленной Клисфеном демократии и свободе Афин в будущем могла грозить опасность — могли быть попытки к тирании. Существовал афинский закон, который за такие попытки грозил самому виновнику и его роду *атимией*, лишением чести и гражданских прав или объявлением вне покровительства законов. Но мы не знаем в точности, когда издан этот закон. Зато несо-

мненно Клисфену принадлежит введение *остракизма*, который, как известно, состоял в том, что в особом народном собрании каждый присутствовавший афинянин писал на черепке⁶⁸ имя того лица, которое казалось ему опасным для спокойствия государства, и тот, чье имя оказывалось начертанным на большинстве черепков, должен был удалиться на время в изгнание. По-видимому, первоначально остракизм имел целью предотвратить тиранию и направлен был против попыток к ней, против друзей тиранов. Но впоследствии он изменил свое назначение и получил другой смысл, на который указывают некоторые исследователи⁶⁹, сравнивающие эту меру со сменой министерств или с вотумом недоверия в конституционных государствах и видящие настоящую цель остракизма в удалении вождя одной из борющихся партий, чтобы очистить поле для деятельности противнику. И в самом деле, опасаться тирании впоследствии, например в эпоху Кимона и Перикла, было нечего, и остракизм тогда действительно служил средством для прекращения политической борьбы, для выхода из нее: когда борьба достигала крайнего напряжения и обе стороны, казалось, были равносильны, когда не виделось исхода, остракизм решал, кто из борющихся противников должен уступить, чье влияние и чья политическая программа должны окончательно восторжествовать. Но мы знаем в истории немало примеров того, как придуманные законодателем меры получают не то значение, какое имелось в виду первоначально, и ведут к неожиданным последствиям. Так и остракизм мог изменить впоследствии свое назначение. Что это так, доказывает и его начальная история.

По словам Аристотеля в «Афинской политике» (22), остракизм введен был Клисфеном в числе тех новых законов, которые сообщали афинскому строю более демократический характер сравнительно с Солоновой конституцией. Но он долго не применялся, ибо афиняне, «по обычной для демоса кротости» (интересное замечание в устах Аристотеля, вообще далеко не сочувствовавшего демократии), позволяли друзьям тиранов, не замешанным в смутах, жить в городе. В первый раз они воспользовались законом

⁶⁶ Busolt C. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. II. S. 436.

⁶⁷ Аттидографа Клидема.

⁶⁸ По-гречески — *όστροακισμός*, отсюда и название остракизм.

⁶⁹ Например, см.: *Lügebil K. Über das Wesen und historische bedeutung des ostrakismos in Athen. Leipzig, 1861.*

об остракизме только спустя два года после Марафонской битвы, в 488/87 г., «когда демос был уже смелее». Первый, подвергшийся остракизму, был родственник Писистрата, Гиппарх, сын Харма, «вождь и простат» друзей тиранов, из-за которого, собственно, Клисфен будто бы и издал свой закон. Вообще, в течение трех лет посредством остракизма изгоняли лишь «друзей тиранов». К удивлению, в числе их мы встречаем члена фамилии Алкмеонидов: после упомянутого Гиппарха подвергся остракизму Мегакл из Алопеки. Но затем стали удалять и других, кто казался слишком могущественным. Первым из таких лиц, не причастных тирании, подвергся остракизму Ксантипп — отец Перикла, будущий победитель при Микале.

Еще в древности в применении остракизма, этого «глиняного бича», по выражению одного автора, усматривали как скрытый мотив, зависть и нерасположение к тем, кто выдавался, кто был могуществен, видели стремление к поддержанию равенства, к нивелировке, свойственное демократии. Аристотель в своей «Политике» (1284 а 20 sq.) прямо говорит, что удаляли тех, кто казался слишком могущественным по своему богатству или числу сторонников, или политическому влиянию. Но для правильной оценки остракизма нужно иметь в виду те формальности, которыми был обставлен этот «суд черепков». Вопрос о применении остракизма не мог быть поднят во всякое время, в любом народном собрании: вопрос этот возбуждался в определенный лишь срок, в обычном собрании в 6-ю пританию, и предлагался сначала в общей форме — признают ли граждане необходимым в данном году прибегнуть к остракизму? В случае лишь утвердительного ответа назначалось особое экстренное народное собрание, в котором и происходил «суд черепков». Для его законности требовалось присутствие не менее 6000, и граждане собирались тут по филам. Наконец, изгнание посредством остракизма было в сущности почетным удалением: честь удаляемого не страдала, право гражданства и имущество не отымались; изгнание ограничивалось 10 годами, а чаще еще до истечения этого срока изгнанника возвращали в Афины, и он снова мог занять влиятельное и почетное место среди граждан.

В то время как Клисфен проводил свои реформы, молодой афинской демократии пришлось выдержать тяжелую борьбу одновременно с несколькими внешними врагами, с целой коалицией —

со Спартой, Беотией, эвбейской Халкидой, островом Эгиной. Вражда Спарты понятна: Спарта не могла сочувствовать торжеству демократии; она поддерживала аристократию. Притом спартанский царь Клеомен горел желанием отомстить за свой позор, за свою капитуляцию. Столкновение с Беотией произошло из-за Платей, беотийского города, находившегося у границы Аттики, теснимого фиванцами и нашедшего себе покровительство в Афинах. Халкида и Эгина, близкие соседи Аттики, враждовали с Афинами из-за торгового соперничества и опасались их дальнейшего усиления.

Положение Афин, которым со всех сторон грозили враги, было тяжелое, даже критическое. Самому существованию их как независимого государства, казалось, угрожала опасность. Спартанцы и их пелопоннесские союзники под начальством царей Клеомена и Демарата находились уже у Элевсина; некоторые афиняне также примкнули к Клеомену. К счастью для Афин, в среде пелопоннесцев обнаружился разлад: Демарат и коринфяне не хотели идти дальше и оставили Клеомена, который после этого вынужден был отступить. А над теми афинянами, которые перешли было на сторону неприятеля, в Афинах произнесен был смертный приговор, их имения конфискованы, дома разрушены, имена их, как изменников, начертаны на медном столпе, поставленном в акрополе. Все дальнейшие старания Клеомена и Гиппия, явившегося в Спарту, ни к чему не привели: вследствие оппозиции союзников мысль о новом походе против Афин была оставлена. Между тем афиняне со своей пехотой одерживают победу над беотийцами, в тот же день переправляются на остров Эвбею и наносят поражение халкидянам с их всадниками. Халкидяне должны были уступить плодородное Лелантское поле, из-за которого они некогда боролись с Эретрией, и здесь афиняне отвели участки нескольким тысячам своих поселенцев, *клерухов*. Что касается войны с Эгиной, то она затянулась надолго.

Эта борьба с целой коалицией и торжество над внешними врагами способствовали упрочению молодой афинской демократии. Внешняя опасность сплотила афинян; многие из знатных фамилий искренне примирились с новым порядком. Благодаря этой опасности, внутренняя борьба стихла на время, а демократия стала неразрывно связанной с независимостью и достоинством самого

государства. Как смотрели следующие поколения на выдержанную Афинами борьбу, на значение для них свободы и равенства, показывают замечания Геродота (V, 78). «Так афиняне возросли в своем могуществе, — говорит "отец истории". — Не только из этого одного, но вообще явствует, какая хорошая вещь политическая свобода (исегория). Пока афиняне управлялись тиранами, они в военном деле не превосходили никого из своих соседей, а освободившись от тиранов, они стали далеко первые. Ибо, будучи подвластны тиранам, они были нерадивы, работая как бы на господина, а достигнув свободы, каждый стал стараться, работая для самого себя». Тут Геродот забывает, что уже при Писистрате внешнее могущество Афин было велико.

Между тем восстановления Гиппия в Афинах требует сатрап Сард, Артафрен⁷⁰, у которого афиняне просили было помощи. Вообще с востока надвигалась страшная гроза: близилось нашествие персов...

⁷⁰ Или Артаферн.

II. Расцвет

Эпоха Греко-персидских войн

Греко-персидские войны — один из моментов борьбы между Западом и Востоком, Европой и Азией, борьбы, которая красной нитью проходит через последующую историю: вспомним покорение Востока Александром Македонским, нашествие арабов и крестовые походы, завоевание Балканского полуострова турками и войны с ними европейских государств и т. д.

Уже при Кире персы достигли берегов Малой Азии и подчинили себе находившиеся там греческие города. Но наступательное движение их на этом не остановилось. Как известно, древние монархии стремились стать «всемирными», все расширяясь и поглощая соседей. Одна за другой они рушатся, входя в состав новой, еще более обширной державы, пока процесс этот не закончился образованием колоссальной Римской империи, обнявшей все берега Средиземного моря, почти весь известный тогда мир, orbis terrarum...

Во время Скифского похода персидский царь впервые вступил на европейскую почву. Фракийское побережье и греческие города, Византий, Халкедон, были покорены; Македония признала свою зависимость от персидского царя, и его власть в известном смысле простиралась теперь уже до самой горы Олимпа, до границ Фессалии. Одновременно с этим персидское владычество надвигалось и на юге, в Африке, где ему подчинилась Кирена, не говоря уже о Египте. Таким образом, наступательное движение персов широко охватывало греческий мир. Прибавим к этому уже упомянутое требование Артафрена, чтобы афиняне восстановили у себя власть Гиппия, отказ афинян, натянутые отношения между обеими сторонами, и мы поймем, что открытое столкновение Гре-

ции с Персией было неизбежно, являлось лишь вопросом времени. Поводом послужило, как известно, восстание Милета и та помощь, которую оказали этому городу Афины и Эретрия.

Здесь не место останавливаться на самом ходе борьбы греков с персами, борьбы, имевшей громадное, мировое значение, так как тут дело шло не только о судьбе и независимости Эллады, но и о будущих судьбах исторического мира, о господстве греческой или восточной культуры, тех или других политических начал. Предполагая главные факты Греко-персидских войн известными, мы здесь коснемся лишь тех моментов, которые имеют отношение к внутренней истории Афин, — к истории их демократии.

Поход Датиса и Артафрена, закончившийся сражением при Марафоне, был походом и против афинской демократии: в стане персов находился изгнанный тиран Гиппий, владелец Сигея и вассал персидского царя, надеявшийся на возвращение к власти, на содействие сторонников, которые у него еще были в Афинах. В числе таких сторонников молва впоследствии называла даже Алкмеонидов. Говорили, что когда кончилась битва при Марафоне и персы садились уже на корабли, им подан был сигнал, посредством поднятого щита, указывавший на удобный момент для нападения на Афины, и что такой сигнал дали именно Алкмеониды. Геродот (VI, 115, 121 sq.) удивляется этой молве, горячо опровергает обвинение, называя его клеветой, и ссылается на то, что Алкмеониды ненавидели тиранию, много претерпели от нее и больше всех других сделали для освобождения Афин от тиранов. Но и Аристотель в числе «друзей тиранов» около времени Марафонской битвы называет, как мы видели, одного из Алкмеонидов, Мегакла, который подвергся ostracismu. Мы слишком мало осведомлены о тогдашнем положении дел в Афинах — источники для этого скудны, — и трудно сказать, насколько основательны были подобные обвинения и слухи¹. Они показывают лишь, каково было тогдашнее настроение, с какой ненавистью относились к Алкмеонидам их враги, какая борьба шла между главами партий. По-видимому, в то время в Афинах, может быть под

¹ Некоторые новейшие историки — Эд. Мейер, Р. фон Пёльман (*Pohlmann R. von. Grundriss der griechischen Geschichte. 3 Aufl. München, 1906*) — верят им.

влиянием печального исхода Ионийского восстания и падения Милета, произошла реакция. Мы знаем, например, что за несколько лет до Марафонского сражения в архонты был избран несомненный сторонник Писистратидов и их родственник — Гиппарх, сын Харма. Алкмеониды были оттеснены, влияние их пало. На первом месте мы видим представителя не их фамилии, а фамилии Филаидов.

Это был Мильтиад, богатый и могущественный династ, еще недавно владетель Херсонеса Фракийского, родственник и один из преемников того Мильтиада, который во времена Писистрата основал там владение. Во время Скифского похода Дария он, как известно, предлагал разрушить мост на Дунае и затем с опасностью для жизни бежал из Херсонеса в Афины. Сюда он явился с многочисленной свитой, с богатыми сокровищами, с наклонностями династа, с замашками лица, привыкшего властвовать. В сущности, между ним и тогдашними Афинами, с их зародившеюся демократией, было мало общего: Мильтиад не свылся с республиканским строем Афин, да и афиняне смотрели на него подозрительно, как на бывшего тирана. И на первых же порах враги выступили против Мильтиада с обвинениями по поводу его действий в Херсонесе. На этот раз он вышел оправданным. Его даже избрали в стратеги в тот год, когда персы под начальством Датиса и Артафрена предприняли поход против Греции: Мильтиад, хорошо знавший персов, их сильные и слабые стороны, их тактику и приемы, казался необходимым и самым подходящим вождем в предстоявшей борьбе. И при Марафоне мы видим его главным действующим лицом; номинально главнокомандующим считается еще полемарх, но в действительности на первом плане стоят стратеги, и в особенности Мильтиад. Победой при Марафоне (480 г.), где гоплиты свободных Афин одержали верх над полчищами персидского царя, он блестяще оправдал возлагавшиеся на него надежды.

Пользуясь славой и на этот раз неограниченным доверием, Мильтиад убедил афинян предоставить в его распоряжение флот, отряд войска и денежные средства для дела, о котором он определенно не говорил, но от которого сулил громадные выгоды для Афин. Велики были ожидания народа, но тем сильнее его разочарование, когда оказалось, что предприятие Мильтиада направлено было против одного из Кикладских островов, Пароса, и что оно окон-

чилось полной неудачей. Образ действий Мильтиада вызвал сильный ропот и негодование. Говорили, что Мильтиад предпринял экспедицию против Пароса для удовлетворения лишь личной мести. Таким настроением народа воспользовались враги Мильтиада, во главе которых стоял Ксантипп, связанный с фамилией Алкмеонидов общими интересами и свойством (он был женат на племяннице знаменитого Клисфена). Ксантипп обвинил Мильтиада в государственной измене, в том, что он «обманул народ», и требовал его казни. Больной вследствие полученной во время осады Пароса раны, лежа на носилках, Мильтиад слушал обвинения, сам не будучи в состоянии защищаться. Друзья его указывали на прежние его заслуги, на Марафонскую победу, на завоевание острова Лемноса, и народ вместо смертной казни присудил Мильтиада к денежной пене, как предлагал его защитник, в 50 талантов за причиненный государству ущерб. Мильтиад вскоре умер, и пеня уплочена была его сыном Кимоном.

Так сошел с поприща победитель при Марафоне. В таком отношении афинян к Мильтиаду впоследствии нередко видели «позор для Афин», черную неблагодарность демоса к великому деятелю. Но Геродот, сообщая об этом эпизоде, напротив, усматривает в исходе процесса — в том, что назначена была денежная пеня, а не смертная казнь, — доказательство расположения народа к Мильтиаду (VI, 136). Английский историк Дж. Грот, в своей «Истории Греции» являющийся «адвокатом афинского демоса», защищает последний от обвинения в неблагодарности, доказывает вину Мильтиада и говорит, что благодарность за прежние заслуги не может доставить деятелю безнаказанность за последующие проступки. По-видимому, афиняне могли опасаться, чтобы пример Мильтиада не нашел подражателей: они не желали, чтобы на будущее время их вожди распоряжались так народными средствами и силами, потому что это могло создать особое положение отдельного лица в государстве, повести к тирании, вовлечь государство в непредвиденные затруднения и опасности. Они находили справедливым, чтобы возмещены были, по крайней мере, понесенные государством убытки.

Вообще в годы, наступившие после Марафонской битвы, в Афинах происходит внутренняя борьба. Тогда впервые, как мы видели, стали применять остракизм; последовал ряд изгнаний —

родственников Писистратидов Гиппарха, Алкмеонида Мегакла, обвинителя Мильтиада — Ксантиппа; затем во время борьбы из-за флота подвергся остракизму Аристид. Только ввиду нашествия Ксеркса изгнанники возвращены были на родину раньше срока. Так представители знатных фамилий враждовали между собой; один за другим подвергались они преследованию, не исключая и Алкмеонидов, и должны были на время удалиться из Афин; а демос усиливался: наступал период его владычества...

В 487/86 г. произошла важная по своим последствиям реформа, касавшаяся способа избрания архонтов.

Мы видели, что жребий при избрании архонтов, хотя и в смешанном виде, введен был Солоном. Во время последующих смут и тирании Писистратидов он не применялся: тиранам выгоднее было простое избрание посредством голосования, чтобы иметь возможность проводить своих сторонников. Не восстановил жребия и Клисфен; при нем, по-видимому, удерживался тот же способ избрания архонтов, что и при тиранах. Только спустя три года после Марафонской битвы, в архонтство Телесина, т. е. в 487/86 г., система Солон была восстановлена, но с некоторыми изменениями: по свидетельству Аристотеля (Ath. Pol., 22), архонтов стали выбирать жребием по филам из 500 — или, если принимать предложенную некоторыми учеными поправку в тексте, из 100² — кандидатов, предварительно избранных (посредством голосования) демотами, т. е. членами дема. Впоследствии — но когда именно, неизвестно — и при предварительном избрании голосование заменено было жребием, но двустепенность выборов осталась как своего рода пережиток, — любопытный пример того консерватизма, желания сохранить по возможности старые формы, которые проявляли иногда афиняне.

Введенный в 487/86 г. способ избрания архонтов, вероятно, стоит в связи с той внутренней борьбой, которая тогда происходила в Афинах. Жребий до некоторой степени должен был устранить или уменьшить поводы к борьбе, ослабить влияние могуществен-

² Дело в том, что число 500 представляется непомерно большим, особенно если принять, что архонтами могли быть тогда только пентаксийиомедимны; кроме того, известно, что впоследствии от каждой филы было по 10 кандидатов. Все это говорит в пользу предложенной поправки.

ных лиц и фамилий при замещении должностей архонтов. Недалеко введение этого способа избрания совпадает с первыми случаями применения ostracism. Но введение жребия при избрании 9 архонтов *из столь большого числа предварительно намеченных голосованием кандидатов* вместе с тем знаменует собой падение архонтата. Новый способ выборов указывает, что прошло уже то время, когда первый архонт являлся первым лицом в государстве, самым влиятельным сановником, а полемарх — главнокомандующим над военными силами, когда вообще коллегия архонтов играла видную роль в государственном строе. Очевидно, прежнее значение архонтата отошло уже в область прошлого. Прежде в архонты избирались наиболее влиятельные и выдающиеся лица; теперь всякий заурядный афинский гражданин признавался достойным и способным нести обязанности архонта. Перемена эта имела и дальнейшие, чрезвычайно важные следствия: открывалось поле для деятельности «вождя народа», «демагога»³; демагог становится необходимым, хотя сам по себе и не должностным лицом в государстве, фактически главным руководителем народного собрания, внутренней и внешней политики Афин. А из должностных лиц выдвигается на первый план стратег. Таким образом, влияние переходит к демагогу и одному из стратегов. Но в эпоху расцвета афинской демократии, до самой смерти Перикла, демагог и стратег обыкновенно соединяются в одном лице. Раздвоение, пагубный разлад и конфликт обнаруживаются позже...

Жребий в Афинах употреблялся не только при избрании архонтов; мало-помалу, при господстве демократии, он находил себе все большее и большее применение; его стали употреблять при выборе почти на все должности, кроме немногих, преимущественно военных: последние всегда замещались лицами, избираемыми посредством голосования, по понятной причине — должности эти требовали специальных способностей; рискованно было вверять начальство над войском и защиту государства лицам, обязанным своим избранием жребию, т. е. случаю.

Некоторой коррективой при жребии служила *докимасия* или «испытание», которому подвергался каждый кандидат на какую бы то ни было должность. Впрочем, это «испытание» касалось

не способностей лица или его пригодности для данной должности, а его жизни, его поведения и нравственных качеств, равно как его формальных прав. Например, кандидату в архонты предлагались вопросы: кто его отец и дед и из какого дема? кто его мать и бабка и из какого дема (от архонта требовалось гражданство, по меньшей мере, в третьем колене)? чтит ли он Аполлона Патрея (Отего) и Зевса Геркея (Оградного, хранителя домашнего очага)? есть ли могилы предков и где они? хорошо ли обращался с родителями? исполнял ли военную службу и нес ли финансовые повинности? и т. д. В таком же роде была докимасия и при замещении других должностей. Чуть не вся жизнь кандидата могла подвергнуться подобному «испытанию»... Быть должностными лицами могли афинские граждане не моложе 30 лет. Для занятия некоторых должностей — архонтов, казначеев — требовался особый, более высокий ценз. По закону феты вообще не имели права занимать должности; это Солоново установление, оказывается, никогда не было формально отменено даже впоследствии, при полном торжестве демократии. Аристотель говорит, что и в его время, когда у желающего подвергнуться жеребьевке для занятия какой-нибудь должности спрашивали (при докимасии), к какому классу он принадлежит, то ни один не скажет, что он фет (Ath. Pol., 7). Но на практике закон обходился, и в IV в. хотя Солонов закон, по которому казначеи должны быть из пентакосиомедимнов, оставался еще в силе, но в действительности, по свидетельству того же Аристотеля (Ath. Pol., 47), занимать эту должность мог всякий, избранный по жребию, даже и очень бедный. Запрещалось два раза занимать одну и ту же должность, за исключением военных, на которые можно было выбирать одно лицо несколько раз, даже из года в год, и отчасти должности булевта: членом Совета 500 можно было состоять дважды в течение жизни. Булевты подвергались докимасии перед Советом, решение которого первоначально имело окончательную силу, впоследствии же допускалась апелляция в суд, дикастерий; архонты должны были подвергаться двойной докимасии — и перед Советом, и перед судом, а все прочие должностные лица — только перед последним.

Все должностные лица подлежали контролю, а по окончании срока службы должны были давать отчет в своих действиях; впоследствии, если дело касалось финансовой стороны, то отчет сда-

³ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. III. Stuttgart, 1901. S. 343 f.

вался перед коллегией *логистов* (причем, во всяком случае, окончательное решение принадлежало суду), а во всем остальном — перед коллегией *эвфинов*. До сдачи отчета нельзя было быть избираемым на другую должность, отлучаться из страны и свободно распоряжаться своим имуществом.

Эпоха борьбы с персами была тем моментом, когда создались Афины, которые мы видим и в «Периклов век». Тогда окончательно определилось направление всей дальнейшей истории их; тогда они вступили на новый путь, которым потом лишь продолжали идти. Тут начало всех последующих явлений, характеризующих афинскую историю V в., — морского могущества Афин, их гегемонии, их чистой демократии. На новую стезю направил их среди опасности со стороны врага гений Фемистокла.

Фемистокл не принадлежал к верхнему слою тогдашней афинской аристократии. Он — человек «новый». Отец его был не из очень знатных; мать — не афинянка, а чужестранка. Фемистокл, следовательно, — не чистокровный афинянин и с точки зрения строгого афинского права должен был считаться даже незаконно рожденным. Не отличался он и образованием. Он сам говорил о себе, что петь и играть на кифаре не учился, но сделать государство великим и богатым умеет. О Фемистокле и его реформатской деятельности, столь важной для Афин, источники говорят, в сущности, очень мало. Зато они сообщают много анекдотов, бросающих тень на него. Редко какая другая личность в греческой истории вызвала такую страстную ненависть врагов. Каких только обвинений не взводили на Фемистокла, — то в излишней расточительности, то в скаредности, то в удивительном коварстве; но особенно подчеркивали его непомерное честолюбие, корыстолюбие, неразборчивость в средствах. Лишь один историк древности вполне оценил значение личности Фемистокла. Это — Фукидид. Он отмечает, как отличительную черту Фемистокла, силу природных дарований, прирожденный проницательный ум, благодаря которому, даже при отсутствии образования, тот мог предусматривать будущее, способность немедленно найтись среди всевозможных обстоятельств, руководить всяким делом, быстро изобретать надлежащий план действий (I, 138). По творчеству мысли, по смелости замыслов Фемистокл является одним из замечательнейших деятелей Эллады. Он, по словам Фукидида (I, 93), пер-

вый отважился сказать, что следует держаться моря. Он укрепил Пирей, устроил в нем военную гавань, создал афинский флот и превратил Афины в морскую державу.

Начало деятельности Фемистокла в этом направлении относится, может быть, еще ко времени до Марафонской битвы, к концу 90-х гг.⁴ Мы не знаем, какое участие принимал Фемистокл в событиях 80-х гг., в тогдашней борьбе, в ряде остракизмов, в реформе 487/86 г. Известно только, что лишь в 483/82 г. удалось Фемистоклу осуществить давно задуманный план — организовать флот. Поводом послужила уже давно тянувшаяся война с Эгиной, воочию показывавшая афинянам всю необходимость иметь свой флот, а средства дали доходы с вновь открытых рудников в Маронее, которые отданы были в аренду. По рассказу Аристотеля (Ath. Pol., 22), когда в архонтство Никомеда (или Никодема) открыты были рудники в Маронее и государство от их разработки получило доход в 100 талантов, причем некоторые советовали народу поделить их, согласно тогдашнему обыкновению, то Фемистокл этому воспротивился и, не говоря, на что намерен употребить деньги, побудил афинян дать их взаймы 100 самым богатым гражданам, каждому по таланту, с тем, что если сделанное им употребление этих денег понравится, то издержки будут приняты на счет государства, а если нет, то деньги должны быть возвращены взявшими их взаймы; на таких условиях будто бы построено было 100 триер, каждым по одной, и на этих триерах афиняне сражались против варваров во время Саламинской битвы. Конечно, совершенно невероятно, чтобы народ согласился раздать такую сумму, не зная на что, или чтобы богатые афиняне рискнули взять на себя постройку кораблей без народного постановления. В основе этого анекдотического рассказа лежит, вероятно, тот факт, что постройка 100 триер возложена была на 100 наиболее состоятельных граждан в виде общественной повинности, «литургии», причем каждому было выдано на это по таланту, и в случае удовлетворительного исполнения корабль принимался, а в противном случае требовалось возвратить деньги.

⁴ Имя архонта 493 г. — Фемистокл. Многие полагают, что это знаменитый Фемистокл.

Не без тяжелой борьбы осуществил Фемистокл свои планы. Людям осторожным, консервативным, его нововведения должны были внушать опасения. Зачем было, по мнению таких лиц, пренебрегать славным прошлым, создавать флот и этим самым отодвигать на задний план тяжеловооруженную пехоту, тех гоплитов, которые так доблестно и с таким успехом сражались на Марафонском поле? не значило ли это оставлять известную, испытанную силу ради новой, еще неиспытанной?.. преобразование Афин в морскую державу не подействует ли разлагающим образом? не исчезнет ли прежняя простота, патриархальность нравов, свойственная земледельческой стране?.. Уже современники Фемистокла сознавали, что с торжеством его планов связан целый ряд дальнейших, очень важных следствий, что тут затронуты интересы многих. Словом, в возражениях и в противниках Фемистокловых мер недостатка не было.

К числу их до некоторой степени принадлежал Аристид, которого традиция наделяет качествами, противоположными тем, какими отличался Фемистокл, — справедливостью, разборчивостью в средствах и т. п. «Ты можешь прославлять Павсания или Ксантиппа или Леотихида, — говорит родосский поэт того времени, — я же славлю Аристида, его одного, из священных Афин, между всеми самого лучшего мужа»... Борьбу между Аристидом и Фемистоклом не следует, однако, представлять себе борьбой двух несоединимых, противоположных принципов, борьбой старых и новых Афин, партии консервативной и партии прогресса, как это принято было прежде. Аристида нельзя считать главой аристократической партии в том смысле, например, как Исагора, противника Клизфена: он не был врагом демоса и стоял на его стороне. Оба — и Фемистокл, и Аристид — были, по выражению Аристотеля⁵, «простатами демоса». Но Аристид был более умерен, и с Фемистоклом его разделяли не только глубокая противополож-

⁵ У Аристотеля в «Афинской политике» Аристид даже представитель крайнего демократического направления. Именно он будто бы побудил население покинуть поля и переселиться в город; он вводит систему денежного вознаграждения; им начато то, что завершил Эфиальт (24). Аристотель тут впадает, очевидно, в преувеличения и неточности; переселение в город не могло быть, конечно, результатом совета одного лица, система же денежного вознаграждения принадлежит не времени Аристида, а более позднему.

ность характеров и личное соперничество, но и взгляд на средства для достижения цели: беспокойная, слишком смелая, новаторская политика Фемистокла, неразборчивая в средствах и не останавливавшаяся ни перед чем, могла казаться Аристиду опасной, вредной для государства, и встречать со стороны его противодействие. Стоя оба во главе демоса, Фемистокл и Аристид представляли, однако, собой два разных направления.

Как бы то ни было, дело кончилось ostracismom Аристида. Фемистокл вышел победителем, и ко времени нашествия Ксеркса афиняне располагали уже флотом, какого не было ни у одного другого государства на континенте Эллады, — почти в 200 судов. Во время Ксерксова нашествия афинянам пришлось пережить тяжелые испытания — покинуть город и предоставить его врагу на разорение; кто не мог сражаться, должен был спасаться на Саламин, в Трезену и другие пункты; а способные носить оружие должны были сесть на корабли. Фемистокл и ареопаг действовали в этот момент рука об руку. Не было денег на содержание войска, и ареопаг прибегнул к чрезвычайным мерам: он — по-видимому, из храмовых сумм, — роздал каждому по 8 драхм и тем способствовал посадке войск на суда; неимущим беглецам также выдано было пособие. Зато Саламинская битва (480 г.) вознаградила за все перенесенное; она была полным торжеством для афинян и, в частности, для Фемистокла. «Деревянные стены» кораблей спасли Элладу...

Итак, Фемистокл преобразовал Афины в морскую державу. С суши центр тяжести перенесен был на море. А это, в свою очередь, оказало влияние на весь строй жизни Афин. Клизфенова конституция имела в виду население земледельческое; с ее точки зрения это была главная сила и опора государства. Теперь выдвигаются новые элементы, другие классы и профессии, преимущественно «корабельная чернь», по выражению древних авторов, не сочувствовавших крайней демократии. Для снаряжения флота пришлось привлечь к службе и фетов; по принципам же Солонова законодательства повинностям должны соответствовать и права; таким образом, это значило дать четвертому классу граждан право на те преимущества, которые до тех пор составляли достояние первых трех классов. Победы при Саламине и при Микале (479 г.) должны были поднять дух этой «корабельной черни», преисполнить ее сознания своей силы. После отражения врага и исчезно-

вения крайней опасности рабочие, матросы, ремесленники стали стекаться в Афины, а особенно в гавань Пирей; тем более, что и подать с метеков, по крайней мере, на время, была тогда отменена. Пирей стал кишеть самым разнообразным людом; он был гораздо демократичнее самих Афин.

Меры Фемистокла имели, следовательно, результатом большую демократизацию Афин. Это отлично понимали еще в древности: часто тогда еще отмечалась связь между развитием морского могущества Афин и развитием их демократии. Недаром Тридцать тиранов, властвовавших в Афинах в конце V в., в господстве на море видели корень ненавистной для них демократии. У Платона море называется «наставником в дурном», а Фемистоклу ставится в упрек, что он стойких гоплитов превратил в корабельщиков и моряков, что, отняв у граждан копье и щит, он довел афинский демос до скамьи гребцов и до весла. Недаром о Фемистокле говорили то же, что так часто повторяли о Перикле, — что он усилил демократию больше, чем следовало, что он возвысил демос над аристократами, преисполнил его дерзкой смелости, что при нем вся сила перешла в руки моряков, гребцов и кормчих...

Платейской битвой (479 г.) закончился первый период борьбы греков с персами, период, который может быть назван борьбой за существование независимой Эллады. Тяжеловооруженная пехота греков одержала победу над легкими персидскими полчищами, вооруженными большей частью луком и стрелами. Победил свободный гражданин-грек: он знал, за что он сражается; он был проникнут сознанием всей важности борьбы, был воодушевлен любовью к родине, свободе, и это удесятерило его силы. Одолел тот, кто проявил «больше нравственной энергии, упорства, кто лучше умел страдать, умирать». Маленькая Греция устояла в борьбе с громадной Персидской державой⁶, ибо сила измеряется не одним числом квадратных миль и количеством населения: в исто-

⁶ Нужно, впрочем, заметить, что силы Персии, направленные против Греции, не были так колоссальны, как сообщает традиция греков, слишком их преувеличивая. См.: *Delbrück H.* 1) *Die Perserkriege und die Burgunderkriege.* Leipzig, 1887; 2) *Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte.* Tl. I. Berlin, 1900 [есть рус. пер.: Т. I (пер. с нем. Л. Гринкруг). М., 1936; переизд.: СПб., 1994. — *Примеч. науч. ред.*]. Г. Дельбрюк, однако, впадает в другую, противоположную крайность.

рии решающее значение имеют нередко силы нравственные — в широком смысле слова, измерить которые с точностью, конечно, нельзя, но присутствие и влияние которых несомненно. Притом в Греции, с ее гористой местностью, с ее узкими проходами, вроде Фермопильского ущелья, и проливами, подобными Саламинскому, неприятель не мог развернуть все свои силы, и сама многочисленность их была губельна для персов; при Саламине, например, персидские корабли сталкивались один с другим.

События, пережитые Элладой, и особенно Афинами, в эпоху борьбы с персами, потрясения, испытанные тогда, и одержанные победы оставили глубокий, неизгладимый след в их истории.

Если прежде центр тяжести греческой истории был преимущественно в колониях, особенно в Малой Азии, где и сосредоточивалось культурное и политическое развитие греков, то теперь первая роль во всех отношениях принадлежит уже метрополии, европейской Элладе.

Научная, литературная, художественная, вообще духовная деятельность народа тесно связана с его внешней деятельностью и со всеми другими сторонами его жизни. Их соединяют часто незримые, но неразрывные нити. За торжеством в борьбе с внешним врагом мы часто наблюдаем подъем народного духа, развитие национального самосознания, умственных и нравственных сил народа. Так было и в Греции после отражения персов. Вслед за победоносной борьбой с опасным врагом, потребовавшей напряжения всех сил, греческий гений раскрывается во всем своем ослепительном блеске. Эллина еще более сознают свое превосходство над «варварами». Их кругозор и сфера деятельности расширяются. Наступает для Греции пора высшего процветания умственного и художественного, даже экономического, — та пора, которую называют «веком Перикла».

Во всех отношениях тут первое место принадлежит Афинам.

Греко-персидские войны вызвали крупную перемену и во взаимном положении греческих государств. Первенствовавшая дотоле Спарта начинает терять свое исключительное преобладание. Во время борьбы за существование независимой Эллады она действует вяло, держится слишком себялюбивой, близорукой политики. Иное дело Афины: они являются очагом национального сопротивления варварам, душой его, спасителями Греции, истинными представи-

телями общеэллинских интересов. Борьбу с персами афиняне вынесли главным образом на своих плечах. Стоит вспомнить лишь о Марафоне, Саламине, даже о Платеях, где они тоже обнаружили такое мужество; стоит вспомнить о их твердости во время переговоров с Мардоном, о их страданиях во время двукратного опустошения персами Аттики. Сам Дельфийский оракул в ту критическую минуту изменил делу Эллады и своими изречениями одобрял поведение малодушных и изменников и наводил ужас на патриотов. Но несмотря на его зловещие предсказания, афиняне не пали духом, сохранили мужество и бодрую энергию. Ради спасения Эллады они уступают спартамцам в вопросе о начальстве над флотом, собравшимся у Артемисия. Они будят Спарту, которая, надеясь на укрепления Истма, погрузилась было в полное бездействие и равнодушно смотрела на опустошение Аттики Мардоном, полагая, что больше уже не нуждается в Афинах; лишь после крайней настойчивости афинян совершилась отправка войска в Среднюю Грецию с царем Павсанием во главе.

После битвы при Микале, когда решался вопрос о дальнейшей судьбе малоазийских греков и когда Спарта остановилась перед трудностью защиты колоний и готова была бездействовать, Афины смело берут в свои руки это дело. Во второй период борьбы греков с персами война должна была вестись преимущественно на море, и таким образом Афины, располагавшие флотом, являлись тут уже, несомненно, главной силой.

Так во время борьбы Греции с персами падало обаяние Спарты, а влияние и значение Афин возрастало, а это, конечно, должно было повлечь за собой их взаимное соперничество и вражду. Уже тут, следовательно, начало того дуализма, который является характерной чертой последующей греческой истории V в.

После отражения персов Афины, можно сказать, внезапно очутились во главе большого союза, сделались могущественной державой, и прежние порядки и учреждения во многом должны были измениться: если они удовлетворяли потребностям и нуждам маленькой страны, то новому положению теперь уж во многом решительно не соответствовали.

Война с персами была войной народной; тут участвовало не одно сословие, а весь народ, и только при таком участии и полном воодушевлении массы возможна была победа. При Салами-

не, например, победил флот, а тут главная сила была в фетах. Таким образом, удачный исход борьбы неминуемо повлек за собой неудержимое стремление к равенству, возвышение демоса и полное развитие демократии. Победитель демос не мог примириться с прежними ограничениями.

Итак, в период, протекший со времени Платейской битвы до начала Пелопоннесской войны и носящий название *Пятидесятилетия*, перед нами, в сущности, три главных, крупных явления, как неминуемые следствия всего предшествовавшего развития и особенно — победоносной борьбы с персами: 1) высшее процветание — умственное, художественное и экономическое — Греции; 2) возвышение Афин, перемена гегемонии, перешедшей к ним на море, и обусловленная этим вражда к ним Спарты; 3) полное развитие афинской демократии. К демократии вел весь предыдущий ход истории Афин. После Клизфена и Фемистокла последующим деятелям оставалось лишь идти по следам своих великих предшественников, развивать созданный предыдущими поколениями строй, стараясь только так или иначе урегулировать демократическое движение.

Первые годы Пятидесятилетия. Кимон и Эфиальт

После нашествия Ксеркса и вторжения Мардония Афины представляли груды развалин. Необходимо было прежде всего восстановить укрепления города и Пирея, а затем отстроить частные дома. С энергией принялись афиняне за это дело. Работа шла спешно, тем более, что уже тогда обнаружилось враждебное отношение к ним пелопоннесцев. И тут руководителем афинян и душой этого дела был Фемистокл, с которым действует заодно Аристид. Фемистокл продолжает осуществлять свои планы, которые он начал приводить в исполнение еще до нашествия персов. Укрепления Пирея были завершены; флот усилен. Чтобы привлечь ремесленников в полуразрушенный город, метеков, как было упомянуто, освободили на время от особой подати, которую они обыкновенно платили. Город Афины быстро возрос, и городская жизнь все более и более развивалась.

После битвы при Платеях наступает второй период борьбы греков с персами, во многом отличающийся от первого. Война ведется тут уже не на почве Эллады, а у островов Архипелага, у берегов Фракии и Малой Азии, Геллеспонта и Босфора. Ее театром служит преимущественно море. Борьба эта далеко не так опасна, как первая; она не требует такого напряжения сил со стороны греков; дело идет не о существовании Греции, а об избавлении греческих колоний в Малой Азии от персидского ига и распространении господства греков. Тут уже не столько персы, сколько сами греки действуют наступательно.

Едва прошел год со времени битвы при Платеях и Микале, как происходит событие, чрезвычайно важное для будущей истории Афин и их демократии, — совершается переход к ним гегемонии на море и образуется Первый Делосско-Аттический или Афинский союз.

Вопрос о дальнейшей судьбе малоазийских греков возник тотчас после битвы при Микале. Спартанский царь Леотихид предлагал переселить их в Европейскую Грецию. Но понятно, что такое предложение было едва ли осуществимо, и по настоянию афинян были приняты в союз острова Хиос, Самос, Лесбос и некоторые другие. Этим был уже положен первый зародыш будущему Делосско-Аттическому союзу.

Тем не менее и в 478 г., когда соединенный греческий флот направился к Кипру и затем к Византию — греки, очевидно, уже тогда стремились к обладанию проливами ввиду сношений с Понтийскими странами, — мы видим во главе этого флота не афинянина, а спартанского царя Павсания. Но Павсаний, надменный, грубый и жестокий, походивший больше на тирана, чем на вождя греческого войска, этот победитель при Платеях, которому успех вскружил голову, который не мог уже примириться со скромной ролью спартанского царя и, по взятии Византия, вошел даже в изменнические сношения с Ксерксом, — Павсаний своим обращением отталкивал союзников, находившихся в составе греческого флота, тогда как афинские вожди, Аристид и Кимон, составляли полный контраст ему. Уже союзники, особенно ионийцы, возмущенные обращением с ними Павсания, просили афинских вождей принять начальство над флотом, когда спартанское правительство отозвало его. Спарта вместо него решила отправить другого пред-

водителя, но было уже поздно: союзники не хотели принимать спартанского вождя, и Спарта примирилась со совершившимся фактом.

Таким образом, предводительство над флотом перешло к афинянам (478/77 г.), и странно было бы, если бы во главе союза морских сил продолжало стоять такое сухопутное государство, как Спарта; совершенно естественно, что тут главенство перешло к Афинам, обладавшим сильным флотом.

Первоначальной целью союза, во главе которого стали афиняне по предложению самих союзников, была борьба с персами. Установлено было, какие города должны доставлять корабли, и какие, вместо кораблей, — денежный взнос, *форос*. При распределении повинностей приняты были во внимание силы и благосостояние каждого города. Ежегодная сумма фороса на первых же порах составляла 460 талантов. Для приема взносов и заведования союзной казной учреждена была должность *эллиноматиев*. Центром союза сначала был остров Делос: здесь должны были происходить общие союзные собрания, управлявшие делами союза; на этом же острове, в святилище Аполлона, хранилась и союзная казна. Первоначально все члены союза были автономны и равноправны; Афины являлись лишь первыми среди равных. Но вскоре такой порядок и общий характер союза изменились...

Организатором союза был Аристид. Трудная и щекотливая задача — распределение повинностей — была исполнена им с успехом, и за это, собственно, он и был прозван «справедливым»⁷.

⁷ С именем Аристиды связывали прежде еще демократическую реформу: у Плутарха сохранилось известие, будто после Платейской битвы, по предложению Аристиды, право занимать должности, не исключая и архонта, предоставлено было всем афинянам, без различия имущественных классов. Полагали, что Аристид, проводя такую демократическую реформу, действовал по чувству справедливости и в сознании необходимости этой меры при тогдашних обстоятельствах. Но с открытием «Афинской политики» Аристотеля стало ясно, что такой реформы не было: до 457 г. по закону архонтами не могли быть зевгиты, а о фетах и говорить нечего. Очевидно, у Плутарха здесь какое-нибудь недоразумение и неточность. Можно допустить, что предложение Аристиды открыло тогда доступ к архонству всадникам (так как перед реформой 457 г. архонты избирались и из них, а по Солонову законодательству — только из пентакосиомедимнов; следовательно, в промежуток между Солоном и 457 г.

После отражения персов в Афинах продолжают бороться два течения. Одна партия, состоявшая большей частью из земледельцев, из элементов консервативных, держалась Клисфеновой конституции и была против новшеств, против дальнейшего развития демократических начал; она желала как бы остановить ход истории. Некоторые, крайние аристократы и олигархи, мечтали даже о возврате к прошлому, к до-Клисфеновскому строю. Другая партия, состоявшая преимущественно из новых элементов, приобретших силу главным образом в эпоху борьбы с персами, стремилась к полному торжеству демократии, к устранению существовавших еще преград. Для выросшего демоса — и притом демоса-победителя — стали нестерпимыми прежние ограничения; жизнь не укладывалась в старые, сделавшиеся тесными, рамки; явились новые настоятельные требования и новые стремления...

Фемистокл вскоре сходит с поприща государственной деятельности. Против него были консервативные элементы и многочисленные враги: в числе последних мы видим и Алкмеонидов, и сына Мильтиада, Кимона, и богача Каллия, и других. Тут действовали не одна политическая вражда и соперничество: притязания Фемистокла, открытое сознание того, чем Афины ему обязаны, его постоянные напоминания о своих заслугах и славных подвигах, — все это докучало, отталкивало, раздражало, и в конце 70-х гг. Фемистокл подвергся остракизму...⁸ Он удалился в Аргос. По-

всадники получили доступ к архонству, и, возможно, что это было делом Аристидов. Другие, например К. Ю. Белох, полагают, что введение жребия в 487/86 году и было «Аристидовой реформой», а Плутарх не понял сущности ее и отнес ее ко времени после Платейской битвы. Есть мнение, что Аристидова мера была лишь временной, экстренной, касалась только выборов 478/77 г. ввиду того, что при тогдашних обстоятельствах трудно найти было из высших классов 500 кандидатов, как требовал того закон 487/86 г. (*Fabricius E. Das Wahlgesetz des Aristides // Rheinisches Museum für Philologie. Bd. LI. 1896*).

⁸ В «Афинской политике» Аристотеля (25) Фемистокл выводится действующим лицом при проведении Эфиальтовой реформы ареопага в 462/61 г. Но это противоречит хронологическим данным и свидетельству других источников. Подробности — в моей статье: *Бузескул В. П. Фемистокл и Эфиальтова реформа ареопага // ЖМНП. 1891, июль; также см.: Бузескул В. П. Афинская Политика Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895. С. 418 сл.*

том, обвиненный в соучастии в деле Павсания, уличенного в измене, и потребованный на суд в Афины, он скитался и, как известно, кончил тем, что отправился в Азию, к персидскому царю. Он вскоре умер естественной смертью. Но народная фантазия не могла допустить такого конца: она создала легенду, будто Фемистокл сам лишил себя жизни, приняв яд, так как не в силах был исполнить своего обещания — служить царю против своих же соотечественников.

Около того же времени умер и Аристид. Таким образом сошли в могилу знаменитые деятели времени нашествия персов. Выступают теперь другие вожди — во главе аристократической партии Кимон, во главе демократической — Эфиальт, а затем Перикл.

Сын Мильтиада, Кимон, принадлежал, к тому поколению, которое во дни своей юности принимало деятельное участие в защите своей родины от персов, и он всецело был одушевлен тем патриотическим пылом, тем энтузиазмом, который охватил тогда лучшую часть афинского общества. В тот момент, когда полчища Ксеркса угрожали Афинам и когда Фемистокл указывал гражданам на корабли, как на единственное средство спасения и единственную надежду на победу, а масса в страхе и сомнении колебалась последовать такому совету, — в этот момент Кимон, говорит Плутарх, первый подал пример: сопровождаемый своими друзьями, он направился к акрополю, с конской уздой в руках, посвятил в храме эту узду богине, а взамен ее взял себе один «из висевших там щитов и, принеся молитву, сошел к морю, к кораблям, показав таким образом, что не в коннице теперь нуждается отечество, а во флоте. Вскоре затем мы видим его уже деятельным помощником и правой рукой Аристидов при переходе гегемонии на море к афинянам и при образовании Делосского союза: именно Кимону наряду с Аристидом принадлежит здесь главная заслуга; влиянию его симпатичной личности Афины многим обязаны. А ряд побед на море и на суше, в особенности над национальным врагом эллинов, персами, окончательное очищение от них берегов Фракии, Геллеспонта и Босфора, наконец двойная победа, над персидским флотом и сухопутным войском, у устьев Эвримедонта, — все это доставило Кимону славу непобедимого полководца и вместе с тем влияние на общий ход политической жизни Афин.

Но истинным призванием Кимона была и оставалась война. Тут он чувствовал себя в своей сфере; тут проявлялись его блестящие качества и дарования полководца. Вообще Кимон был типом истого воина, со всеми его слабостями и достоинствами. Высокий, статный, с густыми кудрями, это был действительно в своем роде «рыцарь без страха и упрека»⁹, беззаветно храбрый, умевший воодушевить, увлечь и других. Доступный и простой в обращении, открытый и прямой, веселый товарищ в приятельском кругу, он владел тайной располагать к себе сердца и приобретать друзей. Но образованием Кимон далеко не отличался и в противоположность большинству афинян не учился даже музыке. Впрочем, все это ему не мешало сближаться с художниками, например с Полигномом, и со своей стороны оказывать содействие художественному развитию и украшению Афин. Некоторым природным даром слова он, быть может, и обладал; но талант и искусство настоящего оратора и та чисто афинская велеречивость, которая так отличала его соотечественников, были ему чужды. В этом отношении Кимон скорее напоминал спартанца, на которого походил и простотой своей обыденной жизни. Но, ведя обыкновенно чрезвычайно простой образ жизни, Кимон далеко не был врагом удовольствий и наслаждений — особенно предавался он им в молодости, — любил веселые пиры и отличался склонностью к женщинам. Кимон обладал большим богатством и отличался необыкновенной щедростью. Известны рассказы о ней, характеризующие вместе с тем и его демагогические приемы. Вообще Кимон без труда приобретал популярность, умел легко и непринужденно сближаться с народом и в лучшие годы своей жизни был народным любимцем. Сами комики шадил и даже прославляли его.

Отсюда уже видно, что аристократизм Кимона, в сущности, был довольно умеренный. Кимон имел в себе нечто плебейское. Это не был человек партии в строгом смысле слова. Ведя борьбу с Фемистоклом, а затем с Периклом и Эфиальтом, Кимон не думал, однако, о перевороте в смысле возвращения к прежнему, полному преобладанию аристократии: он желал лишь приостановить, задержать дальнейшее развитие демократии и восставал про-

тив нововведений, слишком, по его мнению, расширявших права и значение демоса. Выражаясь современным языком, Кимона можно было бы назвать консерватором, но не реакционером.

Но замечательно, что Кимон невольно, вопреки даже своему желанию, содействовал развитию таких явлений и усилению таких элементов, в подавлении которых, казалось, должна была состоять его задача в качестве вождя партии аристократической, — например усилению элемента демократического. Способствовал он этому уже самими своими морскими победами, одерживаемыми им во главе того флота, где такую роль играли граждане четвертого класса; способствовал он усилению демократического духа до некоторой степени и своим обращением, своей щедростью, своими чисто демагогическими приемами. Мало того: поведение Кимона, который сам в известном смысле был представителем и поклонником «доброго старого времени» и старых нравов, должно было, в сущности, вести к деморализации афинского демоса.

Кимон, сказали мы, всецело проникнут был патриотическим воодушевлением времен борьбы за свободу Эллады. Его стремления были панэллинские. Он живо сознавал единство всего греческого мира и всеми силами старался поддержать единение между греками. К самой Спарте, сопернице Афин, он относился с таким уважением и с таким сочувствием, что его не без основания упрекали в излишнем «лаконизме». Он был большой поклонник всего спартанского и не раз своим соотечественникам ставил в пример лакедемонян как образец, достойный подражания. Кимон мечтал не о борьбе Афин со Спартой, не о полном торжестве первых над второй, а о тесном и искреннем союзе их. И к другим грекам он был дружественно расположен. К союзникам относился тоже хорошо, избегал насилия по отношению к ним, и в то время как остальные афинские военачальники требовали от них точного исполнения принятых обязательств — доставления людей и кораблей, — что для союзников казалось уже обременительным, Кимон соглашался, чтобы они взамен этого представляли денежные взносы. Зато войну с персами, в борьбе с которыми прошли лучшие его годы и победы над которыми составили его славу, он считал главной задачей афинян, главным делом своей жизни. «Мир с греками, борьба с Персией» — такова была его программа.

⁹ Oncken W. Athen und Hellas. Bd. I. Leipzig, 1865. S. 89.

И тут результаты деятельности Кимона оказывались в известном смысле противоположными его стремлениям и ожиданиям: так, своими победами он со своей стороны подготовлял будущий разрыв со Спартой, так как Спарта не могла равнодушно смотреть на непомерное возвышение своего соперника, а Афины в свою очередь, сознавая и даже преувеличивая свои силы, начинали думать об окончательном оттеснении Спарты на второй план. А соглашаясь на то, чтобы союзники вместо флота доставляли деньги, Кимон тем самым невольно содействовал большому их порабощению и недовольству в будущем, превращению афинской гегемонии в полное владычество, и ему же пришлось быть свидетелем и усмирителем первых восстаний союзников. Вообще Кимон, обладавший всеми качествами хорошего воина и полководца, оказывался недалеким в политике; тут обнаруживались его слабые стороны.

Таков Кимон, глава аристократической партии.

Как вождь демоса, как борец за его права, в Афинах в 60-х гг. на первом месте стоял Эфиальт.

Дошедшие до нас известия о нем отрывочны и скудны, но все они сходятся в признании, что это был один из лучших людей древних Афин — твердый, бескорыстный, идеально честный. В этом отношении его имя ставили наряду с именем Аристиды. По выражению Аристотеля, Эфиальт слыл «неподкупным и справедливым в политическом отношении». Он не обогащался на счет государственных средств, как большинство других государственных деятелей Афин, и сошел в могилу таким же бедняком, каким он был всю свою жизнь, гордясь своей бедностью и отвергая всякую помощь даже со стороны друзей. В своей общественной деятельности Эфиальт представляется нам своего рода народным трибуном: это был воодушевленный и красноречивый «простат» демоса, всецело преданный его интересам, гроза олигархов, неумолимый преследователь тех должностных лиц, которые позволяли себе какие-либо злоупотребления или несправедливости по отношению к народу.

Заодно с Эфиальтом действовал Перикл, его единомышленник и друг, но он пока оставался на втором плане; первенствующее положение он занял лишь с середины V в.

Один из эпизодов тогдашней борьбы — процесс Кимона после покорения восставшего Фасоса (463 г.). Кимона обвиняли в том,

что он, будто бы подкупленный, не воспользовался удобным случаем для вторжения в Македонию. Но время для низвержения Кимона, находившегося в апогее своей славы, еще не пришло; он был оправдан.

Вскоре представился другой, более важный повод к столкновению между противными партиями, когда обеим сторонам приходилось помериться своими силами. То была просьба спартанцев о помощи против восставших периеков и илотов, или мессенцев, оплотом для которых служила знаменитая в преданиях прежних мессенских войн Итома. Тут должны были столкнуться две противоположные политические программы. Аристократы были на стороне Спарты: Спарта казалась идеалом строго-аристократической республики, примером незыблемости государственного строя, с одним господствующим сословием; она была исконным, деятельным врагом демократии во всех ее видах и оплотом элементов аристократических. Наоборот, вожди демократической партии не могли питать симпатий к Спарте. Они являлись продолжателями дела Фемистокла, видели враждебное отношение Спарты к возрастающему могуществу Афин и сознавали, что нечего уже рассчитывать на искреннее сближение двух соперничающих государств. Как раз перед тем Спарта обещала свою поддержку восставшему против афинян Фасосу, и только постигшее ее землетрясение и затем восстание мессенцев помешали оказать эту поддержку. Несмотря на все это, Кимон остался верен своим симпатиям и своей программе. Сам проникнутый всецело воспоминаниями о патриотической борьбе времен персидского нашествия, он и афинянам теперь напоминал об этих временах, о союзе со Спартой, об еще недавней общей их борьбе с «варварами». Он молил народное собрание не допускать, «чтобы Эллада стала хромать на одну ногу, а Афины остались без сотоварища по ярму». Тщетно против помощи Спарте восставал Эфиальт; тщетно он доказывал, что следует предоставить Спарте, этого врага Афин, ее участи: Кимон восторжествовал. Решено было помочь спартам, и сам Кимон во главе четырехтысячного отряда отправился в Пелопоннес.

Однако спартанцы вскоре с подозрением отнеслись к своим афинским союзникам и отпустили их, заявив, что больше не нуждаются в них.

Велико было негодование афинян на Спарту! После этого авторитет и влияние Кимона, политика которого потерпела такую жалкую неудачу, и значение всей аристократической партии естественно должны были пасть: в общественно-политической жизни Афин должно было возобладать другое, противоположное течение — демократическое.

Таким образом, все эти события отразились тотчас же и на ходе внутренней борьбы, переживаемой тогда Афинами: с ними связана так называемая *Эфиальтова реформа*, касавшаяся *ареопага*.

Реформа ареопага.

Суд присяжных, Совет и народное собрание

Трудно в точности обозначить права и функции ареопага: по всей вероятности, они и не были ясно определены, и сама эта неопределенность могла в свою очередь способствовать расширению сферы влияния ареопага. По выражению одного древнего свидетельства, почти все дела по проступкам и нарушениям закона подлежали его ведению. Но ареопаг был не только высшим судом: это был в известном смысле государственный Совет и учреждение с религиозным характером, с полицейской и цензурской властью, а главное — с большим политическим влиянием: ареопагу принадлежала высшая контролирующая власть над действиями должностных лиц и даже над самой еkkлeсией, народным собранием: он был «всеобщим блюстителем и стражем законов»; он пользовался правом veto по отношению к постановлениям народного собрания и, следовательно, влиял на весь ход государственной жизни.

В силу своей древности окруженный особым нимбом, по преданию — создание самих богов и судилище, перед которое являлись даже сами бессмертные, составленный из избранных лиц — бывших архонтов, с честью исполнявших свой долг, — ареопаг долго обладал особым нравственным авторитетом. В чрезвычайных случаях он мог прибегать и к чрезвычайным мерам. Во время борьбы с персами за независимость, особенно в момент вторжения Ксеркса, ареопаг, поддерживая Фемистокла, проявил энергию и патриотизм, что, конечно, еще более подня-

ло его нравственное влияние и авторитет, так что годы от Саламинской битвы до начатой Эфиальтом борьбы Аристотель в «Афинской политике» выделяет даже в особый период *главенства ареопага* — главенства, при котором, говорит он, дела афинян шли хорошо; афиняне имели успех в войне и приобрели славу среди эллинов (23).

Таким образом, как раз в то время, когда в Афинах особенно усиливается демократический элемент, возвышается и ареопаг, представитель другого, противоположного начала. Но главенство ареопага, о котором говорит Аристотель, продолжалось только около 17 лет, мало-помалу клонясь к упадку: оно не могло быть продолжительным, оно противоречило общему ходу и направлению афинской истории. Между ареопагом, этим воплощением и блюстителем старины, этим оплотом и средоточием партии аристократической, и господствовавшим тогда в Афинах демократическим направлением столкновение было неминуемо. Коллегия, по самой своей сущности чисто аристократическая, ареопаг, со своими пожизненными и не подлежащими ответу членами, стоял теперь одиноко среди других учреждений Афин, составляя резкий контраст остальному строю этой демократической республики с ежегодно избираемыми и ответственными должностными лицами. Многие из тех прав, которыми пользовался ареопаг — особенно право veto, — оказывались ненавистным и лишним тормозом для окрепнувшей демократии и казались уже анахронизмом. Новые идеи с трудом проникали в ареопаг; новые интересы и новые стремления, которыми жило афинское общество, были чужды, непонятны ареопагитам, людям большей частью престарелым, представителям уже отживших поколений. Обновление состава ареопага совершалось медленно; долго еще большинство состояло из прежних архонтов, вышедших из рядов первого класса; а главное — дух, царивший в этом учреждении, был слишком могуществен, и вновь вступающие члены, представители хотя бы и других общественных слоев и других воззрений, подчинялись в свою очередь этому духу. Тут действовали своего рода *esprit de corps* и строгая, выработанная в течение долгого ряда поколений традиция. Изменить ей, отступить от установившегося направления — это был такой предосудительный для ареопагита поступок, на который редко кто из новых членов имел смелость

решиться. Притом даже те, кто честно исполнял свою обязанность в качестве архонта, подвергались докимасии перед ареопагом, прежде чем вступить в него, и понятно, что ареопагиты, вероятно, тщательно старались не допускать в свою среду лиц, известных за особенно ревностных демократов. Докимасия тут могла легко обратиться в подбор единомышленников. Среди происходившей в Афинах внутренней борьбы ареопаг являлся не беспристрастным зрителем или посредником, а представителем и органом партии, главным средоточием и оплотом всего, что было враждебно дальнейшему росту демократии.

Таким образом, для полного торжества демократии необходимо было лишить аристократическую партию той опоры, какую она находила себе в ареопаге. С другой стороны, реформа 487/86 г., ограничение власти архонтов и введение жребия при избрании последних должны были отразиться и на авторитете ареопага: когда большинство ареопага стали составлять не люди выдающиеся, не те бывшие архонты, которые являлись народными избранниками, а заурядные граждане, обязанные своим архонтством в значительной мере жребию, т. е. случаю, и когда поколение прежних ареопагитов сошло в могилу, — тогда и нравственный авторитет ареопага должен был пасть.

По словам Аристотеля, нападения на ареопаг начались с того, что Эфиальт устранил многих ареопагитов, поднимая против них процессы по поводу их управления, а в 462/61 г. он выступил 10 с законом об ограничении власти и прав ареопага с целью положить конец его политическому влиянию. Обстоятельства были благоприятны. Кимон в то время отсутствовал — он был в Пелопоннесе, у Итомы, и с ним отряд гоплитов, состоявший большей частью из его сторонников и элементов консервативных, — и предложения Эфиальта были встречены сочувственно; но возвращается в Афины Кимон, и возгорается жаркая и упорная борьба. Как глава аристократической партии и приверженец старины, Кимон не мог допустить реформы ареопага; эта реформа поражала средоточие той партии, вождем которой был он, посягательства

¹⁰ В «Афинской политике» имеется анекдотический рассказ об участии в этом деле Фемистокла, но, как было упомянуто уже, этого участия нельзя допустить ввиду хронологических соображений.

на освященные временем и преданием права ареопага казались ему дерзким святотатством, гибельным нарушением существующего строя, завета Солона, по мысли которого ареопаг должен был, подобно якорю, предохранять государство от бурь и волн и держать демос в спокойствии. Без авторитета ареопага государственный порядок, казалось, будет лишен необходимой устойчивости, Афины сделаются жертвой ничем необуздываемой страсти к новизне и дух беззакония и анархии овладеет гражданами. Кимон, все аристократы и все безусловные приверженцы старины, вновь одушевленные присутствием своего вождя, должны были напрячь все свои силы, чтобы помешать осуществлению предполагаемой реформы. Эфиальт со своей стороны с жаром отстаивал свое дело. Афины переживали тяжелый, бурный внутренний разлад. Единственным выходом из такого положения являлся ostracism. Нужно было так или иначе покончить с внутренней борьбой, решить, наконец, чье дело должно восторжествовать, кому оставаться в Афинах и кому удалиться, предоставив свободное поле для деятельности своим противникам — вождям ли демократической партии или же Кимону? Голос большинства решил не в пользу Кимона: как «друг лаконян и враг демоса», он должен был отправиться в изгнание. Дело демократии восторжествовало... Но с этим страсти, вызванные борьбой, не улеглись вполне: глухая затаенная злоба и жажда мести одушевляла крайних приверженцев побежденной партии, и жертвой этой ненависти вскоре сделался Эфиальт. Однажды утром он найден был мертвым: рука убийцы поразила его.

На переживаемые тогда события и злободневные вопросы, волновавшие умы афинян, отозвался и Эсхил в своих «Эвменидах»¹¹, написанных в 458 г., вскоре после Эфиальтовой реформы. Поэт старается укрепить благоговейное отношение к ареопагу как *судилищу*. Сама богиня Афина учреждает ареопаг для суда над матереубийцей Орестом, который получил очищение в Дельфах, но которого продолжают преследовать Эринии. Это суд «недоступный корысти, совестливый, но сильный в гневе, бодрствующая

¹¹ По поводу них см. статью: *Зелинский Ф. Ф.* Идея нравственного оправдания // Из жизни идей. Т. I. СПб., 1905 [переизд.: М., 1995. — *Примеч. науч. ред.*].

охрана земли», и он будет существовать впредь, денно и ночью благоговейный страх граждан будет противодействовать беззаконию, пока граждане не будут обновлять законов. Таким образом, Эсхил против дальнейших нововведений: «Чистая вода, загрязненная дурными притоками и нечистотами, не будет годна для питья». Афина дает завет гражданам равно остерегаться как разнузданности, так и рабского духа, не изгонять совершенно из города того, что возбуждает благоговейный страх. В общем драма Эсхила как бы призывает к примирению; поэт, по своему мировоззрению скорее консерватор, видимо, сочувствует союзу, заключенному тогда афинской демократией с врагом Спарты, Аргосом: аргивянин Орест дает клятву стране и народу афинян на вечные времена, что союз будет храниться и ни один правитель Аргоса не пошлет против них вооруженного воина...

Реформа ареопага была, можно сказать, завершением предыдущего исторического процесса: ею утверждено в Афинах окончательное господство полной — хотя, как увидим, далеко пока еще не разнузданной — демократии, к чему, в сущности, вел весь предшествовавший ход афинской истории, особенно со времени Фемистокла и Греко-персидских войн. Реформа эта не равнялась вовсе чуть не полному уничтожению ареопага. И после нее ведению ареопага подлежали дела о преднамеренных убийствах, о нанесении ран и увечий с целью лишения жизни, о поджогах и об отравлениях, поведших к смерти, тем более что суд по таким делам тесно связан был с самим культом, носил на себе до некоторой степени религиозный характер, так как убийство в глазах греков было не просто преступлением, но и осквернением, требовавшим очищения. Известная доля функций в сфере культа — например надзор за оливковыми деревьями, посвященными богине Афине, в некоторых случаях разбирательство по делам о нечестии, отчасти и наблюдение за надлежащим исполнением религиозных обрядов — осталась по-прежнему за ареопагитами, этими служителями Эвменид. Цензорская власть ареопага, право надзора за нравами и за воспитанием, не совсем, быть может, были уничтожены, хотя и ограничены значительно. Впоследствии, в IV столетии, мы даже видим ареопаг обладающим немалым нравственным влиянием и авторитетом. В особенно важных случаях, в делах, касающихся блага и безопасности государства, по поруче-

нию народного собрания, а иногда, может быть, и по собственной инициативе, ареопаг является высшей следственной комиссией; но суд по подобным делам принадлежал народу и мог быть предоставлен ареопагу не иначе как по особому каждый раз уполномочию от народного собрания. Все это были лишь остатки прежних, когда-то широких прав ареопага: реформой за ним были оставлены только те функции, которые в политическом смысле казались безвредными, отнятие которых было бы для дела демократии совершенно бесполезно и являлось бы лишь излишней ломкой и даже святотатственным нарушением старины. Все остальные дела изъяты были из ведения ареопага. Судебная власть его сильно сужена, а главное — он утратил влияние на законодательство; у него отнято было право veto, — отняты права, в силу коих ареопаг был «стражем государственного строя». Ареопаг перестал быть контролирующей и сдерживающей властью, инстанцией, стоявшей в некоторых отношениях выше самого народного собрания; словом, прежней самостоятельной политической роли этого учреждения, аристократического по преимуществу, положен был теперь конец.

Но деятельность вождей демократической партии не ограничивалась только разрушением старого; она была в то же время и созидательной; с реформой ареопага неразрывно связана и реформа афинского суда присяжных.

Отнятые у ареопага права перешли частью к Совету 500, частью же к «демосу», т. е. к народному собранию и к народному суду, *гелизе*.

Компетенция суда присяжных чрезвычайно расширилась: к гелизе отошли дела, до реформы подлежавшие ведению ареопага, равно как и те дела, по которым прежде были судьями архонты. Последние лишились некогда столь обширной самостоятельной судебной власти: за ними осталось только разбирательство по мелким делам с правом налагать незначительные денежные штрафы. Прежде сами самостоятельные судьи, архонты являются с этих пор лишь председателями преобразованных дикастериов и руководителей следствия. Такое ограничение прав архонтов и расширение компетенции гелизи до некоторой степени можно назвать отделением судебной власти от административной, но с оговорками. Во-первых, архонты, как только что было упомянуто, все-таки

принимали некоторое участие в ходе судебного процесса в качестве руководителей следствия и председателей, да и гелиэя, к которой перешло решение большинства дел, была не только судом: она имела вместе с тем и чрезвычайно важные политические функции. Во-вторых, не одна судебная власть архонтов с течением времени подверглась ограничению. Мало-помалу то же произошло и с остальными их функциями; тут мы видим конечный результат предшествующего процесса афинской истории, ведшего вообще к постепенному и, так сказать, всестороннему ограничению прав и значения архонтов. Вообще, точнее было бы сказать, что вследствие реформы судебная власть от такого аристократического учреждения, как ареопаг, и от единичных сановников, архонтов, перешла в руки самого народа.

Гелиэе подлежала теперь масса дел, тем более, что она являлась судом не только для афинских граждан, но и для союзников. И понятно, что для того, чтобы она могла справляться с подавляющим количеством дел, подлежавших ее решению, необходимо было дать ей и соответствующую организацию.

Таким образом, если гелиэя в своих основах и возникла раньше, еще при Солоне, то только впоследствии получает она более определенную, полную и стройную организацию¹², с общим числом 6000 присяжных (считая 1000 запасных), с подразделением на 10 секций (дикастериов) по 500 членов в каждой, причем заседать могла и не целая секция и наоборот — в случае надобности несколько дикастериов могли соединяться в одно. Плата дикастам, введенная впервые Периклом, завершила эту организацию. Это была одна из замечательнейших попыток в истории организовать чисто народный суд¹³. Чтобы обеспечить беспристрастный, справедливый приговор со стороны судей, дикастов, принят был ряд мер. Возможность подкупа или какого бы то ни было запугивания устранялась уже большим числом судей. В V в. секции на-

¹² О суде присяжных в Афинах на рус. яз. см. статьи Ф. Г. Мищенко: *Мищенко Ф. Г.* 1) Суд присяжных в Афинах и сочинение Аристотеля об Афинском государстве // ЖМНП. 1892, сентябрь; 2) О суде присяжных в Афинах (из Афинской Политии Аристотеля) // Сборник в пользу Общества вспомоществования недостаточным студентам Университета Св. Владимира. Киев, 1895.

¹³ *Oncken W.* Athen und Hellas. Bd. 1. S. 262-291.

значались на целый год, так что гелиаст знал заранее, в какой секции он будет заседать; но впоследствии, в IV в., секции определялись жребием лишь в самый день суда, так что никто из гелиастов не мог знать, в какую секцию он попадет и по какому делу явится судьей. Таким образом устранялась возможность какого-либо предварительного соглашения между присяжными и заинтересованными сторонами. Заседания гелиэи были публичны, что опять-таки должно было служить гарантией против различных злоупотреблений. Наконец, гелиастов должна была связывать и даваемая ими клятва: они клялись, что будут решать «согласно законам и постановлениям афинского народа и Совета 500», а в тех случаях, относительно которых закона нет, — по совести и разумению, без вражды и лицемерия, клялись, что будут одинаково выслушивать как обвинителя, так и обвиняемого, и будут иметь в виду лишь предметы обвинения.

Но ограничить права ареопага, подавить его авторитет, оскверненный веками и преданиями, устранить его контролирующее влияние на ход государственной жизни, — не значило ли это снять последнюю узду с демоса, дать полную волю народному собранию и его вожакам-демагогам? не значило ли это допустить, чтобы впечатлительный, подвижный афинский демос под влиянием мимолетного настроения и увлечения чуть не ежедневно отменял существующие законы и создавал новые? не значило ли это лишить государственный порядок всякой устойчивости? Но дело в том, что и после ограничения ареопага в Афинах не было недостатка в сдерживающем и контролирующем начале. Для обуздания непостоянства и легкомысленного стремления к новизне принят был ряд мер.

Во-первых — «обвинение в противозаконии», графэ параномон (ὑραφὴ παρανόμων). С этим обвинением мог выступить каждый афинский гражданин против всякого такого предложения, постановления народного собрания или даже решения номофетов — о них скажем потом, — которое, по его мнению, находилось в противоречии с существующими законами и было вредно для государства¹⁴.

¹⁴ Собственно вред мог служить основанием для обвинения лишь в тех случаях, когда дело шло о законе, а не о постановлении народного собрания.

или которое состоялось с нарушением установленных форм. Стоило только кому-нибудь под клятвой заявить в самом народном собрании о своем намерении подать графэ параномон против сделанного предложения или постановления, и дальнейшее обсуждение этого предложения или приведение в исполнение уже состоявшегося решения приостанавливалось, а обвинение поступало в суд гелиастов. Ответчиком являлся обыкновенно автор предложения или закона, а обвинителем — то лицо, которое подавало графэ параномон. В случае осуждения, т. е. признания гелиастами жалобы основательной, ответчик подвергался наказанию, обыкновенно денежному штрафу, а в особых важных случаях — даже смертной казни. Кто три раза был осужден по графэ параномон, тот лишался на будущее время права инициативы, т. е. права делать какие-либо предложения в народном собрании. Впрочем, личная ответственность за какие-либо предложения и постановления истекала по прошествии года; по миновании этого срока можно было потребовать отмены самого постановления или закона, но виновник последнего уж не подвергался суду и наказанию. С другой стороны, чтобы обуздать не в меру ретивых блюстителей существующих законов и предотвратить злоупотребления графэ параномон, установлено было, что если обвинитель не получал в свою пользу даже и пятой части голосов, то за неосновательное обвинение подвергался штрафу в 1000 драхм. Несмотря на эти предосторожности, злоупотребления графэ параномон впоследствии были часты: подобные обвинения подавались из личных целей, из вражды, из желания лишь воспрепятствовать какой-нибудь мере и т. п. Но в V в., графэ параномон действительно была тем, чем она должна была быть по мысли введшего ее законодателя, — палладиумом действующих законов и существовавшего в Афинах демократического строя; мы увидим, например, что олигархи, произведившие переворот в 411 г., прежде всего постарались отменить графэ параномон как главное препятствие к осуществлению их замыслов¹⁵.

¹⁵ В некоторых источниках упоминается о коллегии номофилаков, которые должны были наблюдать за исполнением законов должностными лицами и, присутствуя в Совете и в народном собрании, где они заседали рядом с председателями, следили за тем, чтобы не было отступлений

Но характернее всего тот порядок принятия новых и отмены старых законов, начало которому было положено, по всей вероятности, еще в середине V в.¹⁶, но который полное развитие получил лишь впоследствии. В начале каждого афинского года в первом очередном народном собрании происходила так называемая «эпихейротония законов» (голосование законов) и обсуждался вопрос, нет ли надобности во введении какого-либо нового закона и в изменении или отмене старого, и тут каждый из присутствовавших в собрании мог высказывать свое мнение и делать предложения. Если народное собрание признавало необходимым сделать какие-либо изменения в законах, то проект нового закона представлялся его автором в Совет 500, который и подготовлял свой отзыв, пробулевму, к третьему народному собранию после того, в котором происходила эпихейротония. Тем временем проект выставлялся для всеобщего сведения у статуй героев-эпонимов, этом месте официальных публикаций, и читался секретарем Совета в тех народных собраниях, которые происходили в промежутке. Всякий гражданин имел право сообщать Совету свои замечания относительно проектированного закона. Последний не должен был быть в противоречии с каким-либо прежним законом, иначе его автору грозила ответственность по графэ параномон, а в случае существования такого противоречия автор проекта должен был заявить об этом и потребовать — вместе с введением нового —

от существующих законов и чтобы не делалось постановлений, вредных для блага государства. Но мы нигде не видим действующими этих номофилаков, вплоть до македонского периода, и о них не упоминает Аристотель в своей очерке афинской конституции даже при перечислении должностных лиц. Встречается упоминание о номофилаках в недавно открытом так называемом «Страсбургском анониме» (*Anonymus Argentinensis*), изданном Б. Кейлем (*Strassburg*, 1902); но неясно, в какой связи, так как текст сохранился лишь в обрывках, а комбинации и восстановления его Б. Кейлем теперь опровергаются У. Вилькеном (*Wilcken U. Der Anonymus Argentinensis // Hermes. Bd. XLII. 1907. S. 374 f.*), видящим в этом анониме комментарий к одной из речей Демосфена. Во всяком случае, если даже институт этот и был введен в V в., он в действительности не имел большого значения, рядом с графэ параномон оказался излишним и вскоре был упразднен, не оставив и следа своей деятельности.

¹⁶ Собственно говоря, в V в. проекты новых законов составлялись обыкновенно комиссией *συνγραφεῖς*.

отмены старого закона, препятствовавшего такому введению: тогда оба они рядом выписывались на белой доске, которая, как упомянуто, выставлялась у статуй эпонимов фил. В третьем народном собрании после эпихейротонии законов проект вместе с заключением Совета подробно обсуждался, и собрание делало постановление о передаче его на решение особой комиссии из числа присяжных, так называемых номофетов, определяло число последних, порядок и срок их заседаний, вознаграждение им с указанием источника, откуда должно было быть выдано это вознаграждение, и избирало пять особых официальных защитников (синдиков, синегоров) старых законов. Таким образом, решающий голос в деле изменения законов принадлежал номофетам. Число номофетов бывало неодинаково, смотря по количеству и важности подлежавшего их рассмотрению материала. Заседали они вместе с Советом. Дело решалось в форме судебного процесса. Председателями номофетов были пританы, а впоследствии проедры с эпистатом во главе; обвинителями нового закона и защитниками старого (если дело шло о его отмене) выступали упомянутые пять синдиков или синегоров; защитником проекта, естественно, являлся его автор. Всякий афинянин, кроме того, мог принять участие в прениях в качестве обвинителя или защитника. И только после одобрения проекта большинством голосов номофетов получал он уже окончательно силу закона. Таким образом, между псефизмой, обыкновенным постановлением народного собрания, касающимся отдельного, частного случая, и законом, νόμος, создающим общую норму, проводилась, в сущности, резкая грань. Пересмотр законов совершался не по случайному настроению или произволу народного собрания, а лишь в известный, раз навсегда определенный для того срок. Для знакомства с проектированным законом, для обдуманного, спокойного решения, для взвешивания доводов за и против, прежде чем ввести новый или отменить старый закон, времени было достаточно. Наконец, решающий голос принадлежал не изменчивому и непостоянному народному собранию, а особой комиссии из лиц более зрелого возраста, связанных притом присягой.

Из предыдущего уже видно, что афинская гелиэя не была только судом, что она в некотором отношении стояла как бы выше народного собрания. К ней переходят вообще многие из полити-

ческих функций ареопага, и она получает важное значение в строе Афинского государства¹⁷. И в самом деле, гелиэя влияет на весь ход государственной жизни, начиная с законодательства, так как решающей инстанцией по вопросу о введении нового или перемене старого закона были, как мы только что видели, номофеты, выбиравшиеся из среды гелиастов. Благодаря графэ параномон, гелиэя являлась вообще высшей инстанцией по отношению ко всякому постановлению народного собрания; благодаря же докимасии, испытанию кандидатов на должность, она имела влияние на назначение должностных лиц, которые в случае отрешения от должности народным собранием или при сдаче отчета перед ней же подлежали ответственности. Ей принадлежал решающий голос и при раскладке подати с союзников, производившейся каждые четыре года. Она утверждала постановления о даровании права гражданства, подчас участвовала в заключении договоров, давая обязательств, и т. п. Таким образом, ее влияние простиралось и на сферу внешних отношений. Таковы были права гелиэи. Повторяем, в подробностях порядок этот мог выработаться позднее, но политическое значение гелиэи, как силы сдерживающей и контролирующей, стоит в связи с реформой ареопага.

Но возникает вопрос, действительно ли могла гелиэя и ее комиссия, номофеты, служить сдерживающим и контролирующим началом? разве она в свою очередь не была тоже собранием народной массы, своего рода частью той же экклесии, которую она должна была сдерживать и контролировать, ее «собственной плотью и кровью»? Не говоря уже о том, что гелиэя получала материал в более переработанном виде, что она была дальше от горячки прений и действовала не под влиянием первого увлечения, разница между собранием народным и собранием гелиастов была существенная: во-первых, гелиэя состояла из граждан более зрелого возраста — по закону не моложе 30 лет, а большей частью гелиасты были люди даже пожилые, приносившие, значит, с собой более консервативный дух, житейскую опытность, спокойную обдуманность и осторожность, свойственную старости; во-вторых, гелиасты давали присягу и уже поэтому должны были сознавать себя более ответственными за свои решения, нежели не присягавшие члены

17 Frankel M. Die attischen Geshworenengerichte. Berlin, 1877.

экклесии; и в-третьих, наконец, число заседавших гелиастов было гораздо меньше присутствовавших обыкновенно в народном собрании, что опять-таки увеличивало в них сознание личной ответственности.

Наравне с гелиэей, особенно на первых порах, в V в. наследником прав ареопага был Совет 500. Совет этот, состоявший, как было раньше упомянуто, из представителей демов и являвшийся своего рода микрополисом, не говоря уже о принадлежавшей ему докимасии булевтов и архонтов, имел полное право, по словам Аристотеля, наказывать денежным штрафом, заключать в тюрьму и казнить, судить большую часть властей, особенно тех, которые заведовали деньгами, принимать частные жалобы на должностных лиц в случае отступлений от закона. Но впоследствии — вероятно раньше конца V в. — во всех упомянутых случаях Совет лишился права постановлять окончательное решение сверх известного предела, и введена была апелляция в дикастерии. Таким образом, дальнейшее развитие демократии состояло в ограничении власти Совета и в расширении за его счет компетенции гелиэи и экклесии. В IV в., например, право Совета налагать штрафы ограничено было 500 драхм. Кроме того, мы уже видели, что Совет не мог задержать гражданина, если тот представлял трех поручителей из своего класса, за исключением случаев государственного преступления или неисправности по сбору доходов. Совет принимал меры против государственных преступников, решал такие дела в пределах своей компетенции или донесения о них передавал в суд и народное собрание. Во многих случаях Совет действовал совместно с присяжными, например, когда дело шло о раскладке фороса или о новом законе, и представлял свое предварительное заключение, пробулевму. Совет и гелиэя являлись иногда как бы представителями всего государства; в качестве таковых члены Совета, булевты, и гелиасты дают, например, клятву в одном дошедшем до нас договоре с Халкидой¹⁸. Ведению Совета, как было раньше упомянуто, вообще подлежали все отрасли государственного управления, не исключая и финансов. Совет являлся центральным органом государствен-

ного управления, в лице пританов заведующими всеми текущими делами. Его ведению подлежали, например, изыскание источников государственных доходов, отдача разных статей на откуп, взыскание государственных долгов, прием пожертвований на государственные цели, докимасия бедных, имевших право на пособие. Совет имел надзор за общественными постройками, святилищами и празднествами, за конницей и впоследствии за молодыми афинянами (эфебами), за триерами, верфями и доками и заботился о постройке и снаряжении новых судов. Совет заведовал сношениями с другими государствами, принимал и вводил послов в народное собрание.

Предварительное заключение или определение (пробулевма) Совета было необходимо и для народного собрания¹⁹. Таким образом, Совет являлся подготовительным, совещательным и вместе с тем исполнительным органом народного собрания, получая иногда особые полномочия. Он же служил посредником в отношениях между должностными лицами и народным собранием.

Державным господином в Афинах был демос, и народному собранию принадлежали верховные права. Оно решало вопросы, касающиеся государственного строя, войны и мира, войска и флота, безопасности страны и снабжения ее хлебом, государственных средств и налогов, построек, культа и проч.; оно сносило с другими государствами, заключало договоры, выбирало должностных лиц, предоставляло особые преимущества и награды отдельным лицам и общинам, иногда само судило по обвинению в государственном преступлении (исангелия), иногда передавало такие дела в суд присяжных, обсуждало законодательные вопросы, производя, как мы видели, «голосование законов» и предоставляя решение по существу о принятии новых и отмене старых законов комиссии номофетов, и т. д. Чем более развивалась демократия, тем больше расширялась компетенция народного собрания, росло его влияние и значение. К нему впоследствии переходит и решение таких дел, которые, собственно, подлежали ведению Совета

¹⁸ CIA, IV (= IG, I, Suppl.), № 27 a; Ditt Syll², I, № 17; Michel, № 70. Договор заключен был после покорения восставшей Эвбеи в 445 г.

¹⁹ Хотя в иных случаях такая пробулевма могла и не заключать в себе определенного мнения, а ограничиваться лишь формальным внесением дела на решение народного собрания. См.: *Hartel W. Studien über attisches Staatsrecht und Urkundenwesen*. Wien, 1878.

и гелиэи. То различие между псефизмами и законами, о котором мы говорили, стало утрачиваться. Масса все более и более присваивала себе непосредственную власть и всем распоряжалась посредством псефизм. Так было потом, в эпоху разложения и упадка афинской демократии; в пору расцвета державный демос себя ограничивал: над ним стоял закон...

Собрания бывали очередные, регулярные, сначала по одному, а впоследствии по четыре в каждую пританию, и чрезвычайные. Для каждого из очередных собраний установлены были известные категории дел. Например, в первом собрании рассматривались действия должностных лиц, обвинения в государственном преступлении, доклады о конфискации имущества, вопросы о безопасности страны и о «хлебе», происходило «голосование (эпихейротония) законов»; во втором принимались просьбы; в третьем и четвертом обсуждались прочие дела, причем полагалось не более трех дел, касающихся культа, трех — по внешним сношениям и трех — по остальным вопросам; в шестую пританию ставился вопрос об остракизме и т. д. Чрезвычайные собрания созывались по мере надобности и предметы обсуждения в них были в зависимости от обстоятельств.

Созывались народные собрания пританами, которые и председательствовали в них, имея эпистата во главе (впоследствии — проедры со своим эпистатом). Делопроизводством заведовал секретарь Совета, имевший, разумеется, вообще немало влияния на ход дел. «Программа» очередных собраний должна была быть объявлена за пять дней. Для всех дел требовалась «пробулевма» Совета; заседание и начиналось с ее прочтения; закон не допускал вносить что-либо в экклесию без предварительного рассмотрения и отзыва Совета. Поэтому обычная формула вступления в постановления народного собрания, дошедших до нас в большом числе в виде надписей, гласит: «Совет и народ решил в пританию такой-то фило, такой-то был секретарем, такой-то председательствовал, такой-то сказал», т. е. внес предложение, а затем следует текст самого предложения. Иногда обозначается и имя архонта-эпонима (в самом начале или в середине вступления). Если к предложению сделаны были поправки или добавления, то и они вносились, причем называлось лицо, их внесшее. Участвовать в народном собрании, говорить в нем и голосовать мог каждый

полноправный афинский гражданин, достигший 20-летнего возраста. Свобода слова, в сущности, была полная, лишь бы оратор не делал предложений, противоречащих закону, не касался предметов, к делу не относящихся, не повторял дважды одного и того же и не позволял себе неприличных выражений или действий. В некоторых случаях, преимущественно когда дело шло о постановлении относительно отдельного лица, в том числе и при остракизме, требовалось присутствие в народном собрании не менее 6000 граждан. Обыкновенно бывало гораздо меньше. Большей частью присутствовали горожане. У Ксенофонта²⁰ говорится, что валяльщики, сапожники, плотники, кузнецы, земледельцы, купцы, рыночные торговцы, — вот из кого состоит народное собрание. Земледельцы почти терялись в остальной массе; большинство были ремесленники и торговцы.

Уже в древности говорили, что Эфиальт дал народу испытать чашу несмешанной, полной свободы, и сколько раз после того, уже в XIX столетия, повторяли, что Перикл, в котором видели вдохновителя Эфиальта, положил начало необузданной демократии, что при нем форма правления делалась все беспорядочнее и беспорядочнее, что его реформы, ничего не создавая, только разрушали созданное прежними поколениями и вели к анархии, к тирании толпы, к царству беззакония, что изменчивому и непостоянному духу демоса дана была полная воля, что Перикл и Эфиальт «не ведали, что творили», и проч. Более близкое знакомство с формами и строем Афинского государства убеждает в ином: вместо потворства легкомысленному стремлению к новизне и вместо неуважения к закону мы видим строго определенный, обставленный довольно сложными формальностями порядок законодательства, проникнутый скорее консервативным духом, отмеченный печатью умеренности и уважения к существующим законам. Даже такой страстный противник афинской демократии, беспощадно изобличающий и осмеивающий ее, как венгерский ученый Ю. Шварц²¹, и тот признавал, что рассмотренными выше реформами в государственную жизнь Афин внесены были идея непрерывно и постепенно развивающегося законодательства и принцип серьезной

²⁰ В «Воспоминаниях о Сократе» (III, 7, 6).

²¹ *Schvarcz J. Die Demokratie. 2 Titelauf. Bd. I. Leipzig, 1884. S. 102.*

ответственности, что ими впервые создана была в Афинах законная почва для дальнейшего развития государственного строя, а равно и частного права, тогда как раньше, до реформы ареопага и гелиэи, законодательные постановления являлись своего рода переворотом, *coup d'état*, производимым народным собранием. Вместо полнейшего господства случая и произвола толпы мы видим стройную систему самоограничения демоса, — порядок, созданный по плану, глубоко обдуманному, проникнутому идеей законности, сознанием того, что свобода должна быть в то же время царством закона. И недаром Афинское государство называют иногда «правовым»: над волей народного собрания, а следовательно, и над самим державным демосом, поставлен был закон; мы видим гелиэю, образованную из среды самого же народа, но стоящую в некоторых отношениях выше экклесии и ее ограничивающую...

Такой порядок и такие меры, как графэ параномон, номотесия, должны были поддерживать в обществе идею законности и уважение к праву. Не эти меры были гибельны, а наоборот — отступления от них, которые так часто бывали впоследствии. Лучшее оправдание дела Эфиальта и Перикла — это его жизнённость. Очевидно, новый порядок вытекал из настоятельной потребности, соответствовал вполне остальному строю Афин, самому народному характеру и коренился во всем предшествовавшем развитии. Он тесно сросся с самой судьбой государства, с его независимостью. В своих основах он развился и удержался в течение целых поколений, несмотря на ряд тяжелых катастроф, пережитых потом Афинами, и на ряд попыток к его ниспровержению со стороны и внутренних и внешних врагов.

Время борьбы из-за гегемонии на суше

С прекращением открытой, внутренней борьбы, вызванной реформой ареопага, наступает период напряженной деятельности афинян. Они проявляют поразительную энергию, необыкновенно предприимчивый, отважный дух. Окончательно развившаяся и окрепнувшая демократия обнаруживает изумительное богатство сил, но вместе с тем и слишком большую самоуверенность. То был период — правда, краткий, но блестящий — высшего могуще-

ства Афинского государства, какого только оно достигало. Владычествуя уже на море, афиняне стремятся к господству и на суше, и был момент, когда казалось, что они уже недалеко были от торжества, от осуществления своих смелых замыслов, когда они уже распоряжались в Средней Греции, имели опору в северной и даже в самом Пелопоннесе, и когда, ведя войну в Элладе и у ее берегов, они не упускали из виду и борьбы со старинным своим врагом, Персией, отправляя целые флоты к берегам Азии, к Кипру и к устьям Нила. Но то было вместе с тем и время, когда впервые открыто с оружием выступили друг против друга два первенствующие государства Эллады, Спарта и Афины, и началась война, которая может быть названа Первой Пелопоннесской войной (459—445 гг.), когда панэллинские идеи и стремления потеряли прежнее свое обаяние и отошли в область предания и когда в политической жизни Греции резко обозначился и утвердился дуализм.

В Египет, дружественные связи с которым были важны для Афин ввиду получения оттуда дешевого хлеба, афиняне в 459 г. посылают флот на помощь восставшему против персидского владычества Инару и овладевают большей частью Мемфиса. В Греции они берут под свою защиту Мегары, что дает повод к столкновению с их естественными соперниками на море и в торговле — Коринфом и Эгиной, а также с Эпидавром. После первой неудачи они одерживают победу над пелопоннесским и затем над эгинским флотом, осаждают Эгину и с успехом отражают вторгнувшегося в Мегариду неприятеля.

Так одновременно на нескольких театрах войны, и на суше, и на море, и в Европе, и в Африке, афиняне одерживали верх в борьбе с врагами. Казалось, силы их были неистощимы. Об их энергии и напряжении сил, а вместе с тем и о громадности потерь, красноречивее всего свидетельствует надпись, в которой перечисляются воины одной из фил, павшие в битвах на «Кипре, в Египте, в Финикии, у Галиеи, у Эгины, у Мегар», — все это в один и тот же год.

В то же время афиняне приступили к грандиозному предприятию — к возведению так называемых Длинных стен, которые должны были соединить город Афины с гаванями Фалерской и Пиреем. Афины, сильные и непобедимые на море, должны были сделаться неприступными с единственной слабой своей стороны —

с суши; вторжение врага в Аттику не должно было грозить опасностью им. Впоследствии ясно обнаружилось все значение этих Длинных стен: они стали оплотом, знаком независимости и силы Афинского государства и афинской демократии; олигархи и друзья Спарты ненавидят их; Лисандр спешит разрушить их, Конон восстанавливает. Такое предприятие, как постройка Длинных стен, было, в сущности, дальнейшим развитием идей Фемистокла. Но не все афиняне сочувствовали этому предприятию; немало было и недовольных. К числу их принадлежали и кровные аристократы, которым не нравились столь тесная связь и соприкосновение с Пиреем, с его обычными обитателями, матросами, торговцами и рабочим людом; и все те, кто стремился к миру с греками, так как постройка Длинных стен ясно говорила, что не со стороны персов ждут Афины опасности, а со стороны врагов своих в самой Греции; и сельские жители, землевладельцы, боявшиеся, что теперь, в случае вторжения неприятеля, их имения, да и они сами, будут преданы на произвол врага, между тем как городское население, чувствуя себя в безопасности за Длинными стенами, будет равнодушно смотреть на их разорение; наконец, в особенности недовольна была партия крайних олигархов, искавшая себе опоры в Спарте, готовая предать в ее руки родной свой город, лишь бы подавить ненавистную демократию, и теперь видевшая, что ее надежды должны исчезнуть.

Впрочем, надежды олигархов оживились, когда в Среднюю Грецию явились спартанцы. Изменники вошли с ними в сношения. В битве со спартанцами при Танагре (457 г.) афиняне потерпели неудачу. Но никогда, казалось, Афины не были так могущественны, как после этой неудачи при Танагре. Именно тогда сфера их влияния — можно сказать, непомерно — расширяется и их могущество достигает своего апогея: афиняне заканчивают Длинные стены, принуждают Эгину сдаться, распространяют свою гегемонию на Беотию и — что характерно и что противоречило их обыкновению — вступают там в союз с партией аристократической, так как она тяготилась господством Фив.

Внутри самих Афин теперь уж не было разлада. Неудача при Танагре, близкая опасность со стороны внешнего врага, сплотила афинян. Аристократы, возмущенные предательскими планами крайних олигархов, тем теснее примкнули к демократам. Ввиду опас-

ности, грозившей родине, приходилось отложить на время внутренние распри и счеты между собой. Сам Перикл выступил с предложением возвратить Кимона из изгнания раньше срока. Он пошел на встречу народным желаниям, и изгнанник Кимон возвратился в Афины. Но прежним авторитетом и обаянием он уже не пользовался.

По-видимому, и гегемония на суше должна была перейти к афинянам. Но торжество их не могло быть прочным. Задачи, за которые брались они, превышали их силы; лихорадочно-напряженная деятельность не могла слишком долго длиться. И вот, действительно, наступает реакция. В Египте афинян после шестилетней войны постигает страшная катастрофа. В Греции они тоже стали испытывать неудачи. Очевидно, силы афинян были надломлены, по крайней мере временно; обе стороны были утомлены войной, и при посредстве Кимона между Афинами и Пелопоннесским союзом заключается пятилетнее перемирие на условиях *status quo*.

Как только в Греции война прекратилась на время, мы тотчас видим Кимона снова во главе флота, действующим против Персии. Он направляется к Кипру, к обладанию которым так давно уже стремились афиняне. Это была последняя экспедиция Кимона. Он умер во время ее, среди того дела, которому посвятил лучшие годы своей жизни. Именно к этому времени (449 г.) приурочивают обыкновенно посольство Каллия в Сузы и заключение так называемого Кимонова или Каллиева мира (конечно, кто верит в существование подобного мира). Мы не будем останавливаться на этом старом и все еще спорном вопросе. Можно считать лишь несомненным установление известного *modus vivendi*, фактического более или менее мирного положения, прекращение наступательных действий с той и другой стороны. Вообще борьба с Персией сама собой, неминуемо, должна была утратить свой острый характер. Она не могла уже вестись с прежним воодушевлением и напряжением. Это не была уже борьба за существование Греции; опасность со стороны Персии для греков уменьшилась, если не совсем миновала: противоположность между миром греческим и персидским стала несколько сглаживаться.

Силы Аттического государства казались тогдашнему его вождю, Периклу, недостаточными для одновременной борьбы и с Персией, и с Пелопоннесом. «Что Перикл поступал правильно,

удерживая афинские силы в Греции, — говорит Плутарх, — это доказали последовавшие затем события», именно отпадение Беотии, восстание Эвбеи, измена Мегар, вторжение спартанцев. От Беотии, где гегемония афинян не имела корней, где они вступили в неестественный союз с аристократами и при Коронее потерпели поражение, пришлось отказаться; Эвбея была вновь покорена Периклом, а со Спартой, после того как удалось без сражения достичь удаления спартанского войска, заключен был Тридцатилетний или Периклов мир (445 г.), по которому Афины отказались, в сущности, от гегемонии на суше — от владений в Элладе, вне Аттики, за исключением некоторых пунктов, и оба союза, Афинский и Пелопоннесский, взаимно признали друг друга: афиняне не должны были принимать в свой союз союзника спартанцев, а спартанцы — афинского. Обе стороны условились, что несогласия и недоразумения между ними должны разрешаться путем третейского суда. Так стара идея мирного суда и посредничества при международных столкновениях!

Таким образом закончилась борьба Афин из-за гегемонии на суше, эта своего рода первая Пелопоннесская война. То был поворотный пункт в истории афинского могущества. Афины возвратились к тому положению, какое занимали они до 460 г. Их стремлению к господствующему положению и на суше, их все возрастающим успехам настал конец. Афинянам приходилось ограничиться владычеством на море, оставить мысль об объединении под своей гегемонией чуть не всей Греции. Оказалось, что афинское господство на суше не имеет корней, что оно сталкивается с неодолимыми преградами — с духом партикуляризма, столь сильным вообще у греков, с завистью и соперничеством других государств, с консервативными и аристократическими элементами; оказалось, что афиняне брались за непосильное дело: такому непомерному расширению афинского владычества не соответствовали силы небольшой Аттики.

Война не осталась без влияния на развитие демократического направления. Она ложилась тяжелым бременем особенно на класс более состоятельный. Ряды умеренных поредели: громадные потери на войне несли преимущественно хорошо вооруженные гоплиты, вообще люди «приличные из демоса и из богатых», как выражается Аристотель; по его словам, из выступавших в

поход постоянно гибло до двух или трех тысяч (Ath. Pol., 26). На этот счет мы имеем и документальное свидетельство уже цитированной выше надписи, из которой оказывается, что одна фила в течение только года потеряла убитыми, не считая раненых, более 170 человек, а потери во всех 10 филах были приблизительно равномерны.

Во время тяжелой борьбы за гегемонию на суше, в год битвы при Танагре и возведения Длинных стен, состоялось нововведение в демократическом духе, касавшееся избрания архонтов: постановлено было избирать архонтов и из зевгитов. Так открыт был доступ к архонтству третьему классу, и на 457/56 г. впервые избран был в архонты зевгит Мнесифид, тогда как до того архонтами могли быть только пентакосиомедимны и всадники (последние, вероятно, со времени Аристидовой реформы), а зевгиты занимали лишь низшие должности. Что же касается фетов, то ограничение относительно их осталось: по закону они, как упомянуто уже, и впоследствии не имели права занимать должности, но на практике закон этот потом обходился.

Мы видели, что еще при Писистрате в Аттике существовали так называемые *судьи по демам*. Потом — быть может, при Клизфене, когда сказалась реакция против всего, что напоминало времена тирании, — они были упразднены. Теперь, в 453/52 г., судьи по демам были восстановлены. Их было 30. Число это, по всей вероятности, стояло в связи с числом триттий: на каждую триттию было по одному судье. Впоследствии, по низвержении тирании Тридцати, число их было увеличено до 40, «из ненависти к числу 30», как поясняет древний лексикограф. Судьи эти творили суд, разъезжая по демам, причем их окончательному решению подлежали дела на сумму до 10 драхм. Восстановление судей по демам, или, как их иначе называли, «тридцати», находилось, вероятно, в связи с реформой ареопага и с расширением деятельности гелиэи: дикастерии были обременены множеством дел и с целью облегчить их, а также чтобы не затягивать решения мелких тяжб, последние предоставлены были ведению судей по демам. Притом эта мера была в духи Писистратовой политики: введение вновь судей по демам должно было противодействовать наплыву сельского населения в город и вместе с тем соответствовало нуждам этого населения.

Существовали, кроме того, *диэтеты*, посредники, мировые или третейские судьи, из лиц, которым шел 60-й год. Судьи по делам передавали на их решение процессы свыше 10 драхм. Для большинства частных тяжб диэтеты являлись первой инстанцией. Впоследствии (в конце V в.) было даже установлено, что ни один из таких процессов не мог доходить до народного суда, прежде чем не был представлен на суд диэтетов²².

Около того же времени²³ совершилось знаменательное событие: союзная казна с острова Делоса и из святилища Аполлона была перенесена в Афины и поставлена под охрану богини Афины, в пользу которой стали уделяться и так называемые «начатки» дани союзников, шестидесятая доля форося. Это был момент, когда афиняне вели борьбу в самой Греции, когда в Египте постигла их катастрофа и когда казне, находившейся на Делосе, могла угрожать опасность сделаться добычей неприятеля. Казалось необходимым перенести ее в более безопасное место — в Афины. Есть известие, что это состоялось по предложению самосцев. Что случилось с союзным «синодом», местом собрания которого служил Делос, — неизвестно. Учреждение это умирало, так сказать, естественной смертью.

Перенесение казны в Афины и упразднение союзного собрания являлось прямым следствием предыдущего хода дел. Это не было крутой, резкий переворот: это было лишь «последнее звено в

²² Кроме государственных диэтетов, были и частные, выбираемые тяжущимися по соглашению. Их суд был безапелляционный. Об аттическом процессе см.: *Meier M. H. E., Schomann G. F. Der attische Prozess.* Berlin, 1824. Ср.: *Lipsius J. H. Das attische Recht und Rechtsverfahren.* Bd. I. Leipzig, 1905.

²³ По надписям, шестидесятая часть форося стала отчисляться в казну богини Афины, и начинает вестись счет годам преемственной «власти» коллегии логистов с 454 г. Полагают, что это стоит в связи с перенесением казны в Афины, и относят это перенесение к 454 г. Правда, на основании восстановленного Б. Кейлем текста папируса так называемого «Страсбургского анонима» (*Anonymus Argentinensis*) оказывается, будто союзная казна перенесена в Афины в 450/49 г. Но чтение и толкование Б. Кейля основаны на гипотезах, а сам папирус требует еще дальнейших исследований. По У. Вилькену, например, как было упомянуто, это — не историческая хроника, а комментарий к речи Демосфена против Андротиона, и рассматриваемое место его касается афинской казны, находившейся на акрополе, именно постановления 431 г. См.: *Wilcken U. Oer Anonymus Argentinensis.*

том кризисе, который приходилось пережить союзу в конце первого периода своего существования»²⁴. Перемена в положении Союзников, в их отношениях к Афинам, началась еще задолго до того. Превращение союзников из равноправных членов союза в афинских «подданных» было уже к тому времени готовым фактом. Начало такого превращения относится еще ко времени Кимона, который так умел обращаться с союзниками и так симпатизировал им. Очевидно, сила вещей была могущественнее влияния отдельных лиц, их симпатий и антипатий, и эта сила вещей вела к тому, чтобы афинская гегемония превратилась во «власть», владычество.

Возникла и совершалась отмеченная перемена незаметно, постепенно и вполне естественно. Целью союза была борьба с Персией, но с течением времени борьба эта утрачивала свой прежний характер; национальные общеэллинские интересы начинали мало-помалу отходить на задний план и интересы местные, материальные, — брать верх. Союзники стали все более и более тяготиться военной повинностью; они стремились к тому, чтобы, сидя спокойно дома, предаваться торговле и другим мирным занятиям, не доставляя исправно кораблей и войска; афиняне же энергично настаивали на точном исполнении первоначальных условий. Наконец, к обоюдному удовольствию найден был выход из такого положения дел: вместо кораблей афиняне согласились и с этих союзников получать известную сумму денег и поставлять свои корабли. Но вследствие этого союзники мало-помалу отвыкали от военного дела, их силы уменьшались, а силы Афин увеличивались за их счет. Союзники сами, таким образом, отдавали себя в руки афинян; внося деньги, они сами предоставляли средства для своего же порабощения. Города, пытавшиеся было отложиться, были покоряемы, лишались прежней автономии и становились в ряд афинских подданных. Так было — еще в 60-х гг. — с Наксосом, первым союзным городом, восставшим и порабощенным «вопреки существовавшему договору», по выражению Фукидида, и затем — с Фасосом; оба они сдались, обязавшись срыть укрепления, выдать флот, платить дань. Число подчиненных союзников все росло и росло. Союзное собрание делалось все малочисленнее. Союзники, остававшиеся еще автономными,

²⁴ *Köhler U. von. Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte des delisch-attischen Bundes.* Berlin, 1869.

мало были заинтересованы в его делах и в самой его дальнейшей судьбе. Фактически господствовала здесь давно уже воля Афин...

Так совершилась эта перемена. Господствовавшая тогда в Афинах система, как увидим, тесно связана с ней и с самым существованием союза.

Перикл

Перенесение союзной казны в Афины было вполне в духе политики деятеля, который около того времени занял первенствующее место в Афинах, — Перикла. Мы не знаем в точности, какое участие принимал Перикл в таких реформах, как открытие доступа к архонству зевгитам или восстановление судей по демам. Зато Аристотель прямо приписывает ему внесение в 451/50 г. закона о праве гражданства, а именно, что не может иметь право гражданства тот, кто не происходит от афинянина и афинянки, — закона, к которому мы еще вернемся. С этих-то пор Перикл, по словам Аристотеля, обратился к «демагогии». Но к середине V в. можно относить начало господствующего влияния Перикла, апогея его власти, а не начало его государственной деятельности. Деятельность эта началась раньше, и уже в 50-х гг. Перикл занимал в Афинах влиятельное положение.

Периклу нередко приписывали великую роль в развитии демократии в Афинах, видели в нем виновника последующего разложения ее и упадка афинского могущества. По его имени называют иногда самую блестящую эпоху в жизни древней Эллады; говорят: «век Перикла». Во всем этом много преувеличения. Но, во всяком случае, время Перикла — кульминационный пункт в истории афинской демократии. Поэтому мы остановимся подробнее на этом моменте и на самой личности Перикла 25.

²⁵ О Перикле см. монографию: *Schmidt A.* Das Periklische Zeitalter. Bd. I—II. Jena, 1877—1879; на русском языке см. мою книгу: *Бузескул В. П.* Перикл (историко-критический этюд). Харьков, 1889; также см. статью: Люперсолский *П. И.* Очерк государственной деятельности и частной жизни Перикла // Известия Историко-филологического Института кн. Безбо-родко в Нежине. Т. I. 1877; помимо того, см.: *Грант А. Дж.* Греция в век Перикла / Пер. с англ. под ред. Н. Н. Шамониной. М., 1905.

По своему происхождению Перикл принадлежал к афинской аристократии, к одной из самых знатных и влиятельных фамилий; он был сыном Ксантиппа, победителя при Микале, и Агаристы, племянницы знаменитого Клизфена; по матери он происходил, значит, от могущественных Алкмеонидов, которые в течение целых поколений играли такую выдающуюся и влиятельную роль в афинской истории и связи которых простирались далеко за пределы Аттики. Но и со многими другими представителями тогдашней афинской знати, с первыми фамилиями города, Перикл находился или в родстве, или в довольно близких отношениях. Таким образом, Перикл выдавался уже своим происхождением, и, благодаря последнему, ему заранее открыт был путь к влиянию и к широкой политической деятельности, так как и в демократических Афинах древность и знатность рода, а тем более заслуги близких предков, в действительности всегда много значили.

Детские и юношеские годы Перикла как раз совпали с временем борьбы его родины с персами, и тот общий подъем духа, который был результатом торжества над врагом, должен был глубоко отразиться и на молодом даровитом Ксантиппове сыне. То был момент, когда Афины становились главой и школой Эллады, ее умственным и художественным средоточием, когда сюда начинали уже стекаться со всех концов греческого мира философы, поэты и художники. Преобладающие течения в сфере тогдашней мысли и искусства были восприняты и Периклом. Под их влиянием воспитался он. Благодаря своему образованию и широкому, многостороннему развитию он стал в уровень с умственным движением века, который может быть назван «веком Просвещения». В числе наставников Перикла называют Дамона или Дамонида, музыканта, философа и политика. Впоследствии Перикл пользовался уроками и Зенона, одного из представителей элеатской школы. Но особенно сильное и благотворное влияние, по свидетельству древних, оказал на него Анаксагор своей возвышенной философией, признававшей за регулирующее и управляющее начало в мире «разум». Влиянию именно Анаксагора приписывали ту глубину мысли, которая отличала Перикловы речи; этим же влиянием объясняли сами ораторские приемы Перикла, даже его политические стремления, образ жизни и никогда не покидавшие его хладнокровие и спокойствие;

Начал свою карьеру Перикл воином, а на поприще общественно-политической деятельности выступил между 469 и 467 г. Это был момент, когда Аристид сошел уж в могилу или, по крайней мере, доживал свои последние дни среди общего уважения, а Фемистокл скитался изгнанником. Первенствующее значение принадлежало в то время Мильтиадову сыну, Кимону, стоявшему во главе консервативно-аристократической партии.

Перикл, сам по происхождению аристократ, да и по натуре своей всего менее демократ, именно демократической партии «посвятил свои великие дарования, свое высокое положение и свой чистый характер», выражаясь словами английского историка Дж. Грота. Тут могли действовать и фамильные предания — пример великого его родственника Клизфена, тоже, несмотря на свою знатность, ставшего вождем демоса и сделавшегося первым организатором настоящей демократии в Афинах; к этому могло побуждать и личное честолюбие, так как место вождя аристократической партии было занято Кимоном и при тогдашних обстоятельствах для талантливой и честолюбивой личности удобнее всего было стать в ряды партии демократической. Но существовали и другие, не эгоистические мотивы. Справедливо замечают, что истинно великие люди тем и отличаются, что, стремясь к удовлетворению своего честолюбия и личных интересов, они вместе с тем удовлетворяют и великим интересам и потребностям своей страны и своей эпохи. Так и в данном случае. Перикл мог ясно видеть, что в Афинах именно демократической партии принадлежит будущее. В демократии он видел силу Афин, залог их величия и могущества, — такую форму, которая являлась результатом прошлого, окончательная победа которой была своего рода неизбежной необходимостью и которая одна только и могла быть более или менее прочной, устойчивой, обеспечивающей внутренний мир и порядок, полное развитие богатых сил Афин. Вспомним, что победоносная борьба с персами и Фемистокловы меры окончательно определили дальнейшее направление политической жизни Афин; поворот на другой путь вряд ли теперь уже был возможен, по крайней мере, без страшных, долгих и кровавых потрясений. Вместо того чтобы стараться — быть может, совершенно бесплодно — разрушить дело предшествовавших поколений, вместо того, чтобы, оставляя без удовлетворения новые потребности, под-

талкивать демос на путь насилия и революции и тем способствовать анархии и превращению демократии в охлократию, владычество черни, — не лучше ли было признать существующий факт и, став во главе демократического движения, постараться взять его в свои руки, урегулировать его, направить в известные границы в интересах порядка и полного развития духовных и материальных сил народа? За эту-то задачу и взялся Перикл.

На первых порах Перикл шел рука об руку с другим замечательным вождем демоса, своим единомышленником и другом, Эфиальтом. Вместе действовали они в народном собрании, вместе вели тут борьбу с партией аристократической и с ее вождем, Кимоном.

Ксантипп был врагом Мильтиада; именно он был его обвинителем в предсмертном его процессе, кончившемся присуждением Мильтиада к штрафу в 50 талантов, и казалось, что это соперничество и вражда оставлены были отцами в наследие сыновьям: Перикл тоже выступил против Кимона обвинителем в процессе, которому тот подвергся после покорения Фасоса. Их разделяли соперничество из-за влияния и противоположность их политических программ, стремлений, самих даже характеров. И что характерно: Кимон, глава партии аристократической, в некоторых отношениях является более демократом, нежели Олимпиец Перикл, вождь демоса: первый — простой, обходительный, с приемами демагога, непринужденно сближающийся с народом, имеющий в себе даже нечто плебейское; а второй — сдержанный, скорее гордый, нежели доступный, без тех свойств, благодаря которым так легко приобретает популярность в массе, натура вовсе не демократическая.

При наших источниках трудно определить долю участия Перикла в деле реформы ареопага, проведенной Эфиальтом. Во всяком случае, Эфиальт не был лишь орудием Перикла, как иногда выставляет его Плутарх. Еще во время соперничества с Кимоном Перикл стал вводить свою систему денежного вознаграждения, начиная с платы присяжным и кончая теориконом. В событиях 50-х гг., в борьбе из-за гегемонии на суше Перикл принимает уже деятельное участие, являясь руководителем внешней и внутренней политики Афин. Тридцатилетний мир, закончивший на время эту борьбу, был его делом и носил его имя.

После того для Афин наступили мирные годы. Это и было время наибольшего влияния Перикла. Но прежде ему пришлось преодолеть сильную оппозицию.

Аристократическая партия, еще с изгнанием Кимона лишившаяся было вождя, разрозненная и подавленная нравственно, теперь успела снова оправиться. Во главе ее стал человек, который сумел сплотить и воодушевить ее. Это был Фукидид, сын Мелесия, называемый иногда Алопекским по месту своего происхождения и в отличие от историка Фукидида. Он был из знатной фамилии и в свойстве с Кимоном. Как полководец Фукидид Алопекский не мог равняться с последним, но зато далеко превосходил его как политик и оратор. Аристотель причисляет его к «лучшим государственным людям Афин, если не считать древних».

Решительное столкновение обеих партий и их вождей, Перикла и Фукидида, последовало на этот раз главным образом по вопросу об употреблении союзных денег на постройки, на украшение Афин. По словам Плутарха, в народном собрании враги Перикла кричали, что афинский народ покрывает себя срамом и приобретает худую славу, перенеся союзную казну в Афины под тем предлогом, что тут она будет в большей безопасности, и теперь вдруг употребляя ее на постройки; они говорили о страшном насилии и явной тирании по отношению к Элладе со стороны Афин, так как деньги, собираемые с союзников и предназначенные на войну, тратятся на украшение города, который, точно тщеславная женщина, увешивает себя драгоценными камнями, статуями и храмами в тысячи талантов. В ответ на такие нападки Перикл доказывал, что «афиняне не обязаны давать отчет союзникам в употреблении союзных денег, так как афиняне сражаются вместо них и защищают их от варваров, неся на себе все тягости, а союзники доставляют только деньги; эти деньги принадлежат уже не тому, кто дает, а тому, кто их получает, если только последний выполняет принятые взамен того на себя обязательства. Так как город достаточно снабжен всем необходимым для войны, то следует излишек употреблять на такое дело, которое доставит Афинам бессмертную славу, распространит благосостояние в среде населения, вызовет разнообразную деятельность и различные потребности, оживит всякие искусства и ремесла, займет все руки,

так что почти весь город будет на жалованье, сам себя украшая и вместе с тем питая»²⁶.

Перикл таким образом стоял за централизацию, за безусловное главенство и господство афинян над союзниками; Фукидид же выступал защитником равноправного положения последних. Но с этим вопросом были связаны и другие, например о направлении внешней политики Афин, об отношении к Спарте и к Персии; тут сталкивались интересы городского и сельского класса и т. д. Перикл, по всей вероятности, имел опору преимущественно в городском населении, как наиболее заинтересованном в осуществлении его проектов относительно построек, а Фукидид — в сельском. Строительная деятельность требовала больших средств; та система денежного вознаграждения, которую ввел Перикл и о которой мы еще будем говорить, была выгодна преимущественно для городского населения, а для поддержания и развития этой системы опять-таки нужны были средства. Тогдашняя демократия в Афинах была связана с господством над союзниками. Это главенство, распоряжение союзной казной, расширение союза, сферы политического и торгового влияния, своего рода политика «империализма»²⁷, — все это служило источником средств и благосостояния городского населения и за все это стояла партия демократическая, радикальная, хотя такая программа была в сущности далеко не либеральная. Таким образом, «империализм» и радикализм в Афинах были тесно связаны между собой. Консервативные же элементы, в особенности сельское население, или мало были заинтересованы в поддержании «империализма» или же относились даже прямо враждебно к подобному направлению, как противоречащему их интересам. Столкновение разрешилось ostracism. Партия Перикла одержала верх, и Фукидид принужден был отправиться в изгнание (443/42 г.).

²⁶ В этих словах, передаваемых Плутархом в биографии Перикла (12), некоторые видят отрывки из подлинных речей, произнесенных тогда Фукидидом и Периклом. Но в них есть и неточность: союзники, платившие форос, поставляли, кроме денег, еще и гоплитов.

²⁷ Об этом см.: *Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. III. S. 558 f; Bd. IV. Stuttgart, 1901. S. 39 f.*

Внутренняя борьба в Афинах прекратилась надолго. С изгнанием Фукидида Алопекского влияние Перикла достигает своего апогея. В течение целых 15 лет Перикл правит Афинами без соперников, как общепризнанный руководитель государства. Именно к этому периоду вполне применимо выражение историка Фукидида: «По имени это была демократия, а на деле правление первого мужа».

По словам одного комического поэта, афиняне передали Периклу все: «и дань союзных городов, и сами города — одни вязать, другие разрешать, и каменные стены — одни строить, другие вновь разрушать, и договоры, силу, власть, мир и богатство, и счастье». Враги называли Перикла «величайшим тираном», а окружавших его приверженцев — «новыми Писистратидами»: его сравнивали с Писистратом и находили между ними даже внешнее сходство.

Перед нами редкое, поразительное явление: вполне свободный народ, и притом впечатлительный, подвижной, в течение целого ряда лет подчиняется добровольно власти и влиянию одной личности. Где же причина столь могущественного влияния Перикла? На чем же основывался авторитет его? Прежде всего — на его личных качествах.

Перикл является благороднейшим типом эллина. Его отличает от других знаменитых деятелей Эллады не дарование и не гениальность в той или другой сфере, так как, несомненно, были в Греции деятели, по своему военному гению или, как преобразователи и законодатели, по творчеству и смелости мысли стоявшие выше его. Он не был тем реформатором, который пролагает совершенно новые пути; он был лишь продолжателем и завершителем дела Клизфена, Фемистокла и Эфиальта. Даже в столь блестящей строительной деятельности Перикл имел предшественников, в том числе Кимона, которого в этом отношении никак нельзя противопоставлять ему. Но Перикла отличало необыкновенно гармоническое сочетание разнообразных талантов и качеств. Он был и правитель, и полководец, и великий оратор, и все это в нем соединялось с безукоризненной честностью и неподкупностью, столь редкими в Греции, с простотой образа жизни, с возвышенным умом, с широким образованием и художественным вкусом, наконец, даже с красивой, величественной внешностью.

Перикла нельзя назвать военным гением. Как полководец, он не ослеплял блестящими подвигами; но он обладал такими драгоценными в вожде качествами, как безупречное личное мужество, опытность, хладнокровное благоразумие и осторожность. Он не был тут рутинером; напротив, он умел пользоваться всяким нововведением и усовершенствованием в военном деле.

Но бесспорно, из всех тех разнообразных дарований и качеств, которыми обладал Перикл, на первом плане стоял талант ораторский. Именно могуществу своего слова прежде всего обязан был Перикл тем обаятельным влиянием, которое производил он на своих современников. Подлинные речи Перикла не сохранились — они не были записаны, — и речи, влагаемые в его уста Фукидидом, составляют в значительной мере композицию самого историка. Но в признании величия Перикла как оратора еще в древности согласны были все. Могущество Периклова слова признавалось самими врагами, даже комиками, и недаром они называли Перикла Олимпийцем. О нем говорили, что он мечет перуны, поражает своим словом, как громом и молнией. По выражению одного из комиков, «само Убеждение восседало на устах Перикла», и о его способности убеждать свидетельствовали сами соперники.

Натура Перикла была далеко не демократическая. Он не умел легко и непринужденно сближаться с массой; он не был человеком, выражаясь нашим языком, «популярным». Наоборот, его обвиняли в надменности и излишней сдержанности. Он хранил всегда величавое спокойствие и хладнокровие. Честность и бескорыстие Перикла были общепризнаны. Управляя государством в течение стольких лет, заведая постройками и имея в своем распоряжении большие суммы денег, он ни на одну драхму не увеличил своего состояния.

Образ жизни Перикла был чрезвычайно прост и умерен. Почти все время посвящалось делам государственным. На улице Перикла можно было видеть идущим — своей обычной, медленной и спокойной походкой — только по одной дороге, именно в народное собрание или в Совет. Единственным развлечением для Перикла была беседа в домашнем кругу, среди близких друзей, к числу которых принадлежали избранные умы и таланты тогдашней Греции. Здесь он отдыхал от своей напряженной деятельности, от тяжелых государственных забот и дум; здесь он расширял свой умственный кру-

гозор, черпал новые силы и идеи, приходил в тесное общение с лучшими представителями умственных и художественных стремлений века. Все, что было выдающегося в тогдашнем афинском обществе, так или иначе принадлежало к кружку Перикла. В его доме сходились и философы Анаксагор, Зенон, Протагор, молодой Сократ, и прорицатель Лампон, и историки, как, вероятно, Геродот, и поэты, например, Софокл, и художники, Фидий, философ-архитектор Гипподам и др. Душой же этого кружка была талантливая и высокообразованная Аспазия, дочь Аксиоха, уроженка Милета, с которой Перикл сблизился, разведясь со своей первой женой.

Таков Перикл в характеристике преимущественно Плутарха.

Затем при объяснении того господствующего положения, какое занял Перикл, необходимо иметь в виду некоторые черты самого афинского строя.

Из тогдашних должностей в Афинах самой важной и влиятельной была *стратегия* 28. Стратеги были не только предводителями войска, но они стояли во главе всего военного и морского управления. Они заведовали набором войска, назначали триерархов, председательствовали в судах по делам о военных преступлениях, наблюдали за гаванями, городскими стенами и укреплениями, за внешней и внутренней безопасностью страны, за налогами и повинностями, имевшими отношение к военным целям, принимали меры относительно подвоза хлебных припасов в Аттику и снабжения города продовольствием. Они являлись представителями Афинского государства во внешних сношениях, заключали перемирия и иногда даже мирные договоры; их попечению предоставлялись нередко лица и города, находившиеся под покровительством Афин, иностранцы, получавшие особые почетные права. Немалым влиянием пользовались стратеги и внутри государства. По своей должности они постоянно находились в сношениях с Советом и таким образом могли влиять на него; они имели право созывать (конечно, через пританов) чрезвычайные народные собрания, а в иных случаях наоборот — не допускать созыва экклесии; их предложения раньше других обсуждались народом и т. д. В некоторых жертвоприношениях, в религиозных процессиях и торжествах стратеги принимали видное участие. Одному из страте-

гов обыкновенно поручалось главное начальство над войском, руководство всем предприятием, так что остальные его товарищи до некоторой степени были подчинены ему; иногда один или несколько стратегов получали особые полномочия.

Таким главой коллегии стратегов и лицом, облеченным особыми полномочиями, является не раз Перикл. В течение пятнадцати лет своего полновластия он избирался в стратеги из года в год. Кроме того, Перикл заведовал постройками, и вообще его влияние так или иначе простиралось и на финансовое управление.

Еще важнее другое обстоятельство. Афинская демократия, с народным собранием в несколько тысяч человек, эта «держава», глава обширного союза, ведшая широкую политику, нуждалась в известном сосредоточении власти и в постоянном руководителе. Существование такого «руководителя демоса», демагога, влияние одной выдающейся личности было необходимым условием успешной деятельности народного собрания, последовательности в политике, как внутренней, так и внешней, залогом величия и благоденствия государства. И понятно, в Афинах только тот мог достичь могущественного, постоянного влияния, кто умел воздействовать на народное собрание, увлекать его за собой, подчинять его своей воле, другими словами, — кто был оратором.

Таким оратором и «демагогом» в настоящем значении слова, т. е. «руководителем демоса», и был Перикл, соединявший в своих руках в то же время и стратегию. Замечательную характеристику его, как вождя афинского демоса, дал еще Фукидид. «Перикл был первый из афинян своего времени, сильный словом и делом», — говорит этот историк (I, 139)... «Стоя во главе государства в мирное время, он правил умеренно и охранял его безопасность. Афины достигли при нем высшего могущества... Перикл, сильный нравственным достоинством и умом и явно неподкупный в высшей степени, свободно правил массой, и не столько она руководила им, сколько он ею, потому что он приобрел власть, не прибегая к недостойным средствам, и не имел вследствие этого нужды лстить толпе, но, пользуясь уважением, мог и резко противоречить ей. Так, когда он видел, что афиняне не во время смелы, он своими речами пробуждал в них страх, и наоборот, — видя их падающими духом без основания, он внушал им смелость. По имени это была демократия, на деле же — правление первого мужа» (II, 65).

28 Hauvette-Besnault A. Les strategies atheniens. Paris, 1884.

С того времени как Перикл стал во главе демоса, политический строй Афин, по словам Аристотеля (Ath. Pol., 27), сделался еще более демократическим. Но в сущности Перикл не думал идти по пути крайней демократии — в чем его часто обвиняли в древности и в наше время; напротив, давая окончательную организацию афинской демократии и удовлетворяя интересы демоса, он в то же время старался совладать с демократическим движением, урегулировать его, направить в известные, определенные границы. Свободу и равенство Перикл стремился соединить с господством закона и порядка. Он достиг власти и влияния, опираясь на демос, но он правил не исключительно в интересах одной только партии: покровительствуя демосу, он преследовал и благо целого. Не раз он возвышался над узкими партийными стремлениями. Вот почему многие, более умеренные, не ослепленные ненавистью и враждой аристократы примыкали к Периклу.

Афинская демократия, со всеми ее недостатками и светлыми сторонами, сложилась исторически, была национальным созданием афинского народа, плодом работы целых поколений. Перикловы реформы — лишь один из моментов, эпизодов в последовательном и, так сказать, органическом развитии государственного строя Афин; они — естественное и вполне логическое следствие предыдущего хода афинской истории. Перикл явился лишь завершителем того, чему первые зародыши положены были при Солоне и что получило дальнейшее развитие благодаря историческим условиям и таким деятелям, как Клисфен, Фемистокл, Эфиальт. Поэтому в ряду вождей афинского демоса Аристотель отводит Периклу скромное место, быть может, даже слишком скромное: деятель, которого Фукидид окружил таким ореолом и с именем которого у нас связывается представление о полном расцвете афинской демократии, у Аристотеля является довольно бледной личностью.

Перикловы меры направлены были главным образом к тому, чтобы в суде и в управлении фактически, а не только номинально, участвовал весь народ, не одни лишь богатые граждане, — к тому, чтобы предоставить демосу все возможные выгоды и неразрывно связать его интересы с интересами самого государства. Меры эти, в более или менее демократическом духе, состояли в

ограничении прав ареопага, в введении системы денежного вознаграждения за службу государству, в развитии клерухий, строительной и художественной деятельности, материальных средств и морских сил Афин.

О том, что Перикл отнял «некоторые права» у ареопага, упоминает Аристотель (Ath. Pol., 27). По-видимому, это было дальнейшим развитием реформы Эфиальта; но в чем, собственно, состояло новое ограничение власти ареопага, нам неизвестно: источники не дают указаний.

Наиболее важная и характерная реформа Перикла — это введение *системы денежного вознаграждения*. В древности должности носили почетный характер и их отправляли безвозмездно. Впервые при Перикле сделано было отступление от этого принципа. Введено было жалованье присяжным, членам Совета, войску и флоту: за участие в заседании судьи выдавалось сначала, вероятно, по 1, а затем по 2 обола²⁹ в день; члену Совета — по 5 оболов, пританам же прибавлялся еще 1 обол «на продовольствие»; гоплит и матрос получал по 1 драхме в день (в том числе и на продовольствие); так, по крайней мере, было в начале Пелопоннесской войны и во время Сицилийской экспедиции. Даже архонты и другие должностные лица, за исключением стратегов и гиппархов, стали получать вознаграждение: архонтам полагалось по 4 обола в день «на продовольствие», причем они должны были содержать глашатая и флейтиста. При Перикле введены были и «зрелищные деньги» (теорикон) в размере 2 оболов на человека в день, которые раздавались в праздник Дионисий³⁰, а потом и в другие, чтобы дать возможность и простому народу посещать театр. Что касается платы за участие в народном собрании, то она не была введена Периклом: ее ввел некий Агиррий уже после Пелопоннесской войны, в начале IV столетия.

²⁹ В драхме было 6 оболов.

³⁰ В три дня праздника выходит 1 драхма на человека. — От теорикона надо отличать *диобелию*, раздачу по 2 обола, которую впервые ввел Клеофонт в конце V в. в тяжелое время Пелопоннесской войны и которую прежде неправильно отождествляли со «зрелищными деньгами». См.: Wilamowitz-Möllendorff U. von. Aristoteles und Athen. Bd. II. Berlin, 1893. S. 212 f. На рус. яз. о зрелищных деньгах см. статью: Розов Н. Н. О зрелищных деньгах в Афинах // ЖМНП. 1893, май.

У Аристотеля и Плутарха введение Периклом денежного вознаграждения объясняется личными мотивами — тем, что иначе он не мог бороться с таким богатым и щедрым соперником, как Кимон. Нельзя, разумеется, отрицать того, что подобные меры, особенно теорикон, могли служить орудием в политической борьбе, средством для собственного возвышения вождя демоса. Но все же это не был только демагогический прием. Система денежного вознаграждения была в то же время необходима для упрочения и поддержания существовавшего в Афинах строя. Без нее не могло быть и действительной демократии. Плата, например, судьям вызывалась самой силой вещей и являлась серьезной, неотложной необходимостью со времени реформы ареопага, при тогдашних обстоятельствах и положении Афин как главы союза, члены которого должны были по всем важнейшим делам обращаться в афинский суд. Она стоит в неразрывной связи с развитием деятельности гелиэи. Без введения платы нельзя себе представить этой деятельности. И в самом деле, не будь вознаграждения, не было бы и необходимого числа дикастов; разве можно было ожидать, что всегда найдется в Аттике несколько сотен людей, которые ради отправления судебных обязанностей пожертвуют своим временем и трудом, оставят свои занятия, свое хозяйство? Во-вторых, если только Перикл желал, чтобы в Афинах существовал на самом деле, а не только по имени, чисто народный суд, то он должен был ввести плату присяжным; иначе суд фактически оказался бы в руках лишь знатных и богатых, а за демосом, за всеми теми, кто жил трудом, осталось бы только номинальное право, которым фактически нельзя было бы пользоваться. Чем более расширялась сфера влияния и деятельности гелиэи, чем важнее стало это учреждение, тем важнее, с точки зрения вождей демократии, было не допускать, чтобы оно очутилось в руках одних аристократов или даже врагов демоса и существовавшего в Афинах строя. Наконец, отправление обязанностей судьи, нередко даже по делам не своих сограждан, а союзников, было трудом и притом немалым, и, таким образом, здесь плата казалась вполне заслуженным вознаграждением. Самая эта плата в 1 или 2 обола была незначительна; за эту сумму гелиаст мог иметь лишь скромный обед, и казалось вполне справедливым, чтобы государство в вознаграждение за потраченные гражданином труд и время возмещало ему хотя стоимость дневного содержания.

Все сказанное относительно платы дикастам применимо еще в большей степени по отношению к жалованью членам Совета, являвшемуся необходимым вознаграждением уже ввиду той массы дел, которая подлежала рассмотрению Совета. О жалованье войску и флоту тоже нечего и говорить: содержание почти постоянного войска и флота, тяжелые войны, а в мирное время ежегодные продолжительные морские маневры, — все это делало плату тут мерой необходимой.

Введение вознаграждения за военную службу стоит в связи с внешней политикой Афин и с тем положением, которое они тогда занимали в Греции: оно необходимо было для поддержания афинского могущества. Главную силу Афин Перикл видел во флоте, который при нем состоял из трехсот, если не более, триер, вполне исправных и готовых к действию. Для флота Перикл завел ежегодные маневры, которые продолжались в течение восьми месяцев. Общее же число пешего войска, гоплитов всех категорий, при Перикле доходило до такой цифры, как никогда еще в Афинах, — до 29 000; из них обязанных к полевой службе и далеким походам было 13 000; конница состояла из 1000 всадников и 200 конных стрелков; кроме того, имелось еще 1600 стрелков пехи³¹.

Ни одна Периклова мера не вызывала столько порицаний в древности и в Новое время, как теорикон. В ней видели «гибельнейшее порождение Периклового века», «язву государственного благосостояния Афин», поглощавшую их доходы и средства. Но в период расцвета афинской демократии теорикон не принимал еще таких пагубных размеров, какие мы видим впоследствии, и введением теорикона не вносилось нового, дотоле неизвестного и опасного принципа, ничего такого, что противоречило бы традиции и воззрениям греков на государство и его задачи. Еще в старину было обыкновение излишек получаемого государством дохода делить между гражданами. В Афинах сам народ был верховным господином и отсюда — естественное с тогдашней точки зрения право граждан обращать в свою частную пользу часть государственных доходов. По свидетельству Плутарха, Перикл ввел теорикон во время борьбы с Кимоном. А вспомним о чрезмерной щедрости Кимона и его демагогических приемах. Это был опас-

³¹ *Thuc.*, II, 13; *Aristot. Ath. Pol.*, 24.

ный симптом; афинскому обществу грозила деморализация: пример Кимона мог бы найти подражателей в среде богатой знати, демос очутился бы в зависимости от нее, нравственно унизился бы и пал; богачи получили бы возможность приобретать непомерное влияние, не имея даже заслуг, благодаря лишь своей щедрости. Раз обнаружилась возможность подобных явлений, то лучше уж было, чтобы демос получал что-либо от государства, нежели от вождей партий; лучше уж было так или иначе урегулировать это дело, поставить его в известные границы, в определенные и правильные формы, нежели предоставлять частным лицам полную свободу вербовать себе приверженцев, опираясь на богатство и деморализуя массу... При введении теорикона Перикл, кроме личных мотивов, руководился стремлением предоставить возможность каждому афинянину иметь свою долю участия в общих торжествах независимо от щедрости богачей, поставить демос в такое положение, чтобы он менее нуждался в подобной щедрости, — словом, сделать его более независимым. Бедность не должна была служить препятствием к получению эстетических удовольствий. Все афиняне несли тягости. Во время борьбы с врагами бедная часть населения проявляла не меньшее мужество и патриотизм, нежели богатая. Ей немало обязаны были Афины своими победами. Низший класс служил во флоте и проливал свою кровь наравне с другими. Справедливо ли было бы — так могли рассуждать афинские демократы, — если бы эти граждане лишены были возможности пользоваться, наравне с прочими, плодами своих побед, своих усиленных трудов и храбрости, если бы они были лишены участия в культе и празднествах? Не должно забывать, что празднества и сами театральные представления имели в Греции религиозное значение, были тесно связаны с культом, являлись не простыми развлечениями, а своего рода религиозными церемониями.

Афинское государство, столь заботившееся об удовлетворении эстетических потребностей своих граждан, не забывало в то же время и убогих, калек, инвалидов и сирот павших в бою воинов, — словом, людей, не способных к работе и нуждавшихся в самом необходимом. Начало мер в пользу инвалидов относят еще ко времени Солона или Писистрата. Сироты павших за отечество граждан содержались и воспитывались на государственный счет до своего совершеннолетия, т. е. до 18 лет, когда они

получали от государства и полное вооружение. Неимущим и увечным оказывалась денежная поддержка, выдавалась своего рода пенсия в размере 1—2 оболов ежедневно, и на такую поддержку в Афинах получали право лица, имевшие состояние менее 3 мин и не способные работать.

В одной из глав своей «Афинской политики» Аристотель говорит³², что в Афинах на государственный счет, преимущественно на взносы союзников, содержалось более 20 000 человек: диакстов было 6000, стрелков, как упомянуто, — 1600, сверх того всадников — 1200 (в том числе, по Фукидиду, — 200 конных стрелков), булевтов — 500, стражей верфей — 500, да в «городе», т. е. в акрополе, — 50 стражей; властей — в самой Аттике — около 700 и за ее пределами, если верить рукописи, — столько же; сверх того, со времени войны (Пелопоннесской) — гоплитов 2500, сторожевых кораблей 20, экипаж которых, считая по 200 человек на каждую триеру, составлял 4000, да на других кораблях, перевозящих гарнизоны, — 2000 человек; к этому нужно еще прибавить содержание лиц в Пританее, сирот и тюремных сторожей. Если сосчитать приводимые Аристотелем числа, включая и экипаж двадцати сторожевых судов, то, действительно, получится около 20 000 содержащихся на государственный счет, тогда как общее число взрослых афинских граждан современные исследователи принимают от 35 000 до 55 000—60 000³³.

Чрезвычайно важной мерой в социальном отношении было основание *клерухий*, т. е. поселений афинских граждан за пределами Аттики. Поселенцы получали земельные участки в пользование, без права отчуждения — собственником этих участков признавалось государство, — но сохраняли за собой право афинского гражданства, несли повинности наравне с остальными гражданами, продолжали числиться в филах и демах, к которым они принадлежали до переселения. В этом отличие клерухий от коло-

³² *Aristot. Ath. Pol.*, 24. Аристотель приурочивает это ко времени Аристиды, что неверно; это относится к Периклову времени.

³³ Первую цифру находим у К. Ю. Белоха (между прочим, и в его монографии: *Beloch K. J. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Leipzig, 1886*), вторую — у Эд. Мейера, третью — у У. фон Вилламовица-Мёллендорфа (*Wilamoivitz-Möllendorff U. von. Aristoteles und Athen*).

ний. Одни клерухии, оставаясь в подчинении законам, постановлениям еkkлeсии и высшей юрисдикции Афин, составляли общины с местным самоуправлением, со своим Советом, народным собранием и должностными лицами; другие возникали в существовавшем уже городе или поселении и являлись скорее лишь гарнизоном афинских граждан среди местного населения. Клерухии основывались и раньше Перикла, но при нем мера эта достигла наибольшего развития; она превратилась как бы в систему. Число афинских клерухов перед Пелопоннесской войной доходило до 8000—10 000. В Периклово время клерухии возникали иногда путем договоров с союзниками: местным жителям взамен уступленной для клерухов земли сбавлялась соответственно сумма платимого ими фoрoсa. Наряду с клерухиями основывались и собственно колонии.

Поселенцы принадлежали преимущественно к низшим, менее состоятельным классам. Таким образом город освобождался от пролетариата. В местах своих новых поселений клерухи из неимущих бедняков делались уже сравнительно зажиточными земледельцами-хозяевами; многие из фетов переходили в класс зевгитов, вместе с тем увеличивая собой ряды тяжеловооруженной пехоты. Этого не мог не заметить и Плутарх, считающий вообще систему клерухий демагогической мерой. А по словам одного современного исследователя³⁴, если что и спасло Афины от последнего шага — от коммунизма и отмены всякой собственности, — то это главным образом внешнее могущество государства, позволявшее удовлетворять пролетариат раздачей земельных участков вне пределов Аттики. Подобно колониям, клерухии доставляли также выгоды и в торговом отношении: благодаря им упрочивалась и поддерживалась связь с отдаленными странами. Но еще более /клерухии должны были служить опорой и стражами афинского могущества. Это были наблюдательные посты, можно сказать, с постоянными гарнизонами из афинских граждан.

Для афинян чрезвычайно важно было обладание проливами Босфором и Геллеспонтом. Греческие обитатели Херсонеса Фракийского постоянно были тревожимы и теснимы своими соседями, хищными фракийцами. На помощь им во главе экспедиции

³⁴ Beloch K. J. Die attische Politik seit Perikles. Leipzig, 1884. S. 11.

явился Перикл, восстановил стену, возведенную еще некогда Мильтиадом в самом узком месте полуострова, и в подкрепление тамошним грекам оставил 1000 афинских клерухов. Быть может, были поселены клерухи около того же времени и на лежащих у входа в Геллеспонт островах — Лемносе и Имбросе. Из Кикладских островов при Перикле клерухами заняты были Наксос и Андрос. Во Фракии основана была колония Брея, относительно которой дошло до нас народное постановление в виде надписи, показывающее, как устраивались афинские поселения. Из этой надписи мы узнаем, что для раздела земли должны были быть избраны 10 «геономов», по одному из каждой филы. Для устройства поселения даны были полномочия некоему Демоклиду, от которого исходила и сама псефизма. Существовавшие уже в Брее священные участки, «темены», должны были быть оставлены, как есть, но новые запрещалось выделять. Колонисты обязаны были присылать в Афины к Великим Панафинеям быка и двух овец, а к Дионисиям — фаллос. В случае какого-либо нападения на область колонистов соседние союзные фракийские города должны были подавать помощь как можно скорее, согласно «состоявшимся постановлениям». Тому, кто выступит с предложением, противоречащим этой псефизме, или же будет пытаться склонять афинян к ее нарушению, грозило строгое наказание: он и дети его подвергались атии, имущество конфисковалось и десятая часть его шла богине, за исключением того случая, когда сами колонисты будут просить об изменении постановлений. На переселение из Афин в Брею полагалось 30 дней. Некто Эсхин должен был сопровождать колонистов и выдать им деньги (на первое обзаведение или на путевые расходы). Прибавка Фантокла к этой псефизме гласила, что отправляющиеся в Брею поселенцы должны быть из зевгитов и фетов³⁵.

Но особенно важно было для афинян стать твердой ногой на нижнем течении Стримона. Недалеко от устья река эта делает крутой изгиб и с трех сторон окружает возвышенность. Пункт этот имел большое стратегическое и торговое значение. Это был лучший сторожевой, наблюдательный пост по отношению к соседним союзным городам, оплот против Фракии и Македонии, ключ

³⁵ CIA (= IG), I, № 31; Ditt. Syll², I, № 19; Michel, № 72.

к этим странам, в то время начинавшим уже приобретать немалое значение, являвшимся уже такими силами, с которыми приходилось грекам так или иначе считаться. Тут был узел дорог, шедших по разным направлениям — от Стримонского залива в глубь Фракии, от Геллеспонта в Македонию — и здесь скрещивавшихся. Недаром находившееся здесь поселение носило прежде название «Девять путей». А окружающая страна и ее горы богаты были корабельным лесом, столь необходимым для афинского флота, и драгоценными металлами. Немудрено поэтому, что греки давно уже стремились к обладанию этим пунктом; но сперва неудачно: во времена Кимона афиняне потерпели поражение от фракийцев (при Драбеске). И только при Перикле усилия афинян, наконец, увенчались полным успехом. В 437 г. афинские поселенцы овладели этим пунктом. Город получил название Амфиполя. К афинским поселенцам присоединились выходцы из соседних городов, так что население Амфиполя было смешанного характера, что отчасти объясняет позднейшие отношения этого города с Афинами.

И к отдаленным понтийским берегам отправлялись афинские колонисты во времена Перикла, например в Синопу. Не оставлен был без внимания и запад. Вообще между Афинами и западом в V в. происходили более или менее тесные торговые сношения. Из Сицилии афиняне получали хлеб, из Этрурии — железо, медь и выделанные металлические вещи. Из Афин в Италию шли оливковое масло, серебро и в особенности столь славившаяся керамика, которая вывозилась в Этрурию, а также в Кампанию, к устьям По, в Сицилию и, может быть, в Апулию. В Сицилии и Этрурии господствовала в V в. даже аттическая монетная система: монеты чеканились там по аттическому образцу. Таким образом, еще до Сицилийской экспедиции 415 г., в век Перикла, между Афинами и Италией существовали довольно близкие культурные, торговые и политические связи. После этого понятно, как должен был отнестись Перикл, когда потомки жителей разрушенного некогда кротонцами Сибариса обратились в Афины с просьбой оказать им содействие при основании нового города на месте прежнего. На благодатной почве древнего Сибариса он задумал основать колонию в широких размерах. Новая колония должна была быть общеэллинской. Так, недалеко от прежнего Сибариса, заложен был город Фурии, при содействии Гипподама, архитектора-философа,

по строго определенному плану: в длину шли четыре улицы и в ширину три; каждая улица носила особое название. В первые годы своего существования Фурии привлекали в свои стены немало тогдашних знаменитостей: Геродот, Протагор, Эмпедокл жили в них некоторое время. Подобно древнему Сибарису, новый город вскоре достиг замечательного материального благосостояния; но затем начались внутренние раздоры и смуты. Население его было слишком смешанного характера; афиняне составляли меньшинство, и перевес оказывался на стороне враждебных им элементов.

Но чем большими правами и выгодами пользовался афинский демос, тем ревнивее сохранял он их за собой, стараясь не расширять, а скорее сузить круг лиц, пользующихся правом гражданства. Этим, а также желанием очистить состав афинских граждан от смешанных элементов, в него проникавших, объясняется Периклов закон (451/50 г.), по которому право гражданства принадлежало лишь тем, кто происходил от афинянина и афинянки, и который по своей тенденции так был противоположен политике другого, более раннего вождя демоса — Клисфена³⁶. А когда в 445/44 г. ливийский царь Псамметих прислал в дар афинскому народу 30 или 40 тыс. медимнов хлеба и когда хлеб этот пришлось делить между гражданами, то получили его 14 240³⁷; многие же³⁸ были устранены путем ревизии списков граждан (диапсефизма) или, что вероятнее, путем процессов по обвинению в «чужеземном происхождении», незаконном присвоении звания и прав гражданина.

Социальное значение имело и то развитие строительной и художественной деятельности, которое составляет такую характерную черту «Периклова века».

³⁶ О значении этого Периклова закона — далее. Об афинском праве гражданства см.: Müller O. Untersuchungen zur Geschichte des Attischen Bürger- und Ehrechts. Leipzig, 1899.

³⁷ Это, конечно, не есть общая цифра всех афинских граждан того времени: хлеб получили преимущественно феты; люди состоятельные, а также отсутствовавшие или живущие далеко от Афин не явились за получением его.

³⁸ По Филохору — 4760, цифра, на которую нельзя полагаться: она преувеличена и выведена, очевидно, путем вычитания 14 240 из круглой цифры 19 000.

Мы видели, что во время борьбы с Фукидидом из Алопеки Перикл развивал ту мысль, что «так как город снабжен всем необходимым для войны, то излишек следует употреблять на такое дело, которое Афинам доставит бессмертную славу, распространит благосостояние в среде населения, вызовет разнообразную деятельность и различные потребности, оживит веяния искусства и ремесла, займет все руки, так что почти весь город будет на жалованье, сам себя украшая и вместе с тем питая». Взрослым и сильным содержание из государственных средств доставляла военная служба, но массу не служащих в войске и ремесленников Перикл тоже не желал оставить без части в государственных доходах или без работы. Поэтому он, говорит Плутарх, внес в народное собрание планы великих построек и проекты высокохудожественных произведений, требовавших много времени для осуществления, чтобы те, которые остаются дома, имели основание получать и свою долю из государственных средств, как и те, кто служит во флоте, в гарнизоне и участвует в походах. И Плутарх, передавая это, перечисляет самые разнообразные профессии лиц, получавших заработок благодаря развитой строительной и художественной деятельности. Материалом служил камень, медь, слоновая кость, эбеновое дерево, кипарис, а над обработкой его заняты были плотники, лепщики, литейщики, каменотесы, красильщики, золотых и слоновых дел мастера, живописцы, вышиватели тканей, резчики; далее — все, кто доставлял материал: на море — купцы, матросы, кормчие, а на суше — тележники, извозчики, кучера, канатные мастера, ткачи, кожевники, дорожные рабочие, рудокопы; а каждое мастерство, как главнокомандующий свое особое войско, имело свой отряд поденщиков и чернорабочих, как орган и орудие исполнения, и таким образом между всеми возрастными и профессиями распределялись занятия и распространялось благосостояние (Plut. Per., 12). Вместе с денежным вознаграждением, теориконом и клерухиями это была своеобразная система государственного социализма ³⁹.

Строительная деятельность Перикла имела в виду укрепление Афин и их украшение.

³⁹ Левитский В. Ф. История политической экономии в связи с теорией хозяйственного быта. Вып. I. Харьков, 1907. С. 19.

Еще во время борьбы за гегемонию на суше, как мы видели, возведены были Длинные стены: одна — от Афин к Пирею, другая — к Фалерской гавани. Но между Фалером и Пиреем еще оставалось пустое, незащищенное пространство. И вот, по предложению Перикла, решено было построить еще третью стену, но не вдоль морского берега между Пиреем и Фалером, а между уже существующими стенами, параллельно северной и недалеко от нее, по направлению от Афин к Мунихии. К началу Пелопоннесской войны средняя стена была окончена. Афины были теперь неприступны.

С возведением средней стены Фалерская стена была заброшена, а Фалерская гавань обречена на запустение. Зато значение Пирея еще более поднялось. При Перикле Пирей был заново перестроен, по плану Гипподама⁴⁰. Находившиеся в Пирее арсеналы, верфи, доки приведены были в самый исправный вид и число их увеличено. Усиление оборонительных средств Афин шло рука об руку с покровительством и соблюдением их торговых интересов. Военная гавань отделена от торговой: военные корабли не должны были мешать купеческим судам. На берегу торговой гавани тянулись пять хлебных магазинов, из которых самый большой построен был Периклом. Им же построена была и дейгма, своего рода биржа, где выставлены были образцы товаров.

При Перикле же Афины украсились великими произведениями Фидия и такими зданиями, как Парфенон, Пропилеи и т. п. Это были памятники, по выражению Плутарха, «величественные по своей громадности, неподражаемые по своей красоте и изяществу», которых и «время не коснулось, как будто кто вдохнул в них вечную, цветущую жизнь и не стареющую душу». Перикл вполне достиг поставленной им великой цели, которую он имел в виду здесь наряду с заработком для массы и распространением благосостояния между «всяким возрастом и профессиями»: Афины, властвовавшие на море и украшенные великими памятниками искусства, действительно были «школой» и столицей Эллады⁴¹.

⁴⁰ Некоторые эту перестройку относят еще ко времени Фемистокла, например: Foucan P. Constructions de Themistocle au Pirée et au Salamine // Journal des Savants. 1907, avr.

⁴¹ Следует, однако, заметить, что и здесь Перикл был лишь продолжателем своих предшественников; многое в этом направлении сделано было еще при Кимоне.

Правда, в Афинах улицы, за исключением немногих, главных, были узки и кривы, с закоулками, пыльны и немощены⁴²; частные дома — невзрачны, малы, большей частью в один этаж, причем двери выходили не на улицу, а в небольшой двор; внутри они были плохо убраны; афиняне проводили время большей частью вне дома, на площади, под портиком, в гимназиях, палестрах; многие еще и теперь предпочитали жить за городом, а в Афины являлись лишь на время. Но все же в тогдашней Греции Афины были первым и самым многолюдным городом; с ними в этом отношении могли соперничать только Сиракузы. В «Периклов век» в Афинах было более 100 000 жителей — цифра для того времени громадная: такие богатые и торговые города, как Коринф или Эгина, имели всего до 60 000 населения. Даже уроженец враждебной Афинам Беотии, Пиндар, посвятил им дифирамб, за который фиванцы будто бы его наказали: «Блестящие, увенчанные фиалками, воспетые, славные Афины, опора Эллады, божественный город». Их называли «пританией мудрости и очагом Греции». А у комика Лисиппа говорится: «Если ты не видел Афин, то ты пень; если же видел и не был восхищен, то — осел, а если понравившиеся покидаешь, то ты — мул».

Афины вместе с Пиреем были главой союза, столицей могущественной державы, умственным, художественным, торговым и промышленным центром греческого мира. Сюда сходилось и здесь жило немало уроженцев союзных городов и других подчас далеких краев, торговцев, ремесленников, рабочих, моряков. Сюда стекались толпы людей, надеявшихся именно в Афинах и в Пирее, среди кипевшей там деятельности, найти скорый и лучший заработок. Тут можно было встретить представителей разнообразных профессий и разных племенных элементов; особенно пестрая толпа наполняла Пирей. Были в Афинах и представители тогдашней философии, умственной и художественной деятельности, являвшиеся сюда из других городов. На площадях и улицах уже появляется, привлекая к себе общее внимание, новая фигура — странствующего софиста в роскошной, пурпуровой одежде, предшествуемого громкой молвой, сопровождаемого толпой последо-

⁴² *Busolt G. Athen zur Zeit seiner höchsten Blüte // Deutsche Rundschau. 1898, aug.*

вателей, слушателей или просто любопытных зрителей. В Афины, к торжественным празднествам, являлись многочисленные депутаты союзников, весной, к Дионисиям, — с форосом, летом, к Панафинеям, — с жертвенными животными, осенью — с дарами Элевсинским богиням, с «начатками от плодов земных».

Нигде в Греции не было столько празднеств, торжественных процессий, жертвоприношений и зрелищ, как в Афинах. Здесь насчитывалось в год до 60 праздников, вдвое больше, чем в каком-либо ином греческом городе. Нигде зрелища не обставлялись так, как в Афинах. В одних государственных празднествах выступало ежегодно более 1000 и даже до 2000 мужчин и мальчиков в качестве певцов и танцоров. Но особенно выдавались театральные зрелища. То было время, когда Эсхил, творец «Персов», «Прометей» и «Эвменид», закончил свою деятельность, когда талант Софокла, автора «Антигоны», «Электры» и «Эдипа», был во всем блеске и когда выступил уже со своими первыми произведениями Еврипид, этот «сценический философ», отзывавшийся на самые животрепещущие для тогдашнего образованного общества вопросы и темы. А комедия, носившая преимущественно характер политический, в лице Кратина, Телеклида, Гермиппа, Эвполида, предшественников и старших современников Аристофана, заняла уже видное место среди литературных произведений... До 30 000 зрителей присутствовало иногда при театральных представлениях в Афинах. На все эти празднества и зрелища расходовались громадные средства. Даже впоследствии, уже во время Пелопоннесской войны, когда спартанцы были в Декелее и держали Афины как бы в блокаде, на устройство Великих Панафинея ассигновывалось 6 талантов. Не одни Афины, даже небольшие местечки и села тратили крупные суммы на свои празднества. Одно из таких селений, с какой-нибудь сотней граждан, расходовало на игры 2000—3000 драхм ежегодно⁴³.

Эти многочисленные празднества, торжества и жертвоприношения, театральные представления, состязания и игры, их разнообразие и богатая постановка, бани, гимназии и палестры, колоссальные расходы на них, не только служили демагогическим приемом

⁴³ *Белох Ю. История Греции / Пер. с нем. М. О. Гершензона. Т. I. М., 1897. С. 339.*

со стороны вождей афинского демоса: все это являлось вместе с тем естественным результатом общего процветания Афин, их внешнего могущества, их положения как главы обширного союза и, можно сказать, столицы всей Греции.

Для системы денежного вознаграждения, содержания многочисленного флота, поддержания внешнего могущества и этого блеска, для создания великих памятников искусства и широкого развития строительной деятельности, для всего этого нужны были большие финансовые средства. Одна статуя Афины Девы (Парфенос) стоила, например, до 700—800 талантов, Пропилеи — 2012 талантов. Высчитано⁴⁴, что в десятилетие с 447 по 438 г. на постройки издержано 3000 талантов, т. е. по 300 талантов в год, а с 437 г. до начала Пелопоннесской войны (431 г.) — 4000, что составляет по 650 талантов ежегодно. Впервые в Афинах мы видим более или менее сложную финансовую организацию. Перикл как нельзя лучше понимал, каким могущественным фактором в государственной жизни могут явиться денежные средства, и он старался увеличить финансовые силы Афин.

По более чем умеренному расчету ежегодный доход Афинского государства составлял не менее 1000 талантов⁴⁵. Прямой налог с имущества, называвшийся *эйсфора*, в Афинском государстве взимался лишь в случае крайней необходимости⁴⁶: этот налог, по античным воззрениям, мало совместим был с понятием свободного гражданина. Государственное хозяйство основывалось главным образом на налогах косвенных. Кроме фороса с союзников, который Фукидид перед Пелопоннесской войной определяет в 600 та-

⁴⁴ Busolt G. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. III. Gotha, 1897. S. 493-494.

⁴⁵ О финансах и государственном хозяйстве Афин — монография А. Бёка (*Böckh A. Die Staatshaushaltung der Athener*. 2 Aufl. Berlin, 1851), до сих пор не утратившая еще значения, и статья Эд. Мейера (*Мейер Эд. Финансы в Греции* / Пер. с нем. под ред. В. Э. Дена // Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. СПб., 1899. С. 163 сл.).

⁴⁶ Слова Фукидида (III, 19), будто *эйсфора* впервые введена была во время Пелопоннесской войны, в 428 г., возбуждают сомнение; здесь есть неточность (может быть, следует понимать «впервые за время войны»), так как *эйсфора* известна была уже раньше.

лантов в год, но который, судя по надписям, в действительности равнялся 400 с лишним талантов⁴⁷, доходы Афинского государства состояли из аренды с рудников, с государственных имений и домов, из разного рода пошлин — портовых (в Пирее, например, с ввозимых и вывозимых товаров взималось 1—2%), рыночных, при сделках и продажах, судебных пошлин и штрафов, из налога на рабов, с метеков, с некоторых профессий, из сумм, выручаемых при продаже конфискованных имений и т. п. Широко распространены были общественные повинности, или *литургии*, возлагавшиеся на богатых граждан, у которых было состояние не менее 3 талантов. Главными из них были *триерархия*, т. е. снаряжение корабля, построенного государством, и содержание его в боевой готовности, что во время Пелопоннесской войны обходилось в 50 мин, и *хорегия*, — обучение, постановка и содержание хора, который надо было снабжать всем необходимым, платить ему жалованье и кормить. Это стоило от нескольких сотен до нескольких тысяч драхм. Другие литургии состояли в том, что приходилось содержать участвующих в гимнастических состязаниях и в беге с факелами (*гимнасиархия*), угощать филетов, т. е. товарищей по филе, в некоторые праздники, и т. д. Эти литургии, особенно триерархия и хорегия, бывали часто разорительны. Один, например, афинский гражданин в конце V в. в течение девяти лет израсходовал для государства на подобного рода повинности более 10 талантов

При Перикле афинские финансы⁴⁸ достигают самого блестящего состояния; именно при нем афинская казна была так богата запасными средствами, как никогда еще: в середине 30-х гг. V в. в ней хранилось 9700 талантов, и еще в самом начале Пелопоннесской войны, несмотря на громадные расходы, на постройку Пропилеев и осаду Потидеи, в ней оставалось 6000 талантов, не считая священных предметов, утвари, даров и т. п., хранившихся в храмах, чем, в случае крайности, государство могло воспользо-

⁴⁷ Busolt G. Der phoros der athenischen bündner // Philologus. Bd. XLI. 1882. Фукидид, по-видимому, подразумевал тут и другие доходы, например контрибуцию с Самоса, которая после восстания и покорения этого острова уплачивалась по частям, в несколько сроков, и некоторые косвенные налоги и пошлины, взимаемые с союзных городов.

⁴⁸ Об афинских финансах V в. см.: Cavaignac E. Etudes sur l'histoire financière d'Athènes au V siècle. Paris, 1908.

ваться. Интересен сам принцип, основной характер финансового управления в Афинах второй половины V в. В этом отношении чрезвычайно характерны два постановления народного собрания, сохранившиеся в надписях 49.

Одним из них самым точным образом определяется порядок уплаты долга «другим» (т. е. кроме богини Афины) «богам» и полагается начало центральной казне этих «других богов». Каллий, гласит надпись⁵⁰, предложил «возвратить должные богам деньги, после того как Афине на акрополь внесено 3000 талантов аттической монетой, согласно постановлению». Долг богам надлежит уплатить из сумм, находящихся на руках у эллиноتامиев, и из отданной на откуп «десятины». Он должен быть вычислен «в точности» логистами, созывать которых уполномочивается Совет. Произвести уплату денег должны пританы вместе с Советом и по уплате вычеркнуть долг, рассмотрев документы и разные деловые записи, которые должны быть представлены и жрецами, и заведующими жертвоприношениями, и вообще каждым, кому что-либо известно на этот счет. Казначей для заведования этими деньгами должны избираться жребием тогда же, когда и другие должностные лица, и так же, как и казначей богини Афины (т. е. только из класса пентакосиомедимнов, в таком же числе и на такой же срок). Они должны заведовать на акрополе, в так называемом *описфодоме*, деньгами «других богов» как только можно добросовестно, и отпирать и запирать двери описфодома и прикладывать печати вместе с казначеями Афины. От заведовавших до сих

⁴⁹ Некоторые (например, А. Бёк в названной раньше монографии, К. Ю. Белох в статье: *Beloch K. J. Zur Finanzgeschichte Athens* // *Rheinisches Museum für Philologie*. Bd. XLIII. 1888), основываясь на начертании букв надписей и других соображениях, относят эти постановления к промежутку от Никиева мира и до Сицилийской экспедиции, именно к 419/18–418/17 гг.; другие (*Kirchhoff A. 1) Bemerkungen zu den Urkunden der Schatzmeister «der anderen Gotter»* (ταμίαι τῶν ἄλλων θεῶν) // *Abhandlungen der Berlinischen Akademie der Wissenschaften*. 1864; 2) *Zur Geschichte des athenischen Staatschatzes im 5. Jahrhundert* // *Abhandlungen der Berlinischen Akademie der Wissenschaften*. 1876; *Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte*. Bd. II. Halle, 1899) относят их к середине 30-х гг., к 435/34–434/33 гг. По своему содержанию и характеру постановления принадлежат Периклову времени.

⁵⁰ CIA (= IG), I, № 32; Ditt. Syll.², I, № 21; Michel, № 75.

пор казначеев, эпислатов и жрецов при отдельных храмах эти новые избранные по жребию казначеи должны принять сокровища, взвесив и сосчитав их в присутствии Совета на акрополе, и записать, что принадлежит каждому из богов в частности, и общий итог, серебро и золото отдельно. И на будущее время казначеи должны записывать, сколько поступило и сколько израсходовано в течение года, а столбы с такими надписями выставлять на акрополе. Отчет они должны давать от одних Панафиной до других, подобно заведующим казной Афины. Излишек за покрытием долга богам должен быть употреблен на верфи и стены. Тут обрывается эта надпись.

Другое постановление, начертанное на оборотной стороне того же камня и состоявшееся, вероятно, вскоре после первого, касается казны богини Афины⁵¹. Из начальных строк надписи, сильно порченных, можно заключить, что известная сумма из этой казны определялась на золотые статуи богини Ники (Победы), на обстановку религиозных процессий и на какую-то большую постройку (вероятно, на Пропилеи); остальные же деньги богини Афины, как находящиеся уже на акрополе, так и должные поступить туда, не могли быть употреблены и израсходованы на что-либо другое, да и на упомянутый в начале расход, если понадобится, могло быть еще выдано не более 10 000 драхм. Делать предложения о расходовании денег богини Афины — не на потребности культа — можно было не иначе, как выхлопотав предварительно у народного собрания особое разрешение, *адею*. За несоблюдение этого грозило строгое наказание. Что же касается форося, читаем далее, то эллинотамии должны складывать поступающие в течение года суммы у казначеев богини Афины. После того как из тех 200 талантов, которые назначены народом в уплату «другим богам», долг последним будет отдан, сокровища богини Афины должны храниться по правую сторону описфодома, сокровища же «других богов» — по левую. Что из священных предметов еще не сосчитано и не взвешено, должно быть теперь сосчитано находящимися в должности казначеями при участии всех их предшественников.

⁵¹ Эд. Мейер считает его не отдельным постановлением, а продолжением первого — псефизмы Каллия.

Из этих постановлений мы видим, как излишек доходов не тратится легкомысленно, а идет на покрытие долга священной казне или на устройство верфей и укреплений. Мы видим тут определенный порядок, строгую отчетность и гласность. До нас дошли подробные инвентари предметов, принадлежавших Афине и «другим богам», дошли и долговые записи, в которых в точности «до последней драхмы и обола» обозначалась сумма, должная государством священной казне. Дело в том, что государство, употребляя на свои нужды средства этой казны, признавало право собственности за Афиной и «другими богами». Оно возвращало долг, когда предоставлялась возможность, или, по крайней мере, обязывалось возратить его с уплатой известного, хотя и небольшого процента (1 1/5). Для государства священная казна являлась таким образом запасным фондом. Сложные формальности, вроде, например, предварительного испрашивания особого разрешения — «безопасности» сделать предложение, *адеи*, для дарования которой требовалось присутствие в народном собрании не менее 6000 человек, — прежде чем выступить с предложением о займе из священной казны, должны были действовать сдерживающим образом и предупреждать слишком частые, поспешные и необдуманные траты.

Независимо от священной казны богини Афины существовала, по-видимому, и государственная казна, по отношению к которой право полной собственности принадлежало самому государству. Она являлась депозитом и находилась, так сказать, под охраной самой богини, которой уделялись «начатки» форося с союзников в размере 1/60. Но афиняне в случае нужды предпочитали брать заимообразно из священной казны как запасного фонда, на известных условиях, с соблюдением сложных формальностей, с уплатой процентов и с обязательством возратить долг, и избегали истощать вконец собственно государственные средства. Словом, здесь, в деле финансов, мы видим тот же дух *самоограничения*, то же стремление предупреждать поспешные, легкомысленные и произвольные решения случайного большинства народного собрания, какими запечатлен был и порядок законодательства. Есть даже основание думать, что бюджет расходов в Афинах устанавливался законодательным порядком: в пределах установленной суммы можно было расходовать по постановлению народного собрания, а добавочные расходы нуждались в дополнительном законе.

Рядом с внешним могуществом и блестящим положением государственных финансов торговля и материальное благосостояние самих афинских граждан достигли тоже своего высшего развития. Владычествуя на море, афиняне властвовали и над торговлей. «Ибо, — говорит один древний автор, — если какой город богат корабельным лесом, куда он его сбудет, если не уладит с властителем моря? а если какой-нибудь город богат железом, или медью, или холстом, куда он их сбудет, если не уладит с повелителем моря? Именно из этого материала у меня корабли: от одного лес, от другого железо, от третьего медь, от четвертого лен, от пятого воск...⁵² Афины господствовали на денежном рынке, а их монета вследствие своей доброкачественности повсюду охотно принималась. Их торговые связи обнимали и восток и запад. Афины Периклова века являлись посредником между восточными и западными берегами Средиземного моря, торговым центром, главным складочным местом греческого мира, богатейшим и многолюднейшим городом, а Пирей — самой оживленной гаванью, эмпорием Греции, куда сходились корабли с разных концов и где, по словам Исократы, можно было достать все. В Афины свозились самые разнообразные продукты, нередко из самых отдаленных краев. «Вследствие величины города, — говорит Перикл у Фукидида (II, 38), — сюда сходятся все со всей земли, и мы можем наслаждаться благами остальных стран с такой же легкостью, как и благами своей земли». «Что только есть хорошего в Сицилии, или Италии, или на Кипре, или в Египте, или Лидии, или в Понте, или в Пелопоннесе, или где-либо в другом месте, — замечает другой автор⁵³, — все это собирается в один пункт — в Афины, благодаря их владычеству на море».

Еще в начале IV в. сумма годового ввоза и вывоза, судя по пошлине, взимавшейся в Пирее, превышала 2000 талантов, а торговые обороты всех портов Афинского союза даже во время Пелопоннесской войны простирались до 30—40 тысяч талантов⁵⁴. В мирное время, в пору расцвета, обороты, разумеется, были

⁵² Ps.-Xen. Athen. Pol., 2, 11.

⁵³ Ps.-Xen. Athen. Pol., 2, 7.

⁵⁴ Белох Ю. История Греции. Т. I. С. 316.

больше. «Афиняне отличаются склонностью к новизне, быстры в замыслах и исполнении» — такую характеристику их влагает Фукидид в уста коринфян (I, 70); они смелы, склонны к риску и среди опасностей полны надежд». Эти качества, предприимчивость и кипучую деятельность проявляли афиняне и в торговле. «Они подвижны и непоседливы, — говорят те же коринфяне об афинянах у Фукидида, — ибо и отсутствием думают что-либо приобрести».

Деньги, капитал становятся еще более могучим фактором экономической жизни, нежели прежде⁵⁵. Обыкновенный процент в то время равнялся 12, а в случаях, сопряженных с риском, — 20—30 и более. Знатные афиняне стали все чаще и чаще вкладывать свои средства в разного рода предприятия. Самым богатым афинянином во времена Перикла считался Каллий, обладавший состоянием в 200 талантов; состояние Никия оценивалось в 100 талантов. Для той поры это были большие средства; состояние в 8—10 талантов считалось значительным. Для ежедневного содержания одного человека достаточно было 1 оболы. Гелиаст у Аристофана — следовательно, в эпоху Пелопоннесской войны — говорит, что на свое жалованье в 3 оболы он должен содержать семью, «иметь хлеб, и дрова, и приправу». Во времена Сократа содержание семейства из четырех лиц обходилось около 400 драхм в год. Сам Сократ, как известно, считавшийся человеком небогатым, у Ксенофонта⁵⁶ оценивает свое имущество, включая дом, в 5 мин.

Земельная собственность была значительно раздроблена. Участок стоимостью в 1 талант в эпоху Пелопоннесской войны казался большим; владения, даже старинных знатных фамилий, редко превышали 300 плетров; зато часто упоминаются участки ценой всего в несколько сотен драхм⁵⁷. Земледелие в не отличавшейся плодородием Аттике все более и более уступало место другим отраслям. Местного хлеба не хватало, да он и не мог конкурировать с дешевым привозным хлебом. Площадь земледелия уменьшалась. Развивалась культура оливок — давно уже являвшихся

главной статьей вывоза, — винограда и овощей. На тогдашних амфорах нередко встречается изображение сбора оливок, например, с надписью, перед сбором: «Отец Зевс, дай мне разбогатеть!» и после сбора: «Уже, уже переполнилось!», причем изображен юноша, указывающий на полный сосуд и по пальцам считающий доход⁵⁸. Более крупные землевладельцы обрабатывали землю больше для собственных потребностей. Остальное население нуждалось в привозном хлебе. На месте, в Аттике, производилось всего 400 000 медимнов, а привозилось (в IV в.) вдвое больше — 800 000 медимнов. Государство тщательно следило за хлебной торговлей и регулировало ее. Вопрос о снабжении хлебом и хлебных запасах составлял один из обычных предметов обсуждения в народном собрании. Суда с хлебом должны были направляться в Пирей; одна треть ввоза могла быть потом отправлена дальше, а две трети доставлялись в Афины. Государство вело борьбу с хлебными торговцами и скупщиками; под страхом смертной казни запрещалось одному лицу приобретать сверх положенного количества хлеба. На хлеб существовала такса. Были особые должностные лица, на обязанности которых лежало наблюдение за ценами, за хлебной торговлей и рынком.

Как уже сказано, Аттика существовала главным образом привозным хлебом, и этот хлеб, особенно пшеница, получался преимущественно из Припонтских стран, с которыми давно уже были тесные торговые связи. Кроме хлеба, оттуда шли в Афины соленая рыба, лен, пенька, смола, строевой лес, шкуры, воск, мед, даже рабы, а из Афин отправлялись туда в свою очередь глиняная посуда, масло, предметы роскоши, разные безделушки. Афинские союзники тоже находились в торговых сношениях с берегами Понта. Понятно, как важно было для афинян обладание проливами Геллеспонтом и Фракийским Босфором; понятны и мотивы той экспедиции в Понт, которую предпринял Перикл (вероятно, в 30-х гг. V в.) во главе большого и блестящего флота: она должна была еще более упрочить торговые связи с Припонтскими странами, поддержать тамошних греков, поднять значение и авторитет Афин, показав воочию во всем блеске

⁵⁵ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. III. S. 545 f.

⁵⁶ Xen. Oec., 2, 3.

⁵⁷ Белых Ю. История Греции. Т. I. С. 333.

⁵⁸ Баумгартен Ф., Поланд Ф., Вагнер Р. Эллинская культура / Пер. с нем. под ред. М. И. Ростовцева. СПб., 1908. С. 267.

их силу и могущество на море. Припонтийские города введены были теперь в сферу афинского влияния. Но во времена Перикла фороса с них не взималось: попытка обложить их данью принадлежит уже его преемникам⁵⁹.

Вообще во внешней политике программа Перикла состояла в упрочении и охране существующего и в подготовке средств к будущей борьбе со Спартой, — борьбе, которую Перикл предвидел. Это была политика сосредоточения сил. Перикл был враг рискованных предприятий, и в то время, как демос хотел снова вмешаться в дела Египта и вступить в решительную борьбу с Персией, в то время, как многими овладела уже, по выражению Плутарха, «несчастливая и роковая страсть к Сицилии», а некоторые грезил даже об Этрурии и Карфагене, он всячески старался удерживать афинян от подобных стремлений и от политики приключений. Перикл выступил даже с планом национального общегреческого конгресса из представителей греческих городов, как европейских, так и азиатских, как больших, так и малых, для совещания по вопросам, касающимся культа, и «о соблюдении мира и безопасном для всех плавании по морю»⁶⁰. Отправлены были послы в разные части греческого мира с приглашением на конгресс. Но план Перикла прежде всего разбился о противодействие спартантенцев, и уполномоченные греческих городов не собрались в Афинах...

⁵⁹ В связи с Понтийской экспедицией Перикла ставят еще одну меру. Из привилегии, данной городу Мефоне в 426 г., по которой мефонцам дозволялось вывозить из Византии ежегодно известное количество хлеба, причем «геллеспонтофилаки» не должны были препятствовать провозу хлеба под угрозой штрафа в 10 000 драхм с каждого, мы узнаем, что за вывозом хлеба из Византии (как складочного места) установлено было наблюдение, что существовала должность «стражей Геллеспонта», «геллеспонтофилаков», на обязанности которых лежало наблюдать за судами, проходившими с грузом через проливы, и что взималась пошлина, так называемая «десятина», с торговых судов, плывущих из Понта и в Понт. Полагают, что меры эти введены были при Перикле вслед за Понтийской экспедицией.

⁶⁰ *Plut. Per.*, 17.

Основные черты афинской демократии.

Свобода и равноправие. Идеал и действительность

Напомним главные черты того демократического строя, который установился в Афинах. Привилегии правящих классов мало-помалу распространились на всю совокупность граждан⁶¹. Мы видим в Афинах державный демос и народное собрание, которому принадлежат верховные права; Совет 500, центральный орган государственного управления, совещательный и исполнительный орган по отношению к народному собранию и в то же время своего рода микрополис, представляющий в миниатюре всю Аттику; гелию, суд присяжных, разделенный на дикастерии, имеющий большое политическое значение, в лице комиссии номофетов влияющий на законодательство, и как остаток старины — ареопаг, с его судом по делам о смертоубийствах и с его функциями, имеющими отношение к культу. Мы видим демы с выборными демархами во главе и с широким местным самоуправлением. Видим должностных лиц, избираемых на срок, большей частью по жребию, подвергающихся докимасии перед вступлением в должность, а после несения должности — отчету. Архонты утратили уже свое прежнее значение; из должностных лиц выдвинулись стратеги. В народном собрании главное влияние принадлежит демагогу; но пока еще демагог и стратег соединяется обыкновенно в одном лице. Принцип разделения властей, которому придается такое значение в современных конституциях, уже намечен, но не проведен последовательно, систематически.

Едва ли где-либо народ принимал такое непосредственное участие в государственных делах и в управлении, как в Афинах. Мы видели, как велико было там число должностных лиц и разных собраний; притом должности были годовые и одну и ту же должность, за некоторыми исключениями, нельзя было занимать дважды; таким образом, очередь доходила почти до всех граждан и редко какой афинянин не нес в течение своей жизни той или

⁶¹ Если фетам по закону не был открыт доступ к должностям, то на практике закон обходился, да и народная масса больше стремилась к таким более удобным и выгодным обязанностям, как обязанности, например, присяжного.

другой должности, той или другой обязанности. «В Афинах, — говорит Н. Д. Фюстель де Куланж⁶², — насчитывалось очень большое число должностных лиц... Нельзя было сделать почти ни шагу в городе или в деревне, чтобы не встретить какого-либо магистрата... Изумляешься всей той работе, какой эта демократия требовала от людей. Это было очень трудное правление. Посмотрите, в чем проходит жизнь афинянина. Сегодня его зовут в собрание дема, и он должен там рассуждать о религиозных и финансовых интересах этой маленькой общины. Завтра он призван в собрание филы: надо устроить религиозный праздник, или рассмотреть расходы, или сделать постановление, или назначить глав и судей. Три раза в месяц⁶³ регулярно он должен присутствовать в народном собрании. А заседание длинное; он туда является не только, чтобы подавать голос: придя с утра, он должен оставаться до позднего часа, чтобы выслушивать ораторов. Он не может подавать голос, если не был с начала заседания и не выслушал всех речей. Это голосование для него дело из самых серьезных: то речь идет о том, чтобы выбирать вождей политических и военных, т. е. тех, кому будут доверены на год его интересы и его жизнь; то надо установить налог или изменить закон; то это война, которую он должен вотировать, зная, что он отдает свою кровь или кровь сына. Интересы личные неразрывно связаны с интересом государства. Человек не может здесь быть индифферентным или легкомысленным: если он ошибается, он знает, что он понесет вскоре за это наказание и что при каждом голосовании он отдает под заклад свое состояние и свою жизнь... Поражение отечества было для каждого гражданина умалением его личного достоинства, его безопасности и богатства.

Обязанность гражданина не ограничивалась голосованием. Когда наступала его очередь, ему приходилось быть должностным лицом в своем деде или в своей филе. В среднем через два года на третий он бывал гелиастом, т. е. судьей, и он проводил весь этот год в судах, выслушивая тяжущихся и применяя законы. Не было почти гражданина, который не призывался бы дважды

⁶² *Fustel de Coulanges N. D.* La cité antique. 10-me éd. Paris, 1883. P. 388-389, 395 f.

⁶³ Четыре раза в пританию.

в своей жизни к участию в Совете 500; тогда, в течение года, он заседал в нем каждый день, с утра до вечера⁶⁴, получая донесения должностных лиц, принимая от них отчеты, отвечая иностранным послам, составляя инструкции афинским послам, рассматривая все дела, которые подлежали ведению народа и подготавливая все постановления. Наконец, он мог быть должностным лицом государства, архонтом, стратегом, астиномом, если жребий или выбор на него падал. Таковы были требования демократии... Люди всю свою жизнь проводили в самоуправлении. Демократия не могла быть прочной иначе, как при условии непрестанной работы всех ее граждан. Как только ослабело рвение, она должна была погибнуть или разложиться». Конечно, краски тут сгущены⁶⁵; но, с другой стороны, Н. Д. Фюстель де Куланж не упомянул еще о военной службе, которую несли афинские граждане на суше и во флоте, и о том, что они должны были заниматься и делами союзников, им подвластных.

Эта демократия, несмотря на все перемены и нововведения, подчас обнаруживала чисто консервативный дух и старалась сохранить обычаи и порядки, потерявшие уже прежний смысл и значение, являвшиеся «пережитками», вроде, например, двустепенности выборов должностных лиц даже и тогда, когда жребий стал применяться и при предварительном избрании кандидатов, в первой стадии. В лучшую пору афинской демократии мы видим действующим принцип самоограничения, и над самим державным демосом возвышается закон. Часто говорят, что в античном мире личность поглощалась государством. Но положение это требует оговорок и ограничений. В Афинах уже были некоторые гарантии свободы личности, ее неприкосновенности. Тут личность развивалась свободно. Это соответствовало и последующим политическим теориям греков. По Аристотелю, например⁶⁶, основным принцип демократического строя есть свобода; это — цель всякой демократии. Состоит же свобода в том, чтобы, во-первых, поочередно и подчиняться власти, и самому властвовать, а во-вторых —

⁶⁴ Собственно так заседала лишь часть Совета, пританы.

⁶⁵ *Капеев Н. И.* Государство-город античного мира. 2-е изд. СПб., 1905. С. 280.

⁶⁶ *Aristot. Pol.*, 1317 a-b.

жить так, как кому хочется. У Платона⁶⁷ говорится, что в демократическом государстве, полном свободы, есть возможность делать, что кто хочет, и устраивать в нем свою жизнь, как каждому нравится.

Преимущественно две черты отмечали еще древние в афинской демократии, как основные, как наиболее характерные и дорогие для афинянина. Это — *исономия* и *исегория*, т. е. равенство перед законом, равноправие⁶⁸, и равенство голоса, равное право на свободу речи, на участие в политической жизни. Слова эти были для афинян приблизительно тем же, чем для французов со времен революции *liberte* и *egalite*⁶⁹. «Правление массы, — говорит Геродот устами одного из персов, которые у него рассуждают о преимуществах и недостатках различных форм правления, — имеет, во-первых, прекраснейшее из всех название — *исономия*, равноправие, а во-вторых, не делает ничего такого, что делает монарх; должности отправляют избранные по жребию, каждая власть подлежит ответственности и все решения вносятся в общее собрание». Перс этот высказывается за предоставление правления массе, «ибо в массе — все» (III, 80).

Греки, а афиняне в особенности, гордились своей свободой, тем, что они не знали над собой другого господина, кроме закона, признанного народом, и повиновались этому закону, а не капризу или произволу одного лица, подобно «варварам», «ибо у варваров все рабы, кроме одного»⁷⁰. У Плутарха Артабан говорит Фемистоклу, когда тот явился в Азию: «У вас, говорят, больше всего почитают свободу и равенство»⁷¹. «Здесь нет единого властителя» — такие слова влагает Еврипид в уста Тесею в трагедии «Просительницы» (403 sq.); «это — свободное государство; народ сам

правит посредством ежегодно сменяющихся выборных лиц; богатому не дается преимуществ, и бедный имеет равные права». Бедный и богатый пользуется равной защитой. Равенство, говорится в другом произведении Еврипида⁷², связывает друзей с друзьями, государства с государствами, союзников с союзниками; оно установлено от природы, тогда как неравенство всегда порождает зависть и вражду.

Но особенно замечательна характеристика афинской демократии в знаменитой речи Перикла над павшими воинами, воспроизводимой Фукидидом (II, 35 sq.).

«Мы пользуемся государственным устройством, которое не стремится подражать законам соседей, но само служит образцом и предметом подражания для других», — говорит здесь Перикл. «Называется оно демократией, так как основывается не на меньшинстве, а на большинстве. По законам в частных делах у нас у всех равные права; что же касается уважения, то каждый, если он в чем-либо славится, пользуется в государственной деятельности большим почетом не в силу принадлежности к известному классу, а по доблести. Даже бедняку незавидность положения не препятствует оказывать услуги государству, если он на это способен. Мы свободно правим государством, и мы не питаем ни подозрительности друг к другу в повседневной жизни, ни гнева против соседа, если он в чем-либо дает себе волю, ни досады, которая не причиняет материального вреда, но на которую тяжело смотреть. Непринужденно обращаясь друг с другом в частных сношениях, мы в общественных делах не нарушаем закона больше всего из благоговейного страха, повинuemся существующим властям и законам, в особенности тем из них, которые установлены в защиту обижаемых и которые, не будучи писаными, навлекают на нарушителя позор в общественном мнении. Для духа мы доставляем частый отдых от трудов состязаниями и жертвоприношениями, следующими одно за другим в течение целого года... Мы любим прекрасное, соединенное с простотой; любим образование, не впадая в изнеженность. Богатством мы пользуемся больше как средством для деятельности, нежели как предметом для хвастовства, и в бедности сознаться у нас не постыдно;

⁶⁷ Plat. Resp., VIII, 557 b.

⁶⁸ Интересные замечания об *исономии* см. в работе: *Hirzel R.* Themis, Dike und Verwandtes. Ein Beitrag zur Geschichte der Rechtsidee bei den Griechen. Leipzig, 1907. S. 240 f.

⁶⁹ *Bunne P. Ю.* Лекции по истории Греции. Т. I. М., 1905. С. 156.

⁷⁰ Еврипид. — *Беляев Д. Ф.* Воззрения Еврипида на сословия и состояния, внутреннюю и внешнюю политику Афин // ЖМНП. 1882, октябрь. С. 393; *Nestle W.* Euripides, der Dichter der griechischen Aufklärung. Stuttgart, 1901.

⁷¹ *Plut. Them.*, 27.

⁷² Слова Иокасты в «Финикиянках» (536 sq.).

постыднее не выбиваться из нее трудом. Одни и те же лица у нас соединяют заботу о домашних и вместе о государственных делах и у обратившихся к другим занятиям нет недостатка в знании политики. Только мы одни считаем не любящим покой, а бесполезным того, кто не принимает участия в государственной деятельности. И сами мы или решаем, или взвешиваем правильно дела, не считая слова вредом для дела, но, полагая, что больше вреда не посоветоваться предварительно, прежде чем приступить к исполнению... Словом, весь город наш — школа Эллады, и в отдельности каждый у нас, кажется мне, может в самых разнообразных видах деятельности представить собой личность самодовлеющую, исполняющую все в высшей степени искусно и с грацией»...

Так, по Фукидиду, характеризовал Перикл афинскую демократию по окончании первого года Пелопоннесской войны. Трудно выделить в этой речи то, что действительно было сказано Периклом и что составляет композицию историка. Основные мысли, по-видимому, Перикла; это — тот идеал, который его одушевлял и к осуществлению которого он стремился; но форма и подробности, вероятно, принадлежат историку. Перед нами тут апофеоз Афин как раз накануне великих, роковых бедствий, постигших их вслед затем, и упадка. Тут ярко освещаются лучшие стороны афинской демократии. Но это — скорее идеал, нежели точное изображение: действительность не вполне соответствовала идеалу.

Мы не будем говорить здесь о всех темных сторонах афинской демократии, недостатках суда, влиянии демагогов, деморализации демоса и пр., — все это обнаружилось больше впоследствии; мы здесь остановимся лишь на том, в какой мере те основные начала, которые характеризовали афинскую демократию, главным образом — свобода и равенство, были осуществлены на деле и не было ли тут каких-либо исключений, ограничений или противоречий. При этом нам придется выходить из пределов периода расцвета афинской демократии и касаться последующих периодов кризиса и упадка, так как в некоторых отношениях их трудно разделить и есть явления, черты, которые им общи.

Как афинский демос относился, например, к свободе слова и мысли?

Через несколько лет после речи Перикла, в 424 г. Аристофан в своей комедии «Всадники» представил демос в образе выжившего из ума старика:

Сын Пникаса⁷³, Дем, брюзга, глухой старик,
Свирепый, вспыльчивый и до бобов⁷⁴ охотник.

Пер. А. Станкевича

Он любит лести и его легко обморочить. Он находится в руках своего управляющего Пафлагонца (Клеона), а от него переходит в руки колбасника.

Дивна власть твоя, о Демос!
Ты всем людям, как тиран,
Страх ужаснейший внушаешь,
Но ввести тебя в обман
Так легко: до лести падкий
Сам же лезешь ты в капкан;
И на речи чьи угодно
Ты готов разинуть рот,
А рассудок своевольный
Все в отсутствии живет...

Пер. А. Станкевича

Так характеризует хор «Всадников» афинский демос. Если в речи Перикла присутствует идеализация демоса, то здесь, у Аристофана, — карикатура. Это — злая насмешка над самим державным господином Афин, демосом. Отсюда уже можно видеть, какая свобода слова господствовала в Афинах и как вообще терпима была афинская демократия к нападкам на нее. Нечего и говорить, что в комедии насмешкам подвергались и отдельные лица, государственные деятели, вожди демоса. В тех же «Всадниках» Аристофан выводит под видом бесстыдного Пафлагонца, вора и обманщика, Клеона и притом выводит как раз тогда, когда влияние Клеона, после удачно выполненного предприятия против Сфактерии и взятия в плен спартанского отряда, достигло наибольшей степени. Подвергался резким нападкам на сцене и Перикл со

Холм, обычное место народных собраний.
Бобы служили жребием при выборах.

стороны предшественников Аристофана. Его называли, например, «величайшим тираном», «порождением Смуты и Кроноса»; смеялись над его наружностью, особенно над формой его головы; касались частной жизни его, отношений с Аспазией, которую именovali «Герой», «новой Омфалой» и «Деянирой».

Были, однако, попытки хотя бы несколько ограничить свободу комедии, которая иногда переходила всякие границы. Так, в 440 г. во время восстания Самоса, ввиду возбужденного состояния общества и опасения, чтобы престиж афинян не пал в глазах союзников, запрещено было выводить на сцену лиц под их именами. Но такое ограничение существовало недолго и через три года было отменено. Есть указания, что впоследствии все-таки запрещалось осмеивать на сцене должностных лиц, особенно архонтов, под их именами, ибо «имя это не отдельного лица, а государства». По словам неизвестного олигарха 20-х гг. V в., афиняне не дозволяют осмеивать демос в комедии или дурно о нем говорить, чтобы не слышать о себе дурных отзывов, но если кто желает осмеять частное лицо, то побуждают к этому, зная хорошо, что осмеиваемый будет не из демоса, не из массы, но или богатый, или благородный, или влиятельный⁷⁵. В случае осмеяния демоса или должностных лиц можно было подвергнуться обвинению в оскорблении народа. Но если и были подобные ограничения, в сущности, как показывают произведения Аристофана, они мало стесняли комиков. О трагическом поэте Фринихе Геродот рассказывает (IV, 21), что когда после восстания Ионии он написал драму «Взятие Милета», в которой изобразил падение этого города, и во время ее представления весь театр залился слезами, то афиняне наложили на автора пеню в 1000 драхм за то, что он напомнил об этом несчастном событии, а на будущее время постановили подобной пьесы не ставить.

Во второй половине V в. обнаружались новые течения в умственной жизни греков. То была эпоха «Просвещения», представителями которого, с одной стороны, являлись такие философы, как Анаксагор, с его учением о «разуме», с его стремлением объяснять явления причинами естественными, считавший, например, солнце и звезды раскаленными каменными массами, а с дру-

гой стороны — софисты с их субъективизмом, утверждавшие, подобно Протагору, что «человек есть мера вещей». Некоторые черты греческого Просвещения представляют аналогию французскому Просвещению XVIII в. И в Греции то было время пробуждения и развития критической мысли, рационализма. Представители нового философского направления начинают играть видную роль в тогдашнем образованном обществе. В некоторых домах Афин устраиваются собрания, нечто в роде салонов, в которых ведутся философские беседы и споры. Известен, например, кружок Перикла, центром которого являлась прекрасная Аспазия. Заезжий знаменитый или модный софист — желанный гость в доме такого афинского богача, как Каллий. Софисты начинают собирать вокруг себя толпы слушателей.

Прибытие, например, Протагора в Афины — крупное событие. Известие о нем переходит из уст в уста. Знакомый Сократа, Гиппократ, спешит к нему еще до рассвета, чтобы сообщить об этом; он готов ничем не покуситься, лишь бы знаменитый софист сделал и его мудрым. Но Сократ уже знает о прибытии Протагора. Лишь стало светать, Сократ и Гиппократ идут в дом Каллия, где остановился Протагор. Привратник нехотя едва впускает их. Дом уже полон гостей, слушателей и собеседников. Протагор прохаживается в портике и с ним по одну сторону сам хозяин Каллий, Периклов сын Парал и Хармид, по другую — старший сын Перикла, Ксантипп, и еще некоторые лица; а позади следовали, прислушиваясь к разговору, по-видимому, чужеземцы, те, что Протагор уводит за собой из каждого города, через который проходит, «очаровывая голосом как Орфей, а они идут за ним по голосу как очарованные». Когда Протагор со своими собеседниками поворачивал, они почтительно расступались, пропуская их вперед, и затем опять следовали позади. На противоположной стороне восседал на высоком седалище другой известный софист, Гиппий из Элиды, и вел с окружавшими его лицами беседу, по-видимому, о разных астрономических предметах. Был тут и третий известный софист — Продик из Кеоса. Его голос, густой бас, доносился из помещения, которое раньше служило кладовой, а теперь, так как не хватало комнат из-за множества жильцов, гостеприимным хозяином уступлено было тоже гостям. Продик лежал еще, завернутый в одеяла или ковры, и разговаривал с лежавшими

⁷⁵ *Ps.-Xen. Athen. Pol.*, 2, 18.

там же лицами, но о чем, Сократ не мог разобрать вследствие низкого голоса Продика и т. д. Так живо рисует Платон в «Протагоре» словами Сократа картину пребывания знаменитых софистов в Афинах⁷⁶. Здесь в ярких и рельефных чертах мы видим, как относилась к этим софистам та часть афинского общества, которая стремилась к новому образованию.

Но между новым просвещением и старыми верованиями, воззрениями и предрассудками столкновение было неминуемо. Глубокую противоположность двух мировоззрений наглядно изображает рассказ у Плутарха о том, как однажды принесли Периклу из деревни голову барана с одним рогом посередине, как тогдашний известный предсказатель Лампон усмотрел в этом предзнаменование торжества Перикла над его соперником, Фукидидом Алопекским, и перехода власти в одни руки, а Анаксагор, разрубив голову, объяснил это явление естественным образом. Сам Лампон, правда, был хорош с Периклом и принадлежал к числу близких к нему людей; но были другие вещатели, толкователи оракулов — так называемые хресмологи — и тому подобные лица, которым ненавистно было новое просвещение и его представители. Они находили себе сочувствие и опору, с одной стороны, в консервативной части афинского общества, в тех, кто опасался учения софистов, как подрывающего основы тогдашней религии и нравственности, а с другой — в народной массе, которая в политическом отношении настроена была скорее радикально.

Просвещение было популярно и распространялось в известных слоях афинского общества; но низшие слои демоса были им мало затронуты. Правда, грамотность в Афинах была широко распространена; почти каждый афинянин умел читать и писать: у Аристофана во «Всадниках» даже колбасник, уличный торговец, грамотен: «наукам не учен, лишь грамоте», хотя «и той худого хуже». Сам строй афинской жизни, постоянное непосредственное участие граждане в управлении и в обсуждении дел государственных, развитие искусства и литературы, театр, — все это должно было действовать развивающим образом и подымать общий уровень. Но все же масса стояла скорее за старину, за старые верования.

⁷⁶ Есть на рус. яз.: Творения Платона // Пер. В. О. Соловьева, М. С. Соловьева, С. Н. Трубецкого. Т. II. М., 1903.

Мало того: она полна была суеверий и предрассудков; она мало сочувствует новому просвещению и скорее враждебно настроена по отношению к нему; она, в сущности, не терпит исследователей природы, видит в них безбожников и вредных вольнодумцев. Наконец, в ее глазах превосходство ума и образования нарушает до известной степени принцип равенства. В одной из речей такого демагога, как Клеон, у Фукидида (III, 37) есть характерное место: Клеон хвалит необразованность, находя ее полезнее ума и образования для государства. «Необразованность, — говорит он, — соединенная со скромностью, полезнее, чем смышленность, соединенная с распушенностью, и люди попроще обыкновенно лучше правят государством, чем умные. Ибо последние хотят казаться мудрее законов, брать верх при всяком обсуждении в народном собрании... и таким образом губят государства. Люди же простые, не доверяя собственному знанию, считают себя менее сведущими, чем законы, и менее способными, чтобы порицать речь прекрасного оратора... и они большей частью лучше правят».

Таким образом, афинская демократия в своих политических радикальных элементах в религиозных и культурных вопросах была настроена консервативно и даже реакционно. Партии, которые в политике являлись непримиримыми врагами, крайние консерваторы и крайние демократы, по отношению к новому умственному движению выступают союзниками во имя борьбы с новым направлением и сохранения старых традиций⁷⁷.

В Афинах еще в век Перикла воздвигнуто было гонение на Анаксагора. Один из известных в то время афинских хресмологов и прорицателей, Диопиф, выступил в народном собрании с предложением, в силу которого кто не признавал богов или рассуждал о небесных явлениях, тот подвергался обвинению в государственном преступлении. То было время, когда положение Перикла стало колебаться, оппозиция против него усиливалась, и предложение Диопифа было принято. Эта «псефизма Диопифа», лежащая темным пятном на афинской демократии, прежде всего, имела в виду, конечно, Анаксагора, жившего тогда в Афинах, и таким образом престарелому философу под конец жизни пришлось

⁷⁷ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. IV. S. 420, 425; Капеев Н. И. Государство-город античного мира. С. 332—333.

покинуть Афины и переселиться в Лампсак. Другие примеры преследования за свободомыслие относятся к более позднему времени, уже к эпохе Пелопоннесской войны. Так, поэт Диагор, по постановлению народного собрания, объявлен был вне покровительства закона, подобно тиранам, и его голова оценена за то, что в одном из своих произведений он отверг существование богов, так как они оставляют безнаказанными преступления людей. Знаменитый Протагор, говоривший: «о богах я не в состоянии что-либо знать, ни что они существуют, ни что их нет; ибо есть многое, что препятствует такому знанию — и неясность самого предмета, и краткость человеческой жизни», — этот Протагор, по предложению Пифодора, известного впоследствии олигарха, привлечен был к ответственности как атеист; его сочинения сожжены были на площади, а сам он бежал из Афин, где он провел много лет.

Не будем говорить здесь о процессе и казни Сократа, потому что этого еще придется касаться и потому что здесь примешались политические мотивы.

Несмотря на все перемены, на развитие демократии и переход власти к народу, афиняне в некоторых отношениях настроены были консервативно. Это обнаруживалось и в другой сфере — в воззрениях на происхождение, на труд. Юридически и политически афинские граждане были равны, но в социальном отношении полного равенства не было. И в демократических Афинах, например, знатность происхождения и богатство не совсем утратили значение: они открывали дорогу к власти и к влиянию. На некоторые должности, почетные и не соединенные с материальными выгодами, замещавшиеся не по жребию, особенно на должность стратегов, избирали преимущественно лиц более или менее видного происхождения и богатых. Аристотель, говоря (*Ath. Pol.*, 26) о 50-х гг. V в., когда Афины вели борьбу за гегемонию на суше, отмечает, что тогда в стратеги выбирались «неопытные в военном деле, но пользовавшиеся почетом ради славы предков». Этим он объясняет громадность потерь, понесенных в то время афинянами; объяснение неверное — то было время таких полководцев, как Кимон и Миронид, — но сам факт избрания на должность стратегов большей частью людей знатных и состоятельных верен. Вспомним, какую видную роль в Афинах играл позже, во время Пелопоннесской войны, в сущности слабый и бездарный Никий, благодаря

своему происхождению, а еще более — богатству. Благородное происхождение — это славная и завидная доля, с точки зрения даже афинянина V в. В числе тех недостатков, которые в комедиях Аристофана служат позорным клеймом для выводимых на сцену личностей, низость происхождения занимает далеко не последнее место. Правда, это — голос оппозиции: комики вообще хвалят «доброе, старое время», и у них ясно проглядывает аристократическая тенденция. Но пьесы Аристофана были популярны; они давались перед тысячами зрителей, и, вероятно, замечания комика в этом отношении не являлись чем-либо оригинальным, не составляли резкого диссонанса с настроением и воззрениями общества; иначе бы они и не производили надлежащего эффекта.

Но еще больше различия в общественное положение афинских граждан вносили занятия и материальные средства.

Геродот говорит (II, 167), что у всех почти варваров пользуются меньшим почетом те, кто занимается ремеслом и их потомки, что считается благородным тот, кто воздерживается от ручного труда, и в особенности, кто посвящает себя военному делу, и что у них заимствовали это все греки, больше всех — спартанцы, меньше же всех презирают ремесленников коринфяне. Об афинянах Геродот не упоминает: очевидно, по его мнению, они не составляли исключения⁷⁸. И в демократических Афинах, несмотря на всю их исономию и исегорию, замечается разница в общественном положении, например, землевладельцев и людей, избирающих высшие, так называемые свободные профессии, с одной стороны, и представителей низших профессий — ремесленников и рабочих — с другой, как это есть, по замечанию Эд. Мейера⁷⁹, и в современном обществе. Древние были только откровеннее⁸⁰. Физический труд, вообще труд рабочего, ремесленника, мелкого торговца нередко унижал гражданина в глазах афинского общества. В этом направлении немало влияло рабство:

⁷⁸ Считаю лишним, конечно, опровергать мнение Геродота о заимствовании у варваров подобного отношения к ремесленникам.

⁷⁹ Мейер Эд. Экономическое развитие древнего мира / Пер. с нем. под ред. М. О. Гершензона. СПб., 1898. С. 55.

⁸⁰ О взглядах греков на работу см.: Francotte H. L'industrie dans la Grece ancienne. T. I. Bruxelles, 1900 (Ch. 8).

занятия, свойственные рабам, а также метекам, естественно не считались почетными для граждан, и лица, занимавшиеся подобными профессиями, в общественном мнении как бы приравнивались к неполноправным.

В этом отношении чрезвычайно характерный эпизод мы встречаем в IV в., когда, казалось бы, демократические тенденции должны были быть еще сильнее, — эпизод, о котором узнаем из речи Демосфена⁸¹. Один афинский гражданин, по имени Евксифей, был вычеркнут из списка демотов и, следовательно, лишен гражданских прав. В доказательство его негражданского происхождения указывалось, между прочим, на то, что он и его мать торговали лентами на рынке: Евксифей продавал ленты на рынке, он — ремесленник и мелкий торговец; значит, он не афинянин, а метек. Кроме того, его мать была кормилицей. «Мы признаем, — защищается Евксифей, — что и ленты продавали и жили не так, как желали бы»; он признает, что мать его была и кормилицей: «мы не отрицаем, что, это действительно случилось, когда государство находилось в несчастье» (во время войны) «и все бедствовали... Если бы мы были богаты, то не стали бы торговать лентами и не находились бы в безвыходном положении... Не унижайте, судьи, бедняков — достаточное для них уже бедствие бедность — и тех особенно, которые предпочитают работать и жить честно... Что унижительно быть кормилицей, этой истины я не отрицаю; но мы неправы не в том случае, если мы были бедны, но — если мы не граждане, и не о положении или имуществе идет настоящий процесс, а относительно происхождения: многие рабские и недостойные обязанности бедность заставляет выполнять и свободных, за что справедливее пожалеть их, афиняне, нежели губить». Евксифей просит судей не считать трудящихся «чужими», негражданами, а считать донощиков злодеями. Из этой же речи оказывается, что в Афинах существовал закон, которым запрещалось ставить в упрек гражданину или гражданке их занятие на рынке; очевидно, такие случаи бывали нередки, и для ограждения граждан от обид понадобился особый закон.

⁸¹ *Dem.*, LVII (Против Евбулида). См.: Шеффер В. А. Афинское гражданство и народное собрание. М., 1891. С. 164—166; Francotte H. L'industrie dans la Grece ancienne. T. I. P. 253—255.

Богатство очень ценилось в Афинах, больше, чем благородство происхождения; без него и знатность мало значила. В глазах массы благороден тот, кто богат. Благородный, но бедный — ничто, говорит один из героев Еврипида; плохо не иметь ничего; знатное происхождение не доставляет средств к жизни⁸². Быть бедным значит быть в презрении и бесчестии, говорится у Еврипида в другом месте. И раб в почете, если он богат. Самого дурного человека богатство возводит в первые люди.

Для мудрого, мой мальчик, бог один —
Богатство, да! а прочее — прикрасы
Словесные, шумиха...⁸³

Пер. И. О. Анненского

Рядом с этим мы встречаем у Еврипида и иные, противоположные воззрения. Между прочим, уже у него высказывается мысль, что богатство не составляет собственности людей: его дают боги лишь для пользования нам⁸⁴.

Богатство и бедность вносили, конечно, неравенство в среду афинских граждан. Но в лучшую пору демократии неравенство это не было так велико, как впоследствии; не было еще такой бездны между богатыми и бедными; борьба классов еще не принимала таких жестоких форм, как позже в эпоху кризиса и упадка афинской демократии; многочисленного пролетариата не существовало. Мы видели, что население в век Перикла пользовалось вообще благосостоянием. По расчету Эд. Мейера⁸⁵, перед Пелопоннесской войной из общего числа 55 500 взрослых граждан около 2500 было пентаксиомедимнов и всадников, 33 000 зевгитов и 20 000 фетов. По другому расчету у Франкотта⁸⁶, из 30 000 или 35 000 граждан 20 600 могли принадлежать к первым трем классам, а остальные — к фетам. Большинство афинян владело еще

⁸² Беляев Д. Ф. Воззрения Еврипида на сословия и состояния, внутреннюю и внешнюю политику Афин // ЖМНП. 1882, сентябрь. С. 357 сл.

⁸³ Киклоп у Еврипида.

⁸⁴ В «Финикиянах» (560 sq.).

⁸⁵ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. IV. S. 56.

⁸⁶ Francotte H. L'industrie dans la Grece ancienne. T. I. P. 165—170.

хотя бы небольшой земельной собственностью. Многие постоянно жили на своем участке, где имелся и дом. Другие являлись сюда из города с тем, чтобы к заходу солнца возвратиться в Афины; иногда, впрочем, они оставались на своем участке в течение нескольких дней, занятые уходом за плодовыми деревьями и особенно за виноградниками и оливками. Дорога из Афин производила приятное впечатление: кругом было все возделано; всюду чувствовалась деятельность человека⁸⁷. Торговля, ремесла развивались; масса находила себе заработок. Заработная плата в то время равнялась приблизительно 1 драхме в день⁸⁸. Лица свободных профессий — врачи, поэты, адвокаты — получали значительный гонорар; особенно это нужно сказать о софистах. В то время как на богатых лежали тяжелые повинности, литургии, вроде триерархии, социальная политика направлена была в пользу малосостоятельной массы; стоит только вспомнить о системе денежного вознаграждения, теориконе, пособии увечным и бедным, клеруниях, широкой строительной деятельности Перикла.

Политическими правами, исономией и исегорией пользовались в Афинах только граждане, т. е. меньшинство всего населения. Относительно количества населения Аттики долгое время принимались цифры, установленные А. Бёком⁸⁹, по которому в пору расцвета Афин число взрослых граждан было 20 000 (с женами и детьми — ок. 100 000), метеков — 10 000, а рабов более 350 000. Новейшие исследования повышают число гражданского населения и понижают почти втрое-вчетверо число рабов, так что соотношение цифр получается иное. По одним вычислениям⁹⁰, в начале Пелопоннесской войны афинских граждан было 35 000 (не считая около 10 000 клерухов), метеков — 10 000, рабов — около 100 000; по другим⁹¹, взрослых граждан было тогда 55 500, а считая женщин и детей —

⁸⁷ Haussoullier B. La vie municipale en Attique. Paris, 1884. P. 4.

⁸⁸ Büchschüts B. Besitz und Erwerb im griechischen Altertum. Halle, 1869; Guiraud P. 1) La main d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grece. Paris, 1900; 2) Etudes economiques sur l'antiquite. Paris, 1905; Francotte H. L'industrie dans la Grece ancienne.

⁸⁹ В его монографии: Boeckh A. Die Staatshaushaltung der Athener.

⁹⁰ Beloch K. J. Die Bevölkerung... S. 99 f.

⁹¹ Meyer Ed. 1) Forschungen zur alten Geschichte. Bd. II; 2) Geschichte des Altertums.

170 000⁹², метеков, по меньшей мере, — 14 000 (с женами и детьми — до 40 000), а рабов взрослых приблизительно 50 000, всех же — 150 000. Афинская демократия не стремилась расширить круг полноправных граждан. Дарование права гражданства было редкостью и обставлялось большими формальностями (требовалось присутствие в народном собрании не менее 6000 граждан). Мало того: в 451/50 г., как было уже не раз упомянуто, Перикл провел закон, по которому правом гражданства мог пользоваться только тот, кто происходил от афинянина и афинянки. С тех пор как Афины стали главой союза, торговым и умственным центром греческого мира, сюда, как известно, сходилась и здесь жило много уроженцев разных стран, росло число смешанных браков, и чуждый элемент в афинском гражданстве должен был все увеличиваться, все более и более в него проникать. Закон Перикла имел в виду положить конец этому и, так сказать, очистить состав афинского гражданства на будущее время, предохранить его от поглощения элементами иноземными. Такой ограничительный закон вполне отвечал интересам тех, кто уже пользовался правом гражданства и связанными с ним выгодами и преимуществами, кто не желал делить их с другими. Но, очищая состав афинского гражданства от смешанных и разнородных элементов, быть может, предохраняя Афины до некоторой степени от охлократии, господства черни, Периклов закон имел и свою оборотную сторону. Он уменьшал число граждан и притом в такое время, когда государству особенно важно было иметь их побольше ввиду борьбы с Пелопоннесским союзом: вспомним, что закон этот был проведен в 451/50 г., после катастрофы, постигшей афинян в Египте, и тяжких потерь в борьбе за гегемонию на суше. Он отталкивал от Афин многие элементы. Он мог повести к скорейшему вырождению афинского гражданства, лишая его прилива свежих сил и возможности обновлять свой состав. Сколько даровитых личностей и прославленных деятелей в Афинах было именно смешанного происхождения, сами или их предки, например Клизфен, Фемистокл, Кимон, историк Фукидид! С точки зрения Периклова закона все это были бы неполноправные граждане, вообщем, т. е. незаконнорожденные. Таким был и сын самого Перикла от

⁹² Ср.: Фельсберг Э. Р. К статистике населения Аттики V в. до Р. Х. Юрьев, 1907.

Аспазии, по имени тоже Перикл, о даровании гражданства которому отец впоследствии вынужден был просить народное собрание...

Итак, афинские граждане составляли полноправное меньшинство, пользовавшееся политической свободой и равенством, среди остального населения, неполноправного. К последнему принадлежали не только метеки и рабы, но и женщины.

Положение женщины в Афинах

В сравнении с гомеровской эпохой в период развития демократии положение греческой женщины на первых порах ухудшилось. Некоторое влияние мог на это оказать Восток, а главное — просвещение и развитие городской, более широкой политической жизни сначала должно было вырыть пропасть между мужем и женой. Муж проводит время большей частью вне дома, на площади; он занят философскими спорами, государственными и общественными делами; он живет более широкими политическими и умственными интересами. А жена сидит обыкновенно дома, разодетая и нарумяненная или погруженная в хозяйственные заботы. Дом — это ее мир, и добродетельная жена не должна была переступать его границ. «Что умного и славного мы можем совершить, — спрашивает одна из героинь Аристофановой комедии "Лисистрата", — мы, женщины, которые сидим дома, украшенные цветами, в желтошафранной одежде, нарумяненные, в роскошных прозрачных платьях, в модных сандалях»? Сидят они под строгим присмотром, нередко взаперти, охраняемые, если верить тому же Аристофану, молосскими собаками, крепкими замками и запорами ⁹³, хотя, как говорится в одном из его отрывков, глуп тот муж, который полагается на подобные меры.

В Афинах женщина неспособна ⁹⁴. Она не могла выступать свидетельницей, не могла сама вести судебные дела и начинать процесс, заключать договор выше известной нормы. Над ней постоянная опека: девушкой, в родительском доме, она находится под опекой отца, в замужестве — под опекой мужа. Замуж вы-

⁹³ В его «Женщинах на празднике Фесмофорий».

⁹⁴ Gide A. Etude sur la condition privée de la femme dans le droit ancien et moderne. Paris, 1867.

ходит она молодой, лет пятнадцати, воспитывается под строгим присмотром, по правилу «как можно меньше видеть, слышать и говорить». Обыкновенно она умеет лишь приготовить платье из шерсти, наблюдать, как делится пряжа между служанками; зато она хорошо обучена кулинарному искусству, «ибо это — важнейшая для нее и для мужа наука». Она застенчива, робка, стесняется говорить даже с мужем, и нет человека, с которым бы муж меньше советовался о делах, нежели с женой.

Говоря вкратце, такова молодая женщина по греческому Домострою ⁹⁵. Вообще обычный тогдашний идеал жены — молчаливая, скромная, трудолюбивая, «как пчела». Даже в век Перикла считалось величайшей славой для женщины, когда о ней меньше всего говорилось в среде мужчин, как в дурную, так и в хорошую сторону (Thus., II, 45). От жены требовалась верность, но мужу позволялось все.

Но то же просвещение, которое на первых порах так разъединяло мужчину и женщину, мало-помалу, разными путями, проникало и в гинекей, на женскую половину. Оно пробуждало в женщине сознание приниженности, недовольство положением, потребность иной жизни, желание выйти из этой замкнутой, узкой сферы. Одна из господствующих черт эпохи «Просвещения» в Греции, наступившей вскоре после Греко-персидских войн, — стремление к эмансипации, к освобождению от всякого принуждения, в какой бы форме оно ни проявлялось. То была пора развивавшегося индивидуализма. Уже и в рабе начинали видеть человека; уже и за ним готовы были признать человеческие права; со сцены раздавались слова, что раба позорит одно только название, что он несколько не ниже свободного человека; софисты провозглашали рабство безнравственным учреждением. Естественно, что должен был измениться взгляд и на женщину ⁹⁶.

⁹¹ См. соч. Ксенофонта: «О хозяйстве».

⁹⁶ Bruns I. Frauenemanzipation in Athen. Kiel, 1900 (перепеч. в книге: Bruns I. Vorträge und Aufsätze. München, 1905); Donaldson J. Woman, her Position and Influence in ancient Greece and Rome and early Christians. London, 1907; Варнеке Б. В. Женский вопрос на афинской сцене. Казань, 1905; Бузескул В. П. Женский вопрос в древней Греции // К свету. Юбилейный сборник С.-Петербургских Высших женских курсов. СПб., 1904 (статья издана также отдельной брошюрой в Харькове в 1905).

Отражение этого мы видим в тогдашней литературе, прежде всего в трагедии.

Как известно, в аттической трагедии женщинам отводится чрезвычайно видное место. Во многих пьесах они являются главными действующими лицами. И замечательно, что поэты нередко наделяют их сильными характерами, благородством души; многие женщины в аттической трагедии поражают своим величием, своим героизмом; они исполнены мужества и самопожертвования⁹⁷. Стоит вспомнить хотя бы о таком образе, как Софоклова Антигона: поэт изображает «конфликт власти и совести, закона и любви», и «Антигона, как первая мученица, имеет право соединить свое имя с идеей, которую она освятила своей смертью»⁹⁸. Но для историка особый интерес представляет Еврипид. Это истый поэт греческого Просвещения, со всеми его идеями и стремлениями⁹⁹. Но необходимо оговориться: мы должны быть готовы к тому, что встретим у Еврипида противоречия. Объясняются они, во-первых, тем, что мирозерцание этого поэта-скептика не отличалось строгой последовательностью и цельностью; притом с течением времени его взгляды менялись; а во-вторых, нельзя все то, что говорят герои трагедии, без дальних рассуждений приписывать самому автору как его собственное убеждение. Например, довольно распространено мнение, будто Еврипид был ненавистником женщин, мисогином. Действительно, его Ипполит, так сказать, принципиальный враг всего женского пола; он горячо выражает свою ненависть к нему; он утверждает, что женщина — великое зло. Но самого поэта, создавшего такие типы беззаветно любящих и самоотверженных до героизма женщин, как Ифигения, Макария, Алкестида, мы не в праве считать мисогином. Даже Медея у Еврипида — величественный образ, и, несмотря на всю ее демоническую злобу и жажду мести, поэт пробуждает в нас сострадание к этой женщине, оскорбленной как жена и мать. В уста Медеи Еврипид влагает жалобу на горькую долю, на которую обыкновенно обречена женщина. Здесь уже слышится недовольство замкнутой

⁹⁷ Мищенко Ф. Г. Женские типы античной трагедии // Русская мысль. 1893, апрель.

⁹⁸ Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. Т. I. С. 142.

⁹⁹ Nestle W. Euripides...

жизнью, приниженным положением. Но в особенности интересны для характеристики женского движения в Афинах слова хора в «Медее» на тему, которую можно сформулировать так: «Человек я, и ничто человеческое мне не чуждо». Здесь греческая женщина устами хора заявляет о своем стремлении и способности к умственному развитию, к высшему образованию:

Люблю я тонкие сети
Науки, люблю я выше
Умом воспарять, чем женам
Обычай людей позволяет...
Есть муза, которой мудрость
И наша отраднa; жены
Не все ее видят улыбку —
Меж тысяч одну найдешь ты, —
Но ум для науки женской
Нельзя же назвать закрытым.

Пер. И. О. Анненского

И в «Мудрой Меланиппе» — трагедии, из которой сохранились, к сожалению, лишь немногие отрывки¹⁰⁰, — Еврипид вывел женщину представительницей современного ему Просвещения. Меланиппа, по ее собственным словам, «не плохого мнения о себе» и о своем образовании; «правда, я женщина», замечает она, «но ум есть у меня». Меланиппа — философ. Она высказывается против обычных воззрений и суеверий, против веры в чудеса; поэт влагает ей в уста смелые по скептицизму мысли относительно Зевса и происхождения мира, причем в последнем случае его Меланиппа ссылается на то, что она заимствовала свои рассказы у своей матери.

В общем, знаменателен уже тот факт, что женщины занимают такое видное место в произведениях Еврипида. Очевидно, в то время начинали уже интересоваться их душевным миром; возникал вопрос о положении женщины в семье и в обществе, а в приведенных выше словах хора из «Медеи» сказываются уже высшие запросы, по крайней мере избранного меньшинства. В тех неред-

¹⁰⁰ Недавно И. Ф. Анненский написал целую пьесу «Меланиппа философ».

ко противоречивых отзывах, которые мы встречаем у Еврипида относительно женщин, слышится как бы отголосок различных мнений по женскому вопросу в тогдашнем обществе.

Комедия представляет нам дальнейшее развитие женского вопроса в Афинах; здесь женская эмансипация изображается в крайних ее проявлениях и, конечно, в преувеличенном, карикатурном виде.

Аристофан посвятил женщинам три пьесы: «Лисистрата», «Женщины на праздники Фесмофорий» и «Женщины в народном собрании».

В первой комедии греческие женщины, по зову и под предводительством героини пьесы, Лисистраты, «пресветлой главы смелого дела и плана», собираются и решают общими усилиями спасти мужчин и всю Грецию от бедствий войны¹⁰¹, которая давно уже тянется, всем тягостна и в особенности дает себя чувствовать женщинам; они отказываются исполнять супружеские обязанности, захватывают акрополь, казну, смело и энергично отбивают нападения стариков, пытающихся вытеснить их из акрополя, и т. д. Затея женщин и их притязания, разумеется, возмущают мужчин: между обеими сторонами возникает горячий спор, обмен взаимных нападок и обвинений. Мужчинам кажется странным, что женщины будут заведовать денежной казной; кажется безумием, что они хотят командовать гражданами: они, слабые существа, мечтают теперь о шлеме и щите и думают вести переговоры о мире! Для мужчин — это решительный момент: если кто-либо из нас хоть на палец уступит женщинам, говорит корифей мужского хора, тогда они не прекратят уже неустанной деятельности, начнут строить корабли, давать морские сражения и нападут на нас, подобно Артемисии (о которой рассказывает Геродот и которая принимала участие в походе Ксеркса на Грецию). Мужчинам кажется странным, что женщины намерены заведовать финансами, но Лисистрата не находит в этом ничего удивительного: «Разве мы, женщины, — говорит она, — не заведем всем домашним хозяйством?» Женский хор заявляет, что он готов идти на все вместе со своими мужественными сестрами, у которых есть природные дарования, есть грация, есть смелость, ум, патриотизм, разумная доблесть. «Разве я не

обязана давать полезные советы государству?» — говорит устами хора афинская женщина. «Хотя я родилась женщиной, но не лишай же меня права предлагать лучшее, нежели жалкое настоящее. Ведь я тоже плачу свою долю, ибо я даю государству граждан»...

В комедии «Женщины на празднике Фесмофорий»¹⁰² женщины, чувствуя себя оскорбленными неместными о них отзывами и нападками Еврипида, задумывают сообща защитить себя от этого поэта и отомстить ему; но под видом защиты комик выставляет их еще в худшем свете, чем Еврипид, так что на самом деле пьеса оказывается направленной больше против женщин, нежели против Еврипида.

Третья комедия Аристофана, касающаяся женщин, «Женщины в народном собрании», написана лет двадцать спустя после двух только что упомянутых. Женщины на рассвете, переодевшись в мужское платье и подвязав бороды, отправляются, под предводительством гражданки Праксагоры, в народное собрание и там, по предложению той же Праксагоры, принимая во внимание, что при главенстве мужчин государство испытывает бедствия, каждый заботится лишь о себе, а об общем — никто, и «дабы не оставить неиспробованным последнего новшества», постановляют передать управление государством женщинам, ибо служат же они в доме управляющими и казначеями, а также ввиду добрых качеств женского пола. Государство, по мысли Праксагоры, должно быть устроено на совершенно новых основаниях — на началах свободы и равенства, общности жен — или, вернее, мужей — и имущества.

Оставляя в стороне злые насмешки, комические подробности и непристойные сцены, которыми особенно богаты рассматриваемые комедии, мы видим, что женщины у Аристофана недовольны существующим положением, протестуют против главенства мужчин и словом и делом; их волнуют интересы их пола, родного города и даже всей Эллады; они берутся решать государственный дела, вмешиваются в политику, захватывают власть в свои руки, предъявляют притязания на управление, на доступ к должностям, создают утопические планы переустройства государства

¹⁰¹ Пелопоннесской; комедия написана в 411 г.

¹⁰² Фесмофории — праздник в честь Деметры, исключительно женский: к участию в нем допускались только женщины.

и общества на новых началах и т. д. Из их среды выделяются смелые, энергичные, предприимчивые личности — Лисистраты и Праксагоры.

Конечно, каждое слово комика нельзя принимать за чистую монету; несомненно, у него много преувеличений, много карикатурного. Но и карикатура должна иметь хоть отдаленное сходство с оригиналом; намеки, самые смелые и, по-видимому, нелепые, должны иметь какое-либо отношение к действительности, иначе они не будут понятны и не произведут надлежащего впечатления. Комедия Аристофана — все-таки отражение, хотя бы и карикатурное, тогдашней действительности. Очевидно, что в конце V в. афинская женщина уже начинает выходить из своего приниженного, замкнутого положения; она выросла из тех узких рамок, в которые была поставлена ее жизнь; она достигает большей умственной зрелости; ее самознание пробудилось, и она начинает относиться критически к окружающим явлениям, предъявлять права на свою долю участия в общественной жизни. Недаром комик посвятил женщинам целых три комедии; недаром его насмешки были так зlostны: ясно, что вопрос об эмансипации женщин давно уже был поставлен в Афинах и занимал умы. В «Лисистрате» диалог между хором мужчин и хором женщин, с взаимными упреками и нападками, это, в сущности, столкновение двух противоположных точек зрения на положение женщины; это — спор сторонников эмансипации и встревоженных охранителей существующего порядка, не могущих примириться с новыми стремлениями и бросающих женщинам, одушевленным этими стремлениями, упрек в неверности и нравственной распушенности.

И Аристофан не стоит одиноко; он не был единственным комиком, заговорившим о новых стремлениях женщин: в комедии Ферекрата «Тирания» женщины являются во главе правления; комик Феопомп написал пьесу «Женщины-солдаты» и т. п.

Полагали, что Аристофан в своей комедии «Женщины в народном собрании» имел в виду осмеять коммунистический идеал Платона в его «Государстве». Но в настоящее время можно считать доказанной ошибочность такого мнения: Платонов «Государство» появилось позже Аристофановой комедии.

На воззрениях и идеалах Платона, касающихся женщин, мы не будем останавливаться, так как они далеко стояли от тогдаш-

ней действительности. Взгляды, близкие к этой действительности, к обычным, господствовавшим в афинском обществе воззрениям, мы встречаем у Ксенофонта. Ксенофонт не стоит за расширение сферы деятельности женщины, за полное равенство обоих полов. Но, признавая различие в их природе и в круге деятельности, Ксенофонт допускает равноправность женщины до известной степени, в известной сфере. Бог, говорит он устами Исхомах в своем диалоге «О хозяйстве», предназначил женский пол для домашних занятий, а мужской — для внедомашних. Бог наделил женщину большей любовью к детям и большей боязливостью, а мужчине дал больше мужества; но память и заботливость дал обоим одинаково, так что трудно решить, кто в этом отношении стоит выше, мужчина или женщина, равно как дал одинаковую способность к умеренности и самообладанию. Каждый должен исполнять свою обязанность как можно лучше. Значение жены для благосостояния дома такое же, как и значение мужа. Исхомах считает все, чем он владеет, их общим достоянием; но в своей сфере, в доме, жена должна быть блюстительницей всего; она здесь как царица: достойных хвалит и награждает, недостойных бранит и порицает. На ней лежит забота и уход за больными слугами, челядью... Цель брака Ксенофонт видит не только в продолжении рода: вследствие различия в природной организации муж и жена как бы нуждаются друг в друге, как бы взаимно дополняют друг друга. Жена — лучшая помощница в доме и в воспитании детей; она — опора в старости, лучший друг для мужа и детей и т. д.

Итак, Ксенофонт не сторонник широкой женской эмансипации; но он высказывает гуманный взгляд на женщину и ставит ее высоко как жену, мать и хозяйку в доме. Его Исхомах призывает жену к дружной, совместной работе в сфере домашнего хозяйства и семьи. Если жена оказывается здесь плохой помощницей, то Ксенофонт возлагает вину на самого мужа: он должен осторожно, гуманно и с любовью обучать и воспитывать то большей частью юное, необразованное, робкое и беспомощное существо, которое он берет к себе в дом в качестве жены. Таким образом, Ксенофонт заговорил уже об обязанностях и нравственной ответственности мужа.

Факты, правда, скудные, исторической действительности подтверждают существование в греческой женщине стремления к более широкому умственному развитию и к эмансипации.

Важным моментом в истории женского движения в Афинах является эпоха Просвещения, т. е. вторая половина V в. до Р. Х., когда, как было упомянуто, обнаружилось стремление к освобождению от каких бы то ни было оков и стеснений. Эмансипация женщин должна была выразиться главным образом в двух направлениях: во-первых, в отрешении от условной морали, в нарушении установившихся правил приличия и нравственности, и, во-вторых, в стремлении к высшему образованию. Такое стремление, прежде всего, обнаруживается в Малой Азии, Ионии, где до тех пор и политическая и умственная жизнь шла быстрее.

Яркой, наиболее типичной представительницей эпохи Просвещения и века Перикла в этом отношении является знаменитая Аспазия, дочь Аксиоха, родом из Милета, и в приведенных выше словах хора из Еврипидовой «Медеи» видят намек именно на нее.

Аспазия славилась своим умом и образованием. Она появилась в Афинах, новом центре умственной жизни Греции, «школе Эллады», около середины V в. и здесь заняла выдающееся положение в обществе. Мы видим ее в доме и в кружке Перикла, разведшегося с первой своей женой, с которой у него, по-видимому, было мало общего и которая после того вступила в новый брак. Женился ли Перикл на Аспазии, вопрос спорный; есть основание думать, что Аспазия не была гетерой, куртизанкой, как прежде обыкновенно полагали, и что она была женой Перикла; но их брак с точки зрения тогдашнего аттического права не мог считаться законным вполне, ибо Аспазия не была афинянка; по проведенному же перед тем самим Периклом закону дети от подобных браков не пользовались правами гражданства. Как бы то ни было, Перикла и Аспазию связывала искренняя, серьезная и нежная любовь. Аюбовь эта основывалась на сродстве их духовных стремлений, на общности интересов и одинаковости уровня умственного развития. Аспазия была истинной подругой жизни Перикла, его советником, вдохновлявшим и поддерживавшим его в трудной деятельности. Тут казался осуществленным тот идеал брака и супружеского счастья, о котором говорит Д. С. Милль в своем трактате «Подчиненность женщины».

Аспазия была душой того кружка, который собирался в доме Перикла: богато одаренная, сиявшая красотой, с глубоким и высоко развитым умом, обладавшая даром красноречия, она здесь

первенствовала во всех отношениях. Тут, при ее деятельном участии и даже, быть может, руководстве, велись разговоры на самые разнообразные темы, волновавшие умы и касавшиеся политики, философии, брака и семейного счастья, образования и воспитания. Какие иногда обсуждались здесь вопросы, на это некоторым указанием служить обвинение против Аспазии в безбожии и нечестии, поднятое Гермиппом.

Если верить древним, Аспазия вдохнула новую жизнь в просветительную философию того времени; она давала толчок новым идеям. Ее называли наставницей Сократа и Перикла. Ей приписывали большую долю влияния на философское развитие первого. Сократовский метод, как говорили, есть метод Аспазии, и у одного древнего писателя¹⁰³ приводится разговор (правда, мнимый)¹⁰⁴ Аспазии с Ксенофонтом и его женой именно по такому методу на тему о браке и образовании жены. В Ксенофоновом диалоге

О хозяйстве» Сократ, на вопрос своего собеседника, как воспитать хорошую жену, рекомендует ему обратиться к Аспазии, «которая все это гораздо лучше объяснит». В «Менексе»¹⁰⁴, диалоге принадлежащем или, по крайней мере, приписываемом Платону, Сократ воспроизводит речь, произнесенную будто бы Аспазией. Выслушав, Менексен говорит: «Аспазию можно назвать счастливой, если она, будучи женщиной, в состоянии сочинять такие речи», на что Сократ отвечает: «Если не веришь, то следуй за мной и услышишь, как она говорит». «Я часто встречался с Аспазией, — замечает Менексен, — и знаю, какова она». По словам Сократа, у него была не плохая учительница в риторике, а такая, которая сделала хорошими ораторами многих других и даже Перикла, — Аспазия; после этого неудивительно быть сильным в слове. Упоминается о «прекрасных речах» Аспазии политического содержания. Аспазии приписывали также большое влияние на Перикла. Говорили, будто она составила ту знаменитую надгробную речь, которую произнес Перикл над павшими воинами, воспользовавшись ее отрывками, и хотя все это говорится в «Менексе» скорее в виде иронии или шутки, тем не менее такие подробности характерны: они показывают, как в древности смотрели на Аспазию,

103 У Цицерона со слов Эсхина.

104 Так как Ксенофонт не мог в то время быть уже женатым.

ее красноречие и силу ее влияния. Ее влияние усматривали и в политических событиях того времени, в таких фактах, как война с Самосом или Пелопоннесская война. Недаром комики называли ее Омфалой, Деянирой, Герой Перикла.

Аспазия была лишь наиболее ярким, но не единичным явлением. В Платоновом «Пире» передается беседа Сократа с мантинейской жрицей Диотимой об Эросе, причем Сократ называет эту Диотиму «мудрой» и как бы ее авторитетом прикрывает свое учение об идеальной, одухотворенной любви.

Женская эмансипация, отрешенная от обычной нравственности, нашла себе крайнее выражение в гетеризме. К гетерам многие причисляют и Аспазию, но это, как мы говорили уже, едва ли верно. Впоследствии некоторые из гетер были своего рода знаменитостями. Они вдохновляли художников, ораторов. Им воздвигали статуи, великолепные памятники. Все это показывает, какую роль играли гетеры, эти «жрицы свободной любви», в тогдашнем афинском обществе и каким поклонением окружены они были, и вместе с тем характеризует женскую эмансипацию в V—IV вв.

Важнее проявление этой эмансипации в другой форме, в иной сфере, — в области науки и философии. Впоследствии немало женщин в Афинах подвизались на этом поприще: стремление греческой женщины к высшему образованию оказывалось жизненным...

Метеки и рабы

Важной составной частью населения в Афинском государстве были *метеки* или *метойки* ¹⁰⁵, чужеземцы, поселившиеся в Аттике, «жившие вместе», рядом с гражданами (отсюда и самое название «метек»).

Еще в старинных преданиях Афины славилась тем широким гостеприимством, которое оказывали они пришельцам и чужеземцам. У Софокла слепой Эдип, прибывший вместе со своей дочерью Антигоной в Колон, предместье Афин, ссылается на это: «Афины, говорят, самый богобоязненный город; они одни способны спасти несчаст-

¹⁰⁵ О них см.: *Clerc M.* Les meteques atheniens. Paris, 1893; также см. пособия по греческим древностям Г. Бузолята, Г. Гильберта, В. В. Латышева.

ного пришельца, одни в состоянии ему помочь». У Еврипида гонимые всюду Гераклиды — в пьесе того же имени — находят великодушную защиту только в Афинах, в «стране свободной», которая считает ужасным позором выдать чужеземцев, молящих о приюте. Говорят, у афинян существовал даже закон, повелевавший будто бы принимать всех желающих из греков, — известие, основывающееся, по-видимому, на недоразумении и вызванное именно тем фактом, что Афины охотно принимали переселявшихся чужеземцев.

С развитием политического могущества Афин, их господства на море, торговли и промышленности число переселенцев из других стран росло быстро. Государство поощряло этот прилив иностранцев; оно оказывало нередко им разные льготы. Но правом гражданства ¹⁰⁶ чужеземцы в общем в Аттике не пользовались. Этой чести удостоивались лишь отдельные лица, да и то в сравнительно редких случаях и с некоторыми ограничениями. Получивший право гражданства, например, не мог быть одним из 9 архонтов; только сыновья его, если они были рождены от законного брака с афинянкой, вступали во все права афинского гражданина. Поселившиеся в Аттике иностранцы не могли приобретать недвижимость, а если государство предоставляло им эту привилегию, то с ограничением: стоимость приобретаемого дома не должна была превышать 2000 драхм, а стоимость земельного участка — 12 000 драхм. Те иностранцы, которые у себя на родине оказывали какие-либо услуги афинянам, получали титул «гостеприимца», *проксена*, а иногда еще и *эвергета* («благотетеля»). Проксенов сравнивают с нынешними консулами. Они обязаны были принимать у себя частных афинских граждан, а в особенности афинских послов в случае их прибытия, оказывать содействие в их сношениях с правительственными лицами и учреждениями того города и т. п. Взамен проксенам предоставлялись разные почетные привилегии и материальные выгоды в Афинах: доступ в Совет и народное собрание, право приобретать недвижимость, неприкосновенность личности и имущества, иногда освобождение от пошлин, право ввоза и вывоза, почетное место в театре. Афинским сановникам вменялось в обязанность оказывать содействие проксенам, если они в чем-либо будут нуждаться.

¹⁰⁶ *Szanto E.* Das griechische Bürgerrecht. Freiburg-im-Breisgau, 1892.

Иноземцы, прожившие в Аттике дольше известного срока, должны были записаться в число метеков. С другой стороны, в метеки вступали и вольноотпущенники. Таким образом класс метеков пополнялся частью свободными, частью из рабов. Один древний автор говорит, что многие метеки были лидийцами, фригийцами, сирийцами и другими различными варварами. Вероятно, это относится больше к вольноотпущенникам; собственно метеки были преимущественно греки¹⁰⁷. Число метеков в Афинском государстве в пору расцвета демократии превышало 10 000 человек (по Эд. Мейеру, доходило до 14 000), не считая женщин и детей. Метеки могли жить всюду, где хотели: особого какого-либо квартала в Афинах для них не было отведено. Метек обязан был избрать себе простата, «предстателя», патрона. Но тут есть неясность: по свидетельству лексикографов, простат являлся посредником между метеком и правительственными учреждениями, государством; но в действительности мы нигде не видим такой посреднической деятельности простатов. Есть основание думать¹⁰⁸, что простат был необходим лишь для внесения метека в список или реестр: он как бы представлял его дему (метек, разумеется, не становился демотом, а обозначался лишь как живущий в таком-то деме). Во всяком случае, метеки не были клиентами отдельного лица; если их и можно назвать клиентами, то — только афинского народа, государства, у которого они находились под покровительством и защитой.

С метеков взималась особая подать в размере 12 драхм с мужчины и 6 драхм с женщины, если она была одинокая вдова или имела еще невзрослых сыновей. Кроме того метеки платили некоторую сумму за право торговли на рынке. В случае прямого обложения (эйсфора) подлежали ему и метеки, притом в большей доле, нежели граждане. Наиболее богатые участвовали и в литургиях, например в хорегии, но не в триерархии: от последней они были свободны. Метеки привлекались к военной службе в пехоте и участвовали в походах в ближайшие, соседние с Аттикой местности, но не в далеких, заморских экспедициях; во флоте

¹⁰⁷ Xen. Vect., 2, 3. См.: C/erc M. Les meteques atheniens. P. 381—383.

¹⁰⁸ Wilamowitz-Möllndorff U. von. Demotika der Metoeken // Hermes. Bd. XXII. 1887.

они входили в состав экипажа и гребцов. В общем, в отношении повинностей их положение было, в сущности, даже выгоднее, чем положение граждан. Государство их не притесняло и не эксплуатировало в каких-либо фискальных целях. Та подать, которую платили метеки, была невелика и скорее служила лишь отличием их от граждан.

В религиозных процессиях, например в Великих Панафинеях, участвовали и метеки. Вообще они жили общей жизнью с гражданами. Их интересы и судьба тесно были связаны с интересами и судьбой самого государства, того демократического строя, который утвердился в Афинах. Метеки являлись обыкновенно сторонниками этой демократии. В свою очередь государство оказывало им покровительство; оно нуждалось в них; его благосостояние зависело в значительной мере от метеков, которые являлись по преимуществу рабочим, промышленным и торговым классом; без них трудно было бы строить и снаряжать корабли, поддерживать флот на надлежащей высоте. И метека в обыденной жизни трудно было отличить от гражданина: он жил как гражданин, так же одевался, так же держал себя, отличался такой же свободой речи. Это отмечает и автор олигархического произведения¹⁰⁹ времени Пелопоннесской войны, негодуя на «распушенность» афинских метеков. Метек мог даже покупать и держать у себя рабов.

Метеки занимались разнообразными профессиями. Мы видим среди них простых рабочих и ремесленников; были между ними и выдающиеся мастера: аттическая керамика немало обязана своим развитием и славой метекам. Среди этого класса были мелкие торговцы и крупные коммерсанты, особенно по хлебной торговле, находившейся большей частью в руках метеков; капиталисты и банкиры; представители свободных профессий, врачи, артисты, художники, поэты, ученые и ораторы-логографы, т. е. писавшие речи для других — для своих клиентов, которые и произносили их в свою защиту на суде. К этому классу принадлежали такие, например, ораторы, как Исей, и, в особенности, Лисий, «самый славный из афинских метеков». Пример Лисия и его отца Кефала показывает нам, какое положение мог занимать метек в афинском обществе.

¹⁰⁹ Псевдо-Ксенофоновой «Афинской политики».

Кефал был богатый сиракузянин, которого Перикл убедил переселиться в Аттику. Здесь ему дарованы были некоторые привилегии, например уравнивание с гражданами в отношении повинностей (исотелия) и право приобретать недвижимую собственность. Дом этого метека в Пирее был одним из центров, где собирались выдающиеся люди тогдашних Афин — Софокл, Сократ и др. У Платона знаменитый диалог о «Государстве» происходит именно в доме Кефала. Кефалу и его сыновьям принадлежало еще несколько домов и большая фабрика щитов, на которой работало не менее 120 рабов. Сыновья получили прекрасное образование, какое получали молодые люди лучших афинских фамилий: старший, Полемах, обнаруживал склонность к философии; в честь другого, Евтидема, Платон назвал один из своих диалогов; Лисий явился знаменитым оратором. Во время тирании Тридцати Полемах был умерщвлен, а Лисий едва спасся в соседние Мегары, причем один из Тридцати взял находившиеся в доме Лисия в кассе 3 таланта, 400 кизикских монет, 100 дариков и 4 серебряных чаши; кроме того, тираны присвоили 700 щитов, принадлежавших семье Кефала, у которой, как сказано, была фабрика, и «столько серебра, золота, бронзы, украшений, мебели и женских одежд, сколько никогда и не думали иметь»¹¹⁰, а также 120 рабов, из которых лучших оставили себе, остальных же отдали государству. Но Лисий имел еще капиталы, помещенные за границей. В отряд Фрасибула, выступавший на освобождение Афин от тирании Тридцати, он послал 2000 драхм, 200 щитов и 300 наемников, нанятых и вооруженных на его счет. Все это показывает, какими средствами располагал метек Кефал и его сыновья.

И все же метеки не были полноправны: они не участвовали ни в народном собрании, ни в суде, не могли быть сановниками; их делами, как неграждан, «чужих», ведал полемарх; их браки с афинянином или афинянкой не признавались законными и дети от таких браков, в силу Периклова закона, не имели прав гражданства; метеки не могли приобретать недвижимую собственность. Впрочем, привилегии, предоставлявшие отдельным лицам право брака и приобретения недвижимости, исотелию, уравнивавшую с гражданами в отношении повинностей, освобождение от особой пода-

¹¹⁰ Речь самого Лисия против Эратосфена (*Lys.*, XII, 8—19).

ти, право выступать в поход в отряде граждан, доступ в Совет и народное собрание (в смысле непосредственных сношений с этими учреждениями), — все такие личные привилегии им давались легко, по постановлению афинского народа. Только право гражданства доставалось с трудом: его получали лишь немногие. Даже Лисий, не смотря на свою славу оратора-логографа и на все услуги, оказанные демократии, не пользовался им. По предложению Фрасибула, главного деятеля по освобождению Афин от тирании Тридцати, Лисию, правда, постановлено было предоставить право гражданства, но против этого выступил с графэ параномон, ссылаясь на несоблюдение некоторых формальностей, другой деятель по восстановлению демократии, Архин, и состоявшееся уже постановление было потом отменено.

Весьма многочислен в Аттике был класс рабов¹¹¹. Правда, цифра, которую встречаем у одного древнего автора (Афиней) и которую прежде принимали — 400 000, — по новейшим исследованиям¹¹² оказывается неверной; но все-таки рабов в Афинском государстве было почти столько же, сколько граждан, около 40 000—60 000, не считая женщин и детей. Это были в громадном большинстве «варвары» из Лидии, Фригии, Пафлагонии, Сирии, Фракии и особенно из Скифии. Рост рабства обусловливался развитием промышленности и богатства; можно сказать, что он был прямо пропорционален этому развитию. Промышленность требует новых рук. Свободные рабочие, особенно сельские, оказываются мало подходящими. «Свободные граждане, — говорит Эд. Мейер¹¹³, — хотя бы и угнетаемые сильной нуждой, не проявляли особенной склонности вырабатывать в себе техническую сноровку». Притом свободные рабочие стоят дорого. «Они

¹¹¹ О рабах см.: *Wallon H. Histoire de l'esclavage dans l'antiquité. 2-me éd. Paris, 1879* [есть рус. пер. (неполный): *Валлон А. История рабства в античном мире* / Пер. с франц. С. П. Кондратьева. М., 1941. — *Примеч. науч. ред.*]; *Мейер Эд. Рабство в древнем мире* / Пер. с нем. А. Вихарского. М., 1899; *Куторга М. С. Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике* // *Собрание сочинений*. Т. I. СПб., 1894.

¹¹² Главным образом К. Ю. Белоха (см. его работу: *Beloch K. J. Die Bevölkerung...*).

¹¹³ *Мейер Эд. Рабство в древнем мире*. С. 38—39.

требуют такой платы, на которую могли бы жить; их нужно сначала обучить делу, а еще спорный вопрос, возвратят ли они предпринимателю затраченный на их подготовку капитал; но, прежде всего, они — свободные граждане, юридически и политически стоящие наравне с работодателями, совсем не то, что на Востоке люди, с малолетства привыкшие к невольнической жизни. Но промышленность нуждается в возможно дешевых рабочих, силы которых, раз они попали в ее руки, она старается использовать наиболее полным образом... За небольшой капитал предприниматель покупает рабочую силу, которую он может обучить для своих целей и затем использовать до конца... А самое главное — работник юридически совершенно в его власти; он может эксплуатировать его силы гораздо интенсивнее, чем это возможно с рабочей силой свободного человека».

В пору расцвета афинской демократии мы видим рабов всюду — в доме, в поле, в лавке, в банкирской конторе, в мастерских, на тогдашних фабриках, на торговых судах в качестве гребцов и особенно в рудниках. Они и чернорабочие, и домашняя прислуга, и мастера, и надсмотрщики, управляющие, писцы, счетчики, мелкие служащие, наконец — воспитатели-«педагоги». Редко какой состоятельный афинянин не имел хотя бы одного-двух рабов. Другие содержали их несколько десятков: у отца Демосфена на фабрике мечей было 32—33 раба; у Лисия, как мы видели, — 120, а Никий в арендуемых им рудниках имел 1000. Держали рабов не только для себя или для своего предприятия: их отдавали в наймы и другим. Никий разработку рудников предоставил фракийцу, поставленному над рабами. Нередко рабы жили отдельно от господина, который за известный оброк предоставлял им заниматься ремеслом.

Главными рынками, где продавались рабы, кроме упомянутого уже раньше Хиоса, были Делос, Византий и некоторые другие пункты. В самих Афинах был рынок, где на особой эстраде, в обнаженном виде, выставлялись рабы для продажи. Цена на рабов была разная в зависимости от пола, возраста, качеств или обучения раба. В среднем она равнялась 2 минам; рабы, предназначавшиеся для черной работы, стоили дешевле, а обученные, искусные в разных мастерствах, оценивались в 5—6 и даже 10 и более мин. Обычно раб приносил господину прибыли по 1 оболу в день. Та-

кой доход получал Никий со своих 1000 рабов, работавших в рудниках; в год это составляло 10 талантов. Опытные мастера, стоившие дороже, доставляли и прибыли больше. 32 или 33 кузнеца на фабрике Демосфенова отца приносили дохода 30 мин в год, т. е. около 100 драхм каждый, а 20 столяров — 12 мин, т. е. каждый по 60 драхм в год или 1 обол в день. Считая стоимость раба по 2 мины, это составит 30% на затраченный капитал¹¹⁴.

На рабов иногда налагали оковы, чтобы они не бежали. Их можно было подвергать телесному наказанию (обыкновенно плетью). В тех случаях, когда свободный человек подвергался штрафу, раб отвечает своим телом, т. е. подвергается телесному наказанию. Одна надпись гласит, что в известных случаях со свободного человека полагается 50 драхм пени, а раб должен получить 50 ударов¹¹⁵. По отношению к рабу при процессах допускалась пытка. На суде его представителем являлся господин. Вообще раб был собственностью господина; его как бы вещью, «одушевленным орудием» или «органом»; он был «тело» (σῶμα), по тогдашней терминологии, и господин по отношению к нему пользовался теми же правами, что и по отношению ко всякому иному предмету собственности. Но в действительности этот принцип смягчался, подвергался разным ограничениям, и положение рабов в Афинах было все же гораздо лучшим, чем во многих других государствах древнего мира. И тут сказывалась гуманность и благоразумие афинян, побуждавшие их щадить рабов, не доводить до ожесточения такой многочисленный класс; и тут царство закона и демократическая свобода были в пользу рабов¹¹⁶. Государство брало последних под свою защиту. Например, запрещалось дурно обращаться с чужим рабом; виновный в этом подлежал ответственности — предавался суду и платил штраф. Еще по Дракотову законодательству за убийство раба полагалось наказание, как и за убийство свободного. Господину не позволялось убивать или казнить своего раба. Даже если раб заслужил смерть, убил, на-

¹¹⁴ Белох Ю. История Греции. Т. I. С. 228.

¹¹⁵ Beauchet L. Histoire du droit privé de la republique athenienne. T. II. Paris, 1897. P. 425 s.

¹¹⁶ Busolt G. Die griechische Staats- und Rechtsaltertumer. 2 Aufl. München, 1892. S. 196.

пример, своего господина и был схвачен на месте преступления, то родственники убитого не могли сами подвергнуть его смерти, а должны были представить его властям, чтобы последние применили к нему наказание, следуемое по закону. В случае жестокого обращения со стороны господина раб мог воспользоваться правом убежища — в храме Тесея или в святилище Эвменид, — мог спастись, выражаясь словами Еврипида, «под защиту алтаря, как преследуемый зверь под защиту камня», и даже требовать, чтобы его продали другому господину. Рабы имели доступ в святилища и участвовали в религиозных празднествах; они могли даже, если были греки, быть посвященными в элевсинские мистерии. Но посещать гимнасии и палестры им было запрещено. К службе во флоте они привлекались только в исключительных случаях; так было в 406 г., перед битвой при Аргинусах, причем рабам, поступившим во флот, обещана была свобода. Рабы, которым за известный оброк предоставлялось жить отдельно от господина и заниматься ремеслом, пользовались, разумеется, большей свободой, могли приобретать средства и выкупиться на волю.

Кроме рабов, принадлежавших частным лицам, в Афинах были и рабы государственные¹¹⁷, т. е. составлявшие собственность государства и ему служившие. Это — «стрелки» или «скифы», в числе сначала 300, а впоследствии 1200, отправлявшие полицейскую службу, глашатаи, тюремщики, писцы и т. п. Положение государственных рабов было гораздо лучше положения остальных; они получали жалованье, имели свое жилище, свое хозяйство, пользовались известным досугом и некоторой независимостью, вообще приближались скорее к метекам.

Рабы могли получать свободу посредством выкупа; случалось, что господин и даром отпускал раба на волю или государство давало свободу рабам за какие-либо заслуги, например, за то, что они храбро сражались при Аргинусах, а чаще за донесения о государственном преступлении, раскрытие опасных замыслов и т. д. В таком случае господину возмещалась стоимость раба. Отпущенный на волю вступал в класс метеков, но продолжал, однако, находиться в некоторой зависимости от прежнего господина, например, должен был

¹¹⁷ Waszynski S. Rechtliche Stellung der Staatssklaven in Athen // Hermes. Bd. XXXIV. 1899.

именно его избирать себе в «простаты», нес некоторые обязанности по отношению к нему и в случае нарушения их, по приговору суда, мог опять возвратиться в рабство; если он умирал бездетным, то наследником его являлся прежний господин.

Вольноотпущенники в Афинах не представляли собой такого многочисленного и влиятельного класса, как это было впоследствии в Риме. Но все-таки они играли иногда видную роль. Таков, например, писец Никомах, «из раба сделавшийся гражданином, из нищего — богачом, из помощника секретаря — номофетом», законодателем. Таков, в особенности, Пасион (в IV в.). Он был рабом у одного афинского менялы и своим трудолюбием и честностью приобрел такое его расположение, что тот даровал ему свободу и передал даже свое дело. Пасион сделался первым банкиром тогдашних Афин. Кроме того, он имел большую фабрику оружия. За услуги государству народ даровал ему и его потомкам право гражданства. В старости Пасион передал свое дело вместе с фабрикой Формиону, который сначала тоже был рабом, потом вольноотпущенником и исполнял обязанности нынешних бухгалтеров и кассиров. Кроме того, Пасион завещал своей жене выйти замуж за Формиона, которого назначил опекуном одного из своих сыновей.

Рабы нередко являлись лицами, близкими к семье господина, верными и преданными его домочадцами. Некоторые надгробные надписи трогательно выражают привязанность питомцев к их воспитателям и кормилицам из класса рабов. В произведениях афинских трагиков мы встречаем также немало примеров этому. Ксенофонт в число обязанностей хозяйки ставит заботу о больном рабе, чтобы за ним был достаточный уход. Вообще тогдашняя литература изображает положение раба в Афинах не особенно тяжким. Рабы, например, у Аристофана не отличаются робостью; они не запуганы. Они нередко фамильярны и дерзки. Ксанфий в «Лягушках» — скорее младший товарищ Диониса, нежели невольник. Но особенно характерно свидетельство автора олигархического произведения¹¹⁸ времени Пелопоннесской войны, который негодует на то, что рабы в Афинах, как и метеки, отличаются крайней «распушенностью»: в Афинах нельзя ударить раба; он не уступит тебе дороги; по одежде и по внешнему виду он не отличается от сво-

¹¹⁸ Псевдо-Ксенофонт «Афинской политики» (I, 10—12).

бодного; рабам позволяется там нежиться, а некоторым даже жить пышно; но где рабы богаты, там нет нужды, чтобы мой раб боялся тебя, ибо в таком случае он станет жертвовать своими средствами, чтобы не подвергать риску свою жизнь. Мы, замечает автор, предоставили рабам такую же свободу речи, как и не рабам. Об этом говорит в IV в. и Демосфен (в своей третьей «Филиппике»): «Вы, — напоминает он афинянам, — считаете свободу речи настолько общим достоянием всех, что уделили ее и чужеземцам, и рабам; у вас многие рабы говорят, что хотят, с большей свободой, нежели в некоторых других государствах граждане».

Но хотя в Афинском государстве положение рабов и было лучше по сравнению с другими странами, многие из них, естественно, были недовольны своей участью. Некоторые источники¹¹⁹ говорят о том, что и в Афинах рабы были «дурно настроены» против господ. Массовых восстаний рабов, какие происходили в Риме, в Аттике не бывало; но рабы иногда бежали от господ. Когда, например, спартанцы заняли Декелею во время Пелопоннесской войны, то к ним перебежало из Афин до 20 000 рабов, большей частью ремесленников.

Как известно, Аристотель отстаивал необходимость рабства; по его мнению, сама природа предназначила одних к тому, чтобы быть свободными, других к тому, чтобы быть рабами. Но еще во второй половине V в., в эпоху просвещения и эмансипации личности, высказывались иные воззрения, осуждавшие рабство и ставившие раба наравне со свободным. Воззрения эти мы встречаем у софистов и у Еврипида. По словам, например, Алкидама, бог всех нас создал свободными; природа никого не сделала рабом. У Еврипида, с одной стороны, высказываются мысли, что раб, который размышляет больше, чем следует, величайшее бремя для дома, и нет ничего хуже и бесполезнее подобной собственности; что нехорошо покупать или держать раба, который умнее господина, что тот глупец, кто доверяет рабу; для раба чрево — все; больше он ни о чем не думает. С другой стороны, рабство выставляется величайшим несчастьем; это — насилие и несправедливость. Если и у Эсхила говорится о необходимости хорошо, кротко обращаться с рабами, то особенно на этом настаивает Ев-

¹¹⁹ Например, Лисий в одной из своих речей (VII, 34).

рипид. У него ярко изображается несчастное положение рабов, которые, несмотря на свой тяжелый труд, позволяющий господам наслаждаться жизнью и развивать свой ум, обречены на положение рабочего скота¹²⁰. Еврипид отводит рабам видное место в своих пьесах, часто изображая их преданность, верность и то, как они разделяют горе и радость господ; у него рабы, наравне с другими, рассуждают о вопросах религии, политики и нравственности. Мало того: в одной из трагедий устами хора Еврипид провозглашал ту мысль, что и благородные и неблагородные — одинакового происхождения; мать-земля дала всем одинаковый вид; ничего такого, что нас отличало бы друг от друга, мы не получили от природы; только время и обычай установили различие между людьми и возвеличили благородное происхождение¹²¹. Раба благородного имя не опорочит; многие из них — из рабов — лучше свободных, говорится у Еврипида в другом месте¹²². Или:

...У раба
Позорно только имя. Если честен,
Так чем же он свободным не чета?

Ion, I, 489 / Пер. И. Ф. Анненского

У Еврипида высказывается мысль, что если рабы обыкновенно ниже свободных по своим умственным и нравственным качествам, то в этом виновата не природа, а люди и обстоятельства, поставившие их в такое положение, что хорошие качества рабов не могут развиваться.

Но не следует думать — как полагали это раньше, — будто рабство совершенно вытеснило и устранило свободных рабочих: наряду с рабским трудом продолжал существовать и свободный труд¹²³, и последний играл видную роль в V в. Каменщики, плотники, маляры и пр., возведшие в Афинах грандиозные постройки, были большей частью свободные люди, хотя у иных в их распо-

¹²⁰ Беляев Д. Ф. Воззрения Еврипида на сословия и состояния, внутреннюю и внешнюю политику Афин // ЖМНП. 1882, сентябрь. С. 372.

¹²¹ Отрывок из «Александра». См. статью: Беляев Д. Ф. Воззрения Еврипида на сословия и состояния, внутреннюю и внешнюю политику Афин // ЖМНП. 1882, сентябрь. С. 363, 376.

¹²² В отрывке из «Меланиппы».

¹²³ Что доказано К. Ю. Белохом, Эд. Мейером, Р. фон Пёльманом и др.

ряжении и находилось по 1—2 раба. Вспомним, что строительная деятельность вождей афинской демократии имела целью дать заработок безработной массе *свободного населения*. Документальные свидетельства — уцелевшие отрывки счетов по постройке Эрехтеона 124 — показывают, что ремесленники, подмастерья, носильщики — частью граждане, частью метеки, но почти без исключения — люди свободные. Но все же свободный труд встретил в рабском труде опасного, можно сказать, неодолимого соперника, который отнимал хлеб у многих свободных граждан, принуждал их к праздности или заставлял неимущего гражданина работать за ничтожную плату, идти в наемники и т. п. Рабство усиливало перевес капитала и способствовало увеличению имущественного неравенства. Оно заставляло государство брать на себя трудную задачу — заботиться о существовании неимущих граждан. Пока государство было сильно, оно выполняло эту задачу, но стало падать его могущество, — и в благосостоянии и численности населения должен был наступить быстрый регресс. Рабство содействовало наступлению тех социальных кризисов, которые впоследствии погубили Грецию¹²⁵.

Впрочем, все это стало обнаруживаться лишь впоследствии: пока Афины были еще могущественны, находились в поре расцвета и благосостояние разливалось широкой волной среди населения.

Отношение к союзникам

Афинское государство при Перикле обнимало не одну Аттику; оно представляло обширную державу, которой подчинено было, если верить Аристофану, до 1000, а судя по спискам дани — более 200 союзных городов, плативших форос. Города эти, вскоре после торжества Перикла над Фукидидом Алопекским, были разделены на несколько округов: ионийский, геллеспонтский, фракийский, карийский, островной. После Самосского восстания, о котором речь

¹²⁴ CIA (= IG), I, № 321-324.

¹²⁵ Мейер Эд. 1) Рабство в древнем мире. С. 43—44; 2) Экономическое развитие древнего мира. С. 59, примеч.; Белых Ю. История Греции. Т. I. С. 180.

впереди, вследствие отпадения многих городов в Кarii и Ликии, карийский округ соединен, был с ионийским. Это деление на округа имело значение не только в финансовом отношении, при раскладке фороса, но иногда и в военном и административном. Таким образом, владычество Афин простиралось на все почти острова и береговую полосу Эгейского моря в Македонии, Фракии и Малой Азии, на берега Пропонтиды, и, значит, могущество их, само благосостояние, во многом зависело от верности союзников, от отношения последних к ним.

Союзники афинские делились на два разряда — на автономных и неавтономных, т. е. подчиненных, плативших форос. Обязанность первых состояла только в поставке известного контингента флота; фороса они не платили. Во внутренних своих делах они пользовались полной свободой и независимостью. Афиняне не трогали даже аристократической формы правления, где она существовала. Такими автономными союзниками ко времени Периклова полновластия были лишь три больших острова — Лесбос, Хиос и Самос. Остальные союзники принадлежали ко второй категории — к подчиненным. Но степень зависимости последних была не совсем одинакова; их отношения с главой союза определялись большей частью отдельными договорами. Благодаря таким договорам, афинское господство получало законный характер, а вместе с тем различие в положении союзников вносило известную рознь между ними, мешало им сплотиться против главы союза и, таким образом, упрочивало владычество Афин, державшихся тут, очевидно, правила: *divide et impera*.

Тем не менее в положении подчиненных союзников можно отметить общие черты, служившие их отличием от союзников автономных.

Во-первых, взамен доставки флота союзники неавтономные платили форос. По свидетельству Фукидида, а за ним и других авторов древности, ежегодная общая сумма первоначального фороса, установленного Аристидом, равнялась 460 талантам, цифра, которая не покажется такой большой, если принять во внимание, что соответствовавшая по своим размерам первая персидская сатрапия платила царю дань несколько даже большую¹²⁶.

¹²⁶ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. III. S. 492.

вам Фукидида, перед началом Пелопоннесской войны афиняне получали ежегодного фороса с союзников обыкновенно 600 талантов. С другой стороны, из сохранившихся надписей выходит, что сумма ежегодно получавшейся при Перикле дани далеко не достигала означенной цифры. Показание Фукидида, вероятно, не совсем точно; тут нужно, может быть, подразумевать, кроме фороса, еще и другие доходы с союзных городов. Как бы то ни было, даже и эта цифра (600 талантов) не должна казаться большой в сравнении с прежней; увеличение общей суммы еще не показывает, что союзники были больше обременены: увеличилась не доля, которую платил каждый город, а число городов, заменявших доставку флота денежными взносами. Для характеристики отношения афинян Периклова времени к союзникам чрезвычайно важны данные, черпаемые из надписей. Оказывается, что при первой же возможности форос уменьшался. Заключено было со Спартой пятилетнее перемирие, прекращалась наступательная борьба с Персией, и форос понижался. Стремление к уменьшению дани отдельных городов обнаруживается в раскладке 450 г. и еще более в раскладке 446 г. Но характерен сам порядок, которого держались афиняне при раскладке фороса.

Пересмотр списков дани и новая ее раскладка производились обыкновенно каждые четыре года. Раскладку производил Совет. Союзникам предоставлено было право апелляции: если какой-либо город находил раскладку несправедливой и наложенную на него сумму фороса слишком большой, то он мог протестовать и обратиться к суду геллиастов, решение которых было окончательным.

Случалось, что союзные города часть следуемой с них дани покрывали единовременной уступкой земли по договору, обыкновенно для поселений афинских клерухов. Иногда несколько городов вносили форос сообща, составляя так называемые *синтелии*.

Союзники должны были доставлять форос в Афины весной, к празднику Великих Дионисий. В случае недоимок за сбором следуемого фороса афинянами отправлялись особые должностные лица, а в содействие им отряжались эскадры под начальством одного или нескольких стратегов. Такие экзекуции, конечно, были особенно ненавистны союзникам. Замечательно, однако, что в случае недоимок, если, например, союзный город утверждал, что он уплатил следуемый с него форос, производилось следствие и дело разби-

ралось *судом* в Афинах. К Великим Панафинеям союзные города обязаны были доставлять по быку и паре овец. Это было как бы символом их единения с Афинами; афинские колонисты и клерухи обязаны были делать то же, а Элевсинским богиням — Деметре и Персефоне — союзники должны были доставлять ту же долю «начатков» жатвы, что и сами афиняне. Уполномоченные союзных городов участвовали в жертвенных пиршествах и в религиозных процессиях. Являясь в Афины с форосом и с дарами, они воочию видели все богатство умственной и художественной жизни афинян; перед их глазами раскрывался весь блеск и все могущество главы союза...

Как уже раньше сказано, союзная казна в середине V в. была перенесена в Афины, перешла в распоряжение главы союза. Но прежде столь распространенное мнение, будто бы при Перикле Афины украшались за счет союзников, далеко не точно: средства тут брались не все от союзников; немало сумм бралось и из городской кассы, из казны богини Афины и «других богов» и т. д. Знаменитая статуя «Парфенос» Фидия воздвигнута была на деньги, выданные казначеями богини из храмовых сумм. Средствами для постройки Пропилеев служили: доходы от отдачи в аренду домов или участков земли, принадлежавших богине, выручка от различных проданных предметов, проценты с отданных в заем денег, наконец, и прямые выдачи из казны казначеев богини и из кассы эллинотамиев. Есть даже мнение, что из союзной казны брались средства только на такие здания и предметы, которые имели какое-либо отношение к союзу или его покровительнице, богине Афине. Большая часть получаемой дани или служила для пополнения запасного фонда, или шла на то, на что форос и первоначально предназначался, — на военные нужды, на содержание флота; не хватало на войну фороса, афиняне не щадили и других средств, делая заем из казны богини и т. п., не говоря уже о том, что обычные, текущие расходы Афины покрывали из собственных средств.

Форос заменял поставку кораблей, но не сухопутного войска; платя форос, союзники не совсем освобождались от военной повинности: они должны были поставлять афинянам отряды пехоты, гоплитов. Но автономные города были свободны от таких повинностей.

На строй неавтономных, подчиненных союзных городов афиняне оказывали большее или меньшее влияние и вмешивались в их внутренние дела. Из дошедших до нас договоров афинян с Эрифрами, Колофоном, Халкидой мы видим, как союзники давали клятву верности сначала Афинам и союзу, а позже — только одному «демосу афинскому». Во многих союзных городах афиняне ставили постоянные гарнизоны с фрурарами (комендантами) во главе. Иногда они отправляли к ним так называемых «епископов»; это была не обычная, постоянная должность, а чрезвычайная. Обязанность их состояла в наблюдении за политическими отношениями, в установлении порядка, в организации и реформе управления города. Случалось, что для этой цели избиралась особая комиссия.

Наглядный пример зависимости союзников и влияния Афин на их внутренние дела представляют дошедшие до нас в виде надписей договоры с малоазийским городом Эрифрами и с Халкидой на Эвбее. Первый¹²⁷ обыкновенно относят ко времени вслед за битвой при Эвримедонте; следовательно, это — памятник скорее Кимоновой эпохи. Второй состоялся после подавления восстания Эвбеи в 445 г. и характеризует положение союзников в Периклово время.

Договор с Эрифрами постановлял, что в городе этом должен быть Совет из 120 выбранных по жребию членов. Докимасия избранного должна происходить перед Советом. Членом последнего никто не мог быть моложе 30 лет; уличенным в нарушении этого правила грозило преследование. Раньше четырех лет нельзя было вторично быть членом Совета. На первый раз произвести выборы должны были «епископы» и фрурарх, а на будущее время это предоставлялось состоящему в должности совету и фрурарху. Каждый член Совета прежде вступления в должность обязан был дать клятву именем Зевса, Аполлона и Деметры перед пылающими жертвами, призывая, в случае нарушения ее, гибель на главу свою и детей своих. За исполнением этого должен был наблюдать находящийся в должности Совет; в противном случае он подвергался штрафу в 1000 драхм или к какому присудит его эрифрейский народ. Дававший клятву обязывался исполнять как

можно лучше и добросовестно свои обязанности по отношению к эрифрейскому народу, афинянам и союзникам, не отлагаться от Афин и союза, не переходить к врагам и других не склонять к этому, без ведома афинян и эрифрян не принимать изгнанников и бежавших к «мидянам» и никого не изгонять и т. д. В договоре имелись постановления, определявшие наказания за преступления и разного рода проступки.

Договор с Халкидой показывает нам, как усиливается во время Перикла власть Афин над союзниками, как увеличивается степень зависимости последних. По постановлению народного собрания афинский Совет и дикасты должны дать клятву в том, что не изгонят халкидян из Халкиды и не разрушат города, никого не подвергнут ни атимии (лишению чести, прав), ни изгнанию, ни заточению, ни казни, ни отобранию имущества без суда и согласия афинского народа; без предварительного вызова не будут пускать решения на голоса, будет ли дело идти о целой общине или частном лице; в случае прибытия халкидского посольства введут его в Совет и в народное собрание по возможности в течение десяти дней. Все это обещают соблюдать, пока халкидяне будут повиноваться афинскому народу. Со своей стороны халкидяне должны поклясться, что не отпадут от афинского народа ни хитростью, ни происками, ни словом, ни делом, и если кто восстанет, то не послушают его, а донесут афинянам, — что будут платить форос, какой назначат, по выслушании их заявлений, афиняне; будут их союзниками сколь возможно лучшими и вернейшими, будут повиноваться афинскому народу, помогать ему и отражать того, кто стал бы ему причинять вред. Давать клятву должны были все взрослые халкидяне, а кто не даст, тот подвергается бесчестию: его имущество конфискуется и десятая часть посвящается Зевсу Олимпийскому (храм которого находился в Халкиде). Из дальнейших пунктов отметим тот, который касался живущих в Халкиде чужеземцев: платящие в Афины — очевидно, афинские метеки — и те, кому дана афинским народом ателия (свобода от податей), не должны были платить в Халкиде; все же остальные платят там подобно прочим халкидянам. А в конце псефизмы прибавлялось, что халкидяне по отношению к своим согражданам имеют право налагать наказания, подобно тому, как в Афинах афиняне, за исключением изгнания, казни и атимии; в последних

¹²⁷ CIA (= IG), I, № 9; Ditt. Syll², I, № 8.

случаях — значит, и во всех политических процессах — дело должно быть перенесено в Афины, «в гелиэю фесмофетов», т. е. в суд присяжных.

Но, конечно, не всегда зависимость союзников была так велика, и не всегда афиняне доходили до такого, можно сказать, мелочного вмешательства во внутренний строй союзного города. Положение союзников и в этом отношении представляло немало разнообразия. Можно сказать только, что афиняне вообще старались поддерживать демократический строй в городах, покровительствовали больше демосу, чем аристократии, что вполне естественно; в союзных городах опорой афинского владычества была народная масса, демократы; на них только мог положиться афинский демос; знатные сочувствовали враждебным ему силам и искали опору в Спарте. По свидетельству даже нерасположенного к демократии автора Псевдо-Ксенофонтового памфлета об Афинском государстве, если бы афиняне были за знатных, то они бы оказали содействие враждебному им элементу (3, 10); если бы в союзных городах приобрели силу знатные и богатые, то недолго пришлось бы владычествовать афинскому демосу (1, 14). Тот же автор признается, что всякий раз, когда афиняне принимали сторону аристократии, им не везло (1, 11).

Но самым полным выражением централизации и зависимого положения неавтономных союзников было подчинение их суду афинскому. Право суда афинян над союзниками развивалось естественно и постепенно. Это — прямое наследие, полученное Афинами от союзного собрания, заседавшего некогда на острове Делосе. Понятно, что всякий проступок против союза и союзного устройства подлежал суду Афин как главы этого союза; далее, в случае столкновения и распри двух членов союза между собой, гражданина одного города с гражданином другого, кто же являлся естественным посредником и судьей, как не Афины? Дошло до того, что самим союзникам предоставлено было решение лишь немногих мелких дел; дела же политические и уголовные подлежали суду афинскому, как показывает и договор с Халкидой. Даже частные процессы, превышавшие известную сумму или меру наказания, должны были переноситься в Афины, хотя и тут общей нормы, обязательной для всех подчиненных союзников, также, вероятно, не было.

Нелегко, конечно, было союзникам отправляться по судебным делам из своего города в Афины. В лице гелиастов далеко не всегда встречали они беспристрастных судей; подчас суд принадлежал стороне заинтересованной; в случае процесса между афинянином и неафинянином последний оказывался не в одинаковом положении со своим противником: для афинянина гелиасты были люди свои, равные ему, для неафинянина — это были люди чужие и притом его повелители. Но еще вопрос, много ли выиграло бы правосудие, если бы афиняне совсем не вмешивались в судебные дела своих союзников. В союзных городах существовали партии, и суд легко мог сделаться орудием самой ожесточенной их борьбы; сторонники афинского господства могли подвергаться судебным преследованиям и наказаниям из-за того только, что они были преданы Афинам. Об этом прямо свидетельствует автор олигархического произведения, Псевдо-Ксенофонтовой «Афинской республики» (1, 16). Честь и выгоды Афинского государства требовали не допускать этого, и вот чем объясняется постановление договора с Халкидой, гласящее, что суд по обвинениям, которые влекут за собой смертную казнь, изгнание и атию, должен переноситься в Афины. Право суда было одним из средств для поддержания афинского владычества и упрочения афинского влияния. Но и тут важен был сам принцип: имея возможность употреблять силу, афиняне предпочитали предоставлять дело суду; афинский гражданин подлежал ответственности наравне с союзником; суд творился по законам, равным для обоих. Таким путем устранялись и обуздывались насилия, произвол и самоуправство отдельных граждан Афин по отношению к союзникам; последние могли искать себе защиты и требовать к суду афинских должностных лиц, стратегов и др. И действительно, демос союзных городов видел в афинской демократии, с ее судом, свое прибежище.

Характеристика положения афинских союзников была бы не полна, если бы мы не упомянули хотя бы вскользь о так называемых *процессах по договорам* (δίκααι ἀπὸ συμβόλων). Это были дела, возникавшие из-за нарушения имущественных обязательств, торговых сделок, контрактов и т. п., по которым судопроизводство определялось особыми договорами. Договоры подобного рода могли заключаться не только между частными лицами, афинянином и неафинянином, но и между общинами, между Афинами и отдельными

гражданами других, даже и несоюзных, городов, между афинянином и каким-либо городом. Для развития торговли это имело большое значение. Без таких договоров гражданин одного города часто не имел бы никакой возможности добиться своих прав при нарушении обязательства или сделки гражданином другого города. Притом процессы по договорам должны были рассматриваться без проволочек, в течение месяца; апелляция не допускалась, по крайней мере со стороны ответчика. Суд происходил и не в Афинах, по мнению одних — вообще в месте заключения договора, по мнению других — в городе, где жил ответчик. Конечно, заключая договоры относительно решения торговых сделок, афиняне умели соблюсти свои выгоды; но важно то, что здесь союзник стоял совершенно на равной ноге с афинским гражданином: оба они судились по одинаковому праву, афинскому гражданину иногда приходилось вести дело не в Афинах, а перед судом союзного города, и этот суд в таком случае имел одинаковую компетенцию с судом афинским.

Наконец, следует еще отметить, что в союзных городах вводились аттические меры веса и монеты.

Таково было в общих чертах положение афинских союзников в Периклово время. Мы видим тут централизацию, которая естественно вытекала из предыдущего хода дел: афиняне, так сказать, брали то, что само давалось им в руки. Союзникам взамен утраченной независимости они давали многое. Прежде всего, они доставляли им полную безопасность; афиняне выполнили принятые некогда на себя обязательства и сами несли немало трудов и жертв; они действительно стояли на страже Эгейского моря, держа в отдалении варваров. Союзники пользовались и торговыми выгодами. Под покровительством Афин, благодаря миру и безопасности, развивалось их материальное благосостояние. Основывая колонии, афиняне принимали иногда в число поселенцев и союзников. Благодаря афинской гегемонии, мелкие союзные города гарантированы были от притеснений со стороны более сильных соседей. Тем не менее, если не считать всего этого да той поддержки, которую афинский демос оказывал демократиям в союзных городах, между Афинами и союзниками не было глубокой общности интересов и неразрывной, органической связи. Афиняне не старались замаскировать свое владычество, предоставив союзникам хотя бы тень влияния посредством участия в обсуждении таких дел, которые

касались всего союза. Это было господство меньшинства привилегированных граждан над массой подчиненных ему союзных «подданных». Последние не могли, например, вступать в законный брак с афинянином или афинянкой, не могли приобретать недвижимость в Аттике, не говоря уже о политических правах. Словом, право афинского гражданства на союзников не распространялось. Афины не дошли до того, чтобы неразрывно связать их с собой, уравнивая в правах с гражданами, вроде того, как впоследствии поступил Рим с завоеванными областями. Правда, во времена кризиса, после злосчастной Сицилийской экспедиции, у афинян, может быть, являлась мысль дать и союзникам право гражданства. Намек на это видят у Аристофана: Лисистрата — в комедии того же имени — советует при управлении государством поступать так, как женщины поступают при прядении шерсти, — между прочим, надо смешать в одну кучу и метеков, и чужих, и друзей, и кто должен государству, и уразуметь, что города, которые составляют колонии «этой земли», т. е. Аттики, лежат, как клоки шерсти, разбросанные, каждый отдельно; и вот, от всех их взяв клочок шерсти, следует свезти сюда, в Афины, и собрать в одно, сделать затем большой клубок и из него соткать демосу плащ (579 sq.). Но мысль эта, если и была, промелькнула, не оставив следа. В самом конце Пелопоннесской войны, после поражения при Эгоспотамах, афиняне даровали право гражданства самосцам, но было уже поздно.

Централизация, которую проводили афиняне в отношении союзников, глубоко противоречила исконным греческим воззрениям и стремлениям; она была не в духе народа. Союзники не могли вполне примириться с потерей свободы. Как бы ни было легко афинское иго, но уже один тот факт, что они подчиненные, что они были лишены независимости, мог делать афинское владычество для них ненавистным. Владычество это было все же «тиранией», по осознанию самих вождей афинского демоса¹²⁸ — конечно, в древнем, греческом смысле слова, а не в нынешнем. Врагами Афин являлись по преимуществу аристократы, и попытки к свержению афинского ига исходили именно от них. Подтверждением служат события времен Пелопоннесской войны. Подтверждается это и примером Самосского восстания при Перикле.

¹²⁸ Перикла и Клеона (*Thuc.*, II, 63; III, 37).

Самос принадлежал к числу немногих еще автономных союзников афинских. На острове господствовала аристократия, и афиняне не трогали существовавшего там порядка. Но в 440 г. Самос восстал против Афин. Поводом послужила его распря с Милетом из-за города Приены. Афины обратились к Самосу с требованием предоставить решение спора с Милетом их посредничеству. Но самосцы, как видно, опасались пристрастия Афин в пользу Милета и отказались подчиниться их требованию. Для Афин положение дел было серьезное. Самосцы находили поддержку со стороны персидского сатрапа, искали опоры и у Пелопоннесского союза, и еще счастье для афинян, что коринфяне высказались против вмешательства. Важный по своему географическому положению Византий, быть может, недовольный стеснением своей торговли вследствие взимания афинянами пошлины у проливов, последовал примеру Самоса. Есть основание думать, что и города Карики отложились от Афинского союза. Словом, господству Афин на море грозила опасность. Сама осада Самоса Периклом затянулась: самосцы сдались лишь на девятый месяц осады (439 г.); они обязались выдать свой флот, срыть стены, дать заложников и уплатить афинянам по частям расходы по войне. Вслед за Самосом покорился и Византий. Зато в карийском округе афинянам не удалось вполне возратить утраченное.

Так кончилось Самосское восстание, подавление которого стоило афинянам больших усилий и расходов. Оно показало, что Афинский союз не незыблемо прочен. Но пока силы Афин были свободны, пока не грозил им могущественный внешний враг, они могли справляться с движениями в среде союзников.

Но недолговечен был пышный расцвет афинской демократии: наступали годы тяжелой и долгой войны, годы испытаний и кризиса.

Начало Пелопоннесской войны

Предшествовавший ход истории со времен нашествия персов привел Грецию к дуализму, к господству двух союзов, глубоко противоположных и враждебных один другому. Во главе одного стояли Афины, во главе другого была Спарта. В одном господствовала система строгой централизации; прежде равноправные члены союза, за немногими исключениями, мало-помалу сошли до степени афинских подданных, лишены были автономии и платили дань. В другом союзе преобладало начало федеративное; его члены фороса не вносили и участвовали на равных правах в обсуждении общих дел. Один союз состоял большей частью из городов приморских и был силен на море; другой — по преимуществу континентальный и располагал большими сухопутными силами. Прибавим к этому и племенное различие — антагонизм ионийцев и дорийцев, сказывавшийся иногда довольно ясно. Между самими главами союзов, Афинами и Спартой, существовал контраст: с одной стороны — демократия, общество с пышно расцветшей культурой, с блестящей умственной и художественной жизнью, торговлей и промышленностью, с другой — олигархия, государство, далеко отставшее в экономическом и умственном движении. С одной стороны — крайне подвижные и предприимчивые, неутомимо деятельные и энергичные афиняне, с другой — медлительные и нерешительные, тяжелые на подъем, склонные к рутине спартанцы.

Но дуализм шел дальше, проникал глубже, в самую среду тех и других союзников. Так, в городах Афинского союза было две партии, разделенные непримиримой враждой, — демократы и аристократы. Если первые поддерживали афинское господство, то

вторые тяготели всеми силами к Спарте, видя в ней оплот аристократического начала, надеясь с ее помощью свергнуть афинское иго, а с ним и столь ненавистную им демократию. На Спарте они смотрели как на государство, призванное освободить Элладу от «тирании» Афин.

Вопрос о гегемонии и после Тридцатилетнего мира все еще был спорный. Только окончательная победа той или другой стороны могла решить его, а между тем Афины и после 445 г. стояли вровень со Спартой. Благодаря Перикловой политике собирания сил в течение нескольких мирных лет, они казались внутренне еще более окрепшими, и их могущество вселяло страх и зависть в Спарте. Но Спарта была медлительна и нерешительна в самой своей ненависти. Иное дело Коринф. Его вражда к Афинам была еще сильнее. Афины являлись его счастливым конкурентом на море и в торговле. Их морское и торговое преобладание затрагивало существенные, жизненные интересы Коринфа. Особенно опасно было для него распространение афинского влияния на западе от Эллады, так как это грозило окончательным стеснением его торговли, отнятием последнего района, где преобладание было пока еще за ним. При опасности с этой стороны Коринф готов был на все. А между тем афиняне уже и тут распространяли свое политическое и торговое влияние. О взаимной ненависти между Мегарами и Эгиной, с одной стороны, и Афинами — с другой, мы уж и не говорим.

При таком контрасте и антагонизме между Афинами и Пелопоннесским союзом мир не мог быть прочен: столкновения трудно было избежать и достаточно было искры, чтобы вспыхнула ожесточенная война. А тут сразу явилось несколько важных поводов к ней. Обстоятельства вели к кровавой развязке ¹.

События в отдаленном Эпидамне (ныне Дураццо) и вызванное ими столкновение между Керкирой² и Коринфом послужили первым поводом к ней. Керкиряне, стоявшие до тех пор вне всяких союзов, теперь, боясь, что не устоят в борьбе с сильным противником, решились искать союза и помощи у Афин, как естественного соперника Коринфа. И вот перед афинянами предстала

¹ Главный источник — Фукидид.

² Или Коркирой, *лат. Corsyra*, теперь — Корфу.

трудная дилемма. С одной стороны, война с пелопоннесцами в будущем казалась неизбежной; а Керкира являлась весьма ценным союзником, так как обладала сильнейшим, после афинского, флотом и была важной позицией на Ионийском море, на пути в Италию и Сицилию, с которыми Афины находились уже в довольно тесных сношениях. А главное, можно было опасаться, что Керкира падет в непосильной борьбе с Коринфом или смирится поневоле и тогда, на случай войны Пелопоннеса с Афинами, ее флот соединится с коринфским. С другой стороны, Керкира находилась уже в войне с Коринфом, и, следовательно, заключение с ней союза, хотя формально не нарушало договора 445 г., фактически все-таки являлось враждебным шагом по отношению к Коринфу. После некоторого колебания афиняне решили вступить в союз с Керкирой, но только в союз строго оборонительный. Но когда у Сиботских островов произошла морская битва между коринфянами и керкирянами, по количеству кораблей «величайшая из всех, бывших дотоле между эллинами», то в ней вынуждена была под конец принять участие и небольшая эскадра афинян, а прибытие другой их эскадры помешало коринфянам довершить их победу.

Таким образом при Сиботах, хотя и без объявления войны, уже последовало кровавое столкновение афинян с коринфянами (осенью 433 г.).

А вслед за тем произошло столкновение между ними и в другом пункте, на фракийском побережье. Потидея, на полуострове Халкидике, колония Коринфа, но принадлежавшая к Афинскому союзу, отложила от Афин (весной 432 г.), когда те потребовали, чтобы она срыла стену, обращенную к морю, дала заложников и не принимала больше коринфских должностных лиц, «эпидемиургов». У ее стен произошла битва между коринфянами, поспешившими оказать ей поддержку, и афинянами, окончившаяся победой последних, которые после этого приступили к осаде Потидеи.

Коринфяне боялись за судьбу своих соотечественников, запертых в Потидее, и за сам город, бывший их поселением. Теперь они употребляют все усилия, чтобы возжечь общую войну, втянуть в нее спартанцев. К этому присоединились жалобы эгинцев, обвинявших афинян в том, что они вопреки договору не предоставляют

им автономии, и в особенности мегарцев. Афиняне не могли простить Мегарам их прежней измены. Глубокая вражда разделяла двух соседей. Ее усиливали еще распри из-за укрывательства мегарцами беглых афинских рабов, из-за спорной пограничной земли и так называемого «священного поля», присвоенного мегарцами, наконец, — умерщвления герольда. С Мегарами прерваны были торговые сношения, ввоз их продуктов запрещен, все рынки и гавани на всем пространстве афинского господства для мегарцев закрыты, и вражда с ними объявлена непримиримой. Никто из них, как говорится у Аристофана (в «Ахарнянах»), не смел «оставаться ни на рынке, ни в Аттике, ни на море, ни на земле», и мегарцу, вступившему в Аттику, если верить Плутарху, грозила смерть. Гористая Мегарида была страна не плодородная, бедно наделенная природой; в хлебе она всегда нуждалась, и закрытие главного для нее рынка и афинских гаваней грозило ей голодом. Эта «мегарская псефизма», по мнению многих современников, была той «маленькой искрой», которой Перикл зажег большую войну³.

Спартанцы признали вину афинян и нарушение ими договора, а затем в союзном собрании, созванном в Спарте, война была решена окончательно. Но пелопоннесцы не были готовы. И вот спартанцы отправляют в Афины посольства с различными требованиями и жалобами, чтобы выиграть время и главное — чтобы, в случае отказа афинян, больше было предлога к войне.

Обратимся теперь к Афинам и взглянем на положение дел там.

Было время, когда Перикл стоял во главе демократического движения. Но он не пошел по пути крайней демократии: он правил «умеренно», как выражается Фукидид. В силу естественного исторического процесса демократическое движение, однако, не могло остановиться: оно пошло далее, и уже незадолго до Пелопоннесской войны оказалось, что Перикл, так сказать, остался позади него, что существовала уже крайняя демократическая партия, которую Периклова политика не удовлетворяла, которой эта политика казалась недостаточно демократической. Напротив, именно в Перикле крайние демократы и новые демагоги начинают видеть главное препятствие к господству настоящего народовластия, полной

свободы и равенства; с самим фактом непрерывного, долгого влияния одного лица, и притом такого аристократического по своей натуре, они не могут примириться. Таким образом, против Перикла подымается оппозиция снизу, из рядов тех общественных слоев, которые некогда служили ему главной опорой, благороднейшим вождем которых он был сам. А рядом существовала по-прежнему и другая, совершенно противоположная партия — олигархическая, по мнению которой, наоборот, Перикл являлся главной опорой ненавистной демократии, главным препятствием к ее низвержению, к восстановлению прежней аристократии. Обе эти крайние партии, столь непримиримо враждебные друг другу по своим программам и стремлениям, сходились, однако, в одном — во вражде и ненависти к Периклу, в желании во что бы то ни стало избавиться от этого человека, мешавшего осуществлению их планов, являвшегося в тот момент уже представителем умеренной демократии, носителем духа свободы и равенства, но в то же время и законности. Они готовы были протянуть друг другу руки, соединить свои силы, лишь бы низвергнуть Перикла.

Но было еще течение, совсем иного рода, но тоже враждебное Периклу. Многим ненавистны были тот новый дух, то новое просвещение, которые распространились в Афинах, и его главные выразители — новые философы. Им ненавистен был и Перикл как человек, чуждый суеверий, как сторонник и покровитель этого просвещения, как друг Анаксагора и вообще представителей тогдашней философии. В этом отношении настроена была одинаково и темная, суеверная масса, не терпевшая исследователей природы, и более образованная, но консервативная часть афинского общества, движимая не одной только склонностью к предрассудкам, слепой привязанностью к прежним верованиям и обычаям предков, но и совершенно искренним, основательным опасением ввиду учения софистов, подрывавшего основы тогдашней нравственности. Эта партия религиозной реакции, если только можно ее так назвать, являлась своего рода связующим звеном между партиями демократической и олигархической: она соприкасалась с той и другой.

Больше всего оппозиция Периклу выражалась в нападках на него комиков и в тех процессах, которые направлены были против близких ему лиц. Впрочем, что касается нападков на Перикла

³ *Aristoph.* Pax, 609.

комиков, то они, в сущности, никогда не прекращались. Комики осыпали его насмешками и в пору наибольшего его влияния и могущества. Мы уже видели, каковы были эти насмешки. Явным же признаком усилившейся оппозиции против Перикла и того, что положение его начинает уже колебаться, служил ряд процессов против его друзей. Процессы эти⁴ — косвенное нападение на самого Перикла. Враги его еще не решались прямо выступить против него. Подымая обвинения против близких Периклу лиц, они тем самым старались нанести удар и ему, а вместе с тем испытывали настроение народа по отношению к нему; они подготавливали почву для будущего нападения на самого Перикла.

Первым подвергся судебному преследованию Фидий, творец статуи Афины Девы (Парфенос), правая рука Перикла в деле украшения города. Тут тем более мог быть затронут и Перикл, что он заведовал постройками. Последняя судьба великого художника окутана легендой. По-видимому, его обвиняли в утайке части материала, именно слоновой кости, выданной на статую Парфенос. Фидий был обвинен и заключен в темницу; а доносчик, метек Менон, один из его помощников, освобожден от взимаемой с метеков подати, и забота о его безопасности возложена была на стратегов. Затем Диопиф выступил с известной псефизмой, направленной против тех, кто не признает богов и рассуждает о небесных явлениях, и поднято было гонение на Анаксагора, который и покинул Афины. Наконец, преследованию подверглось и то лицо, которое так дорого было Периклу, — Аспазия. Против нее комик Гермипп поднял обвинение в нечестии и сверх того еще в сводничестве, в том, что она устраивает будто бы любовные свидания между Периклом и свободными афинянками. На суде, говорят, Перикл проливал даже слезы, умоляя дикастов об оправдании своей подруги. Аспазия была оправдана.

Перикл оставался по-прежнему главой государства, но он чувствовал, как положение его начинает колебаться: с разных и притом противоположных сторон подымалась оппозиция. Это могло повлиять и на его отношение к войне. Он должен был желать выхода из затруднительного внутреннего положения. И таким выходом могла казаться война, которая отвлекала бы внимание граж-

дан от внутренних вопросов. К причинам войны общим, коренным, могли присоединиться и личные мотивы Перикла, не желавшего долее отдалять столкновение со Спартой, все равно неизбежное.

Таково было положение дел в Афинах, когда являются сюда спартанские посольства с различными требованиями. Прежде всего лакедемоняне потребовали от афинян изгнания лиц, запятнанных святотатством, разумея то святотатство, которое некогда совершено было в Афинах при подавлении Килонова восстания и виновниками которого являлись между прочим Алкмеониды; от них же вел свой род по матери Перикл. Таким образом, требование спартанцев было направлено собственно против него. В ответ спартанцам афиняне в свою очередь потребовали от них, чтобы они очистились от святотатств, совершенных в тенарском святилище Посейдона, где были умерщвлены искавшие там убежища илоты, и в храме Афины, где некогда был заперт царь Павсаний, победитель при Платеях, и откуда он был вытащен при последнем издыхании. Затем является из Спарты новое посольство с требованием снять осаду с Потидеи, предоставить независимость Эгине и в особенности отменить постановление относительно Мегар. Но афиняне оставались глухи к этим требованиям. Наконец, спартанцы заявляют, что они желают мира и что он будет, если афиняне возвратят независимость эллинам, всем своим союзникам. Таким требованием Спарта располагала заранее в свою пользу большинство греков, выступала в благодарной роли защитницы эллинской свободы от «тирании» Афин.

В Афинах создано было народное собрание. Тут мнения разделились. Одни говорили в пользу войны, другие — в пользу мира, настаивая на отмене «мегарской псефизмы», смотря на нее как на мелочь, из-за которой не стоило воевать. Ясно обозначилось два течения: с одной стороны, земледельцы и люди с состоянием, с другой — городское население, особенно менее состоятельное. Первым война, вторжение врага, опустошение страны грозили лишь разорением, бременем новых тягостей и повинностей. Естественно поэтому, что они желали избежать этого и стояли за мир. Иное дело — городской, менее состоятельный класс: ему война не грозила новыми повинностями; от вторжения врага ему меньше приходилось терять; за крепкими городскими стенами он чувствовал себя в сравнительной безопасности; взамен мирных заработков,

⁴ *Plut. Per.*, 31-32.

которые вследствие нарушения во время войны обычного хода торговой и промышленной деятельности могли уменьшиться, являлся для него новый источник — военная служба, особенно во флоте. Словом, городской демос скорее решался на войну.

Наконец, выступил в собрании с речью и сам Перикл. Не делать уступок — таково было его мнение. Этого требует честь и достоинство Афинского государства, говорил он, по словам Фукидида. Отмена «мегарской псефизмы» — вовсе не мелочь: уступка здесь равносильна рабству; уступить — это значит заранее подчиниться Спарте, не потерпев еще поражения. Требование лакедемонян относительно Мегар лишь предлог. Война неизбежна: раз афиняне уступят, спартанцы объяснят это страхом и предъявят новые, еще более тяжелые требования. Тут, скорее, может помочь твердый, смелый отказ: по крайней мере, он заставит спартанцев относиться к афинянам как к равным; чем охотнее Афины примут брошенный им вызов, тем менее налегать будут на них враги. Перикл старался поднять дух граждан, внушить им уверенность, что на их стороне несколько не меньше шансов на победу, чем на стороне противников. Он выставил на вид преимущества Афин в сравнении с пелопоннесцами. Опустошения Аттики, говорил Перикл, не страшны. За них афиняне со своим флотом могут мстить опустошением Пелопоннеса, что причинит неприятелю несравненно больший вред, так как для него Пелопоннес — все, а у афинян, кроме Аттики, много еще других владений, особенно островов: их сила на море. Перикл, если верить Фукидиду, больше опасался собственных ошибок афинян, их увлечения рискованными предприятиями, стремления к новым завоеваниям среди войны. В заключение Перикл предложил дать такой ответ спартанцам: «Мегарцам афиняне позволят пользоваться рынком и гаванями, если лакедемоняне не будут производить "ксенеласий" (т. е. изгнания чужеземцев) по отношению к афинянам и их союзникам. Союзным городам афиняне предоставят независимость, если те были автономными, когда заключался договор, и если спартанцы предоставят своим городам управляться каждому, как кто хочет, а не так, как это выгодно лакедемонянам. Афиняне готовы предоставить дело третьейскому суду, согласно условию договора; войны сами не начнут, но с тем, кто ее начнет, будут сражаться». Такой ответ и дали афиняне.

На этом кончились переговоры⁵. Обе стороны готовились к войне и старались заручиться союзниками. Афины располагали силами своего союза, т. е. городов малоазийского и фракийского побережья, Геллеспонта и островов Эгейского моря. На суше на стороне их были: Платей, Навпакт у входа в Коринфский залив, Фессалия, с ее превосходной конницей, и некоторые другие области и острова, в том числе и лежавшие в западной части Греции. На стороне Спарты стоял почти весь Пелопоннес, где только Аргос держался нейтралитета. Вне Пелопоннеса спартанцы имели союзниками мегарцев, благодаря чему ключ к Аттике был в их руках, беотийцев, конница которых была так необходима для вторжения в Аттику, фокидян и некоторых других. На Западе Афины незадолго до того заключили союз с Регием (в южной Италии) и Леонтинами (в Сицилии). Спарта же рассчитывала на своих дорийских соплеменников в Италии и Сицилии, особенно на их флот и денежные средства. И не только между греками обе стороны искали себе союзников, но и между варварами: Спарта думала о союзе с Персией, афиняне — о союзе с одрисами (во Фракии). Взаимная ненависть первенствующих государств Греции заглушала чувства национального единства.

Вообще, силы обеих сторон, можно сказать, были равны, хотя и не однородны; шансы на победу одинаковы. На море бесспорное преобладание принадлежало Афинам, на суше — пелопоннесцам. Афинский флот был тогда первый в Греции не только по количеству кораблей, но и по энергии, опытности и искусству моряков. Зато сухопутное спартанское войско превосходило войско афинян и численностью своей, и упрочившейся за ним славой непобедимости. Что касается денежных средств, этого главного «нерва войны», как отлично сознавали уже тогдашние греки⁶, то пелопоннесцы были ими бедны. Афиняне же, кроме ежегодного фороса и других доходов, располагали, как мы видели, необыкновенно богатой по тому времени казной в 6000 талантов, а в случае крайности могли воспользоваться заимообразно сокровищами, хранившимися на акрополе, нечekanенным золотом и серебром, дарами и приношениями от частных лиц и государства, различ-

⁵ *Thuc.*, I, 139-146.

⁶ См., например, у Фукидида (I, 83).

ными сосудами и добычей от мидян и т. п., что составляло, по меньшей мере, 500 талантов, одеванием статуи богини Афины из чистого золота, весом в 40 талантов, не говоря уже о драгоценностях в других святилищах (Thuc., II, 13). Богатство денежных средств давало Афинам большие преимущества на первых порах; но зато война им стоила дороже, нежели пелопоннесцам, с их, так сказать, натуральным способом ведения ее, и доставкой всего большей частью натурой. Благодаря олигархическому строю, Спарта имела возможность действовать втайне, с большей последовательностью и с большим благоразумием. Наоборот, афинская демократия, со своим народным собранием, действовала на виду у всех; все, что в Афинах обсуждалось и одобрялось, легко делалось тотчас же известным и врагам. Афинский демос не всегда был последователен; изменчивый и легко увлекающийся, он мог быстро переходить от одного решения к другому. Зато и способен он был на такой энтузиазм, на такой подъем духа и на такие жертвы, на какие вряд ли была способна тогдашняя олигархическая Спарта. В Афинском союзе было больше централизации, зато в Пелопоннесском — больше солидарности, больше общности интересов между главой союза и остальными его членами. Но и у Спарты была своя Ахиллесова пята; это — Мессения, с ее поработанным населением, столь ненавидевшим своих победителей.

На стороне Спарты был Дельфийский оракул, обещавший ей победу и помощь божества, и еще один важный фактор; это — общественное мнение тогдашней Эллады, решительно склонявшееся в ее пользу. Афинянам завидовали, их опасались, желали избавиться от их владычества, казавшегося столь тяжелым, и, не испытав еще господства Спарты, верили ее заявлению, что она берется за оружие для освобождения эллинов от «тирании» Афин.

Вообще Греция находилась тогда в напряженном ожидании ввиду готовившегося решительного столкновения двух первенствующих государств. Чувствовалось приближение великих, роковых событий. И только молодежь, как афинская, так и пелопоннеская, еще не изведавшая по собственному опыту всех ужасов войны, с радостью принималась за нее, ища поприща для своих юных сил...

Еще шли приготовления к войне, как мир был уже открыто нарушен ночным нападением фиванцев на Платеи (весной 431 г.),

с чего и принято считать начало *Пелопоннесской войны* (431—404 гг.)⁷. Спустя некоторое время пелопоннесское войско, под начальством спартанского царя Архидама, двинулось к пределам Аттики. Архидам попытался еще раз вступить в переговоры с афинянами, но те не впустили спартанского посла даже в город и выслали его из своей территории, заявив, что если спартанцы желают вести переговоры, то пусть прежде возвратятся домой. Покидая границы Аттики, посол, говорят, произнес: «День этот — начало великих бедствий для эллинов».

Ввиду наступления неприятеля Перикл, стоявший тогда во главе коллегии стратегов и облеченный особыми полномочиями, принял свои меры. По его плану, на суше в открытую битву с подавляющим по своей численности пелопоннесским войском ни за что не следовало вступать. В его глазах это значило лишь бесплодно губить афинские силы и подвергать риску государство. На суше следовало ограничиться защитой города и Длинных стен, главные же силы сосредоточить на море, снарядить флот и с помощью его опустошать берега Пелопоннеса, производить там высадки и т. п. Сельское население Аттики должно было покинуть свои поля и жилища, перейти в город, снести туда свое имущество и запереться; почти вся страна, за исключением Афин, Длинных стен и Пирея, должна была быть оставлена на произвол врага.

Как ни тяжело было это для афинян, они последовали совету Перикла. Жители Аттики принесли требуемые от них жертвы. Скот отослали они на Эвбею и на другие близлежащие острова, а сами с женами и детьми стали переселяться в город, забрав с собой кое-какое имущество, хозяйственную утварь, иногда и лес от разобранных ими самими домов. С невыразимо тяжелым чувством расставались они со своими родными полями, со своими жилищами и хозяйством, тем более, что большинство афинян привыкло жить вне города, и теперь им вдруг приходилось совершенно менять свой образ жизни. В Афинах лишь для немногих хватило жилищ. Некоторые нашли приют у друзей или родственников. Но большинству пришлось поместиться под открытым небом, на пустых, незастроенных местах города или же в храмах и святилищах, за исключением акрополя и Элевсиния да

⁷ Thuc., II sqq.

некоторых других, оказавшихся крепко запертыми. Занят был теперь даже лежавший у подошвы акрополя так называемый Пеласгик, несмотря на грозившее за это проклятие, на запрещение и предсказания оракула: так велика была сила необходимости. Многие разместились в башнях городских стен, где и как кто мог. Сам город не мог всех вместить; поэтому переселенцами заняты были пространство между Длинными стенами и большая часть Пирея.

Вступив в пределы Аттики, Архидам, чтобы выманить афинян из города и завлечь в сражение, расположился почти в виду Афин, в Ахарнах, самом многочисленном деме, жители которого составляли наиболее значительную часть афинской тяжеловооруженной пехоты.

И действительно, при виде неприятельского войска и беспрепятственно производимых им опустошений афинянами овладело раздражение и нетерпение. Особенно молодежь порывалась выйти навстречу врагу. На улицах стали собираться сходки; шли толки о том, следует ли выступать против неприятеля или нет. На Перикла негодовали. В нем видели главного виновника войны; его упрекали за то, что он не ведет войско в открытый бой с пелопоннесцами. Особенно раздражены были ахарняне, дем которых больше всего страдал от неприятеля, эти «сильные, крепкие, словно дуб, старики, истые марафонские воины», по словам Аристофана. Тогда впервые стал выдвигаться Клеон; именно он с особенной горячностью нападал на Перикла и этим приобретал влияние на массу, создавал себе популярность. Комики осыпали Перикла насмешками. Гермипп называл его «царем сатиров» и спрашивал, «почему он не подымает копьа, храбро говорит о войне, а на деле оказывается одаренным душою труса»? Но среди волнения и негодования граждан, нападков и насмешек Перикл оставался по-прежнему непоколебимо твердым. Подобно кормчему, который на море при наступлении бури, все устроив как следует и спустив паруса, поступает по правилам своего искусства, не обращая внимания на слезы и мольбы страдающих морской болезнью и боящихся пассажиров, так и Перикл, говорит Плутарх, заперев город и расставив везде охрану, держался своего плана, пренебрегая криком и недовольством граждан. Он не допускал созвания народного собрания, опасаясь, что там воинственное настроение

и чувство раздражения возьмет у граждан верх над благоразумием. Дело ограничилось небольшой стычкой, и пелопоннесцы вскоре покинули Аттику.

Тем временем афиняне предприняли морскую экспедицию к берегам Пелопоннеса и к западной части Греции; постановили отделить на будущее время из хранившейся на акрополе казны 1000 талантов как своего рода неприкосновенный капитал, который мог быть употреблен лишь в крайности, для защиты самих Афин, и смертная казнь грозила тому, кто предложит употребить эти деньги на что-либо другое; решено было для той же цели, т. е. для защиты города, ежегодно отделять 100 лучших триер; с острова Эгины, который для Пирея, по выражению Перикла, был «бельмом в глазу», жители с женами и детьми были изгнаны, а на Эгину отправлены афинские поселенцы — мера, объясняемая не только чувством мести, но и желанием вознаградить потерпевших от неприятельского вторжения граждан и успокоить их раздражение; в Мегарскую область предпринято было опустошительное вторжение.

Перикл еще сохранял первенствующее положение, и когда, согласно обычаю, устроено было торжественное погребение останков афинских воинов, павших в бою, то для произнесения речи над ними избран был он. Это — та знаменитая речь, которая представляет идеализирующую характеристику афинской демократии и отрывки из которой мы уже приводили.

Первый год войны кончился, но существенных результатов ни та ни другая сторона не достигла. Обе они по-прежнему стояли одна против другой с неослабленными силами, и решение вопроса о преобладании не подвинулось ни на шаг.

На следующий год (430 г.) пелопоннесцы под начальством Архидамы опять вторглись в Аттику и принялись за опустошение страны. Но в то время как внешний враг находился у ворот города, в самих Афинах свирепствовало страшное бедствие — эпидемия⁸. Раньше она появлялась уже в разных местностях, в Эфиопии, Египте, Ливии, в большей части владений персидского царя,

⁸ О ней главным образом см.: *Ebstein W.* Die Pest des Thukydides. Stuttgart, 1899 (ср.: *Ebstein W.* Nochmals die Pest des Thukydides // Deutsche Medizinische Wochenschrift. 1899, № 36).

даже на острове Лемносе. Теперь она на кораблях занесена была прежде всего в Пирей, а оттуда и в Афины. Здесь она нашла как нельзя более благоприятную почву для себя. Теснота, скопление массы населения, за городскими стенами искавшего убежища от неприятеля, перемена образа жизни и угнетенное настроение народа, — все это способствовало страшному развитию болезни в Афинах, тогда как, например, в Пелопоннесе эпидемия не достигла значительных размеров.

Ужасное зрелище представляли тогда Афины. Болезнь пожирала свои жертвы, и не было средств бороться с ней. Многих больных даже близкие покидали совершенно на произвол судьбы. Дома опустели. Умиравшие и полуживые часто лежали или ползали по улицам и, особенно у колодцев, томимые нестерпимой жаждой. Тут же, на улицах, валялись трупы умерших, служа нередко добычей птицам и собакам. Святилища и храмы, где поселились переселенцы, тоже полны были трупов. Погребение совершалось большей частью как попало: случалось, что одних клали на чужой костер и поджигали его раньше того, кто устроил этот костер; иных бросали в огонь в то время, как сжигался другой труп, и т. п. О силе смертности могут дать некоторое понятие приводимые Фукидидом (II, 58, 111, 87) цифры: из 4000 гоплитов, отправленных к Потидее, в течение не более сорока дней умерло 1050. Болезнь, хотя и с неодинаковой силой, продолжалась с небольшим перерывом три года, и за это время от нее погибло из гоплитов, занесенных в список, не менее 4400 да из всадников — 300; число же умерших из остального войска неизвестно: и ни от чего так не потерпели афиняне, как от болезни, замечает Фукидид. Она не только уносила их лучшие, свежие силы; она, кроме того, действовала деморализующим образом на народ. Упадок духа, отчаяние и апатия овладели обществом. Возвышенные стремления, чувство чести и стыда, страх перед богами и людьми, — все это исчезло. Уверенность в безнаказанности была полная. Разнузданность и жажда чувственных наслаждений достигли ужасающих размеров; прежде чем умереть, спешили насладиться всеми благами жизни, так как нельзя было быть уверенным в завтрашнем дне, и смерть все равно, казалось, грозила всем. Ослабели семейные и общественные узы...

При таких условиях нелегко было вести войну. Правда, пелопоннесцы, вероятно из страха заразы, поспешили уйти из Аттики, а афинский флот с Периклом во главе произвел нападения на побережье Пелопоннеса; но и тут дело ограничилось, в сущности только опустошением; афинский же отряд, посланный в подкрепление осаждавшим Потидею, внес лишь заразу в их ряды.

После вторичного неприятельского вторжения и опустошения Аттики настроение афинян было подавленное. Они негодовали на Перикла, винили его во всех несчастьях и готовы были просить у спартанцев мира. Но все их попытки в этом направлении были тщетны: посольства в Спарту ни к чему не приводили. Тогда, если верить Фукидиду (II, 60 sq.), Перикл созвал народное собрание и обратился к нему с речью, в которой, укоряя граждан за их малодушие, старался оправдать свое поведение, поднять упавший дух афинян, советовал им не поддаваться несчастьям, ради блага государства забыть личное горе, терпеливо переносить все невзгоды и прекратить переговоры со Спартой о мире. Афиняне последовали совету Перикла: переговоры со Спартой были оставлены. Тем не менее недовольство против Перикла не исчезло. Против него соединились все — и демос и аристократы. Перикл был смещен и подвергся суду. По словам Плутарха⁹, Драконтид выступил с предложением, чтобы Перикл представил отчет пританам в употреблении казенных денег, чтобы суд над ним происходил на акрополе и судьи подавали голос, беря камешек с алтаря. Эта необычная, особо торжественная форма суда смягчена поправкой Гагнона, по которой суд должен был происходить перед 1500 дикастов по обвинению в хищении и взяточничестве или просто в неправильных действиях. Тем не менее обвинение для Перикла было тяжкое: есть известие, что дело шло о его жизни и смерти. Процесс кончился присуждением обвиняемого к денежному штрафу в 50 талантов. По всей вероятности, отчеты Перикла в употреблении денежных сумм, которыми он распоряжался, признаны были неудовлетворительными.

⁹ *Plut. Per.*, 32. Сообщение Плутарха, очевидно, следует приурочить к этому моменту, а не к более раннему. О процессе Перикла см. статью: *Swoboda H. Ueber den Prozess des Perikles // Hermes. Bd. XXVII. 1893.*

Таким образом, после государственной деятельности, не прерывавшейся в течение длинного ряда лет, Перикл теперь должен был возвратиться к частной жизни, где у него тоже не было тогда отрады, так как удар следовал за ударом, одна потеря за другой... Между тем негодование афинян на Перикла мало-помалу стало утихать. Оказалось, что не было в Афинах лица, которое могло бы достойным образом заменить Перикла. Без него дела шли еще хуже, и вот когда настал срок выборов в стратеги, то Перикл был снова избран и облечен полномочиями. Но прежний авторитет и обаяние не могли уже к нему возвратиться. Да и жил он после этого недолго: болезнь медленно подтачивала его силы, и осенью 429 г. Перикл умер. Если такие события, как сдача Потидеи, победы Формиона в Коринфском заливе, осада Платей спартанцами, и произошли еще при его жизни, то вряд ли он оказывал сколько-нибудь сильное влияние на их ход.

Не так давно, в 80-х гг. прошлого века*, в Германии высказан был взгляд на Перикла, сводившийся к тому, что великого государственного деятеля Афин старались развенчать, показать его несостоятельность как политика и полководца; в его деятельности видели чуть ли не сплошной ряд ошибок. С точки зрения этого взгляда Перикл оказывался посредственностью, почти бездарностью, виновником последующего упадка Афин, неудачного исхода их борьбы со Спартой и т. д. И это было не единичное мнение, которое можно было бы объяснить претензией на оригинальность, а целое, так сказать, течение. Представителями его являлись ученые, уже приобретшие более или менее почетную известность в науке, с мнением которых, во всяком случае, нужно было считаться¹⁰. Всматриваясь внимательно в деятельность Перикла, в условия, среди которых она протекала, мы приходим к заключению, что взгляд упомянутых ученых, несмотря на от-

* [Имеется в виду XIX в. — *Примеч. науч. ред.*]

¹⁰ *Duncker M.* Geschichte des Altertums. 5 Aufl. Bd. VIII-IX. Leipzig, 1884-1886; *Pflugk-Hartung H. von.* Perikles als Feldherr. Stuttgart, 1884; отчасти: *Beloch K. J.* Die attische Politik seit Perikles. Leipzig, 1884. Подробный разбор этих взглядов см. в моей книге: *Бузескул В. П.* Перикл (историко-критический этюд). Харьков, 1889; ср.: *Delbrück H.* Die Strategie des Perikles erläutert durch die Strategie Friedrichs des Grossen // *Preussische Jahrbücher.* Bd. LXIV. 1889.

дельные верные их замечания, в общем не выдерживает критики: в нем слишком много произвола, субъективности и нет беспристрастия. Он придает слишком большое значение отдельной личности и ставит Периклу в вину то, что, в сущности являлось естественным и логическим следствием целого предшествовавшего процесса; он противоречит и Фукидиду, а не доверять последнему в данном случае мы не имеем основания: рассмотрение деятельности Перикла как нельзя более подтверждает отзыв о нем великого историка древности. Таким образом, по-прежнему Перикл является в наших глазах одним из величественных образов в греческой истории, — правда, не военным гением, но опытным и благоразумным полководцем, талантливым и многосторонним государственным деятелем. Он не был, сказали мы, тем реформатором, который пролагает новые пути; но он был достойным завершителем дела Солона, Клисфена, Фемистокла и Эфиальта.

Демагоги и стратеги. Клеон и Никий

По смерти Перикла начинается как бы новая эпоха в истории афинской демократии¹¹: наступает время господства *демагогов* в худшем значении слова, — потворствующих толпе, подлаживающихся под ее вкусы, действующих на ее дурные инстинкты. Фукидид противопоставляет Периклу его преемников (II, 65). «Когда умер Перикл, — говорит он, — то еще более обнаружилась его прозорливость относительно войны. Ибо он утверждал, что афиняне останутся победителями, если будут держать себя спокойно, если будут заботиться о флоте, не будут стремиться к расширению своего владычества во время самой войны и подвергать государство риску. Афиняне же поступили как раз наоборот. Да и в других делах, не имевших, казалось, отношения к войне, они,

¹¹ *Gilbert W.* Beiträge zur innern Geschichte Athens im Zeitalter des Peloponnesischen Krieges. Leipzig, 1877; *Beloch K. f.* Die attische Politik seit Perikles. На рус. яз. см.: История Греции со времени Пелопоннесской войны / Сборник статей под ред. Н. И. Шамониной, Д. М. Петрушевского. Т. I-II. М., 1896.

действуя в интересах личного честолюбия и личной выгоды, вредили себе и союзу; тут, при удаче, почет и польза были бы больше частным лицам; при неудаче же возникал вред для государства и в отношении войны». Объясняет это Фукидид тем, что Перикл старался возвысить демос до себя, а его преемники, последующие демагоги, действовали наоборот. «Перикл, сильный нравственным достоинством и умом и явно неподкупный в высшей степени, свободно правил массой, и не столько она руководила им, сколько он ею, потому что он приобрел власть, не прибегая к недостойным средствам, и не имел вследствие этого нужды льстить толпе, но, пользуясь уважением, мог и резко противоречить ей... Последующие же вожди, будучи сами по себе больше равны друг другу и в то же время, стремясь, каждый стать первым, начали в угоду демосу предоставлять ему и все дела». Приблизительно то же говорит и Аристотель в своей «Афинской политике» (28). Со смертью Перикла, замечает он, положение дел изменилось к худшему. Народ впервые избрал тогда вождем личность, не пользовавшуюся доброй славой у «приличных» (Аристотель подразумевает Клеона), тогда как до тех пор его вождями всегда были благородные. С тех пор, по Аристотелю, начинается владычество демагогов, дерзких и угождавших толпе, имевших в виду лишь интересы минуты. Говоря в своей «Политике» (1292 а) о крайней форме демократии, Аристотель замечает, что здесь демос является многоголовым деспотом и **что** у тиранов льстецы, то в демократии — демагоги; демагог и льстец — одно и то же, говорит он; «ибо демагог есть льстец демоса» (1313 б — 1314 а).

Таких демагогов изображает Аристофан в своей комедии «Всадники». Здесь Пафлагонец (Клеон) и уличный торговец, колбасник Агоракрит, борются из-за влияния на демос, который, как мы уже говорили, представлен в образе выжившего из ума старика; они состязаются в похвалах и лести ему, в изъявлении своей любви и преданности, в разного рода приношениях. Это — состязание в бесстыдстве, и тут колбасник превзошел даже Пафлагонца-Клеона. Колбасник в начале пьесы еще более бесстыден и нагл, чем Клеон. Через то и может он возвыситься, «что площадью рожден, и подл, и дерзок». Он невежествен, «наукам не учен, лишь грамоте, и той — худого хуже... Но

Искусство демагога
Не ищет уж теперь образования
И для природы честной не годно:
Ушло оно к бесстыдным и невеждам...

Колбасник одерживает победу над Пафлагонцем-Клеоном: Демос вверяет себя ему, а с Пафлагонцем расстается. В конце пьесы Агоракрит является благодетельным, мудрым советником: он, как волшебница Медея, варит Демоса и из старого, гнусного, превращает его в молодого, хорошего.

Демагоги, преемники Перикла, большей частью были лишь ораторами или руководителями в народном собрании; нередко они добивались места в Совете 500, но они не были полководцами, стратегами, за исключением отдельных случаев. Между тем как прежде невысказанно было, чтобы лицо, не имевшее опытности государственного деятеля или, не будучи стратегом, руководило народом, теперь подобные явления сделались обычными. Функции стратега и народного вождя, прежде соединенные в одном лице, разделяются, происходит раздвоение: одни, демагоги, действуют и влияют в народном собрании; они мало сведущи в военном деле; другие, стратеги, стоят во главе войска, ведут войну; они обыкновенно плохие ораторы, часто отсутствуют в Афинах; они несут ответственность за успех, за военные операции, нередко ими не одобряемые, им навязанные, и в своих действиях должны сообразоваться с настроением в Афинах, иметь в виду, как отнесутся к ним влиятельные демагоги. Между теми и другими — явный антагонизм: в случае неудачи стратега его ждет обвинение в подкупности, в измене; в случае успеха ему завидуют, его опасаются.

Вообще демос не доверяет стратегам и преследует их целым рядом процессов. Так, стратег Формион, победитель в морской битве при Навпакте, потом присужден был к денежному штрафу, который он не мог уплатить. Пахет, подавивший восстание на острове Лесбосе, во время самого процесса по поводу его действий¹², в присутствии

¹² Поводом к обвинению при сдаче Пахетом отчета послужили, вероятно, его самовольные распоряжения на Лесбосе. Иногда с этим процессом связывали эпизод, упоминаемый в одной из эпиграмм, будто Пахет по взятии Митилены изнасиловал двух женщин, умертвив перед тем их мужей.

судей вынул свой меч и лишил себя жизни. Лахет был обвинен в утайки денег, но оправдан. Стратеги Пифодор, Софокл (которого не следует смешивать со знаменитым трагиком) и Евримедонт в 424/23 г., по возвращении из Сицилии, куда они посланы были во главе эскадры, подверглись процессу по обвинению в том, что, будучи подкуплены, заключили мир и отплыли назад, тогда как могли подчинить Сицилию; из них Пифодор и Софокл приговорены были к изгнанию, а Евримедонт — к денежному штрафу. Историк Фукидид за то, что, в качестве стратега находясь во главе эскадры у берегов Фракии, не успел предотвратить отпадение Амфиополя, был изгнан. А под конец Пелопоннесской войны в 406 г., после морской победы при Аргинусских островах, произошел грандиозный процесс стратегов-победителей, из которых шестерых постигла смертная казнь за то, что они не похоронили павших и не постарались спасти оставшихся в живых, плававших на обломках кораблей.

Понятно, как неблагоприятно должно было отражаться это на ходе войны. К тому же на выборы стратегов влияли политические соображения. Между стратегами были сторонники мира или войны; одни стояли ближе к умеренным или к аристократической партии, другие — к демократической. Каждая партия старалась провести своих кандидатов. По составу коллегии стратегов в тот или другой год можно до некоторой степени судить, какое течение преобладало в момент выборов — более мирное или воинственное¹³. Авторитет стратегов падал, тем более, что часто это были люди незначительные. «Кого прежде не выбрали бы даже пробовать вино (для празднеств), — говорит комик Эвполид, — того теперь мы имеем стратегами. О, город, город, насколько ты более счастлив, чем разумен!» Он вспоминает о прежних временах, о Мильтиаде и Перикле. «Не так мы, старики, в наше время правили государством; у нас, прежде всего, были стратеги из самых великих домов, первые богатством и родом, на которых мы молились, как на богов, да они и были ими, так что мы жили безопасно; а теперь, куда придется, идем в поход, выбрав отбросы в стратеги».

Вообще в то время в афинском обществе произошли крупные перемены. Война и ужасная эпидемия произвели страшные опустошения в рядах афинян, и цвет афинского населения погиб. Число

¹³ Gilbert G. Beiträge...

граждан уменьшилось на четверть или на треть; по Эд. Мейеру, с 55 000 оно понизилось до 36 000—38 000, по К. Ю. Белоху — с 35 000 до 26 000. Действовало новое поколение, во многом отличное от предшествовавшего, современного Греко-персидским войнам и Перикловой эпохе. По словам Аристотеля, война имела влияние и на большую демократизацию Афин: народ, запертый в городе, принимает еще более непосредственное участие в управлении. До сих пор вожди народа, стоявшие даже во главе демократической партии, были из «знатных и благородных». Теперь на политическом поприще их оттесняют и становятся вождями демоса торговцы, промышленники или фабриканты, представители афинской буржуазии, что вполне было естественно, если принять во внимание торговое и промышленное значение тогдашних Афин. Один за другим выступают они после смерти Перикла: сначала «торговец паклей» Евкрат; за ним — «торговец овцами» Лисикл, женившийся после того как Перикл умер, на Аспазии, влиянию которой и приписывали, что этот «скотопромышленник» был способен играть политическую роль; затем — «кожевник», т. е. владелец кожевенного завода, Клеон; фабрикант ламп Гипербол и др.

Из них больше и дольше всех пользовался влиянием Клеон. Относительно него наши источники единодушны. Они изображают Клеона как тип демагога в худшем смысле слова. По Фукидиду, это человек, в высшей степени склонный к насилию, дерзкий, грубый и наглый, клеветник, пустой и легкомысленный хвастун. По словам Аристотеля, Клеон «более всего развратил народ своей страстностью, первый стал кричать и браниться на кафедре и произносить речи опоясанным» (28). Плутарх, кроме того, указывает на его алчность, корыстолюбие. Но особенно резким нападкам подвергся Клеон со стороны комиков. Аристофан вывел его, как мы уже видели, в комедии «Всадники» в образе Пафлагонца, крикуна, государственного вора, бесстыдного льстеца и обманщика, в сети которого попал Демос и который «с людей вымогал, их тянул и душил без зазрения». И в других своих пьесах Аристофан не раз нападает на Клеона страстно и резко.

Но, несмотря на такое единодушие, наши источники в данном случае не вполне надежны. В особенности это нужно сказать о комедии. Все эти шутки, подчас грубые, все эти личные нападки,

отзывающиеся нередко сплетней, клеветой и карикатурой, принимать на веру, на них основываться при оценке исторического деятеля никоим образом нельзя¹⁴. Какое, например, превратное представление было бы у нас о Сократе, полагайся мы на одного Аристофана и его «Облака» и не имей мы других источников. Нельзя упускать из виду, что комик — не историк, что Аристофан прежде всего комический поэт, цель которого заставить зрителей смеяться. Притом комедия — не только произведение поэтического, но и политическое, тенденциозное. Правда, Аристофан не был полным, последовательным сторонником олигархии¹⁵; но он, как и остальные комики, стоял в оппозиции к тогдашней афинской демократии и ее вождям. Кроме того, у него были свои счеты с Клеоном. Клеон преследовал Аристофана за его комедии; Аристофан отплачивал ему резкими нападка.

Что касается Фукидида, который по объективности и беспристрастию стоит вообще чрезвычайно высоко, то он мог быть чрезвычайно строг к Клеону, так как ему были глубоко антипатичны демократическая натура и, так сказать, «плебейство» этого преемника Перикла, не говоря уже о высказываемом некоторыми историками предположении, что именно Клеон был главным виновником изгнания Фукидида после падения Амфиполя и что, следовательно, в отношении к нему великий историк мог быть не свободен от личной злобы и вражды¹⁶. Наконец, Аристотель, как и Фукидид, не сочувствовал крайней демократии и ее вождям, до некоторой степени был проникнут аристократическими симпатиями.

Во всяком случае, известные нам факты из деятельности Клеона, сообщаемые самим же Фукидидом, позволяют составить несколько иное мнение об этом демагоге. Фукидид, например, называет обещание Клеона взять Сфакторию в течение двадцати дней «сумасшедшим»; однако Клеон свое обещание сдержал, действовал при этом целесообразно и благоразумно и предприятие выпол-

¹⁴ Müller-Strübing H. Aristophanes und die historische Kritik. Leipzig, 1873.

¹⁵ Это ясно показано в работе: Croiset M. Aristophane et les partis a Athenes. Paris, 1906.

¹⁶ Из новых историков защитниками Клеона явились главным образом Дж. Грот в своей «Истории Греции» и В. Онкен (Oncken W. Athen und Hellas. Bd. II. Leipzig, 1866).

нил удачно. Конечно, он не был выдающимся государственным человеком или полководцем; он был необразован, вульгарен, груб и дерзок; ум его был узок; Клеон был слишком упорен и прямолинеен. Но ему нельзя отказать в энергии и здравом смысле. Нельзя сказать также, чтобы он всегда льстил демосу: иногда, судя по речи, приводимой Фукидидом (III, 37 sq.), он говорил, резко критикуя демократию. Сам он вышел из демоса; для народной массы он — «свой человек», он ей был более близок и понятен, чем, например, Олимпиец Перикл. Сама его речь и приемы, весьма вульгарные, его пошлые шутки, о которых говорит Плутарх, могли нравиться массе. Рассказывают, например, что однажды Клеон предложил народному собранию отложить заседание, так как он, Клеон, должен принять гостей и принести жертвы; афиняне рассмеялись, встали, и собрание было распущено.

Что касается должностей, занимаемых Клеоном, то он был два раза членом Совета, в 427/26 г. состоял председателем эллиноتامиев и два раза избирался даже в стратеги, не считая особой временной стратегии для взятия Сфактерии. Клеон имел ближайших сторонников и помощников. «Сотня голов проклятых льстецов кругом обвивала его голову», по выражению Аристофана (в «Осах»). Он был вождем крайней демократической партии и во внешней политике стоял за войну. Наши источники и это объясняют дурными, личными мотивами Клеона — его опасением, что с установлением мира его злодейства скорее обнаружатся и его клеветы встретят меньше доверия¹⁷, или, как говорит Аристофан, чтоб «войной и туманом народ ослепленный» не замечал, какие гнусности делает Клеон. Но за войну вообще была радикальная демократия и городской демос, так как война была в их интересах.

Вождем другой партии — партии мира, более умеренной и консервативной, был Никий. Он выдавался своим богатством и занимал в Афинах влиятельное положение. Начиная с 428 г. его почти из года в год выбирали в стратеги, что не мешало ему быть представителем партии мира. В сущности, Никий был посредственностью — нерешительный, медлительный, чрезмерно осторожный, малодушный и робкий перед толпой. Он чрезвычайно боялся си-

¹⁷ Так у Фукидида (V, 16).

кофантов, доносчиков, которые в ту пору являлись бичом для многих состоятельных граждан, и готов был от них всячески откупаться. Из страха перед сикофантами Никий, говорят, избегал посещать кого-либо из граждан, принимать участие в обществе, в беседе. В исполнении своих служебных обязанностей он был необычайно аккуратен, а вне их замыкался в своем доме и был малодоступен. Если кто приходил к нему, то выходили его друзья и говорили, что Никий просит извинить, так как и теперь он очень занят государственными делами. Никий был суеверен и постоянно советовался с разными предсказателями-хреспологами. Его политическое направление, общественное положение, некоторые черты, например «филантропия», отмечаемая Плутархом, располагали к нему аристократическую партию. Но и демос относился к Никию хорошо. Сама робость Никия перед толпой и страх перед сикофантами являлись в глазах массы как бы доказательством его демократизма. Притом он располагал народ хорегиями, гимнасиями и тому подобными средствами, превосходя своих предшественников и современников блеском и великолепием постановки. Даже комики относились к Никию сочувственно и лишь мягко, слегка порицали его за нерешительность и трусость. А Аристотель в «Афинской политике» (28) причисляет Никия к самым лучшим «после древних» политическим деятелям в Афинах и добавляет, что в этом согласны почти все.

Таковы были преемники Перикла.

Клеон имел близкое отношение к финансам. Продолжительная, тяжелая война требовала больших расходов. С весны 431 г. и до начала зимы 428 г. истрачено было около 3500 талантов. В среднем первые два года войны обошлись по 1800 талантов каждый, а следующие два — по 1100. Одна осада Потидеи в течение двух лет стоила 2000 талантов. По сохранившимся в виде надписей счетам в первые 7 лет военных действий, начиная с Керкирских замешательств в 433 г. по 427/26 г., взято заимообразно из казны богини Афины 4001 талант, из казны «других богов» — более 700, а из казны Ники (Победы) — 22 таланта, всего круглым счетом — 4750 талантов¹⁸. Необходимо было изыскать новый источник доходов. И вот в 428 г. введена была прямая по-

дать с имущества, *эйсфора*, в размере 200 талантов; в 425/24 г. повышен более чем вдвое форос с союзников. До тех пор, в общем, афиняне относительно фороса придерживались нормы времен Аристиды; но в течение полувека экономические условия сильно изменились, города стали многолюднее и богаче, ценность денег понизилась, и это могло служить оправданием при повышении фороса. Теперь общая его сумма доведена была приблизительно до 1000 талантов. Отдельных городов увеличение коснулось не в одинаковой степени: с одних форос был увеличен вчетверо и даже впятеро, с других оставлен прежний или повышен слегка¹⁹. Обе эти важные финансовые меры — введение *эйсфоры* и повышение фороса — приходится как раз на те два года, когда Клеон был членом Совета. По всей вероятности, он и был действительным их инициатором, хотя надежного, прямого свидетельства относительно этого и нет, и формально, например, предложение об увеличении фороса внес не Клеон, а Клеоним. Во всяком случае, меры эти были совершенно в духе Клеона; именно он беспощадно взыскивал налоги и недоимки; в Афинах начался ряд фискальных процессов, в союзные города — для взыскания фороса — посланы корабли и т. д. По-видимому, Клеон пытался уменьшить расходы на отряд всадников, набравшийся из богатой молодежи, но не имел успеха. Одновременно с увеличением доходов посредством повышения фороса повышена была — по всей вероятности, по инициативе же Клеона — плата судьям с 2 оболов до 3. Это была не только демагогическая мера: она вызывалась необходимостью — той дороговизной, которая являлась следствием долгой войны и опустошения Аттики неприятелем.

Война от смерти Перикла до Никиева мира и ее влияние на общество

На самом ходе войны после смерти Перикла мы не будем останавливаться; мы коснемся лишь важнейших ее моментов и притом таких, которые имеют близкое отношение к внутренней истории Афин или к борьбе тогдашних партий.

¹⁸ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. Gotha, 1904. S. 1015 f.

¹⁹ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. S. 1117-1119.

Таким моментом является, например, восстание в 428 г. Митилены, главного города острова Лесбоса. Из прежних союзников Афин к тому времени осталось только два, пользовавшихся равноправием и независимостью, — Хиос и Лесбос (Самос, как известно, был покорен еще при Перикле), и особых поводов к неудовольствию у митиленцев не было. Но они опасались, что афиняне при первом удобном случае и их лишат равноправия и независимости. Притом в Митилене властвовала аристократия, а аристократия вообще была враждебно настроена по отношению к демократическим Афинам. И вот Митилена задумывает отложиться от них. Афиняне, получив сведения об этом, пытались предотвратить опасность путем переговоров, а затем посылкой флота к Лесбосу. Однако военные действия начались, восстание охватило весь остров, за исключением города Мефимны. Митиленские послы, явившись в Олимпию во время игр, жаловались на афинян и просили помощи у Спарты. Но ни вторжение спартанцев в Аттику, ни посылка пелопоннесского флота на помощь Лесбосу не принудили афинян снять блокаду с Митилены и не спасли последней: Митилена была еще теснее осаждена и сдалась афинскому полководцу Пахету (427 г.).

Тогда в афинском народном собрании возник вопрос, как поступить со сдавшимися митиленцами. Сначала раздраженные афиняне решили было все взрослое мужское население предать казни, а женщин и детей обратить в рабство. Распоряжение об этом было даже уже послано Пахету. Но потом афиняне одумались, и на следующий день было созвано народное собрание, чтобы вновь обсудить дело. И вот во время прений, которые передает нам Фукидид (III, 37—48), высказаны были два противоположных воззрения на значение смертной казни как меры устрашения, причем перед нами впервые выступают доводы за и против по этому вопросу, впервые мы встречаемся с возражениями против самой целесообразности системы устрашения.

В защиту смертной казни и беспощадной строгости выступил Клеон, и прежде настаивавший на них. Он стоял за то, чтобы прежнего решения не отменять. Демократия, говорил он, не способна властвовать над другими. В этом он часто и раньше убеждался, а теперь — в особенности, видя раскаяние афинян в их решении относительно митиленцев. «Вы, — убеждал Клеон, — не

хотите понять, что ваше владычество есть тирания, что союзники слушаются вас не ради добра, которое вы им оказываете, вреда себе, но ради того, что вы превосходите их силой. Опаснее же всего, если мы не будем твердо держаться раз принятых решений и не признаем, что государство, пользующееся худшими, но неизменными законами, сильнее, чем то, которое имеет законы прекрасные, но бессильные»... Вторично обсуждать дело митиленцев — это значит лишь затягивать время, что выгодно скорее для виновных, нежели для афинян: только то наказание, которое как можно ближе следует за обидой, служит соответствующим возмездием. Клеон старался заранее дискредитировать возражения противников, бросая им обвинение в корыстных расчетах и в подкупе, а обращаясь к слушателям, к народному собранию, он говорил между прочим: «Вы не размышляете заранее, что из этого выйдет. Вы, можно сказать, ищите чего-то другого, а не тех условий, в каких мы живем, и недостаточно обдумываете настоящее положение». Клеон ратовал за то, чтобы не переменять решения и не впадать, таким образом, в ошибку «по трем самым губительным для власти побуждениям: состраданию, увлечению красноречием и снисходительности». «Слушаясь меня, — утверждал Клеон, — вы поступите и справедливо по отношению к митиленцам, и с пользой для себя; постановив же иное, вы их не расположите к себе, а себя накажете». Ради собственной пользы афиняне должны наказать митиленцев или же отказаться от власти и тогда они могут спокойно разыгрывать роль добродетельных. В заключение Клеон призывал покарать виновных и преподать ясный урок прочим союзникам, дабы те знали, что всякий, кто отложится, будет наказан смертью.

Против беспощадной казни без разбора выступил Диодот, о котором, за исключением речи, приводимой Фукидидом, мы, к сожалению, ничего больше не знаем. Но его речь замечательна, особенно если принять во внимание, что она произнесена более чем 2300 лет тому назад. В своих доводах Диодот исходит не из чувства человеколюбия, а из соображений целесообразности и государственной пользы. «Спор у нас, — говорил он, — должен быть, если мы благоразумны, не о преступлении митиленцев, но о мудрости нашего решения. Если бы даже я показал, что митиленцы совершили большое преступление, я на основании этого еще не требовал бы казни для них, если она для нас бесполезна. Хотя бы они

и заслуживали сколько-нибудь прощения, пусть бы их казнили, раз прощение не было бы хорошо для государства. Я полагаю, что в своем решении мы должны иметь в виду не столько настоящее, сколько будущее». Диодот решительно не соглашался с тем, что наказание митиленцев смертью полезно, что благодаря этому в будущем уменьшится будто бы число восстаний. «В государствах, — говорил он, — смертная казнь определяется за многие преступления»... И однако, люди решаются на опасные предприятия, надеясь на себя и на то, что выйдут благополучно из опасности. «И нет закона, который мог бы помешать этому; ибо люди прошли все виды наказаний, постепенно усиливая их в надежде, что, быть может, меньше будут терпеть от преступлений»... Дошли и до смертной казни; однако законы все-таки нарушаются. «Поэтому или необходимо изыскать еще более жестокое устрашение, или же смертная казнь не способна удержать от преступления». Разные житейские обстоятельства, надежды, страсти, желания, — все это властвует над человеком и нередко приводит его к опасным предприятиям. «Невозможно — да и было бы наивностью думать, что это можно, — когда природа человека страстно стремится что-либо сделать, отвлечь ее от этого силой законов или какой-нибудь иной мерой устрашения». «Итак, — говорил Диодот, — не следует полагаться на смертную казнь как на залог спокойствия и принимать гибельное решение». Не следует восставших лишать всякой возможности раскаяться и загладить свою вину, не следует отымать надежду на прощение и примирение. «Оберегать себя мы должны не суровостью законов, а заботливостью в делах». Людей свободных не должно подвергать суровому наказанию тогда, когда они уже восстали, а надо действовать так, чтобы им на мысль не приходило отлагаться, в случае же победы над восставшими возможно менее взыскивать с них. По мнению Диодота, для упрочения владычества гораздо выгоднее снести добровольно обиду, нежели, строго придерживаясь закона, истребить тех, кого следует пощадить. «Кто мудро решает, тот по отношению к врагам сильнее, чем тот, кто идет на них, хотя и с материальными силами, но неразумно».

Таким образом, уже в Афинах, еще за несколько веков до Р. Х., высказано было мнение, что суровые наказания и казни неспособны предотвратить преступления. Речь Диодота — первое известное нам из истории выражение этого мнения.

Афиняне отменили прежнее постановление. Казнены были лишь наиболее виновные²⁰. Стены Митилены были срыты, корабли отобраны. Фороса Лесбос и после этого восстания не платил; но на острове было образовано 3000 земельных наделов, из которых 300 посвящены богам, а остальные предоставлены аттическим клерухам. Землю, однако, обрабатывали местные жители, уплачивавшие клерухам по 2 мины аренды в год за каждый участок.

Вскоре после этого жестокая участь постигла верного союзника Афин, город Платеи, который еще при жизни Перикла осажден был спартанцами. Часть платейцев успела потом выйти из города, несмотря на осаду. Они нашли себе приют в Афинах. Им даровано было афинское право гражданства; но предварительно каждый из них должен был подвергнуться докимасии, действительно ли он платеец и друг Афин? Выдержавшие такую докимасию должны были быть переписаны на каменном столбе и распределены по демам и филам; но в фратрии они не были приняты и вообще занимали несколько особое положение среди афинских граждан²¹. Оставшиеся в Платеях через некоторое время принуждены были сдаться (427 г.). Спартанцы устроили над ними суд или, лучше сказать, пародию суда: каждому из сдавшихся платейцев они предлагали вопрос, оказал ли он услугу в войне лакедемонянам и их союзникам, и, получая, разумеется, отрицательный ответ — платейцы были союзниками Афин, — отводили в сторону и убивали; «пощады не было дано никому» (Thuc., III, 68). Попавшие в плен женщины были проданы в рабство; сам город Платеи, около которого некогда одержана была греками знаменитая победа над персами, отдан его заклятым врагам, фиванцам, и ими разрушен до основания.

Война из-за гегемонии превращалась в жестокую борьбу между олигархией и демократией. До какого ожесточения и одичания доходили в этой борьбе обе стороны, показывают кровавые сцены, разыгравшиеся на острове Керкире в тот же год, когда пала Митилена и разрушены были Платеи. По поводу их Фукидид дает

²⁰ И то, если верить тексту Фукидида, казненных было более 1000. Впрочем, цифра эта представляется маловероятной: некоторые предполагают опisku в дошедшем до нас тексте.

²¹ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. S. 1038.

(III, 82-83) поразительное по глубине анализа изображение тогдашнего нравственного состояния общества — извращения понятий, одичания и деморализации, вообще тех, так сказать, патологических явлений, которые были пагубным и необходимым последствием ожесточенной междоусобной войны и борьбы партий.

«Вся, можно сказать, Эллада пришла в движение, — говорит Фукидид, — так как везде происходили раздоры между представителями демоса, призывавшими афинян, и олигархами, призывавшими лакедемонян... И вследствие междоусобиц множество тяжких бед обрушилось на государство, — бед, какие обыкновенно бывают и всегда будут, пока человеческая природа остается той же, но только проявляются они в большей или меньшей степени и различны по формам, сообразно обстоятельствам в каждом отдельном случае... Итак, в государствах поднялись междоусобицы. Волновавшиеся позже, умудренные предшествовавшими событиями, шли гораздо дальше в переменах образа мыслей, в хитрости нападений, в необычайности мщений». Понятия извратились. «Безрассудная смелость стала считаться мужеством, готовым жертвовать за товарищей, предусмотрительная медлительность — благовидной трусостью, благоразумие — предлогом к малодушию, вникание во всякое дело — ленью во всем. Безумная же поспешность считалась уделом мужа, а осторожное обдумывание — благовидным предлогом к уклончивости. Поносящий других слыл во всем надежным, а возражавший ему — подозрительным; успешно строивший козни почитался умным и заподозривший их — еще способнее, а наперед решивший, чтобы совсем не нуждаться в них, — разрушителем товариществ, гетерий, и трусом перед противниками. Вообще хвалили того, кто предупреждал намеревавшегося совершить какие-либо злодеяния и кто побуждал к ним не помышлявшего о них. Родство связывало людей меньше, нежели политические кружки, так как участвовавшие в последних больше готовы были без всяких отговорок отважиться на все. Ибо подобные сообщества составлялись не в согласии с существующими законами, ради государственной пользы, но вопреки установленным, из-за корысти. Доверие друг к другу скреплялось не столько божественным законом, сколько противозаконием, совершаемым сообща... Предпочиталось отомстить кому-нибудь, чем самому не претерпеть обиды. Если ради при-

мирения и бывали клятвы, то они давались обеими сторонами только ввиду безвыходности положения, когда не имелось никаких других средств; но при удобном случае тот, кто раньше отваживался, если видел противника беззащитным, отомщал ему с тем большим наслаждением, что тот верил клятве и что это не было в открытой борьбе. При этом принимались в расчет как собственная безопасность, так и то, что победитель приобретал славу умного человека: большинство охотнее дает себя называть ловкими злодеями, чем добрыми простаками; последнего стыдятся, первым гордятся.

Причина всего этого — жажда власти из-за корысти и честолюбия; отсюда и страстность борьбы, раз она началась. Ибо лица, ставшие во главе государств, каждый под благовидными именами, отдавая будто бы предпочтение то политическому равноправию массы, то разумной аристократии, на словах служили общему благу, выставляя его целью борьбы, а на деле стремились к личным целям. Всяким способом борясь друг с другом, чтобы одолеть, они дерзали на ужаснейшие злодеяния и шли на еще большие отмщения, не соображаясь ни со справедливостью, ни с государственной пользой, но руководясь только тем, что приятно той или другой партии. Достигнув власти осуждением посредством несправедливого голосования или насилием, они готовы были тотчас же удовлетворить чувство ненависти. Обе партии ничего не считали святым; но те, кому при помощи благовидных слов удавалось достичь чего-либо ненавистным способом, слыли лучшими. Граждане, не принадлежавшие ни к одной партии, истреблялись обеими сторонами или потому, что не принимали участия в борьбе, или из зависти, что они могут остаться невредимыми.

Таким образом, всяческие виды испорченности вследствие междоусобиц водворились среди эллинов, и то добродушие, которое больше всего присуще благородству, было осмеяно и исчезло; сильно же возобладало враждебное, недоверчивое отношение друг к другу. Для прекращения вражды не было ни достаточно сильного слова, ни достаточно страшной клятвы... Брали перевес люди менее сильного ума: опасаясь своей неспособности и ума противников, они, чтобы не быть побежденными их словами и предупрежденными их изворотливостью, приступали к делу смело; а те,

смотря свысока и воображая, что могут все предусмотреть и что нет нужды прибегать к действию, где можно взять умом, погибали беззащитными»...

В 425 г. война, казалось, приняла более решительный оборот, и притом благоприятный для Афин. Афинский флот на пути в Сицилию, задержанный непогодой, по настоянию сопровождавшего его Демосфена занял Пилос (нынешний Наварин) на берегу Мессении. Пилос был наскоро укреплен и в нем был оставлен Демосфен с пятью кораблями. Весть об этом встревожила спартанцев: Мессения, с ее населением, находившимся в положении илотов, была у них самым уязвимым местом, и вот вторгнувшееся в Аттику спартанское войско поспешило покинуть ее; а на Пилос, чтобы вытеснить оттуда афинян, произведено было нападение и с суши, и с моря; в то же время спартанцы заняли остров Сфакторию, лежащий у входа в Пилосскую бухту. Нападение спартанцев было отбито. Между тем на помощь Демосфену возвращается афинский флот и наносит поражение спартанскому флоту. Сфактория была осаждена.

Спартанцы, чтобы спасти осажденных, среди которых были и спартиаты, заключили перемирие с афинянами и отправили послов в Афины для переговоров о мире. Момент для афинян, чтобы заключить мир, казалось, был благоприятен: Спарта готова была на уступки, лишь бы спасти осажденных соотечественников; и если бы мир был заключен, то нравственному влиянию Спарты во всяком случае нанесен был бы сильный удар: союзники не простили бы ей того, что она ради спасения своих граждан, находившихся на Сфактории, принесла в жертву интересы их, союзников. Но в Афинах против мира был Клеон: война, говорят наши источники, была ему нужна, чтобы «его гнусности не обнаружили», чтобы иметь влияние, играть роль. Но дело было не только в этом: вопрос о дуализме, основная причина войны, мог быть решен только полным поражением одной стороны и торжеством другой. В ответ на предложение мира и дружбы со стороны спартанцев афиняне потребовали возвращения Нисеи, Трезены, Ахайи, — словом, того, чем они владели до Тридцатилетнего мира 445 г., когда они мечтали о гегемонии на суше. На просьбу же спартанских послов назначить особую комиссию для ведения переговоров — чтобы переговоры эти не сделались тотчас же из-

вестными — афиняне ответили отказом: Клеон не доверял Спарте и опасался, что дело затянется. Он полагал, что можно достигнуть лучших результатов, когда в руках афинян будут спартанцы, осажденные на Сфактории. Большинство было на его стороне. Таким образом, переговоры были прерваны, и осада Сфактории продолжалась.

Но надежды афинян на скорый успех не оправдались: осада затянулась. Афиняне готовы были впасть в уныние. Можно было опасаться, что с наступлением зимы нельзя будет поддерживать осаду. Клеон упрекал стратегов, говоря, что если бы они были доблестными мужами, то взяли бы остров, и что он на месте их это сделал бы. Тогда Никий, против которого главным образом и направлен был упрек, заявил, что он уступает ему место: пусть Клеон возьмет на себя начальство над войском и исполнение задачи. Клеон стал было уклоняться, но, по настоянию афинян, вынужден был согласиться и заявил, что в течение двадцати дней он или приведет лакедемонян живыми, или перебьет их на месте. Такое «легкомыслие», говорит Фукидид (IV, 28), вызвало смех среди афинян. Тем не менее «благоразумные», т. е. умеренные и аристократы, противники Клеона, были довольны, ибо, по их мнению, могло быть одно из двух: или они избавятся от Клеона, так как в случае неудачи его влияние падет, на что они больше надеялись, или лакедемоняне будут в руках афинян.

Но события оправдали уверенность Клеона. Вообще он действовал тут с большим благоразумием. Он в товарищи или помощники себе выбрал Демосфена, который и раньше настаивал на более энергичных действиях и на взятии Сфактории посредством высадки. Прибытие Клеона с необходимыми подкреплениями — с отрядом легковооруженных и стрелков — дало возможность осуществить этот план, тем более, что в это время выгорел лес по берегу острова, служивший защитой осажденным, и теперь легче было произвести нападение. После долгого сражения, окруженные со всех сторон, лакедемоняне сдались, в числе около 300, между ними — 120 спартиатов, принадлежавших к лучшим фамилиям²².

²² Извещая о взятии Сфактории, Клеон употребил форму частного письма к «Совету и народу афинскому», а не официального уведомления, что вызвало толки в афинском обществе.

С пленниками и с торжеством возвратился Клеон в Афины. Ему предоставлены были почетные награды — пожизненный обед в Пританее и первое место (проедрия) в театре. Его влияние достигло высшей степени. На следующий (424/23) год Клеон был выбран даже в стратеги.

Этой победой афиняне воспользовались между прочим, чтобы повысить форос с союзников (см. выше). Вообще взятие в плен нескольких сотен лакедемонян было важным успехом. Пленники являлись драгоценным залогом в руках афинян. Спартанцы вынуждены были даже прекратить на время свои вторжения, так как афиняне объявили, что если спартанцы явятся в Аттику, то пленники будут казнены. Новые предложения мира со стороны Спарты ни к чему не привели. Афины надеются на полную победу. В 424 г. заняты были остров Кифера (к югу от Пелопоннеса) и мегарская гавань Нисея.

Но вскоре война приняла иной оборот. Ободренные успехом, афиняне задумали подчинить себе Беотию; но их сложный план нападения, одновременно с разных сторон, не удался, и они при Делии (в 424 г.) потерпели поражение от фиванцев. В это же время спартанский вождь Брасид переносит военные действия во Фракию и там наносит афинянам удар. Он решается приняться на деле за осуществление той программы, которая выставлена была Спартой еще в начале войны, — за освобождение греков от афинского ига. Брасид отличался талантом полководца, смелостью, решительностью; обаятельно действовала сама его личность: он обладал даром слова, столь редким среди спартанцев. Вообще Брасид составлял контраст остальным спартанским вождям. По своему характеру и стремлениям он не подходил к Спарте, да и спартанское правительство смотрело довольно подозрительно на этого смелого, талантливое, благородного вождя.

С небольшим отрядом Брасид отправляется в поход, проходит через враждебную ему Фессалию и, преодолев препятствия на пути, подступает к городу Аканфу; он обращается к жителям с речью, в которой говорит, что прибыл с целью освободить их от афинского ига, и склоняет их к отпадению от Афин. Затем Брасид направляется к Амфиполю, быстро овладевает мостом на реке Стримон и заставляет этот город также отложиться от афинян, чему историк Фукидид, находившийся с эскадрой у берегов Фасоса,

не успел помешать. Потеря Амфиполя и других фракийских городов была тяжелым ударом для афинян; отсюда они получали не только дорогие металлы, но и лес для постройки кораблей. Дальнейшие успехи сопровождали деятельность Брасида. Спартанское правительство безучастно, даже подозрительно, смотрело на эти успехи. Оно воспользовалось ими, чтобы заключить перемирие на один год с Афинами (423 г.). Каждая сторона должна была удерживать за собой свои завоевания. Но во Фракии враждебные действия не приостановились.

По истечении срока перемирия к Амфиполю является Клеон во главе войска. Во время произведенной им рекогносцировки Брасид внезапно напал на него. Афинский отряд потерпел поражение. Сам Клеон пал в битве. Брасид получил смертельную рану и скончался (422 г.). Гибель того и другого облегчила заключение мира, так как оба они противились ему и стояли за войну: Брасид надеялся сломить окончательно могущество Афин и не желал отдавать им в руки перешедших на его сторону афинских союзников, а Клеон, как мы видели, по словам наших источников, боялся с прекращением войны утратить свое влияние. Притом он надеялся на окончательную победу Афин и мир считал ошибкой.

Уже десять лет длилась война, а существенного результата не было достигнуто. Обе стороны были утомлены. Афиняне не имели уже прежней уверенности в собственных силах; можно было опасаться дальнейших отпадений союзников. Финансовые средства афинян истощались; заимствования из священной казны, несмотря на повышение фороса, продолжались: в четырехлетний промежуток, с 426 по 422 г., взято было из казны богини Афины около 748 талантов, из казны Ники — 6 талантов, а из казны «других богов» — более 50, в общем более 800 талантов²³.

Война особенно тяжела была для сельского населения, и оно жаждало мира. Выразителем желаний этого класса был Аристофан, особенно в комедии «Ахарняне», которая поставлена была еще в 425 г., и в «Мире», пьесе, относящейся к тому моменту (421 г.), когда между Афинами и Спартой состоялись уже переговоры, приведшие к Никиеву миру. Герой первой комедии, Дикееполь, мечтает о мире «и страстно желает вернуться в свой дом;

²³ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. S. 1186-1187.

ему противна политика и городской шум. За восемь драхм он получает «порцию» отдельного мира со Спартой на 30 лет и, избавившись от войны, на своем мирном участке в радости и веселии справляет праздник сельских Дионисий. Он склоняет в пользу мира даже ахарнян, ожесточенных против Спарты за разорение их области, полей и виноградников. У себя на участке он объявляет свободную торговлю всем пелопоннесцам, беотийцам и мегарцам. Пользуясь этим, сюда является голодающий мегарец, продающий двух своих дочерей-девочек под видом поросят, и за ним беотиец с разной живностью и другими продуктами своей страны, взамен получающий такой товар, какого нет в Беотии, — сикофанта. Тут же осмеивается воинственный Ламах, впоследствии один из вождей Сицилийской экспедиции, «герой на шлемах перьев и засад»,

Ужасный, стойкий, три султана у него
На шлеме; сам Горгоной потрясает он.

Пер. М. А. Георгиевского

Ламах возвращается из похода раненым, а Дикеополь напивается пьяным в веселой компании двух полногрудых девиц. В пьесе этой много смешных сцен, но сквозь смех видны «слезы о потерянном мире, потерянной связи с природой и матерью землей»²⁴.

В комедии «Мир» Тригей, который рекомендуется Гермесу как «честный виноградарь, не сикофант, не любитель дел судебных», летит на навозном жуке на Олимп и с помощью земледельцев освобождает богиню мира из глубокой ямы, куда ее бросил бог войны. Богиня мира возвращается при ликовании земледельцев и при этом не одна, а в сопровождении Опоры (Плодородия) и Феории (Празднества).

В одном из отрывков Аристофана говорится: «Ты, богатый мир и упряжка волов, — о, если бы я мог, отделившись от войны, окапывать и обрезать виноградную лозу и после освежающего купания попить молодое вино, закусывая хлебом и редькой». В другом отрывке прелести мира рисуются так: «Спокойная жизнь в поместье, свобода от рыночных дел, мирное обладание доброй

²⁴ Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. Т. I. СПб., 1905. С. 306.

парой волов, блеянье овец и журчанье молодого вина, льющегося в чашу, а на закуску — зяблики и дрозды; не нужно ждать с рынка рыбы, пойманной три дня назад и втридорога купленной из противных рук рыбного торговца»²⁵.

Таковы стремления к миру и идеалы этого класса в изображении Аристофана. Но и Еврипид тоскует по миру: «О, богатый и прекраснейший из богов, Мир! Я давно тоскую по тебе: так долго ты не появляешься к нам опять. Боюсь, что меня сломят заботы и старость, прежде нежели я увижу опять благодатное время твоего возвращения с чудными хоровыми песнями и веселыми пирушками. Приди же, приди, владыка мой, в мое отечество и прогони раздор и бешеную вражду, услаждающуюся острым убийственным оружием»...²⁶

Вообще после смерти Клеона в Афинах возобладали мирные течения. Влияние Никия, главы партии мира, возросло. Спарта со своей стороны желала мира, чтобы скорее освободить спартиатов, находившихся в плену у афинян; к тому же истекал срок ее договора с Аргосом, который теперь мог примкнуть к ее врагам. Таким образом, между Афинами и Спартой в 421 г. состоялся мир на пятьдесят лет, названный по имени главного его виновника *Никиевым*, закончивший собой первый период Пелопоннесской войны или, иначе, «Архидамову войну». По этому миру, в сущности, восстанавливалось положение, бывшее до войны: обе стороны должны были возвратить свои завоевания, за некоторыми исключениями²⁷. Афиняне должны были обратно получить Амфиполь, выдать пленных и возвратить Пилос, Киферу, но Нисея оставалась за ними взамен разрушенных Платей, область которых перешла к фиванцам. Отпавшие от афинян союзные города во Фракии оставались вне союза, независимыми в своем управлении, но обязаны были платить форос по Аристидовой норме. Споры и несогласия между сторонами должны были решаться судом.

²⁵ Gilben C. Beiträge... S. 99—100. Ср.: История Греции со времени Пелопоннесской войны. Т. I. С. 3—4.

²⁶ Беляев Д. Ф. Воззрения Еврипида на сословия и состояния, внутреннюю и внешнюю политику Афин // ЖМНП. 1885, октябрь. С. 491.

²⁷ Именно, за исключением тех пунктов, которые сдались по договору.

Чтобы лучше понять последующий ход событий, надо ближе ознакомиться с внутренним состоянием Афин того времени, ближе всмотреться в темные стороны тогдашней демократии, которых мы до сих пор почти не касались.

Темные стороны афинской демократии

В эпоху Пелопоннесской войны афинская демократия переживала тяжелый кризис. Тогда стали развиваться и яснее обнаруживаться ее отрицательные стороны²⁸. Мы видели, какое деморализующее влияние на общество производила война и ожесточенная борьба партий. Выступало новое поколение и новые вожди народа, демагоги, подобные Клеону; от аристократии и верхних слоев демоса политическое преобладание перешло к низшим слоям. Масса стала принимать более непосредственное участие в деле правления. Демократия грозила перейти в охлократию. Было время, когда над самым державным демосом в Афинах возвышался закон. В теории это оставалось; но в действительности теперь демос становился господином над всем, даже над законом. Обнаруживается деспотизм массы, большинства над меньшинством.

Аристотель, говоря о формах правления и их видах, различает четыре рода демократии. Первый вид демократии — тот, когда для занятия должности требуется ценз — и при том ценз незначительный, — так что каждый приобретающий его имеет доступ к должностям, а теряющий его лишается этого права. Второй и третий вид демократии состоит в том, что должности предоставляются всем гражданам, но властвует закон (различие между ними лишь то, что во втором роде демократии обращается внимание на безупречность, чистоту происхождения гражданина). Наконец,

²⁸ Их особенно старается выставить Ю. Шварц (*Schvarcz J. Die Demokratie. 2 Titelauf. Bd. I. Leipzig, 1884*). Сходный взгляд у А. Н. Гилярова (*Гиляров А. Н. Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции. М., 1888*). О крайностях такого взгляда — см. в Приложении к моей книге «Перикл»; также см.: Бузескул В. П. Введение в историю Греции. 2-е изд. Харьков, 1904 [есть более новое, 3-е изд.: Пг., 1915. — Примеч. науч. ред.].

четвертый вид демократии отличается тем, что здесь царит масса, а не закон. Это бывает тогда, когда решающая сила принадлежит псефизмам, но не закону. Происходит же это благодаря демагогам. Ибо в демократиях, управляемых по закону, не бывает демагога, но там на первом месте — самые лучшие из граждан. Где же законы не имеют силы, там появляются демагоги. Демос становится многоголовым монархом... Такой демос стремится царить, не подчиняясь закону; он становится деспотическим, и у него льстецы в почете. Такая демократия подобна тирании среди монархий. Поэтому и характер у них один и тот же: обе они деспотичны по отношению к лучшим гражданам; и псефизмы здесь, в демократии, то же, что там приказы, и демагог и льстец — то же самое: тот и другой имеют наибольшее влияние, льстец у тиранов, а демагог в такого рода демократиях. Виночники же того, что господствуют псефизмы, а не законы, — демагоги, все представляющие на решение народа. Ибо они сами становятся могущественными вследствие того, что демос — господин над всем, а над его решением — господа они, так как масса слушается их. Притом жалующиеся на власти говорят, что должен судить народ, а он охотно принимает жалобы, так что всякая власть подрывается (Pol., 1292 a). Такая демократия, по мнению Аристотеля, не полития, не правильный политический строй, «ибо где законы не властвуют, там нет политии». Лучший государственный строй, говорит далее Аристотель, тот, который основывается на среднем классе, — в котором этот класс многочислен и силен, и самое счастливое государство то, в котором граждане имеют среднее, достаточное состояние. А где преобладают несостоятельные, там почва для того или другого вида демократии, смотря по перевесу того или другого рода населения, например, если перевешивает земледельческое население, то — для первого вида демократии, а если число ремесленников и наемников, то — для последнего, т. е. для крайней, радикальной демократии (1295 b; 1296 b).

К этому виду демократии может быть отнесена и афинская, начиная со времен Пелопоннесской войны. Демагоги и псефизмы стали приобретать в ней все больше и больше значения...

Вспомним, какой напряженной, неутомимой деятельности требовала демократия от афинских граждан. Между тем по мере увеличивающегося влияния демагогов и преобладания низших элемен-

тов, преимущественно городского населения, многие начинают уклоняться от участия в народном собрании, суде, управлении: сельский житель, занятый обработкой своего поля и иногда живущий сравнительно далеко от города, не любящий городской сутолки и политики; аристократ, чувствующий себя не по себе среди народной толпы, или просто гражданин, которому претили демагоги и сикофанты, который их боялся и предпочитал стоять в стороне от политики... Доблестные и мудрые молчат, говорится в одном месте у Еврипида, и не стремятся к занятию государственными делами. Словом, начинает проявляться абсентеизм некоторой части афинского общества, абсентеизм, который потом принял широкие размеры.

В организации собственно правительства в Афинах обнаруживались недостатки. По словам Эд. Мейера, несколько, впрочем, стгушающего краски, настоящего правительства там после Перикла и не было: Афины, со времени падения Перикла и до македонской эпохи, находились в состоянии постоянной анархии²⁹. А по замечанию К. Ю. Белоха, Афины имели министерства, но не имели кабинета. Он находит много правды в словах, приписываемых Фукидидом Клеону, что демократия в том виде, как она существовала тогда в Афинах, из всех форм была самой неподходящей для великой державы³⁰ или, держась ближе греческого текста, «неспособна властвовать над другими».

Темные стороны тогдашних учреждений и политических нравов особенно обнаруживались в случае недостатка денежных средств. По свидетельству Лисия (XXX, 22), Совет, например, поступает вполне безукоризненно, пока есть деньги для правления, но как только является нужда в деньгах, он принужден принимать доносы, конфисковать имущества и слушаться самых дурных ораторов.

Мы видели, какое важное место в строе Афинского государства занимала гелиэя, суд присяжных. Этот суд — необходимая принадлежность демократических Афин; без него нельзя и представить себе их. В тогдашней литературе особенно отмечается страсть афинян к суду. Стрепсиад в Аристофановых «Облаках» не верит, что перед ним на карте Афины, так как он не видит

заседающих дикастов. В «Птицах» два афинянина, Пейфетер и Евелпид, покидают город, хотя он и велик и богат:

Но вот в чем дело:

Посмотришь, хоть цикады на деревьях:

Поют они, ну, месяц, много два

В году, а вот афиняне всю жизнь,

Ведь то и дело лишь, что распевают

В собраниях суда...

Пер. М. Е. Скворцова

Вот почему и пустились они в путь, ища спокойного места. А Удод (к которому они пришли), узнав, что они «оттуда, где прекрасные триеры», т. е. из Афин, спрашивает: «Неужели гелиасты?» и удивляется, что они, наоборот, противники гелиастов: «Разве там сеется такое семя?» на что Евелпид отвечает: «Немного, пожалуй, найдешь в селах». Но особенно осмеивает афинских гелиастов Аристофан в «Осах» (422 г.). Здесь он раскрывает перед нами саму, так сказать, психологию афинского присяжного, показывает, что было привлекательного в судебных обязанностях для заурядного гражданина. Герой «Ос», Филоклеон (т. е. друг Клеона, Клеонолюб), одержим страстью судить и обвинять. Эта страсть доходит у него до мании, до душевной болезни. Филоклеон страшится, что без него кто-либо будет оправдан; он рвется к судейским урнам, «чтоб кого-нибудь там подвести и упечь», хотя он в сущности человек не злой. Его товарищи, старики-гелиасты, являются за ним еще до зари — так спешат они в суд. Что же так привлекает их к отправлению обязанности присяжного? До известной степени, конечно, — плата; не будет заседания или гелиаст не попадет в него, он, по словам Аристофана, не знает на что купить припасов, где добыть обед. Но еще более привлекало гелиаста сознание власти, могущества, сознание того, что от него зависит судьба подсудимого, нередко человека сильного и богатого; дать почувствовать такому человеку свою власть — это доставляет гелиасту, человеку заурядному, бедному, большое наслаждение. Наша власть, говорит Филоклеон (545 sq.), ничуть не меньше царской. Он с постели встает, а его уже ждут важные лица; не успеет подойти к суду, как казнокрады протягивают ему свою холеную руку и жалобно молят о пощаде. Наконец он вхо-

²⁹ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. IV. Stuttgart, 1901. S. 335.

³⁰ Beloch K. J. Die attische Politik seit Perikles. S. 18-19.

дит в суд, и чего только он тут не наслушается! Один из просителей жалуется на бедность, другой рассказывает басню, иной острит, стараясь рассмешить; а если все это не действует, приводят сыновей, дочерей, заклиная детьми пощадить... «Это ли не власть? Не глумимся ли мы над богатством?» Филоклеона улаживает также, что они решают по своему усмотрению:

И отчета мы в том никому не даем, не в пример остальным учреждениям.

Сам Совет и народ, затрудняясь порой в разрешении важного дела, Усмотрению присяжных судей передает подсудимых особым декретом...

Сам горластый Клеон, оглушающий всех, только нас не грызет,
как собака,
А могучей рукой от напастей хранит, надоедливых мух отгоняя.

Но приятнее всего та встреча, которая ожидала гелиаста дома:

Когда я ворочусь с триоболом³¹ домой, домочадцы гурьбой обступят
И начнут лебезить, знают: — деньги принес!

Первым долгом меня моя дочка
И омоет, и ноги мои умастит, и, прижавшись ко мне, поцелует,
И лепечет мне: «папочка мой», а сама языком своим удит монету³².
Чтоб умаслить меня, моя женушка мне мягкий хлеб предлагает любовно,
И, усевшись рядом, угощает меня: «ты вот этого, милый, покушай,
Вот отведай того». Сердце радуется...

Наша власть неужели ничтожна?
Только Зевсу такая доступна...

Да и ты ведь изрядно боишься меня, —

Говорит Филоклеон сыну, который силой удерживал его дома
и не пускал в суд,

Да, клянуся Деметрой, боишься, а я, —
Провалиться мне, если боюсь я.

³¹Тремя оболлами, платой, которую получали гелиасты за каждое заседание.

³²Мелкую монету афиняне носили во рту.

В ответ на это сын Филоклеона, Бделиклеон (т. е. Клеононенавистник), доказывает, что гелиастам достаются лишь крохи. Ты сам, говорит он отцу, имея в виду весь афинский народ, мог бы благоденствовать,

Но не знаю я, как спеленали тебя благодетели массы народной.
От Сардинии власть ты до Понта прости, и громады владения эти,
Но тебе ничего, кроме платы твоей не дают, да и ту лишь по капле,
Понемногу за раз, точно масло, тебе источают для нужд ежедневных.
Цель прямая у них, чтобы беден ты был, а зачем это им, объясню я:
Для того чтобы знал ты хозяина, да, для того, чтоб по первому свисту
На врагов, на которых тебя натравят, ты подобно собаке кидался...

Пер. Н. И. Корнилова

Конечно, Аристофан преувеличивает: Филоклеон — карикатура, но и карикатура должна иметь некоторое сходство с оригиналом, иначе она и не производила бы желанного эффекта. Имеется целый ряд и других данных, указывающих на страсть афинян к суду.

Важнее другое обстоятельство: приговоры зависели часто от состояния денежной кассы; присяжным иногда прямо, без всяких стеснений, говорили, что если они не обвинят подсудимого, особенно богатого, то не будет денег, чтобы выдать им плату за исполнение обязанности судьи, и гелиасты осуждали, чтобы из денежного штрафа, наложенного на обвиненного, или из его конфискованного имущества получить эту плату... Ясный намек на это есть у того же Аристофана во «Всадниках» (1358 sq.): колбасник Агоракрит спрашивает Демоса, как он поступит, если какой-либо «блюдолиз-адвокат» скажет: «Нет вам, судьям, хлеба, если вы не вынесете обвинительного приговора в этом деле». И свидетельство Аристофана находит себе подтверждение в других источниках. «Вспомните, — говорит, например, Лисий в одной из своих речей (XXVII, 1), обращаясь к присяжным, — что часто, когда желали кого-либо несправедливо погубить, вам указывали, что если вы не осудите тех, чье осуждения требовали, вам не хватит платы». В другой речи Лисия (XIX, 61) обвиняемый откровенно говорит судьям, что если они поддадутся обвинителям и конфискуют его имение, то не получат и двух талантов; поэтому не только в отношении их доброго имени, но и в денежном отноше-

нии выгоднее оправдать его... И олигарх, современник Пелопоннесской войны³³, утверждает, что в своих судах афиняне заботятся больше о своей выгоде, чем о правосудии. Случалось, что судебное разбирательство не могло состояться за неимением денег для уплаты вознаграждения судьям³⁴. Но следует отметить, что случаи прямого подкупа присяжных в Афинах были чрезвычайно редки. Даже упомянутый выше олигарх свидетельствует о затруднительности подкупа в его время, а его свидетельство, как ненавистника демократии, в данном случае особенно ценно. В комедиях тоже не встречается намека на прямую подкупность судей, а между тем будь такое явление распространено, комедия, наверное, не преминула бы воспользоваться этим для своих нападок. Первый известный случай подкупа относится к концу Пелопоннесской войны, и источники отмечают его, как, очевидно, факт дотоле небывалый. Именно первый пример подкупа подал Анит, известный потом обвинитель Сократа; после потери Пило-са он был привлечен к суду и, по словам Аристотеля³⁵, избежал кары, подкупив суд.

Не будем говорить о том, что с развитием политической и экономической жизни, а с другой стороны — софистики и судебного красноречия процессы стали сложнее, запутаннее; развивалось крючкотворство, а гелиасты были большей частью люди простые, без юридических знаний и подготовки. Это были неизбежные недостатки народного суда, но они с избытком искупались его достоинствами³⁵. Гелиэя все же являлась одним из величайших созданий афинского гения, одной из замечательнейших попыток осуществить чисто народный суд, и ее недостатки зависели скорее от нравов, нежели от самого принципа, лежавшего в ее основе. Даже Аристофан, так зло осмеивающий гелиастов, и тот нападает не на принцип афинского народного суда, а скорее на искажение его³⁷.

³³ Автор Псевдо-Ксенофоновой «Афинской политики» (1, 13).

³⁴ *Lipsius J. H. Das attische Recht und Rechtsverfahren. Bd. I. Leipzig, 1905, S. 162.*

³⁵ *Aristot. Ath. Pol.*, 27. Ср.: *Diod.*, XIII, 64, и др.

³⁶ Об этом см.: *Oncken W. Athen und Hellas. Bd. I. Leipzig, 1865. S. 262 f.*

³⁷ *Croiset M. Aristophane et les partis à Athènes. S. 162.*

Отчасти в связи со страстью к процессам, так характерной для афинян, находится явление, которое было язвой афинской демократии. Это — *сикофанство*. Первоначальный смысл термина «сикофант» не вполне выяснен³⁸. По более распространенному объяснению³⁹ так назывались лица, доносившие о вывозе, вопреки запрещению, смокв и следившие на рынке, нет ли утайки пошлин. Впоследствии же сикофантами называли вообще ищеек и доносчиков, ябедников и клеветников, которые с целью вымогательства занимались ложными доносами, угрожали процессами и т. п. В эпоху Пелопоннесской войны сикофанство достигло уже большого развития и распространения. Оно превратилось в ремесло. В Афинах были профессиональные сикофонты. В Аристофановых «Птицах» представитель этой профессии говорит: «Что делать? Копать (землю) я не умею». Рода своего он, впрочем, не постыдит: уже дед его занимался сикофанством. Вообще сикофант одна из излюбленных второстепенных фигур в аттической комедии. У Аристофана в «Богатстве» сикофант с гордостью заявляет, что он служит государству — охраняет существующие законы и не допускает нарушать их, ибо иначе, без него, кто же бы выступал обвинителем в процессах? Тут верно подмечено одно из условий, способствовавших появлению и развитию сикофанства: особого государственного органа, который был бы блюстителем закона, в Афинах тогда не было: эта функция предоставлена была каждому желающему из афинских граждан. Сикофанты и были большей частью такими добровольными обвинителями, бравшими на себя роль блюстителей закона и государственных интересов. Они злоупотребляли «обвинением в противозаконии»; они не дают покоя мирным гражданам, отравляют им существование, и те нередко предпочитают откупиться от них. Они выступают с угрозами или с обвинениями и против ни в чем не провинившихся и таким путем больше всего зарабатывают, вымогая деньги. Особенно подвергаются преследованиям со стороны сикофантов люди богатые.

³⁸ *Girard P. Quelques reflexions sur le sens du mot «sycophante» // Revue des etudes grecques. T. XX. 1907. Ср.: Reinach S. Sycophantes // Revue des etudes grecques. T. XIX. 1906.*

³⁹ Еще у Плутарха, в биографии Солона (24). — Слово «сикофант» образовалось из двух: *σῆκον* — смоква, и *φαίνω* — показываю.

Яркую, образную характеристику сикофанта дает Демосфен⁴⁰, сравнивая его со змеей и скорпионом, которых следует уничтожать. Сикофант, по выражению некоторых, говорит Демосфен, — это «собака демоса», которая тех, кого выдает за волков, не кусает, а наоборот — овец, которых будто бы защищает, сама пожирает. Его ум не направлен ни на одно доброе государственное дело. Сикофант не занимается ни искусством, ни земледелием, ни каким-либо ремеслом, ни с кем не вступает в дружественное общение. Он ходит по площади, как ехидна или скорпион, поднося жало, поворачивая его туда и сюда, озираясь, кому бы причинить или беду, или поношение, или какое-либо зло, и, повергнув в страх, взять с него деньги... Непримируемый, блуждающий, необщительный, он не знает ни любви, ни дружбы, ничего такого, что испытывает обыкновенный человек.

Какой страх могли внушить сикофанты, показывает пример Никия (см. выше), который, чтобы не давать повода к доносам, избегал показываться в обществе и вел замкнутую жизнь. Критон⁴¹ жалуется Сократу, что тяжело жить в Афинах человеку, желающему заниматься лишь своим делом. «Меня, — говорит он, — некоторые привлекают к суду не потому, что обижены мной, а в надежде, что я скорее заплачу деньги, чем буду вести процесс». Тогда Сократ посоветовал ему отыскать такое лицо, которое бы его защищало от сикофантов и, в свою очередь, на них нападало, т. е. своего рода антисикофанта. Такового удалось найти, и это лицо было в большом почете у Критона и его друзей, также пользовавшихся им для защиты от сикофантов. Сикофанты служили предметом ненависти и презрения порядочных людей; но иногда пользовались влиянием в государстве и занимали даже почетное положение. Например, Агорат, против которого направлена известная речь Лисия, — по происхождению раб, был обвинен в ложном доносе, присужден к 10 000 драм

⁴⁰ В первой речи против Аристогитона (XXV). Говоря точнее, не Демосфен автор речей против Аристогитона и против Неэры (LIX); их принадлежность ему оспаривалась еще в древности. Но они — произведения его современника и во всяком случае содержат ценные свидетельства для характеристики тогдашних нравов.

⁴¹ *Xen. Memorab.*, II, 9, 1.

штрафа, но это не мешало ему пользоваться правами гражданина, заседать в суде, в народном собрании, поднимать государственные процессы⁴². Иногда сикофанты делались «ораторами», демагогами. Сикофант Стефан занимался своим ремеслом в собственном доме: он взял к себе в качестве жены куртизанку, которая, по соглашению с мужем, завлекала богатых иностранцев, а тот захватывал их, как прелюбодеев, и вымогал у них деньги. При этом Демосфен, от которого мы узнаем⁴³ эти подробности, отмечает, что Стефан тогда не имел средств и не получал от государства больших доходов, так как еще не был «оратором», а только сикофантом. Впрочем, это относится уже к IV в., ко времени упадка афинской демократии.

Государство создавало вред сикофантства и принимало против него меры. Известно, что за необоснованное обвинение, если в пользу его не оказывалось и пятой части голосов судей, полагался штраф в 1000 драм. Народное собрание имело даже право раз в году троих из особенно деятельных сикофантов предавать суду для изобличения. Но подобные меры не помогали, и сикофантство продолжало процветать в Афинах.

Прошло то время, когда аристократия, знатное и богатое меньшинство властвовало над массой. Роли переменились. Если прежде демос немало терпел от знатных и богатых, то теперь скорее он господствует над ними и теснит их. Обнаруживается нередко деспотизм и эксплуатация со стороны массы, большинства по отношению к меньшинству. Государственная власть является орудием этого большинства, которое старается использовать ее в своих интересах; оно стремится дать удовлетворение своему естественному чувству зависти и вражды к богатым. Мы видели, что основными принципами афинской демократии были исономия и исегория, равенство и свобода. Но в действительности в социальном отношении полного равенства не было. По-прежнему были бедные и богатые. Со времени Пелопоннесской войны эта классовая противоположность усиливалась; пропасть между богатыми и бедными увеличивается, развивается капитализм и его спутник —

⁴² *Burckhardt J. Griechische Kulturgeschichte. Bd. I. Berlin; Stuttgart, 1898. S. 246-248.*

⁴³ В речи против Неэры.

пролетариат. Такое противоречие между политическим равенством и социальным неравенством, между теорией, идеей, с одной стороны, и действительностью — с другой, особенно должно было чувствоваться и раздражать. Вражда между бедным и богатым столь же стара, как демократия в Элладе, говорит новейший историк античного коммунизма и социализма. Никогда эта противоположность не сказывалась с такой ясностью и резкостью, как со времен торжества идеи свободы и равенства в сфере государственной жизни⁴⁴. Достаточно было быть богатым, чтобы быть заподозренным как враг народа. Демагоги и сикофанты возбуждали недоверие массы против лиц, располагавших большими средствами. Судебные процессы против таких лиц, конфискация их имущества делаются обычными явлениями. Иногда ожидания не оправдывались: конфискованное имущество оказывалось меньше, чем предполагалось; тогда обвиняемому или его семье и близким грозили новые неприятности; начинались новые процессы по обвинению в утайке имущества и т. д.⁴⁵ Впрочем, к таким способам пополнения казны демократия стала чаще прибегать тогда, когда политическое могущество и финансовые средства Афин были подорваны и государство начинало испытывать нужду в деньгах, т. е. в эпоху упадка. На богатых падала и главная тяжесть войны, различные повинности в виде многочисленных и дорого стоивших литургий и налоги, особенно эйсфора, взимаемая с имущества. Эта эйсфора была тем тяжелее, что многие имения вследствие вторжений неприятеля были разорены и доходы уменьшились. А как тяжелы бывали литургии, показывает приведенный уже раньше пример одного афинского гражданина, истратившего в пользу государства более 10 талантов в течение девяти лет.

После всего этого понятна ирония обедневшего аристократа⁴⁶, который радуется тому, что потерял состояние. «Когда я был богат, — говорит он, — я, во-первых, боялся, как бы кто не

⁴⁴ Pöhlmann R. von. Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. Bd. II. München, 1901. S. 265.

⁴⁵ Как показывает одна из речей Лисия (XIX). Ср.: Burckhardt J. Griechische Kulturgeschichte. Bd. I. S. 236.

⁴⁶ В Ксенофоновом «Пире» (IV, 30—32).

сделал подкопа в доме, не взял моих денег и не причинил мне самому какого-либо зла. Затем, я ухаживал за сикофантами, зная, что я могу скорее от них претерпеть неприятности, чем сделать их им. Кроме того, государство требовало от меня постоянно каких-либо расходов, а отлучиться мне никуда нельзя было. Теперь же, после того как я лишился находящихся за нашими пределами имений, а здешняя земля не приносит дохода и домашнее имущество продано, я сладко сплю растянувшись; я стал надежным для государства, мне никто не угрожает, но уже я угрожаю другим; как свободному человеку, мне можно и отлучаться, и здесь оставаться. Предо мной встают с мест богатые и уступают дорогу. Теперь я подобен тирану, а прежде я был явно рабом. Тогда я вносил подать народу, а теперь государство мне платит и кормит меня»...

Недовольные. Сельский класс и олигархи. Политическая литература

С тех пор как началась Пелопоннесская война, в Афинском государстве немало было недовольных. К числу их принадлежал прежде всего сельский класс.

Нельзя сказать, чтобы бедный городской класс только выигрывал от войны, как утверждают это некоторые историки⁴⁷; и ему война давала себя чувствовать, особенно когда впоследствии (в 413 г.) спартанцы заняли Декелею в Аттике и таким образом держали Афины в блокаде; а от дороговизны жизненных продуктов, как последствия разорения страны и военного положения, класс этот страдал еще в большей степени, нежели люди состоятельные. Но он не нес тяжелых повинностей; его имущество не разорялось неприятелем; в городе он чувствовал себя дома и в безопасности; война давала ему и некоторые новые заработки. Пока Афины властвовали на море, их обширная торговля и промышленность не была подорвана; некоторые отрасли, напри-

⁴⁷ Например, М. Дункер (Duncker M. Geschichte des Altertums. Bd. X. S. 423) и К. Ю. Белох (Beloch K. J. Die attische Politik seit Perikles. S. 6, 13-14).

мер фабрики оружия и т. п., особенно процветали; торговля же противников, преимущественно коринфян, вследствие войны была стеснена и находилась в застое. Вообще городской демос, не исключая и более крупных торговцев и ремесленников, являлся обыкновенно главным сторонником политических новшеств, Клеона и войны. Иное было положение сельского населения. Война разоряла его. Ему, как было упомянуто, приходилось покидать свои поля, хозяйство, переселяться в город. Вторжения неприятеля сопровождались опустошениями, от которых страдал именно сельский класс. В особенности разорительно было истребление виноградников, оливковых и фиговых деревьев: оно оставляло след на многие годы, пока вновь могли вырасти лозы и деревья. Неприятелей больше бояться земледельцы и богатые, замечает автор олигархического трактата об Афинском государстве (2, 14); демос же (городской), зная хорошо, что ничто из его имущества не сожгут и не истребят, живет в безопасности и не боясь неприятелей. Интересы и стремления с одной стороны этого демоса, а с другой — богатых и земледельцев вообще во многом расходились; например, «корабли нужно спустить в море, бедному это нравится, а богатым и земледельцам не нравится»⁴⁸. Сельские жители проникнуты были консервативным духом; они стояли за старину. Они не любили политики и тех, кто ею занимается; они сравнительно редко посещали народное собрание. У Еврипида есть в этом отношении характерные слова в описании народного собрания (в «Оресте», 907 sq.): «Тогда поднялся другой гражданин, видом некрасив, но человек мужественный; он редко посещал город и площадь; он своими руками работал в поле; он был из тех, которыми держится благосостояние страны... честный человек, ведущий жизнь безупречную». Сельский класс видел, что его интересы приносятся в жертву, и он не сочувствовал тем новым вождям, тем порядкам и общему направлению, которые господствовали тогда в Афинах. Он был недоволен...

У Аристофана в «Мире» говорится, что когда сельский народ оставил поля и сошелся в город, то и не заметил, как он продал себя и как опутали его ораторы. А «Ахарняне» у него жалуются:

⁴⁸ Аристофан в комедии «Женщины в народном собрании» (197 sq.).

Старцы древние, мы город порицаем, так как он
По заслугам нас не ценит и за подвиги в морях
Нашу старость не покоит, допуская, чтобы нас
Стариков седых, уж спевших песнь свою, тащили в суд
Ритора-молокососы, поднимали б на смех нас.
Тень одна от нас осталась: чуть на ладан дышим мы,
Посох наш — вся наша сила, он наш щит, наш Посейдон.
Мы, от старости лишь шамша, перед камнем⁴⁹ их стоим,
Ничего вокруг не видя, кроме путаницы дел;
А тем временем мальчишки, подобрав себе друзей,
Быстро хлещут нас словами, ловко поражая нас,
Сыплют град на нас вопросов, всюду ставят западни:
Мучат так они Титона⁵⁰ и сбивают, и мутят.
Тот от старости лишь мямлит и теряет свой процесс,
Вне себя затем уходит и в слезах так говорит:
«Что на гроб я заготовил, то ушло теперь на суд»,
Так ли то быть должно, чтобы губили старика совсем седого у часов?⁵¹
Много тот старец зол перенес,
И не мало пролил поту он горячего в бою; много он
В битве славной Марафонской оказал услуг стране.
Да тогда, при Марафоне, мы гнали за врагом, —
Нынче ж нас уж самих негодяи гонят сильно и победы торжествуют...

Пер. М. А. Георгиевского

Жаловались сельские жители и на то, что их не в очередь вносили в список гоплитов, которые должны были выступать в поход, и вычеркивали других, горожан.

Средний аттический крестьянин в характеристике наших историков, преимущественно Аристофана, груб, невежествен, любит непристойности; он одарен здравым смыслом, но кругозор его весьма узок; мы уже видели, к чему сводятся его идеалы. Несмотря на тяжелые времена и разорительную войну, он жизнерадостен, не богат, но далеко и не нищ; он пользуется известным

⁴⁹ Т. е. перед трибуной оратора.

⁵⁰ Титон или Тифон — очень древний старец. Ему богиня Эос выпросила у Зевса вечную жизнь, но забыла при этом выпросить вечную молодость.

⁵¹ Показывавших время, в течение которого должна была быть произнесена речь.

достатком и обладает чувством независимости. Прежний антагонизм между землевладельческой знатью и мелкими земледельцами мало-помалу исчез; у них оказывались во многом общие интересы, которые и объединяли их, в сущности, в одну партию земледельцев или, по выражению Эд. Мейера, «аграриев»⁵². Сами по себе сельские жители не были тесно сплочены и не представляли строго организованной партии: в этом — их слабость, не говоря уже о том, что они далеко не так усердно посещали народное собрание и вообще не принимали такого участия в государственных делах, как городской демос. Но важно было то, что с возникновением Пелопоннесской войны, в силу некоторых общих интересов, начинается сближение недовольного сельского класса с элементами олигархическими⁵³. Это был опасный для демократии симптом.

Крайняя аристократическая или олигархическая партия издавна существовала в Афинах и не исчезла даже с торжеством демократии. Она то как бы замирала, то вновь оживала и проявляла себя в тех заговорах, ряд которых тянется через афинскую историю V в. — в сигнале, данном персам из Афин после Маратонского сражения, в замыслах накануне Платейской битвы, в умерщвлении Эфиальта, в оппозиции постройке Длинных стен, в сношениях со спартанцами перед Танагрской битвой и, наконец, в переворотах времен Пелопоннесской войны, о которых еще придется говорить. Партия эта преследовала узкие, партийные цели; она представляла собой элемент, непримиримо враждебный демократии. По признанию автора Псевдо-Ксенофоновой «Афинской политики», который сам был олигарх, если бы только аристократы господствовали в Совете и в народном собрании, то польза была бы лишь их собратьям, а демосу вред (I, 4[—]6). Заветная мечта олигархов — не ограничение владычества толпы, а безусловное господство их, порабощение демоса. Им ненавистна была самая идея равенства и народоправства. Аристотель сообщает, что в его время в некоторых государствах

⁵² Мейер Эд. Рабство в древнем мире / Пер. с нем. А. Вихарского. М., 1899. С. 34 сл.; также см.: Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. III. Stuttgart, 1901. S. 554.

⁵³ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. S. 821.

олигархи давали клятву: «Буду врагом народа и буду вредить ему, чем только могу». Ненависть афинских олигархов к демосу, по крайней мере, во время Пелопоннесской войны, была не меньше. В силу отмеченных раньше условий эта ненависть должна была достичь крайнего напряжения и олигархи приобретали под собой некоторую почву. Они пользовались всяким случаем, чтобы дискредитировать демократию. Для ниспровержения ее и подавления демоса всякие средства казались им хорошими, и если в Афинах была тогда революционная партия, то это была именно партия олигархов. Они бы не остановились перед таким шагом, как предание родного города в руки спартанцев, и готовы были прибегать к таким приемам, как тайные убийства и террор. Некоторые же олигархи надевали личину ярых демократов, чтобы тем вернее губить демократию и работать над ее низвержением...

Одним из средств в тогдашней борьбе партий⁵⁴ служили *гетерии* или «товарищества», являвшиеся политическими клубами и тайными обществами. Первоначально гетерии образовывались для взаимопомощи при выборах и на суде, чтобы проводить желательных кандидатов на должность или защищать членов от судебных преследований, сикофантов и т. п. Таким образом, сначала гетерии носили скорее оборонительный характер. Но вскоре их сфера расширилась и они получили политический характер. Члены гетерии давали взаимную клятву помогать друг другу советом и делом, деньгами и кровью. Такие общества иногда группировались вокруг какого-нибудь отдельного лица. По своему направлению они различались: были гетерии как олигархические, так и демократические. Но в Афинах особенно многочисленны были первые: при господстве демократии, пока она была еще сильна, олигархи не решались выступать явно и вынуждены были прибегать к тайным обществам, где и сосредоточивали свою деятельность. Гетерии вступали в сношения одна с другой и с подобными же обществами или клубами в союзных городах; иногда сообща намечался план действий и давались инструкции

⁵⁴ Whibley L. Political parties in Athens during the Peloponnesian War. 2nd ed. Cambridge, 1889; Vicher W. Die oligarchische Partei und die Hetairien in Athen // Kleine Schriften. Bd. I. Leipzig, 1877.

отдельным членам партии. Во время Пелопоннесской войны гетерии в Афинах широко разветвились и многим начинали уже внушать страх.

Недовольство богатых и земледельческого класса создавало благоприятную почву для деятельности олигархов, которые начинали находить себе опору. Но нельзя, конечно, сказать, что все богатые и земледельцы входили в состав олигархической партии. Кроме крайних демократов и крайних аристократов-олигархов, была еще средняя, умеренная партия, не относившаяся враждебно к самой демократии, не отрицавшая ее, но бывшая против ее излишеств, ее демагогов и сикофантов, тяготившаяся войной. К этой партии принадлежал, например, Никий. К ней в сущности примыкал ближе всего и земледельческий класс. Вообще партия эта была многочисленна, но посреди двух крайних — радикальной демократии и олигархов — она играла больше пассивную роль: ей недоставало организации, единства, определенной программы, энергии и смелости, даровитых вождей. Да и вообще в бурные эпохи кризиса, подобного тому, какой переживали Афины во время Пелопоннесской войны, успех остается скорее за крайностями.

Настроение части тогдашнего общества сказывалось в увлечении Спартой. Лакономания, которая достигла полного развития в самом конце V и первой четверти IV в., замечается в Афинах уже теперь, несмотря на войну со Спартой. Многие недовольные видят в последней свой идеал. Лакономания выражается даже в тогдашней моде, в нравах, обычаях.

Все люди были в лакономании,

говорит с насмешкой Аристофан (в «Птицах»):

Растили волосы и голодали.
Ходили грязные, носили палки
И корчили Сократов из себя.

Пер. М. Е. Скворцова

Особенно это нужно сказать о богатой и знатной молодежи, которая восторгалась подвигами Брасида и старалась во внешности подражать спартамцам, носила короткие плащи, лаконскую

обувь, отпускала по-спартански бороду, предавалась гимнастике и кулачному бою, гордилась разбитыми, распухшими ушами...⁵⁵

Но политические партии, их воззрения и настроение лучше всего отражались, конечно, в литературе. Мы уже видели, какой, например, богатый материал для характеристики темных сторон афинской демократии дает аттическая комедия. Она была тогда преимущественно политической и являлась органом оппозиции. И это объясняется не только тем, что от аристократов и вообще людей богатых зависела удачная постановка пьес, но и самой природой, назначением комедии: она должна была стоять в оппозиции вообще по отношению к существующему, и комики должны были осмеивать господствующие нравы, порядки и т. п., а таким порядком тогда в Афинах была именно демократия. Только благодаря терпимости и свободному духу этой демократии возможны были представления таких пьес, как Аристофановы комедии⁵⁶, с их насмешками и глумлением над самым державным демосом. Нельзя сказать, однако, чтобы Аристофан был олигархом и чтобы его комедия была органом именно олигархической партии. Но он против той радикальной демократии и ее вождей, которые господствовали в Афинах в его время; в политическом отношении он консерватор. Его идеал — «доброе старое время» борцов Марафона или даже Кимона, Миронида. Аристофан сочувствует земледельцам и выражает стремления преимущественно этого класса. В общем, он не всегда, впрочем, последователен, а рисуемые им идеалы — часто узки, низменны и даже пошлы. Он очевидно симпатизирует своему герою Дикеополу. В тот момент, когда афинянам приходилось напрягать свои силы в борьбе с врагом и приносить тяжелые жертвы, Аристофан прославляет мир во что бы то ни стало, рисует прелести этого мира и безмятежного покоя в соблазнительном, грубом виде, а другие интересы, достоинство и независимость государства для него тут как бы не существуют. Нередко невежество у него восхваляется, а

⁵⁵ Plat. Protag., 342 b; к тому же см.: Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. IV. S. 374; Белох Ю. История Греции / Пер. с нем. М. О. Гершензона. Т. II. М., 1899. С. 23.

⁵⁶ Об Аристофане: Müller-Strübing H. Aristophanes...; Couat P. Aristophane et l'ancienne comédie attique. Paris, 1889; Lange E. Athen im Spiegel der Aristophanischen Komödie. Hamburg, 1894; Croise/ M. Aristophane et les partis à Athènes.

нравственная испорченность выставляется естественным будто бы следствием умственного прогресса. Впрочем, мы не будем здесь подробно останавливаться на Аристофане как одном из представителей оппозиции: мы уже знаем, как относился он к войне и миру (в «Ахарнях» и «Мире»), к демократии с ее демагогами, подобными Клеону (во «Всадниках»), к темным сторонам афинского суда присяжных (в «Осах»), как изображал он женское движение в своих пьесах: «Лисистрата» и «Женщины в народном собрании». В последней комедии он затронул и стремления к коммунизму, не чуждые последующей эпохе упадка; в «Облаках» выступил против нового, софистического направления, а в «Богатстве», о котором еще придется упомянуть, касается социальных отношений, борьбы бедных и богатых. Даже такая фантастическая пьеса, как «Птицы», с их чисто сказочной обстановкой, имеет некоторое отношение к тогдашней действительности: она написана в 414 г., во времена Сицилийской экспедиции, когда афиняне особенно увлекались несбыточными планами, и в ее главном герое Пейфетере можно видеть «тип увлекающего простодушных людей прожектера»⁵⁷, не говоря уже о рассеянных в комедии намеках на исторические черты.

В греческой литературе со времени борьбы демоса и аристократии всегда был силен элемент политический. В период Проксении и софистов, в особенности со времени Пелопоннесской войны, вопросы о форме правления и о наилучшем государственном устройстве, внутренней и внешней политике, привлекают к себе общее внимание. В беседах софистов, в различных политических трактатах и речах вопросы эти с жаром дебатировались; описывалась, прославлялась или критиковалась существующая форма, вспоминался прежний строй «отцов», *πάτριος πολιτεία*, выставлялись идеалы совершеннейшего государства, обсуждалась проблема об отношении человека к государству и обществу и т. д. С площадей и из народного собрания борьба мнений и партий перенесена была и в литературу; в последней она находила себе не только выражение, но и орудие, средство для воздействия на общественное мнение. Политические рассуждения воспроизводятся в произведениях исторических, поэтических и др.

⁵⁷ Шварц А. Н. Триумф Пейфетера в «Птицах» Аристофана // Филологическое обозрение. Т. XV. 1901.

Уже у «отца истории», Геродота, дожившего до первых лет Пелопоннесской войны, есть такое рассуждение. Оно вложено в уста трех знатных персов, которые обсуждают достоинства и недостатки разных форм правления (III, 80 sq.). Один из персов в самом черном свете изображает монархию и противопоставляет ей демократию. Его характеристику последней мы уже приводили: перс этот стоит за «правление массы» прежде всего потому, что оно носит «прекраснейшее из всех названий» — равноправие (исономия); затем оно не делает ничего такого, что делает монарх; должностные лица избираются по жребию и ответственны; все предоставляется решению народа. Другой вельможа соглашается, что следует прекратить тиранию⁵⁸; но он против предоставления власти массе. «Ибо нет ничего неразумнее и наглее негодной толпы», и никоим образом нельзя допустить, чтобы люди, избегая своеволия тирана, отдавались своеволию необузданной массы. Тиран, если что-либо делает, делает со смыслом, а у народа нет смысла; да и какой смысл может быть у того, кто и не учился и не знает ничего доброго или приличного, и гонит дела, накидываясь на них, подобно бурному потоку. Демократией будут пользоваться те, кто желает зла персам; он же рекомендует олигархию, ибо «советы лучших мужей, разумеется, окажутся лучшими». Третий перс, будущий царь Дарий Гистасп, из трех форм правления — демократии, олигархии и монархии — отдает предпочтение последней. При народном правлении, говорит он, невозможно, чтобы не возникла порочность, а когда проникает порочность в государственные дела, тогда дурные не враждуют между собой, а находятся в дружбе: ибо вредные для государства люди делают свое дело сообща, сговорившись. Так продолжается до тех пор, пока кто-нибудь один не станет во главе народа и не положит конец их действиям. Монархия — самая лучшая форма правления, и она лучше обеспечивает свободу.

Симпатии самого Геродота были на стороне афинской демократии: мы видели, какое значение придавал он ее политической свободе, «исегории». Другой знаменитый историк древности, Фукидид, в надгробной Перикловой речи, из которой мы уже приводили наиболее характерные места, представил апофеоз демокра-

⁵⁸ Монархия и тирания у Геродота употребляются здесь как синонимы.

тии; но не радикальная демократия была его идеалом⁵⁹: характеризуя Перикла, он восхваляет его преимущественно за то, что он правил «умеренно», сдерживал демос, не подчинялся толпе, последующим же вождям ставит в упрек именно то, что они стали предоставлять все дела демосу. Фукидид сочувствует Периклу, так как тогда демократия была только по имени, на деле же правление первого мужа; он чувствует антипатию к демагогам, подобным Клеону, и в 97 гл. VIII кн. категорически заявляет, что лучшая форма правления из существовавших в его время была та весьма умеренная демократия, которая установлена была в 411 г. после низвержения олигархии Четырехсот, с передачей власти 5000 граждан, имевшим тяжелое вооружение, т. е. более состоятельным, с отменой платы за службу государству и т. д. О радикальной же демократии Алкивиад у Фукидида отзывается как о такой форме правления, которой люди мыслящие знали цену, и называет ее «общепризнанным безумием», о котором нельзя и сказать ничего нового (VI, 89).

Социально-политические сентенции и рассуждения влагались и в уста действующим лицам в трагедиях, особенно Еврипида. У него мы находим некоторые из тех положений, которые потом развивал и Аристотель в своей «Политике»; между ними — то, что главную основу и опору государства составляет средний класс, в состав которого входят земледельцы: это — наиболее здоровый элемент, которым держится государство. Ибо три есть класса граждан, говорится в Еврипидовых «Просительницах» (238 sq.): богатые бесполезны и постоянно жаждут большего; неимущие и нуждающиеся в средствах к жизни опасны, так как, поддаваясь зависти и обманываемые речами дурных вождей, они впускают злое жало в имущих; средний же класс спасает государство, храня установленный порядок.

⁵⁹ Ср.: Мищенко Ф. Г. 1) Послесловие // Фукидид. История / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. I—II. М., 1887-1886 [переизд.: М., 1915 (пер. в переработке С. А. Жебелёва); следующее переизд.: СПб., 1994; последнее переизд.: СПб., 1999 (пер. под ред. Э. Д. Фролова). — *Примеч. науч. ред.*; 2) Фукидид — сторонник афинской демократии // ЖМНП. 1890, август; мой ответ см.: Бузескул В. П. К вопросу о политическом демократизме Фукидида... // ЖМНП. 1890, декабрь; также см.: Бузескул В. П. Введение в историю Греции. С. 104 сл.

В той же трагедии есть целый своего рода политический трактат⁶⁰ о преимуществах и недостатках демократии и монархии, с доводами pro и contra. После уже известных нам слов Тесея о том, что в Афинах «нет единого властителя; это — свободное государство; народ сам правит посредством ежегодно сменяющихся выборных лиц; богатому не дается преимуществ и бедный имеет равные права», — следует ответ фиванского вестника, резко отзывающегося о демократии: «Государство, от которого я явился, управляется одним человеком, а не толпой. Нет в нем такого, кто бы, обманывая речами, вертел государством так и сяк, сообразно своей частной выгоде». Такой вождь доставляет минутное удовольствие, но потом вредит и посредством новых клевет, скрывая прежние неудачи, уходит от правосудия. «Да и как может хорошо править государством народ, который не в состоянии разобраться в словах?» Для этого надо время, а бедняк-земледелец, если и не невежествен, не может обращать внимания на государственные дела, так как занят своими; и вредно для лучших граждан, когда дурной человек, не будучи раньше ничем, держит в руках демос, благодаря языку своему (410 sq.). Здесь опять совпадение с некоторыми из замечаний Аристотеля, а последующая реплика Тесея напоминает отчасти характеристику демократии в знаменитой речи Перикла над павшими воинами. Для государства нет ничего ужаснее тирана, говорит Тесей. Где тиран, там, прежде всего, нет общих для всех законов; там господствует воля одного, приобретшего закон сам от себя, а это не есть равенство. При писаных же законах и бедный и богатый имеют равные права, и побеждает слабейший, если дело его право. Предоставляется свобода, кто хочет дать государству полезный совет. И желающий дать совет приобретает почет, а не желающий молчит. Где демос властелин земли, там радуются, видя, как растет число молодых граждан. Царь же считает их за врагов и лучших из них умерщвляет, боясь за свою тиранию. Может ли быть сильным государство, когда смелая молодежь, как весенние колося на ниве, подкашивается и истребляется (429 sq.)?..⁶¹

⁶⁰ Ср.: Dümmler F. Prolegomena zu Platons Staat und der Platonischen und Aristotelischen Staatslehre // Kleine Schriften. Bd. I. Leipzig, 1901.

⁶¹ Ср.: Беляев Д. Ф. Воззрения Еврипида на сословия и состояния, внутреннюю и внешнюю политику Афин // ЖМНП. 1882, октябрь. С. 401-404.

Но были и отдельные, самостоятельные политические произведения. Известно, например, что Критий, один из Тридцати тиранов, поэт, оратор и философ, писал о строе некоторых государств («Политии»), в том числе Афинского. Это были, по-видимому, произведения тенденциозные: Критий взводил обвинения на Фемистокла и Клеона в чудовищном казнокрадстве и лихоимстве. Довольно богатая политическая литература времени Пелопоннесской войны целиком до нас не дошла; она погибла, за исключением некоторых отрывков и одного замечательного образца, сохранившегося вполне. Образец этот — небольшой Псевдо-Ксенофонов трактат или, лучше сказать, памфлет об Афинском государстве («Афинская полития»), который не следует смешивать с не так давно открытой «Афинской политией» Аристотеля. Его издавна помещают обыкновенно в числе сочинений Ксенофонта, но в настоящее время никто не сомневается в том, что это произведение не Ксенофонта: ни по времени написания, ни по языку и изложению, ни по воззрениям оно не может ему принадлежать и обнаруживает в авторе такое политическое понимание и проницательность, такую глубину мысли, на какие вряд ли был способен Ксенофонт. Трактат написан, по-видимому, в 20-х гг. V в., когда демократия и морское могущество Афин были еще в полной силе, и принадлежит, несомненно, перу олигарха, но кому именно — неизвестно⁶². В отношении характеристики афинской демократии и взглядов олигарха произведение это чрезвычайно интересно.

Автор не одобряет выбранной афинянами формы правления, так как при этой форме у них «дурные» граждане оказываются в лучшем положении, нежели «хорошие», «благородные» («дурной» у автора синоним человека бедного и низкого происхождения, «хороший» — синоним знатного и богатого). Но раз они ее выбрали, нужно сознаться, что они прекрасно поддерживают ее и

⁶² Его автором считают то Крития, то Фриниха, известного олигархического деятеля 411 г., то, наконец, Алкивиада или Фукидида Алопекского, политического противника Перикла. Критическое исследование об этом памятнике, его текст и комментарий — А. Н. Шварца ([Ξενοφόντος] Αθηναίων πολιτεία. О государстве афинском, сочинение неизвестного автора V в. до Р. Х. Критическое исследование А. Шварца. М., 1891). Ср.: Бузескул В. П. Введение в историю Греции. С. 141 сл.

вообще поступают целесообразно. Если прочие греки думают, что афиняне заблуждаются и делают грубые ошибки, то это неосновательно, что и намерен автор показать в своем трактате.

Так, если в Афинах бедные и демос пользуются большими преимуществами по сравнению со знатыми и богатыми, то потому, что именно демос гонит корабли и доставляет силу государству. Поэтому кажется справедливым, чтобы все имели доступ к должностям и право рассуждать о государственных делах. К военным должностям демос, впрочем, и не стремится; он сознает, что полезнее, если не сам он будет занимать эти должности, а допускать к ним более состоятельных; он стремится к тем, которые связаны с жалованьем и выгодны в хозяйственном отношении. Далее, если преимущество отдается «дурным», бедным и вообще людям из народа, то этим самым поддерживается демократия: такие люди содействуют росту демократии; если же было бы хорошо знатым и богатым, то демократы усилили бы враждебный им самим элемент. Повсюду, в каждой стране, «лучшие» — противники демократии: у них меньше всего необузданности, несправедливости и больше стремления к благородному; у народа же — больше всего невежества, беспорядка, низости; ибо бедность доводит до постыдных дел и вследствие недостатка средств является невежество и невоспитанность. Можно было бы возразить, что следовало бы позволять говорить в народном собрании и участвовать в Совете не всем, а только более опытным и «лучшим». Но, замечает на это автор, в таком случае было бы хорошо лишь «благородным», а демократам — плохо; теперь же всякий «дурной», желающий говорить, изыскивает хорошее и себе самому, и себе подобным. Скажут, как может такой человек знать, что хорошо ему и демосу? Но демократы сознают, что его невежество и низость при благожелательности окажется полезнее, чем доблесть и мудрость «хорошего» при зложелательности.

Конечно, государство с такими порядками, продолжает автор, не может быть самым лучшим, но демократия так лучше всего поддерживается. Ибо демос вовсе не желает быть рабом при хорошем строе: он желает быть свободным и властвовать; до дурных же порядков ему нет дела. То, что считают нехорошими порядками, именно и дает демосу силу и свободу. Если искать хорошего строя, то его можно видеть там, где самые опытные люди

дают законы, благородные будут наказывать дурных, будут давать советы по государственным делам и не позволят, чтобы «сумасшедшие люди» участвовали в Совете и в народном собрании и говорили речи. Но при таких хороших порядках народ, однако, очень скоро впал бы в рабство.

Мы уже знаем, с каким возмущением этот олигарх говорит о распушенности рабов и метеков в Афинах: раба, например, нельзя ударить, и он тебе дороги не уступит. Но автор находит это вполне понятным: по внешнему виду раба и метека не отличишь от гражданина, и если бы дозволялось бить раба, то случалось бы, что побои наносились бы афинянину, которого можно принять за раба. Притом государство нуждается в рабах и метеках для морского дела, для многочисленных ремесел. Отсюда и «исегория» их.

Расходы по снаряжению кораблей, поставке хоров и т. п. несут богатые; народ же считает справедливым получать плату за то, что он поет, состязается в беге, пляшет, плавает... Что касается союзников, то лица, являющиеся к ним на кораблях, доносят (в Афины) на «хороших» из них и ненавидят таковых, полагая, что властвующий непременно должен быть ненавидим подвластным. И если в союзных городах получили бы силу богатые и «хорошие», то владычество афинского демоса держалось бы очень недолго. Вследствие этого «хороших» среди союзников афиняне лишают чести, отымают у них имущество, изгоняют и убивают, «дурных» же возвышают. «Хорошие» среди афинян поддерживают «хороших» в союзных городах, зная, что для них всегда полезнее поддерживать «лучших».

Казалось бы, что демос афинский поступает неразумно, принуждая союзников являться на суд в Афины. Но он при этом рассчитывает на выгоды. Во-первых, афиняне целый год получают вознаграждение; сидя дома, управляют союзными городами и спасают людей из народа, а противников губят на суде. А если бы союзники имели суд у себя дома, то губили бы тех из своих, кто больше всех расположен к Афинам. Кроме того, по словам автора, афиняне получают еще следующие выгоды от суда над союзниками: увеличивается пошлина, взимаемая в размере «сотой» в Пирее; кто имеет дом, вьючное животное или раба, отдает их в наем и получает доход, и глашатаям живется лучше, когда союзники являются на суд в Афины. Далее, если бы суд

был не в Афинах, то союзники оказывали бы почет и уважение только тем афинянам, которые к ним являлись на кораблях, — стратегам, триерархам, послам. Теперь же каждый союзник должен льстить всему народу афинскому, так как знает, что должен вести процесс не перед кем иным, как демосом, «который в Афинах — закон»; он должен заискивать, пожимать руку у входящего... Таким образом, союзники больше стали рабами афинского демоса.

Сухопутные силы, гопплиты, в плохом состоянии у афинян; но афиняне владычествуют на море, а союзники, населяющие острова и разделяемые морем, не могут соединиться; города же на материке повинуются Афинам, большие из страха, малые — по нужде. И автор распространяется о тех преимуществах, которые доставляет господство на море. Его слова отчасти мы уже приводили раньше, когда говорили о богатстве Афин, куда сходятся продукты из разных стран. По его мнению, в положении афинян есть только один недостаток — они не на острове. Если бы, властвуя на море, они населяли остров, то могли бы другим причинять вред, когда бы хотели, а их страна не подвергалась бы нашествию неприятеля и опустошению. Тогда они не опасались бы, что их город может быть предан олигархами неприятелю или что подымутся восстания в надежде на иноземную помощь, которая может быть приведена по суше. Но так как афиняне живут не на острове, то они делают следующее: имущество свозят на острова, полагаясь на свое морское владычество; Аттику же предают на разорение, зная, что если они ее пожалеют, то лишатся других, еще больших благ. Таким образом, этот олигарх оправдывает Периклов план войны. Тут же он делает замечание, которое было уже приведено, именно, что земледельцы и богатые больше боятся неприятеля; демос же не боится, зная, что он в безопасности и что у него нечего жечь и истреблять.

Пропускаем ряд других замечаний трактата, в том числе и касающихся комедии, запрещения осмеивать демос, но не отдельных лиц. Автор утверждает, что афинский народ знает, какие граждане «хорошие» и какие «дурные», но он любит тех, кто ему близки и полезны, хотя бы то были и дурные, а «хороших» ненавидит тем сильнее, что, по его мнению, у этих хороших доблесть направлена не на добро, а на зло по отношению к демосу.

Олигарх этот прощает демосу его демократию, ибо «простительно каждому благодетельствовать самому себе»; но если кто не из народа предпочитает жить в демократическом государстве, а не в олигархическом, тот в его глазах заведомо готовится совершать несправедливость, рассчитывая, что в демократическом государстве дурному укрыться легче, чем в олигархическом.

Итак, повторяет автор, он не одобряет образа правления Афинского государства, но раз афиняне решили управляться демократически, они, по его мнению, хорошо поддерживают демократию указанными способами.

Но некоторые порицают афинян за то, что трудно в Афинах, даже просидев там год, добиться чего-либо от Совета или от демоса. Но это, по словам даже олигарха, происходит не по какой-либо иной причине, как потому, что афиняне вследствие множества дел не в состоянии их рассмотреть. Во-первых, у них столько праздников, сколько ни в одном другом греческом государстве; во-вторых, приходится разбирать столько тяжб, жалоб и отчетов, сколько не разбирает все человечество. Некоторые, правда, утверждают, что если кто явится в Совет или к народу с деньгами, тот добьется своего. Автор соглашается, что в Афинах с деньгами многого можно достичь, но он утверждает, что исполнить просьбы всех афиняне не в состоянии, сколько бы золота и серебра им ни давали; и он перечисляет при этом важнейшие дела, обыкновенно подлежавшие рассмотрению. «Думаете, что не все их надо решать? пусть кто-нибудь укажет, что именно. А если все их решать, то надо решать каждый год». Скажут, что судей нужно меньше; но в таком случае легче будет вступать в соглашение с судьями и подкупать их, так что судить будут менее справедливо.

Вообще автор того мнения, что в Афинах нельзя иначе вести дела, чем так, как они ведутся; можно слегка что-либо убавить или прибавить, но многого нельзя трогать, не разрушая вместе с тем демократии. Можно многое придумать, чтобы государственный строй был лучше; но чтобы существовала демократия и вместе с тем правление было лучше, это придумать нелегко.

В конце трактата находим замечания по поводу того, что афиняне при восстаниях в городах принимают сторону «худших». Но автор полагает, что они делают это с намерением: если бы они принимали сторону «лучших», то поддерживали бы не тех, кто

им сочувствует. Ни в одном городе «лучшие», т. е. аристократы, не благоволят демосу, но «самые худшие» расположены к нему, ибо «подобный всегда благоволит подобному» («свой своему поневоле брат»). И когда афиняне принимали сторону лучших, из этого для них не выходило ничего хорошего.

Из остальных замечаний отметим свидетельство этого олигарха о том, что в Афинах были случаи несправедливого лишения чести или прав, но таких случаев немного.

Таково, в общих чертах, содержание этого небольшого, но во многих отношениях любопытного произведения, являющегося вместе с тем древнейшим памятником *аттической* литературной прозы и первым дошедшим до нас политическим памфлетом. В нем есть неточности, преувеличения и противоречия; сам текст далеко не безупречен⁶³. Но, в общем, автор прекрасно показывает, как сама сила вещей заставляет афинян поступать так, как они поступают, и выясняет внутреннюю, неразрывную связь между состоянием общества, демократическими учреждениями и демократической политикой, между развитием демократии и ростом морского могущества. Он старается понять эту, в сущности ненавистную ему, демократию, понять причины и условия ее прочности и представляет на вид глубокую целесообразность ее учреждений и принимаемых афинянами мер. Он выводит из более общих причин те черты и явления, которые его современникам и единомышленникам казались случайными или результатом произвола. Трактат этот — плод борьбы политических партий и мнений. Он отличается подчас маккиавеллистическим тоном. По-видимому, автор вполне объективно рассматривает афинскую демократию; но местами, наряду с этим внешним спокойствием и опровержением как бы неосновательных обвинений против афинского демоса, проявляет-

⁶³ Все это дает повод к различным догадкам относительно автора и назначения трактата. См. исследование А. Н. Шварца, который выделяет главную часть, написанную, по его мнению, в умеренном тоне и принадлежащую олигарху той фракции, которая считала необходимым примириться с существовавшим строем, и противоречащие ей места, составляющие злобные замечания и возражения крайнего олигарха, вызванные чтением трактата и сделанные на полях или под строкой. По гипотезе А. Н. Шварца, последующий переписчик смешал вместе рассуждения первого автора и эти замечания.

ся большая страстность, вырываются замечания, полные иронии и злобы, в которых сказывается вся ненависть олигарха к этой демократии. Видимые противоречия в рассматриваемом памфлете тем именно и объясняются, что автор — принципиальный враг демократии: какие-либо отдельные, частичные исправления и изменения в строе, по его мнению, ни к чему не ведут; они бесцельны и невозможны; нужно или принимать эту демократию, как она есть, или же вырвать ее с корнем. Один ученый⁶⁴ сравнивает автора этого памфлета с офицером, который принимается за исследование верхов неприятельского укрепления, чтобы высмотреть слабые места и придумать подходящий способ нападения, но которого так поражает искусное расположение укрепления и целесообразное соединение частей, что он не только настоятельно предостерегает своих от слишком поспешного нападения, но, не обинуясь, выражает удивление перед планомерной постройкой и таким образом становится почти восхвалителем ненавистного врага. Именно ненависть сообщила особую остроту его глазу и помогла ему открыть некоторые, дотоле еще неизвестные, основные политические истины...

Пока война шла с равным успехом или существовал мир, демократический строй в Афинах сохранялся, и ему не могла грозить серьезная опасность. Но эта опасность настала для него, когда афинянам пришлось испытать тяжелую катастрофу.

Алкивиад, процесс гермокопидов и Сицилийская экспедиция

Никиев мир не мог быть прочен. Он был «гнилым миром». Не говоря уже о том, что он не решил окончательно вопроса о первенстве Афин или Спарты, не устранил одной из основных причин вражды — того дуализма, который существовал в Греции, — им прежде всего недовольны были союзники Спарты, особенно Коринф и Фивы; они отказались признать этот мир. Около того времени окончился срок договора между Спартой и Аргосом, и Аргос теперь занял враждебное положение по отношению к Спар-

⁶⁴ Gomperz T. Griechische Denker. Bd. I. Leipzig, 1896. S. 398.

те. Он стал во главе недовольных в Пелопоннесе. Далее, условия мира не были в точности выполнены. Афиняне, по настоянию Никия, выдали, правда, пленников, взятых на Сфактерии, и даже заключили со Спартой союз на пятьдесят лет; но Амфиполь не был им сдан; фракийские города отказались подчиниться. В свою очередь и афиняне по-прежнему удерживали за собой Пилос и Киферу. Вскоре власть в Спарте перешла к новым эфорам, стоявшим за войну, смотревшим на Никиев мир как на унижение их государства. И вот Спарта, чтобы выйти из своего изолированного положения в Пелопоннесе, заключает союз с Фивами, а это возбуждает еще большее неудовольствие и подозрение в Афинах.

Такое положение дел не могло не отразиться на афинских партиях: должны были выдвинуться те, кто был за войну со Спартой. Тут перед нами выступает замечательная личность — Алкивиад⁶⁵.

В нем наиболее резко выразился индивидуализм, свойственный эпохе. Алкивиад — чрезвычайно яркий представитель того времени, когда человек провозглашен был «мерой всех вещей». Эгоизм возведен был тогда как бы в систему, в теорию. «Развилось», говоря словами одного из новейших историков⁶⁶, «крайне индивидуалистическое воззрение на мир и на жизнь, которое доходило нередко до полного отрицания права и государства и объявляло интерес абсолютным мерилем всякого действия и поведения. Это была эпоха индивидуалистического естественного права, которое при удовлетворении эгоизма не знает никакого другого предела, кроме размеров собственной силы... По этой догматике эгоизма право всегда на стороне того, у кого в руках сила; оно тождественно с правом сильного». Все, казалось, было дано Алкивиаду: и богатство, и знатность, и красота, и необыкновенные дарова-

⁶⁵ Кроме Фукидида, см. об Алкивиаде у Плутарха, Ксенофонта, в некоторых диалогах Платона. См.: Hertzberg C. F. Alkibiades, der Staatsmann und Feldherr. Halle, 1853.

⁶⁶ Р. фон Пельмана (Пельман Р. фон. Очерк греческой истории и источниковедения / Пер. с 3-го нем. изд. под ред. М. И. Ростовцева. СПб., 1906. С. 158 [есть другой, более удачный перевод, осуществленный с 4-го нем. издания А. С. Князьковым, под ред. С. А. Жебелёва: СПб., 1910; переизд.: СПб., 1999. — Примеч. науч. ред.]).

ния, можно сказать — гениальность. Но велики были и его эгоизм, его честолюбие и тщеславие, жажда первенствовать, повелевать. Это личность, в которой было что-то демоническое; так обаятельно она действовала. Алкивиада можно было любить или ненавидеть; но трудно было относиться к нему равнодушно. И у него была толпа почитателей, преклонявшихся перед ним, и толпа врагов, травивших его. Вскоре после смерти Алкивиада, в IV в. создался его культ⁶⁷ как культ гения, сильной личности. Алкивиад готов был сломить все на своем пути. Это — натура, которая не могла подчиниться ни законам, ни обычаям, презирала их и выше всего ставила свое «я», свою личность и свои интересы, — натура, которую еще Б. Г. Нибур назвал «тиранической». По выражению одного греческого поэта, двух Алкивиадов не вынесла бы Греция. Намекая на Алкивиада, Эсхил в Аристофановых «Лягушках» дает совет: «Не следует вскармливать молодого льва в городе, а раз вскормили, надо подчиняться его нраву». И эта богато одаренная личность, благодаря отчасти своему непомерному эгоизму, отчасти условиям времени и среды, в которой действовала, не принесла пользы и счастья Афинам; наоборот, ее влияние скорее оказалось роковым, пагубным.

Дед Алкивиада, по имени тоже Алкивиад, был сторонником знаменитого законодателя Клисфена; отец его, Клиний, некогда мужественно сражался против персов при Артемисии и пал в битве при Коронее; его мать была из рода Алкмеонидов. Оставшись малолетним ребенком после смерти отца, Алкивиад воспитывался в доме Перикла, своего родственника и опекуна. Известен рассказ о том, что однажды, видя Перикла озабоченным тем, как дать отчет афинянам, Алкивиад заметил, что лучше было бы подумать, как вовсе не давать им отчета, — рассказ, характеризующий его отношение и к закону, и к демократическому строю. Известны также рассказы об оригинальных, смелых до дерзости, своенравных выходках Алкивиада, когда он был еще мальчиком и юношей. Уже тогда он заставлял говорить о себе. В молодости Алкивиад был самым блестящим представителем афинской «золотой молодежи», львом тогдашнего общества. Понятно, что Алкивиад не мог остаться в стороне от модного, господствовавшего

в то время философского направления. Он слушал знаменитых софистов — Горгия, Протагора, Гиппия, Продика, — и те считали себя польщенными, когда видели Алкивиада среди окружающих их учеников. Но ближе всего стоял он к Сократу. Оба гения, несмотря на всю разницу в возрасте, в характере, в склонностях, как бы чувствовали взаимное влечение. Когда у Потидеи молодой Алкивиад был ранен, Сократ прикрыл его собой и спас ему жизнь; в свою очередь в битве при Делии Алкивиад охранял Сократа во время отступления. Если верить Платону, Алкивиад признавался, что он стыдится одного только Сократа. Личность великого философа, по-видимому, ему импонировала. Но влияние Сократа на Алкивиада все же оказалось в сущности мимолетным. Еще более чем философия Алкивиада увлекали победы над женщинами, слава и власть, блеск и великолепие. В особенности он много тратил на содержание коней. В Олимпии в 416 г. он пустил на состязание семь колесниц — такого числа еще никто из частных лиц не выставлял — и получил три награды: первую, вторую и четвертую. Еврипид написал стихи в честь его победы. Союзные города оказывали ему необыкновенный почет и внимание: одни предоставили ему роскошные палатки, другие доставляли вино и припасы для его богатых пиров, третьи — скот и корм для лошадей. Вообще Алкивиад выступал здесь, в Олимпии, по-царски. Понятно, как мало подходила подобная личность к тогдашнему демократическому строю Афин. Непомерные траты и притязания Алкивиада давали повод подозревать его в стремлении к тирании.

Алкивиад держался демократической партии и главного соперника видел в Никии. Для него демократия была, впрочем, лишь средством для достижения цели; в сущности же, как говорил о нем один из олигархов, ему не было дела ни до олигархии, ни до демократии. У Фукидида он отзывается о демократии, как об «общепризнанном безрассудстве, о котором ничего нового и сказать нельзя». Он открыто заявлял — если верить тому же Фукидиду, — что не может любить свое государство тогда, когда терпит от него несправедливость, что он любил его лишь тогда, когда жил в нем безопасно (VIII, 48; VI, 89, 92).

В 420 г., тридцати лет с небольшим, Алкивиад был уже избран в стратеги. По тогдашним понятиям он был еще слишком молод для такой должности, и у комиков мы находим немало

⁶⁷ Bruns I. Das literarische Porträt der Griechen. Berlin, 1896. S. 509 f.

намеков и жалоб по поводу этого, например, что «не следует государственные дела поручать мальчику», «теперь в Афинах ведут речи юноши, становящиеся выше стариков», «достигает цели не добрый и полезный гражданин, а тот, кто первый в беге», и поэт обращается к Мильтиаду и Периклу с мольбой не допускать, чтобы юноши, благодаря быстроте своих пяток, достигали стратегии. Алкивиаду для достижения его целей — власти и влияния — нужна была война, тем более, что он чувствовал себя оскорбленным Спартой, пренебрегшей им и его молодостью и ведшей переговоры в Афинах помимо него. Посредством хитрости он расстраивает новое соглашение со Спартой и добивается того, что Афины заключают союз с Аргосом, аркадским городом Мантинеей и Элидой.

Военные действия возобновились в Пелопоннесе, хотя формально «Никиев мир» еще существовал. Афиняне действовали нерешительно и ограничивались полумерами: программа Алкивиада встречала противодействие со стороны Никия. В 418 г. в сражении при Мантинее спартанский царь Агис нанес поражение противникам Спарты, в том числе и афинянам. Это была, по словам Фукидида, «величайшая между греками битва за долгое время». Она подняла престиж Спарты, заглотив впечатление от их неудачи на Сфактерии. Это была вместе с тем и победа олигархии. Четверной союз — из Афин, Аргоса, Мантиней и Элиды — стал распадаться; демократическое движение, начавшее было распространяться в Пелопоннесе, приостановлено; возобладали реакция в пользу олигархии и Спарты.

Положение в Афинах было неопределенное; ни Алкивиад, ни Никий не имели решительного перевеса, что отражалось на всем ходе дел. Постигшая афинян неудача, поражение при Мантинее побуждали искать выхода из такой неопределенности. И вот в Афинах поставлен был вопрос об остракизме, к которому прежде и прибегали в подобных случаях, но который давно уже не применялся. Казалось, что должен будет отправиться в изгнание или Никий, или Алкивиад. Но кроме них были и другие, второстепенные вожди, претендовавшие на влияние. К числу их принадлежал Гипербол. Он, собственно, и стоял во главе той партии, которая составляла опору Клеона. Он-то и был как бы преемником последнего. Это демагог такого же типа, представитель того же об-

щественного слоя и той же программы, предмет насмешек для комиков, подобно Клеону. Оратор Андокид утверждал, что отец Гипербола — государственный раб, а сам он — «чужой» и варвар. Но это, очевидно, неверно. По своей профессии Гипербол был фабрикантом ламп. Выдвинулся он своей деятельностью в судах, выступая как обвинитель (синегор). По-видимому, он был за войну. Комедия приписывает ему воинственные замыслы даже против Карфагена. Гипербол был против Никия, с его мирной программой, консерватизмом и умеренностью; но еще более он был против Алкивиада, который, будучи в рядах демократической партии, заслонял его, стоял ему на дороге. Он-то и настоял на остракизме. Но исход был неожиданный: Алкивиад и Никий вошли в соглашение друг с другом; их приверженцы соединили свои голоса, и изгнанию подвергся Гипербол (417 г.). В этом видели как бы профанацию остракизма; не для таких лиц изобретен был суд черепков, говорит один комик. По словам Фукидида, Гипербол, «негодный человек», изгнан был не из страха перед его могуществом и влиянием, но за свою гнусность и за то, что позорил государство (VIII, 73). Быть может, Гипербол и не был уж такой ничтожностью — недаром комики уделяют ему столько внимания; но его изгнание показало, что остракизм отжил свой век, уже не достигает цели и утратил свой смысл, что им злоупотребляют... Это был последний случай его применения. Больше к остракизму не прибегали в Афинах, хотя формально он и не был отменен.

Мы видели уже, какой жестокостью сопровождалась иногда война. Новый пример показали афиняне в 416/15 г., беспощадно расправившись с населением острова Мелоса, первоначально державшего себя нейтрально. Говоря об этом, Фукидид приводит (V, 85 sq.) интересный диалог между жителями Мелоса и афинянами. Это — столкновение слабого и сильного, правды и насилия. Жители Мелоса опираются на свою правоту и надеются, что судьба, посылаемая от Бога, не допустит, чтобы они были побеждены, ибо они благочестивы и борются против несправедливости; в ответ афиняне ссылаются на право сильнейшего как на закон природы, который не они первые установили и который будет существовать вечно. «Право более сильного» восторжествовало: после долгой осады Мелос сдался; взрослое муж-

ское население было казнено, женщины и дети обращены в рабство; на остров отправлены афинские поселенцы. Говорят, что афиняне так жестоко расправились с жителями Мелоса по побуждению Алкивиада...

Алкивиад жаждал войны, которая дала бы ему славу, власть. Фукидид указывает еще на один его мотив — желание поправить дела, расстроенные непомерной роскошью и тратами, превосходившими даже его средства (VI, 15).

Случай вскоре представился. В Сицилии давно уже происходили междоусобицы и борьба партий. Правда, в 424 г. на конгрессе в Геле сиракузскому патриоту Гермократу, выставившему девиз: «Сицилия для сицилийцев», удалось достичь примирения между городами, но ненадолго. Вскоре вспыхнули новые раздоры, в том числе между Эгестой и Селинунтом, на стороне которого были Сиракузы. И вот Эгеста ищет помощи у афинян, ссылаясь на давний союз между ними, на опасность со стороны Сиракуз и предлагает принять на себя расходы по экспедиции. В Афинах сначала решили убедиться, в состоянии ли Эгеста нести такие расходы. Афинские уполномоченные, посланные с этой целью туда, дались в обман и, возвратясь, подтвердили слух о богатстве жителей; при этом Эгеста внесла 60 талантов вперед в уплату флоту за первый месяц. Тогда в Афинах, по настоянию главным образом Алкивиада, решено было снарядить ту роковую *Сицилийскую экспедицию* (415 г.), которая явилась поворотным моментом в их истории.

Сам факт отправки экспедиции к берегам Сицилии не был чем-либо необычайным, предприятием фантастическим. Между Афинами, с одной стороны, Италией и Сицилией — с другой, как мы видели, давно уже существовали довольно тесные, частые сношения. Не говоря уже о торговле, еще в середине V в. заключен был союз между Афинами и той самой Эгестой, которая теперь обращалась за помощью; при Перикле в южной Италии основана была колония Фурии; в начале замешательства, приведших к Пелопоннесской войне, афиняне вступили в союз с Регием и Леонтинами, а в первые годы войны не раз уже отправляли эскадры к берегам Италии и Сицилии. Таким образом, теперь дело было не столько в самой Сицилийской экспедиции, сколько в условиях, при которых она была предпринята, а главное — в ее целях, в разме-

рах, которые ей были приданы. Никиев мир, как упомянуто, был гнилым миром; военные действия в Пелопоннесе уже начались; можно было ожидать решительной войны в самой Элладе. Афиняне не успели даже добиться подчинения отпавших фракийских городов, в том числе Амфиполя, т. е. еще не справились с ближайшими задачами, и в это время предпринимают грандиозный поход в сравнительно далекую Сицилию. Помощь союзникам была тут только предлогом, действительная же цель и мотив этой экспедиции — покорение всего острова⁶⁸. Давно уже афинянами, по выражению Плутарха, овладела «несчастливая страсть к Сицилии». От этой страсти удерживал их Перикл. Теперь Алкивиад воспользовался ею. Завоевание Сицилии должно было нанести удар Спарте. Но этого мало: для Алкивиада и для многих афинян завоевание Сицилии было только ступенью, началом или «введением» к дальнейшему, еще более грандиозному предприятию. Их воображению представлялись Карфаген, Ливия; они мечтали о походе в Африку... Сицилия должна была служить опорным пунктом, откуда можно было предпринять войну с Карфагеном, приобрести господство над Ливией и над всем морем до Геракловых столбов... Молодежь в палестрах, старики в мастерских и на площадях, сидя на скамьях, чертили друг другу на земле карту острова, положение Ливии и Карфагена; описывали берега Сицилии, окружающее ее море, те гавани и места, которые лежали на обращенной к Африке стороне⁶⁹.

Алкивиаду афиняне не вполне доверяли; они опасались его честолюбия. Поэтому начальниками экспедиции в качестве полномочных стратегов (стратегов-автократоров), кроме Алкивиада, избраны были еще двое: осторожный Никий и Ламах, известный как храбрый, опытный воин, с поручением помочь Эгесте восстановить город Леонтины, жители которого переселились в Сиракузы⁷⁰, и вообще устроить сицилийские дела так, как сочтут наи-

⁶⁸ Thuc., VI, 6.

⁶⁹ Plut. Nic., 12; Alc., 17.

⁷⁰ Демократы в Леонтинах задумали общий передел земли, тогда олигархи обратились к сиракузянам, с их помощью изгнали демократов, а сами переселились в Сиракузы; город Леонтины опустел, и область его была присоединена к Сиракузам.

более выгодным для афинян. Казалось, что если гениальность Алкивиада соединится с осторожностью Никия и с мужеством Ламаха, то успех предприятия будет тем вернее обеспечен. В действительности же избрание трех полномочных полководцев вместо одного не предвещало ничего доброго: не могло быть необходимого единства в плане и исполнении, тем более что Никий был выбран против желания; он не сочувствовал предприятию, считая его пагубным. Но именно он, желая отвлечь афинян от этого предприятия, помимо воли содействовал тому, что оно приняло особенно большие размеры.

На пятый день после того как поход был решен, в народном собрании, в котором должны были обсуждаться подробности и меры относительно скорейшего снаряжения флота, Никий выступил против уже решенной экспедиции. Он доказывал, что не следует подымать войну из-за дела, не касающегося афинян, в то время когда здесь, в Элладе, многочисленные неприятели, когда мир и без того непрочен и не обеспечено то, что есть: халкидяне во Фракии не подчинены; покорность других сомнительна; безрассудно идти войной на такие народы, удержать которые в повиновении нельзя даже в случае победы, и это тогда, когда государству угрожают козни олигархов. Никий обращался к благоразумию старейших из афинян и, намекая на Алкивиада, призывал не поддаваться советам тех молодых честолюбцев, которые из-за личной выгоды и славы готовы повергнуть государство в опасность. В ответ на это Алкивиад говорил в свое оправдание, что тот блеск и роскошь, которые он проявляет, способствуют и славе государства, и доказывал, что Сицилию вовсе не так трудно завоевать: население ее представляет смесь, в нем нет единения; поход усилит могущество Афин, доставит им господство над всей Элладой; в покое государство скоро дряхлеет, в борьбе же усиливается и т. д. Тогда Никий, думая напугать афинян издержками, заявил, что если предпринимать поход, то надо предпринимать его с большими морскими и сухопутными силами, с соответствующим количеством провианта, денежных средств и пр. Но это не помогло, и результат получился обратный тому, на какой рассчитывал Никий. От Никия потребовали, чтобы он определенно сказал, сколько, по его мнению, нужно сил, и Никий, скрепя сердце, ответил, что необходимо не менее 100 триер, 5000 гоплитов, соответствующее

число прочего войска, легковооруженных и т. п. Все это решено было предоставить полководцам и облечь их неограниченными полномочиями. Страсть к отплытию, говорит Фукидид, овладела всеми; старшие надеялись или на покорение острова, или на то, что такие большие силы не потерпят поражения; молодежь жаждала видеть далекую страну; масса рассчитывала на жалованье и на приобретение нового могущества, благодаря которому можно будет постоянно получать жалованье. А если кто и не одобрял предприятия, то молчал, боясь показаться злонамеренным, плохим гражданином (VI, 8—26).

Флот снаряжался, шли приготовления к его отплытию, как вдруг случилось происшествие, взволновавшее город: в одну майскую ночь 415 г. изуродованы были «гермы», т. е. столбы с изображениями Гермеса, стоявшие на улицах и площадях, у входа в частные дома и в святилища⁷¹. Ночные скандалы и бесчинства подвыпившей молодежи, сопровождаемые нередко святотатством, были в Афинах довольно обычны. Но размеры этого святотатства были необычны, и народом овладела тревога: в изуродовании почти всех герм он видел дурное предзнаменование для экспедиции; он боялся небесного гнева и кары. Участников в святотатственном поступке, очевидно, было много. Притом здесь виделся какой-то организованный план, замысел; чудился заговор, направленный против демократии. Виновники не были известны; дело было загадочное, темное, и это еще усиливало беспокойство и уныние. Были лица, которые постарались еще более раздуть дело и использовать его в своих видах или в видах партии. Представился удобный случай запутать в него и Алкивиада, который многим стоял на дороге, и таким образом устранить его.

В числе главных действующих лиц, с особенной энергией принявшихся за это дело изуродователей герм, *гермокопидов*, мы встречаем, во-первых, Писандра, в то время бывшего ярким демократом или, по крайней мере, носившего его личину, — которого комики первоначально преследовали своими насмешками и называли то погонщиком ослов, то «большим ахарнским ослом», — а вскоре затем ставшего ревностным олигархом, одним из дея-

⁷¹ Главные источники — Фукидид (VI, 27 sq.) и Андокид (речь о мистериях).

тельнейших участников переворота 411 г.⁷²; затем мы видим таких демагогов, как сторонник Клеона, Клеоним, не раз мимоходом осмеиваемый Аристофаном, Андрокл, искренний демократ и заклятый враг Алкивиада⁷³, и др. Они стараются еще более возбудить в народе подозрительность и беспокойство. Созвано было народное собрание и, по предложению Писандра, назначена была премия в 10 000 драхм тому, кто первый укажет виновных⁷⁴. Постановлено было, что каждый, будь он гражданин, «чужой», метек, или даже раб, если знает о каком-либо ином кощунстве, может доносить безнаказанно, хотя бы и сам был участником. Дело, таким образом, расширилось; речь уже шла не только о гермокопидах, но и о других случаях святотатства. Совету⁷⁵ предоставлены были особые полномочия, и им избрана следственная комиссия с Писандром во главе. Начались доносы и толки о том, что в городе есть люди, подвергающие насмешкам и профанации религию, элевсинские мистерии и т. п. Тут у многих на устах было имя Алкивиада, который известен был своими выходками, полным пренебрежением к обычаям и святыням; казалось, он на все был способен и для него ничего не было святого.

И вот, когда флот был готов уже к отплытию, в народном собрании, в котором полководцы должны были получить свои последние инструкции, некто Пифоник выступил с заявлением, что Алкивиад в одном частном доме устраивал пародию на мистерии, и в доказательство представил в качестве свидетеля раба, который видел это. Алкивиад готов был дать ответ на суде; но тщетно требовал он немедленного суда: враги Алкивиада опасались решения в его пользу, так как на его стороне было войско и так как только ради него аргосцы и мантинейцы приняли участие в экспедиции. Кроме того, они надеялись в отсутствие Алкивиада собрать новый материал для его обвинения. При помощи недалёковидных друзей Алкивиада они добились того, что процесс был отложен до его

⁷² О котором — дальше.

⁷³ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. S. 1287 f., 1292 f.

⁷⁴ Затем, по предложению Клеонима, объявлена была и другая премия в 1000 драхм за второе донесение.

⁷⁵ Может быть, новому, раньше срока вступившему в должность. См.: Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. S. 1292; Keil B. Athens Amtsjahre und Kalenderjahre im 5. Jahrhundert // Hermes. Bd. XXIX. 1894.

возвращения: Алкивиад отправлялся во главе экспедиции, под тяжестью не опровергнутого обвинения, как подсудимый...

Провожаемый населением со смешанным чувством надежды и тоски, флот отплыл из Пирея. У Керкиры присоединились союзники. Это была целая армада, по словам Фукидида (VI, 31) — «самое дорогое и великолепное снаряжение из всех, бывших до тех пор». Флот состоял из 134 триер, из которых афинских было 60 военных кораблей, 40 транспортных, остальные — союзные. Кроме того, имелось 130 транспортных судов с запасами хлеба и вообще провианта, с каменщиками, плотниками, с материалом и орудиями, необходимыми для осады. Многочисленные купеческие суда в торговых целях следовали за флотом. Экипажа было около 25 000 человек; войско состояло из 5100 тяжеловооруженных гоплитов, из которых афинян было 2200, из 1300 легковооруженных, стрелков, прашников и т. п. Но не столько численностью отличался этот флот и войско, сколько великолепием: государство и частные лица не щадили средств на их снаряжение. Моряки получали жалованье по одной драхме в день. Триерархи платили гребцам добавочные, снабдили корабли дорогой отделкой и старались превзойти друг друга: каждый старался, чтобы его корабль был лучше и быстрее. Если сосчитать государственные расходы и издержки частных лиц, помимо запасов, говорит Фукидид, то оказалось бы, что вывезено из государства множество талантов. По приблизительному подсчету⁷⁶, содержание 100 триер обходилось в эту экспедицию в 100 талантов в месяц.

В Сицилии не верили, что поход в таких размерах предпринят с целью лишь помочь Эгесте, и опасались завоевательных планов со стороны афинян. Таким образом, экспедиция встречена была почти общим недоверием. Во главе ее стояло три полководца, между которыми не было согласия. Каждый из них имел свой план действий: Никий желал ограничиться помощью Эгесте, Ламах настаивал идти прямо на Сиракузы, а Алкивиад думал сначала прочно утвердиться на острове, соединиться с сицилийскими городами и тогда идти на Сиракузы. Его мнение взяло верх. Афиняне заняли уже Катану, как вдруг прибыл государственный корабль Саламиния за Алкивиадом: его требовали на суд в Афины.

⁷⁶ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. S. 1287 f., 1298.

Там, после отплытия флота, по-прежнему производилось следствие о профанации мистерий и изуродовании герм... Во главе дел, в отсутствие Никия и Алкивиада, стояли, в сущности, Писандр и Андрокл. Вновь появились доносы. Афиняне принимали их на веру, говорит Фукидид (VI, 53), и по оговору дурных людей хватали и заключали честных граждан в оковы. Некто Диоклид показал, например, что он, отправляясь ночью в Лаврийские рудники за работавшим там рабом, при лунном свете видел, как толпа людей — человек 300 — спустилась к театру и разделилась на группы и что это и были те, кто изуродовал гермы. Он назвал более сорока лиц, в том числе даже двух членов Совета. Диоклида приветствовали как спасителя, наградили венком, обедом в Пританее. Но затем оказалось, что это — ложный донос, что ночь, в которую было совершено преступление, была даже не лунная. Диоклид за ложный донос был казнен. После его показания еще большая тревога овладела народом, который ко всему относился подозрительно. Однажды, под влиянием слухов о приближении беотийцев и спартанцев, афиняне провели всю ночь вооруженные. Их пугал призрак тирании, и демос сам становился подозрительным тираном. Рабов подвергали пытке, чтобы вынудить у них показания. Едва не было принято предложение Писандра — вопреки закону применить пытки по отношению даже к гражданам. Многие, особенно из оговоренных лиц, бежали из Афин. Под влиянием доносов и арестов распространилась паника; доходило до того, что когда глашатай созывал Совет на заседание, то граждане опрометью покидали площадь, боясь быть арестованными. Никто не считал себя в безопасности. Положение оговоренных и задержанных было тяжелое: их аресту не предвиделось конца, и на спасение не было надежды. Тогда, чтобы положить конец этому, один из арестованных, Андокид, уступая просьбам товарищей по заточению, дал показание, неизвестно в точности, насколько истинное, не пролившее полного света, но в общем удовлетворившее и успокоившее афинян, которые с радостью, ухватились за него. По словам Андокида, изуродование герм было делом олигархической гетерии, во главе которой стоял некий Эвфилет. Заговорщики рассчитывали и на соучастие Андокида, но он не сочувствовал этому делу и притом в ночь преступления был болен, в постели; вот почему и та герма, которая стояла у его дома, осталась целой. Из

указанных Андокидом лиц схваченные были казнены, а бежавшие приговорены заочно к смерти и головы их оценены.

Дело о гермокопидах кончилось, но дело о мистериях продолжалось. Против Алкивиада были добыты новые показания, и сын Кимона, Фессал, выступил в народном собрании с формальным обвинением (исангелией)⁷⁷ его в том, что он, Алкивиад, совершил преступление по отношению к богиням — Деметре и Коре (Персефоне), представляя в своем доме вместе с товарищами мистерии, вопреки законам и установлениям Эвмолпидов, Кериков⁷⁸ и элевсинских жрецов. По побуждению врагов Алкивиада, главным образом Андрокла, исангелия была принята, Алкивиад отрешен от должности стратега и призван к суду. За ним была отправлена Саламиния. Он, как известно, сначала как бы подчинился призыву, но дорогой бежал. Вместе с некоторыми своими товарищами он заочно был приговорен к казни, имущество его было конфисковано, Эвмолпиды и Керики предали его проклятию и приговор над ним был начертан на каменном столбе.

Таков был исход процесса гермокопидов и связанного с ним дела о мистериях. По поводу изуродования герм Фукидид замечает, что ни тогда, ни впоследствии никто не мог сказать ничего ясного, определенного относительно совершивших это дело (VI, 60). И слова его остаются в силе и теперь: дело так и осталось в сущности темным, загадочным⁷⁹. Не важны действительные виновники, но важны и в высшей степени характерны его непосред-

⁷⁷ Текст у Плутарха, в биографии Алкивиада (22).

⁷⁸ Глашатай при элевсинских празднествах был из рода Кериков.

⁷⁹ Одни видели тут интригу коринфян, желавших расстроить экспедицию, угрожавшую их колонии, Сиракузам; другие усматривали здесь интриги олигархов, третьи — демократов; высказывалось предположение, что заговорщики, враги демократии, хотели связать себя совершенным сообщением святоотечественным преступлением и этим как бы обязать себя, дать друг другу ручательство, залог верности (*Weil H. Les Hermocopides et le peuple d'Athenes // Weil H. Etudes sur l'antiquite grecque. Paris, 1900*). А Эд. Мейер удивляется, как можно искать в этом святоотечестве какой-либо политический замысел или план государственного переворота. Это, по его мнению, «мальчишеская выходка», которая могла быть предметом уголовного процесса, но на которую при других обстоятельствах и ином настроении не обратили бы внимания (*Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. IV. S. 503, 506*).

ственные последствия — то настроение, которое вызвано было им в Афинах, то, как его использовали вожди партий, и конечный результат — бегство Алкивиада.

Но кто был повинен в устранении Алкивиада и кто использовал процесс гермокопидов, олигархи или демократы? Полагали раньше, что — олигархи⁸⁰; теперь видят здесь интригу демократов⁸¹. Действительно, жертвой доносов были большей частью олигархи, а главные руководители процесса принадлежали, как мы видели, к демократической партии. Но среди них были такие подозрительные демократы, как Писандр, вскоре перешедший в лагерь олигархов, или Харикл, деятельный член следственной комиссии, а впоследствии крайний олигарх и один из Тридцати тиранов. Наконец, обвинителем Алкивиада явился аристократ — Кимон сын Фессал. Таким образом, есть основание думать, что заодно с демократами тут действовали и некоторые тайные или явные олигархи и аристократы: для них Алкивиад был ненавистен и стоял им на дороге так же, как и истым демагогам. Характерно и то, что афинская демократия явилась такой ревностной защитницей святынь, что обвинение против Алкивиада касалось религии, которая в те времена тесно связана была с государством, и что действующими лицами мы видим тут не только демагогов, но и Эвмолпидов, Кериков, или Глашатаев, и элевсинских жрецов.

Как бы то ни было, но последствия дела гермокопидов были тяжелые для Афин: они способствовали гибельному исходу Сицилийской экспедиции и падению афинского могущества. Афиняне оттолкнули от себя такую личность, как Алкивиад, который, пылая мстью, отправился теперь к их врагам — в Спарту. В ответ на заочный смертный приговор, произнесенный над ним, Алкивиад жаждал показать афинянам, что «он еще жив».

В связи с делом гермокопидов находится и одна ограничительная мера того времени: по предложению Сиракосия, запрещено было поименно осмеивать в комедии, быть может, чтобы не возобновлять в памяти процесса гермокопидов и не выводить прикосновенных к нему лиц. И вот когда еще так свежи были впечатления от

этого процесса и афинский флот находился в Сицилии, Аристофан пишет свою самую фантастическую пьесу — «Птицы» (414 г.), где нет прямых указаний на все, только что пережитое Афинами, но где мы все-таки находим и косвенные политические намеки, и некоторые черты исторической действительности. Псефизма Сиракосия недолго, впрочем, оставалась в силе.

В 415 г. афиняне не успели предпринять в Сицилии что-либо решительное; лишь весной 414 г. приступили они к осаде Сиракуз. Они взяли возвышенность Эпиполы, находившуюся к западу от города, стали отсюда возводить стены по направлению к морю, чтобы совершенно окружить и отрезать Сиракузы, и уже почти достигли своей цели, как вдруг явился из Спарты на помощь сиракузянам Гилипп и дал делу совсем иной оборот. Эпиполы были им взяты, укрепленная линия афинян прервана, Сиракузы избавлены от опасности быть совершенно отрезанными. Афиняне сами очутились теперь, скорее, в положении осажденных, а тут приближалась зима. Никий, оставшийся единственным начальником афинского войска после того, как еще раньше у Сиракуз пал Ламах, сообщает в Афины об истинном положении дел, ввиду которого необходимо или отозвать обратно экспедицию, или снарядить еще вторую, с неменьшим числом кораблей и войска, чем первая, с соответствующими денежными средствами, а его, больного, просит заменить кем-либо другим. По получении этих известий в Афинах решено было экспедиции не отзываться, осаду Сиракуз продолжать и в подкрепление Никию послать новый флот и войско под начальством Демосфена. Эта вторая экспедиция мало чем уступала первой: она состояла из 73 триер (из которых афинских было более 50), с 5000 гоплитов и многочисленным отрядом легковооруженных, пращников, стрелков из лука. Общее число участников в ней доходило до 20 000, из которых афинских граждан было не менее 3000. И за этим флотом следовало большое число различных судов с провиантом и пр.

Мир между Афинами и Спартой был уже формально нарушен, и когда снаряжалась вторая афинская экспедиция в Сицилию, спартанцы, под предводительством царя Агиса, вместо того чтобы вторгаться в Аттику на короткое время, по совету Алкивиада, заняли в ней Декелею, укрепили ее и поставили там гарнизон (413 г.). Декелея находилась на южном склоне хребта Парнета, на полпути из

⁸⁰ Например, см.: *Götz W. Der Hermocopidenprozess. Leipzig, 1876.*

⁸¹ *Gilbert W. Beiträge... S. 253 f; Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. IV. S. 507; Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. S. 1293.*

Афин к беотийской границе. Она служила для спартанцев удобным наблюдательным пунктом, откуда они могли вести войну, делая набеги и держа страну в блокаде⁸². Афиняне несли большие потери. Обработка земли сделалась очень затруднительной, за исключением ближайших окрестностей города и наиболее отдаленных частей страны. Скот погиб. Большая часть оливковых деревьев была вырублена. Целые полосы прежде возделанной земли превращались в пустыри. Занятие спартанцами Декелеи отразилось и на промышленности. Около 20 000 рабов, преимущественно ремесленников, перебежало к неприятелю. Многие жители Аттики спасались в город. Но и сами Афины находились как бы в осадном положении. День и ночь приходилось сторожить городские стены. Прямое сообщение сухим путем со многими пунктами было прервано. Доставка жизненных припасов с Эвбеи, производившаяся прежде кратчайшей дорогой по суше, через Декелею, теперь шла морем вокруг Суния и стоила дорого. Между тем Афины нуждались в привозе всяких припасов. Уменьшились многие заработки, а также число судебных дел, следовательно, и плата судьям. Афиняне лишились аренды с Лаврийских рудников, так как пришлось приостановить разработку этих рудников ввиду близости неприятеля.

Под конец Сицилийской экспедиции афиняне крайне нуждались в денежных средствах. По мере того как война расширялась, увеличивались расходы, а доходы уменьшались. Казна была истощена, кроме резервного фонда в 1000 талантов, считавшегося до известной степени неприкосновенным. Прибегнуть к усиленному прямому обложению, к эйсфоре, было невозможно, так как многие из состоятельных лиц и без того были частью разорены, частью чрезмерно обременены разными повинностями, литургиями. Увеличить еще более форос с союзников тоже в тот момент представлялось затруднительным. И вот в финансовой системе Афин произведена была перемена (413 г.)⁸³: форос был отменен и за-

⁸² *Thuc.*, VII, 27-28. Ср.: *Busoll C. Griechische Geschichte*. Bd. III, 2. S. 1401-1402.

⁸³ Еще раньше введена была должность пористов, на обязанности которых сначала лежало разыскание и взимание недоимок, а потом — изыскание денежных средств для покрытия расходов. См.: *Busoll G. Griechische Geschichte*. Bd. III, 2. S. 1405.

менен «двадцатиной», косвенным налогом или пошлиной, которая взималась в союзных городах в размере 5% стоимости ввозимых и вывозимых товаров. Пошлина эта существовала до конца войны.

Между тем в то время, когда новый афинский флот и войско под начальством Демосфена плыли в Сицилию в подкрепление Никию, положение афинян у Сиракуз еще более ухудшилось. Сиракузяне успели построить корабли и достигли победы над афинянами даже на море. Но вскоре после этого прибыл Демосфен с эскадрой. Исход предприятия зависел от того, удастся ли вновь овладеть возвышенностью Эпиполы, господствовавшей над городом; но попытка Демосфена взять эту возвышенность не удалась. Предприятие афинян оказывалось безнадежным; к тому же местность была низменная, и люди болели. Единственным благоразумным решением, по мнению Демосфена, было поспешить с отступлением от Сиракуз, пока не поздно, пока выход из гавани еще не заперт. Но Никий колебался. Он не решался отступить без постановления афинского народа; он опасался нападков ораторов в народном собрании, обвинений в том, что они, стратеги, отступили, будучи подкуплены; зная, как он утверждал, нрав афинян, Никий предпочитал остаться и погибнуть от врага, нежели сделаться жертвой постыдного и несправедливого обвинения. К тому же он не терял надежды на взятие Сиракуз, рассчитывая там на партию, готовую предать город афинянам. Между тем время проходило, и Гилипп даже успел ввести подкрепления в Сиракузы. Тогда и Никий дал согласие на отплытие из Сицилии. Но произошло лунное затмение; многие видели в этом дурное предзнаменование, а суеверный Никий объявил, согласно толкованию предсказателей, что нечего и думать об отплытии раньше лунного месяца. Это окончательно погубило афинян. Гилипп произвел на них нападение и на суше, и на море, и афиняне были разбиты. Вслед затем сиракузяне своими кораблями заперли выход из гавани. Афиняне сделали отчаянную попытку пробиться, но тщетно. Оставалось отступать сухим путем; корабли достались сиракузянам; больные и раненые были брошены. На отступавших напали сиракузяне; часть спаслась бегством; масса погибла или была взята в плен, в том числе и оба полководца, Никий и Демосфен. Судьба пленников, количество которых Фукидид определяет приблизительно

в 7000, была тяжелая: они были заточены в каменоломни. Никий и Демосфен казнены; остальные страдали от жары и холода, духоты и зловония, жажды и голода. Потом сиракузяне продали их в рабство, за исключением афинян, сицилийцев и италийцев, которые долго еще томились в каменоломнях и дальнейшая судьба которых в точности неизвестна. Но, кроме этих пленных, многие достались в добычу отдельным воинам, которые их продавали в рабство; по выражению Фукидида (VII, 85), «вся Сицилия наполнилась ими». Из огромного флота и войска немногие вернулись домой.

Такой страшной для афинян катастрофой кончилась (413 г.) их экспедиция в Сицилию. Фукидид считает это событие величайшим не только за время Пелопоннесской войны, но и вообще в истории Греции, насколько она была ему известна (VII, 87). Это был важнейший момент войны, поворотный пункт в ней и в исторической судьбе Афин. Погибло два прекрасных флота, более 200 триер и множество людей: около 40 000 или 50 000 отправлено было в Сицилию и из них возвратились лишь немногие. Не считая союзников и метеков, около 3000 граждан высших классов и 9000 фетов остались в Сицилии мертвыми или пленниками⁸⁴. Погиб цвет афинских сил. Громадные средства оказались напрасно затраченными. Но не только материальные потери были чрезвычайно велики; не менее важны были нравственные последствия катастрофы: у Сиракуз афиняне потерпели поражение *на море*, т. е. там, где была их главная сила, где они так привыкли побеждать, где так господствовали. Теперь они лишились славы непобедимости на море, исчез страх перед их морским могуществом. На этом страхе в значительной мере держалось их владычество над союзниками, и теперь от них отлагаются даже те союзные города, которые до сих пор оставались верными: города эти не допускали мысли, что афиняне в состоянии выдержать борьбу дольше года. Эвбея входит в сношения со спартанцами; отпадает Хиос, Милет; почти вся Иония была утрачена; отложился и Родос. В этот тяжкий для Афин момент должно было особенно сказаться отсутствие более прочной, органической связи между ними и союзниками. Выступает теперь и Персия со своими притязаниями:

персидский царь требует дани, которую платили греческие города в Азии его предкам, и вместо фороса афинянам те платят дань Персии. Спарта снаряжает флот и заключает союз с Персией.

Этого мало: весь государственный строй Афин был глубоко потрясен. Настроение было подавленное. На время утратилась вера в целесообразность и благодетельность демократии, которая теперь в глазах многих была виновницей всех бед. Являются попытки изменить строй, ограничить и даже низвергнуть демократию. Олигархи поднимают голову и принимаются за осуществление своих затаенных планов.

Олигархический переворот 411 г.

Когда в Афины пришли вести о сицилийской катастрофе, говорит Фукидид, там долго не верили, что все так погибло. Убедившись, что это правда, афиняне ожесточились против ораторов, побуждавших к походу, «как будто не сами они голосовали за него»; они раздражены были также против хресмологов и предсказателей, обещавших им успех и завоевание Сицилии. Страх овладел афинянами. Они были чрезвычайно потрясены, потеряв множество гоплитов, всадников, цветущей молодежи. На верфях не было достаточно кораблей, не было свободных денег в государственной казне, гребцов для флота. Можно было ожидать, что неприятель немедленно явится в Пирей, что подымутся враги в самой Элладе и союзники отпадут (как это отчасти и случилось). И все-таки, продолжает Фукидид, афиняне решили, что уступать не следует; необходимо снарядить флот, достать лес и средства, обеспечить за собой союзников, в особенности Эвбею, и ввести бережливость. «В данный момент, под влиянием страха, они, как обыкновенно делает народ, готовы были все упорядочить» (VIII, I).

Многими сознавалась необходимость изменения в самом строе в смысле некоторого ограничения демократии, усиления сдерживающего начала, и тотчас же после сицилийской катастрофы в 413 г. в Афинах учреждена была коллегия 10 пробулов из старейших и уважаемых граждан. Они выбраны были по одному от каждой филы, на неопределенный срок, с тем, чтобы «предварительно обсуждать текущие дела сообразно требованиям момента» и не до-

⁸⁴ См.: *Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. S. 1400.*

пускать народное собрание до слишком поспешных, неблагоприятных решений. К ним должно было бы перейти фактическое руководство делами; они заведовали политикой, администрацией, финансами, и их обязанности, в сущности, совпадали с обязанностями пританов. Таким образом, введение пробулов ограничивало и оттесняло Совет на второй план: оно было ударом для него. По своей сущности, и по небольшому числу членов, и по их возрасту, и по неопределенности срока, на какой они были избраны, это учреждение — не демократическое; это — победа реакции⁸⁵. Но в действительности пробумы, глубокие старцы, подобные знаменитому Софоклу, принадлежавшему к их числу, не имели большого влияния и обнаружили полное бессилие.

Под влиянием постигшего афинян поражения, сомнений и разочарований в целесообразности демократии, пробудился особый интерес к старинному строю — к «строю предков», *πάτριος πολιτεία*. Его исследуют; вопросы о нем становятся животрепещущими, модными. Многие ищут политические идеалы в прошлом, желают вернуться к демократии, какой она была до Эфиальта и Перикла, к строю Клисфена, Солона, даже времен Драконта. Именно тогда, по всей вероятности, было составлено то изложение «Драконтовой конституции», которое мы теперь находим в 4-й главе «Афинской политики» Аристотеля. Последние годы V в. были вообще богаты политическими памфлетами в духе олигархической партии.

Чтобы вести войну, удерживать за собой союзников и господство на море, требовалось чрезвычайное напряжение сил. Когда отпал Хиос, афинянам пришлось тронуть тот запасный фонд, который выделен был в начале войны на случай, если опасность будет грозить самому городу Афинам. Снаряжен был новый флот. Опорным пунктом для афинян служил Самос, где произошла демократическая революция, богатые землевладельцы, «геоморы», частью умерщвлены, частью изгнаны, а их дома и земли поделены между народом. Из счетов, сохранившихся в виде надписей, видно, что остатки казны существовали еще в 410 г. Но их не хватало на все потребности; афиняне находились в очень стесненном положении; их средства иссякали, доходы с отпадением городов

уменьшились, а расходы росли. Уже в начале 411 г. войско у Самоса не получало из Афин денег и само должно было добывать их. Спарта же получала субсидии от Персии, которая являлась теперь как бы вершительницей судеб Греции. И вот в сознание афинян все более и более проникает мысль, что единственное спасение — расторгнуть союз Спарты с персидским царем, склонить последнего на свою сторону, чтобы иметь от него субсидии, вернуть к себе Алкивиада, который, разойдясь уже со спартанцами, находился в Малой Азии и, по-видимому, пользовался большим влиянием на персидского сатрапа Тиссаферна: казалось, только он мог дать победу Афинам. Многие готовы были изменить строй, ограничить или даже низвергнуть демократию, лишь бы достичь союза с Персией и возвращения Алкивиада. Даже искренним приверженцам демократии казалось, что нет иного исхода из тяжелого, критического положения. В этом отношении характерно признание Софокла, одного из пробулов, несомненно, преданного демократии. Софокл не отрицает, что он в качестве пробума участвовал в установлении олигархии и что это дело дурное, но, говорит он, ничего другого, лучшего, не представлялось⁸⁶.

Таким настроением и положением дел пользуются олигархи. Они соблазняют афинян надеждой на союз с Персией и путем интриг и террора готовят олигархический переворот.

Движение, приведшее к этому перевороту, началось сперва в войске у Самоса, а оттуда перешло в город⁸⁷. Алкивиад, тяготясь изгнанием, вошел в сношения со знатнейшими и наиболее влиятельными лицами среди афинского флота у Самоса, заявляя о своем желании вернуться на родину, если будет изменена форма правления: в демократах он видел своих врагов, изгнавших его. С другой стороны, к ниспровержению демократии стремились многие из триерархов и состоятельных граждан, тяготившихся бременем повинностей. Они полагали, что тем, кто несет наибольшие тяготы, должна достаться и власть. Так составилась заговор, тайной целью которого было установление олигархии; открыто же говорилось о союзе с царем, который будет другом Афин и даст денег, если возвращен будет Алкивиад и не будет демократии. В войске

⁸⁵ См.: Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. S. 1409 сл.

⁸⁶ Приводится Аристотелем в «Риторике» (III, 18, 6).

⁸⁷ Thuc., VIII, 47 sq.

масса сначала была недовольна происками олигархов, но потом примирилась в надежде на субсидию со стороны царя. Заговорщики между собой и в гетериях обсуждали предложения Алкивиада. Тщетно непримиримый враг последнего, стратег Фриних, один из олигархов, доказывал, что Алкивиад, в сущности, не заботится ни об олигархии, ни о демократии, а только о своем возвращении; что персидскому царю невыгодно теперь порывать с пелопоннесцами; что союзные города нельзя привлечь установлением олигархии и эти города предпочтут освободиться от афинского ига, с каким бы то ни было управлением. Заговорщики приняли сделанные предложения и решили отправить в Афины нескольких лиц с тем, чтобы действовать там в пользу возвращения Алкивиада, низвержения демократии и дружбы с Тиссаферном. Во главе этих лиц стоял Писандр, еще недавно ярый демократ, демагог, а теперь — крайний олигарх и один из деятельнейших участников в заговоре против демократии. Такие переходы были тогда нередки: упомянутый выше олигарх Фриних раньше был тоже крайним демократом; есть известие, что в молодости он жил в бедности, пас стада овец, потом переселился в город и занялся сикофанством. В Афинах, в народном собрании, послы олигархов, с Писандром во главе, сводили речь к тому, что если возвратить Алкивиада и отказаться от тогдашней формы демократии, то можно персидского царя иметь союзником и одолеть пелопоннесцев. Многие возражали в защиту демократии; а враги Алкивиада кричали, что опасно возвращать человека, поправшего законы; особенно были против его возвращения Эвмолпиды и Керики (Глашатаи), заклинявшие именем богов не делать этого. В ответ на это Писандр спрашивал каждого из возражавших, знает ли он другое средство спасения для государства, если не привлечь царя на сторону Афин? Все отвечали отрицательно, и тогда Писандр прямо заявил, что союза с царем не может быть, если не будет в Афинах более благоразумного правления и власть не будет вручена немногим лицам: только тогда царь может доверять афинянам; в настоящий момент дело идет не столько о форме правления, сколько о спасении государства; потом, если что-либо не понравится, можно и изменить; Алкивиад же следует возвратить, так как только он один способен все устроить.

Тяжело было слушать народу об олигархии, говорит Фукидид, но когда Писандр ясно показал, что нет иного спасения, он уступил частью из страха, частью в надежде на перемену в будущем, тем более, что Писандру верили, считая его искренним демократом. В задумываемом перевороте большую роль должны были сыграть олигархические гетерии. Писандр все их обошел, убеждая их соединиться и действовать сообща для низвержения демократии.

Переговоры с Тиссаферном и Алкивиадом поручены были Писандру и десяти другим гражданам; но эти переговоры к соглашению не привели, так как Тиссаферн требовал невозможного даже для олигархов — не только Ионии и прилегающих островов, но и открытия персидскому флоту доступа в Эгейское море. Тогда олигархи решили Алкивиада оставить в стороне, тем более что он не желал к ним примкнуть и вообще не пригоден был для олигархии, действовать без него и вести войну на свои средства в надежде, что теперь они будут нести жертвы для самих себя, а не для других. Не только в Афинах, но и у союзников должна была быть введена олигархия. Писандр, низвергая демократию в городах, на пути в Афины, в некоторых брал с собой гоплитов для поддержки.

К его прибытию дело было уже подготовлено членами гетерий. Пущен был в ход террор. Между прочим, молодыми людьми, принадлежавшими к гетериям, тайно убит был Андрокл, стоявший во главе демоса; таким же способом устранены были и некоторые другие неудобные для олигархов лица. Открыто говорилось, что не следует получать жалованье никому, кроме служащих в войске, и что участвовать в государственном управлении должны не более 5000, именно те, кто способен приносить пользу государству своей личностью и своим имуществом. На самом же деле, говорить Фукидид (VIII, 66), участники в перевороте думали взять государство в свои руки. Пока, впрочем, народное собрание и Совет продолжали созываться; но обсуждалось только то, что угодно было заговорщикам; из них были и ораторы и предстоявшие речи наперед рассматривались ими. Никто не смел возражать из страха перед заговорщиками; а если кто и возражал, того умерщвляли удобным способом, и над виновными не было ни суда, ни следствия. Народ, напуганный, необъединен-

ный, бессильный, держал себя спокойно: каждый был рад уже тому, что его не трогают. Численности заговорщиков не знали и их силы преувеличивали. Принадлежавшие к народной партии боялись поделиться мыслью, относились недоверчиво друг к другу, подозревая в каждом участника в заговоре, тем более, что в числе заговорщиков оказывались и такие, о которых никогда нельзя было и думать, что они превратятся в олигархов. Наконец, главные силы демократической партии отсутствовали, находясь во флоте у Самоса.

Таково было положение дел в Афинах, когда туда прибыли Писандр и его спутники. Они тотчас принялись за остальное.

О самом перевороте⁸⁸ имеется две версии: одна принадлежит Фукидиду, другая — Аристотелю в его «Афинской политике» (29 sq.).

По Аристотелю, в народном собрании Пифодор выступил с предложением относительно «спасения государства», а Мелобий, по всей вероятности, тот самый, который потом был в числе Тридцати, произнес в пользу его речь, и народ, главным образом поддавшись надежде, что персидский царь вступит с Афинами в союз, если введена будет олигархия, принял предложение Пифодора. Оно гласило: к существующим уже 10 пробулам народ должен избрать еще 20 из лиц, имеющих от роду больше 40 лет; они, дав клятву, что предложат, что сочтут наилучшим для государства, составят проект его спасения, причем и из посторонних

⁸⁸ *Micheli H.* La revolution oligarchique des quatre cents ä Athenes et ses causes. Geneve, 1893; *Wilamowitz-Möllendorff U. von.* Aristoteles und Athen. Bd. II. Berlin, 1893; *Köhler U. von.* 1) Die athenische Oligarchie des Jahres 411 v. Chr. // SB. Berlin, 1895. S. 451 f.; 2) Der thukydideische Bericht über die oligarchische Umwälzung in Athen im Jahre 411 v. Chr. // SB. Berlin, 1900. S. 803 f.; Meyer *Ed.* 1) Forschungen zur alten Geschichte. Bd. II. Halle, 1899. S. 411 f.; 2) Geschichte des Altertums. Bd. IV. S. 685 f.; *Judeich W.* Untersuchungen zur athenischen Verfassungsgeschichte I. Der Staatsstreich der Vierhundert // Rheinisches Museum für Philologie. Bd. LXII. 1907; May 5. Die Oligarchie der 400 in Athen in Jahre 411. Halle, 1907. О перевороте 411 г. есть статья на рус. яз. Г. И. Кацарова: *Кацаров Г. И.* К истории олигархической революции в Афинах 411 г. до Р. Х. // ЖМНП. 1908, июль; также см.: *Kuberka F.* 1) Beiträge zum Problem des oligarchischen Staatsstreiches in Athen vom Jahre 411 // Klio. Bd. VII. 1907; 2) Kritisches über die Verfassungsentwürfe der athenischen Oligarchen im Jahre 411 // Klio. Bd. VIII. 1908.

каждому желающему предоставляется делать свои предложения, дабы из всех они выбрали самое лучшее. К этой псефизме Пифодора Клитонфонт сделал прибавку, именно, чтобы выбранные члены комиссии сверх того исследовали и старинные законы, которые издал Клисфен, когда устанавливал демократию, дабы, приняв и их во внимание, они составили наилучший проект, как будто Клисфенова конституция, замечает Аристотель, была не демократическая, а подобна Солоновой.

Итак, по Аристотелю, было избрано 30 *синграфеев* (συγγραφεῖς). В этом предложении Пифодора не было ничего особенно олигархического или необычного: «синграфей» избирались не раз и прежде для выработки проектов новых законов.

Выбранные 30 в первую очередь представили, что необходимо, чтобы пританы пускали на голоса все, что будет говорить по поводу спасения государства. Затем они уничтожили «обвинение в противозаконии» (ὑραφὴ παρανόμων), исангелию и призыв в суд (πρόσκλησις), дабы каждый желающий из афинян мог представить свои соображения касательно рассматриваемого вопроса; если же кто за это или накажет, или призовет, или представит в суд, тот должен быть схвачен и отведен к стратегам, а стратеги должны передать его Одиннадцати для смертной казни. После этого они установили, говорит Аристотель, такой государственный порядок: поступающие деньги не могут быть употреблены ни на что другое, кроме войны; все должностные лица, пока будет война, должны служить без вознаграждения, за исключением 9 архонтов и пританов; эти получают каждый 3 обола в день. Все же политические права должны быть предоставлены тем из афинян, которые больше всех в состоянии служить государству или своей личностью, или своими средствами, причем их должно быть не менее 5000. Они имеют полное право также заключать договоры, с кем пожелают. Из каждой филы следует избрать по десять человек (всего, следовательно, сто) старше 40 лет, которые и составят список 5000, принеся клятву над «совершенными жертвами».

Таковы были предложения 30 выбранных синграфеев. Мотивы их понятны. Для осуществления дальнейших планов олигархам прежде всего необходимо было добиться отмены графэ параномон, которая являлась палладиумом демократии и в которой они не без основания видели одно из главных препятствий к соверше-

нию олигархического переворота. Затем предложения направлены были против системы денежных вознаграждений, которые, за двумя исключениями, отменялись, что соответствовало видам не только олигархов, но и умеренных, и вызывалось необходимостью, тяжелым финансовым положением государства. Постановлением же относительно 5000 малосостоятельные, феты, исключались из состава полноправных граждан. Это было «отречение суверенного демоса в пользу состоятельных классов» ⁸⁹.

Проекты 30-ти были приняты собранием, которое, по Фукидиду, было нарочно создано за городом, в Колоне. Затем, если верить «Афинской политике», 100 избранных (καταλογεῖς) составили список 5000, а эти последние из своей среды в свою очередь избрали сто человек, которые и должны были выработать проект государственного устройства. Эта комиссия 100 составила и внесла два проекта: один — будущей конституции, постоянной, другой — временной.

По проекту конституции постоянной, предназначавшейся для будущего, членами Совета ежегодно являются лица, имеющие от роду более 30 лет, без жалования. Из граждан указанного возраста составляются четыре Совета ⁹⁰ или секции, смены, из коих каждая заседает в течение года, причем 100 выборных должны распределить себя и других по жребию на четыре как можно более равные части. Очередь, в которой следуют секции, определяется жребием. Члены Совета должны заботиться относительно денег, чтобы они были целы и тратились на необходимое, и о прочем как можно лучше. Если бы они пожелали посоветоваться с большим числом граждан, то каждый может пригласить кого угодно из лиц того самого возраста. Заседания Совета должны происходить каждые пять дней, если не понадобится чаще. Совет созывают 9 архонтов. Пятеро избранных посредством жребия из состава Совета считают голоса, и из них ежедневно избирается по жребию один (председатель), который должен пускать решения

⁸⁹ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. S. 1480-1481.

⁹⁰ Подобные «четыре совета» существовали у беотийцев, в каждом городе. См. недавно открытый отрывок, приписываемый Феопомпу (The Oxyrhynchus Papyri / Ed. B. P. Grenfell, A. S. Hunt. Vol. V. London, 1908).

на голоса. Эти же пятеро бросают жребий между желающими получить доступ в Совет — постановление, вполне понятное, если вспомнить, как Совет 500 был обременен делами и как долго приходилось некоторым дожидаться доступа, — причем, однако, прежде всего, должны обсуждаться дела, касающиеся богослужения, во-вторых, шли глашатаи, в-третьих — посольства, в-четвертых — все остальные. Что же касается дел военных, то стратеги вносят их на обсуждение когда нужно, без жребия, т. е. вне очереди. Кто из членов Совета не пойдет в булевтерий в назначенный день, тот подлежит штрафу в 1 драхму за каждый пропущенный день, если не получит отпуска. Далее перечисляются должностные лица, которые избираются из членов заседающего Совета, из предварительно избранных в большем числе кандидатов; все же прочие власти назначаются по жребию и не из состава Совета. К первой категории отнесены стратеги, архонты, казначеи и другие важнейшие должностные лица (Ath. Pol., 30).

Такова была конституция, имевшаяся в виду в будущем. Мы видим, между прочим, что ею изменяется постановление 30 синграфеев, удержавших жалование для пританов, — последовательно проведен принцип, что служба государству не оплачивается; с другой стороны, вводится даже штраф за пропуск заседаний Совета. Конституцией этой устанавливается тесная связь между Советом и должностными лицами. Народного собрания она не знает: она создавала правительственный орган, который представлял собой и народ и Совет и вмещал в себе важнейших должностных лиц, но орган многочисленный и громоздкий. В ней опять проглядывает забота о денежных средствах, опасение, чтобы не было ненужных трат.

Что касается проекта провизорной конституции, предназначенной для данного момента, то он состоял в следующем.

Должен быть Совет из 400, по старине (т. е. как и при Солоне), по 40 человек от каждой филы, из предварительно избранных филетами кандидатов старше 30 лет. Эти Четыреста должны назначить должностных лиц, составить формулу присяги, которую следует принести, и действовать относительно законов, отчетов и всего прочего, как сочтут полезным. Но законы, которые будут изданы касательно государственного строя, они должны соблюдать и не могут ни изменить их, ни издавать других. Выбор стратегов на этот раз произвести из всех 5000: Совет, когда со-

ставится, произведет смотр войскам и изберет 10 человек и к ним секретаря. Эти избранные лица пользуются в наступающем году неограниченной властью и, если понадобится, совещаются с Советом... На будущее же время Совет должен избирать их согласно предписанному (постоянной конституцией). Кроме членов Совета и стратегов, прочие должностные лица ни теперь, ни потом не могут занимать одну и ту же должность больше одного раза. На остальное время, «чтобы Четыреста были разделены на четыре секции, когда придется горожанам составить Совет вместе с другими», их должны разделить 100 комиссаров (Ath. Pol., 31).

Таким образом этой временной конституцией устанавливалось правление Четырехсот.

Из двух конституций, постоянной и временной, вторая была более олигархическая. По первой в состав Совета в четыре очереди входят 5000, за исключением лиц моложе 30 лет. Этот Совет, следовательно, гораздо многочисленнее, нежели Совет 400: он должен был состоять приблизительно из 1000 человек⁹¹, к которым, в случае надобности, могло быть присоединено еще столько же. Конституция же провизорная устанавливала Совет всего из 400 членов, причем права и власть его были чрезвычайно обширны: он не мог изменять только законов, касающихся политического строя, которых, впрочем, ему и незачем было изменять, так как эта конституция была для него выгодна и не могла его стеснять. Во всем остальном он был вполне господином положения. Он избирал должностных лиц, которые перед ним же подлежали и отчету. О 5000 упоминается лишь мельком, по поводу избрания стратегов, да еще неясный намек на них можно видеть в заключительном пункте. Их роль была неопределенна, неясна. Словом, эта конституция устанавливала в Афинах настоящую олигархию; она-то и являлась осуществлением заветных стремлений и планов врагов демократии. Проект постоянной конституции должен был несколько успокоить умеренных и примирить их с олигархией Четырехсот, как мерой лишь временной. Но в интересах олигархов было, чтобы этот временный порядок вещей просуществовал как можно долее и чтобы как можно больше отдалить момент,

⁹¹ 5000 делились на 4 секции; следовательно, на каждую приходилось 1250 человек, но из них нужно исключить лиц моложе 30 лет.

когда должна была вступить в силу конституция постоянная. И мы видим, что срок существования временного порядка не был определен в точности, срок власти членов Совета 400 — тоже. Только заключительный пункт говорил, как-то глухо и неопределенно, о том времени, когда «горожанам и остальным» придется быть в Совете и когда Четыреста будут распределены на четыре секции. Быть может, этот пункт имел в виду тех афинян, которые находились у Самоса и которых надо было склонить к признанию переворота. Отметим, наконец, что ни проект постоянной, ни проект временной конституции ни слова не говорит не только о гелизе, но и об ареопаге.

Собрание⁹² утвердило проект ста. Но постоянная конституция никогда не была осуществлена: она осталась лишь на бумаге и интересна как один из образцов тогдашних многочисленных проектов в олигархическом духе. Зато владычество Четырехсот в Афинах, хотя и эфемерное, стало фактом. Прежний Совет 500 был распущен раньше срока за месяц, а через восемь дней Четыреста вступили в должность⁹³ (июнь 411 г.).

Так, по Аристотелю, почти через сто лет после изгнания тиранов, ниспровергнута была в Афинах демократия и установлена олигархия. Иначе передает об этом перевороте Фукидид (VIII, 67 sq.). По его словам, в народном собрании, по предложению Писандра и его товарищей для составления проекта наилучшего управления было избрано 10 синграфеев (а не 30), причем он их называет «автократорами», «полномочными», вероятно в том смысле, что они могли не стесняться существующими законами и внести свои предложения непосредственно в народное собрание, минуя Совет. Свое мнение они должны были представить к назначенному дню, и когда этот день наступил, народное собрание созвано было за городом, в Колоне (может быть, для того, чтобы оно не было многолюдно и чтобы, ввиду опасности со стороны Декелий, на него легче было оказать давление и терроризировать). По Фукидиду, синграфей внесли только одно предложение, именно:

⁹² У Аристотеля сказано: «масса» (Ath. Pol., 32). Спорный вопрос, разумеется ли здесь народное собрание из всех афинян или только 5000, за которыми остались политические права.

⁹³ Аристотель отмечает даже числа — 14 и 22 фаргелиона.

предоставить каждому афинянину право предлагать что угодно и запретить «обвинение в противозаконии»: графэ параномон под строгим наказанием, — и «ничего больше». Вслед за тем уже открыто предложено было упразднить существующие должности, отменить жалование, избрать 400, которые будут править «полномочно» («автократоров»), «как признают лучше», и созывать 5000 по своему усмотрению, «когда сочтут нужным», и это предложение, по словам Фукидида, внес Писандр. Сам способ избрания Четырехсот, по Фукидиду, был таков: избиралось 5 «проедров»; они должны были избрать 100 человек, из коих каждый выбирал себе еще троих⁹⁴. Наконец, судя по изложению Аристотеля, список 5000 был составлен и эти 5000 существовали на деле; по Фукидиду же, в действительности их не было⁹⁵.

Вступление Четырехсот в управление Фукидид представляет так (VIII, 69). После того как народное собрание, утвердив упомянутое выше предложение Писандра без всяких возражений, было распущено, афинян, не посвященных в заговор, отпустили на их посты, для охраны стен — ввиду неприятеля в Декелее, — а участникам было приказано ждать в определенном месте на случай сопротивления. Затем Четыреста, каждый со скрытым кинжалом, в сопровождении отряда юношей, являются в булевтерий, заставляют удалиться прежний Совет 500, вручив его членам жалование за оставшееся — до конца года — время, и тотчас вступают в должность.

Вполне согласовать сообщения Фукидида и Аристотеля едва ли возможно без крайних натяжек⁹⁶. Мы не будем останавливаться на подробностях и отметим лишь различие в самом характере известий того и другого. У Аристотеля враги демократии идут к своей главной цели, к установлению олигархии Четырехсот, не сразу, а

⁹⁴ Прямого противоречия здесь со свидетельством Аристотеля может и не быть, если принять, что у Аристотеля говорится об избрании кандидатов по филам, как о предварительном, а у Фукидида речь идет об окончательном выборе.

⁹⁵ Впрочем, и в «Афинской политике» в одном месте (32) о них говорится, что они «были избраны только на словах».

⁹⁶ Некоторые данные имеются еще в речи за Полистрата, приписываемой Лисию. Полистрат был одним из 100 «составителей списка» (καταλογεῖς) 5000.

постепенно, шаг за шагом, в несколько приемов: у него переворот имеет затяжной характер, как бы легальный вид, обставлен более или менее законными формами. У Фукидида же события идут быстрым темпом; насильственный, революционный характер переворота обрисован ярче. Аристотель приводит документальные данные, псефизмы, хотя бы и из вторых рук, и мы не можем отвергать подобного свидетельства. Но документы иногда облекают в законные, приличные формы то, что было результатом насилий и правонарушений; они не все говорят; в них мы имеем нередко лишь казовую, официальную сторону⁹⁷. «Что происходит в действительности в такие времена», как момент переворота 411 г., «не исчерпывается тем, что попадает в акты», говорит У. фон Вилламовиц-Мёллендорф⁹⁸. И едва ли дело шло так гладко, как выходит это по Аристотелю. Выборы были, по всей вероятности, только формой; решали все и намечали кандидатов руководители переворота, члены гетерий⁹⁹, а истинными двигателями были подчас не те, кто выступал открыто.

Как бы то ни было, суть переворота 411 г. заключалась в установлении олигархического Совета Четырехсот. Если 5000 даже и были намечены или список их составлен, они потом были совершенно отеснены Четырьмястами, не созывались и фактически не имели никакого значения; Четыреста, по выражению Аристотеля, все сами делали и ничего не предоставляли на решение 5000 (Ath. Pol., 33).

Мы видели, что даже некоторые честные патриоты, искренние демократы не видели другого исхода, и дело заговора, заправляемое многими и притом даровитыми людьми, не могло не иметь успеха, говорит Фукидид. Явное и самое ревностное участие в нем принимал Писандр, затем Фриних, который после того, как мысль

⁹⁷ Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte. Bd. II. S. 422—423.

⁹⁸ Wilamowitz-Möllendorf U. von. Aristoteles und Athen. Bd. I. Berlin, 1893. S. 107.

⁹⁹ Возможно, например, что заговорщики объявили, что присутствовавший в собрании народ и представляет собой Пять тысяч; сто человек, которые должны были составить список Пяти тысяч, были выбраны тут же, а в протокол записано, что Пять тысяч избрали этих сто человек. См.: Соколов Ф. Ф. Четыре Совета // ЖМНП. 1897, март. С. 101. Члены Совета Четырехсот, вероятно, заранее намечены были в гетериях.

о возвращении Алкивиада была оставлена олигархами, решительно примкнул к ним. Вдохновителем же и душой переворота, главным его руководителем, составившим план, лицом, которому олигархи больше всего обязаны были успехом предприятия, был оратор Антифонт, в то время уже семидесятилетний старик, по отзыву Фукидида, никому из современников не уступавший в личной нравственности, сильный умом и прекрасно владевший словом. Перед народом или на суде он добровольно не выступал, так как народ относился к нему подозрительно вследствие славы его красноречия, но тому, кто имел дело в суде или в народном собрании, он больше всякого другого в состоянии был помочь. После низвержения олигархии Четырехсот Антифонт произнес в свою защиту речь¹⁰⁰ «лучшую, какая только мне известна», говорит Фукидид. Это — «теоретик олигархии» (Эд. Мейер). Антифонт, Писандр, Фриних и некоторые другие являлись крайними олигархами, радикалами в этом направлении. Но были среди Четырехсот и более умеренные. Между ними выдавался Феррамен, о котором еще придется подробнее говорить, сын пробула Гагнона, ученик софиста Продика, человек тоже «сильный словом и умом», по отзыву Фукидида. Сравнительная умеренность не мешала, однако, Феррамену быть «в числе первых при низвержении демократии».

Но все же создание олигархов оказалось эфемерным, не имеющим почвы. Владычество Четырехсот не продержалось и четырех месяцев.

Они начали с того, что, вступив в Совет, булевтерий, избрали по жребию пританов из своей среды, выбрали стратегов и многое изменили в демократическом строе, но изгнанных во времена демократии не возвратили, чтобы не возвращать Алкивиада. Государством они правили посредством насилия; нескольких неудобных для них лиц умертвили, других заточили или сослали. Афиняне нуждались в мире, и надежда на то, что олигархия скорее всего может дать его, немало способствовала успеху переворота. Но эта надежда не оправдалась. Олигархи, правда, обратились с

мирными предложениями сначала к спартанскому царю Агису, находившемуся в Декелее, а когда тот, не веря, чтобы «народ так скоро отказался от древней свободы», отнесся отрицательно к этим предложениям и даже подступил было с войском к Афинам, они отправили посольство в Спарту. Однако и здесь мира они не достигли: по словам Аристотеля (Ath. Pol., 32), лакедемоняне требовали, чтобы афиняне отказались от господства на море. Открыто согласиться на это не могли даже олигархи.

Еще большим ударом для олигархов было то, что произошло у Самоса. Замышлявшийся в среде самосцев олигархический заговор не удался; дело ограничилось политическим убийством, жертвой которого сделался афинский демагог Гипербол, преданный, как мы видели, остракизму и живший на Самосе. С помощью афинского войска самосские демократы победили, а когда до этого войска дошли вести о перевороте в Афинах, то оно не признало его: оно взволновалось, низложило стратегов и подозрительных триерархов, избрало на их место других и обязало себя торжественной клятвой оставаться верным демократии, держаться единодушно, продолжать войну, считать Четыреста за врагов и не сносить с ними. Клятву эту вынуждены были дать и бывшие в войске олигархи. Войско и флот у Самоса смотрели на себя как на истинные Афины, как на защитников законного строя. Душой этого и главными деятелями тут были триерарх Фрасибул и гоплит Фрасилл, избранные в число стратегов на место низложенных. По предложению Фрасибула был призван Алкивиад. Провозглашенный стратегом, он стал во главе войска и поднял его дух. Послам от Четырехсот, явившимся с уверением, что переворот совершен на пользу государства и что участие в делах принадлежит 5000, а в большем числе афиняне никогда и не собирались вследствие походов и занятий за пределами Атаки, — Алкивиад объявил, что он правлению 5000 не противится, но Четыреста надо удалить, восстановить Совет 500, держаться твердо и продолжать войну. Войско порывалось идти прямо на Пирей и Афины для низвержения олигархии, но Алкивиад решительно восстал против такого похода, и Фукидид признает это его первой величайшей заслугой (VIII, 86), так как только один Алкивиад в со стоянии был удержать войско и так как поход на Пирей повел бы за собой утрату Ионии, Геллеспонта, Босфора.

¹⁰⁰ Отрывки из этой речи недавно найдены на одном из папирусов. См.: *Nicole J. L'apologie d'Antiphon... d'après des fragments inédits sur papyrus d'Égypte. Genève-Bâle, 1907.*

Одновременно с олигархическим переворотом в Афинах низвергалась демократия и в союзных городах и вводилась олигархия. Это был полный разрыв с политикой прошлого¹⁰¹, так как до сих пор Афины видели главную свою опору в демократах. Но сбылись предсказания Фриниха: города, освобожденные от демократии, вовсе не обнаруживали желания подчиняться Афинам; так отпал Фасос, а затем отложились Византий, Халкедон, Кизик и др.

Внутри государства, в Афинах, господствовали насилие и произвол. В среде самих олигархов не было согласия. По словам Фукидида, у них обнаруживались стремления, от которых большей частью гибнет олигархия, возникшая из демократии: большинство руководилось личным честолюбием; каждый жаждал первенства, власти. Более умеренные среди Четырехсот, с Фераменом и Аристократом во главе, вступили в оппозицию к крайним. Они требовали более равномерного распределения политических прав и установления правления 5000 на деле, а не на словах. Неудача в мирных переговорах со Спартой, отпадение городов, а главное — непризнание переворота войском у Самоса, все это должно было поколебать положение олигархов. Население им не доверяло и относилось подозрительно к их действиям. Когда олигархи стали укреплять Этионию — косу, господствовавшую над входом в Пирейскую гавань, — их заподозрили в тайном соглашении со Спартой, в намерении впустить неприятельский флот в гавань и предать Пирей и сам город Афины лакедемонянам. Недовольные собирались в кружки; шли толки о действиях крайних олигархов; особенно агитировал Ферамен; и в этих подозрениях и толках, по мнению Фукидида, была доля правды; они не были только клеветой: крайние олигархи желали удержать за собой власть во что бы то ни стало, какой бы то ни было ценой. Их противники стали смелее после того, как Фриних среди дня был убит близ булевтерия. А когда пелопоннесский флот появился у Эгины и Эпидавра, работавшие над Этионийской стеной гоплиты возмутились, арестовали одного из стратегов, преданного олигархам, и принялись разрушать эту стену, призывая к тому же всех, кто желает правления 5000 вместо Четырехсот: желавшие

восстановления демократии, замечает Фукидид, прикрывались именем 5000, так как не решались еще открыто говорить о демократии. Гоплиты двинулись было на город против Четырехсот; едва удалось предотвратить столкновение. Четыреста обещали обнародовать список 5000, передать им правление и выбрать из их среды Четыреста. Но когда в назначенный день созвано было народное собрание и в то же время у Саламина показался пелопоннесский флот и направился к Эвбее, то афиняне второпях сели на суда и последовали за ним. Произошла битва, в которой они потерпели поражение. Эвбея, за исключением только одной клерухии, отпала от Афин. Это поразило афинян сильнее, чем даже сицилийская катастрофа, так как Эвбея, по выражению Фукидида (VIII, 95—96), была тогда для них все: из нее после занятия Декелеи спартамцами они получали больше выгоды, чем из Аттики. При этом ждали, что неприятельский флот пойдет прямо на Пирей. Под впечатлением этого собирается народ и низлагает Четыреста. Постановлено было передать дела 5000, к которым причислялись *все, кто имел вооружение*; никто не должен был получать плату ни за какую службу; за нарушение этого грозило проклятие¹⁰². Потом, говорит Фукидид, часто еще происходили народные собрания, в которых избраны были «законодатели», номофеты, для выработки конституции и сделаны постановления относительно государственного строя. Но подробности нам неизвестны.

Эту форму правления Фукидид (VIII, 97) считает лучшей из бывших в его время; он видит в ней умеренное смешение начал олигархических и демократических; она, по его словам, вывела государство из тяжелого положения. Аристотель разделяет это мнение, говоря, что тогда афиняне хорошо управлялись, «ибо велась война и политические права принадлежали вооруженным» (Ath. Pol., 33), т. е. тем, на кого падало главное бремя войны. Решено было изгнание Алкивиада отменить; он признан был стратегом; к нему и к войску у Самоса отправлено было посольство с предложением принять участие в делах.

¹⁰² Совет, вероятно, избран был не жребием, а голосованием, ибо новый совет 410 г. обозначается, как избранный по жребию, — по-видимому, в противовес предыдущему. См.: Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. IV. S. 599-600.

¹⁰¹ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. S. 1473-1474.

Против крайних олигархов и их сторонников начался ряд процессов. Антифонт, обвиненный в измене, казнен, несмотря на его защитительную речь, которую так хвалит Фукидид. Над умершим от руки убийцы Фринихом устроен суд; Фриних был тоже признан виновным в измене; его имущество конфисковано, дом скрыт, прах выкопан и выброшен за пределы Аттики, а его убийца, как благодетель народа, награжден венком; ему даровано было право гражданства¹⁰³. Писандр и некоторые другие из наиболее причастных к олигархии бежали в Декелею, к спартанцам.

Последние годы Пелопоннесской войны

Умеренная демократия Пяти тысяч, установленная в Афинах после низвержения олигархии Четырехсот, была строем преимущественно среднего, состоятельного класса; неимущая или мало состоятельная масса, привыкшая участвовать в народном собрании, суде, управлении государством и получать жалованье, «диэты», теперь лишена была и того и другого. Это было для нее крайне тяжело, в особенности лишение диэтов, без которых она не могла обходиться. Неудивительно, что демократия Пяти тысяч существовала недолго: при первых же крупных успехах афинян на море она должна была уступить место прежней, неограниченной демократии.

Спартанский наварх (адмирал) Миндар перенес военные действия в Геллеспонт. Афиняне последовали за ним и одержали победу, сначала нерешительную при Киносеме¹⁰⁴, а потом, при содействии Алкивиада, более решительную при Абидосе (411 г.). На следующий год (410 г.) Алкивиад нанес еще более тяжкое поражение пелопоннесцам при Кизике; Миндар пал, и почти весь неприятельский флот достался афинянам. Таким образом, Алкивиад дал иной оборот войне: победа снова склонилась на сторону Афин; спартанский флот на время был уничтожен; владычество

афинян на море, казалось, восстановлено. На берегу Босфора, у Хрисополя (Скутари), Алкивиад устанавливает род таможни и взимает с проходящих через пролив судов пошлину в размере одной десятой и этим пополняет скудные средства афинян. По сравнению с такими успехами утрата Пилоса и Нисеи, произошедшая около этого времени, не имела значения.

Последствием победы при Кизике было восстановление полной демократии в Афинах. Все афиняне, в том числе и неимущие, получили опять политические права; вновь введено было жалованье; прежняя комиссия «законодателей», «номофетов», заменена новой, которой поручено составить проекты законов. Кроме того, все действующие постановления публичного, частного и сакрального права должны были быть собраны и записаны¹⁰⁵. Но работа эта затянулась надолго. По-видимому, к тому времени относится и ограничение компетенции Совета 500, лишившегося права собственной властью налагать денежные штрафы свыше 500 драхм, заключать в тюрьму и казнить, а также судить большую часть должностных лиц. Установлен был новый порядок заседаний Совета; члены последнего должны были занимать места по жребию, вероятно для того, чтобы единомышленники не садились рядом, сплоченными группами, и не так могли влиять или запугивать других¹⁰⁶. По предложению Демофанта, постановлено было, что кто низвергнет демократию в Афинах или примет какую-либо должность по низвержении демократии, тот будет врагом афинян и убит безнаказанно, его имущество конфисковано и десятая часть этого имущества посвящена богине (Афине). Все афиняне, по филам и демам, должны дать торжественную клятву «над совершенными жертвами»: убить «и словом, и делом, и голосованием и, если можно, собственной рукой» того, кто низвергнет демократию в Афинах или после низвержения ее займет какую-нибудь должность или если кто-либо восстанет, чтобы стать тираном, или будет содействовать тирану; убившего такового признавать чистым перед богами, как убийцу врага афинян, и ему отдать половину имущества убитого; кто погибнет при умерщвлении виновного в

¹⁰³ Постановление в честь этого убийцы дошло до нас в виде надписи (C¹ A (= IG), I, 59; Ditt. Syll², I, 50).

¹⁰⁴ Для дальнейшего главный источник — «Греческая история» (Hellenica) Ксенофонта.

¹⁰⁵ К этому времени относится и та копия Драконтовых законов, которая в обрывках дошла до нас.

¹⁰⁶ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. S. 1540.

упомянутых преступлениях, тому и его детям оказывать почести, какие оказываются Гармодию и Аристогитону и их потомкам. Такова была «псефизма Демофанта»¹⁰⁷, имевшая в виду охранить демократию от посягательств на нее. Против членов Совета 400 и бывших их сторонников начались преследования и процессы; многие присуждены были к большим денежным штрафам, изгнанию, лишению гражданских прав, или атимии. Подвергся изгнанию и Критий, несмотря на то, что он энергично выступал против низвергнутых олигархов. Те из войска, которые до конца оставались верными олигархии, подверглись частной атимии: они лишены были права быть избираемыми в Совет и делать предложения в народном собрании. Для деятельности сикофантов открылось широкое поле. Они не замедлили воспользоваться удобным случаем; нередко виновных отпускали за деньги, а кто не платил, того преследовали. Внутреннему миру это, конечно, не содействовало, и, напротив, многих восстанавливало против демократии.

Но с заменой умеренной демократии неограниченной не только возобновлена была прежняя система денежного вознаграждения; введена была еще новая раздача — «двух обол», так называемая «диобелия», которую одно время смешивали с теориконом, но которую нужно отличать от него¹⁰⁸: теорикон — собственно зрелищные деньги в праздники; диобелия же — чуть не ежедневная раздача, своего рода пособие или «государственная пенсия», как называет ее У. фон Виламовиц-Мёллендорф. По свидетельству Аристотеля (Ath. Pol., 28), впервые ввел ее Клеофонт, в то время наиболее влиятельный демагог, вождь радикальной партии. Это — прямой преемник Клеона, Гипербола, Андрокла, по профессии «делатель лир», человек незнатного происхождения, без образования, с приемами террориста, «настоящий якобинец», по выражению некоторых новейших историков¹⁰⁹. Комики, по обыкновению, обвиняют его в хищениях, но Клеофонт не оставил после себя состояния и несомненно был искрен-

ним, хотя и ограниченным, демократом. То было тяжелое время: афинские бедняки сидели как бы в осажденном городе, поля не обрабатывались, торговля и ремесла пали; особенно тяжело было положение стариков, женщин, детей, всех тех, кто не мог носить оружия, служить в войске и флоте и получать жалованье, кто в Афинах охранял стены¹¹⁰. Посредством диобелии государство приходило на помощь нуждающейся массе. Заведование этой раздачей поручалось комиссии, во главе которой стоял обыкновенно какой-либо демагог. В счетах, относящихся к 410/09 г., уже упоминается о неоднократных выдачах в течение этого года из казны богини Афины «на диобелию», причем, например, в один и тот же день выдается на содержание конницы 4 таланта и на диобелию — 1 талант 1232 драхмы 3 1/2 обол; всего на последнюю в 410/09 г. выдано почти 17 талантов; самая большая из известных нам выдач за одну пританию — более 8 талантов; следовательно, тогда получали диобелию ежедневно приблизительно 4000 граждан¹¹¹. В 407/06 г. в течение одной только притании более десяти раз происходила выдача «на диобелию», иногда даже по два раза в день и такими суммами, которые подчас поражают своей незначительностью, например 2 (по другому чтению — 12) драхм, 6 драхм 3 1/2 обол. Очевидно, всякая капля, поступавшая в казну, тотчас уходила на диобелию (У. фон Виламовиц-Мёллендорф). Понятно, что эта новая раздача истощала еще более финансовые средства афинян. Через несколько лет, по предложению некоего Калликрата, к 2 оболам прибавлен был еще один обол. Но диобелия, даже и в увеличенном размере, в сущности, мало помогала: по поводу подобных денежных раздач Аристотель замечает, что это все равно, что лить воду в бездонную бочку. Государство приходило на помощь населению еще и другим способом: оно возобновило постройки, в особенности Эрехтейона. Как показывают обрывки сохранившихся в виде надписей счетов, плата за работу шла главным образом художникам и ремесленникам из метеков, а затем рабочим из свободных граждан и рабов¹¹².

¹⁰⁷ Приведена в речи Андокида о мистериях (96—98).

¹⁰⁸ Wilamowitz-MöUendorff U. von. Aristoteles und Athen. Bd. II. S. 213; Розов Н. Н. О зрелищных деньгах в Афинах // ЖМНП. 1893, май.

¹⁰⁹ Например, Г. Бузольта и Р. фон Пёльмана.

¹¹⁰ Wilamowitz-MöUendorff U. von. Aristoteles und Athen. Bd. II. S. 214.

¹¹¹ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III, 2. S. 1544. Anm.

¹¹² Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. IV. S. 613.

После поражения при Кизике спартанцы предлагали заключить мир на условии, чтобы за обеими сторонами осталось то, чем они владеют. Но крайняя демократическая партия в Афинах, с Клеофонтom во главе, в надежде на дальнейшие успехи, не хотела и думать о мире на таких условиях. Война продолжалась. Алкивиад берет Селимбрию, осаждает и принуждает к сдаче Византии. Таким образом, проливы были теперь в руках афинян. Настал момент, когда Алкивиад решается отправиться в Афины. Он является сюда (408 г.) как триумфатор, со 100 талантами денег, с богатой добычей и трофеями, в числе которых были захваченные неприятельские корабли¹¹³. Народ толпами устремился в Пирей, на встречу победителю. Отношение к Алкивиаду, по-видимому, совершенно изменилось. Враги его должны были на время смолкнуть. Казалось, говорит один из наших источников, это был другой город, не тот, который его изгнал: с таким восторгом встречали Алкивиада. Победы флота представлялись делом его одного; его личность всех затмила. В Совете и в народном собрании Алкивиад выступил со своими оправданиями. Никто не возражал... Произнесенное над ним проклятие в торжественной форме было взято назад, столбы с приговором постановлено было бросить в море, взамен конфискованного имущества Алкивиад вознагражден почетными дарами. Ему было поручено высшее командование на суше и на море, и он был облечен неограниченными полномочиями во всем. Обаяние Алкивиада еще более усилилось, когда во время Элевсинских празднеств, благодаря его мерам, в Элевсин могла отправиться процессия по священной дороге, а до тех пор в течение нескольких лет, со времени занятия спартанцами Декелий, ввиду опасности со стороны неприятеля, процессия отправлялась морем, на судах, без обычных церемоний. Перед Алкивиадом, казалось, открывалась возможность захватить власть в свои руки, сделаться тираном в Афинах. Одни из афинян, принадлежавшие к высшим слоям, надеялись, что в его лице нашли человека, который в состоянии открыто и смело выступить против демоса, а неимущие, наоборот, смотрели на него как на своего лучшего защитника, «соратника», который вместе с ними повергнет город

¹¹³ Кроме Ксенофонта — Плутарх в биографии Алкивиада (33—34) и Диодор Сицилийский (XIII, 68 sq.)

в смятение и придет на помощь их бедности (Diod., XIII, 68). Алкивиад так привлек к себе простых и бедных, говорит Плутарх, что те питали удивительное страстное желание подчиниться его тирании, а некоторые подступали к нему с требованиями, чтобы он, пренебрегши завистью и отвергнув псефизмы, законы и «глупости», губящие государство, действовал по своему усмотрению и воспользовался обстоятельствами, не боясь сикофантов (Alc., 34). От Алкивиада ожидали своего рода «социал-демократической тирании»¹¹⁴. Но на этот путь Алкивиад не вступил...

Сопровождаемый преувеличенными надеждами и ожиданиями блестящих побед, Алкивиад покинул Афины во главе флота. Между тем действительность далеко не соответствовала этим ожиданиям. Пелопоннесцы снаряжают новый флот, а на историческую сцену выступают две личности, которые дают иной оборот войне. Это были спартанский наварх Лисандр, человек способный, энергичный, не останавливавшийся ни перед чем для достижения своих целей, и молодой персидский принц Кир Младший, назначенный наместником в Малую Азию. Кир стоял за решительную помощь Спарте и готов был всячески поддержать Лисандра. По просьбе последнего он увеличил плату гребцам на 1 обол, и наемные гребцы массой стали покидать афинские суда, переходить на службу к спартанцам. В то время как Спарта пользовалась щедрыми субсидиями от Персии, афинские стратеги вынуждены были добывать средства на содержание флота и для ведения войны посредством реквизиций и пиратства. Это парализовало их успехи. Положение Алкивиада было затруднительным. Блестящих побед он не одерживал; между тем вследствие высокого понятия о его способностях от него ожидали великих подвигов; думали, что он может сделать все, если только захочет; не верили, что для него есть что-либо невозможное. Притом у Алкивиада в Афинах по-прежнему были враги, которые лишь на время стушевались, но которые боялись и ненавидели его и готовы были воспользоваться каждой его неудачей. Однажды, в отсутствие Алкивиада, военачальник, которому он поручил флот, вопреки его запрещению вступил в битву с Лисандром и потерпел поражение (у Нотия).

¹¹⁴ Pöhlmann R. von. Grundriss der griechischen Geschichte. 3 Aufl. München, 1906. S. 167.

И очарование Алкивиадом исчезло: Алкивиад лишен был главного начальства, не был выбран в стратеги и предпочел добровольно отправиться в изгнание, в окрестности Херсонеса Фракийского (407 г.). Так вторично — и на этот раз навсегда — лишились афиняне своего даровитого вождя.

На следующий год афинский полководец Конон достигнут был у Митилены Калликратидом, преемником Лисандра, потерял почти половину флота и был заперт в гавани. Афиняне напрягли все свои силы, чтобы выручить Конона. Решено было снарядить флот в 110 кораблей; призваны были все годные к службе; гоплиты, даже всадники, сели на суда; привлечены были метеки и рабы; первым были обещаны права гражданства, вторым — свобода. Для покрытия расходов из храмов были взяты и переплавлены священные дары из золота и серебра; в Парфеноне из всех драгоценностей оставлен один золотой венок. Через месяц флот был готов; с союзными кораблями он состоял более чем из 150 триер. В битве при Аргинусских островах (406 г.), «величайшей из бывших между греками», флот этот одержал победу над пелопоннесским; сам Калликратид погиб в волнах.

Но последствия этой победы были самые неожиданные: победителей-стратегов в Афинах ожидали вместо награды суд и казнь. На столь характерном эпизоде необходимо несколько остановиться¹¹⁵.

Аргинусская победа сопровождалась тяжелыми потерями, причем не менее 12 триер после сражения, попорченные и негодные к плаванию, носились по волнам, и на этих триерах были живые люди. После сражения стратеги, правда, поручили триерархам Ферамену и Фрасибулу подать помощь потерпевшим крушение и спасти, кого можно. Но разразившаяся буря помешала этому. Таким образом, не только не были оказаны подобающие почести павшим в бою, но многие граждане погибли не от руки врага и не в самом сражении, а уже после него, в волнах моря, потому что им не была

оказана помощь. И вот вместе с вестью о победе в Афины приходят известия и о тяжелых потерях, о гибели многих на обломках кораблей. Говорили, что виновники этого — стратеги, что они не приняли надлежащих мер, не исполнили своего долга по отношению к тем, кто сражался за отечество, кто заслуживал, казалось, лучшей участи. И восемь стратегов, участвовавших в битве, были смещены. Двое из них, предчувствуя беду, не поехали в Афины; остальные же шесть явились. Одного из них демагог Архедем, в то время заведовавший диобелией, прежде всего привлек к суду по обвинению в утайке казенных денег из Геллеспонта и за его «стратегию», и тот был арестован. Затем прочие стратеги сделали в Совете доклад о сражении. Совет постановил их арестовать и представить на суд перед народом, — очевидно, как обвиняемых в государственном преступлении (посредством исангелии). В народном собрании главным обвинителем их явился Ферамен, который, по видимому, опасался, что вина падет на него, если не будут обвинены стратеги. Стратеги в свою защиту в кратких словах излагали ход дела, указывая, что подать помощь потерпевшим крушение поручено было Ферамену, Фрасибулу и некоторым другим и что если кто и виноват, то именно они; но, заявляли стратеги, и эти лица, в сущности, не виноваты¹¹⁶: сильная буря — вот что помешало оказать помощь. Настроение собрания склонялось, видимо, в пользу стратегов; многие предлагали за них поручительство. Но так как было уже поздно и не видно рук при голосовании — афиняне, как известно, голосовали посредством поднятия руки, — то решено было дело отложить до следующего собрания, а Совету поручить представить мнение о том, как судить стратегов. Это уже как бы предreshало вопрос.

Между тем наступили апатурии. Это был праздник фратрий, когда сходились отцы и родственники, когда особенно сильно должна была чувствоваться потеря близких. Многие облеклись в траур. Таким настроением воспользовались Ферамен и другие враги стратегов. По их побуждению, говорит Ксенофонт, родственники погибших явились в народное собрание в черной одежде, с остриженными

¹¹⁵ Главный источник — Ксенофонт в «Греческой истории» (I, 7). Из новых историков особенно подробно излагает этот эпизод Дж. Грот (нем. пер.: Bd. IV. S. 444 f. [нем. пер., на который ссылается здесь В. П. Бузескул, был издан в Берлине в 1880—1881 гг. (6 томов); оригинальное английское издание: Grote G. B. History of Greece. Vol. I—XII. London, 1846—1856. — Примеч. науч. ред.]).

¹¹⁶ В своем официальном сообщении Совету и народу после сражения стратеги решили не упоминать о данном Ферамену и Фрасибулу поручении, чтобы не бросать на них тени.

догола волосами. Советом внесено было предложение Калликсена, гласившее, что так как обвинители и защита стратегов уже заслушаны в предшествующем народном собрании, то теперь афиняне должны подать голос по филам; для каждой филы поставить две урны; кто за обвинение — кладет шар (камешек) в переднюю урну, кто за оправдание — в заднюю; в случае признания виновными стратегов наказать смертью, имущество конфисковать и десятую часть его посвятить богине Афине. Следовательно, судить должно было само народное собрание; стратеги лишены были возможности защищаться под тем предлогом, что они уже раньше говорили в свою защиту, и приговор должен был быть огульный, вопреки закону. Делу придавался характер суммарного, спешного производства. Тщетно некто Евриптолем, при поддержке некоторых других, заявлял, что он предъявляет против предложения Калликсена «обвинение в противозаконии» (ὑραφὴ παρὰ νόμον); большинство негодовало, крича: «Это ужасно, если народу не будут позволять делать, что ему угодно». Раздавались голоса, что тех, кто предъявит «обвинение в противозаконии», надо судить так же, как и стратегов. Таким образом, Евриптолем и другие вынуждены были взять назад свое заявление. Некоторые пританы не решались пускать на голоса противозаконное предложение. Но их запугали. Один только Сократ, который был тогда в числе пританов, остался при твердом решении поступать не иначе, как по закону. Тогда выступил с речью Евриптолем. Он предлагал судить стратегов самым строгим образом, но судить по закону, не лишать защиты, того, что предоставляется даже изменникам, не вносить такой торопливости в дело, и ссылаясь на псефизму Каннона, запрещающую огульный приговор и требовавшую суда над каждым из обвиняемых отдельно. Большинство голосов сначала было в пользу предложения Евриптолема, но против этого голосования заявлен был протест¹¹⁷, а при вторичном голосовании большинство оказалось за предложение Совета. Все восемь стратегов, победителей при Аргинусах, были приговорены к смерти и шесть из них, бывшие в Афинах, казнены, в числе их Перикл, сын знаменитого Перикла и Аспазии, Фрасилл, во время олигархического переворота 411 г. много содей-

¹¹⁷ Неизвестно, потому ли, что голосование было неправильным, или потому, что подсчет был неверен.

ствовавший тому, что войско у Самоса осталось верным демократии, и Аристократ, один из Четырехсот.

Быть может, интриги и происки демагогов или олигархов и не играли такой роли в этом деле, какую склонны были приписывать им некоторые историки; многое объясняется психологией афинской массы, настроением, вызванным тяжелыми потерями; но даже Дж. Грот, при всем своем пристрастии к Афинам и их демократии, признает осуждение победителей при Аргинусах противозаконием и нарушением справедливости. Такое отношение к стратегам не могло содействовать успеху в *войне*; оно вносило еще больший разлад и парализовало силы афинян. Вскоре настала реакция; афиняне раскаялись, если верить Ксенофону, и обратили свой гнев на тех, «кто обманул народ». Ферамен, избранный в 405 г. в стратеги, при докимасии был отвергнут; Калликсен вместе с некоторыми другими предан суду. Воспользовавшись одним возмущением, он бежал, впоследствии благодаря амнистии после низложения Тридцати вернулся в Афины и умер голодной смертью, всеми презираемый. Аристотель в «Афинской политике» (28) замечает, что вообще народная масса, если и дается в обман, имеет обыкновение впоследствии ненавидеть тех, кто наводит ее на нехорошие дела. Это замечание он делает по поводу демагога Клеофонта и введения диобелии: Клеофонт в самом конце войны был обвинен в неисполнении обязанности воина и приговорен к смерти, что и подало повод к упомянутому выше возмущению. По Аристотелю, и после битвы при Аргинусах спартанцы предлагали оставить Декелею и заключить мир на условии, чтобы за обеими сторонами остались их владения. Но Клеофонт, по словам Аристотеля, очень не сочувствующего демагогам и пользующегося нередко тенденциозным источником, явился в народное собрание «пьяный», в панцире, и убедил афинян не соглашаться на мир, если лакедемоняне не возвратят им всех отпавших городов.

Несмотря на тяжелые времена и войну, жизнь в Афинах, казалось, текла обычно. Умственное движение было в полной силе; вопросы философские, эстетические глубоко интересовали общество; празднества, зрелища, театральные представления шли своим чередом. О тогдашнем настроении афинян дают понятие между прочим Аристофановы «Лягушки», поставленные в начале 405 г., незадолго до катастрофы. Здесь главная тема — из области эстетики; дело

идет об оценке Эсхиловой и Еврипидовой трагедии. Но есть и политические намеки. Не говоря уже о сатирических стрелах, направленных против демагогов, подобных Клеофонт, поэт, намекая на преследования, которым подвергались сторонники олигархии, и на ограничение их прав, дает такой «полезный для государства» совет — сравнить граждан, прекратить террор, тем, кто был соблазнен Фринихом, дать возможность загладить вину; не должно быть больше в государстве никого подвергнутого атимии, лишенного прав; если даже раб, раз сражавшийся, стал господином, свободным гражданином, то тем более справедливость требует тем, кто сам и их отцы так часто вместе с нами сражались, кто близок нам по происхождению, простить вину и возратить права. Людей знатных и доблестных, образованных, мы отвергаем, а подобными низкопробной монете, чужими и негодяями мы слишком много пользуемся (686 sq.). Если из граждан тем, которым мы теперь доверяем, не будем верить, теми, которыми не пользуемся, будем пользоваться, то еще можем спастись (1446). По-видимому, в Афинах тогда подымался вопрос, не вернуть ли Алкивиада? Город, говорит Аристофан, «испытывает тяжелые роды»: он и тоскует по нему, и ненавидит его, и желает иметь... (1422 sq.)

Между тем близка была уже катастрофа. Несмотря на победу, положение афинян было, в сущности, критическое. Особенно велики были финансовые затруднения, о чем ярко свидетельствует та плохая медная монета, которую теперь чеканили в Афинах и о которой говорит Аристофан в «Лягушках» (720 sq.). Во главе спартанского флота снова стал Лисандр, получивший щедрые субсидии от Кира Младшего и опиравшийся на многочисленные гетерии, нити которых сходились у него в руках. Он занял Геллеспонт, и когда афинский флот, явившись сюда, расположился у Эгоспотам, Лисандр, выждав удобный момент, захватил его врасплох. Поражение афинян было полное (405 г.). Около 160 кораблей и много пленных достались победителю. Пленные афиняне — около 3000 человек — были казнены¹¹⁸, — новая иллюстрация той жестокости,

¹¹⁸ В воздаяние за постановление афинского собрания — в случае победы отрубить пленникам правую руку (или, по другой версии, по большому пальцу на правой руке) и за то, что один из стратегов, когда попали ему в руки две триеры, приказал сбросить пленных со скалы.

которую проявляли обе стороны в эту войну. Один за другим союзные города подчиняются Лисандру. Афинских поселенцев он направляет в Афины, чтобы увеличить там число жителей и тем вернее потом голодом принудить город к сдаче.

Было уже темно, когда государственный корабль Паралия вошел в Пирей с печальной вестью об уничтожении флота у Эгоспотам. С быстротой молнии весть эта, среди громких криков и жалоб, распространилась по городу. Никто не спал в эту ночь... Катастрофа, постигшая теперь афинян, была ужаснее всех предшествующих; Афины были беззащитны: не существовало ни флота, ни средств... Тем не менее решено было держаться, во что бы то ни стало. Одной из первых мер было дарование права афинского гражданства самосцам. Затем, по предложению Патроклида, было постановлено, следуя примеру прошлого, когда во время нашествия Ксеркса дарована была амнистия, отменить атимии по отношению к приверженцам олигархии Четырехсот, государственным должникам и другим осужденным и восстановить их в гражданских правах, за исключением изгнанников, обвиненных за убийство или перешедших к неприятелю.

Афины окружены были и с моря, и с суши. Население мужественно переносило голод. Ввиду страха перед местью олигархов и опасения, что сдача города равносильна будет гибели для демократов, влиянием сначала пользовалась крайняя демократическая партия и такие демагоги, как Клеофонт. Когда сделано было предложение заключить мир с тем, что за Афинами останутся Лемнос, Имброс и Скирос, но Длинные стены на известном пространстве будут скрыты, то Клеофонт, говорят, грозил «отрубить мечом голову» тому, кто заговорит о сдаче. Но потом начали брать верх противники крайней демократии и олигархии; иначе нечего было и думать о мире. Тогда-то возбуждены были преследования против Калликсена и других виновников гибели Аргинусских победителей, а затем погиб и сам Клеофонт. Ферамен был отправлен для переговоров сначала к Лисандру, а потом в Спарту. Голод в Афинах усиливался, и положение становилось нестерпимым. Когда Ферамен возвратился и сообщил условия мира, афинянам ничего не оставалось, как принять их. В Спарте союзники ее настаивали на полном разрушении Афин и продаже населения в рабство; но спартанцы не согласились на это. Мир, называемый «Фераменовым»

(404 г.), заключен был на условии, что афиняне должны скрыть укрепления Пирея и Длинные стены, отказаться от владений вне Аттики, возвратить изгнанников, выдать оставшиеся корабли, за исключением 12. Кроме того, афиняне вступили в союз со Спартой, обязавшись иметь одних и тех же врагов и друзей, что и Спарта, и подчиняться ее гегемонии. В довершение всего они должны были отказаться от демократии, ввести «старинный строй», на самом деле олигархию Тридцати.

С торжеством, под звуки флейт, Лисандр разрушил Длинные стены. С большим усердием помогали в этом возвратившиеся изгнанники: они, как и многие греки, в то время воображали, что «день этот — начало свободы для Эллады».

Так кончилась Пелопоннесская война. Лисандр сокрушил «могущество Кекропидов», как гласит надпись на его статуе в Дельфах. Дуализм был устранен. Вопрос о гегемонии решен. Афины лишились морского могущества, союзников, клерухий. За ними осталась одна Аттика. После Сицилийской экспедиции надо удивляться не тому, что был таков исход борьбы, а той стойкости, мужеству, энергии, богатству сил, которые обнаружили в ней Афины: после Сицилийской катастрофы они оказываются в состоянии вести борьбу еще в течение девяти лет с переменным счастьем. В сущности, Афины были побеждены не одной Спартой и ее греческими союзниками: они пали жертвой союза Спарты с Персией, не говоря уже об их собственных ошибках и недостатках в самой организации Афинского государства.

Тирания Тридцати и восстановление демократии

Поражение афинян в Пелопоннесскую войну было вместе с тем и поражением их демократии. Это был критический момент в ее истории. Возникал вопрос, удержится ли демократия в Афинах?

Если верить Аристотелю, по самим условиям мира афиняне должны были ввести у себя «старинный строй» или «строй отцов», *πάτριος πολιτεία*. О *πάτριος πολιτεία* очень много говорили в Афинах в конце Пелопоннесской войны; это выражение служило как бы общим девизом и могло объединить всех. Но каждая партия под *πάτριος πολιτεία* подразумевала разное и понимала эту по-

литию по-своему. Демократы пытались спасти демократию, а из аристократов одни, именно те, кто принадлежал к политическим обществам, или гетериям, и возвратившиеся изгнанники желали олигархии; они для лучшего достижения цели организовали комитет из 5 «эфоров», в числе которых был Критий; другие — не принадлежавшие к кружкам, умеренные — стремились действительно к «древнему строю». Главным вождем их был Ферамен, и эта партия казалась наиболее сильной. Некоторые демократы — стратеги, таксиархи и триерархи, со стратегом Стромбихидом и Никиевым братом Евкратом во главе, — составили заговор в защиту демократии, против надвигавшейся олигархии; но об этом заговоре донесли, и Совет, враждебно настроенный против демократов, арестовал его зачинщиков. А олигархи для поддержки призвали Лисандра. Народ, собравшись в театре в Мунихии, под давлением страха принял предложение Драконтида и подал голос за олигархию — за установление комиссии Тридцати, которые должны были выработать новую конституцию, а до тех пор править государством. Есть известие, что из них 10 были избраны по указанию Ферамена, 10 — упомянутым олигархическим комитетом, а 10 — самим собранием (по крайней мере, номинально).

Так в архонтство Пифодора, в 404 г., при непосредственном содействии Лисандра, установилось в Афинах владычество *Тридцати 119*, которых со времени Цицерона принято называть Тридцатью тиранами. Среди них выдавались Ферамен, Критий, Харикл и др. Некоторые из числа Тридцати раньше входили в состав олигархии Четырехсот.

Получив власть над государством, Тридцать о выработке новой конституции не думали, а постарались упрочить свое положение, назначив 500 членов Совета и других должностных лиц из предварительно избранных кандидатов; главными же их помощниками являлись 10 начальников Пирея, 11 стражей тюрьмы и 300 служителей «биченосцев». Гелная прекратила свою деятельность; ареопаг оказался еще более стеснен, чем при демократии; уголовный суд передан Совету, в котором председательствовали

¹¹⁹ Главные источники — Аристотель в «Афинской политике» (34), Ксенофонт и Лисий (в речах против Эратосфена (XII) и против Агората (XIII)).

сами Тридцать и подача голосов была открытой. Верфи, символ морского могущества Афин, теперь пустые, проданы на взлом: Тридцать старались уничтожить все, что напоминало господство на море, основу ненавистной им демократии. Упомянутые выше заговорщики-демократы казнены.

Но все же Тридцать сначала обнаруживали умеренность и делали вид, будто стремятся к «древней политике». Они, говорит Аристотель, убрали из ареопага таблицы Эфиальтовых и Архестратовых законов, касавшихся ареопагитов; отменили те из Солоновых законов, которые давали повод к недоразумениям и к сикофантству, например, оговорки относительно права завещать состояние, и этим уничтожили власть народных судов и пр.; они преследовали сперва сикофантов, людей, угодничавших перед демосом во вред последнему, злодеев и негодяев. Такие меры встречены были с радостью, так как граждане полагали, что Тридцать это делают ради общего блага. Но когда их власть утвердилась, Тридцать уж не останавливались ни перед кем из граждан и убивали людей, выдающихся по своему состоянию, происхождению и авторитету, частью из опасения, частью из желания захватить имущество, так как они нуждались в средствах. В течение короткого времени они истребили не менее 1500 человек, или, как говорится у Ксенофонта, они за восемь месяцев убили афинян больше, чем лакедемоняне за 10 лет войны. Казнен был даже такой умеренный человек, как сын Никия, Никерат. Но особенно много было казнено состоятельных метеков. Чтобы пополнить свою казну, Тридцать порешили, что каждый из них должен схватить по одному богатому метеку и казнить, а имущество его забрать. Об этом мы имеем свидетельство оратора Лисия, который сам был метеком и который чрезвычайно живо и рельефно описывает, что испытал тогда он и семья его брата: образ действий Тридцати обрисовывается здесь со всем его произволом, насилием, жестокостью.

«Феогнис и Писон в собрании Тридцати, — рассказывает Лисий в речи против Эратосфена, одного из этих Тридцати¹²⁰, — говорили о метеках, что есть между ними такие, которые недовольны существующим государственным порядком, что есть поэтому

¹²⁰ Шульц Г. Ф. Адвокатура в древних Афинах и один из ее представителей // Записки Харьковского университета. 1897, № 2. С. 9 сл.

прекраснейший повод под видом наказания добывать деньги и что государство нищенствует и правительство нуждается в деньгах. Убедить слушателей было нетрудно, потому что убивать людей они ставили ни во что, а приобретать деньги считали делом большой важности. И вот они решили схватить тридцать человек и в числе их двух бедных, чтобы иметь оправдание в глазах других, что это сделано не ради денег, а совершено на пользу государства... Распределив между собой дома, они отправились. Меня застали за угощением гостей. Прогнав последних, они взяли и передали меня Писону; остальные же, явившись на нашу фабрику, стали переписывать рабов. Я спросил Писона, не согласится ли он спасти меня за деньги. Он изъявил согласие при условии, чтобы денег было много. Я сказал, что готов дать талант серебра, и он согласился... После того как он, накликав гибель на себя и своих детей, в случае нарушения клятвы, поклялся спасти меня по получении условленного таланта, я, войдя в спальню, открываю ларец; Писон, заметив это, последовал за мной, и увидев, что находится в ларце, позвал двух своих слуг и приказал им забрать все. Я попросил его дать мне хотя бы денег на дорогу, но он ответил, что я должен быть доволен, если спасу свою жизнь. Когда я выходил с Писоном, нам навстречу попадают Мелобий и Мнесифид, вышедшие из фабрики, и, повстречавшись с нами у самой двери, спрашивают, куда мы идем. Писон сказал, что идем к моему брату, чтобы посмотреть, что и в том доме находится; и вот, они ему приказали идти, а мне — следовать за ними в дом Дамниппа. Писон подошел ко мне и советовал молчать и не падать духом, так как он придет туда. Там мы застаем Феогниса стерегущим других. Передав ему меня, они опять ушли. Находясь в таком положении, я решил, что нужно рискнуть, так как смерть была уже неизбежна. Подозвав Дамниппа, я говорю ему: "Ты ко мне расположен, я в твоём доме, я ни в чём не виновен, я гибну из-за денег, так употреби ж благосклонно своё влияние в пользу меня, терпящего это, для моего спасения". Он пообещал исполнить мою просьбу, но ему казалось лучше сообщить Феогнису, так как думал, что тот сделает все, если согласится дать ему денег». В то время как Дамнипп разговаривал с Феогнисом, Лисий, воспользовавшись моментом и, зная, что в доме два выхода, скрылся и на следующую ночь переправился морем в Мегары. Пе-

ред этим Лисий узнал о гибели своего брата Полемарха: его заставили выпить яд, не сообщив предварительно даже вины, за которую он должен был умереть; о суде и защите не было и помину... Забрав множество вещей и даже рабов, о чем мы уже упоминали по другому поводу, Тридцать, дошли до того, что один из них, именно Мелобий, как только вошел в дом, вырвал из ушей Полемарховой жены золотые серьги, которые были на ней.

В Афинах царил террор. Устрашенный народ безмолвно сносил тиранию; многие же бежали или были изгнаны. Тогда раздался протест из среды самих Тридцати. Он исходил от Ферамена.

Ферамен играл выдающуюся роль в событиях последнего времени, начиная с переворота 411 г. Мы видели, что он участвовал в олигархии Четырехсот и он же содействовал ее низвержению. Введенная после этого умеренная демократия Пяти тысяч была осуществлением его программы, и он был тогда главным лицом в Афинах. В течение нескольких лет подряд Ферамена избирали в стратеги; как стратег, он участвовал в победе при Кизике, как триарх — в битве при Аргинусах. Он выступил главным обвинителем стратегов, победителей в этой битве. Он был посредником в последних переговорах со Спартой, и мир, которым закончилась Пелопоннесская война, был миром «Фераменовым». Ферамен участвовал в установлении правления Тридцати и сам был одним из них. Теперь он выступает против своих товарищей, олигархов, настаивает на прекращении жестокостей и на передаче правления «лучшим». Как в древности, так и в новое время о Ферамене высказывались два противоположных мнения: одни видели в нем человека ненадежного, постоянно переходящего из одного лагеря в другой, предателя; называли «котурном», обувью, которая приходится и на правую, и на левую ногу; причисляли к тем людям, которые всегда ищут, где выгоднее и безопаснее, которые «переворачиваются на ту сторону, где мягче», и умеют выйти из всякой беды¹²¹. Наоборот, Ксенофонт относится к Ферамену с симпатией, а Аристотель в «Афинской политике» (28) удостаивает его такой чести, какой не удостаивает и Перикла: он причисляет Ферамена, наряду с Никием и Фукидидом Алопекским, к лучшим государственным людям Афин «после древних», а разногласие

относительно него объясняет тем, что деятельность Ферамена совпала со временем смут и переворотов в государственном строе, Ферамен, говорит Аристотель, «если судить не поверхностно, не ниспровергал всех форм правления, как его упрекают, а старался довести их до такого состояния, чтобы не совершалось незаконных, как человек, могущий заниматься политической деятельностью при всякой форме государственного устройства — как это, и подобает хорошему гражданину, — не подчиняясь, а борясь с противозакониями». И может быть, Аристотель до некоторой степени прав: в такие бурные времена, какие переживали тогда Афины, в эпоху подобных кризисов, люди, избегающие крайностей, ищущие середины, мало кого удовлетворяют; их судьба печальна: обе крайние партии обыкновенно смотрят на них враждебно и недоверчиво, как на изменников и предателей. Ферамен, по словам Аристотеля, был главным представителем той партии, которая стремилась искренно к «древней политике» (Ath. Pol., 34). Его идеалом была ограниченная демократия «имеющих вооружение». «Я всегда, — заявлял Ферамен, — был врагом тех, кто думает, что демократия хороша только тогда, когда получают плату даже рабы и те, которые по бедности готовы из-за драхмы предать город, а с другой стороны, я всегда был против тех, кто думает, что олигархия может быть хороша только тогда, когда государство так устроено, что над ним властвует тирания немногих. Я и прежде полагал, что правление тех, кто может служить государству и на коне, и со щитом, есть лучшее, и теперь не меняю этого своего убеждения» (Хен., II, 3, 48).

Ферамен должен был столкнуться с Критием, представителем крайнего направления среди Тридцати. Критий¹²² был выдающейся личностью, одним из характерных явлений той эпохи, подобно Алкивиаду. Он происходил из фамилии Медонтидов, к которой принадлежали прежние цари и из которой происходил Солон, и был в родстве с Платоном. Он интересовался философией и одно время был учеником Сократа. Критий подвизался на поприще литературы как поэт и как прозаик; писал, между прочим, о госу-

121 Аристофан в «Лягушках» (534 sq., 967 sq.).

122 О нем см. статью: Nestle W. Kritias. Eine Studie // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur und für Pädagogik. Bd. XI. 1903.

дарственном устройстве («Политии») Афин, Спарты и Фессалии; обращал внимание на культурную сторону, обычаи и т. п.¹²³ В трагедии под заглавием «Сизиф» Критий развивал ту мысль, что боги выдуманы умным, хитрым человеком, чтобы пугать злых людей и удерживать их от преступлений; религия — умная ложь, изобретенная для поддержания законов, которые недостаточны сами по себе для обуздания грубого, дикого человечества; нравственный закон не обязателен; выше всего — человеческий разум, по велению которого можно нарушить и этот закон; избранные натуры, сильные, властные, могут отрешиться от обычной нравственности... Тут сказывается в крайнем, подчас уродливом виде, тот индивидуализм, рост личности, который характеризует эпоху.

Было время, когда Критий шел рука об руку с Фераменом. После свержения Четырехсот именно он, говорят, внес предложение об отмене изгнания Алкивиада; по его же предложению устроен был суд над убитым Фринихом. Но это не спасло Крития от изгнания, когда в Афинах восстановлена была радикальная демократия и влияние перешло к Клеофонту. Критий отправился в Фессалию. Здесь, по словам Ксенофонта, он устанавливал демократию и поднимал крепостных, пенестов, против их господ. Это плохо вяжется с тем, что мы знаем о воззрениях Крития, и есть другое известие (Филострата), что Критий, наоборот, в сообществе с фессалийскими Алевадами сделал там олигархию еще тяжелее. Впрочем, пенесты были земледельцами, не той «корабельной чернью», которую так ненавидел и презирал Критий, а главное — он не был разборчив в средствах, когда дело шло о достижении цели, об удовлетворении честолюбия. Как бы то ни было, со времени изгнания Критий становится непримиримым, ожесточенным врагом афинской демократии; народ для него — «проклятый демос». Благодаря амнистии, после окончания Пелопоннесской войны, Критий вернулся в Афины и стал во главе Тридцати. Среди них это был истый, беспощадный террорист. Его сравнивают с Робеспьером, хотя тот предавал казни во имя «свободы, равенства, братства» человечества, а Критий — во имя оли-

¹²³ От произведений Крития до нас дошли лишь небольшие отрывки. Некоторые полагают, что его перу принадлежит Псевдо-Ксенофонтова «Афинская полития».

гархии. И с точки зрения Крития, нечего обращать внимание на жизнь отдельных лиц; при переворотах жестокости, казни неизбежны; в Афинах много врагов олигархии, так как народ привык к свободе, и их надо истребить без всякой пощады: «тем, кто желает получить преобладание, нельзя не устранять тех, кто стоит на дороге» (Xen. Hell., II, 3, 16).

Когда Ферамен выступил с требованием прекратить террор и передать правление «лучшим» гражданам, олигархи сначала противились, но потом, боясь, как бы Ферамен, опираясь на демос, среди которого его слова распространились и снискали к нему расположение, не сокрушил их владычества, составили список 3000, которым намеревались будто бы предоставить участие в правлении. Ферамена, однако, это не удовлетворило; он выступил снова с нападка и предостережениями: ему казалось странным предоставлять власть только 3000, будто доблесть заключена лишь в пределах этого числа и вне его нет доблестных. Но Тридцать пренебрегли словами Ферамена, долго откладывали окончательное обнародование списка и хранили его у себя, вычеркивая уже внесенные имена и внося новые.

Между тем многие бежавшие из Афин нашли себе приют за пределами Аттики, преимущественно в Фивах. Во главе их стал Фрасибул и занял в Аттике крепость Филу. К нему начали стекаться недовольные; в стычке с ним отряд олигархов потерпел неудачу, и Тридцать решили обезоружить прочих граждан, кроме 3000, а Ферамена умертвить: после неудачи олигархи старались обезопасить себя в самых Афинах, устранив здесь вождя оппозиции.

Известна трагическая сцена, описываемая Ксенофонтом (Hell., II, 3, 23 sq.). Тридцать созывают Совет, в присутствии молодых людей, «самых смелых», с кинжалами за пазухой, а на площади, перед помещением Совета, ставят отряд, Критий произносит речь, обвиняя Ферамена как предателя по самой его натуре; Ферамен оправдывается и доказывает, что образ действий Крития и его сторонников не упрочивает их власти, а восстанавливает против них. Речь Ферамена производит впечатление на Совет. Тогда Критий от имени Тридцати вычеркивает его из списка 3000 — которых нельзя было казнить иначе, как по приговору Совета, — и приговаривает к смерти. Ферамен бросается к жертвеннику, заклиная членов Совета не позволять Критию по произволу вычеркивать

его, так как иначе столь же легко будет вычеркнуто и имя каждого из них. Но являются Одиннадцать с жестоким, грубым Сатиром во главе, силой оттаскивают Ферамена от жертвенника и ведут на казнь; Совет, при виде стоявших у решетки «подобных Сатиру» и отряда на площади, остается неподвижен... Рассказ Аристотеля проще, так сказать, прозаичнее и, по-видимому достовернее, документальнее: Тридцать, с целью погубить Ферамена, вносят в Совет два закона, из которых один давал им полное право умерщвлять тех, кто не внесен в список 3000, а другой запрещал принимать участие в государственном управлении тем, кто разрушал Этионийскую стену или противодействовал прежней олигархии Четырехсот, а так как Ферамен участвовал в том и другом, то, следовательно, он исключался из 3000 и Тридцать имели право собственной властью умертвить его. Жертвой этих-то законов, по Аристотелю (Ath. Pol., 37), и сделался Ферамен¹²⁴.

После гибели Ферамена жестокость и произвол олигархов еще более усиливаются. Тридцать привели в исполнение свое решение — обезоружить всех, кроме 3000; запретили не попавшим в список являться даже в город, а некоторых захватили в их поместьях, чтобы овладеть их землями. Чувствуя свое положение в Афинах непрочным, они занимают Элевсин, чтобы иметь там на всякий случай убежище, и около 300 элевсинцев предают казни. По просьбе олигархов из Спарты явился отряд числом около 700 человек, под начальством гармоста Каллибия, и занял акрополь¹²⁵.

¹²⁴ Ни здесь, ни во всем рассказе о Тридцати в «Афинской политике» Аристотель не упоминает имени Крития: говорится вообще о «Тридцати» или «олигархах»; а в «Политике» самым влиятельным из олигархов называется не Критий, а Харикл.

¹²⁵ У Ксенофонта несколько иначе: у него отряд Каллибия является в Афины еще в начале правления Тридцати; обезоружение граждан предшествует казни Ферамена, а о занятии Филы Фрасибулом говорится после этой казни. В дальнейшем тоже есть разница по сравнению с Аристотелем. Трудно сказать, какая версия вернее. Эд. Мейер, например, отдает предпочтение изложению Ксенофонта. Но и в пользу свидетельства Аристотеля говорит многое. См. статью Г. Бузольта: *Busolt G. Aristoteles oder Xenophon // Hermes. Bd. XXXIII. 1898*; также см.: *Stern E. von. [Rec.:] Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. III—V. Stuttgart, 1901-1902 // Göttingische gelehrte Anzeigen. 1903, № 4*. У Ксенофонта в речи Ферамена есть указание, что изгнанники уже тогда находились в Филе.

Положение олигархов, однако, вследствие всего этого не улучшалось, а ухудшалось.

Между тем число стекавшихся в Филу к Фрасибулу росло. Во главе отряда в 1000 с лишним человек он вступил в Пирей и занял Мунихию, возвышенность, господствовавшую над гаванью. Попытка олигархов вытеснить оттуда демократов не удалась; сам Критий погиб в стычке. Тогда афиняне, собравшись на следующий день на площади, низложили Тридцать, которые отправились в Элевсин, и избрали коллегию Десяти граждан, облекши ее полномочиями для прекращения войны. Но те, по словам Аристотеля, не выполнили своего назначения, а напротив — послали в Спарту за помощью и сделали там денежный заем. Они стараются терроризовать афинян; и они находят себе поддержку в отряде Каллибия, а также во многих всадниках, которые были против возвращения изгнанников. Таким образом, в ту пору в Аттике было как бы два лагеря, две партии — «городская» и «пирейская»: в Афинах властвовали олигархи, в Пирее — демократы. К последним продолжали стекаться не только граждане, но и иностранцы, метеки, даже рабы. Метекам было обещано уравнивание с гражданами в отношении податей (исотелия). Не говоря уже о тех насилиях, которые они испытали при Тридцати, метеки вообще заинтересованы были в восстановлении демократии, и мы видели, например, какую щедрую поддержку оказал Лисий отряду Фрасибула. Владея Пиреем и Мунихией, имея на своей стороне народ, демократы одерживали верх и Десять были низложены. Вместо них избраны были другие Десять, пользовавшиеся самой лучшей славой. Они-то, по словам Аристотеля, и способствовали заключению мира и возвращению демократов. Между ними в этом отношении особенно выдавался Ринон.

На помощь олигархам спартанцы послали было Лисандра; но потом у них возобладало другое течение, более умеренное и примирительное, представителем которого был противник Лисандра, Царь Павсаний; он сам послан был с войском и воспользовался первым же успехом в сражении с демократами, чтобы выступить в роли примирителя. По его просьбе из Спарты прибыли посредники и при участии Павсания и этих посредников состоялся мир (403 г.) между демократами в Пирее, с одной стороны, и «горожанами», а также Тридцатью, занявшими Элевсин, с другой, —

мир, почва для которого была подготовлена еще раньше второй коллегией Десяти с Риноном во главе. Условия этого договора, сообщаемые дословно Аристотелем (Ath. Pol., 39), были следующие. Тем из афинян, которые оставались в городе во время олигархии, в случае желания предоставлялось переселиться в Элевсин, с сохранением гражданских прав, имущества и доходов. Элевсинское святилище должно быть общим для обеих сторон; заведуют им Керики и Эвмолпиды «по старине». Ни переселившимся в Элевсин не позволялось являться в Афины, ни оставшимся в городе — в Элевсин, за исключением времени мистерий. Переселившиеся должны из доходов платить в союзную кассу¹²⁶ так же, как и остальные афиняне. Если кто из переселившихся в Элевсин пожелает занять дом, то должен войти в соглашение с владельцем, и если не сойдутся между собой, то каждый из них избирает оценщиков, и какую цену те положат, ту и брать. Из элевсинцев же могут жить вместе с ними те, кого они (переселяющиеся в Элевсин) пожелают принять. Для желающих выселиться назначался срок: для тех, кто находился в стране, — 10 дней для записи и 20 дней — для выселения, со времени принесения присяги; а для тех, кто отсутствовал, — те же сроки, считая со времени их возвращения. Но переселившиеся в Элевсин, в сущности, лишались политических прав: договор постановлял, что они не могут занимать ни одной должности в Афинах, прежде чем запишутся снова в жители города. Суд по делам об убийстве должен быть по старине, если кто кого собственноручно убьет или ранит. Все прежнее предавалось забвению: амнистия была полная по отношению ко всем, кроме Тридцати, Десяти, Одиннадцати и начальствовавших в Пирее, даже и по отношению к ним, если они дадут отчет. Отчет же давать должны начальствовавшие в Пирее — в Пирее, а находившиеся в городе — перед имеющими ценз гражданами. Затем им, в случае желания, предоставлялось выселиться. Деньги, которые были взяты взаймы на войну, каждая сторона должна уплатить отдельно.

¹²⁶ Вследствие вступления Афин в Пелопоннесский союз. Об этой «дани лакедемонских союзников» см. в статье: *Соколов Ф. Ф.* Дань лакедемонских союзников // ЖМНП. 1897, март. С. 92 сл.

Когда многие из сторонников Тридцати, побуждаемые опасениями, задумали выселиться, но откладывали заявление об этом на последние дни — «как это обыкновенно все делают», замечает Аристотель, — то Архин, один из вождей демократов и соратников Фрасибула, игравший особенно видную роль в деле замирения, с целью удержать их в Афинах, сократил произвольно срок, назначенный для записи, и таким образом многих принудил остаться, пока их опасения исчезли. Элевсин составил как бы самостоятельную общину, независимый город, рядом с Афинами. Только на третий год после выселения последовало полное примирение афинян с переселившимися в Элевсин.

Те, кто принимал участие в освобождении Афин от ига олигархов, получили награды. Участникам из граждан решено было дать 1000 драхм «на жертву и приношения» и наградить каждого из них плющевым венком; метекам, сражавшимся у Мунихии, дарована была, согласно обещанию, исотелия, а те из них, кто был в Филе, кто примкнул с самого начала к движению и был в числе его инициаторов, получили право гражданства¹²⁷. Фрасибул предложил даже дать политические права всем возвратившимся вместе с «пирейцами», в числе которых были и несомненные рабы; но против этого предложения Архин внес обвинение в противозаконии.

Победители-демократы честно, свято исполнили условия примирения¹²⁸. Они действительно предали забвению прошлое. Когда один афинянин начал «поминать прошлое» и выступил с обвинениями против некоторых лиц, то Архин отвел его в Совет и настоял на немедленной казни его без суда, на страх другим, говоря, что теперь членам Совета представляется случай показать, желают ли они спасти демократию и остаться верными данной клятве. После этого, говорит Аристотель, никто уже впоследствии

¹²⁷ Это видно из одной надписи — документа из эпохи восстановления демократии в Афинах, 401/00 г. О ней см. статью: *Ziebarth E.* Inschriften aus Athen // Mittheilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Bd. XXIII. 1898; также см.: *Жебелёв С. А.* Документы из эпохи восстановления демократии в Афинах (401—400 гг. до Р. Х.) // Филологическое обозрение. Т. XV. 1898. С. 47 сл.

¹²⁸ Если не считать упомянутого сокращения срока записи для переселения в Элевсин с целью удержать в Афинах боящихся.

не «поминал прошлого». Вообще из пережитых несчастий демократы извлекли прекрасный, полезный урок. Они не только предали забвению прошлую вину отдельных людей, но и уплатили общими силами Спарте деньги, взятые займы олигархами на войну против них же — хотя по договору каждая сторона отдельно должна была платить свои долги, — полагая, что этим должно положить начало единению. Такому образу действий афинских демократов Аристотель противопоставляет поведение демократов в других городах, которые не только ничего не жертвовали из своих средств, но и устраивали передел земли. Фрасибул же, Архин и некоторые другие знали, в чьих руках находится конфискованное у них во время Тридцати имущество, но и не пытались вернуть его себе, чтобы не расстраивать мира.

В Афинах правление временно было поручено комиссии или комитету из 20 лиц¹²⁹, под руководством которых были выбраны по жребию Совет и власти, в том числе архонт Евклид. Народное собрание и народный суд были восстановлены. Год «архонства Евклида» явился как бы гранью, своего рода эрой в афинской истории. Он остался памятен во многих отношениях. Необходимо было вновь организовать потрясенный строй и притом применительно к новым условиям, в которых очутились Афины после несчастной для них войны; необходимо было устранить тот хаос, который господствовал в сфере права, где образовалось немало наслоений, где накопилось много законов устаревших или неприменимых, даже непонятных, или взаимно противоречащих. В архонтство Евклида произведены были систематический пересмотр и кодификация законов. По псефизме Тисамена¹³⁰ восстанавливались законы Солона, а также «установления» Драконта, бывшие еще в силе в прежнее время: ими должны были пользоваться «по старине». Составить новые законы, какие необходимо было добавить, поручалось особой законодательной комиссии по избрании Совета. Устанавливался, с некоторыми видоизменениями, тот порядок их рассмотрения и одобрения, о котором мы говорили по поводу реформы Эфиальта: упомянутая комиссия, записав законы,

должна была выставить их на таблицах у статуй героев-эпонимов, чтобы каждый желающий мог их обозреть. Законы эти должен был «подвергнуть испытанию» Совет вместе с 500 номофетов, избранных демонтами и связанных клятвой. Относительно ареопага замечается возврат, *до некоторой степени*, к прошлому, к тому порядку, который существовал до реформы Эфиальта: ареопак должен был заботиться о том, чтобы власти соблюдали законы. Таким образом усиливалось влияние этого учреждения, по-видимому не скомпрометировавшего себя во время тирании Тридцати. Затем, все не утвержденные законы и псефизмы объявлены были не имеющими силы, запрещалось пользоваться «неписаным законом», коренящимся в сознании всех, обычным правом, и т. д.¹³¹ Постановления Совета и народного собрания не должны были быть выше закона. В законодательную комиссию избраны были, между прочим, сам автор упомянутой псефизмы Тисамен и Никомах, который уже принимал участие в прежних кодификационных работах; его упрекали в медлительности и в злоупотреблениях, намеренных искажениях, но, по-видимому, он нужен был, как человек опытный. И эта работа затянулась на несколько лет, до 399 г. Свобода личности, окончательное уничтожение семейно-родовой ответственности — вот тот принцип, который был проведен при пересмотре законов¹³². Произошло также немало перемен в финансовой администрации, сообразно изменившимся условиям; эллинотамии, например, были упразднены, так как афинский союз и союзная казна уже не существовали.

В смутные годы Пелопоннесской войны и ввиду тяжких потерь в гражданах Периклов закон о праве гражданства или фактически не соблюдался, или даже был, может быть, смягчен. По крайней мере, немало чуждых элементов за эти годы проникло в состав афинских граждан. Теперь, по предложению Аристофона, Периклов закон был возобновлен; только ему не дано было обратной силы: кто в архонтство Евклида признавался гражданином, оставался им, хотя бы его происхождение и было сомнительно.

¹³¹ В архонтство Евклида произошла перемена и в употреблении алфавита: вместо аттического официальным алфавитом признан ионийский.

¹³² Glotz G. Etudes sociales et juridiques sur l'antiquité grecque. Paris, 1906. P. 293, 298.

¹²⁹ Может быть, к 10 городским прибавлено 10 из Пирея. См.: *Be-
loch K. J. Die attische Politik seit Perikles. S. 109.*

¹³⁰ Она приведена в речи Андокида о мистериях (83 sq.).

Была попытка еще с другой стороны ограничить число полноправных афинских граждан. Формисий предложил предоставить политические права только земельным собственникам. Около 5000 афинян¹³³ — фетов и обедневших граждане из высших классов — должны были бы в таком случае лишиться политических прав. Демос, только что одержавший верх в борьбе с олигархией, не мог согласиться на это. Предложение Формисия было отвергнуто.

Народ, говорит Аристотель (Ath. Pol., 41), получил в свои руки государственное управление по справедливости, так как возвращением он был обязан самому себе. Очевидно, Аристотель не придавал большого значения посредничеству спартанцев...

Так закончился кризис в истории Афин, внешний и внутренних. Революционная пора миновала, и восстановлена была демократия, на этот раз окончательно, до самой потери независимости. Партия крайних олигархов с тех пор исчезает из Афин, скомпрометированная, не имея крепких корней, оставив после себя лишь тяжелые, кровавые воспоминания. Уроки прошлого, события 411 и 404/03 гг., остались для афинян навсегда памятными. Демократия, сложившаяся в Афинах исторически, в течение поколений, развивавшаяся органически, была неразрывно связана с существованием независимого Афинского государства. Для другого строя тут не было соответствующей почвы.

Суд *над Сократом*

В некоторой связи с событиями, пережитыми афинянами в конце V в., находится эпизод, лежащий темным пятном на их демократии. Это — процесс и казнь Сократа.

Время Пелопоннесской войны было эпохой не только политического кризиса, но и кризиса в мировоззрении, глубоких перемен в сфере умственной и нравственной, в сфере образования. То была эпоха софистов и Сократа.

Старинное образование афинянина было несложно: оно состояло главным образом в обучении чтению и письму, гимнастике, пению и музыке, в заучивании стихов древних поэтов; на этих

¹³³ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. V. Stuttgart, 1902. S. 216.

поэтах воспитывались прежние поколения. Теперь такое образование уже многих не удовлетворяет. Назрели новые потребности; человек не хочет принимать что-либо на веру; он подвергает критике, сомнению установившиеся верования, воззрения, обычаи и порядки. Осложнившаяся жизнь требует иного, высшего образования. Чтобы выдержать жизненную борьбу, играть роль в обществе, в государстве, нужно было обладать им и прежде всего надо было владеть словом, искусством «мыслить и говорить». Какая противоположность существовала между старым и новым образованием, мы видим у Аристофана в его «Облаках», в споре между «Справедливым» и «Несправедливым Словом».

Навстречу новой потребности шли софисты¹³⁴ — профессиональные, платные учителя «мудрости», делавшие из нее ремесло и предлагавшие ее за известное вознаграждение, о которых у Платона (в «Протагоре») говорится, что они развозили по городам науку и «торговали ею оптом и в розницу», «расхваливали, что продавали, как тот купец или разносчик, что торгует телесной пищей; они расхваливали все ради продажи, сами не зная толком, что продают, хорошо ли оно или худо для души». Это были «просветители» и «энциклопедисты» того времени¹³⁵. Учили они самым разнообразным предметам, «всем искусствам и наукам», как величался, например, софист Гиппий на площади, у столов менял; но в особенности учили они «мыслить и говорить», искусству слова, этому, по выражению Горгия, «величайшему благу, которому люди обязаны как своей свободой, так и властью над другими, ибо речами можно убеждать и судей в судах, и членов Совета в Совете, и народ в народном собрании, и всех во всяком политическом собрании; владея такой силой, ты будешь иметь раба и во враче и в воспитателе; ростовщик будет наживать не для себя, а для других — для тебя, умеющего говорить и убеждать толпу». Софисты обладали этим искусством, умели «слабое слово делать силь-

¹³⁴ Слово это собственно значит «мудрец» и первоначально не заключало в себе предосудительного оттенка.

¹³⁵ Zeller Ed. Die Philosophie der Griechen. 4 Aufl. Bd. I. Leipzig, 1877. S. 1027 [есть рус. пер.: Целлер Эд. Очерк истории греческой философии / Пер. с 10-го нем. изд. Н. Стрелкова. Под ред. Н. В. Самсонова М., 1913; переизд. рус. пер. с 9-го нем. изд.: СПб., 1996. — Примеч. науч. ред.].

ным»; они были искусны в спорах, старались сбить и запутать противника. Их споры — это новый вид состязаний, агонов, тех развлечений, которые так любили афиняне¹³⁶. Воззрения и приемы софистов, их эристика, риторика, диалектика широко распространялись и находили отражение и в литературе; стоит только вспомнить о Еврипиде, у которого действующие лица нередко произносят речи по всем правилам тогдашней риторики, разбирают вопрос pro и contra. Еврипид, как осмеивает его Аристофан в «Лягушках», все исследует и рассуждает: почему? зачем? кто? где? как? откуда?..

Хотя софисты не составляли определенной школы и по уму, талантам и нравственным качествам немало отличались друг от друга — старшее, например, поколение, к которому принадлежали Протагор, Горгий, Продик, было во всех отношениях выше младшего, — но все же в их воззрениях можно заметить некоторые господствующие черты, характеризующие вместе с тем и ту эпоху.

Прежде всего следует отметить крайний субъективизм софистов. Как было упомянуто, человек признавался «мерой всех вещей, существующих, что они существуют, не существующих, что они не существуют». Нет истины, нет знания, есть только мнения; что кому кажется, так оно для него и есть. О каждом предмете можно высказать два противоположных мнения и каждое из них можно защищать с тем же субъективным правом. Все является условным, относительным, таким, каким оно представляется в данный момент данному лицу. Софисты были по преимуществу скептики и отрицатели. По Горгию, «не существует ничего; если бы и существовало, то оно не было бы познаваемо, а если бы было познаваемо, то не могло бы быть передаваемо». Мы видели, как скептически относился к греческим богам Протагор: «о богах, — говорил он, — я не могу знать, ни что они есть, ни что их нет».

Исторический процесс привел к критическому отношению ко всему прежнему, установленному. Все основы старого порядка — право и обычаи, религия и нравственность — все это подвергалось обсуждению, критике, отрицанию или сомнению. «Как приятно, — говорит Стрепсиадов сын в Аристофановых «Облаках», — познакомиться с новыми, прекрасными вещами и свысока смот-

реть на существующие законы» (1398). Религия объявлялась выдумкой какого-нибудь хитреца; вера в святость и ненарушимость закона утратилась и считалась предрассудком. В противовес установленному человеческому закону выставлялось право природы, естественное право. Выдвигалась личность, и на первый план ставились ее интересы и выгоды: сильная личность, свободная от предрассудков, знает, как мало цены имеют обычные нравственные понятия и законы; она смело может быть выше этих «предрассудков», попирает их, стать, выражаясь современным языком, «по ту сторону добра и зла»; она может смело стремиться к неограниченной власти как вершине человеческого счастья, к удовлетворению лишь своих желаний.

В этом отношении чрезвычайно характерны слова Калликла в Платоновом «Горгии» (483—484, 491—492)¹³⁷, по которому законы человеческие — это пути, коими слабые и ничтожные связывают сильных: устанавливая законы, они одно хвалят, другое порицают ради самих себя и своей выгоды. Страшась, чтобы люди более сильные и способные к преобладанию не взяли верх над ними, эти слабые говорят, что своекорыстное притязание дурно и несправедливо, что стремление обладать большим, чем другие, и составляет несправедливость. Сами, будучи худшими, они дорожат равенством. Вследствие этого закон признает несправедливым и дурным, если один человек старается иметь больше, чем другие. А между тем сама природа учит, что лучшему справедливо преобладать над худшим и более сильному над менее сильным. Для животных, для людей, для целых государств и народов право заключается в том, чтобы сильнейший властвовал и преобладал над слабейшим. Поступать так значить действовать по закону природы, — конечно, не по тому, который измышляем мы, когда, овладевая людьми отличными и сильнейшими еще в их молодости, заговаривая и очаровывая их, как ручных львов, мы поработаем их, говоря: следует держаться равенства, в этом-то и состоит прекрасное и справедливое. Если же нашелся бы человек с сильным характером, то он бы стряхнул и расторг все это и,

¹³⁷ Гиляров А. Н. Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции. С. 67—69; Трубецкой С. Н. История древней философии. Т. 1. С. 161—162.

¹³⁶ Трубецкой С. Н. История древней философии. Т. I. М., 1906. С. 153.

поправ наши писания, чары, заклинания и все противные природе законы, восстал и из раба сделался господином. Здесь-то просияло бы право природы — естественное право сильного. Сдерживать себя, по мнению Калликла, глупо; по природе прекрасное и справедливое состоит в том, чтобы безнаказанно удовлетворять свои желания, служить им отвагой и умом. Толпа по малодушию хвалит скромность и справедливость. Но для людей сильных и властных может ли быть что-нибудь хуже скромности? При полной возможности беспрепятственно наслаждаться благами, нужно ли им ставить над собой господина — человеческие законы, толки и порицания? «Роскошь, необузданность, свобода от всяких стеснений — вот добродетель и счастье; а все остальное — пустая прикраса, противоестественное соглашение, ничего не стоящая людская выдумка!» на что Сократ иронически отвечает: «Не без благородной откровенности изложил ты свои мысли, Калликл: ты высказал ясно то, что другие хотя и думают, но говорить не решаются». А софист Фрасимах — в Платоновом «Государстве» (338, 343 — 344) — развивает ту мысль, что справедливость есть не что иное, как полезное сильнейшему; всякая власть дает законы, сообразные с ее пользой: демократия — демократические, тирания — тиранические и т. д.; дав же законы, полезные для себя, она объявляет их справедливыми для подданных и нарушителя этих законов наказывает как беззаконника и противника правды.

После этого нам становятся еще понятнее личности, подобные Алкивиаду и Критик); это — живая иллюстрация к положениям Калликла и Фрасимаха.

В противоположность прежнему национализму с конца V и начала IV в. все чаще высказываются идеи космополитические. «Отечество — там, где нам хорошо», — говорится в Аристофановом «Богатстве» (1151); или, например, у Еврипида: «Земля, наша кормилица, везде для нас отечество». У софистов мы встречаем немало и гуманных идей. Некоторые из них осуждали рабство; у них встречается идея братства всех людей. «Мы все здесь, — говорил Гиппий¹³⁸, — родные, братья и сограждане по природе.

¹³⁸ В Платоновом «Протагоре» (337 d). Ср. статью: Анненский И. Ф. Афинский национализм и зарождение идеи мирового гражданства // Гермес. 1907, № 1-2.

де. Ибо подобное подобному по природе сродни, и только закон, этот властелин людей, распоряжается нами против природы».

Не следует представлять себе софистов только как разрушителей. Но, в общем, все же они подрывали устои существовавших верований, нравственности, государства и взамен старого мало давали положительного. Против них выступил Сократ и указал новые пути философской мысли¹³⁹.

Первые греческие философы, как известно, задавались преимущественно вопросами о происхождении мира. Но уже софисты стали обращать внимание на человека; Сократ же исключительно сосредоточил свой интерес на человеке и, по выражению древних, свел философию с неба на землю. Он занимался определением понятий и исследованием о добродетели; он явился основателем последующей логики и этики. Он учил самопознанию и добродетели, которая есть, по его мнению, знание и достигается путем размышления: Сократа сближало с софистами отношение к авторитету; его принцип заключался в том, чтобы ничего не принимать на веру, без доказательств, без испытания; он сам стремился и других побуждал исследовать, размышлять, следовать только своему убеждению. В этом отношении Сократ был рационалист и оказывался в противоречии с прежним, старинным мировоззрением. Тут он стоял на иной точке зрения, на почве нового образования. Но тогда как софисты ограничивались отрицанием и сомнением, тогда как, по их мнению, истины не существует, Сократ, наоборот, утверждал, что истина и добродетель существуют. Он впервые выяснил идею знания. «Впервые и с полным сознанием он заявил, что должно существовать нечто обязательное, находящееся над всеми индивидуумами, и что знание существует

¹³⁹ Главные источники — Ксенофонт в «Воспоминаниях» (Memorabilia) и Платон; оба, излагая мысли Сократа, привносят много своего. Кроме общих трудов по истории греческой философии — Эд. Целлера, Т. Гомперца, В. Виндельбанда [есть рус. пер.: Виндельбанд В. История древней философии / Пер. со 2-го нем. изд. М. М. Рубинштейна. М., 1911. — Примеч. науч. ред.], С. Н. Трубецкого — см. лекцию В. Виндельбанда (Виндельбанд В. Сократ. Лекция / Пер. с нем. // Мир Божий. Т. II. 1901, февраль); также см.: Joel K. Der echte und der Xenophontische Sokrates. Bd. I—II. Berlin, 1893—1901; Pöhlmann R. von. Sokrates und sein Volk. München; Leipzig, 1899; ср.: Pöhlmann R. von. Sokratische Studien. München, 1906.

лишь там, где это понято» (В. Виндельбанд). Сократ искал истину и старался в других пробудить это стремление к ней, это искание ее, вселить духовную жажду ее. Он не написал ни одной строки, в которой бы выражалось его учение; он не излагал его в виде стройной системы, готовых положений; он вступал обыкновенно в устную беседу и путем вопросов старался лишь навести на путь к истине и добродетели, разоблачая в то же время мнимое знание, шарлатанство и самомнение. Сократ стремился вызвать в собеседнике соответствующее настроение, пробудить в нем мысли; он как бы помогал их рождению, «повивал» умы: недаром он сравнивал свое занятие с повивальным искусством.

Добродетель, по мнению Сократа, состоит в знании: знание есть основа всякого нравственного поступка и незнание — основа всех ошибок и недостатков. Сократ не мог себе представить знания без добродетели и добродетели без знания; зло творить, по его мнению, можно только по неведению; не следует причинять его другому, даже врагу, неправильно воздавать несправедливостью за несправедливость, злом за зло. Борясь с софистами, Сократ имел в виду нравственное возрождение общества. Истинное благо он видел в жизни сообразно с истиной, когда человек перестает быть рабом своих желаний и становится свободным. Сократ учил, что нужно заботиться о разумности, истине, о душе своей, чтобы она была как можно лучше, ибо это — самое дорогое сокровище. По словам Платоновой «Апологии Сократа» (17)¹⁴⁰, которую Т. Гомперц называет «стилизированной правдой», Сократ, обращаясь к встречному, обыкновенно говорил: «О лучший из мужей, гражданин города Афин, величайшего из городов и больше всех прославленного за мудрость и силу, не стыдно ли тебе, что ты заботаешься о деньгах, чтобы их у тебя было как можно больше, о славе и почестях, а о разумности, об истине и о душе своей, чтобы она была как можно лучше, не заботаешься и не помышляешь?» «И если кто из вас, — продолжал Сократ в той же "Апологии", — станет утверждать, что он заботится, то я не оставлю его и не уйду от него тотчас же, а буду его расспрашивать, пытаться, опровергать, и если мне покажется, что в нем нет добле-

сти, а он только говорит, что есть, буду попрекать его за то, что он самое дорогое не ценит ни во что, а плохое ценит дороже всего... Ведь я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого из вас, молодого и старого, заботиться раньше и сильнее не о телах ваших или о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше»... «Ежедневно беседовать о добродетели и обо всем прочем, о чем он беседовал, испытывая себя и других», по мнению Сократа, — величайшее благо для человека и жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека (28).

В этом Сократ видел свое призвание, свою миссию, веление бога, которого надо слушаться больше, нежели людей, ибо Сократ, несмотря на свой рационализм, был религиозен и следовал своему «даймониону», внутреннему голосу. Философа этого, лето и зиму одетого одинаково, в один и тот же плащ, босого, по наружности напоминающего сатира или силена, можно было встретить каждый день на улицах и площадях Афин, в гимназиях и палестрах останавливающим знакомого и незнакомого, вступающим в беседу, задающим вопросы, всегда спокойного, с ясной душой, проникнутого юмором. Так всю жизнь проводил он в Афинах, почти никогда не покидая их, обнаруживая полное пренебрежение к мирским благам, богатству и почестям и в то же время не впадая в суровый ригоризм или аскетизм. Сократа нередко можно было видеть и в частных домах, среди гостей, на пирях, в которых он охотно принимал участие, сохраняя и тут всегда ясность ума. Сократ не стремился к общественным должностям; это отвлекло бы его от того дела, в котором он видел свое призвание; притом он относился критически к демократии; но законам ее повиновался и честно исполнял долг гражданина, когда этого требовали обстоятельства; мужественно сражался у Потидеи и при Делии; был пританом в то время, когда судили стратегов, победителей при Аргинусах, и тут, как мы видели, смело восстал против беззакония; он один из всех пританов остался верен своему убеждению, несмотря на угрозы и крики. Также мужественно отказался он исполнить незаконное требование Тридцати привести с Саламина стратега Льва, которого тираны хотели казнить.

Под некрасивой — чтобы не сказать безобразной — внешностью Сократа скрывалась внутренняя красота, и эта оригинальная, гениальная личность производила на многих чарующее

¹⁴⁰ Творения Платона / Пер. В. О. Соловьева, М. С. Соловьева, С. Н. Трубецкого. Т. II. М., 1903.

впечатление. Ярко и образно говорит об этом Платон в своем «Пире»¹⁴¹ устами Алкивиада. Алкивиад сравнивает Сократа с теми силенами, которые находятся в мастерских ваятелей и изображаются со свирелью или флейтой в руках, а внутри содержат образы богов. Он подобен сатиру Марсию и по виду, такой же насмешник и музыкант; только приводит в восхищение он без помощи инструмента, просто словами. Алкивиад говорит, что почувствовал он от речей Сократа: «Когда я слушаю его, сердце у меня бьется сильнее, чем у корибантов, и слезы льются от речей его. Вижу и многих других, которые то же чувствуют. Слушая Перикла и иных отличных ораторов, я думал, что они хорошо говорят, но ничего подобного я не испытывал и не волновалась моя душа, не возмущалась, зачем она в рабстве; а этот Марсий часто настраивал меня так, что не стоит, казалось мне, жить, как я живу... Перед этим одним из всех людей я чувствую то, чего никто во мне не предполагал бы, — чувствую стыд. Только его я стыжусь...» С первого взгляда речи Сократа кажутся смешными: внешней оболочкой они тоже напоминают сатира; он обыкновенно толкует о вьючных ослах, о каких-то кузнецах, сапожниках да кожевниках и, по-видимому, повторяет одно и то же. Но кто заглянет внутрь этих речей, тот найдет их полными смысла, божественными. «Не знаю, видел ли кто скрытые внутри Сократа образы, а я, — говорит Алкивиад, — их видел однажды, и они показались мне такими божественными, золотыми, прекрасными и чудными...»

И этот философ, посвятивший себя самоотверженному служению, отысканию истины, учивший добродетели, явился одним из великих мучеников за убеждения. В 399 г., вскоре после восстановления в Афинах демократии, один из тогдашних политических деятелей, кожевник Анит, поэт Мелет и оратор Ликон представили против Сократа обвинение в том, что он, во-первых, не признает богов, которых признает государство, а вводит новые божества и, во-вторых, развращает молодежь. Как известно, Сократа судили и предали казни. Но как подобное об-

¹⁴¹ *Plat. Symp.*, 215—221. Есть в рус. пер. В. Н. Карпова (Сочинения Платона / Пер. В. Карпова. Ч. IV. СПб., 1863), к сожалению, тяжелом и не изящном.

винение могло иметь успех в Афинах и как такая участь могла постигнуть личность, подобную Сократу? Объясняется это многими причинами.

Вспомним, что наиболее демократическая, радикально настроенная в политическом отношении часть афинских граждан в отношении религиозном и культурном отличалась скорее консерватизмом, реакционным духом. К тому же новое образование было антидемократическим. Софисты имели успех большей частью среди состоятельной молодежи. За Сократом следовали преимущественно молодые люди, у которых было больше досуга, сыновья богатых граждан. Масса и в Афинах относилась скорее враждебно к философам. В ее глазах это были опасные вольнодумцы, вводившие новшества, подрывавшие основы государства и религии. Прежде уже были случаи гонения на философов, например на Анаксагора, Протагора. В Еврипидовой «Медее», которая поставлена была задолго до казни Сократа, еще в 431 г., есть характерные слова:

Ведь если ты невеж чему-нибудь
Хоть мудрому, но новому обучишь.
Готовься между них не мудрецом
Прослыть, а тунеядцем. Пусть молвою
Ты умников, которых город чтит,
Поставлен хоть на палец выше будешь,
Ты — человек опасный...

Пер. И. Ф. Анненского

У комика Эвполида говорится: «Я ненавижу и Сократа, этого нищего болтуна, который всего доискивается и только не заботится о том, что ему есть». Уже Аристофан призывал к насильственным мерам, чтобы положить конец новому софистическому учению и той деморализации и соблазну, к которым, по мнению ревнителей старины, оно вело: «Облака» кончаются сожжением Сократова жилища или «мудрилища» — вместе с философом и его учениками — и призывом: «Гони, бросай, бей за многое, а больше всего за то, что они оскорбляли богов». Известно, что Аристофан в этой пьесе выставил Сократа как тип софиста, и это не одна только простая ошибка или недоразумение: было, как мы видели, нечто общее между Сократом и его противниками, софистами. «Сознательная мораль Сократа не могла не показаться

опасной для традиционной староафинской морали; в лице Аристофана старые Афины отбивались от того, кто основал общечеловеческую нравственность на развалинах национального аттического мирозерцания»¹⁴². Что касается толпы, то она еще легче могла смешивать Сократа с софистами и верить, что я «некий Сократ, мудрый муж, испытует и исследует все, что над землей, и все, что под землей, выдает ложь за правду и других научает тому же» (Apolog., 2).

Сократ имел немало и личных врагов. К числу их принадлежали в особенности те, кому он докучал своими вопросами, заставляя их самолюбие, ставя их в смешное или неловкое положение, кого он изобличал в шарлатанстве и невежестве, софисты, отцы тех сыновей, которые следовали за ним, слушая его беседы, отвлекаясь от хозяйства, ремесла, от предназначенной родителями карьеры. В частности, об Аните, например, говорили, будто он зол был на Сократа между прочим за то, что тот «сбивал с толку» его сына, находя его слишком способным для того, чтобы заниматься кожевным делом, ремеслом его отца. По словам «Апологии», Анит обрушился на Сократа за политиков и ремесленников, Мелет — за поэтов, Ликон — за ораторов.

Но главное — отношение Сократа к демократии. Хотя Сократ и исполнял безупречно обязанности гражданина и свято повиновался законам, он не скрывал, однако, своего невыгодного мнения о демократии, о господстве массы, большинства. По его мнению, если верить Платону, масса, большинство не способно ни на великое зло, ни на великое добро; оно не может сделать человека ни разумным, ни неразумным, а делает что попало (Crito, 44 d). Сократ в особенности находил нелепым замещать должности по жребию и поручать государственные дела людям не подготовленным, не знающим или неспособным, тогда как никому не придет в голову назначать по жребию кормчего, архитектора или музыканта¹⁴³. Еще более восстанавливало против Сократа то, что из среды его слушателей вышли такие деятели, как Алкивиад и особенно Критий: выводили заключение, что Сократ вредно влияет на патриотизм и преданность демократии, что он воспитывает

плохих граждан, врагов отечества и существующего строя, и в числе его обвинителей мы видим Анита, сотрудника Фрасибула и Архина в деле восстановления демократии в Афинах, а между судьями было немало людей, бывших с Фрасибулом в изгнании и затем вернувшихся. Нужно вспомнить, что пережили афиняне в последние годы Пелопоннесской войны и во время владычества Тридцати, представить себе то настроение, которое господствовало в Афинах по свержении ига тиранов, чтобы понять исход Сократова процесса. Сократ пал жертвой демократической реакции, наступившей после падения Тридцати¹⁴⁴.

Наконец, немалую роль сыграло и поведение Сократа во время самого процесса. Он не прибегал к обычным приемам, не унижался перед судьями, не старался их разжалобить и прямо заявлял, что если его отпустят, то он, пока есть в нем дыхание и способности, не перестанет философствовать, уговаривать и убеждать. Быть убитым, изгнанным, лишенным прав он не считал за великое зло для себя. Смерть он признавал за благо, ибо умереть значит одно из двух: или перейти к небытию, не испытывать никакого ощущения, или это переход в другое место, в другой мир... Незначительным большинством Сократ признан был виновным. Надлежало определить наказание. Обвинители требовали казни, а Сократ находил, что он заслуживает не наказания за свою деятельность, а почетной награды — дарового обеда в Пританее. Правда, в конце концов он согласился уплатить 1 мину, а ввиду поручительства друзей и учеников даже 30 мин, но судьям это показалось скорее насмешкой, глумлением, и смертный приговор был ему вынесен уже большим числом голосов.

Не чувствуя за собой вины, верный своим убеждениям и законам отечества, спокойно, с обычной невозмутимостью и ясностью духа, «без трагического чувства мученичества и без радости победного конца», семидесятилетний философ выпил чашу с ядом — обычный способ казни в Афинах. Говоря словами кн. С. Н. Трубецкого¹⁴⁵, «Сократ пал жертвой ложного национализма, ложного

¹⁴² Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. Т. I. С. 320.

¹⁴³ Xen. Memorab., I, 2, 9.

¹⁴⁴ Zeller Ed. Die Philosophie der Griechen. 4 Aufl. Bd. II. Leipzig, 1877. S. 217.

¹⁴⁵ Трубецкой С. Н. Рассуждение об Апологии // Творения Платона. Т. II. М., 1903. С. 327-328.

патриотизма и ложного правоверия. Пусть он не был софистом, а философом, — разве это не то же самое, разве это не хуже для таких патриотов, как Анит, если бы только они могли уловить различие между философией и софистикой? Вместо суеверий древнего благочестия — идеал высшего универсального разума и универсальной, самодовлеющей правды, ...вместо национального патриотического самомнения — самоисследование, самоиспытание, вместо заботы о приращении могущества и богатства Афинского государства — забота о самом существовании государства, о его нравственном строе, о *воспитании граждан в любви к мудрости*. Пусть Сократ не метеорософист, не астроном, как Анаксагор; пусть он "свел философию с неба на землю" и ограничил ее нравственной областью, делами человеческими. Тем хуже — он коснулся заповедной области, в которую всего менее следовало бы допускать умствование, он человеческие дела переносит с земли на небо, и в то время как демократическое правительство не признает никаких законов, кроме писанных, и уничтожает неписанный закон обычного права, он грезит о каком-то вечном и высшем законе правды, который выше самих богов. И притом еще он ссылается на свое божественное посланничество. Софист или философ, он виновен в нечестии — он вводит новые божества и он развращает молодежь, эмансипируя ее от традиционных убеждений и мнений, требуя от нее свободного исследования всего принятого на веру, возбуждая в ней дух критики и, наконец, вселяя в нее иные нравственные идеалы, которые он признает высшими вековых отечественных идеалов. И пусть он никогда¹⁴⁶ не выходил из родного города и верно ему служил: его идеал вне Афин, выше Афин».

146 За исключением двух походов — к Потидее и в Беотию.

IV. УПАДОК

От восстановления демократии до Анталкидова мира

Демократия была восстановлена в Афинах, но они, после злосчастной войны и тирании Тридцати, представляли печальную картину¹. Число граждан уменьшилось на треть, если не на половину: оно понизилось до 20 000—25 000. Страна была разорена; земледелие, промышленность, торговля в упадке. Государство, казалось, находилось накануне полного банкротства, казна пуста; доходы крайне ограничены; Афинский союз не существовал, и не было ни флота, ни 5% сбора, ни других доходов, получавшихся с союзников. Афиняне лишились владений вне Аттики. Тысячи клеруков принуждены были покинуть свои участки и возвратились в Афины разоренные, без средств к существованию². Многие граждане из прежде богатых фамилий обеднели. Укрепления и Длинные стены были разрушены; не существовало ни флота, ни верфей. Еще недавно могущественные, Афины были теперь политически бессильны. Все приходилось восстанавливать, начинать как бы сызнова. Требовалось много энергии, много жизненности, чтобы хотя бы несколько оправиться, подняться из такого упадка...

В строе Афин со времени восстановления демократии и до конца их независимости не произошло каких-либо существенных изменений. Вот почему и Аристотель исторический очерк в «Афинской

¹ Beloch K. J. Die attische Politik seit Perikles. Leipzig, 1884; Schäfer A. Demosthenes und seine Zeit. 2 Aufl. Bd. I. Leipzig, 1885.

² Аттические поселенцы остались только на Лемносе, Имбросе и Скиросе, так как там не существовало прежнего населения. Но эти острова не были уже подвластны Афинам.

политии» заканчивает восстановлением демократии. Шло лишь постепенное развитие в демократическом направлении; масса, как говорит Аристотель, все более и более присваивала себе власть, всем заправляя посредством псефизм и дикастериев (Ath. Pol., 41). Наиболее крупными нововведениями за это время являются, во-первых, плата за посещение народного собрания и, во-вторых, финансовые реформы, о которых скажем далее.

Введение платы за участие в экклесии, народном собрании, было дальнейшим развитием той системы денежного вознаграждения, которая существовала уже раньше со времен Перикла. Плату эту впервые ввел демагог Агиррий около 395 г. По поводу ее Аристофан вспоминает, что в доброе, старое время никто не смел брать деньги за исполнение гражданских обязанностей; а оратор Эсхин сравнивает народное собрание в Афинах с торговым или промышленным товариществом: афиняне, говорит он, выходили из народного собрания, словно из промышленного или торгового товарищества, поделив доходы. Но сама необходимость, сила вещей вела к установлению платы за посещение народного собрания. Даже Аристотель, не сочувствовавший этой мере, признает ее неизбежность: без нее стало трудно собирать экклесию; многие, особенно люди малосостоятельные, уклонялись от участия в народном собрании, не желая терять заработок, бросать свои дела, хозяйство. И вот, чтобы привлечь массу в народное собрание, говорит Аристотель, и придумали эту меру (Ath. Pol., 41). Вместе с тем она служила подспорьем со стороны государства для обедневшего или неимущего населения. Вообще в то время система денежных раздач, теорикона и т. п. достигла еще большего развития, чем прежде, несмотря на тяжелое положение государственной казны. Первоначально введенная Агиррием плата за посещение народного собрания равнялась 1 оболу; затем некто Гераклид Клазоменский предложил увеличить ее до 2 оболлов; после этого Агиррий довел ее до 3 оболлов. Во времена Аристотеля плата эта дошла до 1 драхмы, а за первое собрание каждой притании даже до 9 оболлов, если верить тексту «Афинской политики» (62). Объясняется это отчасти тогдашней дороговизной, повышением цен и понижением ценности денег, характеризующими ту эпоху.

В IV в. в народном собрании и в Совете 500 председательствам уже не пританы со своим эпистатом, а 9 *проедров*, выби-

раемых по жребию из непританствующих фил, и из среды этих *проедров* избирается их эпистат. За пританами же осталось лишь право созывать заседания, причем их эпистат производил жеребьевку *проедров*. Таким образом, значение пританов умалилось, и вообще в IV в. влияние Совета падает.

Заветная мысль восстановленной демократии была восстановитель и прежний морской союз. Это — господствующее, руководящее стремление афинян той эпохи.

Спартанская гегемония не могла быть прочной³. Она оказывалась слишком тяжелой для греков. Вместо ожидаемой свободы Спарта наложила иго еще менее выносимое, нежели иго Афин. Достигнув господства, спартанцы проявили самый грубый произвол и насилие, которые не уравнивались и не смягчались чертами, свойственными более утонченным и — несмотря на все свои недостатки — все же более гуманным афинянам. Победа Спарты была победой консервативных и олигархических начал. В городах, отторгнутых от Афин, власть перешла к олигархическим комитетам, *декархиям* (из 10 лиц), и к *гармостам*. Но для первенства и гегемонии недостаточно одной грубой, материальной силы. Между тем Спарта в отношении образования и умственного развития отстала от многих других греческих общин, была менее культурна, чем большая часть подчиненных ей греческих государств. Ее собственный строй страдал от многих недостатков; ее социальные язвы были велики: среди самих спартиатов к тому времени обнаружилось уже большое неравенство, образовался довольно многочисленный пролетариат, недовольный и революционно настроенный. Спартанскому строю грозила опасность и со стороны Лисандра, самого могущественного человека в тогдашней Греции, задумавшего политический переворот с тем, чтобы лишить царствовавшие в Спарте фамилии их исключительного права на престол и открыть к нему доступ другим спартиатам.

Спарта оттолкнула от себя даже своих прежних союзников в Греции — Фивы, Коринф. Изменились и ее отношения с Персией. Поводом к этому послужило ее косвенное участие в предприятии Кира Младшего («Анабасис») и помощь, оказанная ею малоазий-

³ Stern E. von. Geschichte der spartanischen und thebanischen Hegemonie von Königsfrieden bis zur Schlacht bei Mantinea. Dorpat, 1884.

ским городам, которых Тиссаферн стремился подчинить персидскому царю. Вскоре сам спартанский царь Агесилай, как новый Агамемнон, явился в Малую Азию и имел некоторый успех. Но в тылу его, в самой Греции, обнаружилось антиспартанское движение и вспыхнула война⁴.

Здесь самым деятельным врагом Спарты оказываются Фивы. Сторонниками союза с ними были афинские демократы и их вожди, не только демагоги Эпикрат, Кефал, но и освободитель Афин, Фрасибул. Войной надеялись не только вернуть Афинам их прежнее политическое положение: от нее масса ждала и материальных выгод, новых источников для своего содержания. Против Спарты образовалась коалиция, в которой приняли участие и ее прежние врага, Афины, Аргос, и ее недавние союзники, Фивы, Коринф⁵. В битве при Галиарте потерпел поражение и пал Лисандр (395 г.), и тогда из Азии спартанцами вызван был Агесилай. При Коронее Агесилай одержал победу над фиванцами и афинянами, но не решительную, не имевшую существенных последствий.

Между тем на море произошли важные по своим результатам события. Конон, один из афинских стратегов, участвовавших в битве при Эгоспотамах, нашедший себе приют у владетеля Кипра Эвагора и теперь поставленный во главе снаряженного Персией флота, нанес поражение спартанцам при Книде (394 г.). Для спартанской гегемонии на море это был удар, от которого она уже никогда не смогла вполне оправиться. Греческим городам на островах и в Малой Азии обещана автономия. Еще до битвы при Книде Родос отпал от Спарты; теперь ею утрачены были Хиос, почти весь малоазийский берег до самого Геллеспонта. Тут восторжествовала демократия и спартанские гармоны были изгнаны. Некоторые города заключили между собой союз или вступили в торговые и союзные договоры с Афинами. Конон, вместе с сатрапом

⁴ Источники — Ксенофонт, Диодор и недавно найденный большой исторический отрывок, изданный в: *The Oxyrhynchus Papyri* / Ed. B. P. Grenfell, A. S. Hunt. Vol. V. 1908. В этом отрывке имеются новые для нас подробности о событиях 396 г.

⁵ Союз этот был уже подготовлен, когда в Грецию явился родосец Тимократ, присланный персидским сатрапом с 50 талантами, служившими не столько подкупом, сколько субсидией врагам Спарты.

Фарнабазом, содействовавшим всему этому предприятию, отправляется в Эгейское море, освобождает Киклады от спартанского господства, занимает Киферу (на юг от Лаконии) и пристает к Истму, где Фарнабаз входит в сношения с союзным советом, руководившим действиями против Спарты, и дает ему субсидию. Затем Конон направляется к Пирею, к Афинам. Здесь, при помощи денежных средств, предоставленных Персией, при содействии матросов, самих афинских граждан и их союзников, особенно фиванцев, приславших мастеров и рабочих, он восстанавливает Длинные стены, разрушенные Лисандром. Это было великое торжество для Афин, и граждане в благодарность воздвигли Конону бронзовую статую на площади, у алтаря Зевса, «Защитника Свободы», за то, что Конон «дал свободу союзникам Афин». Подобную же статую поставили они и его другу, Эвагору — этому предшественнику последующих династов эпохи эллинизма, — который много содействовал Конону.

Так вновь положено было начало афинскому морскому господству, явился первый зародыш их Второго союза, и притом при помощи персов, для борьбы с которыми организован был Первый союз. По побуждению Конона афиняне пытались склонить на свою сторону и могущественного тирана Сицилии Дионисия, но безуспешно.

Война и особенно победа Конона при Книде должны были отразиться на положении афинских партий и их вождей — усилилось более радикальное течение, возобладали демагоги Агиррий, Эпикрат и др. Около этого времени вводится и плата за посещение народного собрания.

Дело Конона продолжал Фрасибул. Во главе вновь возникшего афинского флота он направляется к берегам Фракии и к Геллеспонту, которым так дорожили афиняне, подчиняет Фасос, Херсонес Фракийский, Византий и Халкедон, затем Лесбос, Галикарнасс (389 г.). Он, очевидно, стремился к восстановлению прежней афинской гегемонии. Он взимает 5% сбор, заменявший форос, и 10% пошлину у Босфора с проходящих судов. Чтобы содержать флот, Фрасибул нуждался в деньгах и должен был прибегать к различным поборам и контрибуциям, что вызывало жалобы и дало его противникам желанный повод к обвинениям. Но он вскоре погиб в ночной стычке в далекой Памфилии.

Между тем война на суше, в самой Элладе, сосредоточивавшаяся главным образом вокруг Коринфа (почему она и называется Коринфской), шла с переменным успехом. Афиняне вели ее при помощи наемников.

*Наемничество*⁶ — характерное явление той эпохи. Тогдашнюю Грецию в некоторых отношениях можно сравнить с Италией конца средних и начала новых веков: отсутствие политического единства, раздробленность и жестокая борьба партий, процветание городов и торговли, блестящее культурное развитие и, наконец, в особенности наемничество характеризуют ту и другую; с итальянскими кондотьерами смело можно сопоставить вождей греческих наемников, подобных Ификрату, Хабрию и Тимофею. Наемничество является всюду при наличии известных условий. Стоит вспомнить, помимо Италии, о швейцарцах и немецких ландскнехтах, о Валленштейне и наемных войсках в эпоху Тридцатилетней войны. В Греции наемничество стало развиваться со времени Пелопоннесской войны и было необходимым результатом тогдашних политических и общественных условий. Мирные граждане не могли уже удовлетворять военным требованиям; они не могли надолго бросать свои дела, свое хозяйство и служить по целым годам в войске, где-нибудь вдали от родины. Таким образом, при частых и продолжительных войнах должен был образоваться особый класс людей, посвящавших себя специально военной службе, делавших из войны себе профессию. Являлась необходимость в специалистах военного дела. Кроме того, война и перевороты заставляли многих покидать родину и искать себе дела на чужбине. Прежде такие бездомные скитальцы, изгнанники и недовольные, нередко люди предприимчивые и энергичные, искавшие простора и нового поприща для деятельности, отправлялись в чужие края в качестве колонистов; туда шли и экономически обездоленные, искавшие обогащения или просто средств к существованию. Теперь идти колонистам было некуда. Вследствие изменившихся политических и иных условий основанию новых колоний поставлены были непреодолимые преграды. Нельзя уже было основывать

⁶ *Бабст И.* Государственные мужи древней Греции в эпоху ее распада. М., 1851; *Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. Tl. I. Berlin, 1900.

и клерухии. Эмиграция в этом виде должна была прекратиться. Кто раньше шел в колонисты или в клерухи, теперь нередко идет в наемники. В то время как варвары ввозятся в Грецию массами в качестве рабов для работ в поле и в доме, в рудниках и промышленных заведениях, греки уходят служить в чужие страны в качестве наемников.

Мы видим их не только в Греции, но и в Египте, и в Азии. Уже у Кира Младшего было более 10 000 греческих наемников. Греческие наемники проникают на Восток, неся с собой свое военное искусство, свой греческий язык, некоторые черты греческих учреждений, нравов, культуры. Они являются своего рода пионерами, в известном смысле — предшественниками Александра Македонского в деле эллинизации Востока. В наемничестве, особенно в лице предводителей наемных отрядов, проявляется и индивидуализм, свойственный эпохе.

Прославленными вождями наемников и выдающимися деятелями того времени были афиняне Ификрат, Хабрий и Тимофей. Ификрат является главным героем со стороны афинян в Коринфскую войну. Он усовершенствовал военное дело, и его реформы составили своего рода эпоху в истории греческого военного искусства. Он ввел более легкую обувь, которая даже получила название в честь его, более легкий круглый щит, но зато более длинный меч и копье. Вооруженная таким образом пехота, так называемые *пелтасты*, являлась гораздо более легкой и подвижной, чем прежние гоплиты. Хабрий хотя выдвинулся уже в Коринфскую войну, но высшей своей славы и влияния, как и Тимофей, достиг несколько позже. Он происходил из богатой фамилии, любил пышность, но вместе с тем интересовался философией и был в дружественных отношениях с Платоном. Еще более славился своим богатством и утонченным образованием Тимофей, сын Конона, ученик и друг оратора-публициста Исократа. Случалось, что он, благодаря своему богатству и личному кредиту, содержал афинский флот и вел войну на собственные средства.

Наемничество, разумеется, способствовало развитию и усовершенствованию военного дела, но имело много и темных сторон, оказывало вредное влияние. Мирные граждане все более и более отвыкают от войны; без наемников они делались беспомощными и беззащитными. Для содержания наемников необходимы были

деньги, и война требует непомерных затрат, громадных денежных средств. Для победы теперь нужны не столько патриотизм, энергия и мужество граждан, сколько эти денежные средства, субсидии, большей частью получаемые от Персии, и таким образом Персия является часто вершительницей судеб Греции. От наемников нечего было ждать патриотизма: их отечеством был лагерь, их целью — обогащение и добыча. Они служили из-за денег тому, кому было выгоднее. По выражению Лисия, их тела принадлежали тому, кто лучше платил, а их верность продолжалась до тех пор, пока хватало денег в военной кассе, чтобы им уплачивать жалованье. Правда, и у них был свой кодекс чести; и для них необходима была дисциплина. Но все же это не мешало наемнику переходить из одного лагеря в другой, служить, например, то персидскому царю, то против него. Мы видим даже знаменитых вождей — Ификрата, Хабрия и Тимофея — часто на службе за пределами Греции. Главным поприщем для Хабрия, например, был Египет. А Ификрат, женатый на дочери фракийского владетеля, одно время командовал флотом твоего тестя и укреплял его владения, когда тот находился в войне с Афинами.

Наемники и их вожди были крайне неразборчивы в средствах. Они позволяли себе насилие, произвол и грабеж по отношению к населению, облагали жителей непомерными контрибуциями и поборами. Война для них служила средством для обогащения. В их лагере царили обыкновенно буйство и разврат; целые толпы гетер нередко следовали за отрядами наемников. Вожди наемников славились большей частью своей роскошью и расточительностью. Они так же легко и проживали состояние, как наживали. А состояние их было подчас чисто царское. Они играли вообще видную роль; с ними роднились владетели Фракии; с ними сносился сам персидский царь. Они представляют собой политическую силу, являются как бы династами и владетельными князьями, получают иногда в дар или завоевывают для себя города, ведут свою политику и т. д.

Коринфская война закончилась «постыдным» *Анталкидовым* миром (387/86 г.), названным по имени его главного виновника, спартанского наварха Анталкида, более всех хлопотавшего о его заключении, или *Царским*, так как условия его были продиктованы персидским царем по соглашению со Спартой. Персия убедилась, что помогать долее Афинам не в ее интересах, что осуществление

планов и могущество афинян может быть опасно для нее. При этом около того времени отношения воюющих сторон перепутались и осложнились. Персия была на стороне Афин и помогала им против Спарты, а Афины помогали в то же время кипрскому владетелю Эвагору, который тогда уже боролся против персов. Поэтому Спарте удалось войти в соглашение с Персией. Царь потребовал, чтобы греческие города в Малой Азии принадлежали ему, а из островов — Клазомены и Кипр; остальные греческие города, большие и малые, должны быть свободны, автономны; только Лемнос, Имброс и Скирос отдавались афинянам. Условия эти сопровождалась угрозой — идти войной против тех, кто мира не примет. Положение афинян было затруднительное: в то время Персия, Спарта и Дионисий Сиракузский были заодно, Геллеспонт находился в руках неприятеля, флот отрезан, подвоз к Афинам затруднен; без персидской субсидии афиняне были лишены возможности продолжать войну. С другой стороны, из общего постановления мира — об автономии городов в Греции — в их пользу делалось исключение: им предоставлялись некоторые владения вне Аттики — издавна им принадлежавшие упомянутые три острова. Неудивительно, что афиняне склонились на сторону мира; особенно желал его состоятельный класс.

Итак, малоазийские греки, освобожденные около ста лет перед тем, должны были подчиниться власти персов. Другое постановление Анталкидова мира — о независимости всех больших и малых городов Эллады — удовлетворяло, казалось, заветному стремлению греков к автономии. Но на самом деле оно упрочивало политический партикуляризм, полную раздробленность и слабость Греции⁷ и среди этой раздробленности — господство блюстительницы условий Анталкидова мира, Спарты, беззастенчивый эгоизм, произвол и насилия которой достигают теперь своей крайней степени. Занятие Фив среди мира — одно из ярких проявлений этого произвола и насилия. Но в 379 г. Фивы поднимаются, освобождаются от спартанского ига и затем наносят окончательный удар гегемонии Спарты. Наступает эпоха фиванской гегемонии в Греции.

⁷ Один из историков (Ю. Кэрст) называет Анталкидов мир «Вестфальским миром древности».

Второй Афинский союз и финансовые реформы

После захвата спартанцами фиванской крепости Кадмеи и во время владычества в Фивах олигархов афиняне дали приют фиванским изгнанникам; а когда фиванцы поднялись и осадили Кадмею, то два афинских стратега без разрешения народа самовольно двинулись даже к ним на помощь. За это, однако, они были преданы суду; один из них казнен, другой бежал. Очевидно было, что афиняне, особенно состоятельные слои населения, при всем сочувствии к Фивам, вовсе не желали тогда разрыва и войны со Спартой. Но сами спартанцы вынудили их к этому. Один из спартанских гармостов, Сфодрий, попытался захватить неожиданно, среди мира, Пирей, подобно тому, как раньше захвачена была фиванская Кадмея, но не успел, а в ответ на жалобы афинян спартанцы оправдали его. Возмущенные этим афиняне примкнули к Фивам и стали действовать против Спарты.

Настал момент, когда афинская демократия могла осуществить наконец свою заветную мысль — восстановить свое господство на море и морской союз с Афинами во главе, хотя и в ином виде, нежели прежде. Общественное мнение Греции было к этому уже подготовлено: еще года за два до того афинский публицист, оратор Исократ, в своем знаменитом «Панегирике», который он отделивал, говорят, в течение десяти или даже пятнадцати лет, проводил идею такого союза и восстановления гегемонии Афин на море. По Исократу, ближайшей задачей национальной политики должно быть восстановление морского могущества Афин; Афины должны стать наряду со Спартой; оба государства должны соединить свои силы и действовать заодно. Тогда могут вернуться времена Греко-персидских войн; можно будет взяться за настоятельную задачу — за освобождение азиатских греков и за завоевание западных областей персидского царства.

Зародыш Второму Афинскому союзу был положен еще победой Конона у Книды и деятельностью Фрасибула. После Антакидова мира некоторые города — Хиос, Митилена, Мефимна, Родос, Византий — заключили или продлили уже раньше заключенный союз с Афинами. Теперь в архонтство Навсиника (378/77 г.) Второй Афинский союз окончательно был организован и расширен. До нас дошло постановление афинского народ-

ного собрания, сделанное по предложению некоего Аристотеля «Марафонца», утверждающее основы, на которых образовался союз⁸. Цель последнего — защита греческой свободы, но не от Персии, как прежде, а от Спарты, «дабы лакедемоняне предоставили эллинам быть свободными, автономными и спокойно пользоваться своими владениями». Постановление признает Антакидов мир и даже господство персов над азиатскими греками: в союз принимались все те из эллинов и даже из варваров на островах и на материке, которые не находились в подданстве персидского царя. Оно гарантирует нерушимость прав и свободы союзников, которые могли иметь форму правления, какую хотят. Ни форося, ни клерухий, которые вызывали столько раздражения в прежнем союзе, ни афинских властей и гарнизонов, отправлявшихся в союзные города, теперь не должно было быть (вместо форося существовал денежный сбор, называемый «синтаксис»). Какие имеются владения афинян, частные или общественные, в стране союзников, те остаются за афинянами; но на будущее время ни Афинскому государству, ни частному лицу не дозволялось приобретать каким бы то ни было образом недвижимость, земельный участок или дом в области союзников. В случае такового приобретения всякий имел право донести об этом в союзный совет, тогда недвижимость продавалась и половина вырученной суммы шла донесшему, а другая поступала в общую кассу союзников. Если кто-либо пойдет войной на заключивших союз, против того должны помогать афиняне и союзники, на суше и на море, всей силой по возможности. За нарушение условий грозило тяжкое наказание: если кто из должностных или частных лиц сделает или допустит предложение, противоречащее этому постановлению, чтобы нарушить что-либо из сказанного, тот подвергается атии, имущество его конфискуется и десятая часть его посвящается богине; он должен быть судим как нарушитель союза и наказан смертью или изгнанием; в случае казни его нельзя было погребать ни в Аттике, ни в земле союзников.

Организация Второго Афинского союза отличалась от организации Первого: в нем не было такой централизации, такого преобладающего господства Афин. В нем было больше равенства: союз

⁸ CIA (= IG), II, № 17; Ditt. Syll², I, № 80.

состоял как бы из двух равноправных сторон — афинян и прочих союзников. Эти союзники имели в Афинах свое собрание или совет, синедрион, состоявший из их представителей. Каждому союзному городу, большому и малому, принадлежало тут по одному голосу. Постановление такого собрания или синедриона переходило потом — через Совет 500, который вносил свою пробулевму, — в афинскую экклесию.

На каменной стеле, на которой начертано постановление, записаны и имена союзных городов; первые в ряду их — уже упомянутые выше Хиос, Митилена, Мефимна, Родос, Византий. К союзу присоединились и некоторые континентальные государства, в том числе Фивы. Всех союзников было до 60, а впоследствии — более 70.

Одновременно с образованием союза, в архонтство Навсиника, происходит преобразование афинской податной системы. Став вновь во главе союза и задаваясь широкими планами, афиняне, естественно, нуждались в больших денежных средствах. Прежде они сравнительно редко прибегали к прямому обложению, к эйсфоре; это была подать чрезвычайная; теперь она становится постоянной и сам порядок ее распределения и взимания изменяется. В податных целях производится оценка земельной собственности, домов и прочего имущества аттических граждан⁹. На основании этой оценки, для более удобного сбора подати, граждане, подлежа-

⁹ Если верить Полибию (II, 62), все состояние граждан оценено было в 5750 талантов. Демосфен определяет оценочную сумму круглой цифрой в 6000 талантов. По А. Бёку, это не есть сумма всего имущества, а только имущества, подлежащего обложению, податного капитала; национальное состояние Аттики было гораздо больше, около 30 000—40 000 талантов; оценке же и обложению подлежала только известная доля его и притом в первом имущественном классе большая, а в других двух меньшая, четвертый же класс был совсем свободен от обложения: аттическая эйсфора, по А. Бёку, есть прогрессивный налог. Но К. Ю. Белох (*Beloch K. J.* 1) *Das Volksvermögen von Attika // Hermes. Bd. XX. 1885*; 2) *Das attische Timema // Hermes. Bd. XXII. 1887*) доказывает, что все имущество Аттики в ту пору не могло быть так велико, как полагает А. Бёк, и что приведенная у Полибия цифра есть оценочная сумма всего состояния, которая, разумеется, несколько ниже действительности, так как в таких случаях обыкновенно часть состояния ускользает от оценки или оценка принимается слишком низкая.

шие обложению, разделены были на податные группы или общества, товарищества, так называемые *симмории*, с приблизительно равным состоянием. Взимаемая сумма раскладывалась между симмориями поровну. Затем между членами симмории, под руководством ее главы или гегемона, раскладка производилась соответственно состоянию или податному капиталу каждого. Заведовало сбором подати государство. Хотя за невзнос подати грозили штраф и даже конфискация имущества, но все же сборы поступали обыкновенно слишком медленно и неисправно. Тогда для большего удобства введен был такой порядок, что в каждом деме кто-либо из более богатых граждан уплачивал вперед причитающуюся с дема сумму, а сам потом собирал ее с демотов. С 360 г. стали возлагать это на 300 богатейших лиц, заранее определенных. Эти 300 приобрели фактически большое влияние на раскладку подати и даже на другие дела.

Победа Хабрия над спартамцами на море при Наксосе (376 г.) способствовала еще большему упрочению и расширению союза; Киклады примкнули к нему. Затем другой известный афинский полководец Тимофей направился на запад и присоединил к союзу Керкиру, нанеся новое поражение спартанскому флоту.

В то время в Греции, рядом с партикуляризмом, с особенной энергией обнаруживается и противоположное стремление — к объединению: идет напряженная борьба сил центробежных с центростремительными. Фивы объединяют Беотию и готовы стать во главе Греции. Кроме них и Афин, выдвигается Фессалия, которую объединяет владетель или тиран города Фер Ясон, задумывавший даже двинуться во главе греков против Персии. Он держал сторону Фив.

Вообще Спарта не могла надеяться на победу. С другой стороны, не в интересах Афин было содействовать дальнейшему росту фиванского могущества. К тому же война истощала их силы. Во главе партии мира или, точнее, тех, кто был против деятельной поддержки Фивам, стоял Каллистрат, выдающийся оратор и государственный деятель, знаток в деле финансов, противник Тимофея. В 374 г. афиняне заключили было мир, по которому Спарта признала Афинский союз; но мир оказался недействительным: на западе, у Керкиры, где находился Тимофей, военные действия продолжались. Только в 371 г. на конгрессе в Спарте состоялся действительный

мир между спартанцами и афинянами; но тут же произошел новый разрыв между Спартой и Фивами. Это был разрыв Фив и с Афинами, которые остались верны заключенному договору и для которых близкие могущественные Фивы казались еще более опасным противником, нежели отдаленная Спарта.

В открывшейся решительной борьбе Фив со Спартой афиняне занимают враждебное положение по отношению к первым. Холодно, с неудовольствием принимают они весть о знаменитой победе Эпаминонда при Левктрах (371 г.), — победе, которая составила эпоху в греческой истории, нанесла решительный удар спартанской гегемонии и дала толчок демократическому движению в самом Пелопоннесе: фиванским послам не было оказано обычных в подобных случаях почестей и предложение союза с Фивами было отклонено. Со Спартой и с Дионисием Сиракузским заключен был формальный союз; Дионисию, против которого раньше афинский оратор Лисий так страстно возбуждал толпу во время Олимпийских игр, теперь даровано было право афинского гражданства со всей его семьей, и — чем особенно дорожил тиран — его трагедия удостоена награды. Еще враждебнее должны были отнестись афиняне к соглашению Фив с Персией — этому «второму изданию Анталкидова мира», — по которому от них требовалось отказаться от Амфиполя и разоружить свой флот, и к попытке фиванцев завести собственный флот, достичь господства и на море. В битве при Мантинее (362 г.) против фиванцев сражались и афиняне.

После этой битвы Греция оказывается еще более слабой и в ней господствует еще большая неопределенность и смута, нежели прежде. Спарта, Афины, Фивы, поочередно пытались установить свою гегемонию, и цель оказывалась недостижимой, задача не по силам. Греческий партикуляризм одерживал верх; могущество Афин пало в борьбе со Спартой, могущество Спарты — в борьбе с Фивами. Величие последних было эфемерным: оно исчезло со смертью Пелопида и Эпаминонда. Теперь уже ни Спарта, ни Афины, ни Фивы не могли восстановить вполне свое прежнее могущество и над разрозненной Грецией устанавливается гегемония Македонии...

В то время как на севере, в Македонии, начал уже действовать Филипп и афиняне вступили с ним в столкновение из-за Амфиполя, Второй Афинский союз стал распадаться (357 г.). Во-

первых, сама цель, поставленная первоначально этим союзом, уже была достигнута, и он утратил свой смысл: союз направлен был главным образом против Спарты, а Спарта была теперь вытеснена с моря, разбита даже на суше, ослаблена и не страшна для союзников. Они чувствовали себя вне опасности со стороны Спарты и скорее могли опасаться Афин. Между тем афинская демократия в IV в. мало-помалу начала возвращаться к прежним приемам и практике времен Делосско-аттического союза: старые традиции в отношении союзников стали брать верх. Не говоря уже о том, что с союзников взимался если и не форо́с, то синтаксис, — производились тяжкие поборы, вымогательства, контрибуции; в некоторые города посылались снова афинские должностные лица с гарнизоном и даже клерухи, что прямо противоречило союзному соглашению 378/77 г. Когда, например, в 365 г. Тимофей завоевал Самос, туда посланы были афинские клерухи, а местные жители изгнаны. Потом в Потидею и Херсонес отправлены были клерухи. Правда, эти города не были в числе союзников, включенных в постановление 378/77 г.; но все же такой образ действий мог внушать опасение и остальным союзникам, возбуждая их против Афин. И вот, войдя в соглашение с владельцем Карийского Мавсолом, подобно Эвагору предшественником династов эпохи эллинизма¹⁰, Хиос, Родос, Кос отпали от Афин, заключив союз между собой и с еще раньше отложившимся Византием. За ними последовали потом и другие крупные союзные общины. Эта *Союзническая война* для Афин была неудачна. В течение ее они лишились лучших своих вождей — Хабрия, который пал на войне с Ификрата и Тимофея, которые подверглись процессу и сошли с сцены, хотя Ификрат и был оправдан. Война эта стоила афинянам большого напряжения сил и больших расходов на снаряжение флота. В связи с ней находится реформа триерархии.

Прежде триерархия падала всей своей тяжестью на сравнительно немногих, отдельных граждан: корабль снаряжало одно лицо. Понятно, как тяжела была такая повинность, особенно во время финансового и экономического кризиса, при обеднении граждан. Поэтому после Сицилийской экспедиции назначали уже два триерарха для снаряжения одной триеры. Во время Со-

¹⁰ Judeich. *W. Kleinasiatische Studien*. Marburg, 1892. S. 236.

юзнической войны, по предложению Периандра из Холарга, симмории распространены были и на триерархии: для этой литургии назначалось 1200 наиболее богатых граждан, которые разделялись на 20 симморий, по 60 членов в каждой, и эти симмории сообща должны были снаряжать требуемое число триер. Для снаряжения корабля члены каждой симмории соединялись в группы, синтелии. Первоначально каждый из упомянутых 1200 граждан участвовал в снаряжении триеры в равной доле, безотносительно к своему имуществу, так что богатым было легче, а менее богатым сравнительно тяжелее. Впоследствии, по закону Демосфена, это было изменено и установлена была известная постепенность в обложении соответственно состоянию каждого: наиболее богатым приходилось теперь снаряжать иногда даже не по одному, а по два корабля; доля же, падавшая на менее богатых, была меньше: эти снаряжали по одному кораблю сообща. Во главе симмории стояли 300 богатейших граждан; на них возложена была теперь новая обязанность, зато расширилось еще больше и их влияние: они составляли силу в государстве, своего рода комитет богатей. От них в значительной мере зависела раскладка повинностей.

В ту пору финансовый вопрос в Афинах был вообще на первом плане. Война при помощи наемников обходилась очень дорого. По словам Исократ, в последние войны более 1000 талантов совершенно бесплодно потрачено было на наем войска. Придумывались меры для изыскания средств и доходов, для пополнения нередко пустой казны, вносились предложения... Так, Лептин провел было закон, которым отменялись прежде дарованные привилегии относительно свободы от податей; по предложению Аристофона учреждена была комиссия по разысканию долгов государству: каждый, кто знал что-либо на этот счет, должен был заявить; отсюда — ряд процессов. Составлялись проекты и в тогдашней литературе. Один из таких проектов мы находим в трактате «О доходах», приписываемом Ксенофону.

«Я всегда был того мнения, что каковы правители, таковы и государственные порядки» — так начинается этот трактат. Так как, по словам некоторых, правители Афин не хуже других понимают, что справедливо, и только вследствие бедности народа принуждены поступать несправедливо с союзными городами, то, следо-

вательно, надо устранить бедность — увеличить средства и доходы государства. Автор и рассматривает, не могут ли афинские граждане содержать себя из своей собственной страны. Для него ясно, что Аттика вследствие своих природных условий может доставлять много доходов; и он отмечает ее благоприятный климат, ее продукты, особенно скрытую в недрах земли серебряную руду, ее удобное положение. В числе мер к увеличению средств автор предлагает прежде всего улучшить положение метеков, «которые сами себя содержат и приносят много пользы государству, не получая от него платы, а наоборот, сами платя подать, метекию». Нужно еще более привлечь их в Афины, оказывать покровительство им и льготы, отменить то, что оскорбляет их самолюбие, предоставить право приобретать места, которых много пустопорожных в городе, и на них строить дома, освободить от военной службы в пехоте и, наоборот, допустить их к службе в коннице, наконец, учредить особую должность метекофилаков, которые охраняли бы их. Затем автор говорит о поощрении торговли как средстве увеличить доходы. Тут для некоторых мер не требуется и расходов: нужны лишь, по его выражению, «филантропические» постановления и заботливость. Для проведения других мер понадобятся и взносы, но это будет лишь выгодное помещение капитала. Хорошо было бы, например, построить торговые помещения, лавки, гостиницы и т. п. По проекту автора, государство должно выступить в роли крупного предпринимателя. Особенно же рекомендует он разработку серебряных рудников, тем более, что если другие предметы могут падать в цене, то серебро, он уверен, никогда не потеряет своей ценности. Ссылаясь на пример частных предпринимателей, в том числе Никия, имевшего рабов и отдававшего их в наем для работ в рудниках, автор полагает, что и государство может делать это и даже еще лучше; надо приобрести рабов, пока их придется по три на каждого афинянина, а затем всякий может нанимать их у государства: «Ведь нанимают же священные участки, храмы, дома и берут на откуп пошлины». А сохранить рабов легко: «Как их украсть, если наложить на них государственное клеймо и назначить наказание тому, кто их купит или уведет?» Автор убежден, что если дело будет организовано так, как он проектирует, то всем афинянам будет содержание от государства. Рудники должны служить неиссякаемым

источником доходов и благосостояния. Нужда, пауперизм исчезнет. Автор рекомендует своего рода государственный социализм ¹¹. Но при этом необходимое условие процветания Афин — мир. Множество лиц, посещающих или постоянно живущих в них, нуждается в мире, начиная с владельцев кораблей и с купцов: торговцы хлебом, вином, маслом, овцами, лица, живущие умственным трудом и деньгами, художники, софисты, философы, поэты, артисты, люди, стремящиеся что-либо видеть или слышать достопримечательное или желающие что-нибудь продать и купить, — все заинтересованы в установлении и поддержании мира. Путем мира Афины скорее могут достичь и гегемонии, и притом без труда, опасностей и затрат; заботой о мире на суше и на море они скорее могут привлечь всех к себе. Тот ошибается, кто думает, что война прибыльнее, чем мир: вследствие войны сделанные во время мира сбережения издерживались, многие доходы прекратились или оказались истрачены...

Мир проповедовал в то время и известный публицист эпохи — Исократ и притом мир не только с хиосцами, родосцами и византийцами, но и со всеми. В своей речи «О мире» он доказывает, что счастье государства основывается на справедливости и что мир лучше ведет к достижению цели. «Разве не удовлетворило бы нас вполне, если бы мы могли жить безопасно в государстве, средства к жизни имели бы все в большем и большем изобилии, между собой были бы в согласии, а у греков — в доброй славе?» При наличности всего этого государство, полагает Исократ, было бы совершенно счастливо. «Война лишила нас всего этого». Если же мир будет заключен, то воцарится безопасность; благосостояние подымется, граждане освободятся от взносов, триерархий и других литургий, вызываемых войной, государство получит вдвое больше доходов, чем теперь, и наполнится купцами, чужеземцами и метеками... А главное — афиняне будут иметь истинными союзниками и друзьями всех людей и не по принуждению, а по убеждению, и чего теперь не могут достичь войной и большими издержками, то легко получат посредством переговоров. Исократ верит, что ни Керсobleпт, владетель Фракии, ни Филипп Ма-

кедонский, с которыми у афинян было тогда столкновение, не вели бы войны, если бы афиняне сами не стремились овладеть чужим достоянием. Если бы мы, говорил Исократ, изменили наш образ действий, то и Керсobleпт, и Филипп не только отказались бы от нашей области, но даже вдобавок уступили бы часть своей. Исократ порицает наемничество, дурное и беспорядочное управление государством. Причина зла — стремление к господству на море: и государство, и сами афиняне стали бы лучше и во всем бы преуспевали, если бы перестали стремиться к этому господству, ибо оно довело до такого беспорядка и уничтожило ту демократию, при которой предки афинян жили счастливейшими из греков; оно виновно почти во всех тех бедствиях, которые афиняне сами испытывают и другим причиняют. Господство это и несправедливо, и невозможно, и бесполезно; в доказательство Исократ ссылается на историю Спарты и Афин. В заключение он так резюмирует свое мнение о тех способах, которыми можно помочь государству: во-первых, брать в советники для государственных дел таких лиц, каких мы желали бы для своих собственных дел, и перестать считать сикофантов за истинных демократов, а людей порядочных — за олигархически настроенных; во-вторых, обращаться с союзниками, как с друзьями, а не так, чтобы на словах допускать их автономию, на деле же позволять стратегам делать с ними что угодно, и стоять во главе их не деспотически, а по-союзнически, сознав, что афиняне сильнее каждого города в отдельности, но слабее, чем все они вместе; в-третьих, выше всего ставить добрую славу у греков.

В трактате «О доходах» и в речи Исократа «О мире» ясно выразилось настроение, которое овладело афинским обществом во время Союзнической войны, и мирная программа Исократа была, можно сказать, выполнена. Афины заключили мир с отпавшими союзниками. Второй союз распался (355 г.), просуществовав немного больше двадцати лет. За Афинами осталось лишь небольшое число союзных городов. Навстречу общественному настроению пошел Эвбул, который пользовался господствующим влиянием в Афинах в течение шестнадцати лет, до последней борьбы их с Филиппом. Он был сторонником мира, и главное внимание его обращено было на финансы, на их упорядочение, пополнение казны и поднятие материального благосостояния Афин; а с другой сторо-

¹¹ Pöhlmann R. von. Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. Bd. II. München, 1901. S. 250 f.

ны, с его именем связано непомерное развитие теорикона, под которым тогда подразумевали не только «зрелищные деньги», но и другие денежные раздачи народу.

Ежегодно сменявшемуся составу Совета трудно было следить за бюджетом, вникать во все его тонкости, вести последовательную финансовую политику. Уже давно чувствовалась необходимость в сосредоточении и объединении финансового управления¹². Еще до Эвбула, в первой половине IV в., встречается должность «казначей демоса», который заведовал суммами, находившимися в распоряжении народа, иначе народным бюджетом. Союзническая война должна была еще более вызвать сознание необходимости такого сосредоточения, упорядочения и объединения бюджета. Реформа в этом направлении и была произведена при Эвбуле. Если прежде на первом месте по своему влиянию среди должностных лиц стояли в старину архонты, а потом — стратеги, то теперь самыми influentialными лицами в Афинах являются финансовые деятели, подобные Эвбулу. Он был заведующим кассой теорикона, но ему подведомственно было все финансовое управление: он, можно сказать, ведал бюджетом. Все излишки доходов или остатки от расходов, за удовлетворением бюджетных нужд, должны были поступать в кассу теорикона. Когда сделано было предложение, чтобы такие излишки или остатки в течение войны, которую вели тогда афиняне из-за Эвбеи, были употреблены на военные цели, то это вызвало «обвинение в противозаконии», и лицо, внесшее предложение, присуждено было к уплате 1 таланта. Эвбулу приписывают закон, по которому смертная казнь грозила тому, кто предложит употребить «Теорикон» на войну. В 339/38 г., уже накануне падения независимости Греции, Демосфен достиг отмены этого закона и провел предложение, чтобы излишки или остатки шли на военные нужды, в военную кассу, которой заведовал «казначей военных денег», ставший — на короткое время — главным должностным лицом в финансовой администрации.

Никогда еще теорикон не достигал таких размеров и не раздавался с такой щедростью, как при Эвбуле. Тут в широких размерах применен был уже давно известный в Афинах принцип, по которому излишек доходов составляет достояние граждан и в силу

¹² *Francotte H.* L'administration financière des cités grecques. Paris, 1903.

которого между ними когда-то распределялись доходы с Лаврийских рудников. О Эвбуле в исторической науке высказывались противоречивые мнения. Еще один из древних авторов называл его «демагогом славным, заботливым и трудолюбивым». Из новых историков одни считают его ничтожеством; говорят, что он своей слабой, мирной во что бы то ни стало политикой довел Афины до крайнего унижения и падения, а раздачей теорикона в небывалых еще размерах окончательно деморализовал народную массу. Другие называют его великим финансистом, финансовым гением, который спас Афины от банкротства и привел их финансы в цветущее состояние; сравнивают его с Сюлли и Кольбером и причисляют к наиболее выдающимся деятелям Афин всех времен. Чтобы справедливо судить о Эвбуле, надо припомнить, в каком положении находились тогда Афины, после ряда войн, с пустой, разоренной казной и пошатнувшимся благосостоянием населения; надо иметь в виду то настроение, стремление к миру и материальному благополучию, о котором мы говорили выше. Отдавая излишки массе, в виде теорикона, Эвбул, по словам его защитников, сохранял другие статьи бюджета: если обеспечен был теорикон от каких-либо посягательств на него, то обеспечены были и другие фонды. По выражению одного новейшего исследователя, Эвбул бросал толпе кость, чтобы спасти остальное. При том, благодаря сравнительному миру и умелому ведению финансов, доходы увеличились; одновременно со щедрой раздачей теорикона значительные суммы при Эвбуле расходовались также и на верфи, на сооружение флота, на войско и общественные постройки, что засвидетельствовано надписями. Раздачей теорикона Эвбул привлекал к себе несостоятельную массу, а своими постройками — рабочих и ремесленников; с другой стороны, он опирался и на состоятельный класс, избавив его от бремени литургий и налогов, поддерживая мирную политику, улучшая финансы.

Внутреннее состояние Афин в IV в.

Хотя в Афинах после низложения Тридцати не существует более олигархов как организованной политической партии, и в самом государственном строе не совершается уже крупных перемен, тем

не менее и в IV в. мы здесь наблюдаем внутреннюю борьбу, которая ведется подчас с большим ожесточением. Обыкновенно ей сопровождаются перипетии внешней политики Афин и борьба носит характер политический; иногда она принимает характер социально-экономический, классовый, а иногда трудно даже уловить крупный, руководящий ее мотив: дело, по-видимому, идет не столько о принципах и программах, сколько о личном честолюбии и соперничестве, алчности и интригах. Эта внутренняя борьба находит себе выражение в многочисленных процессах стратегов, государственных деятелей, послов и частных лиц, — процессах, которые в IV в. в Афинах были еще чаще, нежели в эпоху кризиса, во время Пелопоннесской войны. Нередко процессы носят просто фискальный характер, ведутся с целью пополнить пустую казну, достать средства, чтобы выдать плату присяжным и т. п. К IV в. еще более применимо известное свидетельство Лисия о том, что дикастам, случалось, прямо говорили, что если они не вынесут обвинительного приговора, то не будет и диэт, и что Совет прибегал к конфискациям для пополнения казны. Теперь система конфискаций в фискальных целях стала практиковаться особенно часто.

В первое время после восстановления демократии главными, наиболее влиятельными лицами в Афинах являлись те, кому они обязаны были освобождением от тиранов, — Фрасибул, Архин, Анит; а вскоре стали приобретать влияние демагоги Агиррий, введший плату за посещение народного собрания, Кефал, гордившийся тем, что ни разу не подвергся обвинению по графэ параномон, и Эпикрат. Фрасибул сознавал свои заслуги и свысока смотрел на массу, на ее вождей, демагогов, а те с своей стороны видели в нем чуть ли не аристократа или даже скрытого тирана. Боязнь тирании и подозрительность в этом отношении замечалась у афинян и раньше, еще в начале Пелопоннесской войны, когда, по выражению Аристофана, тиранья была в большом ходу на рынке, чем соленая рыба. Тем более — теперь, когда в Сицилии был живой пример тирании в лице Дионисия и когда условия греческой жизни создавали, казалось, благоприятную почву для нее, хотя по отношению к Фрасибулу подозрение и не имело никакого основания. Враги его воспользовались жалобами на него из-за поборов и контрибуций, к которым он вынужден был прибегнуть, чтобы

содержать флот; начальство над флотом передано было Агиррию, а Фрасибул и его товарищи-стратеги призваны к ответу. Велико было негодование в его лагере. Фрасибула побуждали даже обратиться оружием против Афин; он на это не пошел и вскоре затем последовавшая смерть освободила его от дальнейших преследований. Но его ближайший товарищ по командованию Эргокл, боровшийся некогда вместе с ним за демократию, и некоторые другие были приговорены к казни. В довершение всего, когда оставшееся после Эргокла состояние оказалось не так велико, как предполагали, против его близких и друзей начаты были новые процессы.

Заключение Анталкидова мира, бывшего победой состоятельного класса и умеренных над более радикальными элементами, сопровождалось опять рядом процессов. В них вылилось недовольство и разочарование вследствие несбывшихся надежд. Пал тогда и Агиррий, присужденный к большому денежному штрафу; до уплаты этого штрафа он должен был просидеть в тюрьме в течение многих лет.

В 70-х и 60-х гг. в Афинах преобладало влияние талантливого оратора и финансиста Каллистрата. Его противником был Тимофей, сын Конона. Каллистрат стоял больше за мирную политику, Тимофей — за войну против Спарты. Богатство и аристократическая гордость Тимофея создали ему много врагов среди демагогов и радикально настроенных демократов. Когда он, не имея денежной поддержки со стороны афинского правительства, действовал во главе флота недостаточно энергично и не оправдал возложенных на него надежд, его предали суду. Процесс этот выдавался среди многих других и привлек к себе общее внимание. Обвинителями Тимофея выступили Каллистрат и Ификрат, а владетель Фессалии Ясон и молосский царь Алкета лично явились в Афины, чтобы свидетельствовать в его пользу. Тимофей был оправдан, но казначей его был приговорен к смерти. Сам Тимофей не был тогда восстановлен в должности стратега и на время удалился из Афин. Влияние Каллистрата еще более возросло. Так продолжалось до середины 60-х гг., когда положение Каллистрата стало колебаться. Вместе с Хабрием он подвергся процессу и был оправдан. Но в конце 60-х гг., после битвы при Мантинее, в Афинах разразилась страстная борьба партий, какой давно уже там не было. Под влиянием неудач на севере Каллистрат был призван

на суд, «так как не советовал народу самое лучшее». На этот раз он был приговорен к смерти и бежал в Македонию. Когда же спустя несколько лет Каллистрат попытался вернуться в Афины и в качестве умоляющего сел у алтаря богов, то над ним приведен был в исполнение смертный приговор. Так погиб государственный деятель, которого некоторые сравнивают с Периклом. Враги с ожесточением преследовали его, боясь его красноречия и талантов.

Каллистрат сначала опирался на несостоятельную массу, а потом — на более состоятельных. Вообще, обычное мнение что в Афинах в IV в. господствовала чуть ли не охлократия, что всем заправляла масса неимущих, а имущие были вытеснены из управления, далеко не верно или нуждается в оговорках и ограничениях, как доказывают это эпиграфические данные¹³. Из дошедших до нас имен пританов и членов Совета оказывается, например, что в Совете в эпоху Демосфена преобладание принадлежало элементам состоятельным. Плата была не настолько велика, чтобы привлечь беднейших граждан; всецело обеспечить существование она не могла, а среднему классу служила некоторым подспорьем. Пособиями, ораторами и политиками были тоже преимущественно люди более или менее обеспеченные. О стратегах и финансовых должностных лицах и говорить нечего. Даже в народном собрании в ту пору несостоятельная масса не играла той роли, какую ей иногда приписывают. Политическое влияние принадлежало скорее имущим классам.

Союзническая война сопровождалась внутренней борьбой. Тимофей и Ификрат вместе со своим сыном Менесфеем подверглись обвинению за то, что воздержались от решительных действий и битвы, на которых настаивал Харес. Главным обвинителем их выступил Аристофон. О нем говорили, что он выиграл семьдесят пять процессов по графэ параномон. Некогда он был в числе тех, кто примкнул к Фрасибулу во время борьбы с Тридцатью, и известен своим законом о праве гражданства, изданном в год архонтства Эвклида. Теперь, уже в глубокой старости, он приобрел некоторое влияние. Тимофей приговорен был к штрафу в 100 талантов, слишком тяжелому даже для него. Он отправился

¹³ *Sundwall J.* Epigraphische Beiträge zur sozial-politischen Geschichte Athens im Zeitalter des Demosthenes. Leipzig, 1906.

в Халкиду и там вскоре умер. Ификрат, как и сын его Менесфей, был оправдан, но удалился от дел и тоже вскоре сошел в могилу, а Хабрий незадолго перед тем пал у Хиоса. Так кончили свое поприще эти выдающиеся вожди. Под конец Союзнической войны Аристофон, со своей несколько задорной, воинственной политикой, должен был уступить место такому представителю политики мира, как Эвбул.

Мы видели, что при Эвбуле достигла наибольшего развития та система, которая считается главной язвой Афин, — раздача теорикона, праздничных и иных подачек народу, на что шли непомерные суммы. Хотя бы казна была пуста, доходы уменьшались, но народная масса все-таки ждала празднеств, зрелищ и денежных раздач. К этим подачкам стал стремиться теперь и сельский класс. Не говоря уже о теориконе, издержки на праздничные жертвоприношения в Афинах IV в. возросли на несколько талантов в год по сравнению с прежним. Из документальных данных, сообщаемых надписями, мы видим, как велики, например, были призы победителям в разных состязаниях, какие суммы выручались за кожи жертвенных животных и, следовательно, как многочисленны и богато обставлены были жертвоприношения. К прежним диетам присоединилась еще плата за участие в народном собрании. Мы знаем уже, что получение этой платы Эсхин сравнивал с дележом барышей в торговой или промышленной компании. Большинство привыкло видеть в пользовании своими гражданскими правами ремесло, удобный случай хотя бы несколько поправить свое имущественное положение, жалуется Исократ. Все более и более применялась та точка зрения, что кто не имеет известного дохода, того должно содержать государство. Идея своего рода государственного социализма не была чужда тому времени; ее развивал, как мы видели, и автор трактата «О доходах».

Жизнь тогда в Афинах стала дороже. Цены повысились: во время Коринфской войны 1 четверик пшеницы можно было купить за 3 драхмы; в эпоху Демосфена 5—6 драхм считалось умеренной ценой, а во время Александра Македонского, в моменты кризиса, платили даже 10 драхм¹⁴. Соответственно повысилась

¹⁴ *Белок Ю.* История Греции / Пер. с нем. М. О. Гершензона. Т. II. М., 1899. С. 283 сл.

цена и на скот. Гекатомба во время Великих Панафиней в 410 г. обходилась в 5114 драхм, а 109 быков для делосского праздника в 374 г. стоили уже 8419 драхм, следовательно, 1 бык в среднем обходился 77 драхм. Впоследствии цена хорошего быка доходила даже до 400 драхм. Росла и заработная плата. В конце V в. необученный рабочий получал 3 обола в день, впоследствии — 1 драхму, мастер при постройке Эрехея — 1 драхму, а спустя 80 лет плата такому мастеру равнялась 2 драхмам. На продовольствие раба полагалось 3 обола. Сообразно с этим повышаются и диеты.

Что касается нравов, то хотя мнение об упадке их в Афинах в IV в. оказывается часто преувеличенным, тем не менее нельзя отрицать, что со времени Пелопоннесской войны нравы ухудшились. Особенно бросается в глаза роскошь в частной жизни. Прежде замечательные памятники и здания создавались для религиозных и государственных целей; теперь для отдельных лиц строятся дома, украшенные фресками, коврами, занавесами, по сравнению с прежними казавшиеся дворцами. Особенно славились своей роскошью дома Хабрия и Тимофея; когда Тимофей строил свой дом, то лес для постройки прислал ему македонский царь. Выставляется как бы на показ дорогая утварь, даются роскошные пиршества; многочисленные слуги-рабы, богатые выезды довершают эту обстановку. Воздвигаются огромные, дорогие надгробные памятники. На гетер, как знаменитая Фрина, Лаиса, Пифионика, тратятся безумные деньги. Им ставятся статуи и памятники. Лаиса одно время была царицей афинского общества. Фрина вдохновляла Праксителя, когда он создавал свою Афродиту Книдскую. Известен процесс Фрины, подвергшейся обвинению во введении новых культов и в кошунстве, — процесс, в котором ее защитником выступил знаменитый оратор Гиперид. Ее статуя, работы Праксителя, была поставлена в Дельфах между статуями царей Филиппа и Архидама. Пифионике воздвигнут был великолепный памятник на священной дороге, ведущей из Элевсина в Афины. Наряду с предметами философскими главные темы разговора в богатом обществе — гетеры, произведения кулинарного искусства, острые словца и т. п. Было даже особое общество остряков, за протоколы которого Филипп Македонский готов был заплатить большую сумму. От государственных дел многие

держались в стороне. Сама аттическая комедия после Аристофана утрачивает политический характер и изображает сцены из частной жизни, без политических намеков и нападок. Индивидуализм продолжал развиваться. В искусстве и в литературе обнаруживается особый интерес к человеческой личности, появляются биографии, похвальные слова, некрологи. Преклонение перед личностью доходит до того, что некоторым еще при жизни воздвигаются статуи, посвящаются гимны, устраиваются жертвоприношения. Так было не только в остальной Греции, например, по отношению к Лисандру, но даже и в демократических Афинах, где ставились статуи Конону, кипрскому владельцу Эвагору, Ификрату, гетерам... Новым духом проникалась и реакция: он овладевал и сторонниками старины.

Несмотря на поражение в Пелопоннесскую войну и упадок политического могущества, Афины и в IV в., до времени Александра, были главным умственным центром Греции. Кто желал удовлетворить свои эстетические или философские стремления, умственные запросы или просто послушать и увидеть достопримечательное, тот по-прежнему отправлялся в Афины. Тут Исократ и Платон, позже Аристотель, привлекали массу слушателей и учеников. Исократ явился как бы родоначальником «общего образования». Его школа красноречия имела большое влияние. У него было до ста слушателей, и среди них немало таких, которые на разных поприщах приобрели известность. Он входил в сношения с государственными людьми и царями, обращаясь к ним с письмами, советами, политическими программами. Платон в роще, среди зелени, тенистых платанов и вязов, создал свою знаменитую Академию. Его ученик Аристотель, уроженец далекой Стагиры, поселившись потом надолго в Афинах, основал свой Ликей, свою школу перипатетиков, и в грандиозных размерах организовал научную работу, к которой привлёк многочисленных своих учеников. Собой он заменял Афинам как бы целый университет. Но и Академия Платона, и Ликей Аристотеля оставались частными учреждениями, содержащимися на средства основателя или на взносы учеников. В ту пору в Греции не было в обычае, чтобы государство от себя предпринимало что-либо для научных целей¹⁵.

¹⁵ Белох Ю. История Греции. Т. II. С. 348.

Кроме Платона и Аристотеля с их учениками, в Афинах были представители и других философских направлений, например, киники, последователи Аристиппа и пр.

Таким образом, в IV в., до основания Александрии, Афины являлись школой высшего образования еще в большей мере, нежели прежде. Чтобы получить это образование, сюда стекались люди со всех концов греческого мира. Оно носило космополитический характер. «Наш город, — говорит Исократ в "Панегирике" (50), — в отношении мысли и слова настолько оставил прочих позади себя, что его ученики стали учителями других, и имя эллин обозначает теперь уже не происхождение, а образ мыслей: скорее эллинами называют тех, кто причастен нашему образованию, нежели тех, кто общего с нами происхождения». К высшему умственному развитию и образованию стремятся и женщины: женская эмансипация выражалась тогда не только в гетеризме. Известно, что у Платона были слушательницы, и одна из них носила мужское платье. Сестра одного из учеников Феофраста, Гиппархия, вместе со своим братом переселилась в Афины и здесь так увлеклась учением киника Кратета, что сделалась его женой, — факт, показывающий вопреки мнению некоторых¹⁶, что любовь между мужчиной и женщиной не была чужда греческому миру. Тогдашние киники вели нищенскую жизнь, лишенную всяких удобств, и Гиппархия, бывшая сама из знатной семьи, разделяла эту жизнь со своим избранником, мужественно перенося все невзгоды.

Мало-помалу Афины и в материальном отношении оправились от бедствий Пелопоннесской войны. В IV в., до завоевания Востока Александром Македонским, они по-прежнему являлись торговым центром греческого мира. Но стали обнаруживаться и симптомы упадка. Развивался больше Пирей; в самих же Афинах было много пустопорожних мест и необитаемых домов. Некоторые владельцы даже сносили постройки и на их месте разводили сады¹⁷. Прежние богатые и знатные фамилии обеднели: Никий имел 100 талантов, а его сын — только 14; внук известного богача Каллия жил в бедности. Богатели новые люди, часто из неграждан, вроде, например, вольноотпущенника Пасиона. Земледелие приходило все в

большой и большой упадок. Давно начавшийся сельскохозяйственный кризис еще более усилился. Некоторые отрасли производства пали, а из прежних рынков иные были утрачены. А главное — число свободного гражданского населения после первых лет мира по окончании Пелопоннесской войны поднялось было, но затем прирост его остановился, и причина этого лежала не в войнах или эпидемиях, а гораздо глубже — в нравственных и экономических условиях времени. Здесь уже начало того, что позже развилось и по поводу чего историк Полибий делает интересное замечание. Во всей Греции, говорит он, господствует бездетность и малолюдство, города опустели, настали неурожаи, хотя и нет постоянных войн и эпидемий. Причина для Полибия ясна: люди впали в тщеславие, любостыжание и изнеженность, не желают вступать в брак, а если и вступают, то не хотят воспитывать детей, с трудом разве одного или двух, ради того, чтобы оставить их богатыми и воспитать в роскоши, и вот зло незаметно быстро выросло... Начало этого зла относится еще к IV столетию. Зато увеличивалось число рабов: свободный труд все более и более вытеснялся рабским. Нечего говорить, что развитие рабского труда вело к обеднению свободного класса и к унижению свободных рабочих.

В общем, Афины сохраняли еще за собой значение важнейшего торгового и культурного города.

Во взглядах на хозяйство древности среди экономистов до последнего времени господствовала теория, высказанная в 60-х гг. истекшего столетия И. К. Родбертусом, а затем в 90-х гг. развитая и несколько видоизмененная К. Бюхером. По этой теории, античное хозяйство было будто бы «ойкосным», т. е. хозяйством «дома» (οἶκος), собственными силами удовлетворяющим все свои потребности; далее зачатков высшей формы и меновых сделок как единичных явлений и лишь в пределах одного города древность, по мнению К. Бюхера, не пошла, так что о народном хозяйстве, постоянной торговле и торговом классе, об экономическом расчленении общества не может быть и речи. Гораздо ближе к истине воззрения таких историков, как Эд. Мейер¹⁸ и Р. фон Пёльман, по мне-

¹⁶ Braun L. Die Frauenfrage. Leipzig, 1901.

¹⁷ Белох Ю. История Греции. Т. II. С. 270 сл.

¹⁸ Кроме «Истории древнего мира» Эд. Мейера, см. его доклад: Экономическое развитие древнего мира / Пер. с нем. под ред. М. О. Гершензона. СПб., 1898.

нию которых уже в древности существовали высшие формы экономических отношений, уже тогда были периоды, когда промышленность, торговля, деньги, капитал играли чрезвычайно важную роль, существовал класс промышленников и купцов, были даже и товарищеские предприятия, торговые общества и т. д. По отношению к IV в. это еще более применимо, чем по отношению к V в. О том, например, что в древности существовало разделение труда, ясно свидетельствуют, между прочим, слова Ксенофонта. «В малых городах, — говорит он в "Киропедии" (VIII, 2, 51), — один и тот же человек делает кровать, дверь, плуг, стол, часто он же строит и дома и доволен, если найдет достаточно работодателей, чтобы себя содержать; но невозможно, конечно, чтобы берущийся за многое делал все хорошо. В больших же городах вследствие большого спроса каждому достаточно одного ремесла для своего содержания; часто даже занимаются не всем ремеслом, а один делает мужскую обувь, другой — женскую, один — плетеную, другой — разрезывая кожу, один кроит хитоны, а другой, ничего этого не делая, только сшивает их...» Платон для значительного города считает необходимым обмен товарами, ввоз и вывоз: нужны купцы и мелкие торговцы.

В IV в. производство становится более крупным. Для морской торговли часто составляются торговые компании или товарищества. Какой-нибудь капиталист, а иногда и несколько давали ссуду под залог корабля и груза; при этом величина процентов была в зависимости от риска. По возвращении судна товарищество распадалось и деньги получались обратно. Впрочем, часто одни и те же лица соединялись и для нового предприятия. Составлялись товарищества также для взятия на откуп косвенных налогов, возведения построек и т. п.

В Афинах, как центральном денежном рынке, развилось и банковское дело. Находилось оно преимущественно в руках менял, так называемых *трапезитов* (от слова «трапеза», стол, у которого сидел меняла). Самым знаменитым банкиром в Афинах был Пасион, сначала раб, потом вольноотпущенник, впоследствии получивший право афинского гражданства. Его называют Ротшильдом того времени. Операционный капитал его банка равнялся 50 талантам. Кроме того, Пасион имел фабрику щитов. Свое дело он передал вольноотпущеннику Формиону. Частные лица иногда держали деньги уже не у себя дома, а в банке.

Вообще, тогдашнее афинское общество можно назвать в значительной мере капиталистическим. Само выражение «*плутократия*» было уже известно в Афинах: мы встречаем его у Ксенофонта в его «Воспоминаниях о Сократе» (IV, 6, 12).

Общее экономическое положение ухудшилось. В IV в. в Греции происходит процесс социального разложения и обострения экономических противоположностей¹⁹. Средний зажиточный класс приходит в упадок и почти исчезает; контрасты усиливаются. С одной стороны мы видим богачей, плутократию, торжество капитализма; с другой — их обычных спутников, увеличивающуюся бедность, пролетариев. Земля и капитал все более и более сосредотачиваются в сравнительно немногих руках; растет пролетариат. Были местности, где он составлял половину — и даже более — числа всех граждан. По свидетельству современников, в тогдашней Греции было множество бездомных, бродяг и изгнанников, грабителей и разбойников, которым некуда было деваться. По словам Исократы, из скитающихся вне родины легче набрать войско, чем из граждан в городах. То было время индивидуализма, а в такие времена с особенной силой проявляется эгоизм. Принцип индивидуализма выражался и в Греции иногда в самой беззащитной форме; мотивом всех действий провозглашался личный эгоизм. Вспомним личность Алкивиада, слова Калликла в Платоновом «Горгии»...

Пропасть между богатым меньшинством и неимущим или малосостоятельным большинством увеличилась. Греческий полис, по выражению Платона, распался как бы на две половины — бедных и богатых, которые жили вместе, но были враждебны друг другу. Это было как бы два неприятельских лагеря, и борьба общественных классов достигла в Греции еще небывалого ожесточения. Казалось, общество было близко к тому состоянию, кото-

¹⁹ Об этом процессе главным образом см.: *Pöhlmann R. von. Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus*; также см. статью: *Pöhlmann R. von. Die Entstehung des Cäsarismus // Aus Altertum und Gegenwart. München, 1895*; кроме того: *Пёльман Р. фон. Очерк греческой истории и источниковедения* (Гл. XI). Р. фон Пельман, впрочем, слишком модернизирует древнюю историю и его изложение не свободно от натяжек. — О классовой борьбе и классовом господстве см.: *Schmoller. Classenkämpfe und Classenherrschaft // SB. Berlin, 1903.*

рое характеризуется словами: «война всех против всех», — выражение, ставшее столь известным со времен Гоббса (XVII в. по Р. Х.), но встречающееся еще у Платона в «Законах» (626). Не говоря уже об ожесточенной до зверства борьбе партий на острове Керкире еще во время Пелопоннесской войны, борьбе, по поводу которой Фукидид делает столь глубокие замечания, достаточно вспомнить об эпизоде, относящемся к рассматриваемой эпохе, о так называемом «скитализме» в Аргосе, когда чернь избила палками более тысячи богатых. Политическая борьба была вместе с тем, в большей или меньшей степени, и борьбой социальной. Целью борьбы было использование власти в интересах одного класса за счет другого. Вот почему в конце V и в течение IV столетия, до самого падения греческой самостоятельности, борьба эта носит такой страстный характер. Во многих городах Греции она сопровождается многочисленными изгнаниями, экспроприациями или конфискациями, казнями, отменой долговых обязательств, передачами земли. Известно, как относились олигархи к демосу, как, по свидетельству Аристотеля, в некоторых городах давали друг другу клятву «быть врагом народа и вредить ему насколько можно». Пролетариат отвечал тем же. Юридически он был свободен; политически в демократиях он был приравнен к богачам; но он чувствовал себя обездоленным и составлял революционный класс, постоянно готовый обрушиться на богатых, как на своих врагов. По словам одного из новейших исследователей, в каждом бедном гражданине тогда скрывался социалист. Одному из демагогов приписывают слова: «Имущественное равенство есть начало свободы, а бедность для неимущих начало рабства». «Высшие условия на родине все равно, как иноземные неприятели, оказываются прирожденными врагами бедного человека», — говорят также тогдашние демагоги. По словам Исократ, народ в Аргосе тешился избиением богатых граждан и, устраивая такое побоище, радовался сильнее, нежели иные радуются, умерщвляя неприятеля. «В Пелопоннесе, — говорит тот же писатель, — неприятеля боятся меньше, чем своих сограждан. Богачи охотнее бы кинули свое достояние в море, чем отдали бедным; бедные же, напротив, ничего так не желали, как ограбить богатых. Жертвы исчезают на алтарях, люди убивают друг друга: у иного города теперь больше изгнанников, нежели прежде во всем Пелопоннесе». Как велико было

число изгнанников вообще в тогдашней Греции, видно из рассказа, что когда на Олимпийских играх был обнародован декрет Александра Македонского о возвращении изгнанных, то таковых собралось там будто бы 20 000, хотя цифра эта, вероятно, преувеличена.

Платон ярко и образно изображает настроение разоренных в обществе, где господствует плутократия²⁰, где идолом служат золото и серебро, которые обнаруживают притягательную силу, где жажда стяжания непрерывно растет, где одни чрезмерно богаты, а другие — крайне бедны и где наряду с богачами и круглыми бедняками появляются праздные лентяи и расточители, которых он сравнивает с трутнями, с той разницей, что у пчел трутни без жала, а двуногие трутни есть без жала, но есть и с жалом. И вот, говорит Платон, сидят обедневшие в городе, снабженные жалом и вооруженные, одни обремененные долгами, другие лишившиеся прав, третьи испытывая то и другое, и они ненавидят завладевших их состоянием и всех остальных, злоумышляют против них и жаждут переворота. А ростовщики, нагнувшись и как бы не видя их, каждого нового поддающегося им ранят, впуская серебро, и, наживая огромные проценты, увеличивают в городе число тунеядцев и нищих. Платон — философ-поэт, одаренный богатой фантазией, но в основе его изображения лежит все же действительность.

В Афинах положение не было так остро, как в некоторых других областях Греции; тут не было такого экономического бедствия; противоположности и крайности не выступали так резко. В IV в. и до падения независимости здесь не было революций, массовых конфискаций и изгнаний. Даже такой акт, как восстановление демократии в 408 г., обошелся без них, и Аристотель отмечает это как исключение, противопоставляя образу действий демократов в других городах. Но все-таки и в Афинах, хотя и в меньшей степени, наблюдается процесс социального разложения, классовая борьба и ухудшение экономического благосостояния массы. «Ни один из граждан не живет приятно и беззаботно; но город полон отчаяния», — говорит Исократ. «Одни жалуются на бедность и нужду и голосят, другие жалуются на множество распоряжений и

²⁰ У Платона говорится об олигархии, но по его терминологии олигархия — та форма, при которой господствуют богачи.

повинностей, на беды от симморий и пр., и это причиняет такое горе, что имеющим состояние хуже живется, чем тем, кто постоянно находится в бедности». «В старину, в эпоху господства ареопага, — вспоминает тот же автор, — ни один гражданин не терпел недостатка в необходимом и ни один не позорил государства, прося у проходящих милостыню; а теперь нуждающихся больше, чем имущих... Можно простить беднякам, если они заботятся не о государственных делах, но думают только о том, как просуществовать сегодняшний день. Кто не опечалится, когда он видит, сколько граждан ждет жребия перед дикастерием ради хлеба насущного, будут ли они иметь его или нет; как они за плату в золотых одеждах участвуют в хорах, а зиму проводят в одежде, которую я и описать не могу».

Исократ, правда, ритор; можно было бы думать, что он преувеличивает, слишком сгущая краски; он восхваляет старину и тенденциозно противопоставляет ее современности. Но слова Исократа находят себе подтверждение в других свидетельствах. О бедности массы говорит и автор трактата «О доходах», рекомендуя для борьбы с ней меры государственного социализма. В комедии Аристофана «Богатство» («Плутос»), относящейся в переделанном виде ко времени Коринфской войны, мы не видим уже той зажиточности, которой отличались поселяне прежних Аристофановых комедий, а напротив — рисуется их бедность и горькая нужда. Хремил, богобоязненный и честный человек, беден и живет плохо; его соседи, такие же поселяне, работают в поте лица на своих полях и испытывают нужду; честные голодают, а «другие — святотатцы, ораторы, сикофанты и дурные люди» — богатеют. Бог богатства, Плутос, слеп — его еще в детстве ослепил Зевс из зависти к людям, чтобы он не вращался только среди честных, мудрых и порядочных людей, — и он слепо распределяет свои дары. Хремил ведет его с собой в дом и затем обращается к Асклепию, который и исцеляет Плутоса от слепоты. Тщетно Пеня (Бедность) отговаривает Хремилу от такого «безрассудства», доказывая, что именно она и есть виновница всех благ, что без нее не было бы ни знаний, ни искусств: кто стал бы работать, ковать железо, строить корабли, пахать землю, не будь ее? Хремил отвечает, что все это делали бы рабы; а «бедность — сестра нищеты». В мрачных красках изображает он обстановку бедняков, которые от холода

ищут убежища в банях, вместо плаща имеют лохмотья, вместо постели — мешок с соломой, полный клопов, вместо ковров — прогнившую плетенку, вместо подушки — камень под голову, вместо хлеба питаются стеблями мальвы, вместо ячменной лепешки — завядшей зеленью редьки, вместо скамьи им служит горло разбитого кувшина, а вместо квашни — бок поломанной бочки.

Кто сам не работает, тот пусть и не ест; справедлив только тот, кто живет трудами рук своих, — этот взгляд встречается уже в Афинах²¹. На богатых смотрят с завистью и раздражением... По словам Аристотеля, равные в одном отношении — именно в отношении свободы — думали, что они должны быть равны и во всем (1280 а): за политическим равенством должно было следовать и равенство социальное.

Среди таких условий и настроений легко могли возникнуть утопии, мечты о совершенно ином, новом строе, о коренном изменении общества на началах имущественного равенства и коммунизма.

Уже у Еврипида мы находим в «Финикиянках» (555 sq.), высказанную мысль, что состояние не составляет полной собственности людей: боги дают им его лишь для временного управления или пользования. Фалеас Халкедонский доказывал необходимость имущественного равенства и в неравенстве имущества видел источник преступлений, вызываемых в существующем обществе «голодом и холодом»²². Платон в своем «Государстве» проповедовал общность жен, детей и имущества, по крайней мере, для высших классов — правителей и стражей, которые не должны были иметь собственности. Так, по мнению Платона, достигается большая цельность и единство; собственность же порождает несогласия, раздоры, разрывает общество на части, и только уничтожением ее можно положить конец разладу. Впрочем, коммунизм Платона особого рода: не говоря уже о том, что он не распространяется на всех, а только на первые два класса населения его идеального государства, он состоит не столько в праве пользоваться материальными благами, сколько в отречении от них: так обставлена жизнь правителей и стражей.

²¹ Pöhlmann R. von. Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus. Bd. II. S. 236 f.

²² Ibid. Bd. I. S. 203.

Но идеи коммунизма не только возникали в головах отдельных мыслителей; они составляли достояние не одних философов; они существовали и в афинской массе. Доказательством служит комедия Аристофана «Женщины в народном собрании» (389 или 392 г.). В этой пьесе, как известно, женщины берут в свои руки управление государством, которое устраивается на совершенно новых началах — коммунистических. Их предводительница, президент новой, женской республики, Праксагора, в разговоре со своим мужем, Блепиром, излагает подробности этого коммунистического строя и разрешает все недоумения и сомнения. С переходом правления в руки женщин государство станет счастливым — не будет ни постыдных деяний, ни лжесвидетельства, ни сикофантства, ни грабежей, ни зависти к ближним, ни нагого, ни бедного никого, ни брани, ни заклада имущества. Все будет общим достоянием, и каждый будет жить на общий счет, а не так, что один богатеет, а другой бедствует, один обрабатывает много земли, а у другого нет места для погребения, один имеет множество рабов, а у другого нет ни одного. Нет! Жизнь для всех теперь будет общей и равной. Прежде всего, земля делается общим достоянием, а затем и деньги, и все, что у кого есть, сдается в общую казну, за счет которой женщины будут кормить и содержать мужей, расчетливо и благоразумно. Ни один человек не будет работать теперь из бедности, ибо все имеют все — хлеб, соленую рыбу, ячменные лепешки, одежду, вино, венки, бобы... А на вопрос, кто же будет обрабатывать поля, Праксагора отвечает: «Рабы». Таким образом, рабство переносится и в новый коммунистический строй. Афинянам остается только пировать... Вводится общность и жен. Но тут мы опускаем подробности... При новом порядке не будет воровства, так как все, ведь, общее; кто же станет красть свое? Не будет ссор и тяжб. Если кто пожелает плащ, ему добровольно отдадут; из-за чего ссориться? другой, еще лучший, можно достать из общего склада. Образ жизни для всех будет общий; город сам составит один дом. Судебные места и портики будут превращены в общественные залы. На ораторских трибунах будут сосуды с яствами и питьем, на площади у статуи Гармония — урны со жребиями, но не для избрания судей или должностных лиц, а для распределения пирующих по разным помещениям, сообразно вынутой из урны букве. Первый же день введения нового

порядка должен начаться роскошным пиром. Праксагору смущает только одно — пожелают ли афиняне принять все эти новшества и не будут ли они слишком держаться устаревших порядков? Но Блепир ее успокаивает, что этого бояться нечего, ибо у афинян новшество и презрение к унаследованным обычаям считается правительственной мудростью... Во второй половине пьесы комик показывает, как на деле осуществлялся коммунистический идеал. Он выводит двух граждан, из коих один спешно укладывает свое имущество, чтобы согласно новому распоряжению нести его на площадь и сдать в общую казну, а другой не спешит: не желая расстаться так легко со своим достоянием, он выжидает, как будет исполнено приказание другими, и не помешает ли какое-нибудь неожиданное происшествие, вроде, например, землетрясения, приведению в исполнение задуманного нововведения. В другой сцене несколько старух, одна старше и безобразнее другой, и молодая девушка спорят из-за обладания молодым человеком.

Сатира комика, надо думать, имела в виду черты тогдашней действительности — стремления и мечты, находившие себе место в среде афинского населения. Полагали прежде, что Аристофан желал здесь осмеять коммунистический идеал Платона. Но коммунизм, развиваемый Платоном в «Государстве», иного рода, чем тот, который изображен у Аристофана, и Платоновое «Государство» появилось позже Аристофановой комедии.

Отношение философов и публицистов того времени к демократии. Монархические идеи

Между демократией, с одной стороны, и философами, вообще умственной аристократией того времени — с другой, обнаруживалась все большая и большая бездна. Умственная аристократия в IV в. отшатнулась от демократии, и в тогдашней литературе преобладает антидемократическое направление: демократия подвергается более или менее суровой критике и не она служит политическим идеалом²³.

²³ См.: Schöffer V. von. Demokratia // RE. Suppl. 1 Heft. 1909. Sp. 346 f.

У Платона²⁴, в восьмой книге его «Государства» или «Политии», мы имеем чрезвычайно интересную характеристику демократии.

Аристократ по происхождению — он вел свой род по отцу от Кодра, по матери из фамилии Солона, — родственник олигархов Крития и Хармида, ученик Сократа, современник и очевидец упадка Афин, Платон не мог относиться с сочувствием к демократии, казнившей его учителя²⁵, и он рисует преимущественно ее недостатки, ее темные стороны; но это — не фантастическая картина: многие черты схвачены с натуры.

Четыре несовершенных политических формы насчитывает Платон: то государственное устройство, которое существует в Спарте и на Крите, или тимократия, олигархия, демократия и тирания. Таким образом, по Платону демократия один из самых худших типов: в ряду несовершенных форм она стоит предпоследней, ниже тимократии и даже олигархии, и уступает только тирании.

Демократия, говорит Платон, возникает, когда бедные, одержав победу, одних убивают, других изгоняют, а прочим дают одинаковую власть и равные права. При ней все пользуются полной свободой; каждый может делать все, что хочет, обставлять жизнь по-своему, как ему нравится. При этом правлении типы людей — самые разнообразные. Демократия кажется прекраснейшей формой правления: она подобна пестрому платью, изукрашенному всевозможными цветами, и она пестрит разными нравами. Она заключает в себе все роды правлений. Если желаешь управлять, не нужно для этого способностей или подготовки; нет надобности быть управляемым, если не хочешь подчиняться, ни воевать, ко-

²⁴ Zeller Ed. Die Philosophie der Griechen. 4 Aufl. Bd. II. Leipzig, 1877; Gomperz T. Griechische Denker. Bd. II. Leipzig, 1902 [есть рус. пер.: Гомперц Т. Греческие мыслители / Пер. со 2-го нем. изд. Е. Герцык, Д. Жуковского. Т. I—II. СПб., 1912-1913; переизд.: СПб., 1999. — Примеч. научн. ред.]; Виндельбанд В. Платон / Пер. с нем. А. Громбаха. СПб., 1900; Трубецкой Е. Н. Социальная утопия Платона // Вопросы философии и психологии. Кн. I—II. 1908; ср.: Трубецкой Е. Н. Политические идеалы Платона и Аристотеля в их всемирно-историческом значении // Вопросы философии и психологии. Кн. IV. 1890. Рус. пер. Платонова «Государства» — В. Н. Карпова.

²⁵ Соловьев В. С. Жизненная драма Платона // Вестник Европы. 1898, март—апрель.

гда другие воюют, ни заключать мир, когда другие заключают. Если закон устраняет тебя от участия в суде и в управлении, ты все-таки можешь, когда тебе угодно, судить и управлять. В демократии люди, приговоренные к смерти или к изгнанию, тем не менее остаются и ходят открыто, выступают героями, и никто не заботится об этом. Тут все можно попирать ногами, лишь бы ладить с народом. Это — образ правления приятный, анархический и пестрый, предоставляющий равенство равным и неравным. Наглость, своеволие, распутство и бесчинство тут увенчано, восхваляется и называется прекраснейшими именами: наглость — образованностью, своеволие — свободой, распутство — великолепием, бесстыдство — мужеством. Платон рисует демократический тип расточительного сына скупого отца — «олигарха»²⁶. Такой человек живет, поддаваясь постоянно какой-нибудь прихоти. То он пирует и приглашает флейтисток, то довольствуется одной водой и измощает себя, то увлекается гимнастикой, потом предается лени и ничем не интересуется; то как будто начинает заниматься философией, а чаще вдается в политику, всходит на трибуну, говорит и делает, что на ум взбредет... Нет в его жизни ни порядка, ни закона. «Это — пестрый человек».

Демократия вырождается в тиранию. Благom для нее является свобода, и ее губит ненасытная жажда свободы, подобно тому, как олигархию губит ненасытная жажда богатства. Демократическое государство, горя жаждой свободы, попадает в руки дурных виночерпиев; оно упивается несмешанной свободой и восстает против властей, обвиняя их, как преступников и олигархов, а тех, кто повинуется властям, презирает, как рабов и людей ничего не стоящих, тех же, кто равняет правителей с управляемыми и управляемых с правителями, оно прославляет и удостоивает почестей. В демократии свобода проникает и в частную жизнь. Отец тут равняется с сыном и боится его, а сын равняется с отцом, не стыдится и не боится родителей, чтобы быть свободным. Метек — все равно, что гражданин, а гражданин — все равно, что метек. Учитель боится учеников и льстит им, а ученики презирают учителей и «педагогов». Молодые состязаются со стариками, а ста-

²⁶ Вспомним, что по терминологии Платона олигархия — господство богатых.

рики снисходят, особенно вежливы и ласковы к ним, чтобы не показаться людьми суровыми и деспотичными. Между мужчинами и женщинами здесь господствует равенство. Анархия идет и далее: даже животные в таком городе чувствуют себя гораздо свободнее, и собаки там бывают таковы, каковы их господа, а ослы и лошади привыкают ходить свободно и важно, сталкивая тех, кто не посторонится. Как нежны здесь граждане! Малейший намек на рабство их раздражает, и они не могут этого терпеть. Они не обращают внимания на законы писанные и неписанные, чтобы никто и никак не был их господином. Но одна крайность вызывает другую, противоположную. Так бывает в природе, так и в государственном строе. Излишняя свобода приводит ни к чему иному, как к рабству, частное лицо и город. Из демократии, таким образом, возникает тирания, из крайней свободы — величайшее и жесточайшее рабство. Болезнь, зародившаяся в олигархии (плутократии), поработит государство и при демократии; это — род праздных и расточительных людей, трутней, из которых одни с жалом, а другие без жала. Они, появляясь в государстве, приводят его в волнение, как жар и желчь тело. В демократии есть три разряда людей. Один, который зарождается благодаря своеволию; в олигархии он не в чести, в демократии же стоит во главе: к нему принадлежат демагоги; кто из них повострее, тот говорит и действует, а прочие, сидя вокруг кафедры, шумят и не терпят, чтобы говорилось иное, так что всем заправляют демагоги. Другой разряд — люди богатые, собиратели меда, лучшая пища для трутней. А третий разряд — демос, частью, живущий собственным трудом, частью безработный, мало приобретающий, но сильный своей численностью. Стоящие во главе его отымают состояние у имущих и разделяют это состояние между народом, большую часть оставляя себе. Ограбленные вынуждены защищать себя; тогда их обвиняют в том, что они олигархи и злоумышляют против демоса. Те, видя это, волей-неволей становятся действительно сторонниками олигархии. Являются доносы, разбирательства, взаимная борьба. Какой-либо вождь становится во главе демоса, который его питает и выращивает. Так рождается тирания... Она вырастает из предстательства. Платон ярко изображает, как тирану сама необходимость и судьба предписывает либо самому погибнуть от врагов, либо тиранствовать и из человека стать волком. Предста-

тель демоса и будущий тиран не останавливается ни перед чем; он изгоняет и казнит своих сограждан, оскверняя свои уста и нечестивый язык их кровью, обещает народу прощение долгов и раздел земель.

Так демос, по выражению Платона, убегая от дыма рабства, попадает в огонь деспотии и вместо излишней и неуместной свободы облекается в тягчайшее и горькое рабство...

Платон был принципиальным противником демократии. В «Горгии» им проводится мысль, что дело хорошего гражданина совершенствовать нравственно сограждан, и, исходя из этой точки зрения, он осуждает, например, Перикла, который, по его словам, испортил афинян, сделав их празднوليбыми, трусливыми, болтливыми и жадными до жалованья, впервые введенного им. Но Платон последователен: он слагает вину за разложение общества не на одного Перикла: наравне с последним виновниками являются и Кимон, и Фемистокл, и даже Мильтиад; Платон прямо говорит, что в Афинах не было ни одного поистине хорошего государственного деятеля. Он — не только против демократии IV в., ему современной; он — против всего того направления, которое приняла история Афин, против всего ее предыдущего хода, всего исторически сложившегося афинского строя.

В «Политии» Платон сравнивает современное ему государство с кораблем, на котором пассажиры спорят за власть, каждый знающий и незнающий считает себя призванным управлять кораблем, каждый хватается за руль, а знающего и способного кормчего выбрасывают за борт. Платон осуждает, когда каждый берется не за свое дело, когда люди, призванные к ремеслу и не смыслящие в управлении, хватаются за власть. Уже Сократ удивлялся, что в Афинах должностных лиц избирают по жребию и, казалось, не требуют подготовки и знаний лишь от тех, кто занимался государственными делами; саму добродетель он отождествлял со знанием. Платон пошел гораздо дальше: пока не будут или философы править, или нынешние правители не станут философами, говорит он, пока государственная власть и философия не совпадут в одном лице, до тех пор не будет спасения от зла и совершенное государство не увидит света. В идеальном государстве Платона правят философы, оберегают это государство стражи, воины, а остальное население — ремесленники, земледельцы — содер-

жат эти два высших класса. Правители и стражи не имеют собственности; у них все общее, даже жены и дети. Только с таким идеальным государством, по Платону, и можно иметь дело; в другом лучше уклоняться от дел. Но описываемого им идеального государства, по сознанию самого Платона, на земле нет; его образ находится, быть может, на небе; оно может существовать у богов и сынов божьих. Впоследствии в своих «Законах», произведении старости, Платон начертил проект государства, осуществимого, по его мнению, и на земле. Уже не идеал справедливости имелся тут в виду: довольно, если люди сумеют жить в мире и не растерзают друг друга²⁷. Это — государство компромисса, во многом являющееся копией спартанского и критского, государство на религиозно-полицейских основах, где все до мельчайших подробностей регламентировано, недвижимое и косное, грозящее смертной казнью за критику принятых установлений. Для такого государства необходим был, в сущности, тиран...

Аристотель²⁸ в своей «Политике»²⁹ подвергает критике Платонову идеальное государство с его общностью жен и имущества и не считает Спарту или Крит образцом, достойным подражания. По его воззрению, есть три «правильные» формы правления — монархия, аристократия, т. е. господство «лучших», и так называемая «полития» — и три соответствующие им неправильные, «извращенные» — тирания, олигархия и демократия. Правильные формы те, где имеется в виду общая польза, неправильные — те, которые имеют в виду пользу правителей; они являются извращением первых. Принцип аристократии — доблесть, олигархии — богатство, демократии — свобода. В аристократии господствуют «лучшие», в олигархии — богатые, в демократии — бедные. Самой лучшей формой в теории Аристотель признает монархию, но лишь как исключение, с большими оговорками, — в тех случаях, когда один неизмеримо превосходит остальных, чего,

²⁷ Трубецкой Е. Н. Социальная утопия Платона // Вопросы философии и психологии. Кн. II. С. 73.

²⁸ Кроме общих трудов по истории греческой философии Эд. Целлера, Т. Гомперца и В. Виндельбанда, см.: *Oncken W. Die Staatslehre des Aristoteles. Bd. I—II. Leipzig, 1870–1875.*

²⁹ Есть рус. пер. Н. Е. Скворцова.

говорит он, теперь в действительности не встречается; он отдает, в сущности, предпочтение аристократии. Очерк государства, которое было бы идеалом, в тексте «Политики» не закончен: текст в этом месте прерывается, и сам очерк является лишь обрывком. Не безусловно лучшей формой, но такой, которая наиболее соответствует действительности и оказывается хорошей при данных условиях, если не применять особенно высокой мерки, Аристотель считает политик³⁰, представляющую смешение олигархических и демократических элементов, с преобладанием последних; полития ближе к демократии, чем к олигархии. Вообще Аристотель стоял за смешение начал в государственном устройстве, находя такие формы наиболее прочными. Наихудшей из извращенных форм он считает тиранию. Демократии же и олигархии, по его мнению, могут быть сносными, если они лишь несколько уклоняются от лучшей формы, но если основной элемент их политического устройства развить еще более и уклонение довести до крайности, то строй сделается хуже и даже не будет вовсе никакого государственного порядка. У демократии две главные отличительные черты — власть большинства и свобода; подобно Платону, Аристотель говорит, что тут каждый живет, как хочет. Мы уже видели, как характеризует Аристотель различные виды демократии, как изображает он крайнюю демократию, где царит масса с ее демагогами, где имеют силу не законы, а псефизмы, где народ является многоголовым тираном, причем псефизмы тут — то же, что приказы, а демагог — то же, что льстец при тиране; тут демос — господин над всем, а над его решениями господа — демагоги. Если масса принимает *непосредственное* участие в управлении, то является этот крайний вид демократии, т. е. деспотической. Разные виды демократии, как и вообще формы правления, зависят от преобладания того или другого элемента населения. Лучшей демократией Аристотель считает ту, где демос земледельческий: такой демос не имеет времени часто сходиться в народное собрание. «Корабельной черни» Аристотель не симпатизирует. Три класса населения отмечает он: очень состоятельные, очень бед-

30 Таким образом, это слово у Аристотеля имеет два значения: 1) вообще государственный строй и 2) государственный строй, лучший при данных условиях.

ные и средние. Его симпатии на стороне среднего класса. Это — лучшая основа государства и опора государственного порядка; тот строй хорош и прочен, в котором средний класс многочислен. По Аристотелю, гражданин в настоящем смысле слова тот, кто участвует в управлении и в суде. Он против предоставления гражданских прав и участия в управлении ремесленникам; наилучшее государство, говорит он, не сделает ремесленника гражданином; чтобы участвовать в управлении и развивать в себе гражданскую доблесть, надо иметь досуг, а кто живет жизнью ремесленника или поденщика, такого досуга не имеет.

Уже Аристотель признавал всю важность экономических отношений. Он называл человека не только «политическим животным», но и «экономическим» [в «Эвдемовой Этике»³¹]. Из-за имущественного неравенства, говорится у него, происходит большинство восстаний. Бедность порождает мятежи и преступления. Главная задача государственной мудрости — удовлетворительно распределить имущественные блага. Для прочности государственного строя важно обеспечить материальное благосостояние. В демократии нужно, чтобы демос не был беден. Говоря о том, какими мерами можно разумно обеспечить прочность демократии, Аристотель восстает против действий и приемов современных ему демагогов, не только афинских. Нынешние демагоги, угождая народу, замечает он (1320 а), производят большие конфискации посредством дикастериев; но кто заботится о сохранении государственного строя, тот должен противодействовать этому и постановить законом, что имущество осужденных и платящих штрафы не достается народу, а должно употребляться на религиозные цели. Удерживать от преступлений это будет не меньше (ибо все равно виновные подвергнутся наказанию), но толпа меньше будет обвинять судимых, не надеясь что-нибудь получить. Нужно свести государственные процессы до возможно меньшего количества, наложив тяжелые наказания на подымающих несправедливые обвинения, так как к суду привлекают обыкновенно не людей из народа, а знатных. Надо расположить в пользу государственного строя всех граждан или, по крайней мере, не считать врагами тех, кто имеет силу. Так как

³¹ Если она и не принадлежит самому Аристотелю, то все-таки в основе ее лежит его учение.

крайние демократии многолюдны, и без платы трудно устраивать народные собрания, а знатные, где нет государственных доходов, относятся к этому враждебно, ибо в таком случае средства для уплаты получаются путем эйсфоры, конфискаций и несправедливых приговоров, что погубило уже многие демократии, — то надо народные собрания созывать не часто и суды, хотя и из многих лиц, должны действовать в течение лишь немногих дней. А где есть доходы, там не следует поступать так, как поступают нынешние демагоги, которые делят излишки между народом, ибо это все равно, что лить воду в дырявую бочку: народ, получив подачку, снова в ней нуждается. Но истинно расположенные к демократии должны заботиться, чтобы масса не была слишком бедной, так как это — причина гибели демократии. Надо придумать средства, чтобы благосостояние было постоянным, «хроническим». Это — в интересах самих состоятельных. И Аристотель предлагает, например, излишки государственных доходов собирать и из них раздавать деньги неимущим на покупку участков земли или для занятия земледелием, открытия лавки и т. п., если нельзя всем, то по частям, по очереди...

Говоря о переворотах, происходящих в демократиях, Аристотель снова возвращается к действиям демагогов, конфискациям, процессам и несправедливым обвинительным приговорам. Демократии, замечает он, подвергаются переворотам больше всего вследствие наглости демагогов, которые то сикофантствуют частным образом против имеющих состояние и тем заставляют их сплотиться, то натравливают на них народную массу. Чтобы пользоваться народным расположением, они причиняют обиды знатным, производят раздел их имений, истощают их доходы литургиями, клеветают, дабы конфисковать их имущество, и тем побуждают их восставать (1304 б—1305 а). В демократиях, особенно в таких, в которых народная масса является господином и над законом, демагоги, ведя борьбу с состоятельными, разделяют город надвое. Между тем надо соблюдать меру, в демократии щадить богатых и заботиться о благосостоянии массы: многие из учреждений, кажущиеся чисто демократическими, разрушают демократию...

Вообще Аристотель умерен. В сущности, он не придает решающего значения *форме* правления: то правление хорошо в его глазах, которое имеет в виду общее благо, а не только пользу прави-

телей. Аристотель допускает, что если правит большинство, но согласно общей пользе, то это будет полития «правильная», и иногда высказывает благоприятное мнение о демосе. В «Афинской политике» Аристотель отмечает даже «обычную кротость демоса» (говоря о событиях начала еще V в.), благородное поведение демократов по низложению Тридцати и свидетельствует, что сам демос наказывал тех своих вожаков, которые наталкивали его на дурные дела. Олигархию (в «Политике») Аристотель считает извращенной формой и даже худшей, нежели крайняя демократия. Он признает, что в больших городах его времени трудно быть иной форме правления, кроме демократии; что бедные, если даже и не имеют участия в почетных правах, склонны вести себя спокойно, лишь бы с ними не поступали насильственно и ничего не отымали у них; что демократия прочнее и менее подвержена смутам, нежели олигархия, и что государственный строй больше губят жадность и властолюбие богатых, нежели демоса. Он подробно описывает те уловки и хитрости, посредством которых олигархи умеют обойти народ.

Аристотель — сторонник середины. Чрезмерное богатство и чрезмерная бедность, по его мнению, вредны: первое ведет к деспотическому господству, вторая — к рабскому подчинению. Лучшие законодатели — из среднего класса. Симпатии Аристотеля на стороне Солона, которого он причисляет к этим лучшим законодателям и который, по его словам, дал афинянам строй, представлявший середину между олигархией и демократией. Кратко, сдержанно и холодно говорит он в «Афинской политике» о Перикле, к которому, очевидно, не благоволил, и лучшими государственными деятелями «после древних» называет Никию, Фукидида Алопекского и Ферамена, которому ставит в заслугу борьбу с противозакониями и то, что он мог заниматься политической деятельностью при всяких формах государственного устройства, «как это и подобает хорошему гражданину»; а к Клеону и подобным ему демагогам Аристотель обнаруживает явную антипатию. Лучшим из бывших в Афинах правлений он считает ту умеренную демократию Пяти тысяч, которая так недолго существовала после падения олигархии Четырехсот в 411 г.

Замечательно, что и Платон, и даже Аристотель, бывший современником Филиппа и Александра, имеют в виду только греческий полис, город-государство, — тип, тогда уже отживавший

свой век, уже обреченный на гибель: когда Аристотель кончал свою «Политику» в 30-х гг. IV в., наступала эпоха Александра Великого и его преемников, эпоха эллинизма, с новым типом более или менее обширных государств-монархий.

Демагоги вызывают неудовольствие не одних философов. Удивляюсь, пишет, например, Исократ, обращаясь к афинянам, как вы не видите, что нет рода более злонамеренного в отношении к массе, чем дурные ораторы и демагоги. Ибо, кроме иных зол, они желают, чтобы вы терпели недостаток даже в самом необходимом для дневного пропитания, так как они видят, что кто может содержать себя на свои средства, те преданы интересам государства и держатся наилучших советников, а кто живет платой за посещение судов, народных собраний и тому подобными доходами, те вследствие нужды зависят от них, демагогов, и очень благодарны за возбуждаемые ими обвинения в государственных преступлениях, жалобы и прочее сикофанство. Демагоги с величайшим удовольствием готовы видеть всех граждан в нужде, благодаря которой они царят. Они думают не о том, чтобы нуждающимся доставить средства к жизни, а о том, чтобы тех, кто, по-видимому, имеет какое-либо состояние, уравнивать с нуждающимися (De расе, 129)... Наши предки избирали одних и тех же лиц и в главы государства, и в стратеги, а мы делаем противоположное: тех, кем мы пользуемся в качестве советников в важнейших делах, мы не считаем достойными быть выбранными в стратеги, как людей, не имеющих ума, а тех, с кем никто не стал бы советоваться ни о частных, ни об общественных делах, мы посылаем в качестве облеченных полномочиями, как будто они там, за пределами Аттики, будут мудрее (De расе, 55). Кто желает мира, тех афиняне не любят и подозревают в склонности к олигархии, а тех, кто побуждает к войне, и сикофантов принимают за друзей народа. Об одном и том же в один и тот же день мы бываем разного мнения и то, что осуждаем прежде чем вступить в собрание, собравшись голосуем, а немного спустя, когда разойдемся, снова порицаем (De расе, 52). Исократ мечтает о возмездии Солона и Клизфена. Государство, говорит он в «Ареопагитике», находится в расстройстве. Ему грозит опасность. Хорошо-управления мы не имеем и не ищем; распушенность принимаем за народоправство, противозаконие — за свободу, развязность —

за равенство. Нынешним государственным строем все недовольны. Единственное средство предотвратить опасность и устранить зло это — восстановить строй Солона и Клизфена. Исократ огоривается: он не противник демократии; олигархию и привилегии немногих отдельных лиц он порицает, равенство же и демократию хвалит, но не всякую, а благоустроенную...

Так в IV в. ясно обнаружился разрыв между тогдашней демократией и умственной аристократией. Платон если и пытался провести в жизнь свои идеалы, то не в демократических Афинах, а в Сицилии; свои надежды он возлагал на тирана Дионисия и своего друга Диона. Известно, какое горькое разочарование он испытал при этом. На общественную деятельность в Афинах Платон смотрел с презрением. В «Феэтете» он сравнивает «теоретическую», созерцательную жизнь философа с жизнью людей практических и политиков. Философ свысока взирал на все тревобления последних. Он присутствует в государстве лишь телом; он не знает дороги в суд или в народное собрание; золото, знатность, влияние, могущество, все, чем увлекаются такие люди, для него ничто. И в действительности мы видим, как многие уединяются в частную жизнь.

Другой ученик Сократа, афинянин Ксенофонт, проводит большую часть своей жизни вне Аттики. Он находится даже в неприятельском стане, при Агесилае, когда происходит битва при Коронее. Разрыв с родиной был полный, и Ксенофонт поселяется в Пелопоннесе, близ Олимпии, в подаренном ему спартамцами поместье. Впоследствии постановление об его изгнании афиняне отменили, но Ксенофонт, если и бывал в Афинах, то не подолгу и умер в Коринфе. Агесилай был для него олицетворением доблести, излюбленным героем, а Спарта — идеалом государства.

В то время многие, разочаровавшись в демократии, в поисках идеала обращают свой взор на Спарту. В спартамцах и в их строе усматривают образец, достойный подражания. Там видят господство доблести, добрых нравов, дисциплины, всего того, чего, казалось, так недоставало тогдашним Афинам; видят идеал государственного порядка, прочного и неизменного, не испытывающего колебаний и потрясений, внутренней борьбы и смут, свободного от демагогов, и не замечают тех язв, от которых страдала Спарта, того, что скрывалось под покровом этой незыблемости и по-

стоянства. Платон идеализирует Спарту, берет ее и Крит за образец для государства в своих «Законах». Антисфен, основатель школы киников, говорит, что Спартакское государство стоит выше всех остальных и относится к Афинам, как собрание мужчин к обществу женщин; он называл спартамцев педагогами Эллады, а прочие греческие государства — детьми, восстающими против наставника.

Среди ожесточенной борьбы партий и классов, сталкивающихся интересов в греческом обществе ощущалась потребность во власти, которая служила бы защитой, как против капиталистов, так и против черни. Греческое государство IV в. было бессильно бороться с язвами и недугами того времени. Государственная власть сама была представительницей классовых интересов (Р. фон Пельман). Являлась потребность в посреднике, и в обществе начинают распространяться идеи монархизма³². Аристотель говорит, что царь должен быть стражем, с одной стороны, оберегая тех, кто имеет состояние, а с другой — народ, чтобы и тот не подвергался обидам (1310 б—1311 а). Росту монархических тенденций способствовало и развитие индивидуализма³³, преклонение перед сильной личностью, проповедование права сильного, о котором говорит, например, Калликл в Платоновом «Горгии». Многие спасения ждут от отдельной сильной личности. На Кипре и в Малой Азии появляются владетели, династы, пользующиеся авторитетом и славой, подобные Эвагору и Мавсолу; это — типы, являющиеся, как было уже упомянуто, предшественниками последующих властителей эпохи эллинизма. Личность персидского принца, Кира Младшего, производит обаятельное впечатление на некоторых греков, например на Ксенофонта. Знаменательно, что Платон думал осуществить свои идеи при помощи сиракузского *тирана*, сначала Дионисия Старшего, потом его преемника, Дионисия Младшего; три раза предпринимает он путешествие в Сицилию, ко двору тирана, пока действительность не разбила всех его надежд на этот счет, а сам он едва не лишился свободы и жизни.

³² Karst J. Studien zur Entwicklung und theoretischen Begründung der Monarchie im Altertum. München; Leipzig, 1898.

³³ Ibid. S. 17 f.

Монархические идеи нашли себе выражение и в тогдашней литературе. Аристотель, хотя и с большими оговорками, готов был признать монархию самой лучшей формой правления. Он определяет царя как живой закон, как его воплощение. Если, говорит он, один человек решительно выдается над остальными, то он является естественным, прирожденным царем, и он должен царить. Но, оговаривается Аристотель, это возможно только в ранний период человечества; трудно допустить, чтобы позднее один так возвышался над общим уровнем; человечество слишком двинулось вперед, чтобы один мог казаться как бы богом среди других. Поэтому следует предпочесть правление лучших. У народа свободного, где каждый равен другому, монархия, по мнению Аристотеля, невозможна. Он делает исключение лишь для народа, стоящего низко и не способного к самоуправлению; такой народ может нуждаться в господине.

Исократ со своими посланиями и речами нередко обращался к царственным лицам. Мы видели, что он заявлял о своей приверженности демократии, не той, впрочем, которая существовала тогда, а той, которая была в «доброе, старое время», при Солоне и Клисфене. В «Филиппе» он замечает, что монархия не свойственна грекам, что они не привыкли к ней. Но это не помешало ему написать панегирик умершему Эвагору, своего рода некролог, в котором он не только прославляет этого династа, начиная с его происхождения и кончая его личностью и деяниями, но и говорит, например, что царская власть самое великое, самое блестящее и самое желанное из всех благ божеских и человеческих. «И какой поэт или оратор может достойным образом восхвалить того, кто приобрел это прекраснейшее из того, что есть на свете?»... Если прежние герои стали бессмертными благодаря доблести, то удостоится такого дара и Эвагор, «достоинейший удивления и блаженнейший». В речи или послании к его преемнику Никоклу Исократ рассматривает, каковы обязанности царя, и дает ряд наставлений, как нужно царствовать, а в другом своем произведении он влагает в уста самому Никоклу речь, в которой заявляет, что нужно ценить существующий на Кипре строй, так как это самая лучшая из государственных форм, и излагает преимущества монархии в сравнении с олигархией и демократией.

Еще резче монархические тенденции выступают у Ксенофонта. У него Гиерон в диалоге того же имени говорит о преимуществе положения частного лица сравнительно с положением тирана; но его собеседник Симонид возражает ему, доказывая, что темные стороны, которые отмечает Гиерон, не связаны неразрывно с призванием властителя, который может быть благодетелем народа, пользоваться его любовью, доверием и быть счастливым. В «Киропедии», в этом тенденциозном историко-политическом романе, Ксенофонт желает представить образ доброго и счастливого царя, идеал монарха, причем тут сказывается не только монархическая тенденция, но и некоторое увлечение Востоком, восточными обычаями и нравами. Характерно уже то, что *грек* Ксенофонт берет личность царя *персидского* как воплощение идеала. Не менее характерны и многие подробности и отдельные замечания. Обращает на себя внимание уже начало «Киропедии» — сопоставление людей и стада животных. Ксенофонту пришла в голову мысль о том, что многие демократии ниспровергнуты теми, кто предпочитал иную форму правления; многие монархии и олигархии разрушены народом; да и в домашней жизни многие господа не в состоянии держать у себя в повиновении даже немногочисленных слуг. С другой стороны, он наблюдал, как стада повинуются своим пастухам, являющимся полными господами животных, которых они стерегут. Ксенофонт готов был признать, что человеку легче властвовать над животными, чем над людьми. Но тут он вспомнил о персидском царе Кире и изменил свое мнение: оказывается, что управлять людьми не так уж невозможно и не трудно, если делать это умеючи. Кир для Ксенофонта — «муж достойный удивления». Между прочим автор «Киропедии» подробно описывает (VIII кн.), какой порядок ввел Кир и какими средствами сумел расположить к себе вельмож и вообще подданных. Кир, говорит Ксенофонт, полагал, что хороший правитель — это «одаренный зрением закон». Недаром его называли «отцом». Например, слуг во время похода он приказывал водить на водопой, как выюнный скот, а во время их обеда ждал, пока они наедятся, чтобы не испытывали голода. От своего стола он посылал друзьям и слугам яства, желая оказать им внимание и думая, что этим внушит им, как собакам, привязанность к себе. Обязанности хорошего пастуха и хорошего царя сходны: пастух, чтобы пользоваться

своими стадами, должен сделать их счастливыми, насколько только овцы могут быть счастливы, и царь должен сделать счастливыми города и людей, если желает пользоваться ими.

Итак, царь — пастух, а подданные — стадо — таков идеал, до которого дошел афинянин Ксенофонт. «Плохо было жить в Греции, — замечает по поводу "Киропедии" один русский автор³⁴, — когда ученик Сократа в подобном устройстве способен был видеть идеал государства».

Греция в IV в. была богата силами и талантами на различных поприщах. Но политически она была раздроблена и слаба; внутри были разлад, борьба классов, и силы Греции пока не имели выхода, истрачивались во взаимной борьбе. Демократия страдала внутренними противоречиями и носила в самой себе зачатки разложения и упадка. В глазах многих подымался страшный призрак всеобщего переворота и анархии. Спасения ждали от диктатуры. Одни — в Сицилии — нашли ее в тирании, другие — в собственной Элладе — в господстве Македонии. Этому господству проложили, таким образом, путь внутреннее разложение в Греции, раздоры, опасения состоятельных классов.

Афины и Филипп Македонский

Вопрос о происхождении македонян — давний и все еще невыясненный. Одни считают их народом, чуждым грекам, другие — греческим племенем, третьи — народом, родственным эллинам, и последнее мнение, по-видимому, ближе к истине. Сообразно с этим одни говорят, что македоняне уничтожили греческую свободу, другие — что они объединили греков³⁵. Сами македонские

³⁴ Бабст И. Государственные мужи древней Греции...

³⁵ Droysen J. C. Geschichte des Hellenismus. 2 Aufl. Bd. I—III. Gotha, 1877—1878 [есть рус. пер.: Дройзен И. Г. История эллинизма / Пер. с франц. изд. М. Шелгунова. Т. I—III. М., 1890-1893; переизд.: СПб., 1998—1999. — Примеч. науч. ред.]; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. I—III. Gotha, 1893—1903; Karst J. Geschichte des Hellenistischen Zeitalters. Bd. I. Leipzig; Berlin, 1901; Schäfer A. Demosthenes und seine Zeit. 2 Aufl. Bd. I—III. Leipzig, 1885-1887; Holm A. Griechische Geschichte. Bd. III. Berlin, 1891;

цари выводили свой род из Аргоса, от Теменидов, потомков Геракла. В культурном отношении македоняне, во всяком случае, стояли ниже греков и их быт, их политический строй в IV в. значительно отличался от греческого. Городская жизнь в Македонии не была развита. Здесь был многочисленный крестьянский класс, и главное занятие жителей составляло земледелие и скотоводство. В Македонии существовала царская власть; но македонский царь не был восточным деспотом. Его окружало влиятельное дворянство и его можно сравнить с царем гомеровской эпохи или с королем древних германцев. Вообще некоторые черты быта Македонии напоминают гомеровский мир и быт древних германцев. Македоняне были народ храбрый, полный сил и энергии; но нравы их были суровы, даже дики, и во время смут и междоусобиц, довольно частых в Македонии, происходили кровавые сцены.

Мало-помалу в Македонию стала проникать греческая культура. Проводником ее были преимущественно греческие города, расположенные по македонскому и фракийскому побережью. Выдвигается Македония впервые во второй половине V в., особенно в эпоху Пелопоннесской войны, при царе Пердикке, который является как бы прототипом Филиппа: их сближает некоторое сходство в личном характере и в политике. Из преемников Пердикки выдается Архелай. Он перенес свою резиденцию из Эг (Эдессы) ближе к морю, в Пеллу. Это был варвар по жестокости и неразборчивости в средствах и в то же время поклонник греческой культуры, друг поэтов, художников и философов. Он, подобно прежним тиранам Греции, призывал их к своему двору, при котором, например, Еврипид и умер. Таким образом, на Архелае уже отчасти сказывалось обаятельное действие греческой культуры, и греческое влияние с этих пор сильнее проникает в Македонию.

После Архелая наступает период смут. В македонские дела вмешиваются Пелопид и Ификрат. Греки, можно сказать, были распорядителями македонского престола; к ним за помощью обращались соперники и претенденты. Конец смутам положил младший из сыновей Аминты — Филипп II (359—336 гг.).

Beloch K. J. 1) Die attische Politik seit Perikles; 2) Griechische Geschichte. 1 Aufl. Bd. II—III. Strassburg, 1897—1904 [есть рус. пер. двух первых томов, см. выше. — Примеч. науч. ред.].

Филипп в юности прошел суровую школу несчастий. Одно время, как известно, он находился в Фивах, в качестве заложника, и тут имел полную возможность ознакомиться с сильными и слабыми сторонами тогдашней Греции, с ее культурой, с ее усовершенствованным военным делом и вместе с тем с ее политической слабостью, партикуляризмом и т. п. Филипп не увлекался такими широкими и, казалось, фантастическими планами, как его знаменитый сын Александр; его ум был более трезв и горизонт уже. Но он обладал большой проницательностью, смелостью и энергией, необыкновенной настойчивостью в достижении цели. Современник, историк Феопомп, отзываясь о Филиппе, что никогда еще Европа не производила такого замечательного человека. Вступив на престол, Филипп быстро справился с окружавшими его немалыми затруднениями и опасностями — победил претендентов и соседних внешних врагов — фракийцев, иллирийцев — и принял за организацию военной силы, за преобразование македонского войска. Он усовершенствовал знаменитую *фалангу*, тяжелый пехотный строй, наряду с которым в македонском войске были и отличная конница, и легкие отряды, особенно из подвластных иллирийских и фракийских племен.

Жизненным вопросом для Македонии было получить выход к морю, добиться обладания береговой полосой, которая усеяна была греческими колониями. К этой цели давно уже стремились македонские цари. Эту цель поставил себе и Филипп и с удивительной настойчивостью и ловкостью достиг ее. При этом ему нужно было считаться с афинянами, которые заинтересованы были в судьбе греческих городов во Фракии и Македонии и могли оказать им помощь.

Филипп начал с Амфиполя, основанного афинянами в век Перикла и потом утраченного ими во время Пелопоннесской войны. С тех пор им никак не удавалось возвратить себе этот город, не желавший подчиниться им. И вот Филипп входит в соглашение с афинянами: он обещает завоевать Амфиполь *для них*, а те в вознаграждение за это обещают предоставить ему Пидну. Но, овладев Амфиполем (357 г.), Филипп удерживает его за собой, а затем берет и Пидну. Тогда раздраженные афиняне вступают в войну с Филиппом (357—346 гг.).

Но едва только началась эта война, как от афинян отложились их недовольные союзники. Началась одновременно Союз-

ническая война. Понятно, что, ведя войну с союзниками и при том направлении, которое господствовало в Афинах при Эвбуле, афиняне не могли успешно бороться с Филиппом. Сосредоточение сил и политики в одних руках и военная организация давали перевес Филиппу. Сам его противник, Демосфен, отмечает противоположность между ним и афинянами. С одной стороны, македонский царь, как единый властитель, ни перед кем не ответственный, в одно и то же время сам полководец и министр финансов, всюду поспевающий, всюду являющийся с войском, пользующийся каждым временем года, всяким удобным моментом; с другой — афинский демос, «непостоянный, туда и сюда обращающийся, словно ветер на море»; он медлит, делает постановления, узнает только тогда, когда противник уже находится на важном месте, решает выступить против него, никогда его не предупреждает и постоянно бывает захватываем врасплох³⁶.

Филипп всячески пользовался обстоятельствами. Он предлагает свою дружбу Олифу, берет Потидею и отдает ее ему, в надежде, быть может, потом овладеть ими обеими; он приобретает богатую лесом и металлом местность у Пангея, в глубине Фракии, и основывает там город Филиппы. Отсюда он получает большой доход и материал для постройки флота, который он стал заводить. Он берет Мефону на македонском побережье и т. д.

Тем временем Филиппу открылась возможность вмешаться в дела самой Греции. Там вспыхнула *Священная война*, которую по побуждению фиванцев амфикионы объявили фокидянам, не желавшим уплатить наложенный на них штраф, и под предводительством Филомела, набравшего наемников, овладевшим Дельфами. Распря и борьба разрослась и охватила почти всю Грецию. Афины приняли сторону фокидян. Союзники Фив, фессалийские Алевады, призвали к себе на помощь Филиппа против ферских тиранов. Премник погибшего Филомела, Ономарх, сначала имел было успех в войне с Филиппом, но потом Филипп нанес ему решительное поражение в Фессалии. Македонскому царю открывался путь в среднюю Грецию, и он попытался овладеть Фермопилами. Но тут предупредили его афиняне, поспешившие двинуть к проходу свое войско и флот и тем заставившие Филиппа отступить.

³⁶ Karst J. Geschichte des Hellenistischen Zeitalters. Bd. 1. S. 168-169.

Тогда Филипп снова обращается во Фракию. Его внимание сосредотачивается теперь, главным образом, на покорении Олинфа и Халкидики. Отношения его с Олинфом не были уже так дружелюбны, как прежде: Олинф даже заключил договор с Афинами. Наконец, в 349 г. дело дошло до открытой войны, и олинфяне обратились за помощью в Афины. Тогда выступает на первый план главный противник Филиппа — Демосфен, и начинается борьба оратора с царем. Демосфен, в молодости вынужденный начать процесс против своих опекунов и взяться за профессию адвоката, много работавший над собой, приобрел славу великого оратора и от судебного красноречия перешел к политическому. В своих знаменитых «Филиппиках» и в Олинфийских речах он настаивает на необходимости послать войско во Фракию; он доказывает, что сами граждане должны участвовать в походах; он побуждает обратиться к другим грекам, чтобы привлечь их к общей борьбе против Филиппа; старается раскрыть перед афинянами затаенные цели и планы Филиппа, выяснить основы его могущества, условия его успеха; в своих речах он является великим оратором-патриотом, стремящимся пробудить в своих соотечественниках энергию и побудить их к принятию своевременных мер к защите свободы и независимости, которым, по его мнению, угрожала опасность со стороны Филиппа. Для Демосфена борьба с Филиппом была борьбой принципиальной, борьбой за само существование Афин и Греции. Благодаря главным образом его настояниям, афиняне оказали помощь Олинфу. Но помощь все же была недостаточна. К тому же афиняне вели одновременно войну и на Эвбее, в общем для них неудачную. Филипп покорил города Халкидики один за другим, частью силой, частью подкупом, и при помощи измены овладел самим Олинфом (348 г.), который был разрушен, а жители его проданы в рабство. Цель Филиппа была достигнута: побережье Эгейского моря все было теперь в его руках.

В Афинах падение Олинфа произвело сильное впечатление. Тем не менее, как ни велико было возбуждение против Филиппа, дальнейшая война казалась и тягостной и бесполезной: она истощала лишь силы; ни афиняне, ни Филипп не могли нанести друг другу решительный удар. Со своей стороны македонский царь склонялся к миру. Сам Демосфен не противился теперь; он, вме-

сте с Филократом и своим противником Эсхином, отправлен был послом в Македонию, к Филиппу, и переговоры привели к соглашению. По так называемому *Филократову миру* (346 г.) между обеими сторонами устанавливались дружба и союз; за каждой оставалось то, чем она владела при заключении мира; на море и на суше должны были быть обеспечены свободные, безопасные сношения и торговля, а против пиратства приняты меры. В мирный договор фокидяне не были включены. Они представляли в то время своего рода наемническое, полуразбойничье государство; война для них приняла неблагоприятный оборот. Вскоре после Филократова мира их вождь Фалек капитулировал. По постановлению совета амфикионов фокидяне должны были расселиться по деревням, а города их — преданы разрушению; на них была наложена ежегодная уплата известной суммы взамен разграбленных ими сокровищ дельфийского храма; но самое важное было то, что у них было отнято право голоса в амфикионии и передано Филиппу. Теперь македонский царь мог заседать в амфикионии, делаясь ее членом. Он, следовательно, приобретал формальное право на участие в греческих делах, получал возможность постоянно влиять на Элладу, и это влияние как бы узаконивалось. Отсюда до гегемонии над Грецией был один только шаг.

Филократов мир далеко не удовлетворил всех афинян и подал повод к ожесточенной борьбе партий и ряду процессов.

В то время в Афинах обнаруживается два противоположных течения: одно — против македонского царя, другое — за него. Главой и самым ярким, лучшим выразителем стремлений антимакедонской партии был Демосфен. В его глазах Филипп был заклятым и самым опасным врагом Эллады, ее свободы и независимости. Демосфен отстаивал тот идеал, который дорог был греку, в особенности афинянину. Для него борьба против Филиппа имела принципиальное значение, была борьбой не на живот, а на смерть, борьбой за свободную политику, против насилия и тирании. По Демосфену, правовым государством может быть только демократическое: только в демократии господствует закон. Монархия для него равнозначна тирании, и каждый монарх или тиран — враг свободы и противник законов. Впрочем, это не мешало Демосфену искать опоры у персидского царя. В афинской демократии Демосфен видит оплот свободы, независимости и

законности против Македонии. Филипп для него — олицетворение коварства, вероломства и насилия, и гражданин, попавший в зависимость от царя, подобного Филиппу, из свободного и самоуправляющегося, «автономного», становится рабом³⁷. Меры, предлагаемые Демосфеном для того, чтобы можно было с успехом вести борьбу с таким противником, как Филипп, сводились к поднятию энергии граждан, к участию их самих в военной службе, к более справедливому и целесообразному распределению между ними тягостей; к употреблению доходов государства не на теорикон, а, прежде всего, на военные цели и т. п. Но меры эти оказывались или не осуществленными, или недостаточными... Рядом с Демосфеном среди деятелей антимакедонской партии мы видим еще двух ораторов — даровитого Гиперида, любителя роскоши, чувственных удовольствий, поклонника Фрины, и сурового Ликурга, знатока финансов.

Но была партия, которая стояла на стороне македонского царя и не только по корыстным побуждениям, вследствие подкупа и т. п., как утверждали противники, но и по убеждению. К македонской партии принадлежал Филократ, по имени которого назван мир с Филиппом 346 г., и знаменитый соперник Демосфена Эсхин, сначала по профессии актер и писец или секретарь, потом оратор, один из лиц, близких к Эвбулу.

Идеологом этой партии был Исократ. Родился он за несколько лет до Пелопоннесской войны и умер почти столетним старцем, дожив до Херонейской битвы. По собственному его сознанию, природа не создала его способным править государством или быть оратором в настоящем смысле этого слова: она не дала ему ни достаточно сильного голоса, ни смелости, чтобы говорить перед народом и вступать в спор или состязание с людьми, теснящимися на трибуне; но она одарила его здравым смыслом, он приобрел хорошее образование и считал себя способным давать советы родному городу, т. е. Афинам, эллинам и выдающимся людям того времени. Исократ стал «публицистом». Еще в своем «Панегирике», около 380 г., он высказывает мысли о примирении греков,

объединении их и национальной войне против Персии. По его мнению, прочного мира не может быть между греками, если они не будут сообща воевать против Персии. Если бы кто-либо из иностранцев, говорит Исократ, пришел и узнал современное положение Греции, он счел бы нас (спартанцев и афинян) за больших глупцов, видя, что мы ссоримся из-за мелочей и губим нашу собственную страну, тогда как мы могли бы без всякой опасности завоевать Азию. Исократ ждал объединения Греции и национальной войны против Персии то от Ясона Ферского, то от Дионисия Сиракузского, то от спартанского царя Архидама. Ожидания не оправдались. Наконец Исократ свои надежды возложил на Филиппа Македонского. После Филократова мира он в послании к «Филиппу» с особенной ясностью изложил свою программу. Обращаясь к македонскому царю, Исократ говорит: «Я хочу посоветовать тебе стать во главе соединенных греков и идти против варваров». Надо завоевать если не все Персидское царство, то сколько можно, хотя бы Малую Азию от Киликии до Синопы. И это вовсе не так трудно. Дело человека, если он полон великих мыслей, любит греков и своим умом видит дальше других, воспользоваться массой людей, которые теперь скитаются вследствие нужды и опасны для общественного спокойствия, отвоевать земли и, основав в них города, поселить в них скитающихся и таким образом освободить от бедствий, от которых они страдают и которые другим причиняют. Города эти будут границей Греции и форпостом для всего населения. Само божество, по мнению Исократ, внушило ему эту мысль; он высказывает ее не ради личного интереса, но ради заботы о благе Греции. Филипп должен считать всю Грецию своей. Он должен быть благодетелем для эллинов, царем для македонян, повелителем для варваров. Вокруг него должны собраться уполномоченные всей Эллады для общего обсуждения панэллинских интересов... Таким образом, Исократ наметил программу, которая выполнена была отчасти Филиппом и в гораздо более грандиозных размерах Александром. О последнем говорили, что, прочитав Исократов «Панегирик», он решил идти на завоевание Персии.

Против борьбы с Филиппом был и лучший полководец Афин того времени, сорок пять раз избиравшийся в стратеги, — Фокион, прославленный своей честностью и бескорыстием, строгими

³⁷ Pöhlmann R. von. Grundriss der griechischen Geschichte. 3 Aufl. München, 1906. S. 222—223; Karst J. Geschichte des Hellenistischen Zeitalters. Bd. I. S. 162 f.

спартанскими нравами и образом жизни, близко стоявший к Платоновой Академии, в особенности к тогдашнему главе ее Ксенократу. Фокион знал слабость афинян и не верил в их победу над Филиппом. По его мнению, надо было или быть сильным, или дружить с сильными.

Наконец, на стороне македонского царя было большинство вообще состоятельных.

Вскоре после заключения Филократова мира Демосфен и некий Тимарх выступают обвинителями Эсхина по делу о посольстве к Филиппу. Тогда Эсхин в свою очередь нападает на Тимарха, который известен был своей крайней безнравственностью (в молодости торговал собой); Тимарх был осужден и лишен права гражданства. Обвинение против Эсхина пришлось на время отложить... Зато Гиперид выступает против Филократа, сторонника Македонии и виновника мира с Филиппом, и Филократ удаляется в изгнание. Наконец, Демосфен возобновляет обвинения против Эсхина по поводу поведения его при переговорах о мире, и Эсхин оправдан был лишь незначительным большинством голосов. И эти речи, несмотря на все их красноречие, производят, в сущности, тяжелое впечатление: в этих взаимных обвинениях, злобе, зависти и ненависти, инсинуациях и клевете трудно подчас разобраться. Нельзя, например, верить на слово Демосфену, когда он говорит об Эсхине, об его бесчестности и продажности. Между современниками Эсхина не все были такого мнения о нем, и на его стороне был не только Эвбул, но и известный своей честностью Фокион. Еще Полибий говорил, что как бы мы ни превозносили Демосфена, всякий в праве осудить его за то, что он «необдуманно и неосновательно» возводит позорнейшую вину на замечательнейших эллинов, выставляя их предателями (тут имеются в виду не Эсхин и вообще не афиняне, а другие греки): Демосфен все измеряет пользой родного города, полагая, что взоры всех эллинов должны быть обращены на афинян, и называя предателями всякого, кто этого не делает; по мнению Полибия, он судит неверно, уклоняется от истины, и сами события показали, что не Демосфен предугадал будущее, но те, кого он называл предателями (XVIII, 14).

И противоположность взглядов, страстность в оценке лиц и событий находит себе отзыв даже теперь, в современной науке: ко-

гда заходит речь о Демосфене, о Филиппе и Александре, ученые часто оставляют историческую точку зрения и теряют надлежащую объективность. Одни восхваляют Демосфена как государственного человека, деятельность которого по своей благотворности не имеет другого примера в истории, который внушил своим согражданам новый дух, как панэллинского деятеля, ставя его выше Перикла и борьбу с Филиппом сравнивая с борьбой против Ксеркса; в торжестве Македонии видят несчастье для Греции, а в Филиппе и даже Александре — извратителей чистых эллинских начал (Б. Г. Нибур, Дж. Грот). Другие, напротив, оправдывают Филиппа, идеализируют Александра, а Демосфена упрекают в политической близорукости за то, что он боролся за старину, за свободу своей родины и не видел, что борьба эта бесполезна: он должен был бы оставить свои патриотические стремления и преклониться перед могуществом Македонии, знать, что ей принадлежит будущее, а не бороться с ней (И.-Г. Дройзен); в Демосфене иногда видят просто «агитатора», пагубно влиявшего на соотечественников, наталкивавшего их на гибельную политику, возбуждавшего в них несбыточные надежды, сомнение и т. д. (А. Гольм, отчасти К. Ю. Белох). Но едва ли историк вправе становиться на такую точку зрения: упрекать Демосфена в близорукости за то, что он не преклонился перед Македонией, которой принадлежало будущее, значит, в сущности, требовать от исторического деятеля, чтобы он становился непременно на сторону силы и успеха, чтобы он был оппортунистом и плыл по течению. Демосфен боролся за то, что для афинского гражданина должно было быть дороже всего, — за свободу своей родины. Несмотря на все его слабости и недостатки, надо признать, что он исполнял свой долг, и не его вина, если успех не увенчал его дела, если будущее принадлежало не ему и не тому, что он отстаивал.

При тогдашнем положении дел мир не мог быть прочен. Взаимные неудовольствия росли. Действия афинян во Фракии, у принадлежавшего им Херсонеса Фракийского, где они нападали на города и местности, покровительствуемые или принадлежавшие Филиппу, давали последнему повод к жалобам и требованиям. Афиняне отвергли их. Демосфен в своей третьей «Филиппике» развивал свою воинственную программу, требуя обширных

приготовлений на суше и на море и союза с другими греками против Македонии как общего врага. А когда Филипп двинулся против Перинфа (на берегу Пропонитиды) и затем Византия, то последовал окончательный разрыв (340 г.). Афиняне заключили союз с некоторыми греческими государствами и вошли в сношения даже с Персией. Демосфен избран был «эпистатом морского дела» и преобразовал триерархические симмории, облегчив положение средних граждан и увеличив долю наиболее богатых при снаряжении кораблей. Он достиг, наконец, и того, что остатки доходов шли не на теорикон, а на «стратиотикон», т. е. на военные нужды. Влияние Эвбула пало. И Перинф и Византий устояли против Филиппа. Перинфу оказывали поддержку персы, которые, как и афиняне, не желали, чтобы македонский царь утвердился на берегах Пропонитиды и в проливах, ведущих в Понт. Византию помогали афиняне, Хиос, Кос, Родос. Филипп снял осаду, предпринял поход на север против скифов и возвратился оттуда в тот момент, когда ему открывался опять удобный случай вмешаться в дела Греции, где вспыхнула новая Священная война.

В собрании амфикионов локры из Амфиссы выступили с обвинениями против афинян, которые принесли дар в Дельфы, когда те захвачены были фокидянами, отметив в надписи союз фиванцев с персами против греков во время персидских войн. В ответ на это Эсхин, бывший тогда афинским пилагором, т. е. представителем, в свою очередь выступил с обвинениями против амфиссян в том, что они вспахали поле, которое по состоявшемуся некогда постановлению амфикионов должно было оставаться не обрабатываемым. Это и дало повод к Священной войне против амфиссян. Филипп, призванный в качестве полководца, немедленно двинулся к Фермопилам и занял Элатею, бывшую ключом к Средней Греции.

Из знаменитой речи Демосфена «О венке» мы знаем, какое потрясающее впечатление произвело на афинян это занятие. «Был уже вечер, — так спустя несколько лет напоминал Демосфен своим соотечественникам об этом моменте, — когда пришла весть пританам, что Элатея занята. Тогда одни, тотчас встав из-за стола, удалили торговцев из палаток на рынке и зажгли плетеные лавки (как тревожный сигнал); другие послали за стратегами и прика-

зали трубить тревогу. Город был полон смятения. На другой день, вместе с рассветом, пританы созвали Совет в булевтерий, а вы отправились в народное собрание, и прежде чем Совет обсудил положение и составил предварительное решение, весь народ уже сидел на местах. Затем, когда Совет пришел в собрание, пританы сообщили полученное известие, ввели вестника и тот рассказал сам, — тогда глашатай спросил: "Кто желает говорить?" Никто не выступил; глашатай несколько раз повторил вопрос — никто не подымался, хотя были тут все стратеги, были тут все ораторы»... Наконец выступил Демосфен. Он предложил отправить послов в Фивы, чтобы заключить с ними союз против Филиппа. Предложение это было принято, и сам Демосфен во главе посольства отправился к фиванцам. Филипп в свою очередь старался склонить последних на свою сторону, давая заманчивые обещания. Но Фивы отвергли его предложение и вступили в союз с афинянами, которые соглашались на все, — брали на себя большую часть издержек, подчинялись предводительству Фив на суше, признавали господство их над Беотией.

Таким образом, прежние еще недавние противники — амфисские локры и фиванцы, с одной стороны, афиняне — с другой, становились союзниками ввиду общности их интересов и общего врага, Филиппа. К ним примкнули Эвбея, Коринф, Мегары, Ахайя и некоторые другие. На первых порах греки имели успех. Но Филипп искусным движением перенес войну в Беотию и дал своим врагам битву при Херонее (338 г.). Здесь должна была решиться участь Греции. По численности силы обеих сторон были почти равные; у греков пехоты даже немного более, чем у македонян. Но во главе греков были вожди, подобные Харесу и Лисиклу³⁸; во главе же македонского войска стоял Филипп, окруженный опытными полководцами, имея в качестве помощника гениального сына — Александра. Сами македоняне были испытанные в боях войны; ими руководила единая воля, и Херонейская битва окончилась поражением греков. Одних афинян пало 1000, и 2000 было взято в плен.

Афиняне, в распоряжении которых находились еще флот и море, с энергией и лихорадочной поспешностью стали принимать меры

³⁸ Он был обвинен потом Ликургом и казнен.

для обороны своего города в ожидании появления у его стен победителя. Гиперид предлагал даже, чтобы вооруженный Совет отправился в Пирей для принятия мер защиты и распоряжений, какие сочтет необходимыми для спасения государства, чтобы рабам дана была свобода, метекам — право гражданства, чтобы государственные должники, лишенные чести, исключенные из списков граждан и изгнанники вновь восстановлены были во всех правах. И это предложение едва не было осуществлено. Оборона города вверена была Фокиону. Но Филипп обнаружил большую умеренность и желание мира, который и был заключен при посредстве попавшего в плен при Херонее оратора Демада, даровитого, но низкого и продажного. По этому *Демидову миру* Афины сохраняли свою самостоятельность; за ними оставались острова Саламин, Делос, Самос, Лемнос и Имброс; они получали Ороп, служивший нередко яблоком раздора между ними и фиванцами, но должны были уступить Филиппу Херсонес Фракийский. Филипп дал пленным афинянам свободу без всякого выкупа, даже одел тех из них, кто был наг, и кости павших отослал в Афины. В благодарность за все это афиняне предоставили Филиппу, его сыну Александру и потомству право афинского гражданства; он был объявлен «благодетелем» города; ему была поставлена статуя на площади.

После этого Филипп отправляется в Пелопоннес и в Коринфе созывает уполномоченных греческих государств. На этом собрании объявлен был общий мир между греками. На будущее время запрещались взаимные войны и междуусобицы, всякие насильственные перевороты и перемены в имущественных отношениях — конфискации, разделы земель, уничтожение долгов, а также возвращение изгнанников, освобождение рабов в революционных целях; обеспечивалась безопасность торговли и плавания. В этих постановлениях находили себе выражение и поддержку преимущественно интересы состоятельного класса, который и служил одной из опор для македонского царя. Социальным реформатором Филипп не выступал; но он стремился положить конец войнам и смутам, взял под свою охрану мир и существующий порядок. Из представителей греческих городов в Коринфе должен был заседать союзный совет, синедрион, который и наблюдал за соблюдением мира и состоявшихся поста-

новлений. Внутри государствам предоставлялась самостоятельность. Между греками и македонским царем устанавливался союз, и Филипп был провозглашен гегемоном Греции в предстоявшей войне с Персией.

Начало эпохи эллинизма и конец самостоятельности Афин

Херонейской битвой заканчивается история независимой Эллады. Начинается новый период мировой истории, который по примеру И.-Г. Дройзена принято называть эпохой *эллинизма*. Это — период «распространения греческого господства и образованности среди отживших культурных народов Востока», когда из слияния начал греческих и восточных возникла так называемая эллинистическая культура. В течение нескольких лет под ударами Александра Македонского пало обширное Персидское царство. Восток соединился с греко-македонским миром. «Мы прожили необычную человеческую жизнь», — говорил современник, оратор Эсхин, в 330 г. «История наших дней покажется сказкой грядущим поколениям. Персидский царь, который прорыл Афон и проложил мост через Геллеспонт, который требовал от эллинов земли и воды и осмеливался называть себя в своих письмах владыкой всех людей от восхода до заката, — он борется теперь уже не за владычество над другими, а за собственную жизнь... А наш город, убежище всех эллинов, куда прежде стекались посольства со всей Эллады, чтобы просить у нас помощи каждое для своего города, — он борется теперь уже не за гегемонию над Элладой, а за собственный клочок земли». Деметрий Фалерский или Фалерейский, младший современник этих событий, замечает:

«Если бы пятьдесят лет назад какой-нибудь бог предсказал будущее персам, или персидскому царю, или македонянам, или царю македонян, — разве они поверили бы, что ныне от персов, которым был подвластен почти весь мир, останется одно имя и что македоняне, которых раньше едва ли кто знал даже имя, будут теперь владычествовать над миром?»³⁹

³⁹ Белох Ю. История Греции. Т. II. С. 520.

Успехи Александра на первый взгляд могут действительно показаться чисто сказочными. Но если ближе всмотреться, то мы увидим, что они были подготовлены предыдущим развитием. На Восток давно уже проникали греки в виде купцов, наемников, авантюристов; вместе с тем начинали проникать и греческое влияние, искусство, вообще культура. Исократ начертил уже и программу, которую лишь в более грандиозных размерах выполнил Александр. Для греков совершившиеся перемены имели не только то значение, что их независимость пала. Тут была и другая сторона: для избежания катастрофы, той социальной революции, которая могла угрожать грекам, надо было пробить те перегородки, которыми окружили эллинов с востока персидская монархия, с запада Карфаген, с севера варвары Италии и Балканского полуострова, и тем снова открыть нации выход наружу; для этого необходимо было устранить политическую раздробленность⁴⁰. В эпоху эллинизма на Восток уходит излишек населения Греции, который до тех пор, вследствие тяжелых политических условий греческого мира, частью погибал в непрерывных войнах, частью все более и более увеличивал число бездомных скитальцев, бродяг на дороге и пиратов на море⁴¹.

Но прежнее значение руководящих греческих государств, в том числе и Афин, пало. Со времени господства Македонии судьбы афинской демократии не представляют общего интереса; они имеют интерес специальный. Цикл развития афинской демократии закончился. Мы коснемся здесь лишь событий, которые являются как бы эпилогом предыдущего.

В 336 г., вскоре после Херонейской победы, Филипп погиб от руки убийцы. Как ни была значительна эта личность, но смерть ее не изменила общего положения Греции: по выражению Фокиона, сила, победившая при Херонее, стала только меньше одним человеком⁴². Притом преемником Филиппа был Александр Великий. В Греции обнаружилось было брожение. При известии о смерти Филиппа Демосфен забыл о своем личном горе, о смерти

⁴⁰ Белох Ю. История Греции. Т. II. С. 292.

⁴¹ Мейер Эд. Экономическое развитие древнего мира. С. 66.

⁴² Pöhlmann R. von. Grundriss... S. 231.

недавно умершей дочери, и явился в Совет и народное собрание в праздничной, белой одежде, с венком на голове. По его предложению была принесена благодарственная жертва, и памяти убийцы воздана честь, несмотря на то, что незадолго перед тем афиняне постановили вручить Филиппу золотой венец и выдать всякого, кто посягнул бы на его жизнь. Достаточно, однако, было появления Александра в Греции, чтобы его гегемония была признана, и движение пока улеглось. Оно вспыхнуло вновь с большей силой во время отсутствия Александра, когда пришла ложная весть о его гибели в войне с иллирийцами. Фиванцы восстали и окружили находившийся в Кадмее македонский гарнизон; афиняне тоже поднялись. Но Александр быстро явился к Фивам и жестоко наказал их: город был разрушен, оставшиеся жители проданы в рабство. Афиняне пришли в смятение и отправили к Александру посольство, поздравляя его со счастливым возвращением и победой. По политическому расчету и из уважения к Афинам Александр отнесся к ним иначе, чем к Фивам, и примирился с ними, отказавшись даже от предъявленного сначала требования выдать главных противников Македонии, в том числе Демосфена, Гиперида и Ликурга.

Наступили мирные годы для Афин. Демосфен, по-видимому, отказался от решительной оппозиции Македонии; он действует иногда заодно с таким ее сторонником, как Демад. Но антагонизм с Эсхином продолжается; он разрешился процессом, в котором Эсхин выступил против Ктесифонта, после Херонейской битвы предложившего наградить Демосфена венком за его заслуги в деле укрепления Афин. По этому поводу Демосфен произнес свою знаменитую речь «О венке». Эсхин проиграл дело, должен был заплатить 1000 драхм штрафа, так как в его пользу не было и пятой части голосов, и навсегда покинул Афины.

Материальное благосостояние и положение финансов в Афинах за эти годы улучшилось. Важные заслуги тут принадлежат Ликургу, который в то время и был главным государственным деятелем в Афинах. Ликург происходил из старинного, знатного рода, отличался строгим образом жизни, честностью, но в то же время и суровым нравом: о его речах говорили, подобно тому, как о законах Драконта, что они написаны не чернилами, а кро-

вью⁴³. В течение 12 лет (338—326 гг.) он заведовал финансами и упорядочил их; доходы он довел до 1200 талантов в год, увеличил при этом флот и т. д. Народное постановление, сделанное в честь Ликурга — уже после его смерти, так перечисляет его заслуги⁴⁴: «Ликург во время своей государственной деятельности установил много прекрасных законов отечеству и был казначеем государственных доходов в течение трех четырехлетий, распределил из государственных доходов 18 900 талантов, собрал на акрополе большое количество денег, приготовил украшение богине (Афине), статуи Победы из цельного золота, золотые и серебряные сосуды и золотые украшения 100 канефорам⁴⁵; будучи избран для заведования военными приготовлениями, собрал на акрополе множество оружия и 50 000 стрел, приготовил 400 годных к плаванию триер, одни починив, другие вновь выстроив; кроме того окончил постройку доков и морского арсенала, достроил театр Диониса, окончил панафинейский стадион, выстроил гимнасий в Ликее и многими другими сооружениями украсил город... Часто отдавая отчет в своей деятельности в свободном демократическом городе, он во все время остался неизобличенным и неподкупным. Итак, чтобы все знали, что народ при жизни высоко ценит людей, постановивших себе правилом верно служить демократии и свободе, и после смерти воздает им приснопамятную благодарность, — в добрый час да постановит народ: воздать хвалу Ликургу, сыну Ликофрона, из Бутад, за его доблесть и честность, воздвигнуть ему от имени народа медную статую на площади, кроме тех мест, где закон запрещает их ставить, дать содержание в Пританее старейшему в потомстве Ликурга на вечные времена, вырезать на каменных плитах все его постановления и поставить на акрополе».

⁴³ К. Ю. Белох называет его «афинским великим инквизитором» (*Beloch K. J. Die attische Politik seit Perikles. S. 273*).

⁴⁴ Латышев В. В. Очерк греческих древностей. 3-е изд. Ч. 1. СПб., 1897. С. 191—192. Постановление приводится в «Жизнеописаниях X ораторов», приписываемых Плутарху; отрывки — в надписях: CIA (= IG), II, № 240; Ditt. Syll², I, № 168. — О Ликурге на рус. яз. есть диссертация: Стасюлевич М. М. Ликург афинский. СПб., 1851.

⁴⁵ Девушки, носившие корзины во время Панафинейского праздника.

Когда спартанский царь Агис поднялся было против Македонии, афиняне не примкнули к этому движению. Но в конце царствования Александра возникли осложнения. Казначей Александра, Гарпал, похитивший громадную сумму денег, набрав наемников, на тридцати кораблях явился к берегам Аттики, в надежде, что афиняне примут его к себе, как получившего уже право афинского гражданства, и воспользуются его средствами для восстания против Македонии. На этот раз афиняне, однако, не приняли Гарпала. Но когда он, оставив наемников и суда у Тенара, в Пелопоннесе, сам опять явился в Афины, ему дали там убежище. На требование выдачи Гарпала афиняне сначала ответили отказом, но затем арестовали его вместе с сокровищами. Но Гарпалу удалось вскоре бежать, а из его сокровищ оказалась целой лишь половина; остальное было расхищено или пошло на подкуп. Возник громкий и запутанный процесс. Расследовать дело поручено было ареопагу. В числе обвиняемых был привлечен и Демосфен, причем его обвинителем был прежний союзник — Гиперид, недовольный тем, что Демосфен раньше высказывался против того, чтобы воспользоваться деньгами и наемниками Гарпала для борьбы с Македонией. Демосфена присудили к 50 талантам штрафа, и так как он не в состоянии был уплатить, то его заключили в тюрьму, а затем он бежал из Афин. Дело Гарпала нарушило прежние отношения с Александром. Затем Александр потребовал, чтобы его признали богом, и только после некоторого колебания и оппозиции афиняне согласились присоединить его к сонму олимпийских богов, в качестве тринадцатого, и построить ему святилище, — характерная черта того времени, явно указывающая, что эпоха прежних демократических Афин миновала. Но еще более должен был взволновать афинян эдикт Александра (324 г.) о возвращении изгнанников на родину. Для самих изгнанников это была мера благодетельная, но она явилась актом самовластного распоряжения македонского царя, без согласия и участия того союзного синедриона, который заседал в Коринфе. Она прямо противоречила прежним постановлениям, сделанным при Филиппе. А главное — изгнанников было много, среди них были политические враги, имена их перешли уже в другие руки, и теперь массовое возвращение изгнанных тревожило многих: оно должно было повести к распрям, внутренней борьбе, к нарушению установившегося

порядка и имущественных отношений. Афиняне должны были расстаться с Самосом, отдать его прежним жителям, изгнанным ими, а своих клерухов выселить оттуда.

И вот, когда умер Александр (323 г.), в Греции вспыхнула война против македонского господства. В ней приняли участие многие греческие государства и главным образом Афины. Против сторонников Македонии началось гонение. Демад за то, что предложил признать Александра богом, был лишен чести и приговорен к штрафу. Аристотель должен был удалиться из Афин. Демосфен же возвратился из изгнания и был встречен восторженно. Во главе греческого войска стал Леосфен. Антипатр был заперт в Ламии, отчего и сама война получила название *Ламийской*. Но Леосфен вскоре погиб, к Антипатру двинулась помощь, и осаду с Ламии пришлось снять, а затем Антипатр соединился с Кратером и при Кранноне победил греков. На море же афинский флот потерпел поражение от македонского флота (у острова Аморгоса). Антипатр отказался вести мирные переговоры с греческими государствами сообща. Пришлось каждому государству в отдельности заключать мир с победителем. Афины сдались на милость и немилость Антипатра (322 г.). Ороп перешел опять к Беотии; Самос отдан был прежним жителям. Самостоятельности Афин был положен конец; македонский гарнизон расположился в Мунихии. Антипатром была произведена перемена и во внутреннем строе Афин: право гражданства оставлено было только за теми, кто имел состояния не менее 2000 драхм, т. е. за более состоятельными, которые главным образом и принадлежали к македонской партии; перед тем всех граждан было 21 000; теперь только 9000 сохранили свои права, а большинство, т. е. 12 000, лишились их; из них многие переселены были во Фракию. Руководящая роль в Афинах перешла к Фокиону и Демаду. Над Демосфеном, Гиперидом и другими ревностными противниками македонского господства произнесен был смертный приговор. Они бежали из Афин. Гиперид был схвачен на Эгине, доставлен живым Антипатру и казнен; Демосфен лишил себя жизни, приняв яд, в Калаврии, в храме Посейдона, чтобы не отдаться в руки преследователей.

Так отнята была самостоятельность у Афин. Потом она вновь была им возвращаема, но ненадолго, и Афины находились в за-

висимости от Македонии, а потом — от Рима. Демократические формы большей частью оставались, но они утратили былое значение.

Мы видели, как чрезвычайно последовательно, чисто органически шло развитие государственного строя Афин. Постепенно совершается переход от монархии к аристократии, затем так же постепенно демократия занимает место аристократии. Вспомним, например, как лишь мало-помалу открывался низшим классам доступ к должностям, как совершалась демократизация Афин после Клисфена, как «пережитки», вроде двойного жребия, сохранялись в последующем строе Афин. Тиран Писистрат во многом является продолжателем и даже завершителем дела «первого предстателя демоса» Солона и предшественником таких его вождей, как Фемистокл и Перикл; Клисфеновы филы и триттии имеют уже своих предшественниц; Перикл оказывается вовсе не таким новатором, каким его иногда изображали новейшие историки. Афинская демократия была чисто народным созданием, результатом работы целого ряда деятелей и поколений, а не результатом честолюбия и интриг отдельных личностей. Достигнув блестящего расцвета в период Пятидесятилетия, она во время злосчастной Пелопоннесской войны пережила тяжелый кризис, внутренний и внешний, и стала клониться к упадку. Она в самой себе носила некоторые внутренние противоречия и элементы последующего разложения. Это разложение, недостаток в организации афинского правительства, политическая раздробленность Греции, раздоры и социальные недуги, не говоря уже об ослаблении энергии граждан и порче нравов, привели Афины к падению.

Афинская демократия, насколько нам известно, впервые в истории сознательно и ясно поставила идеалом свободу и равноправие, и свободу не необузданную или анархическую, а в сочетании с законом. Мы видим, как в ней нередко проводится принцип самоограничения: державный демос сам пытается ограничить себя. Конечно, действительность иногда далеко расходилась с идеалом; афинская демократия имела свои недостатки; на ее памяти немало грехов и даже преступлений. Но чтобы правильно оценить эту демократию, надо судить о ней с точки зрения того

времени, современных ей порядков и условий тогдашнего мира. Она, например, не отрешилась от рабства, которое в древнем мире было так распространено, но все же она его часто смягчала, вносила и в эти отношения человечность. Вообще, несмотря на некоторые печальные исключения, человечность — одна из наиболее характерных черт афинской демократии, особенно в лучшую ее пору. А чистая человечность, по словам поэта, искупает все человеческие недостатки:

Alle menschliche Gebrechen
Sühnet reine Menschlichkeit.

Гете

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Списки афинских царей и архонтов¹

Легендарные афинские цари

Кекроп I	1556-1506 ²
Кранай	1506-1497
Амфиктион	1497-1487
Эрихтоний	1487—1437
Пандион I	1437-1397
Эрехтей	1397-1347
Кекроп II	1347-1307
Пандион II	1307-1282
Эгей	1282-1234
Тесей	1234-1204
Менесфей	1204-1181
Демофонт	1181—1148
Оксинт	1148-1136
Афидас	1136-1135
Тимет	1135-1127
Меланф	1127-1090
Кодр	1090-1069

¹ Нижеследующие списки печатаются по изданию: *Пельман Р. фон.* Очерк греческой истории и источниковедения / Пер. с нем. А. С. Князькова под ред. проф. С. А. Жебелёва. Научная ред. нового издания, примечания и дополнения М. М. Холода, С. М. Жестоканова. СПб., 1999. С. 459-463.

² Даты правления афинских царей, пожизненных и десятилетних архонтов даны по «Хронике» Евсевия Кесарийского.

Пожизненные афинские архонты

Медонт	1069-1049
Акаст	1049-1013
Архипп	1013-994
Терсипп	994-953
Форбас	953-922
Мегакл	922-892
Диогнет	892-864
Ферекл	864-845
Арифрон	845-825
Теспией	825-798
Агаместор	798—778
Эсхил	778-755
Алкмеон	755—753

Десятилетние афинские архонты

Харопс	753—743
Эсимид	743-733
Клидик	733—723
Гиппомен	723—713
Леократ	713-703
Апсандр	703-693
Эриксиад	693—683

Годичные афинские архонты

Креон	683	Аристокл	605
Тлесий	681		604
Леострат	671	Критий	или 596
Писистрат	669	Филомброт	595
Автосфен	668	Солон	594
Мильтиад	664	Дропид	593
Мильтиад	659		592
Дропид	644	Эвкрат	или 591
Дамасий	639	Симон	590
	636		583
Мегакл	или 632	Дамасий	582
	621		581
Аристехм	или 620	Архестратид	577
Гениохид	615	Аристомен	570

Гиппоклид	566	Менон	473
Комей	561	Харет	472
Гегестрат	560	Праксиерг	471
Гегесий	556	Демотион	470
Эвтидем	555	Апсефион	469
Эрксиклид	548	Феагенид	468
Ферикл	533	Лисистрат	467
Филоней	528	Лисаний	466
Онеторид?	527	Лиситей	465
Гиппий	526	Архедемид	464
Клисфен	525	Тлеподем	463
Мильтиад	524	Конон	462
Каллиад?	523	Эвтипп	461
Писистрат?	522	Фрасикл	460
Гарпактид	511	Филокл	459
Исагор	508	Габрон	458
Алкмеон?	507	Мнесифид	457
Акесторид	504	Каллий	456
Гермокреон	501	Сосистрат	455
Смирос	500	Аристон	454
Архий	497	Лисикрат	453
Гиппарх	496	Херефан	452
Филипп	495	Антидот	451
Пифокрит	494	Эвтин	450
Фемистокл	493	Педией	449
Диогнет	492	Филиск	448
Гибрилид	491	Тимархид	447
Фенипп	490	Каллимах	446
Аристид	489	Лисимахид	445
Анхис	488	Пракситель	444
Телесин	487	Лисаний	443
?	486	Дифил	442
Филократ	485	Тимокл	441
Леострат	484	Морихид	440
Никодем	483	Главкин	439
?	482	Феодор	438
Гипсихид	481	Эвтимен	437
Каллиад	480	Лисимах	436
Ксантипп	479	Антиохид	435
Тимосфен	478	Кратет	434
Адимант	477	Апсевд	433
Федон	476	Пифодор	432
Дромоклид	475	Эвтидем	431
Акесторид	474	Аполлодор	430

Эпаминон	429	Мистихид	386	Сосиген	342	Деметрий	309
Диотим	428	Дексифей	385	Никомах	341	Харин	308
Эвклес	427	Диитреф	384	Феофраст	340	Анаксикрат	307
Эвтин	426	Фанострат	383	Лисимахид	339	Кореб	306
Стратокл	425	Эвандр	382	Херонд	338	Эвксенипп	305
Исарх	424	Демофил	381	Фриних	337	Ферекл	304
Аминий	423	Пифей	380	Пифодел	336	Лоестрат	303
Алкей	422	Никон	379	Эвенет	335	Никокл	302
Аристион	421	Навсиник	378	Ктесикл	334	Клеарх	301
Астифил	420	Каллей	377	Никократ	333	Гегемах	300
Архий	419	Харисандр	376	Никет	332	Эвктемон	299
Антифон	418	Гипподам	375	Аристофан	331	Мнесидем	298
Эвфем	417	Сократил	374	Аристофон	330	Антифат	297
Аримнест	416	Астий	373	Кефисофон	329	Никий	296
Харий	415	Алкисфен	372	Эвтикрит	328	Никострат	295
Тисандр	414	Фрасиклид	371	Гегемон	327	Олимпиодор	294
Клеокрит	413	Дисникет	370	Хремес	326	Филипп	293
Каллий	412	Лисистрат	369	Антикл	325	Лисий	292
Мнесилох (2 мес.)	411	Навсиген	369	Гегесий	324	Кимон	291
Феопомп (10 мес.)		Полизел	367	Кефисодор	323	?	290
Главкипп	410	Кефисодор	366	Филокл	322	Аристоним?	289
Диокл	409	Хион	365	Архипп	321	Ксенофонт	288
Эвктемон	408	Тимократ	364	Неехм	320	Диокл	287
Антиген	407	Хариклид	363	Аполлодор	319	Диотим	286
Каллий	406	Молон	362	Архипп	318	Исей	285
Алексий	405	Никофем	361	Демоген	317	Эвтий	284
Пифодор	404	Каллимед	360	Демоклид	316	Менекл	283
Эвклид	403	Эвхарист	359	Праксибул	315	Никий	282
Микон	402	Кефисодот	358	Никодор	314	Урий	281
Ксененет	401	Агафокл	357	Феофраст	313	Горгий	280
Лахет	400	Эльпин	356	Полемон	312	Анаксикрат	279
Аристократ	399	Каллистрат	355	Симонид	311	Демокл	278
Эвтикл	398	Диотим	354	Гиеромнемон	310		
Суниад	397	Фудем	353				
Формион	396	Аристодем	352				
Диофант	395	Феелл	351				
Эвбулид	394	Аполлодор	350				
Демострат	393	Каллимах	349				
Филокл	392	Феофил	348				
Никотел	391	Фемистокл	347				
Демострат	390	Архий	346				
Антипатр	389	Эвбул	345				
Пиргион	388	Ликиск	344				
Феодот	387	Пифодот	343				

Афинские месяцы

1. Гекатомбеон (июль—август)	7. Гамелион (январь—февраль)
2. Метагитнион (август—сентябрь)	8. Анфестерион (февраль—март)
3. Боедромион (сентябрь—октябрь)	9. Элафеболион (март—апрель)
4. Пианепсион (октябрь—ноябрь)	10. Мунихион (апрель—май)
5. Мемактерион (ноябрь—декабрь)	11. Фаргелион (май—июнь)
6. Посидеон (декабрь—январь)	12. Скиросюрион (июнь—июль)

Меры жидкости и сыпучих тел

Медимн — 52,53 л
Амфора — 40 л
Метрет — 39,5 л
Хой — 3,28 л
Хеник — 1,1 л
Котила — 0,274 л
Киаф — 0,0456 л

Меры веса и емкости

Талант аттический (серебряный) — 26,196 кг = 60 мин
Мина — 341,20 г = 100 драхм
Драхма — 4,366 г = 6 оболов
Обол — 0,728 г = 8 халков
Халк — 0,09 г = 2 лепты

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ АФИН

1. Демократия и ее институты

Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подготовили Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1996.

Бузескул В. П. Афинская демократия. Общий очерк. Харьков, 1920.

Маринович Л. П. Античная и современная демократия: новые подходы. Курс лекций. М., 2001.

Строгоцкий В. П. Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987.

Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII—V вв. до н. э.). СПб., 2002.

Athenian Political Thought and the Reconstruction of American Democracy / Ed. by J. P. Euben, J. R. Wallach, J. Ober. Ithaca; London, 1994.

Bleicken f. Die athenische Demokratie. 2. Aufl. Paderborn, 1994.

Bonner R. J. Aspects of Athenian Democracy. Berkeley, 1933.

Caldenni A. L'ostracismo. Milano, 1945.

Carcopino J. L'ostracisme athenien. 2-eme ed. Paris, 1935.

Cloche P. La democratic athenienne. Paris, 1951.

Democracy 2500? Questions and Challenges / Ed. by I. Morris, K. Raflaub. Dubuque (Iowa), 1997.

Demokratia. A Conversation on Democracies, Ancient and Modern / Ed. by J. Ober, C. Hedrick. Princeton, 1996.

Demokratia. Der Weg zur Demokratie bei den Griechen / Hrsg. K. Kinzl. Darmstadt, 1995.

Die athenische Demokratia im 4. Jahrhundert v. Chr. Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Akten eines Symposiums 3.—7. August 1992, Bellagio / Hrsg. von W. Eder. Stuttgart, 1995.

Farrar C. The Origins of Democratic Thinking. The Invention of Politics in Classical Athens. Cambridge, 1988.

Finley M. I. Democracy Ancient and Modern. London, 1973.

Frost F. J. Democracy and the Athenians. Aspects of Ancient Politics. New York, 1969.

Hansen M. H. The Athenian Ecclesia. A Collection of Articles 1976-1983. Copenhagen, 1983.

Hansen M. H. The Athenian Assembly in the Age of Demosthenes. Oxford, 1987.

Hansen M. H. The Athenian Ecclesia II. A Collection of Articles 1883-1989. Copenhagen, 1989.

Hansen M. H. Was Athens a Democracy? Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought. Copenhagen, 1989.

Hansen M. H. The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes. Structure, Principles and Ideology. Oxford; Cambridge (Mass.), 1991.

Harrison A. R. W. The Law of Athens. Vol. 141. Oxford, 1968-1971.

Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution to the End of Fifth-Century B. C. Oxford, 1952.

Hopper R. J. The Basis of the Athenian Democracy. Sheffield, 1957.

Jones A. H. M. Athenian Democracy. Oxford, 1957.

Kagan D. Pericles of Athens and the Birth of Democracy. New York, 1991.

Kosmos. Essays in Order, Conflict and Community in Classical Athens / Ed. by P. Cartledge, P. Millen, S. von Reden. Cambridge, 1998.

Laix R. A. de. Probouleusis at Athens. A Study of Political Decision-Making. Berkeley; Los Angeles, 1973.

MacDowell D. M. The Law in Classical Athens. London, 1978.

Mosse C. La fin de la democratic athenienne. Paris, 1962.

Nomos. Essays in Athenian Law, Politics and Society / Ed. by P. Cartledge, P. Millett, S. Todd. Cambridge, 1993.

Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989.

Ober J. The Athenian Revolution. Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999.

Osborne R. Demos: the Discovery in Classical Attika. Cambridge, 1985.

Ostwald M. Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxford, 1969.

Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law: Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley; Los Angeles, 1986.

Rhodes P. J. The Athenian Boule. Oxford, 1972.

Romilly J. de. Problemes de la democratic grecque. Paris, 1975.

Sacconi A. La democrazia di Pericle. Roma, 1960.

Sealey R. The Athenian Republic: Democracy or the Rule of Law? Pennsylvania, 1987.

Sinclair R. K. Democracy and Participation in Athens. Cambridge, 1989.

Siier H. E. Die klassische Demokratie. Köln, 1954.

The Good Idea: Democracy and Ancient Greece. Essays in Celebration of the 2500-th Anniversary of its Birth in Athens / Ed. by J. A. Koumoulides. New York, 1995.

Thomsen R. The Origin of Ostracism: A Synthesis. Copenhagen, 1972.

Traill J. S. The Political Organisation of Attica: A Study on the Demes, Trittyes and Phylai and their Representation in the Athenian Council. Princeton, 1975.

Vanderpool E. Ostracism at Athens. Ohio, 1970.

Wallace R. W. The Areopagos Council to 307 B. C. Baltimore, 1989.

Yunis H. Taming Democracy. Models of Political Rhetoric in Classical Athens. Ithaca; London, 1996.

II Общество и государство

Бузескул В. П. Перикл (историко-критический этюд). Харьков. 1889.

Бузескул В. П. Афинская Политика Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V века. Харьков, 1895.

Бузескул В. П. Перикл. Личность, деятельность, значение. Л., 1923.

Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975.

Доватур А. И. Рабство в Аттике VI—V вв. до н. э. Л., 1980.

Жебелёв С. А. Из истории Афин, 229-31 гг. до Р. Х. СПб., 1898.

Зелъин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964.

Колобова К. М. Возникновение и развитие Афинского государства (X - VI вв. до н. э.). Л., 1958.

Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961.

Корзун М. С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444—425 гг. до н. э. Минск, 1965.

Паршиков А. Е. Исследования по истории афинской морской державы. М., 1976.

Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957.

Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII - V вв. до н. э. М., 2000.

Фролов Э. Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V века до н. э. Л., 1964.

Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху / Пер. с нем. Ю. Г. Виноградова. М., 1999.

Accame S. La lega Ateniese del secolo IV a. C. Roma, 1941.

Amit M. Athens and the Sea. A Study in Athenian Sea-Power. Bruxelles, 1965.

Babelon J. Alcibiade, 450-404 av. J.-C. Paris, 1935.

Baudot-Lamotte E. Athenes et l'Attique. Paris, 1941.

Bengtson H. Einzelpersönlichkeit und athenischer Staat zur Zeit des Peisistratos und des Miltiades. München, 1939.

Bicknell P. J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden 1972.

Bournot F. Recherches sur la nature du genos. Étude d'histoire sociale athénienne. Périodes archaïque et classique. T. I—II. Lille; Paris, 1976.

Brun P. Eisphora — Syntaxis — Stratiotika. Recherches sur les finances militaires d'Athènes au IV siècle av. J.-C. Paris, 1983.

Bowra C. M. Periclean Athens. New York, 1971.

Burn A. R. Pericles and Athens. London, 1948.

Calame C. Thésée et l'imaginaire athénien. Lausanne, 1991.

Cargill J. The Second Athenian League. Empire or Free Alliance? Berkeley; Los Angeles, 1981.

Châtelet F. Périclès et son siècle. Paris, 1990.

Cloché P. La politique étrangère d'Athènes de 464 à 338 av. J.-C. Paris, 1934.

Cloché P. Le siècle de Périclès. Paris, 1949.

Cloché P. Démosthènes et la fin de la démocratie athénienne. Paris, 1957.

Calhoun C. M. The Business Life of Ancient Athens. Chicago, 1926.

Connor W. R. The New Politicians of Fifth Century Athens. Princeton, 1971.

Cornelius F. Die Tyrannis in Athen. München, 1929.

Davies J. K. Athenian Propertied Families 600-300 B. C. Oxford, 1971.

Davies J. K. Wealth and the Power of Wealth in Classical Athens. Salem, 1981.

Day J., Chambers M. Aristotle's History of Athenian Democracy. Berkeley, 1962.

Delcourt M. Périclès. Paris, 1939.

De Sanctis C. Pericle. Milano, 1944.

De Sanctis C. Atthis. Storia della repubblica ateniese dalle origini alla età di Pericle. 3-nda ed. Firenze, 1975.

Deubner L. Attische Feste. Berlin, 1932.

Dreher M. Hegemon und Symmachoi. Untersuchungen zum Zweiten Athenischen Seebund. Berlin; New York, 1995.

Ehrenberg V. Sophocles and Pericles. Oxford, 1954.

Ehrenberg V. The People of Aristophanes. New York, 1962.

Ehrenberg V. From Solon to Socrates. Greek History and Civilization During the VIth and Vth Centuries B. C. London, 1968.

Eliot C. W. Coastal Demes of Attica. A Study of the Policy of Kleisthenes. Toronto, 1962.

Ellis W. M. Alcibiades. London; New York, 1989.

Engels J. Studien zur Biographie des Hypereides. Athen in der Epoche der lykurgischen Reformen und des makedonischen Universalreiches. München, 1989.

Fergusson W. S. Hellenistic Athens. London, 1911.

Ferrara C. La politica di Solone. Napoli, 1964.

Fine J. V. A. Horoi. Studies in Mortgage, Real Security and Land Tenure in Ancient Athens. Baltimore, 1951.

Finley M. I. Studies in Land and Credit in Ancient Athens 500-200 B. C. New Brunswick, 1952.

Fornara Ch. W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971.

Fornara Ch. W., Samons L. J. Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991.

Freeman K. The Work and Life of Solon. London, 1926.

French A. The Growth of the Athenian Economy. London, 1964.

Gagarin M. Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven, 1981.

Cehrke H.-J. Phokion. Studien zur Erfassung seiner historischen Gestalt. München, 1976.

Comme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C. (repr. ed.). Westport, 1986.

Comme A. W., Andrewes A., Dover K. J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I-V. Oxford, 1945-1970.

Harris E. M. Aeschines and Athenian Politics. New York; Oxford, 1995.

Hatzfeld J. Alcibiade. Etude sur l'histoire d'Athènes à la fin du Ve siècle. Paris, 1940.

Hill I. T. The Ancient City of Athens: Its Topographic and Monuments. London, 1953.

Hann K. Solon: Staatsmann und Weiser. Wien, 1948.

Homo L. Pericles. Une expérience de démocratie dirigée. Paris, 1954.

Jarde' A. **Athenes** ancienne. Paris, 1930.

Jones A. H. M. The Athens of Demosthenes. London, 1952.

Jordan B. The Athenian Navy in the Classical Period. Berkeley; Los Angeles, 1975.

Judeich W. Topographie von Athen. 2 Aufl. München, 1931.

Karo C. Athen und Umgebung. Berlin, 1937.

Kirchner I. Prosopographia Attica. Bd. I—II- Berlin, 1901-1903.

Knell H. Perikleische Baukunst. Darmstadt, 1979.

Knight D. W. Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B. C. Wiesbaden, 1970.

Komemann E. Athen und Attika. Leipzig, 1934.

Labarbe J. La loi navale de Themistocle. Paris, 1957.

Ledl A. Studien zur älteren athenischen Verfassungsgeschichte. Heidelberg, 1914.

Lehman-Haupt C. F. Solon of Athens. Liverpool, 1912.

Leveque P., Vidal-Naquet P. Clisthène l'Athénien. Paris, 1964.

Levy E. Athenes devant la defeat de 404. Histoire d'une crise ideologique Paris, 1976.

Linforth I. M. Solon the Athenian. Berkeley, 1919.

Lipsius J. H. Attisches Recht. Hildesheim, 1966.

Liftman R. J. Kinship and Politics in Athens 600-400 B. C. New York 1990.

MacKendrick P. The Athenian Aristocracy 399 to 31 B. C. Cambridge (Mass.), 1969.

Marshall F. H. The Second Athenian Confederacy. Cambridge, 1905.

Masarachia A. Solone. Firenze, 1958.

Maunac C. Athenes antique. Paris, 1919.

McGregor M. F. The Athenians and their Empire. Vancouver, 1987.

Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972.

Mitchell F. W. Lykourgan Athens: 338-332 B. C. Cincinnati, 1970.

Meritt B. D., Wade-Gary H. T., McGregor M. F. The Athenian Tribute Lists. Vol. I-IV. Cambridge (Mass.); Princeton, 1939-1953.

Montgomery H. The Way to Chaeronea. Foreign Policy, Decision-Making and Political Influence in Demosthenes' Speeches. Bergen, 1983.

Mosse' C. Athens in Decline, 404-86 B. C. London; Boston, 1973.

Muirhead L. R. Athens and Environs. London, 1962.

Nesselhauf H. Untersuchungen zur Geschichte der delisch-attischen Symmachie. Leipzig, 1933.

Parke H. W. Festivals of the Athenians. London, 1986.

Parker R. Athenian Religion. A History. Oxford, 1996.

Piccirilli L. Temistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987.

Podlecki A. J. The Life of Themistocles. Montreal, 1975.

Rhodes P. J. A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxford, 1981.

Robertson H. G. The Administration of Justice in the Athenian Empire. Toronto, 1924.

Rossiter S. Athens und Environs. 2-nd ed. Chicago, 1981.

Schachermeyr F. Perikles. Stuttgart, 1969.

Schmitz W. Wirtschaftliche Prosperität, soziale Integration und die Seebundpolitik Athens. München, 1988.

Schuller W. Die Herrschaft der Athener im ersten attischen Seebund. Berlin, 1974.

Sealy R. Demosthenes and his Time. A Study in Defeat. New York; London, 1993.

Selmon C. T. Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambridge, 1924.

Smith J. A. Athens under Tyrants. Bristol, 1989.

Stroud R. Drakon's Law on Homicide. Berkeley; Los Angeles, 1968.

Stroud R. The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon. Berkeley, 1979.

Vidal-Naquet P. Athenes au temps de Pericles. Paris, 1965.

Weber C. W. Perikles. Das goldene Zeitalter von Athen. München, 1985.

Webster T. B. L. Athenian Culture and Society. Berkeley, 1973.

Welwei K.-W. Athen. Von neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen polis. Darmstadt, 1992.

Will W. Athen und Alexander. Untersuchungen zur Geschichte der Stadt von 338 bis 332 v. Chr. München, 1983.

Williams J. M. Athens without Democracy: The Oligarchy of Phocion and the Tyranny of Demetrius of Phalerum, 322-307 B. C. Ann Arbor, 1982.

Woodhouse W. J. Solon the Liberator. Oxford; London, 1938.

Wrede W. Attika, Athen. Athen, 1933.

СОДЕРЖАНИЕ

Э. Д. Фролов, В. П. Бузескул — историк античной демократии . . .	5
От редакции	30
Предисловие	31
Введение. Общий ход греческой истории с VIII по VI в. до Р. Х.	33
Падение царской власти и владычество знати	33
Колонизация, экономический переворот и возвышение демоса . .	41
Борьба демоса с аристократией и тирания	48
ДЕМОКРАТИЯ В АФИНАХ	
I. Начало	
Переход от монархии к архонтату	59
Килонова смута, законодательство Драконта и экономический	
кризис	68
Солон	79
Новые смуты и тирания Писистратидов	96
Реформы Клисфена	107
II. Расцвет	
Эпоха Греко-персидских войн	123
Первые годы «Пятидесятилетия». Кимон и Эфиальт	137
Реформа ареопага. Суд присяжных, Совет и народное собрание .	146
Время борьбы из-за гегемонии на суше	162
Перикл	170
«Правление первого мужа»	180
Основные черты афинской демократии. Свобода и равноправие.	
Идеал и действительность	203
Положение женщины в Афинах	220
Метеки и рабы	230
Отношение к союзникам	242
III. Кризис	
Начало Пелопоннесской войны	253
Демагоги и стратеги. Клеон и Никий	269

Война от смерти Перикла до Никиева мира и ее влияние	
на общество	277
Темные стороны афинской демократии	290
Недовольные. Сельский класс и олигархи. Политическая	
литература	301
Алкивиад, процесс гермокопидов и Сицилийская экспедиция . .	318
Олигархический переворот 411 г.	337
Последние годы Пелопоннесской войны	354
Тирания Тридцати и восстановление демократии	366
Суд над Сократом	380

IV. Упадок

От восстановления демократии до Анталкидова мира	393
Второй Афинский союз и финансовые реформы	402
Внутреннее состояние Афин в IV в	413
Отношение философов и публицистов того времени к демо-	
кратии. Монархические идеи	429
Афины и Филипп Македонский	444
Начало эпохи эллинизма и конец самостоятельности Афин . . .	457

ПРИЛОЖЕНИЯ	465
----------------------	-----

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ АФИН	471
--	-----

Все новинки из области литературы по гуманитарным дисциплинам
(история, философия, социология, филология, культурология,
психология, религиоведение, литературоведение)

Вы всегда сможете приобрести

в новом книжном магазине

«ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ»

Кроме того Вашему вниманию предлагается широкий выбор современной и классической *некоммерческой* художественной литературы; книги по искусству и архитектуре, литература о кино, театре, музыке и многое другое!

Мы ждем Вас по адресу:

Лесной пр., д. 8

(5 мин. пешком от ст. метро «Площадь Ленина»)

Тел.: (812) 542-82-12; 541-86-39

по будним дням с 10.00 до 19.00

и в субботу с 11.00 до 18.00

(Выходной день — воскресенье)

Научное издание

Бузескул Владислав Петрович

ИСТОРИЯ АФИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Главный редактор *Ю. С. Довженко*

Корректор *Я. Ю. Шувалова*

Художник *П. П. Лосев*

Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Лицензия ЛП № 000333 от 15.12.1999

Издательский Центр «Гуманитарная Академия»,
194044, Санкт-Петербург, Лесной пр., 8.

Подписано в печать 24.12.2002. Формат 84х108³/32.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.

Тираж 1200 экз. Заказ № 4074.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН,
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.